This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

3 2044 021 945 167

Soc 3983.56.5

HARVARD
COLLEGE
LIBRARY

Кол. 11.
VII, 38.
45
739

СЕМНАДЦАТОЕ ПРИСУЖДЕНІЕ

УЧРЕЖДЕННЫХЪ

П. Н. ДЕМИДОВЫМЪ

НАГРАДЪ.

17 Апрѣля 1848 года.

ЛЬВІВСЬКА ДЕРЖАВНА ОБЛАСНА БІБЛІОТЕКА
БИБЛІОТ. С.-ПЕТЕРБУРГ. ПЕРВОЙ ГИМН.
PRISUZH. DEMIDOV. NAGRAD.
17 19.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Въ типографіи Императорской Академіи Наукъ

1848.

ПЕР 60

4
LSoc 3983.56.5 (17-19)

HARVARD UNIVERSITY
LIBRARY
DEC 29 1981

81*2

3732 047

ОБЩІЙ ОТЧЕТЪ

О

СЕМНАДЦАТОМЪ-ПРИСУЖДЕНІИ

ДЕМИДОВСКИХЪ НАГРАДЪ,

СОСТАВЛЕННЫЙ

НЕПРЕМѢННЫМЪ СЕКРЕТАРЕМЪ

ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ

И ЧИТАННЫЙ

ВЪ ПУБЛИЧНОМЪ СОБРАНІИ СЕЙ АКАДЕМІИ.

Число соискательныхъ сочиненій, поступившихъ отъ авторовъ въ Демидовскій Конкурсъ 1847го года, въ срокъ закрытія Конкурса простиралось до 32хъ номеровъ. Къ нимъ причислено рукописное сочиненіе оставшееся отъ прошлогодняго Конкурса за неполученіемъ въ срокъ рецензіи, по причинѣ болѣзни рецензента, а въ послѣдствіи еще три книги, порученныя вниманію Академіи отъ дѣйствительныхъ Членовъ ея, безъ вѣдома авторовъ. Съ другой стороны, при самомъ закрытіи Конкурса, признано необходимымъ исключить изъ онаго одно сочиненіе за давностію изданія (1844 и 1845 годовъ) и два, за незначительностію объема и маловажностію предмета; такъ что за тѣмъ весь Конкурсъ оказался состоящимъ изъ тридцати трехъ номеровъ или заглавій. Относительно предметовъ, сіи сочиненія могутъ быть распредѣлены по слѣдующимъ разрядамъ наукъ:

По наукамъ математическимъ
По Географіи, Этнографіи и Путешествіямъ . . . . . } по пяти, и того 10.

По Филологіи и Лексикографіи . . . . . 4.

По естественнымъ наукамъ .	по три, и того 12.
По политическимъ наукамъ .	
По Исторіи	
По Правовѣдѣнію	
По Физикѣ	по два, и того 4.
По Химіи	
По военнымъ наукамъ	по одному, и того 3.
По Медицинѣ	
По Русской Словесности . .	
Всего	33.

Изъ нихъ:

на Русскомъ языкѣ 27, на иностранныхъ 4, словарей 2 . . . . . (33)

печатныхъ книгъ 21, неконченныхъ печатаніемъ 5, рукописныхъ 7 . . . . . (33)

Двадцать три номера разсмотрѣны и разобраны въ самой Академіи 20ю Академиками; остальные *десять* посторонними учеными по выбору Академіи.

На сей разъ, со стороны рецензентовъ удостоено полной преміи одно только сочиненіе, второстепенныхъ же премій, не менѣе 18ти. Сверхъ того одобрѣно, но за неокончаніемъ не удостоено премій 4 номера, почетнаго отзыва 2, и 8 только сочиненій признаны незаслуживающими награды.

Такъ какъ проценты на хранящійся въ Государственномъ Заемномъ Банкѣ Демидовскій капиталъ, не наросли еще до количества новой второстепенной преміи, то въ распоряженіи Академіи и на сей разъ имѣется не болѣе 20,000 рублей ассигн. на преміи, не считая 5,000 руб-

лей ассигн. назначенныхъ учредителемъ въ пособіе авторамъ увѣнчанныхъ рукописей, для изданія въ свѣтъ трудовъ ихъ; а какъ представленное къ увѣнчанію полною преміею сочиненіе, Академіею не удостоено сей *первостепенной* награды, то оставалось изъ девятнадцати уже сочиненій избрать *восемь* достойнѣйшихъ, для увѣнчанія ихъ половинными или поощрительными преміями.

Предлагаемъ на судъ просвѣщенной отечественной публики результатъ добросовѣстнаго приговора нашего, и усердно желаемъ чтобы взысканные нами, большею частію молодые авторы видѣли въ немъ желаніе наше ободрить посильные труды ихъ и поощрить ихъ къ дальнѣйшимъ успѣхамъ на поприщѣ наукъ, и чтобы съ другой стороны, приговоръ сей показался не слишкомъ строгимъ тѣмъ изъ соискателей, на долю коихъ премія не выпала, за неимѣніемъ лишь на то способовъ.

Изчислимъ напередъ, для облегченія обзора нынѣшняго Конкурса, заглавія восьми сочиненій удостоенныхъ второстепенныхъ премій:

Нервандера, Профессора при Александровскомъ Университетѣ въ Гельсингфорсѣ: Observations faites à l'Observatoire magnétique et météorologique de Helsingfors; обширная рукопись, которой не большая часть только напечатана. Рецензія Академика *Купфера*.

Игнатія Коссовича, Греческо-Русскій Словарь. Москва 1847 г. двѣ части. Рецензія Академика *Грефе*.

Сомова, Экстраординарнаго Профессора при С. Петербургскомъ Университетѣ: Аналитическая теорія вол-

нообразнаго движенія эфира. Спб. 1847 г. Рецензія Академика *Остроградскаго.*

Павла Савельева, Мухаммеданская Нумизматика въ отношеніи къ Русской Исторіи. Спб. 1847 г. Рецензія Академиковъ *Устрялова* и *Дорна.*

Базинера, Naturwissenschaftliche Reise durch die Kirgisensteppe im Jahre 1842; рукопись. Рецензія Академиковъ *Мейера* и *Гельмерсена.*

Билярскаго, Судьбы церковнаго языка: I. О среднеболгарскомъ вокализмѣ, по патріаршему списку лѣтописи Манассіи; особый оттискъ изъ Mémoires des Savants étrangers; II. О Кирилловской части Реймскаго Евангелія; рукопись. Рецензія Академика *Востокова.*

Давидова, Теорія равновѣсія тѣлъ, по руженныхъ въ жидкость; Москва 1848 г. (Представлено было въ рукописи). Рецензія Академиковъ *Остроградскаго* и *Буняковскаго.*

Горлова, нынѣ Профессора при С.-Петербургскомъ Университетѣ, Обозрѣніе Экономической Статистики Россіи; рукопись. Рецензія Академика *Кеппена.*

Сверхъ того удостоены почетнаго отзыва абсолютнымъ большинствомъ голосовъ слѣдующія четыре сочиненія.

Монаха Іакинѳа, Китай въ гражданскомъ и нравственномъ состояніи. Спб. 1848 г. 4 части Рецензія Профессора *Ковалевскаго.*

Богдановича, Профессора Военной Академіи, Записки

Стратегіи, Спб. 1847 г. 2 части. Рецензія Генералъ-Лейтенанта Барона *Зедделера*.

Чистякова, Курсъ Теоріи Словесности. Спб. 1847 г. 2 части. Рецензія Академика *Давыдова*.

Линовскаго, Изслѣдованія началъ уголовнаго права, изложенныхъ въ Уложеніи Царя Алексѣя Михайловича. Одесса 1847 г. Рецензія Профессора *Неволина*.

Нѣкоторыя другія сочиненія, равно достойныя сего отличія, суть или рукописи, могущія по напечатаніи возобновить притязаніе свое на премію въ одинъ изъ слѣдующихъ Конкурсовъ, или такія творенія, которыя были представлены не самими сочинителями, а безъ вѣдома ихъ, Академиками. Въ томъ и другомъ случаѣ, по легкопонятнымъ причинамъ, принято за правило, о такихъ сочиненіяхъ публично не упоминать. Авторамъ одобрѣнныхъ, но не увѣнчанныхъ рукописей сообщаются копіи съ рецензій.

Изложимъ теперь вкратцѣ на основаніи рецензій, содержаніе и достоинства увѣнчанныхъ сочиненій:

I.

Observations faites a l'observatoir magnétique et météorologique de Helsingfors, par le Professeur *Nervander*.

Трудъ Профессора Нервандера, по предмету своему, столь тѣсно связанъ со всѣмъ, что сдѣлано въ наше время для развитія ученія о магнетизмѣ, что мы считаемъ необходимымъ, предварительно сказать нѣсколько

словъ о тѣхъ пріобрѣтеніяхъ, которыя наука съ недавняго времени сдѣлала въ этой области.

Чтобы хорошо понять важность нашей эпохи въ исторіи развитія наукъ наблюдательныхъ, нужно сперва оглянуться на начало неизмѣримаго поприща, ими пройденнаго Едва эти науки вышли изъ того таинственнаго мрака, которымъ онѣ были облечены въ самомъ дѣтствѣ, мы видимъ ихъ обращенными къ изученію великихъ явленій природы. Въ то время еще не знали, что нельзя постигнуть ея тайнъ, не упростивъ напередъ сложныхъ ея дѣйствій, не размотавъ, такъ сказать, одну за другою запутанныя ея нити повтореніемъ въ маломъ видѣ тѣхъ явленій, которыхъ величіе и сложность насъ изумляютъ, — тогда еще не знали опытовъ. Только со времени введенія этой новой могучей методы наблюденія, т. е. не прежде какъ по возрожденіи наукъ въ Европѣ, Физика принимаетъ вѣрный полетъ; но за то съ тѣхъ поръ все изученіе ея сосредоточивается въ физическихъ кабинетахъ, лишь изрѣдка выходя изъ нихъ; и наука, истощивъ, въ тѣсныхъ предѣлахъ лабораторій, всѣ возможныя комбинаціи, находитъ себя безсильною объяснить и самое малѣйшее явленіе природы, потому что взоръ ея не довольно объемлющъ для обозрѣнія цѣлаго.

Изученіе Физики не такъ необходимо, какъ изученіе Химіи или естественной Исторіи. Сіи послѣднія пускаютъ корни свои во всѣ науки, коихъ предметъ есть природа. Химія внушила Физикѣ идею экспериментаціи. Естественная Исторія, въ путешествія, предпринятыя для ея споспѣшествованія, доставила ей случай собирать на огром-

ныхъ пространствахъ факты непосредственнаго наблюденія. Такимъ образомъ ученыя путешествія привели умъ человѣческій къ непосредственному наблюденію естественныхъ явленій, между которыми земной магнитизмъ всегда занималъ отличное мѣсто. Настала новая эра для наукъ физическихъ: наблюденію предстояло завоевать новую область, — область останавливающуюся только у непроницаемыхъ рубежей земныхъ полюсовъ и знойныхъ степей экватора.

Но явленія природы представляются уму нашему въ двухъ весьма различныхъ видахъ, изъ которыхъ одинъ постояненъ, а другой измѣнчивъ: съ одной стороны мы находимъ незыблемые законы природы, формы постоянныя, въ которыя она облекается, а съ другой безпрестанныя измѣненія, движеніе непрерывное; и изученіе этихъ двухъ родовъ явленій требуетъ также различныхъ способовъ. Такъ напр. достаточно одного усилія, чтобы опредѣлить географическую широту какого либо мѣста, чтобы описать растеніе, потому что эти вещи не измѣняются: наблюденія же напротивъ того, нужныя для опредѣленія магнетическихъ началъ, на какой бы то ни было точкѣ земной поверхности, никогда, собственно, не оканчиваются, потому что эти начала безпрестанно измѣняются, и если и бываютъ періоды, послѣ которыхъ возвращаются тѣ же самыя явленія, то періоды эти очень продолжительны, объемля собою нерѣдко цѣлыя поколѣнія. И такъ не во время путешествія можно основательно изучить явленія этого рода, и даже не въ физическихъ кабинетахъ, гдѣ всякаго рода работы, смѣняясь

одиѣ съ другими, только бы мѣшали другъ другу, если бы потребовалось прослѣдить нѣкоторыя изъ нихъ въ продолженіе очень долгаго времени. На этотъ конецъ необходимы заведенія, спеціально назначенныя къ безостановочному, непрерывному продолженію изысканій, нужны наблюдатели, которые были бы всегда на мѣстѣ, готовые на всякій призывъ. Тутъ нельзя какъ въ астрономическихъ наблюденіяхъ безъ всякаго неудобства прерывать наблюденія по цѣлымъ днямъ и мѣсяцамъ: каждый часъ, каждая минута приноситъ съ собою измѣненія въ явленіяхъ по видимому столь причудливыхъ по самой природѣ своей, измѣненіе, которое нужно непремѣнно внести въ лѣтопись наблюденій, чтобы оно не пропало на всегда для науки

Изъ вышесказаннаго понятно, какъ величайшій путешественникъ нашего вѣка, могъ въ то же время быть и величайшимъ споспѣшникомъ науки о магнетизмѣ; но видно также, что нельзя было остановиться на этихъ, случайно собранныхъ матеріалахъ, на этихъ данныхъ, снабженныхъ наблюденіями, дѣланными въ продолженіе нѣсколькихъ часовъ или нѣсколькихъ дней, и что новая эра, въ которую вступила наука о магнетизмѣ, должна была именно начаться съ той поры, когда ежедневныя наблюденія стали производиться въ продолженіе неопредѣленнаго числа лѣтъ въ Обсерваторіяхъ, нарочно для этого устроенныхъ, т. е. со времени основанія первыхъ магнетическихъ обсерваторій, гдѣ наблюдаютъ каждый день и въ продолженіе всего дня.

Едва были учреждены въ Россіи первыя магнетиче-

скія Обсерваторіи, какъ во всей Европѣ пробудилось соревнованіе, дѣлающее честь нашему вѣку. Англійское правительство одно завело 6 Обсерваторій. Къ этому числу Остъ-Индская компанія еще присовокупила нѣсколько: при этомъ случаѣ число часовъ для наблюденія было значительно умножено; въ первыхъ Русскихъ Обсерваторіяхъ наблюдали только днемъ, каждые два часа; въ Обсерваторіяхъ, вновь учрежденныхъ, продолжаютъ наблюденія цѣлые сутки и притомъ ежечасно.

Это безъ сомнѣнія огромный трудъ — отмѣчать 24 раза въ день въ продолженіе цѣлыхъ годовъ, съ щепетильною точностью, склоненіе магнитной стрѣлки, силу магнетизма, высоту барометра, температуру воздуха, давленіе содержащихся въ немъ водяныхъ паровъ и наконецъ состояніе неба и количество дождя и снѣга, низпавшаго на землю. Но Г. Нервандеръ, сочиненіемъ, нынѣ намъ представленнымъ доказалъ, что можно идти еще далѣе. Немедленно по устроеніи въ Гельсингфорсѣ магнетической Обсерваторіи и по установленіи въ ней инструментовъ, т. е. съ Іюля 1844 года, тамъ начатъ былъ рядъ наблюденій, которые были дѣлаемы каждые 10 минутъ денно и ночно и досихъ поръ еще такъ продолжаются. Можно себѣ представить, сколько нужно было настойчивости, сколько самоотверженія, чтобы управлять такимъ огромнымъ трудомъ и быть его душею; надобно знать, что наблюдатели, употребляемые для этого неослабнаго труда не имѣютъ другаго дѣла кромѣ одного наблюденія и отмѣчанія своихъ наблюденій, не имѣя ни малѣйшаго участія ни въ управленіи, ни въ исчисленіи

наблюденій, ни въ редакціи ихъ результатовъ. И такъ излишне будетъ упирать на то, что Г. Нервандеръ сдѣлалъ довольно для снисканія себѣ одобренія ученыхъ; слѣдовало бы, можетъ быть, напротивъ доказать, не слишкомъ ли онъ много сдѣлалъ; потому, что если наблюденія, въ шестеро болѣе многочисленныя противъ наблюденій въ другихъ магнетическихъ Обсерваторіяхъ, не обѣщаютъ наукѣ какихъ либо особенно важныхъ результатовъ, то къ чему, скажутъ, служили этотъ излишній трудъ и эти чрезвычайныя издержки?

Отвѣтъ на этотъ вопросъ еще болѣе выкажетъ въ надлежащемъ свѣтѣ, заслугу Г. Нервандера и права его на награду, потому что онъ не только прежними своими теоретическими изслѣдованіями подалъ поводъ къ подъятію столь огромнаго труда, но и результатами двухъ годовъ своихъ наблюденій уже и подтвердилъ справедливость прежнихъ своихъ догадокъ. Здѣсь не мѣсто войти во всѣ подробности этихъ совѣстливыхъ разысканій, довольно сказать, что до сихъ поръ ежедневный ходъ стрѣлки былъ извѣстенъ только весьма несовершенно; что дознано было, правда, существованіе максимума и минимума склоненія, возвращающихся каждый день въ довольно постоянные часы, но что всѣ прочія движенія стрѣлки были перемѣшаны подъ наименованіемъ неправильныхъ движеній. Г. Нервандеръ показалъ намъ въ разсужденіи, помѣщенномъ въ нашемъ бюллетенѣ, что кромѣ максимума и минимума склоненія, бывающихъ около 8 часовъ утра и 1 часа по полудни, имѣются еще въ кривой линіи, изображающей дневной ходъ стрѣлки, другіе важные

пункты, и что для открытія этихъ пунктовъ и установленія ихъ періода необходимо наблюдать чаще, нежели каждый часъ, промежутокъ слишкомъ большой, чтобы обнаружить всѣ изгибы сказанной кривой линіи. Убѣжденіе въ этомъ побудило Г-на Нервандера, по учрежденіи магнетической Обсерваторіи въ Гельсингфорсѣ и назначеніи его Директоромъ ея, увеличить число наблюденій и производить ихъ каждыя 10 минутъ, и эта побудительная причина, конечно, покажется достаточною для всего свѣта: мы можемъ только удивляться самоотверженію, внушившему такое рѣшеніе, и постоянству, съ какимъ оно было выполнено.

Г. Нервандеръ прислалъ намъ подлинныя свои наблюденія и богатые изъ оныхъ выводы, обѣщающіе озарить новымъ свѣтомъ теорію сей загадочной силы природы; онъ началъ было ихъ печатать, но не могъ продолжать, по недостатку средствъ.

Къ общему сожалѣнію виновникъ сего важнаго труда не за долго предъ симъ скончался, не успѣвъ извлечь изъ собраннаго имъ матеріала всей той пользы, которую ученый свѣтъ вправѣ былъ ожидать именно отъ геніальнаго и пытливаго ума его. Потому-то Академія и не считала себя вправѣ увѣнчать сей трудъ полною преміею, которой онъ конечно содѣлался бы достойнымъ, еслибъ самому Автору довелось привесть его къ концу. Съ другой стороны, Академія не могла не воспользоваться даруемыми ей Демидовскимъ учрежденіемъ способами для изданія въ свѣтъ сего драгоцѣннаго для науки наслѣдія одного изъ отличнѣйшихъ отечественныхъ физиковъ. Кро-

мѣ второстепенной преміи, Академія назначила до 5000 рублей ассигн., на изданіе Гельсингфорскихъ наблюденій, поручивъ ближайшій надъ онымъ надзоръ Академику Купферу.

II.

Игнатія Коссовича Греческо-Русскій Словарь. Москва 1847. 8.

Авторъ, ревностный филологъ, уже прежде съ выгодной стороны извѣстный сочиненіемъ своимъ: Греческій глаголъ, Москва 1846 и рѣчью: О важности Греческаго языка, тамъ же 1846, изданіемъ этого Словаря напечатаннаго на счетъ Московскаго Университета, оказалъ большую услугу обучающемуся Россійскому юношеству, успѣшно удовлетворивъ давно ощущаемой имъ потребности.

Само собою разумѣется, что на такомъ поприщѣ, на которомъ у насъ еще столь мало сдѣлано попытокъ, всего, сколько извѣстно, имѣется только два Греческо-Русскіе Словаря — одинъ Зосимы и другой этимологическій заслуженнаго Крылова — еще нельзя было достигнуть высшей степени совершенства, тѣмъ болѣе, что даже изъ значительнаго числа вышедшихъ въ Германіи въ послѣдніе полвѣка, хотя и безпрестанно совершенствуемыхъ Греческихъ и Латинскихъ Словарей, и самые лучшіе еще не соотвѣтствуютъ всѣмъ требованіямъ филологовъ. Не говоримъ здѣсь ни объ абсолютномъ совершенствѣ, которое едва ли когда либо удастся достиг-

нуть, ни о хронологическомъ развитіи значенія каждаго отдѣльнаго слова, столь важномъ въ лексикологіи, а только о нѣкоторыхъ другихъ, легче достигаемыхъ и не менѣе существенныхъ качествахъ ближе объясняемыхъ Г. Грефе въ ученой его рецензіи.

1) Большая часть лексикографовъ ищутъ какого-то щегольства въ изобиліи приводимыхъ ими значеній словъ, и выставляя ихъ въ бо́льшемъ или меньшемъ логическомъ порядкѣ, подъ особенными номерами и литерами, вовсе забываютъ, что каждое слово первоначально имѣетъ только одно значеніе, и что это значеніе, относясь въ собственномъ или иносказательномъ смыслѣ ко внѣшней или внутренней природѣ, только въ отдѣльныхъ случаяхъ переносится къ сроднымъ понятіямъ, отъ частнаго къ общему или обратно, и лишь изрѣдка, смотря по мѣсту и времени, далѣе отдѣляется отъ своего первообраза. Извлечь изъ этимологіи это одно коренное значеніе, гдѣ это можно сдѣлать съ нѣкоторою ясностью, подтвердить его употребленіемъ писателей, объясненіями грамматиковъ и наконецъ изъ сродныхъ нарѣчій, — должно быть совершенно достаточно, потому что если только это значеніе вѣрно, то съ нѣкоторымъ размышленіемъ всегда можно будетъ найти надлежащее его примѣненіе къ данному случаю. А какимъ образомъ можно было бы тамъ и сямъ парафразировать это слово или иначе выразиться, это уже не идетъ къ дѣлу.

2) Вмѣстѣ съ кореннымъ значеніемъ каждаго слова должно стараться, въ той мѣрѣ какъ это дозволяетъ свойство новѣйшаго языка, вѣрно передать также его форму,

а именно если оно есть сложное. Отъ пренебреженія этихъ двухъ условій происходитъ то, что ученикъ, при множествѣ накопленныхъ въ Лексиконѣ значеній, гдѣ рѣдко выставлено въ надлежащемъ свѣтѣ главное, не зная за какое именно взяться, выбираетъ на попадъ то, которое кажется ему кое какъ идущимъ къ смыслу и только что не переводитъ хорошее дурнымъ, а дурное хорошимъ.

3) Въ Греческомъ Словарѣ вездѣ слѣдовало бы присовокуплять этимологически соотвѣтствующее Латинское слово, а въ Латинскомъ Греческое, по той причинѣ, что оба языка слѣдуетъ изучать вмѣстѣ, если хотятъ ожидать какой либо пользы, и глубочайшее знакомство съ аналогіею каждаго отдѣльнаго языка всегда при этомъ выигрываетъ. Авторъ предлежащаго Словаря очень часто приводитъ сличенія съ Латинскимъ языкомъ, но не вездѣ, гдѣ бы можно было это сдѣлать, за что мы должны порицать его, потому что онъ постигъ пользу такого сличенія.

4) Не требуя здѣсь дальнѣйшихъ лингвистическихъ сравненій и выводовъ, которые только что запутали бы учащагося, мы желали бы, чтобы на томъ новѣйшемъ языкѣ, на который переводится Словарь, всегда поставлялось впереди и особеннымъ шрифтомъ этимологически сродное слово. Такое наглядно-выраженное соотвѣтствіе природнаго языка съ древнимъ, сдѣлало бы послѣдній учащемуся занимательнѣе и пріятнѣе, а вмѣстѣ съ тѣмъ предохранило бы его отъ мысли, что его языкъ есть нѣчто совершенно отдѣльное, чего нельзя сравнить ни

съ какихъ другимъ языкомъ Жаль, что ученый и вовсе не чуждый лингвистики, авторъ не подумалъ объ отличеніи такихъ словъ, хотя онѣ и представлялись самымъ естественнымъ образомъ, да и часто были неминуемы, какъ единственно соотвѣтствующія.

5) Полезно было бы включить въ Словарь собраніе такихъ именъ собственныхъ, которыя служили бы для этимологіи пополненіемъ формъ, недостающихъ въ языкѣ общежитія. Авторъ не помѣстилъ въ Словарѣ своемъ никакихъ собственныхъ именъ Греческихъ.

6) Желательно, чтобы ко всякому алфавитному Словарю древнихъ языковъ приложенъ былъ возможно короткій перечень корней съ подробнымъ исчисленіемъ происходящихъ отъ нихъ производныхъ, но само собою разумѣется, безъ значенія; что, не занявъ много мѣста, было бы очень полезно для учащихся. Авторъ по большей части — но не вездѣ — при производныхъ и сложныхъ словахъ приводитъ также и цѣльные корни. Часто можно бъ было здѣсь ограничиваться одними коренными слогами.

Таковы, въ общихъ лишь очеркахъ, качества требуемыя отъ Словаря классическихъ языковъ. Что Авторъ, какъ показываетъ Г. Грефе, удовлетворилъ многимъ изъ сихъ требованій, это конечно служитъ ему въ похвалу, а его сочиненію справедливою рекомендаціей. Если отъ него ускользнуло требованіе 4-е, а 5-е и 6-е не были въ его планѣ, то его нельзя винить за это, и укоръ этотъ постигъ бы еще весьма многихъ другихъ лексикографовъ. Очевидно, что онъ пользовался лучшими и новѣйшими

нѣмецкими, и, вѣроятно также французскими пособіями по своей части, жаль только, что не вездѣ указываетъ на своихъ источниковъ.

Описокъ и опечатокъ въ Словарѣ Г-на Косовича сравнительно встрѣчается не много; но что безъ нихъ не могло обойтись вовсе, въ книгѣ изъ двухъ томовъ безъ малаго въ 2000 страницъ, это очень натурально и вездѣ было бы не иначе. Число пропусковъ также незначительно.

Академія уваживъ ходатайство ученаго своего Эллиниста съ удовольствіемъ присудила Г-ну Коссивичу второстепенную премію.

III.

Аналитическая теорія волнообразнаго движенія эѳира. Ч. I. О распространеніи свѣтовыхъ волнъ въ срединахъ, неимѣющихъ двойнаго преломленія. Соч. *Іосифа Сомова.* Спб. 1847. 4.

Авторъ начинаетъ свое разсужденіе съ краткаго историческаго обозрѣнія прежнихъ изслѣдованій относительно движенія эѳира; но онъ не упоминаетъ ни о трудахъ Лапласа, — о которомъ однако же умолчать нельзя, когда рѣчь идетъ вообще о дѣйствіяхъ, постепенно изчезающихъ на извѣстныхъ разстояніяхъ, — ни о важномъ замѣчаніи Пуассона о томъ, что суммы, встрѣчаемыя въ исчисленіи молекулярныхъ силъ, не могутъ быть обращаемы въ интегралы, замѣчаніе, которое нѣкоторымъ образомъ есть исходная точка всѣхъ новѣйшихъ успѣховъ молекулярной механики. Исчисливъ труды своихъ пред-

шественниковъ, Г. Сомовъ указываетъ на то, что ему собственно довелось прибавить къ Теоріи волнообразнаго движенія эѳира. «Коши, говоритъ онъ, при составленіи уравненій безконечно малыхъ движеній одной средины, которыя онъ относитъ не только къ свободному эѳиру, но также къ эѳиру, соединенному съ вѣсомою матеріею, предполагаетъ, что силы, происходящія отъ дѣйствія на одну частицу окружающихъ ее эѳирныхъ частицъ, уравновѣшиваются независимо отъ дѣйствія вѣсомой матеріи на эѳиръ, такъ что силы, происходящія отъ дѣйствія вѣсомыхъ частицъ на каждую эѳирную, также уравновѣшиваются отдѣльно и остаются въ равновѣсіи во время весьма малыхъ колебаній эѳирныхъ частицъ; потому онѣ не входятъ явнымъ образомъ ни въ уравненія равновѣсія, ни въ уравненія движенія эѳира, и не видно, какъ упругость эѳира около каждой точки можетъ зависѣть отъ фигуры и расположенія вѣсомыхъ частицъ. Это побудило меня замѣнить уравненія Коши другими, въ которыя входятъ члены, зависящіе отъ дѣйствія вѣсомой матеріи на эѳиръ. Интегралы этихъ уравненій и слѣдствія, изъ нихъ истекающія, относящіяся къ распространенію свѣтовыхъ волнъ, сходны съ выводами Коши и *будутъ совершенно съ ними тожественны, если мы пренебрежемъ членами, зависящими отъ дѣйствія вѣсомой матеріи.*»

Г. Сомовъ излагаетъ вслѣдъ за симъ тѣ предположенія, изъ коихъ онъ выводитъ дифференціальныя уравненія относительно движенія эѳира. Изъ нихъ нѣкоторыя излишни: другія, которыя казались бы необходимыми, пропущены.

Далѣе, Г. Сомовъ выводитъ дифференціальныя уравненія движенія эѳира, принимая въ соображеніе дѣйствіе вѣсомой матеріи, но не обращая вниманія на перемѣщеніе ея частицъ. Это значитъ принимать вѣсомую матерію находящеюся въ равновѣсіи независимо отъ эѳира, и предполагать, будто движеніе сей жидкости можетъ не сообщиться вѣсомой матеріи, чего по строгости допустить нельзя. Въ заключеніе Г. Рецензентъ замѣчаетъ, что не взирая на сіи немногіе недостатки, трудъ Г-на Сомова ясно доказываетъ, что сей геометръ совѣстливымъ изученіемъ своего предмета усвоилъ себѣ все то, что знаменитые предшественники его открыли относительно уравненій въ частныхъ линейныхъ разностяхъ, отъ которыхъ зависитъ теорія свѣта и другія важныя задачи математической Физики. Очевидно, что онъ избралъ себѣ образцомъ и руководителемъ Коши; однако же уравненія, которыя онъ предположилъ себѣ интегрировать, разнятся отъ уравненій знаменитаго французскаго Геометра тѣмъ, что онѣ содержатъ въ себѣ и члены, зависящіе отъ дѣйствія вѣсомой матеріи на эѳиръ. И такъ трудъ Г-на Сомова не есть простая компиляція, а свидѣтельствуетъ напротивъ того о явномъ дарованіи, которое тѣмъ болѣе достойно справедливой оцѣнки и одобрѣнія со стороны Академіи, что изученіе высшаго математическаго анализа едва ли можетъ найти у насъ иное поощреніе. Половинная премія, во второй уже разъ присуждаемая Г-ну Сомову, конечно подстрекнетъ его къ дальнѣйшимъ усиліямъ и успѣхамъ на избранномъ имъ поприщѣ.

IV.

Мухаммеданская Нумизматика въ отношении къ Русской Исторіи. Сочиненіе *Павла Савельева*. Спб. 1847. 8.

Исторія Россіи съ самаго учрежденія Императорской Академіи Наукъ въ первой половинѣ прошлаго столѣтія сдѣлалась предметомъ тщательныхъ изслѣдованій, и можно сказать по всей справедливости, что какъ природные Русскіе, такъ и ученые другихъ націй посвятили ей вниманіе, увѣнчанное самымъ счастливымъ успѣхомъ. Естественно, что для средней и новѣйшей исторіи нашего, какъ и вообще для большей части новѣйшихъ государствъ имѣются обильнѣйшіе и притомъ полнѣйшіе источники, нежели для древнѣйшей и древней. Но именно тѣ источники, которые занимаются происхожденіемъ народа или государства, должны имѣть особенную занимательность какъ для ученаго наблюдателя, такъ и для самаго народа. И дѣйствительно не было недостатка въ такихъ мужахъ, которые, подвизавшись на трудныя разысканія о темныхъ начаткахъ Русской Исторіи, старались озарить ихъ свѣтильникомъ исторической критики. Но многое скрывалось еще въ восточныхъ бытописателяхъ. Важнѣйшіе изъ нихъ въ этомъ отношеніи еще до нашего времени оставались неизвѣстными или недоступными, а отчасти и по нынѣ остаются таковыми. Долго недоставало даже ученаго глубокаго знатока восточной науки вообще, который могъ бы доказать, что и изъ этихъ источниковъ можно получить весьма значительныя поясненія о древней Русской Исторіи, — поясненія, которыхъ отчасти,

тщетно стали бы искать индѣ. Эта-то заслуга безспорно принадлежитъ нашему *Френу*, и хотя примѣръ его поощрилъ и другихъ оріенталистовъ къ разработкѣ тѣхъ же самыхъ рудниковъ, но за всѣмъ тѣмъ за нимъ остается слава, что онъ умѣлъ извлечь изъ нихъ наиболѣе сокровищъ, и въ многоразличныхъ нумизматическихъ и другихъ своихъ сочиненіяхъ указалъ на то, что и другіе Азіатскіе памятники, а именно монеты могутъ служить немаловажными источниками къ поясненію древней и средней Исторіи, Этнографіи и Географіи Россіи.

Уже съ давняго времени находили въ почвѣ Русской земли и другихъ сосѣдственныхъ прибалтійскихъ странъ восточныя и именно мухаммеданскія монеты. Прежде подобныя находки не обращали на себя здѣсь особаго вниманія; найденныя монеты, по большей части неизслѣдованныя, были отдаваемы въ переплавку или употребляемы для другихъ какихъ либо цѣлей: самыя мѣста нахожденія оставались неуваженными. Но когда убѣдились въ томъ, что встрѣчу этихъ монетъ можно почесть признакомъ процвѣтавшей нѣкогда между Среднею Азіею и Россіею, а равно съ сосѣдственными странами значительной торговли, то и этому обстоятельству стали посвящать большее вниманіе, и одна изъ статей Френа *) представила намъ столько же полное, сколько и поучительное обозрѣніе такихъ сдѣланныхъ въ Россіи находокъ, съ по-

*) См. Topographische Uebersicht der Ausgrabungen von altem Arabischem Gelde in Russland, nebst chronologischer und geographischer Bestimmung des Inhalts der verschiedenen Funde; von Ch. M. Fraehn, въ Bulletin scientifique. T, IX. No. 20—21.

мощью которыхъ мы въ состояніи съ величайшею достовѣрностью прослѣдить направленіе торговыхъ путей въ древней Руси.

Оставалось только особенно обработать эти указанія и намѣки въ приложеніи ихъ къ Русской Исторіи и притомъ на Русскомъ языкѣ, потому что одно послѣднее обстоятельство могло придать такой обработкѣ настоящую цѣну, содѣйствовать ея распространенію во всей Россіи и сдѣлать ее общеполезною. Для успѣшнаго выполненія этой задачи нуженъ былъ знатокъ не только Мухаммеданскихъ языковъ и науки, а именно Мухаммеданской Нумизматики, но и Русской Исторіи и Географіи.

Г. Савельевъ предпринялъ разрѣшить эту задачу, т. е. изобразить Мухаммеданскую Нумизматику въ связи ея съ Русскою Исторіей. Этого-то труда предлежащая книга составляетъ первую часть; двѣ слѣдующія книги будутъ разсуждать о монетахъ Волжскихъ Булгаръ, а равно о Русско-Татарскихъ монетахъ и происхожденіи Русскихъ денегъ (стр. ccxxii) — безъ сомнѣнія, два весьма занимательные предмета, которымъ мы желаемъ столь же тщательной обработки со стороны автора, какъ и предлежащей части. Эта часть свидѣтельствуетъ о большой начитанности и о рачительномъ прилежаніи нашего оріенталиста, и какъ она объемлетъ все, что относится къ предмету, представляя притомъ тщательное, всестороннее разрѣшеніе разныхъ сюда относящихся вопросовъ изъ древней Исторіи Россіи, то она по справедливости должна быле обратить на себя вниманіе. Драгоцѣнное прибавленіе къ ней составляетъ первое приложеніе о Пельвійскихъ над-

писяхъ на монетахъ Табаристана, и хотя Рецензенты наши относительно нѣкоторыхъ пунктовъ какъ этой статьи такъ и самаго сочиненія и не раздѣляютъ мнѣнія автора, но это въ цѣлости ни мало не вредитъ его сочиненію.

И такъ во уваженіи того, что сочиненіе Г-на Савельева есть трудъ, составленный съ большимъ тщаніемъ, вполнѣ объемлющій свою задачу и не только показывающій въ ясномъ свѣтѣ важность Мухаммеданской Нумизматики для Русской Исторіи, но и служащій драгоцѣннымъ дополненіемъ къ ней, — Академія согласно ходатайству Гг. Рецензентовъ присудила ему второстепенную премію, тѣмъ охотнѣе что авторъ намѣренъ употребить ее на изданіе двухъ другихъ частей своего сочиненія.

V.

Naturwissenschaftliche Reise durch die Kirgisensteppe nach Chiwa. Im Jahre 1842. Von *Theodor Fr. Jul. Basiner*. (Естественно-историческое путешествіе чрезъ Киргизскую степь въ Хиву, въ 1842 году. *Өедора Фр. Юл. Базинера*).

Нельзя отрицать, что познаніе сосѣдственныхъ съ Россіею странъ Азіи изъ года въ годъ становится болѣе настоятельною потребностію; оно необходимо не только для любознательности ученыхъ, но и для интересовъ торговли и политики. Азіатская Турція и Персія

нынѣ по всѣмъ ихъ отношеніямъ намъ почти столько же извѣстны, какъ Европейская Турція, Молдавія и Валахія. Китай, хотя только въ отдѣльныхъ частяхъ своихъ изведанный Европейцами, въ новѣйшее время сдѣлался намъ болѣе знакомъ тщательнымъ изученіемъ большихъ Китайскихъ твореній о Географіи и Статистикѣ этого края. Но Хокандъ, Бухара и Хива принадлежатъ къ тѣмъ изъ нашихъ Азіатскихъ сосѣдей, о которыхъ мы доселѣ еще мало имѣли свѣдѣній, а потому каждое усиліе, ближе ознакомить насъ съ этими странами, заслуживаетъ признаніе. Такъ всякій любитель землеописанія Азіи съ благодарностью назоветъ имена Русскихъ и Британцевъ, встрѣчающихся на равнинахъ Бухары — Эльфинстона, Мейендорфа, Борнса (Burnes), Генса, Ханыкова, и свѣдѣнія эти, еще въ теченіе нынѣшняго года, значительно пополнятся изъ посмертныхъ записокъ слишкомъ рано умершаго Д-ра Леманна. Гораздо скуднѣе извѣстія наши о Хокандѣ и Хивѣ: подробнѣйшія изъ нихъ мы имѣли отъ Русскихъ и Азіатскихъ торговцевъ или отъ возвратившихся оттуда Русскихъ плѣнныхъ низшаго званія, а потому ограниченнаго образованія. При всей ихъ неполнотѣ и неточности, они возбудили большое участіе своею новизною. Это относится въ особенности къ Хивѣ, этой не большой хищнической державѣ, которая безпрерывными своими непріязненностями наносила такой ущербъ торговлѣ нашей съ Бухарою, и лишь въ послѣдніе годы, послѣ энергической демонстраціи со стороны нашего Правительства, по видимому, оставила прежнее свое нечестивое ремесло. Первыя достовѣрныя извѣстія о Хивѣ

мы получили отъ Англичанина Дженкинсона, который въ 1558 году изъ Мангышлака, чрезъ сѣверныя части Ханства отправился въ Бухару. Томпсонъ, Муравинъ и Блаккенвагель посѣтили Хиву въ 18 столѣтіи, Муравьевъ, Антовъ, Абботъ и Шекспиръ въ нынѣшнемъ. Сообщенія этихъ путешественниковъ были неравнаго достоинства; всего удовлетворительнѣе извѣстія Дженкинсона, Муравьева, Аббота и Шекспира; но еще подробнѣе свѣдѣнія, собранныя покойнымъ Генераломъ Генсомъ въ Хивѣ, во время продолжительнаго его пребыванія въ Оренбургѣ, и помѣщенныя въ издаваемомъ Академіею Сборникѣ *). Но и они, какъ рано заимствованныя Ханыковымъ **) изъ того же источника и отчасти распространенныя имъ свѣдѣнія, содержа въ себѣ много любопытнаго о народонаселеніи, торговлѣ и управленіи Ханства, лишь мало касаются естественныхъ его отношеній.

По этому нельзя не вмѣнить въ особенную заслугу Г-ну Базинеру, что онъ въ свое путешествіе посвятилъ главное свое вниманіе растительности, метеорологіи и геогнозіи этого края. Путешествіе это, предпринятое на счетъ Императорскаго Ботаническаго Сада и при содѣйствіи Академіи Наукъ, совершено было Г-мъ Базинеромъ въ свитѣ Полковника Данилевскаго, который въ 1842-мъ году былъ отправленъ въ Хиву для окончанія начатыхъ въ 1840 г. переговоровъ между Россіею и Хивою. Къ

*) Beiträge zur Kenntniss des Russ. Reichs.

**) Описаніе Бухарскаго Ханства, составленное Н. Ханыковымъ.. С.-Петербургъ. 1843. 8.

сожалѣнію, правда, путь его туда былъ совершенъ въ исходѣ лѣта и осенью, въ такое время, когда уже отцвѣли большая часть и самыя прекрасныя растенія тѣхъ мѣстъ, а многія уже совсѣмъ исчезли; а обратный путь онъ долженъ былъ предпринять зимою. Но хотя при такихъ обстоятельствахъ и нельзя было ожидать богатой жатвы растеній въ странахъ, которыя вообще не принадлежатъ къ самымъ обильнымъ въ этомъ отношеніи, однако же Г. Базинеръ все таки умѣлъ извлечь изъ даннаго ему случая много пользы для своей науки. Онъ описалъ намъ осеннюю флору разныхъ посѣщенныхъ имъ странъ, немногими, но весьма удовлетворительными чертами. Флора прилежащихъ съ востока къ Каспійскому морю земель объяснена была намъ Эйхвальдомъ, Карелинымъ, Лессингомъ и Клаусомъ, флора Алтая и Зюнгоріи Ледебуромъ, Карелинымъ и Шренкомъ, а Бунге началъ знакомить насъ съ растеніями, собранными Леманномъ отъ Урала до Самарканда. Путешествіе Г-на Базинера выполняетъ собою пробѣлъ въ Географіи растеній средней Азіи, раскрывая предъ нами также растительность лежащихъ къ сѣверозападу и югу отъ Арала странъ, и подтверждая уже прежде угаданную аналогію Аральской флоры съ флорою Каспійскаго моря и низменностей Зюнгоріи до самой подошвы Алтая.

Характеристическое описаніе этой флоры состоитъ въ нѣкоторыхъ группахъ растеній, а особенно маревидныхъ (Chenopodiaceae), съ достопримѣчательнымъ безлистнымъ Саксауломъ, единственною сколько извѣстно, древообразною породою этой группы, коей собственная

отчизна вѣроятно есть окрестность Арала, потому что путешественникъ нашъ къ западу этого озера нашелъ цѣлые лѣса ихъ, такъ же какъ Эверсманнъ на востокъ отъ него, между Кувандарьею и Іандарьею, лѣса, простиравшіеся на нѣсколько дней пути. Сверхъ этихъ общихъ свѣдѣній о географіи растеній мы обязаны Г-ну Базинеру также разными полезными замѣтками объ искуственныхъ растеніяхъ Хивы, узнаемъ отъ него, какія Хивинцы разводятъ породы хлѣбныхъ растеній, а равно имена ихъ и употребленіе, и впервые получаемъ удовлетворительное понятіе о системѣ орошенія, которая въ Хивѣ играетъ столь важную ролю. Большой признательности заслуживаютъ также замѣчанія, собранныя авторомъ о климатѣ, и метеорологическія наблюденія, съ большою рачительностію дѣланныя имъ во время пребыванія его въ Ханствѣ и на всемъ пути. Не менѣе любопытно сочиненіе Г-на Базинера и по части Геогнозіи, оно обогатило геогностическое наше познаніе о Каспійскомъ бассейнѣ новыми и, можно сказать, важными фактами, между прочимъ о высокой горной возвышенности Усть-Юртъ, которой свойство здѣсь впервые представлено въ ясной и наглядной картинѣ. Мы прочли это изображеніе съ особеннымъ интересомъ, потому что Усть-Юртъ въ геологическихъ отношеніяхъ Арало-Каспійскаго бассейна занимаетъ главное мѣсто и слѣдовательно ближайшее его изслѣдованіе было очень желательно. — Наконецъ нельзя не упомянуть также о значительныхъ повѣркахъ и объясненіяхъ, которыя мы пріобрѣтаемъ изъ сочиненія Г-на Базинера по части Географіи и Статистики Хивы, и о

прекрасной картѣ Ханства, изготовленной нѣсколькими находившимися при миссіи топографами, которые съ путешественникомъ прошли страну до самаго Хазараспа, и такъ почти до южнаго рубежа Ханства. Хотя эта карта и не основана на точныхъ измѣреніяхъ, но по крайней мѣрѣ она снята съ компасомъ въ рукѣ и очевидцами, и заслуживаетъ предпочтеніе передъ прежними картами, отъ которыхъ и отличается существенно.

По всѣмъ этимъ уваженіямъ Академія назначила Г-ну Базинеру второстепенную премію съ принятіемъ изданія труда его на свой счетъ, если на то послѣдуетъ только разрѣшеніе Министерства иностранныхъ дѣлъ, о коемъ сама Академія будетъ ходатайствовать.

VI.

Судьбы Церковно-Славянскаго языка: 1) О средне-Болгарскомъ вокализмѣ по патріаршему списку лѣтописи Манассіи. 2) О Кириловской части Рейнскаго Евангелія. Историко-филологическія изслѣдованія. *П. Билярскаго.*

Второстепенныя Демидовскія преміи Академія нерѣдко называла *поощрительными*, и въ этомъ-то значеніи она особенно любитъ присуждать ихъ, сообразно смыслу учрежденія даже молодымъ ученымъ, если только первые ихъ опыты доказываютъ уже рѣшительно самостоятельное стремленіе на поприщѣ ученаго изслѣдованія, благоразумный выборъ методы, явные признаки здравой, кри-

тики и благородный энтузіасмъ къ наукѣ. Самый опытъ доказалъ, что въ такихъ видахъ присужденныя преміи большею частію достигали своей цѣли, подстрекая молодыхъ увѣнчанныхъ авторовъ къ дальнѣйшимъ усиліямъ и успѣхамъ, и вызывая другихъ, равно одаренныхъ, къ подражанію и соревнованію.

Въ Маѣ 1847 года Адъюнктъ Академіи Куникъ представилъ Историко-филологическому Отдѣленію рукописную статью молодаго Русскаго филолога подъ заглавіемъ: *Судьбы Церковно-Славянскаго языка*, изслѣдованія и наблюденія Петра Билярскаго. Первая часть сего труда разсуждаетъ о средне-Болгарскомъ вокализмѣ по Патріаршему списку лѣтописи Манассіи, вторая, о Кириловской части Реймскаго Евангелія. Въ введеніи какъ и въ самомъ текстѣ своихъ изслѣдованій авторъ ясно и опредѣлительно излагаетъ начала, руководившія его въ семъ трудѣ. Онъ смотритъ на Церковно-Славянскій языкъ не какъ на мертвую массу, а видитъ въ немъ живой организмъ, представляющій всѣ признаки замѣчательнаго постепеннаго развитія и имѣвшій сильное вліяніе на образованіе книжнаго Русскаго языка. Потому-то онъ обратилъ особенное вниманіе на Церковно-Славянскія рукописи такъ называемаго средне-Болгарскаго племени, болѣе древне-Болгарскихъ распространившіяся въ Россіи и потому сильнѣе отразившіяся въ исторіи отечественнаго языка. А какъ вообще средне-Болгарское нарѣчіе донынѣ не было еще критически обработано, результаты же о вокализмѣ сего языка, выведенные изъ филологическаго разбора Г-на Билярскаго представляютъ уже для

опредѣленія древности и происхожденія Церковно-Славянскихъ рукописей, нѣкоторыя точки опоры, столь важныя для Историковъ, то Академія, уваживъ таковый лестный о семъ трудѣ отзывъ, напечатала его въ Сборникѣ Записокъ постороннихъ ученыхъ. Другая же часть труда Г-на Билярскаго доселѣ оставалась въ рукописи.

Представленныя нынѣ къ соисканію Демидовской преміи обѣ части, Отдѣленіемъ Русскаго языка и Словесности были переданы на разсмотрѣніе ученаго нашего Славяниста А. Х. Востокова, который подтвердивъ и съ своей стороны отзывъ Г-на Куника, о первомъ разсужденіи Г-на Билярскаго, свидѣтельствуетъ, что авторъ превосходно изучилъ предметъ свой, доселѣ мало кѣмъ изслѣдованный, что замѣчанія его вѣрны и выводы основательны и что всякій любитель Славянской филологіи прочтетъ статью его съ удовольствіемъ и не безъ пользы.

Второе сочиненіе Г-на Билярскаго раздѣляется на двѣ части: 1) Критическая Исторія изслѣдованій о Реймскомъ Евангеліи. 2) Опытъ изслѣдованія о Реймскомъ спискѣ и его древнѣйшемъ оригиналѣ.

Въ первой части Г. Билярскій подробно и отчетливо описалъ весь ходъ изслѣдованій о памятникѣ, столь много занимавшемъ Славянскихъ филологовъ, строго оцѣняя заслуги участвовавшихъ въ сихъ изслѣдованіяхъ и выставляя ихъ ошибки.

Во второй части разсматриваетъ правописаніе Реймскаго Евангелія, находитъ въ ономъ смѣсь Болгарскаго, Сербскаго, Русскаго и Валашскаго правописанія, и выводитъ заключеніе, что эта рукопись, которая была при-

писываема Св. Прокопію Чешскому и отнесена къ первой половинѣ XI вѣка, не только не можетъ имѣть такой древности, но писана не ранѣе XIV вѣка, гдѣ нибудь въ Валахіи.

Признаки, на которыхъ Г. Билярскій основываетъ заключеніе свое, не подвержены никакому сомнѣнію. Хотя почеркъ рукописи и кажется древнѣе XIV вѣка, и можно бы по почерку отнести ее къ XII вѣку, но взглянувъ на правописаніе, должно отказаться отъ такого мнѣнія. Кромѣ новости правописанія, рукопись представляетъ множество описокъ, обнаруживающихъ безграмотность писца, которому даже незнакомъ былъ языкъ списываемаго имъ памятника.

Г. Востоковъ заключаетъ что труды Г. Билярскаго по предмету Славянской филологіи, показываютъ въ немъ знающаго и добросовѣстнаго дѣлателя на этомъ полѣ, у насъ еще мало обработанномъ, и что труды эти заслуживаютъ поощренія, каковое Академія охотно ему и оказала, присужденіемъ половинной Демидовской преміи.

VII.

Теорія равновѣсія тѣлъ, погруженныхъ въ жидкость. Разсужденіе, написанное для полученія степени Магистра *А. Давидовымъ*. Москва 1848.

Теорія равновѣсія плавающихъ тѣлъ была уже не разъ предметомъ аналитическихъ изслѣдованій. Въ наше время, два французскіе математика, *Прони* и *Дюпенъ*, весьма извѣстные въ ученомъ свѣтѣ своими сочиненіями по Ме-

ханикѣ, занимались этимъ вопросомъ; не смотря однакожъ на ихъ труды, полная теорія равновѣсія тѣлъ, погруженныхъ въ жидкость, далеко еще не исчерпана. Поэтому, всякое удачное обобщеніе прежнихъ результатовъ можно считать истиннымъ пріобрѣтеніемъ для Гидростатики, и въ этомъ отношеніи, изслѣдованія Г-на Давидова безспорно заслуживаютъ полное вниманіе.

Разсужденіе его раздѣлено на три главы: въ первой главѣ говорится *о равновѣсіи тѣлъ, погруженныхъ въ жидкость;* во второй, *о равновѣсныхъ положеніяхъ плавающихъ тѣлъ;* въ третьей, *объ устойчивости плавающихъ тѣлъ.*

Въ *Введеніи*, помѣщенномъ въ началѣ сочиненія, авторъ предлагаетъ нѣкоторыя историческія подробности о теоріи плавающихъ тѣлъ. Но, должно сознаться, эти указанія слишкомъ недостаточны и отрывисты. Можно также прибавить къ этому, что слогъ Введенія и первой половины Разсужденія не всегда правиленъ, и что даже мѣстами встрѣчаются неточности въ изложеніи. Далѣе этотъ недостатокъ становится менѣе замѣтнымъ.

Первая глава не заключаетъ въ себѣ ничего, собственно принадлежащаго Г. Давидову, почему мы перейдемъ прямо ко второй Въ ней излагается авторомъ способъ для опредѣленія равновѣсныхъ положеній плавающихъ тѣлъ. Правда, *Прони*, въ своей *Mécanique philosophique*, первый предложилъ формулы, ведущія къ этой цѣли; но пріемы Г. Давидова, безъ сомнѣнія, имѣютъ преимущество по свойственной имъ общности. Сочинитель разбираемой книги разсматриваетъ сперва для про-

стоты случай тѣлъ призматическихъ и цилиндрическихъ, когда ребра ихъ, или производящія параллельны плоскости плаванія; тогда вопросъ приводится къ отсѣченію прямою линіею извѣстной части отъ данной площади, и при томъ такъ, чтобы прямая, соединяющая центры тяжести полной площади и отсѣченной ея части, была перпендикулярна къ линіи отдѣла. Рѣшеніе этой задачи зависитъ отъ опредѣленія двухъ кривыхъ, для которыхъ авторъ и находитъ уравненія очень остроумнымъ способомъ. Рѣшивъ этотъ частный вопросъ, Г. Давидовъ переходитъ къ общему, то есть къ тому случаю, когда плавающее тѣло имѣетъ какой нибудь видъ. Двѣ кривыя, о которыхъ сейчасъ упомянуто, замѣняются, въ настоящемъ предположеніи, двумя поверхностями, названными авторомъ весьма свойственно *поверхностію сѣченій* и *поверхностію центровъ;* авторъ выводитъ ихъ уравненія, и за симъ вопросъ о равновѣсныхъ положеніяхъ, по крайней мѣрѣ въ теоретическомъ смыслѣ, не представляетъ уже никакого затрудненія. Общія свои формулы Г. Давидовъ пояснилъ многочисленными примѣрами, удачно выбранными.

Наконецъ, третья глава посвящена, какъ уже сказано выше, теоріи устойчивости равновѣсія плавающихъ тѣлъ. При рѣшеніи этого труднаго вопроса, Г. Давидовъ употребилъ *начало возможнаго момента*, удерживая въ немъ безконечно малые члены втораго порядка. Если не ошибаемся, то *Г. Брашманъ*, первый, приложилъ это начало къ Гидростатикѣ. Но онъ, какъ можно видѣть изъ его книги, разсматривалъ только частные случаи,

между тѣмъ какъ Г. Давыдовъ прямо приступаетъ къ общему, и разрѣшаетъ его самымъ удовлетворительнымъ и удачнымъ образомъ.

Въ заключеніе скажемъ, что Разсужденіе Г-на Давыдова несомнѣнно свидѣтельствуетъ о высокихъ дарованіяхъ автора и что присужденіе ему Академіею поощрительной преміи конечно не останется безъ благихъ послѣдствій для науки.

VIII.

Изъ оставшихся за тѣмъ двѣнадцати одобренныхъ соискательныхъ сочиненій, Академія присудила осьмую второстепенную премію рукописному сочиненію Г-на Горлова:

Обозрѣніе Экономической Статистики Россіи, руководствуясь принятымъ ею правиломъ, при равныхъ достоинствахъ, отдавать преимущество самостоятельному ученому изслѣдованію предъ учебнымъ руководствомъ, какъ бы превосходно сіе послѣднее ни было составлено; между самостоятельными же трудами отличать преимущественно тѣ, которые предметомъ избрали себѣ изученіе отечества въ какомъ бы то нибыло отношеніи.

Излишне было бы распространяться, сколь важно для каждаго мыслящаго человѣка узнать хозяйственныя отношенія своего отечества — эта потребность уже издавна пробудилась и у насъ, но доселѣ все еще недоставало яснаго изображенія хозяйственнаго быта въ Россіи.

Въ 1827 году правда, Г. Андросовъ старался пособить этому недостатку, изданіемъ своей «Хозяйственной Статистики Россіи» въ двухъ главныхъ отдѣлахъ: о мѣстности и о промышленности.

Сколь ни неполно и недостаточно было это сочиненіе, оно представляло однако же нѣкоторую опору послѣдовавшимъ изыскателямъ по этой части.

Нынѣ, когда мы подвинулись впередъ двумя десятилѣтіями, Г. Горловъ на восточномъ краю Европы — въ Казани — выступилъ съ новымъ трудомъ по этому же предмету.

Сочиненіе его раздѣляется на три главные отдѣла: о народонаселеніи, о промышленности и о торговлѣ. Вслѣдъ за введеніемъ онъ даетъ сперва краткое, но къ сожалѣнію, не совсѣмъ полное обозрѣніе источниковъ Статистики Россіи.

Для самаго текста авторъ какъ видно, почерпалъ свои данныя изъ сотни книгъ, брошюръ и статей, и надобно отдать ему справедливость, что онъ обращался къ дѣльнымъ источникамъ Пользуясь лучшимъ и новѣйшимъ по своей части, онъ успѣлъ собрать во едино множество разбросанныхъ свѣдѣній. подвергнуть ихъ ученому, критическому разбору и извлечь изъ нихъ множество полезныхъ для науки результатовъ. И если прекрасный и полезный трудъ его оставляетъ еще многое недосказаннымъ, то въ этомъ винить можно менѣе недостатокъ въ собственномъ соображеніи автора, въ тщательномъ обработаніи матеріала, сколько скудность и частію недостовѣрность самаго матеріала.

Здѣсь не мѣсто исчислять всѣ замѣчанія, какія могли представиться рецензенту при чтеніи сего сочиненія. Онъ конечно не откажется сообщить ихъ автору для пополненія, а кое-гдѣ и исправленія его труда, до отдачи его въ печать.

Изъ постороннихъ рецензентовъ удостоены золотыхъ медалей, въ знакъ признательности Академіи

большихъ:

Профессоръ С.-Петербургскаго Университета *Неволинъ* и Генералъ-Лейтенантъ Баронъ *Зедделеръ*.

малыхъ:

Профессоръ Главнаго Педагогическаго Института *Бесеръ* и Профессоръ Императорской Медико-Хирургической Академіи *Заблоцкій*.

РАЗБОРЪ

сочиненія

НЕРВАНДЕРА,

ПРОФЕССОРА

при Александровскомъ Университетѣ въ Гельсингфорсѣ,

ПОДЪ ЗАГЛАВІЕМЪ:

Observations faites à l'Observatoire magnétique et météorologique de Helsingfors;

составленный

АКАДЕМИКОМЪ КУПФЕРОМЪ.

L'ouvrage, dont nous allons rendre compte, se rattache si intimement à ce qui a été fait, de nos jours, pour le développement des études magnétiques, qu'il nous paraît indispensable de faire précéder notre rapport d'un court exposé des conquêtes que la science a faites, depuis peu, dans ce domaine.

Pour bien comprendre l'importance de notre époque dans l'histoire du développement des sciences d'observation, il faut jeter un coup d'oeil en arrière, jusqu'au commencement de l'immense carrière qu'elles ont parcourue. Aussitôt que les sciences d'observation sont sorties des mystères dont leur enfance est enveloppée, on les voit se poser en face de la nature même ; on n'étudie, on ne tâche d'expliquer que les grands phénomènes de la nature ; on ne sait pas encore qu'on ne peut surprendre ses secrets, qu'en simplifiant ses combinaisons, qu'en dévidant, pour ainsi dire, ses fils complexes un à un, en faisant naître en petit, sous nos yeux, ces phénomènes dont la grandeur et la complication nous confond ; — on ne connaît pas encore l'expérience. Ce n'est guère qu'après l'introduction de cette nouvelle et puissante méthode d'investigation, c'est à dire après la

renaissance des lettres en Europe, que la science prend une marche assurée; mais aussi, toutes les études physiques se concentrent dans les cabinets de physique, et en sortent seulement à de rares intervalles, et la science, après avoir épuisé toutes les combinaisons possibles dans l'étroite enceinte des laboratoires, se trouve impuissante à expliquer le moindre phénomène de la nature, parce que sa vue n'est pas assez étendue pour en embrasser le grand ensemble.

Les études physiques ne sont pas aussi indépendantes que les études chimiques, ou celles de l'histoire naturelle; leurs racines plongent dans toutes les sciences, dont la nature est l'objet. La chimie a fourni à la physique l'idée de l'expérimentation; l'histoire naturelle lui a fourni, dans les voyages entrepris pour son avancement, l'occasion de rassembler des données d'observation immédiate sur une très grande étendue. C'est ainsi, que les voyages scientifiques ont ramené l'esprit humain à l'observation directe des phénomènes naturels, parmi lesquels le magnétisme terrestre a toujours occupé une place distinguée; une nouvelle ère pour les sciences physiques a commencé: il y avait un nouveau domaine à conquérir pour l'observation, un domaine qui ne s'arrête qu'aux régions impénétrables des pôles terrestres et des déserts brûlants, voisins de l'équateur. Mais les phénomènes de la nature se présentent à notre esprit sous deux formes très distinctes dont l'une est constante et l'autre variable: nous avons, d'un côté, les lois immuables de la nature, les formes constantes dont elle

se revêt ; mais nous avons aussi, de l'autre côté, des changements continuels, des mouvements incessants; et l'étude de ces deux sortes de phénomènes exige des moyens très différents. Il suffit, par exemple, d'un seul effort pour déterminer la latitude, pour décrire une plante, car ces choses ne changent pas : mais les observations nécessaires pour déterminer les éléments magnétiques dans un point quelconque de la surface terrestre ne finissent pour ainsi dire jamais, parce que ces éléments changent continuellement, et s'il y a des périodes après lesquelles les mêmes phénomènes reviennent, ces périodes sont très longs, et embrassent souvent plusieurs générations. Ce n'est donc pas en voyageant qu'on peut étudier à fond les phénomènes de ce genre : ce n'est pas non plus dans des cabinets de physique, où des travaux de tout genre se succèdent et se gêneraient mutuellement, si on en voulait continuer quelques-uns pendant un très long espace de temps ; il faut pour cela des établissements destinés spécialement à poursuivre ces recherches sans relâche, sans interruption ; il faut des observateurs toujours en place, ne manquant jamais à l'appel ; on ne peut pas, comme dans les observations astronomiques, interrompre les observations, sans inconvénient, pendant des jours, pendant des mois entiers ; chaque heure, chaque minute apporte un changement dans ces phénomènes éminemment variables, qu'il faut enregistrer, pour qu'il ne soit à jamais perdu pour la science.

On voit par ce que je viens d'exposer, comment le

plus grand voyageur de notre siècle a pu être en même temps le plus grand promoteur des études magnétiques; mais on voit aussi qu'on n'a pu s'arrêter à ces matériaux rassemblés accidentellement, à ces données fournies par des observations continuées pendant quelques heures ou quelques jours; et que la nouvelle ère, dans laquelle les études magnétiques viennent d'entrer, commence véritablement là, où des observations continuées tous les jours, pendant un nombre d'années illimité, se font dans les observatoires nouvellement créés à cet effet, c'est à dire, avec la fondation du premier observatoire magnétique, où l'on observe tous les jours et toute la journée.

A peine avait on fondé les premiers observatoires magnétiques en Russie, qu'une émulation, qui fait honneur à notre siècle, s'établit dans toute l'Europe. Le gouvernement anglais organisa à lui seul six observatoires magnétiques; la Compagnie des Indes orientales y ajouta encore quelques-uns: à cette occasion, le nombre des heures d'observation fut considérablement augmenté; dans les premiers observatoires russes on n'observait que le jour, toutes les deux heures; dans les observatoires créés par la nouvelle association, on continue les observations pendant le jour et la nuit, et on en fait une chaque heure.

C'est assurément une besogne immense, que celle d'enregistrer 24 fois par jour, pendant plusieurs années, et avec une exactitude scrupuleuse, la déclinaison, l'intensité magnétique, la hauteur du baromètre,

la température de l'air, la pression des vapeurs d'eau qu'il contient, enfin l'état du ciel et la quantité de pluie ou de neige qui est tombée du ciel; mais M. Nervander, par l'ouvrage qu'il vient de nous présenter, a prouvé qu'on peut encore aller plus loin. Dès que les construction de l'observatoire magnétique de Helsingfors fut achevée, dès que les instrumens furent établis, c'est à dire dès le mois de juillet 1844, on y commença une série d'observations qui furent continuées toutes les 10', jour et nuit, et qui continuent encore. On peut s'imaginer combien il faut de persévérance, combien d'abnégation de soi-même, pour diriger, pour être l'ame d'un si immense travail; car, il faut le dire dès à présent, les observateurs employés à cette incessante besogne, n'ont d'autres tâches que d'observer et d'enregistrer leurs observations; ils n'ont eu et n'ont aucune part ni dans la direction, ni dans le calcul des observations, ni dans la rédaction de leurs résultats. Je n'aurai donc pas besoin de faire voir à la Commission que M. Nervander a fait assez pour mériter son approbation, mais il faudra plutôt prouver qu'il n'a pas fait trop; car, si des observations six fois plus nombreuses que les observations faites dans les autres observatoires magnétiques ne fournissent pas des résultats plus importants à la science, pourquoi, dira-t-on, ce travail et ces dépenses extraordinaires? La réponse à cette question fera encore mieux ressortir le mérite de M. Nervander et ses titres à une récompense; car c'est M. Nervander lui-même qui n'a pas seulement

donné, par des travaux antérieurs, des motifs suffisants pour l'entreprise d'un si grand travail, mais qui a déjà trouvé dans les résultats de deux années de ses observations, la confirmation de ses idées antérieures. Ce n'est pas ici l'endroit d'entrer dans tous les détails de ces recherches délicates; il suffira de dire, que jusqu'à présent, la marche journalière de l'aiguille a été très imparfaitement connue; qu'on avait bien reconnue l'existence d'un maximum et d'un minimum de déclinaison, qui reviennent chaque jour à des heures passablement fixes, mais que tous les autres mouvements de l'aiguille se trouvaient confondus sous la dénomination de mouvements irréguliers. M. Nervander nous a fait voir, dans un mémoire inséré dans notre Bulletin, qu'outre le maximum et le minimum de déclinaison, qui ont lieu vers 1^h du matin et vers 1^h après midi, il existe encore d'autres points saillants dans la courbe qui représente la marche journalière de l'aiguille et que, pour découvrir l'existence de ces points, et pour bien établir leur période, il faudrait observer plus souvent que chaque heure, intervalles trop grands pour mettre au jour toutes les sinuosités de la courbe nommée. C'est fort de cette conviction, que M. Nervander lorsque l'observatoire de Helsingfors fut fondé, et qu'il en fut nommé le directeur, résolut d'augmenter le nombre des observations et d'en instituer toutes les 10 minutes; et ce motif paraîtra sans doute suffisant à tout le monde; nous ne pouvons qu'admirer le courage, qui peut faire naître une telle résolution, et la persévérance qui en a assuré l'exécution.

M. Nervander nous a envoyé ses observations originales : leur impression a commencé, mais n'a pu continuer, faute de moyens suffisants. Il en résulte une double tâche pour nous, celle de récompenser un si grand travail, et celle de le rendre dans toute son étendue profitable à la science, en disposant en sa faveur des fonds alloués à l'impression des ouvrages manuscrits couronnés. Voici la liste complète des observations contenues dans les paquets de l'année 1847, la seule que je mets sous les yeux de la Commission, parce que les autres lui ressemblent exactement.

I. Observations sur les variations de la déclinaison, faites de 10′ en 10′, jour et nuit ; la première colonne contient le nom de l'observateur, la seconde la date, les autres six colonnes les observations, de sorte que la première page comprend toutes les observations faites pendant le mois entier, pendant la première heure, c'est à dire de 0^h jusqu'à 0^h 50′; il faut donc 24 pages ou 6 feuilles pour faire un mois ; à la fin de chaque heure, on s'est convaincu de l'immobilité de la lunette, en la dirigeant sur un miroir fixe.

II. Observations sur les variations de l'intensité horizontale, faites également de 10′ en 10′, mais 2′ plus tard, et inscrites de la même manière ; la température du barreau aimanté a été notée d'heure en heure — en tout 6 feuilles par mois.

III. Observations sur les variations de l'inclinaison,

faites d'heure en heure, à compter depuis 0^h 14′ 20″ — deux feuilles par mois.

IV. Observations barométriques, faites de 20′ en 20′, depuis 0^h 15′, — 6 feuilles.

V. Observations sur la température de l'air, à l'ombre, faites de 20′ en 20′, et depuis 0^h 5′; 3 feuilles; ici est aussi indiqué la pluie, la neige et la grêle.

VI. Observations sur la température de l'air, faites avec un thermomètre exposé de sorte qu'il fût frappé du soleil, lorsqu'il y en avait; ces observations ont aussi été faites de 20′ en 20′, depuis 0^h 6′; 3 feuilles.

VII. Observations sur l'état du ciel, faites d'heure en heure depuis 0^h 7′; une feuille.

VIII. Observations sur la direction du vent, faites de 20′ en 20′, depuis 0^h 6′; trois feuilles.

IX. Observations sur la force du vent, faites de 20′ en 20′, à compter de 0^h 7′; 3 feuilles.

Il est impossible d'observer tant d'instruments divers à la fois, même lorsqu'on ne prend pas très rigoureusement le sens de ce mot; on voit, comme M. Nervander a disposé du peu de temps, qui s'écoulait entre les observations du même instrument, pour qu'aucune observation ne puisse gêner l'autre. Dans le tableau suivant on voit l'ordre, dans lequel les observations furent faites pendant la durée de chaque heure.

Instant de l'observation.	Instrument observé.
0h 0′	Magnétomètre unifilaire.
0 2	Magnétomètre bifilaire.
0 5	Thermomètre à l'ombre.
0 6	Thermomètre au soleil et direction du vent.
0 7	Force du vent et état du ciel.
0 10	Magnétomètre unifilaire.
0 12	Magnétomètre bifilaire.
0 14 20″	Inclinaison.
0 15	Baromètre.
0 20	Magnétomètre unifilaire.
0 22	Magnétomètre bifilaire.
0 25	Thermomètre à l'ombre.
0 26	Thermomètre au soleil et direction du vent.
0 27	Force du vent.
0 30	Magnétomètre unifilaire.
0 32	Magnomètre bifilaire.
0 35	Baromètre.
0 40	Magnétomètre unifilaire.
0 42	Magnétomètre bifilaire.
0 45	Thermomètre à l'ombre.
0 46	Thermomètre au soleil et direction du vent.
0 47	Force du vent.
0 50	Magnétomètre unifilaire.
0 52	Magnétomètre bifilaire.
0 55	Baromètre.

En tout 29 observations chaque heure; et pour faire autant d'observations, il n'a fallu que six observa-

teurs, dont chacun observait par conséquent pendant 4 heures, chaque jour.

Comme les barreaux aimantés oscillent presque continuellement, il faut, pour déterminer la position moyenne du barreau, trois observations partielles au moins, dont la moyenne seule, prise de suite par l'observateur même, est enregistrée pour l'impression; les observations partielles sont écrites au crayon: M. Nervander en a ajouté à l'envoi de son manuscrit, pour en donner une idee. On comprend facilement que le calcul des moyennes d'un si grand nombre d'observations est à lui seul un travail très considérable. M. Nervander a revu, avec un soin extrême, le calcul de chaque observation simple, et calculé deux fois les moyennes de toutes les observations, prises de 5 en 5 jours, et ensuite les moyennes des mois.

Je pense que l'exposition du travail de M. Nervander que je viens de donner est suffisante, pour mettre la Commission en état de juger de son mérite et de son étendue. J'arrive donc à la conclusion de mon rapport, en proposant pour M. Nervander un prix entier, avec une part dans les sommes disponibles pour l'impression des ouvrages manuscrits; et je résume ici, pour plus de clarté, les motifs de ce jugement:

M. Nervander a accompli une des plus fortes tâches qu'un observateur se soit jamais imposée. Un travail de chaque minute, continué jour et nuit, ne peut être fait par un seul homme, et M. Nervander a été obligé de s'adjoindre plusieurs aides: mais M. Nervan-

der n'a pas seulement conçu et dirigé cette difficile entreprise, mais il en a été l'ame et pour ainsi dire l'esprit, car il s'en est réservé à lui seul toute la partie scientifique; ses aides n'ont été pour ainsi dire que les instrumens qu'il a employés. Le travail de M. Nervander remplit donc entièrement les conditions prescrites pour l'admission des ouvrages au concours pour un prix Démidoff. Il est écrit en français, mais il traite d'un sujet qui a rapport à la Russie, puisqu'il contient des données admirablement précises sur les phénomènes météorologiques et magnétiques d'un point de l'Empire; on peut même l'appeler éminemment national, puisque la Russie est un des pays qui ont le plus contribué aux progrès du magnétisme terrestre. D'ailleurs, il ne serait pas difficile de publier l'ouvrage dans les deux langues à la fois, puisqu'il contient beaucoup de chiffres, qui sont les mêmes dans toutes les langues.

Mars 1848. A. T. Kupffer.

РАЗБОРЪ

сочиненія

ИГНАТІЯ КОСОВИЧА,

подъ заглавіемъ:

ГРЕЧЕСКО-РУССКІЙ СЛОВАРЬ;

составленный

Академикомъ ГРЕФЕ.

Der Verfasser dieses auf Kosten der Moskow. Universität herausgebenen Wörterbuchs, schon früher durch eine Schrift: Греческій Глаголъ, Moskwa 1846. und eine Rede: о важности Греческаго языка, ib. 1846. vortheilhaft bekannt, hat ein sehr verdienstliches Werk geliefert und einem lange und schmerzlich gefühlten Bedürfniss für die in Russland studirende Jugend zur Zeit rühmlich abgeholfen. So viel ich weiss, giebt es nur zwey griechisch-russische Wörterbücher, das auf Kosten der Zosima früher begonnene und erst später vollendete, und das etymologische des verdienten Krylloff.

Auf einem Felde, wo noch so wenige Inländer sich versucht haben, kann begreiflicherweise das Höchste noch nicht erreicht seyn. Denn obgleich die Zahl der in Deutschland seit etwa einem halben Jahrhundert erschienenen griechischen und lateinischen Wörterbücher sehr bedeutend ist, sie sich auch fortschreitend verbessern, muss ich doch gestehen, dass selbst die besten in Deutschland meinen Anforderungen noch nicht genügen. Ich rede

hier nicht von absoluter Vollständigkeit, die immer nur relativ seyn wird, will auch nicht die viel wichtigere Chronologie der einzelnen Wörter und ihrer sich allmälig ausbildenden Bedeutungen besonders streng nehmen; es sind vielmehr andere näher liegende Fehler, über die ich ein paar Worte vorausschicken will.

1) Die meisten Lexicographen gefallen sich in dem Reichthum der Bedeutungen, die sie aufstellen, und mehr oder weniger logisch, unter Nummern und Buchstaben prunkend an einander reihen, und vergessen darüber ganz, dass jedes Wort ursprünglich nur eine einzige Bedeutung hat und haben kann; dass diese zunächst nur eigentlich oder uneigentlich, auf das Aeussere oder das Innere gehend, in einzelnen Fällen auf Verwandtes, von Speciellen auf Allgemeines oder umgekehrt, übertragen und nur seltener in andern Zeiten oder an andere Orten weiter davon abgetrennt werden mochte. Diese einzige Grundbedeutung da, wo die Etymologie klar ist, aus ihr zu entnehmen, ausserdem aus dem Gebrauch der Schriftsteller selbst, und den Erklärungen der Grammatiker, zuletzt aus den verwandten Sprachen, muss, wenn sie richtig ist, überall ausreichen, und mit etwas Nachdenken überall die geeignete Anwendung finden lassen. Wie man das Wort hier und da umschreiben mag, wie man sich da oder dort anders ausdrücken konnte, gehört gar nicht zur Sache. Nehme man als Beysp. die beyden Worte *κακός* und *καλός*, und man wird finden, dass *schlecht* und *schön*, äusserlich und innerlich, physisch und moralisch genommen,

überall genügt; was man hinzuthut, sind Folgerungen, Erklärungen, Variationen. Gleich allen andern hat auch unser Vf. unter den beyden Worten sich vergeblich bemüht, mehr zu sagen. Unter τιμή hat auch unser Vf. zuerst честь, und später als 2te Bed. оцѣнка, wie andere; es ist aber gerade umgekehrt: es ist der Preis, der jedem geziemt, und darum Ehre dem Ehre gebührt, und Strafe dem diese gebührt. Doch hier ist ein unermesslich Feld wo noch alle zurück sind.

2) So weit die Natur der modernen Sprache, in die des Lexicon übersetzt, es nur irgend erlaubt, muss mit der Grundbedeutung jedes Wortes auch seine Form nahmentlich, wenn es zusammengesetzt ist, treu wiedergegeben werden, und zwar in denselben Formen überall consequent. Wer z. B. λυσιτελές mit *vortheilhaft*, πολυτελές mit *kostbar*, und εὐτελές mit *wohlfeil* übersetzt, giebt dem Schüler über das τελές in allen 3 Worten ein Räthsel auf, und weder einen klaren Begriff des Sinnes noch ein rechtes Bild der Form. Τέλος ist Deutsch *Ziel*, höchste *Zahl*, *Zahlung*, *Zoll*; folgl. λυσιτελές, was die Bezahlung lösst, den Zoll, die Kosten einträgt, *also* vortheilhaft zu kaufen; πολυτελές, was mit viel zu *bezahlen*, theuer, εὐτελές was *gut*, leicht, zu bezahlen. Für die beyde ersten Worte hat sich der Vf. gut mit надержки geholfen, bey dem letzten, kommt er erst am Ende aufs rechte Wort.

In ἀληθές liegt nicht der abstracte Begriff *wahr*, sondern es heisst: was nicht zu verstecken und zu verhehlen; wie es der Verf. richtig übersetzt. Ebenso hat

er im ἱκέτης das *Kommen* richtig vorangestelt. Offenbar ist der Verf. hier auf gutem Wege.

Aus der Vernachlässigung der von uns hier aufgestellten zwey Forderungen, weil die Lexikographen unendliche Bedeutungen häufen, und selten das Rechte hervorheben oder auch nur geben, kommt es, dass die Schüler Alles mit Allem übersetzen zu können glauben, wenn es nur ohngefähr in den Zusammenhang zu passen scheint, und nur nicht gerade etwas Gutes schlecht, etwas Schlechtes gut genannt wird.

3) Ein griechisches Wörterbuch sollte überall das etymologisch entsprechende lateinische Wort hinzufügen, so wie ein lateinisches das griechische, weil ja doch beyde Sprachen vereint gelernt werden müssen, wenn irgend ein Nuzen zu erwarten, und die tiefere Einsicht in die Analogie der einzelnen Sprache stets dabey gewinnt. Der Verf. hat das Lateinische sehr oft verglichen; doch nicht ganz überall, wo ers konnte; weshalb wir ihn tadeln müssen: denn er wusste, dass es gut war.

4) Ohne hier weitergehende linguistische Vergleichungen und Ausführungen zu verlangen, die nur verwirren könnten, musste doch in der jedesmal gebrauchten modernen Sprache das etymologisch-grundwerwandte Wort vorangestellt und mit besonderer Schrift ausgezeichnet werden. Durch eine solche sichtlich dargestellte Uebereinstimmung der Muttersprache mit dem alten Idiom wird dieses dem Schüler interessanter und lieber erscheinen, zugleich wird er vor der Einbildung bewahrt werden, als sey seine Sprache eine durchaus absonder-

liche, die mit gar keiner andern zu vergleichen. Es ist Schade, dass der gelehrte und der Linguistik nicht fremde Verf. an die Auszeichnung solcher Worte nicht gedacht hat, wenn sie gleich natürlicherweise da stehen und oft gar nicht fehlen konnten, weil sie die einzigen waren, wie z. B. das russische Wort für *καρδία*, wo cor, *cordis* fehlt, für *ἀμφω*, für *κλίω*, für *ἕσπερος*, denn vesper, könnte auch vescer heissen, wodurch das Russische vermittelt wird; und so vieles andere. Ich nenne nur noch einige weniger auffällende und leicht zu übersehende Vergleichungspunkte, wie, *πρέμνον*; *πρεσβύς*, *πρειγύς*, primus, mit dem gleichen russischen Ordinale, *ἀθρέω*, *βλέπω*, *λῶον*, und dergl. mehr. Richtig hat er unter *εἰκών*, das kirchliche икона angeführt. Aber bey dem p. 882 erwähnten seltenen Pronomen *ἴ* oder *ἵ* durfte weder das Lateinische is, noch das alt-slavische и, cf. Dobrowsky Jnst. p. und der mit *ἕο*, *εἷο*. ejus, übereinstimmende genit. ero fehlen; und zu *ἴν* = *μίν* und *νίν* gehörte das Alt Lat. im = eum.

5) Nützlich wäre eine Auswahl solcher Nomina propria, die für die Sprachbildung Formen ergänzen, die in der Umgangssprache nicht vorkommen; wie z. B. *Ἄτρευς*, *Ὀτρευς*, *Τόξευς*, *Ἰοκαστη*, *Λυκυργος*, und viele andere, da ja natürl. jeder wirklich Griechische Nahme eine Bedeutung haben muss. Der Verf. hat keine Griechische Eigennahmen aufgenommen.

6) Jedem alphabetischen Lexicon der alten Sprachen wünschten wir ein möglichst kurzes Wurzelverzeichniss mit einer compendiösen Zusammenstellung der Ableitun-

gen natürlich ohne Bedeutung beygefügt, was wenig Raum kosten und doch dem Schüler viel nützen würde Der Verf. giebt meist — nicht überall, bey Ableitungen und Zusammensetzungen die ganzen Stammformen mit k. und kk an. Oft würde dann hier nur die Wurzelsylbe zu geben seyn.

Diess sind etwa die Anforderungen, die ich vor Allen an ein Lexicon der classischen Sprachen machen zu müssen glaube. Dass der Verf. Vielem davon genügt, gereicht gewiss ihm zur Ehre und seinem Werke zur gerechten Empfehlung. Wenn No 4. ihm entging; No. 5 und 6. nicht in seinem Plan lagen, so ist ihm deswegen kein Vorwurf zu machen; oder er würde noch viel andere Lexicographen treffen. Es ist augenscheinlich, dass er nach den besten und neuesten deutschen Hülfsmitteln gearbeitet hat; unter *αὐλαξ* citirt er Passow; und das dem Possowischen Lexico fehlende seltene Wort *ἐπιμεσουράνημα* von dem eine französische Uebersetzung gegeben wird, macht es wahrscheinlich dass er auch ein griechisch-französisches Lexicon vor Augen hatte. Zu bedauern bleibt, dass er selbst seine Quellen mit keinem Worte genannt hat.

Laut der 7 seiligen Vorrede hat des Verf. Bruder den Anfang des Werkes bis *εἰς* gearbeitet: ob hier ein merklicher Unterschied in der Behandlung, lassen wir dahin gestellt. Dass aber die letzten 4 od. 5 Buchstaben des Alphabets offenbar etwas kürzer abgethan worden, nahmentl. mit wenigern Citaten, ist sichtbar; ergiebt sich auch schon daraus, dass der erste Bd. A — K. 1093 SS. der 2te *Λ* — *Ω* nur 904 SS. enthält, während in

andern Wörterbüchern derselben Sprache umgekehrt der 2te Theil um etwa eben so viel Seiten länger als der erste zu seyn pflegt. Wir wissen nicht, ob die Zeit, oder die typographischen Kosten den Verf. zum Schlusse drängten. Nachlässigkeiten haben wir eben nicht bemerkt.

Eine Ungleichheit ist auch, dass im ganzen Werke die Citate bald in den blossen abgekürzten Nahmen der Autoren bestehen; bald die jedesmaligen Stellen genau bezeichnen nach den Abtheilungen der Werke. Man kann in dessen sagen, dass für die Chronologie des Wortes und seiner Bedeutung auch das erste hinreichte.

Schreib- oder Druckfehler sind verhältnissmässig selten genug; dass sie in einem Buche von 2 B-den mit fast vollen 2000 SS. nicht ganz fehlen, ist natürlich, und wäre es überall. Ich führe nur einiges Stöhrende an: *Ἅδης*, obwohl richtig ist *ἀϊδης* zurück geführt, steht doch 3-mal nacheinander ohne j subscriptum; eben so *ἄδω*, neben *ᾄσω*, wo zugleich *ἀείδω* vergessen ist Unter *ἀεί* steht mit falschem Accent *αἴες*, und vorher *ἀδιάδοκος* statt — *δοχος*. Unter *ἀείρω* ist *αἴρω* falsch, und *ἀειλάμην* statt *ἀεισάμην*; so wie unter *ἀεξίτροφος* falsch *τρόφη*, statt *τροφή*; unter *αἴστωρ*, *ἰδέναι* statt *εἰδέναι*; unter *ἀλόχευτος*, — *γογή*. statt *ευτή*. Unter *ἄλσος*, — das Dor. *ἄλτος* fehlt, — wird *ἅλλομαι* und zu saltus, salio angeführt, freilich nach grosser Auctorität; aber gewiss falsch: entweder hängt *ἀλθέω*, alo, od *ἀλής* damit zusammen. *Ἀμφ*, als Anfang der Worte, ist nicht immer aus *ἀναφ* zu erklären, wie gleich in dem folgenden *ἀμφαγαπάζω*, sondern auch aus *ἀμφί*. Bey *ἀνή-*

νοθα wird auch ἐπενηνοθε verwiesen und dort auch ἔνιθω angegeben, was wegen ἐνιθεῖν = ἐλιθεῖν verwirren muss, welche letztere Form überdiess fehlt; διφροῦχος ist nicht einsitzig, одномѣстный, sondern entweder: Wagen oder Sitzhabend. Statt εἰκονολογία steht εἰκονολ. Unter εὐρυχορος steht χῶρος als Wurzel; aber es musste χόρος und χῶρος erst unter einen Gesichtspunkt gebracht werden. Unter ζυγόν führen freilich Viele die Platonische Erklärung aus δυω und ἀγειν an; aber es bleibt doch nur ein Spas, wie andere Etymologien im Cratylus, seit man das lateinische jugum und die sanskritischen Analogien kennt. S. 884 ist ἰδή und daneben ἠδή falsch. Zu λαϊγξ kennte λαϊς und lapis bemerkt werden; ähnliches zu δαίς. Unter λῶος steht λόας statt λόος; zu πρόφρασσα, war ἀποφρας zu citiren, wiewohl es zu etwas anderem geworden. Zu ὦς, οὖς, οὖας gehörte der gemeine Genit. ὠτός.

Ueber einige wenige Auslassungen hin und wieder, wie ἀδιαβίβαστος, ἄϊκες, ἀμφιπαπτίζω, ἰαστί, ἰάστιος, Formen, wie τιθέασι, ἴασι und dergl. ist nicht zu rechten.

Wir fürchten keinen Widerspruch, wenn wir das fleissige, umfangsreiche Werk des Verf. das wirklich ein Bedürfnis ausfüllt, zu einem *halben* Preis vorstellen.

Fr. Graefe.

РАЗБОРЪ

сочиненія

Г-на СОМОВА,

ЭКСТРАОРДИНАРНАГО ПРОФЕССОРА

при С Петербургскомъ Университетѣ,

ПОДЪ ЗАГЛАВІЕМЪ:

АНАЛИТИЧЕСКАЯ ТЕОРІЯ

ВОЛНООБРАЗНАГО ДВИЖЕНІЯ ЭФИРА;

составленный

Академикомъ ОСТРОГРАДСКИМЪ.

M. Somov, professeur à l'université de St.-Pétersbourg, envoya au Concours des prix Démidov, un mémoire sur les vibrations du fluide éthéré. L'Académie m'a chargé d'en rendre compte.

L'auteur commence par un abrégé historique des travaux des géomètres relatifs au mouvement de l'éther: mais il ne cite ni Laplace, auquel il faudrait remonter toutes les fois qu'il s'agira des actions qui s'éteignent à distances sensibles, ni Poisson pour la remarque capitale, relative à ce que les sommes, que l'on rencontre dans le calcul des forces moléculaires, ne sont pas convertissables en intégrales. Cependant ce n'est que depuis cette remarque, que datent les progrès de la mécanique moléculaire.

Après avoir cité les travaux des géomètres M. Somov parle de ce qu'il croit y avoir ajouté. Laissons le prendre la parole lui-même.

«M. Cauchy admet que les équations relatives aux «vibrations d'un seul milieu, appartiennent non seulement «à l'éther isolé, mais aussi à ce fluide combiné avec la

« matière pondérable. Ainsi il suppose que les actions « mutuelles des particules de l'éther s'équilibrent indé- « pendamment de la matière pondérable, et que l'effet de « celle-ci sur l'éther se réduit également à zéro et reste « nulle pendant les vibrations du fluide éthéré. De cette « manière, l'influence de la matière pondérable ne laisse « aucune trace dans les équations de l'équilibre ou du « mouvement de l'éther, et il est impossible de reconnaî- « tre comment l'élasticité de ce fluide dépend de la fi- « gure et de la disposition des molécules pondérables. Par « cette raison, je me suis vu forcé de remplacer les équa- « tions dues à M. Cauchy, par d'autres qui contiennent « des termes dépendant de la matière pondérable. Les « intégrales de ces dernières équations et les conséquen- « ces qui s'en déduisent s'accordent avec les résultats « obtenus par M. Cauchy et *deviennent entièrement iden- « tiques avec ces mêmes résultats, quand on néglige les « termes dépendant de la matière pondérable.* »

M. Somov expose ensuite les hypothèses qui vont servir à l'établissement des équations différentielles relatives au mouvement de l'éther. Parmi ces hypothèses, il y en a qui sont superflues, et d'autres, qui seraient nécessaires, ne s'y trouvent pas. Par exemple : M. Somov néglige les déplacements des molécules pondérables sans en prévenir *), et au contraire, considérant les par-

*) Cependant, pour être plus exact, nous devons ajouter que M. Somov dit bien, «On supposera que ces déplacements (ceux de «l'éther) ne produisent que des changements insensibles dans la fi- «gure et la disposition des molécules pondérables; hypothèse très

ticules de l'éther comme des points, il ajoute «qu'on «peut considérer l'action d'une molécule pondérable sur «celle de l'éther comme une seule force.» Cette hypothèse est superflue, puisqu'on sait que des efforts quelconques appliqués à un point se réduisent toujours à une seule résultante.

Plus loin, M. Somov déduit les équations différentielles du mouvement de l'éther en ayant égard à l'action de la matière pondérable, mais en négligeant les déplacements des molécules de celle-ci. Ce qui revient à considérer la matière pondérable comme étant en équilibre indépendamment de l'éther, et à supposer que le mouvement de ce fluide ne trouble pas l'équilibre dont il s'agit, c'est-à-dire ne se communique pas à la matière pondérable.

La formation des équations relatives au mouvement d'un système de molécules disjointes ne présente aucune difficulté et se trouve très naturellement indiquée

---

«probable *parce que les particules de l'éther sont très petites par «rapport à celles de la matière pondérable.*» Mais cette remarque se trouve en dehors du texte, en note au bas de la page 8 de l'introduction; elle devrait, ce nous semble, trouvér place parmi les hypothèses qui servent de base aux calculs, et s'y trouver avec tous les développements nécessaires. Nous pensons que l'auteur considère l'éther, mêlé à la matière pondérable, d'abord en équilibre; puis il admet qu'on a excité un mouvement dans une portion de l'éther, sans déranger la matière pondérable. Ce mouvement se propagera dans le fluide éthéré, mais il sera impuissant pour déplacer la matière pondérable; parce que les masses des molécules de celle-ci sont incomparablement plus grandes que les masses de particules de l'éther.

depuis la remarque importante due à Poisson et dont nous avons déjà parlé. Ce qui nous paraît de plus simple pour cet objet se trouve dans un article du Bulletin des sciences mathématiques *) publié jadis par le baron de Férussac. Nous allons reproduire le contenu de cet article.

Désignons par m, m' m'', m''' etc. les masses, ou les éléments des masses des molécules disjointes répandues dans l'espace, et par x, y, z; x', y', z'; x'', y'', z''; etc. les coordonnées rectangles qui fixent les positions de ces masses, ou éléments, au bout d'un temps t. La lettre v et la fonction $f(v)$ représentant la distance mm' et la loi de l'attraction à cette distance, l'action de m' sur m sera

$$mm'f(v)$$

et elle aura pour composantes, parallèles aux axes,

$$mm'f(v)\frac{x'-x}{v},\quad mm'f(v)\frac{y'-y}{v},\quad mm'f(v)\frac{z'-z}{v}$$

ou bien

$$-mm'\frac{dF(v)}{dx},\quad -mm'\frac{dF(v)}{dy},\quad -mm'\frac{dF(v)}{dz}.$$

la fonction $F(v)$ désignant l'intégrale $\int f(v)dv$.

L'action sur m des autres molécules ou éléments m'', m''' etc. fournira, dans la direction des axes, des termes semblables aux précédents. Si donc l'on prend le signe Σ pour indiquer la somme des termes relatifs à toutes les actions dont il s'agit, et qu'on fasse pour abréger

$$\Sigma m'F(v) = V$$

*) Tome XII année 1830 pages 249 et suivantes.

la résultante de toutes les actions moléculaires sur m aura pour projections sur les axes coordonnées

$$-m\frac{dV}{dx}, \quad -m\frac{dV}{dy}, \quad -m\frac{dV}{dz}.$$

Nous venons de dire que la somme Σ, contenue dans V, doit s'étendre à tout ce qui agit sur le point m; ajoutons que, si parmi les actions sur ce point il s'en trouvent qui suivent des lois différentes, il conviendrait de réserver un Σ à part pour chaque loi, de manière à avoir

$$V = \Sigma m' F(v) + \Sigma m'' \Phi(v) + \Sigma m''' \Psi(v) + \ldots$$

$\Phi(v)$, $\Psi(v)$ etc., étant pour d'autres lois ce que $F(v)$ est pour la loi représentée par la fonction $f(v)$.

Nous aurons égard à cette remarque plus tard, quand nous aurons donné une forme convenable à la somme $\Sigma m' F(v)$. Car tout ce qu'on aura fait de cette somme conviendra à toutes les autres, et il ne restera qu'à réunir les résultats.

Supposons que les masses m, m', m'',... sont en mouvement vibratoire, infiniment petit, autour de leurs positions d'équilibre, et que le mouvement en est dû à ce qu'elles ont été dérangées de cette position.

Désignons par a, b, c; a', b', c'; a'', b'', c'', etc. les coordonnées des masses m, m', m'' etc., relatives à la position de l'équilibre, et faisons

$$x = a + \varepsilon\xi, \quad y = b + \varepsilon\eta, \quad z = c + \varepsilon\zeta$$
$$x' = a' + \varepsilon\xi', \quad y' = b' + \varepsilon\eta', \quad z' = c' + \varepsilon\zeta'$$
$$x'' = a'' + \varepsilon\xi'', \quad y'' = b'' + \varepsilon\eta'', \quad z'' = c'' + \varepsilon\zeta''$$

etc.

*

ξ, η, ζ, ξ', η', ζ', ξ'', η'', ζ'', etc. étant des fontions inconnues de a, b, c, a', b', c', a'', b'', c'', etc. et du temps t, et ε une quantité infiniment petite dont nous négligerons le carré et les puissances supérieures. Ce qui fera que les inconnues ξ, η, ζ, ξ' etc. seront données par des équations linéaires.

En négligeant ε^2, le théorème de Maclaurin fournit d'abord

$$V = V_0 + \varepsilon\left(\frac{dV}{d\varepsilon}\right)_0$$

V_0 et $\left(\frac{dV}{d\varepsilon}\right)_0$ sont les valeurs de V et de $\frac{dV}{d\varepsilon}$ pour $\varepsilon = 0$.

Désignant par l la valeur de la distance v, pour $\varepsilon = 0$, c'est-à-dire faisant

$$l = \sqrt{((a'-a)^2 + (b'-b)^2 + (c'-c)^2)},$$

nous aurons

$$V_0 = \Sigma m' F(l),$$

puis

$$\frac{dV}{d\varepsilon} = \Sigma m' F'(v) \frac{dv}{d\varepsilon};$$

or

$$\frac{dv}{d\varepsilon} = \frac{(x'-x)(\xi'-\xi) + (y'-y)(\eta'-\eta) + (z'-z)(\zeta'-\zeta)}{v},$$

donc, en substituant et faisant $\varepsilon = 0$, il viendra

$$\left(\frac{dV}{d\varepsilon}\right)_0 = \Sigma \frac{m'F'(l)}{l}\Big[(a'-a)(\xi'-\xi) + (b'-b)(\eta'-\eta) + (c'-c)(\zeta'-\zeta)\Big]$$

ou bien

$$\frac{dV}{d\varepsilon} = -\Sigma m'\left[\frac{dF(l)}{da}(\xi'-\xi) + \frac{dF(l)}{db}(\eta'-\eta) + \frac{dF(l)}{dc}(\zeta'-\zeta)\right]$$

il s'en suit que

$$V = \Sigma m' F(l) - \varepsilon \Sigma m' \left[\frac{dF(l)}{da}(\xi' - \xi) + \frac{dF(l)}{db}(\eta' - \eta) + \frac{dF(l)}{dc}(\zeta' - \zeta) \right];$$

il faut maintenant différentier la valeur de V pour avoir les dérivées partielles $\frac{dV}{dx}$, $\frac{dV}{dy}$, $\frac{dV}{dz}$. Mais, sous la forme précédente V est fonction de a, b, c, et non de x, y, z. C'est pourquoi nous allons nous servir des formules

$$\frac{dV}{da} = \frac{dV}{dx}\frac{dx}{da} + \frac{dV}{dy}\frac{dy}{da} + \frac{dV}{dz}\frac{dz}{da}$$
$$\frac{dV}{db} = \frac{dV}{dx}\frac{dx}{db} + \frac{dV}{dy}\frac{dy}{db} + \frac{dV}{dz}\frac{dz}{db}$$
$$\frac{dV}{dc} = \frac{dV}{dx}\frac{dx}{dc} + \frac{dV}{dy}\frac{dy}{dc} + \frac{dV}{dz}\frac{dz}{dc}.$$

relatives à la transformation des variables indépendantes. En y mettant pour x, y, z, leurs valeurs $a + \varepsilon\xi$, $b + \varepsilon\eta$, $c + \varepsilon\zeta$, nous aurons

$$\frac{dV}{dx} = \frac{dV}{da} - \varepsilon\left(\frac{dV}{dx}\frac{d\xi}{da} + \frac{dV}{dy}\frac{d\eta}{da} + \frac{dV}{dz}\frac{d\zeta}{da}\right)$$
$$\frac{dV}{dy} = \frac{dV}{db} - \varepsilon\left(\frac{dV}{dx}\frac{d\xi}{db} + \frac{dV}{dy}\frac{d\eta}{db} + \frac{dV}{dz}\frac{d\zeta}{db}\right)$$
$$\frac{dV}{dz} = \frac{dV}{dc} - \varepsilon\left(\frac{dV}{dx}\frac{d\xi}{dc} + \frac{dV}{dy}\frac{d\eta}{dc} + \frac{dV}{dz}\frac{d\zeta}{dc}\right).$$

partant, en négligeant tout-à-fait ε

$$\frac{dV}{dx} = \frac{dV}{da}, \quad \frac{dV}{dy} = \frac{dV}{db}, \quad \frac{dV}{dz} = \frac{dV}{dc}$$

donc, aux quantités de l'ordre ε^2 près

$$\frac{dV}{dx} = \frac{dV}{da} - \varepsilon\left(\frac{dV}{da}\frac{d\xi}{da} + \frac{dV}{db}\frac{d\eta}{da} + \frac{dV}{dc}\frac{d\zeta}{da}\right)$$
$$\frac{dV}{dy} = \frac{dV}{db} - \varepsilon\left(\frac{dV}{da}\frac{d\xi}{db} + \frac{dV}{db}\frac{d\eta}{db} + \frac{dV}{dc}\frac{d\zeta}{db}\right)$$
$$\frac{dV}{dz} = \frac{dV}{dc} - \varepsilon\left(\frac{dV}{da}\frac{d\xi}{dc} + \frac{dV}{db}\frac{d\eta}{dc} + \frac{dV}{dc}\frac{d\zeta}{dc}\right)$$

En mettant, dans la seconde partie de ces formules, à la place de V sa valeur

$$\Sigma m' F(l) - \varepsilon \Sigma m' \left[\frac{dF(l)}{da}(\xi' - \xi) + \frac{dF(l)}{db}(\eta' - \eta) + \frac{dF(l)}{dc}(\zeta' - \zeta) \right]$$

et effaçant les termes qui contiennent les dérivées de ξ, η, ζ par rapport à a, b, c, parce qu'ils se détruisent mutuellement, nous trouverons

$$\frac{dV}{dx} = \Sigma m' \frac{dF(l)}{da} - \varepsilon \Sigma m' \left[\frac{d^2F(l)}{da^2}(\xi' - \xi) + \frac{d^2F(l)}{dadb}(\eta' - \eta) + \frac{d^2F(l)}{dadc}(\zeta' - \zeta) \right]$$

$$\frac{dV}{dy} = \Sigma m' \frac{dF(l)}{db} - \varepsilon \Sigma m' \left[\frac{d^2F(l)}{dadb}(\xi' - \xi) + \frac{d^2F(l)}{db^2}(\eta' - \eta) + \frac{d^2F(l)}{dbdc}(\zeta' - \zeta) \right]$$

$$\frac{dV}{dz} = \Sigma m' \frac{dF(l)}{dc} - \varepsilon \Sigma m' \left[\frac{d^2F(l)}{dadc}(\xi' - \xi) + \frac{d^2F(l)}{dbdc}(\eta' - \eta) + \frac{d^2F(l)}{dc^2}(\zeta' - \zeta) \right]$$

Le signe Σ s'étend à toutes les masses, ou éléments des masses m' qui agissent sur le point m, quelles que soient d'ailleurs leurs actions; qu'elles suivent une même loi, ou des lois différentes.

Avant d'aller plus loin, il est bon de convenir de ce qu'on voudra entendre par la masse m. Faut-il que m représente la masse d'une molécule considérée comme un point, ou bien que m soit seulement un élément d'une semblable masse dont on ne croit pas pouvoir négliger les dimensions? Dans le dernier cas, on aura pour le mouvement de la molécule, les six équations connues relatives à la translation et à la rotation des corps solides. Mais, si l'on en néglige les dimensions

c'est-à-dire, si on considère la molécule comme un point, il n'y aura que trois équations nécessaires pour déterminer son mouvement, savoir les équations propres au mouvement d'un point matériel. On remarquera d'abord qu'alors les termes

$$\Sigma m' \frac{dF(l)}{da}, \quad \Sigma m' \frac{dF(l)}{db}, \quad \Sigma m' \frac{dF(l)}{dc}$$

se réduiront à zéro, puisqu'ils se rapportent aux actions que le point m supporte dans la position de l'équilibre. Or

$$0 = \Sigma m' \frac{dF(l)}{da}, \quad 0 = \Sigma m' \frac{dF(l)}{db}, \quad 0 = \Sigma m' \frac{dF(l)}{dc}$$

sont les conditions de cet équilibre. Donc l'accélération relative au point m aura pour projections sur les axes coordonnés

$$-\varepsilon \Sigma m' \left[\frac{d^2F(l)}{da^2}(\xi'-\xi) + \frac{d^2F(l)}{dadb}(\eta'-\eta) + \frac{d^2F(l)}{dadc}(\zeta'-\zeta)\right]$$

$$-\varepsilon \Sigma m' \left[\frac{d^2F(l)}{dadb}(\xi'-\xi) + \frac{d^2F(l)}{db^2}(\eta'-\eta) + \frac{d^2F(l)}{dbdc}(\zeta'-\zeta)\right]$$

$$-\varepsilon \Sigma m' \left[\frac{d^2F(l)}{dadc}(\xi'-\xi) + \frac{d^2F(l)}{dbdc}(\eta'-\eta) + \frac{d^2F(l)}{dc^2}(\zeta'-\zeta)\right]$$

et partant, on aura pour le mouvement de ce point,

$$\frac{d^2\xi}{dt^2} = -\Sigma m' \left[\frac{d^2F(l)}{da^2}(\xi'-\xi) + \frac{d^2F(l)}{dadb}(\eta'-\eta) + \frac{d^2F(l)}{dadc}(\zeta'-\zeta)\right]$$

$$\frac{d^2\eta}{dt^2} = -\Sigma m' \left[\frac{d^2F(l)}{dadb}(\xi'-\xi) + \frac{d^2F(l)}{db^2}(\eta'-\eta) + \frac{d^2F(l)}{dbdc}(\zeta'-\zeta)\right]$$

$$\frac{d^2\zeta}{dt^2} = -\Sigma m' \left[\frac{d^2F(l)}{dadc}(\xi'-\xi) + \frac{d^2F(l)}{dbdc}(\eta'-\eta) + \frac{d^2F(l)}{dc^2}(\zeta'-\zeta)\right]$$

Ces équations comprennent celles de M. Somov comme cas particulier. Pour le faire voir plus explicitement, supposons que le point m représente une molécule de l'éther, soumise tant à l'action des autres mo-

lécules du même fluide qu'à celle de la matière pondérable. Il n'y a qu'à séparer les termes dus à ces deux actions, termes qui sont implicitement compris dans les Σ précédents. Pour cela on écrira

$$\frac{d^2\xi}{dt^2} = \begin{array}{l} -\Sigma m'\left[\frac{d^2F(l)}{da^2}(\xi'-\xi)+\frac{d^2F(l)}{dadb}(\eta'-\eta)+\frac{d^2F(l)}{dadc}(\zeta'-\zeta)\right] \\ -\Sigma m''\left[\frac{d^2\varphi(h)}{da^2}(\xi''-\xi)+\frac{d^2\varphi(h)}{dadb}(\eta''-\eta)+\frac{d^2\varphi(h)}{dadc}(\zeta''-\zeta)\right] \end{array}$$

$$\frac{d^2\eta}{dt^2} = \begin{array}{l} -\Sigma m'\left[\frac{d^2F(l)}{dadb}(\xi'-\xi)+\frac{d^2F(l)}{db^2}(\eta'-\eta)+\frac{d^2F(l)}{dbdc}(\zeta'-\zeta)\right] \\ -\Sigma m''\left[\frac{d^2\varphi(h)}{dadb}(\xi''-\xi)+\frac{d^2\varphi(h)}{db^2}(\eta''-\eta)+\frac{d^2\varphi(h)}{dbdc}(\zeta''-\zeta)\right] \end{array}$$

$$\frac{d^2\zeta}{dt^2} = \begin{array}{l} -\Sigma m'\left[\frac{d^2F(l)}{dadc}(\xi'-\xi)+\frac{d^2F(l)}{dbdc}(\eta'-\eta)+\frac{d^2F(l)}{dc^2}(\zeta'-\zeta)\right] \\ -\Sigma m''\left[\frac{d^2\varphi(d)}{dadc}(\xi''-\xi)+\frac{d^2\varphi(d)}{dbdc}(\eta''-\eta)+\frac{d^2\varphi(d)}{dc^2}(\zeta''-\zeta)\right] \end{array}$$

La fonction φ est pour l'action de la matière pondérable sur l'éther ce que la fonction F est pour l'action de l'éther sur l'éther. m'' désigne un élément de la masse d'une molécule pondérable, h la distance mm'', et des deux signes Σ, l'un se rapporte à l'éther et l'autre à tous les éléments m'' de la matière pondérable.

M. Somov néglige le déplacement de la matière pondérable, ce qui revient à faire $\xi''=0$, $\eta''=0$, $\zeta''=0$; après quoi, en faisant pour abréger

$$\Sigma m''\,\varphi(h) = U$$

nous aurons les équations

$$\frac{d^2\xi}{dt^2} = -\Sigma m'\left[\frac{d^2F(l)}{da^2}(\xi'-\xi)+\frac{d^2F(l)}{dadb}(\eta'-\eta)+\frac{d^2F(l)}{dadc}(\zeta'-\zeta)\right] + \frac{d^2U}{da^2}\xi + \frac{d^2U}{dadb}\eta + \frac{d^2U}{dadc}\zeta$$

$$\frac{d^2\eta}{dt^2}=-\Sigma m'\left[\frac{d^2F(l)}{dadb}(\xi'-\xi)+\frac{d^2F(l)}{db^2}(\eta'-\eta)+\frac{d^2F(l)}{dbdc}(\zeta'-\zeta)\right]$$
$$+\frac{d^2U}{dadb}\xi+\frac{d^2U}{db^2}\eta+\frac{d^2U}{dbdc}\zeta$$
$$\frac{d^2\zeta}{dt^2}=-\Sigma m'\left[\frac{d^2F(l)}{dadc}(\xi'-\xi)+\frac{d^2F(l)}{dbdc}(\eta'-\eta)+\frac{d^2F(l)}{dc^2}(\zeta'-\zeta)\right]$$
$$+\frac{d^2U}{dadc}\xi+\frac{d^2U}{dbdc}\eta+\frac{d^2U}{dc^2}\zeta$$

qui servent de base aux recherches de M. Somov.

Pour intégrer ces équations et pour en discuter les intégrales, M. Somov suit les méthodes connues, appropriées à la théorie mathématique de la lumière par M. Cauchy, grand géomètre, qui posa la base et recula les limites de cette théorie. Il est, sans contredit, le meilleur guide que M. Somov ait pu suivre.

Cependant, tout en admirant le beau génie de M. Cauchy, notre illustre maître, nous oserons faire la remarque qu'il est un point où M. Somov n'aurait pas dû l'imiter.

M. Cauchy numérote toutes les formules de ses mémoires, et quand il s'agit de rappeler ces formules, il en cite les numéros que le lecteur doit chercher et dépenser, pour cela, un petit travail mécanique. Ce travail est largement récompensé par l'importance et la nouveauté des résultats qu'on apprend. M. Somov numérote aussi ses formules. Il y a environ deux cent numéros dans son mémoire, ce qui oblige le lecteur d'en tourner et retourner les pages, toutes les fois que des formules sont à rappeler, et cela arrive fréquemment. Nous engageons M. Somov d'abandonner désor-

mais ce numérotage embarrassant ; il n'a pas le même droit que le grand géomètre français d'assujetir son lecteur à un travail mécanique.

Nous remarquerons aussi que des inexactitudes sont échappées à M. Somov et, parfois, des manques de clarté et de précision : par exemple, il n'est pas exact quand il dit : « six quantités $A, B. C, u, v, w$, ne satisfaisant qu'à trois équations (22), quatre d'entre elles restent arbitraires. » Il aurait dû écrire : sept quantités A, B, C, u, v, w, s, satisfaisant aux trois équations (22), quatre d'entre elles, etc. De même, il serait plus précis, si au lieu de : « En considérant les intégrales des équations relatives aux mouvements infiniment petits des fluides élastiques homogènes, Poisson trouva etc., il eût dit : En considérant le mouvement infiniment petit des fluides élastiques homogènes, Poisson trouva etc.; car l'objet principal du géomètre français était bien le mouvement des fluides élastiques, et non les intégrales dont parle M. Somov, celles-ci ne sont venues, c'est-à-dire, n'ont été considérées que pour le mouvement dont il s'agit.

Il serait par trop minutieux de citer d'autres inexactitudes, tant de la rédaction que du calcul, échappées à M. Somov ; aussi pressons-nous d'arriver à la conclusion.

M. Somov, par des études assidues, s'est approprié tout ce que les géomètres ont écrit sur les équations à différences partielles linéaires, d'où dépendent la théorie de la lumière et d'autres questions importantes de

la physique mathématique. Sans doute, il a pris pour modèle et pour guide les recherches de M. Cauchy; cependant les équations qu'il eut à intégrer, diffèrent de celles de l'illustre géomètre français, par les termes dépendants de l'action de la matière pondérable sur l'éther. Ainsi le travail de M. Somov est loin de n'être qu'une copie. Au contraire, ce professeur fait preuve d'un talent incontestable que nous devons apprécier et encourager d'autant plus, que ces études de haute analyse n'ont point d'autres stimulants.

J'ai l'honneur de proposer à l'Académie d'accorder au travail de M. Somov un demi-prix Démidov; j'ajouterai que nous n'avons pas encore eu à récompenser des ouvrages mathématiques d'un mérite supérieur à celui de ce professeur.

31 mars 1848.

M. Ostrogradsky.

РАЗБОРЪ

сочиненія

Г-на ПАВЛА САВЕЛЬЕВА,

подъ заглавіемъ:

МУХАММЕДАНСКАЯ НУМИЗМАТИКА

ВЪ ОТНОШЕНІИ КЪ РУССКОЙ ИСТОРІИ;

составленный

Гг. Академиками

УСТРЯЛОВЫМЪ и ДОРНОМЪ.

Die Geschichte Russlands ist seit der Gründung der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften in der ersten Hälfte des vorigen Jahrhunderts der Gegenstand ernster Forschungen geworden, und man kann mit Recht sagen, dass geborene Russen sowohl als Gelehrte aus andern Nationen derselben eine Aufmerksamkeit zugewandt haben, welche von den günstigsten Erfolgen für diesen Theil der Weltgeschichte geworden ist. Für die mittlere und neuere Geschichte gab, und giebt es, wie wohl für die meisten Geschichten der Jetztzeit, leicht erklärlicher Weise mehrere und vollständigere Quellen als für die älteste und alte; aber gerade die letzteren, die sich mit der Entstehung eines Volkes oder Staates beschäftigen, müssen für den gelehrten Forscher sowohl als für das Volk selbst besonders anziehend sein. Und so hat man auch nicht unterlassen über die dunkelen Anfänge der Russischen Geschichte mühsame Untersuchungen anzustellen, und dieselben durch die Fackel geschichtlicher Forschungen zu erleuchten. Es verging indessen

geraume Zeit, ehe man ernstlich daran dachte, und denken konnte, bei diesen Untersuchungen auch morgenländische Geschichtschreiber zu Rathe zu ziehen. Die in dieser Hinsicht wichtigsten waren bis vor gar nicht langer Zeit entweder ungekannt, oder unzugänglich geblieben, und sind es zum Theil auch jetzt noch. Es bedurfte vor Allem eines gelehrten, wissenschaftlichen Kenners der morgenländischen Wissenschaft, um darzuthun, dass sehr bedeutende Aufschlüsse über die ältere Russische Geschichte von daher zu gewinnen seien, Aufschlüsse, die wir zum Theil anderwärts vergebens suchen. Das Verdienst, solches dargethan zu haben, kommt unstreitig Fraehn zu, und wenn auch sein Vorgang andere Orientalisten ermuntert hat, auf demselben Felde zu arbeiten, so hat doch wohl er das Wichtigste in dieser Hinsicht zu Tage gefördert, und auch er war es, der in seinen verschiedenen numismatischen und andern Schriften darauf hingewiesen, wie auch andere asiatische Denkmale, und namentlich Münzen zur Erläuterung der älteren und mittleren Geschichte, Ethnographie und Geographie Russlands schätzbare Beiträge liefern können.

Es wurden seit langer Zeit morgenländische und namentlich muhammedanische Münzen in dem Boden des Russischen Staates, so wie in dem der an denselben gränzenden baltischen Länder gefunden. Früher zogen solche Funde hier zu Lande eben keine weitere Aufmerksamkeit auf sich; die gefundenen Münzen wurden meistens ununtersucht dem Schmelztiegel übergeben, oder zu andern Zwecken verwendet; die Fundorte blieben un-

beachtet. Als man aber darauf kam, das Vorkommen dieser Münzen als ein Anzeichen eines ehemaligen zwischen Mittel-Asien und Russland und den angränzenden Ländern bestandenen bedeutenden Handelsverkehres zu betrachten, und nachzuweisen, wurde auch diesem Umstande grössere Aufmerksamkeit zugewandt, und ein Aufsatz Fraehn's *) lieferte uns eine eben so vollständige als lehrreiche Uebersicht solcher in Russland gethanen Funde, mit deren Hülfe wir die Richtung der ehemals bestandenen angedeuteten Handelswege mit höchst wahrscheinlicher Gewissheit zu verfolgen im Stande sind.

Es blieb nur noch übrig, diese Nachweisungen und Andeutungen für die Russische Geschichte besonders zu bearbeiten, und zwar in Russischer Sprache, denn letzterer Umstand allein konnte einer solchen Bearbeitung den rechten Werth verleihen, ihre Verbreitung über und in ganz Russland bewirken, und sie allgemein-nützig machen. Es war zur vollständigen Auffassung des Gegenstandes ein Kenner nicht nur der muhammedanischen Sprachen und Wissenschaft, und namentlich der muhammedanischen Münzkunde, sondern auch der Russischen Geschichte und Geographie erforderlich.

Herr Saweliev hat es unternommen, diese Aufgabe zu lösen, d. h. die muhammedanische Numismatik in ihrer Beziehung zur Russischen Geschichte darzustellen. Von

*) S. Topographische Uebersicht der Ausgrabungen von altem Arabischen Gelde in Russland, nebst chronologischer und geographischer Bestimmung des Inhalts der verschiedenen Funde; von Ch. M. Fraehn, im Bulletin scientifique T. IX. No. 20. 21.

dieser Arbeit ist das vorliegende Buch der erste Theil; die beiden folgenden Bücher sollen von den Münzen der Wolga-Bulgharen, so wie von den Russisch-Tatarischen Münzen, und dem Ursprung des Russischen Geldes handeln (S. CCXXII). Beide sind höchst interessante Gegenstände, denen wir eine eben so sorgfältige Bearbeitung von Seiten des Verfassers wünschen als dem vorliegenden Theile. Dieser zeugt eben sowohl von grosser und ausgedehnter Belesenheit, als von sorgfältigem Fleisse; er umfasst Alles zum Zweck Dienliche, und da verschiedene aus der älteren Geschichte Russlands hieher gehörige Fragen mit gleicher Sorgfalt aufgefasst und nach allen Seiten behandelt sind, so kann man nicht anders als dem Bearbeiter zur gelungenen Durchführung seiner Aufgabe Glück wünschen. Es ist ein reichhaltiges Buch, abgefasst mit vollständiger Benutzung der betreffenden Hülfsquellen, voll von belehrenden Bemerkungen und Auseinandersetzungen, und sorgsam das schon Gegebene ergänzend rücksichtlich späterer Funde. — Niemand wird es unbefriedigt aus der Hand legen. Als eine schätzenswerthe Zugabe heben wir die erste Beilage über die Pehlewy-Inschriften auf den Münzen Tabaristan's hervor; und wenn wir gleich in einigen Puncten dieser Abhandlung*) sowohl, als der übrigen Schrift**) von der Meinung

*) Z. B. über die Lesart чехель (40) auf den Münzen mit dem Namen Abdallah p. 135 — 6.. wo meiner Meinung nach чарь oder чехарь (4) steht. D.

**) Z. B. der allzuscharfe Ausspruch über das Minutoli'sche Werk S. CCXXIV.

und den Aussprüchen des Verfassers abweichen, so kann das doch dem Werke im Ganzen keinen Eintrag thun. Wir können uns überdies auf das Urtheil Fraehn's berufen, welches derselbe bei einem andern Anlasse über das Buch abgegeben hat, welches mit dem unsrigen übereinstimmt, und welches um so gewichtiger sein muss, als gerade das Buch zum grossen Theil auf Fraehn's Arbeiten beruht, diesem Akademiker also namentlich was die Münzkunde betrifft, das erste Urtheil zusteht.

In Betracht daher, dass die Schrift des Herrn Saweliev ein mit grossem Fleisse zusammengestelltes, den Gegenstand vollständig umfassendes Werk ist, welches nicht nur die Wichtigkeit der muhammedanischen Münzkunde für die Russische Geschichtschreibung in helles Licht setzt, sondern auch geradezu für dieselbe manchen schätzbaren Beitrag liefern wird, ja als ein werthvoller Beitrag zur Russischen Geschichtschreibung selbst angesehen werden kann, und ohne Zweifel dazu dienen wird, die Aufmerksamkeit aller Freunde der Russischen Geschichte zur sorgsamen Beachtung fernerer Münzfunde hinzulenken — und ferner, dass dieses Buch sowohl im In- als Auslande ein günstiges Zeugniss über die wissenschaftlichen Arbeiten hiesiger Orientalisten ablegt, nehmen wir für dasselbe einen halben Demidov'schen Preis in Anspruch, und ersuchen die Akademie um so mehr einen solchen zu bewilligen, als der Verfasser die gewordene Anerkennung eben auf den Druck der beiden andern Theile des Werkes zu verwenden ge-

sonnen ist, also durch die Zuerkennung des Preises nicht nur das wissenschaftliche Verdienst anerkannt, sondern auch — was eine der ersten Aufgaben der Akademie ist — die Wissenschaft weiter befördert wird.

St.-Petersburg, den 29. März
1848.

N. Ustrialov.

B. Dorn.

РАЗБОРЪ

сочиненія

Г-на БАЗИНЕРА,

подъ заглавіемъ:

Naturwissenschaftliche Reise durch die Kirgisensteppe im Jahre 1842;

составленный

Гг. Академиками

МЕЙЕРОМЪ и ГЕЛЬМЕРСЕНОМЪ

Die Unterzeichneten waren von der Classe beauftragt ein von Herrn Theodor Basiner verfasstes, handschriftliches Werk zu beurtheilen, das den Titel führt: *Naturwissenschaftliche Reise durch die Kirgisensteppe nach Chiwa, im Jahre* 1842.

Indem sie die Ehre haben zwei separate Beurtheilungen dieses Werkes vorzulegen, erlauben sie sich mit Bezugnahme auf dieselben, folgende Bemerkungen hinzuzufügen:

1) Obgleich die Mittheilungen des Verfassers aus mancherlei Gründen, besonders aber durch die Schnelligkeit der Reise und durch die Kürze des Aufenthaltes in Chiwa, im Ganzen nur fragmentarisch ausfallen konnten, so enthalten sie doch viel Neues und Belehrendes über einen unserer asiatischen Nachbarstaaten, der bisher wenig erforscht war und dessen Kenntniss für Russland doch nothwendig ist.

2) Die vollständigeren Beobachtungen betreffen die Pflanzenkunde, Geognosie und Geographie. Durch die Bemühungen des Herrn Basiner ist die pflanzenge-

ographische Kunde Mittelasiens wesentlich vervollständigt, die geognostische Kenntniss des Kaspischen Beckens mit neuen und wir können sagen wichtigen Thatsachen bereichert und die Kenntniss der geographisch-statistischen Verhältnisse Chiwa's berichtigt und erweitert worden.

3) Die Akademie hat Leistungen dieser Art nicht nur stets zu würdigen gewusst, sondern ähnliche Forschungen oft unterstützt und wir dürfen daher auf ihre geneigte Einwilligung hoffen wenn wir hiemit das Reisewerk des Herrn Basiner zur Krönung mit einem halben Demidowschen Preise ergebenst vorschlagen.

C. A. Meyer.

Helmersen.

29. März

1848.

Wenn es nicht bezweifelt werden kann, dass der Reisende und der Botaniker auch auf eine andere Weise, als blos durch die Entdeckung einiger neuer Pflanzenarten für die Erweiterung der Pflanzenkunde thätig seyn kann; — wenn gewiss ein jeder Sachkundige es zugeben wird, dass die Schilderung der Vegetation eines Landes zu einem richtigen und vollständigen Bilde desselben wesentlich beitragen muss, — so kann man Herrn Basiner das Verdienst nicht absprechen, uns durch seinen Reisebericht, auch in Hinsicht der Vegetation, ein Land geschildert und gleichsam näher gerückt zu haben, welches überhaupt nur wenig und hinsichtlich der Flora fast gar nicht bekannt war. Zu bedauern ist es allerdings, dass H. Basiner die Hinreise erst im Spätsommer und im Herbst, zu einer Zeit, wo die meisten und schönsten Pflanzen der durchreisten Länder bereits verblüht und viele völlig verschwunden seyn mussten, — die Rückreise aber im Winter zu unternehmen genöthigt war. Wenn nun auch unter solchen Verhältnissen

eine reiche Pflanzenerndte nicht zu erwarten war, überhaupt in Gegenden, die durchaus nicht zu den pflanzenreichen gehören, — so hat H. Basiner doch während seiner ganzen Reise der Vegetation immer eine grosse Aufmerksamkeit gewidmet. Er hat uns die Herbstflora der verschiedenen, von ihm besuchten Landstrecken mit wenigen, aber sehr genügenden Worten geschildert — und es ist daher, auch von dem pflanzengeographischen Standpunkte betrachtet, der Reisebericht des H. Basiner ein sehr interessanter und sehr willkommener zu nennen. Die Flora der östlich am Caspischen Meere angränzenden Länder ist uns durch Eichwald, Karelin, Lessing und Claus, — die des Altai und der Songarei durch die Expeditionen Ledebour's, Karelin's und Schrenk's bekannt geworden, — und Bunge hat angefangen die, von Lehmann vom Ural bis jenseits Samarkand gesammelten Pflanzen zu publiciren Durch den vorliegenden Reisebericht wird eine Lücke ausgefüllt, indem wir durch denselben auch die Vegetation der nordwestlich, westlich und südlich vom Aral gelegenen Länder kennen lernen, wodurch unsere pflanzengeographische Kunde Mittelasien's nicht unwesentlich vervollständigt und die, allerdings schon vermuthete, Analogie der Aralflora mit der Flora des Caspischen Meeres einerseits, so wie mit jener der niedriger gelegenen Regionen der Songarei bis zum Fusse des Altai anderseits, nachgewiesen wird. Einige Pflanzengruppen sind es vorzüglich, welche die Aralflora characterisiren. So unter andern die zahlreichen Chenopodiaceen, mit

dem merkwürdigen, blattlosen Saxaul, der einzigen baumartigen Species dieser Pflanzengruppe, so viel ich weiss, deren eigentliches Vaterland die Umgebungen des Aral seyn mögten; denn unser Reisende hat westlich von diesem Binnenmeere eben so Wälder des Saxaul angetroffen, wie sie Eversmann östlich von demselben gefunden hat, wo sich zwischen dem Kuwandarja und Jandarja Saxaulwälder ausdehnen, die ganze Tagereisen anhalten.

Ich enthalte mich hier aller weitern Details, die sich aus dem vorliegenden Reisewerke für die Pflanzengeographie ziehen liessen, um noch zu erwähnen, das H. Basiner auch über die Kulturpflanzen Chiwa's recht brauchbare Nachrichten eingezogen hat. Wir erfahren aus seinem Reiseberichte welche Getraidearten und andere Nahrungspflanzen, welche Küchengewächse, Obstarten u. s. w. von den Chiwinen angebaut werden, so wie ihre Benennungen und ihre Benutzung. Solche Mittheilungen sind immer willkommen und erhöhen den Werth jeder Länderbeschreibung.

C. A. Meyer.

Es wird niemand leugnen dass die Kenntniss der an Russland grenzenden Staaten Asiens von Jahr zu Jahre dringender wird; nicht nur die Wissbegierde der Gelehrten fordert diese Kenntniss, sondern auch der Handel und die Politik. Die asiatische Türkei und Persien sind uns nach allen Beziehungen hin fast eben so gut bekannt, wie etwa die europäische Türkei, die Moldau und Wallachei.

China, obgleich nur in einzelnen Theilen von Europäern erforscht, ist in der neuern Zeit durch die sorgfältige Benutzung der grossen chinesischen Werke über Geographie und Statistik des Landes, besser bekannt geworden als man vor wenigen Decennien noch erwarten durfte. Chokand, Buchara und Chiwa aber gehören zu denjenigen unserer asiatischen Nachbarstaaten, über die wir noch immer wenig unterrichtet waren und jede Bemühung uns dieselben näherzubringen, ist daher verdienstlich und darf auf Anerkennung Ansprüche machen. So wird jeder Freund der Erdkunde Asiens die Namen der Russen und Briten dankbar zu nennen haben, welche sich auf dem Gebiete Buchara's begegnen, wie Elphinstone, Meyendorff, Burnes, Gens, Chanykow. Die Nach-

richten über Buchara werden aber noch im Laufe dieses Jahres aus dem Nachlasse des frühverstorbenen Dr. Lehmann auf eine so umfassende Weise vervollständigt werden können, dass wir über die physikalische Beschaffenheit, die Einwohner, den Handel und sonstige Zustände des Landes eine ziemlich zusammenhängende und klare Vorstellung erhalten werden. Weit dürftiger sind die Nachrichten, die wir bisher über Chokand und Chiwa besassen; die ausfürlichsten derselben rührten von russischen und asiatischen Handelsleuten oder von wiedergekehrten russischen Gefangenen niedern Standes und daher beschränkter Bildung her.

Sie waren unvollständig und ungenau und erregten dennoch grosses Interesse durch ihre Neuheit und durch das Bedürfniss nach ihnen. Diess gilt insbesondere für Chiwa, jenen kleinen Raubstaat, der den russisch-bucharischen Handel durch fortwährende Feindseligkeiten beeinträchtigte und erst in den letzten Jahren nach einer energischen Demonstration von Seiten Russlands, sein altes, verrufenes Handwerk aufgegeben zu haben scheint. Die ersten zuverlässigern Nachrichten über Chiwa erlangte man durch den Engländer Jenkinson, der im Jahre 1558 von Mangyschlak über den nördlichen Theil des Chanats nach Buchara reiste.

Thompson, Murawin und Blankennagel besuchten Chiwa im 18ten Jahrhundert; Murawjew, Aïtow, Abbot und Shakespeare im gegenwärtigen. Die Mittheilungen dieser Reisenden sind von sehr ungleichem Werthe; als die genügendsten dürfen wir die von Jenkinson, Mu-

rawjew, Abbot und Shakespeare bezeichnen. Ausführlicher als die genannten Berichte waren die Nachrichten, welche der verstorbene General Gens während seines langen Aufenthaltes in Orenburg über Chiwa gesammelt hatte und die in den von der Akademie veröffentlichten Beiträgen zur Kenntniss des Russischen Reiches bekannt gemacht worden sind. Aber auch sie, wie die durch Chanykow aus derselben Quelle entnommenen, in russischer Sprache publicirten und zum Theil erweiterten Nachrichten, geben uns über die Bevölkerung, den Handel, die staatliche Einrichtung des Chanates manchen brauchbaren Nachweis, erläutern aber die Naturverhältnisse desselben doch nur sehr dürftig. Wenn es aber Herrn Basiner, über dessen Leistungen wir zu berichten haben, gelang, die physikalische Beschaffenheit und die sonstigen Zustände Chiwas aus eigener Anschauung vollständiger und zuverlässiger zu schildern, als dieses bisher der Fall war, so dürfen wir seinen Reisebericht als einen solchen bezeichnen, der die Erdkunde Asiens bereichert.

Das vorliegende Werk, 311 enggeschriebene Seiten stark und mit mehreren Beilagen an Karten, Plänen, Zeichnungen und Tabellen versehen, zerfällt in zwei Theile und jeder derselben in mehrere Abschnitte.

In einem Vorworte giebt der Verfasser eine vollständige, chronologisch geordnete Uebersicht aller Nachrichten über Chiwa, die von der zweiten Hälfte des 16ten Jahrhunderts, das heisst von Jenkinsons Reise bis zum Jahre 1842 durch europäische Reisende sind mitgetheilt

worden. Wir erfahren darin ferner dass derselbe seine Reise in dem Gefolge des Obrist Danilewsky machte, welcher 1842 als politischer Emissair nach Chiwa gesandt wurde, um die seit dem Jahre 1840 begonnenen Unterhandlungen zwischen Russland und Chiwa zu beendigen. Die Sendung des Herrn Basiner ward von Herrn Fischer, dem Direktor des Kaiserlichen botanischen Gartens sowohl veranlasst — als unterstützt und die Akademie versah den Reisenden mit meteorologischen Instrumenten. Am Schlusse des Vorwortes werden mehrerer Umstände erwähnt, die hindernd und hemmend auf seine Bemühungen einwirkten, daher er den Leser um Nachsicht bittet wegen etwaniger Lücken, die er im Berichte bemerken sollte.

Im ersten Abschnitte des ersten Theils wird die Stadt Orenburg lebendig und ziemlich ausführlich und mit einiger Vorliebe für den Ort geschildert, die durch seine Eigenthümlichkeit und die Gastfreundlichkeit der Bewohner hervorgerufen worden. Von besonderem Interesse sind in diesem Abschnitte der geologische Durchschnitt des Bohrloches, das schon vor mehreren Jahren mitten in der Stadt angelegt wurde, aber bei einer Tiefe von 745 Fuss englisch bis jetzt kein Springwasser gegeben hat, und einige meteorologische Beobachtungen, welche dem Verfasser vom Dr. Rosenberger mitgetheilt wurden.

Der zweite Abschnitt führt uns durch die Steppe, nachdem im Anfange desselben die Organisirung der ganzen Reisekaravane und die bekannte Art in diesen Ge-

genden zu reisen, geschildert worden. Es wird sodann die Oberflächengestalt und die geognostische Beschaffenheit beschrieben; auch werden die wenigen Thiere genannt, die der Zug aufscheuchte. Am ausführlichsten aber ist die Vegetation dieser einförmigen Einöde behandelt und manches Belehrende über die Vertheilung der Pflanzen gesagt. Nach einer Wanderung von mehr als 600 Werst gelangte man endlich auf die Hochebene Ustürt, deren Beschaffenheit hier zum ersten Male in einem klaren, anschaulichen Bilde geschildert wird. Wir haben diese Schilderung mit besonderem Interesse gelesen, da der Ustürt in den Geologicis des Aralocaspischen Beckens eine Hauptrolle spielt und seine genauere Kenntniss daher sehr erwünscht seyn musste. Da die Reisenden den hohen, felsigen Ostrand des Ustürt an mehreren Stellen berührten, so konnte die Lagerungsfolge und die Beschaffenheit der einzelnen Schichten gut beobachtet werden.

Am 14ten Sept. gelangten die Reisenden nach Könä Urgendsch, über welches der Verfasser geschichtliche Notizen mittheilt, und am 17ten nach Taschhaus, wo sie einen ganzen Monat verweilen mussten ehe sie die Erlaubniss erhielten nach Chiwa zu gehn.

Im vierten Abschnitte des ersten Theils folgt nun die Beschreibung der kurzen Reise von Taschhaus nach Chiwa und eine Beschreibung dieses letztern, die uns mit der Stadt, ihren Umgebungen, Bewohnern, deren Sitten und Unsitten umständlich bekannt macht; ein

Plan der Stadt ist zur bessern Erläuterung beigegeben. Nachdem die Reisenden beim Chan Audienz gehabt hatten, reiste Herr Basiner am 14ten Nov. nach Chasarasp, um im Auftrage des Obrist Danilewsky ein Geschäft mit dem Gouverneur dieser Stadt abzumachen, und kehrte nach einigen Tagen nach Chiwa zurück, wo bald darauf der Chan Allah-Kul starb und sein Nachfolger Rachim-Kul den Thron bestieg.

Der fünfte Abschnitt beschreibt die Rückreise von Chiwa nach Orenburg, die in den letzten Tagen des Januars angetreten wurde, und welche Herrn Basiner mit einigen neuen Lokalitäten des Chanats bekannt machte. So lernte er den kleinen Gebirgszug Schichodscheili am rechten Ufer des Amu Darja und das Delta dieses Flusses kennen, wodurch die geologischen Beobachtungen auf eine erfreuliche Weise erweitert werden konnten. Die verschiedenen Arme der Amumündung wurden auf dem Eise überschritten und man schlug anfangs ungefähr denselben Weg ein, den man gekommen war, nämlich am Westufer des Aralsees, der, so weit das Auge reichte, ebenfalls gefroren war, eine merkwürdige Erscheinung, wenn man bedenkt, dass er in derselben geographischen Breite liegt, wie Genua und Marseille. Die Rückreise nach Orenburg dauerte 44 Tage. Mit Ausnahme des 4ten Januars, wo das Thermometer auf — 17° R. sank, hatte man während der Reise bis zur Emba in der Regel nur 2 bis 3 Grad Kälte, und der Schnee lag nur wenige Zoll hoch; er fehlte sogar ganz zwischen dem Nordrande des Ustürt und dem Fort Akbulak; erst

nördlich von der Emba war tieferer Schnee, so dass man ihn bisweilen wegschaufeln musste um die Kameele vorwärts zu bringen. Der Verfasser erinnert hier sehr richtig daran, dass der durch den General Perowsky im Winter von 1839 auf 1840 unternommene Feldzug nach Chiwa wahrscheinlich geglückt wäre, wenn die meteorologischen Verhältnisse jenes Winters ebenso günstig gewesen wären wie während der Reise des Obrist Danilewsky. In derselben Gegend und in derselben Jahreszeit fand letzterer eine verhältnissmässig sehr milde Temperatur und wenig Schnee, während Perowsky's Mannschaften bei 30 und mehr Grad Kälte in undurchdringlichen, durch furchtbare Stürme aufgethürmten Schneemassen versanken, die gebieterisch zum Rückzuge mahnten.

Der zweite Theil des Werkes enthält die Beschreibung des Chanats Chiwa. Zuerst werden die Grenzen und der Flächeninhalt angegeben, der ungefähr 671 Quadratmeilen betragen mag; dann folgt eine Aufzählung der Höhenzüge und Flüsse, wo über den Amu-Darja mehrere interessante Notizen mitgetheilt werden, dann die der Kanäle und Seen. Wir erhalten zum ersten Male eine genügende Vorstellung von den grossen Bewässerungsanstalten, die in Chiwa eine so wichtige Rolle spielen. Wir machen hier auch auf alle Nachrichten aufmerksam, welche der Verfasser über das Klima sammelte und auf die meteorologischen Beobachtungen, welche er während seines Aufenthaltes im Chanat mit vieler Sorgfalt anstellte. Es folgt dann eine Schilderung der Vegetation, der Bevölkerung, eine Aufzählung und

kurze Beschreibung der Städte, dann ein Kapitel über Garten und Feldbau, Gewerbe, Handel, Verfassung und Kriegswesen. Ein besonderer Abschnitt, der viel Neues und Belehrendes bringt, handelt von der Hochebene Ustürt, deren physikalische Beschaffenheit darin geschildert wird; zuerst das Geographische, dann die Vegetation und endlich die geognostische Beschaffenheit. Die letztere beschreibt der Verfasser nicht selbst, sondern hat seinem Werke einen Abdruck des Aufsatzes beigelegt, den ich der Akademie im Jahre 1844 über diesen Gegenstand vorzulegen die Ehre hatte, und in welchem ich zeigte dass die Beobachtungen des Herrn Basiner ganz neue und zum Theil sehr unerwartete Aufschlüsse über den geognostischen Bau der Hochebene geben. Sie beweisen nämlich dass letztere nicht durchweg aus den jüngsten Tertiairschichten bestehe, wie man früher angenommen hatte, sondern dass daselbst auch Schichten vorkommen, die wahrscheinlich einer ältern Tertiairzeit angehören. Mit völliger Gewissheit aber konnte gefolgert werden dass Schichten der Kreideperiode am Nordfusse des Ustürt auftreten.

Den Schluss des vorliegenden Werkes machen ein Verzeichniss der auf der Reise gesammelten Pflanzen, eine Marschroute mit Angabe der Entfernungen von einem Nachtlager zum andern und die im Detail mitgetheilten meteorologischen Beobachtungen und Bemerkungen zu denselben vom Professor Kämtz in Dorpat. Einen besondern Werth dürfen wir auf die beigefügte Karte des Chanats Chiwa legen, da dieselbe von einigen, bei der Mission befind-

lichen Topographen angefertigt ist, die das Land mit Herrn Basiner bis Chasarasp, also fast bis an das Südende des Staates durchzogen. Wenn diese Karte auch nicht auf genauen Messungen beruht, so ist sie wenigstens mit dem Kompasse in der Hand und von Augenzeugen gemacht und verdient den Vorzug vor den frühern Karten, von denen sie sich wesentlich unterscheidet.

Obrist G. v. Helmersen.

РАЗБОРЪ

сочиненія

Г-на П. БИЛЯРСКАГО,

подъ заглавіемъ:

СУДЬБЫ ЦЕРКОВНАГО ЯЗЫКА,

историко-филологическія изслѣдованія:

I. О среднеболгарскомъ вокализмѣ, по патріаршему списку лѣтописи Манассіи;

II. О Кириловской части Рейнскаго Евангелія;

составленный

Академикомъ А. ВОСТОКОВЫМЪ.

Первая часть сихъ изслѣдованій, о средне-Болгарскомъ вокализмѣ, напечатана въ 1847 году, вторая, о Рейнскомъ Евангеліи, представлена въ рукописи.

Займемся прежде первою.

Во введеніи излагается древность, мѣсто и значеніе перевода Манассіи въ Исторіи Болгарскаго языка. Метода филологическихъ наблюденій.

Авторъ справедливо относитъ время перевода Манассіиной Лѣтописи къ XIV вѣку, а не къ XII-му, какъ полагалъ Г. Чертковъ; ибо изъ надписи на заставкѣ 1-го листа видно, что переводъ сдѣланъ для Царя Болгарскаго Іоанна Александра, который жилъ еще въ 1348 году, и умеръ около 1350-го г.

О методѣ своихъ наблюденій надъ правописаніемъ разсматриваемаго памятника, говоритъ Авторъ стран. 9. «Древніе церковные памятники представляютъ въ своемъ «языкѣ такую полноту звуковъ и полноту формъ, въ ка«кой ни одинъ изъ Славянскихъ народовъ, усвоившихъ «себѣ церковную письменность, не могъ поддержать ихъ «правильнымъ употребленіемъ. Тоже представляетъ и «нашъ памятникъ. Переводчикъ держался дошедшаго до

«него правописанія вмѣстѣ съ грамматическими формами «письменнаго языка. Но изъ его правописанія видно, что «древняя система буквъ уже до него потерпѣла нѣкото-«рыя измѣненія; но и въ этомъ измѣненномъ видѣ она «не совсѣмъ точно соотвѣтствовала состоянію звуковъ «въ современномъ выговорѣ. Въ какой мѣрѣ удалялось «это состояніе отъ книжнаго употребленія буквъ, осно-«ваннаго древнимъ ихъ выговоромъ? Какой опредѣлен-«ности достигъ современный выговоръ въ своихъ осо-«бенностяхъ? Каковыми явленіями выразилось состояніе «выговора въ правописаніи? Для рѣшенія этихъ вопро-«совъ, въ наблюденіяхъ надъ правописаніемъ, очевидно, «нельзя ограничиваться внѣшнею стороною правописанія «— случаями употребленія одного начертанія вмѣсто дру-«гаго. Цѣль наблюдателя — отыскать, какъ писецъ вы-«говаривалъ тотъ или другой звукъ? Какъ читалъ онъ «свой оригиналъ по своему привычному выговору? Чрезъ «это само собою объяснится, какъ и для какихъ звуковъ «пользовался онъ дошедшими до него средствами право-«писанія. Средство для открытія этого выговора — «сравненіе случаевъ употребленія одной и той же буквы, «между собою и съ древнимъ, правильнымъ употребле-«ніемъ.» Слѣдуя сей методѣ, онъ разсматриваетъ, въ от-дѣльныхъ параграфахъ, сперва полугласныя ъ и ь, по-томъ гласныя носовыя ѫ, ѧ, далѣе гласныя ѣ, є, о, гласныя ы, и, і. у, и наконецъ умягченныя (praejotatae) ꙗ, ѥ, и твердыя гласныя.

Г. Билярскій превосходно изучилъ предметъ свой, доселѣ мало кѣмъ изслѣдованный. Замѣчанія его вѣрны

и выводы основательны. Всякій любитель Славянской филологіи прочтетъ статью его съ удовольствіемъ и не безъ пользы.

Второе сочиненіе Г. Билярскаго раздѣляется на двѣ части. 1) Критическая исторія изслѣдованій о Реймскомъ Евангеліи. 2) Опытъ изслѣдованія о Реймскомъ спискѣ и его древнѣйшемъ оригиналѣ.

Въ первой части Г. Билярскій подробно и отчетливо описалъ весь ходъ изслѣдованій о памятникѣ, столь много занимавшемъ Славянскихъ филологовъ, строго оцѣняя заслуги участвовавшихъ въ сихъ изслѣдованіяхъ и выставляя ихъ ошибки.

Во второй части разсматриваетъ правописаніе Реймскаго Евангелія, находитъ въ ономъ смѣсь Болгарскаго, Сербскаго, Рускаго и Валашскаго правописанія, и выводитъ заключеніе, что эта рукопись, которая была приписываема Св. Прокопію Чешскому, и отнесена къ первой половинѣ XI вѣка, не только не можетъ имѣть такой древности, но писана не ранѣе XIV вѣка, гдѣ нибудь въ Валахіи.

Признаки на которыхъ Г. Билярскій основываетъ заключеніе свое, не подвержены никакому сомнѣнію. Хотя почеркъ рукописи и кажется древнѣе XIV вѣка, и можно бы по почерку отнести ее къ XII вѣку, но взглянувъ на правописаніе, должно отказаться отъ такого мнѣнія. Кромѣ новости правописанія, рукопись представляетъ множество описокъ, обнаруживающихъ безграмотность писца, которому даже незнакомъ былъ языкъ списываемаго имъ памятника,

Впрочемъ нѣкоторыя изъ сихъ описокъ должны быть отнесены на счетъ Французскаго каллиграфа (Г. Сильвестра), дѣлавшаго снимокъ. По незнанію Славянскаго языка, онъ дѣйствительно ошибался иногда въ начертаніи буквъ своего снимка, чему доказательства можно найти, сличивъ рукописное его facsimile, которое хранится въ Имп. Публичной Библіотекѣ, съ печатнымъ его же изданіемъ. Въ томъ и другомъ встрѣчаются несходства. Напр гдѣ въ печатномъ ѫ, тамъ въ рукописномъ ѫ, въ печатн. сѫ, въ рукоп. сѧ, въ печатн. ѩцѫдна, въ рукоп. ѩцѧдна, въ печатн. ѫзыка, въ рукописи. ѧзыка, въ печатн. нр҃ркмѧ, въ рукоп. пр҃ркмѧ. Къ такимъ же описскамъ принадлежитъ замѣченное Г. Билярскимъ, стр. 182, ошибочное употребленіе буквы ѫ, вмѣсто ж. Въ печатномъ у Г. Сильвестра рожда, въ рукописномъ, правильно рожда. Который снимокъ у него вѣрнѣе?

Труды Г. Билярскаго по предмету Славянской филологіи, показываютъ въ немъ знающаго и добросовѣстнаго дѣлателя на этомъ полѣ, у насъ еще мало обработанномъ. Труды его заслуживаютъ поощренія, и таковое можетъ ему быть оказано, присужденіемъ половинной Демидовской преміи.

А. Востоковъ.

РАЗБОРЪ

сочиненія

Г-на ДАВИДОВА,

подъ заглавіемъ:

ТЕОРІЯ РАВНОВѢСІЯ ТѢЛЪ,

ПОГРУЖЕННЫХЪ ВЪ ЖИДКОСТЬ;

составленный

Гг. Академиками:

ОСТРОГРАДСКИМЪ и БУНЯКОВСКИМЪ.

L'Académie nous a chargé d'examiner un mémoire sur l'équilibre des corps flottants, et de lui en rendre compte. L'auteur de ce mémoire portant pour titre: *Теорія равновѣсія тѣлъ, погруженныхъ въ жидкость*, M. Davidov, Maître-ès-arts de l'Université de Moscou, l'avait envoyé au concours des prix Démidov, d'abord en manuscrit; puis, il fit parvenir à vos commissaires, il y a quelques jours, à peu près le même travail imprimé. Nous disons à peu-près le même, car l'Auteur en a supprimé, pendant l'impression, quelques considérations sur la stabilité de l'équilibre en général, ne les trouvant pas sans doute suffisamment approfondies. Nous ne nous occuperons en conséquence que du travail imprimé.

Le mémoire de M. Davidov est partagé en trois chapitres, précédés d'une Introduction. Le premier chapitre traite des conditions de l'équilibre des corps plongés dans un fluide; le second, de la détermination des positions d'équilibre des corps flottants, et enfin, le troisième, de la stabilité de leur équilibre.

L'Auteur débute dans l'Introduction par quelques aperçus historiques sur l'équilibre des fluides et sur la théorie des corps flottants. Mais, il faut le dire, ces

aperçus sont trop incomplets, et, d'un autre côté, leur rédaction relativement au style, laisse souvent à désirer. On peut observer qu'en général, sous ce dernier rapport, le commencement de l'ouvrage de M. Davidov présente des incorrections assez fréquentes; mais, à mesure qu'on avance, son style s'améliore sensiblement et finit par devenir plus correct.

Après les résumés historiques, l'Auteur, dans le premier chapitre, cite une équation de l'équilibre des fluides, parle du calcul des pressions supportées par une surface plane, plongée dans un fluide pesant, et établit les conditions de l'équilibre d'un solide soumis à la pesanteur et à la pression de deux liquides différents. Dans cette exposition, il lui échappe quelques inexactitudes qui, du reste, sont sans influence sur les recherches ultérieures; c'est pourquoi nous les passons sous silence en nous bornant de n'en citer qu'une seule, prise au hasard :

«Quand deux fluides pesants, dit M. Davidov, sont «en équilibre, dans un même vase, le fluide le plus lé«ger en occupe la partie supérieure *) ....» Si l'auteur parle de l'équilibre physique ou *stable*, il a raison, mais il a tort de n'en avoir pas averti. Il ne peut pas ignorer que, *in abstracto*, le fluide le plus dense peut se trouver en haut.

---

*) «Когда двѣ жидкости, не смѣшивающіяся между собою, находятся «въ одномъ вмѣстилищѣ, то легчайшая занимаетъ мѣсто надъ болѣе «тяжелою ....» (стр. 3).

C'est dans le second chapitre que l'Auteur, à proprement parler, entre en matière. Il y expose les méthodes qui conduisent à la détermination des positions de l'équilibre d'un solide flottant. Des formules propres à cet objet ont été données pour la première fois par *Prony* dans sa *Mécanique philosophique*. Mais M. Davidov considère la question sous un autre point de vue, il entre dans plus de détails, et propose une solution plus explicite que celle de Prony.

Pour plus de simplicité, M. Davidov considère d'abord les corps prismatiques ou cylindriques, ayant leurs arêtes, ou la génératrice, parallèles au plan de flottaison. La question se réduit alors à séparer, par une ligne droite, une portion connue d'une surface plane, donnée de manière à ce que la ligne qui réunit les centres de gravité de la surface entière et de sa partie retranchée, soit perpendiculaire à la droite de séparation. La solution de ce problème dépend de deux courbes que M. Davidov forme habilement; une de ces courbes est produite par les intersections successives des droites qui retranchent une partie donnée de la surface plane, et l'autre, est le lieu géométrique des centres de gravité de toutes les parties retranchées. Connaissant ces deux courbes, la question ne présente plus aucune difficulté, car elle consiste à mener, par le centre de gravité, toutes les normales à la seconde ligne, et toutes les tangentes à la première, perpendiculairement aux normales dont il s'agit.

La question relative à l'équilibre des cylindres et des

prismes résolue, M. Davidov en donne plusieurs applications propres à montrer l'avantage de ses procédés. Puis, il aborde le cas général où le solide flottant est de forme quelconque. Les deux courbes dont on vient de parler sont alors remplacées par deux surfaces dont l'une est formée par les intersections successives des plans qui retranchent chacun une même partie du volume flottant, et l'autre contient les centres de gravité de toutes ces parties retranchées. M. Davidov l'appelle *surface des centres*. Une fois que ces deux surfaces sont formées, la question de l'équilibre des corps flottants se réduit à un problème relatif aux normales et aux plans tangents. Or, M. Davidov donne les équations, tant finies que différentielles, des surfaces dont il s'agit, et par là il réduit la question à un procédé ou opération connue de calcul.

La théorie générale est éclaircie par des exemples simples et susceptibles d'applications pratiques.

Le troisième et dernier chapitre du mémoire traite, comme nous l'avons dit plus haut, de la stabilité de l'équilibre des corps flottants. M. Davidov attaque cette question par un principe aussi simple qu'élégant, et qui résout le problème de stabilité par les seules considérations statiques, sans rien emprunter à la Dynamique. Ce principe est celui du moment possible, en y retenant les infiniments petits du second ordre, c'est-à-dire les secondes puissances des déplacements infiniments petits que peuvent recevoir les points qui composent le système. Comme il y a équilibre, les termes infiniment petits du

premier ordre, dans l'expression du moment possible, seront zéro ou négatifs; pour tous les déplacements où ces termes sont négatifs, la stabilité de l'équilibre est assurée; mais quand ces termes sont zéro, le moment se réduit aux quantités du second ordre, et la stabilité dépend du signe de ces quantités. L'équilibre est stable quand les quantités dont il s'agit sont négatives, instable, si elles sont positives.

Ce principe général est connu depuis longtemps; mais, si nous ne nous trompons, *M. Braschmann* est le premier qui en ait fait usage dans la question de la stabilité des corps flottants; cependant, cet habile Professeur n'a traité qu'un cas particulier de ce problème, comme on peut le voir dans sa théorie de l'équilibre. M. Davidov attaque, par le même principe, le cas général, et, après l'avoir résolu, il traite plusieurs questions spéciales très bien choisies, qui expliquent et éclaircissent parfaitement cette théorie délicate, et peuvent avoir des applications utiles.

On peut indiquer, parmi les généralités du problème, la démonstration d'une proposition remarquable qui se rapporte à la relation entre la position de l'équilibre stable ou instantané et la partie de la normale, menée par le centre de gravité du corps flottant, et aboutissant à la surface des centres.

M. Davidov nous paraît avoir donné dans son mémoire des preuves incontestables d'application, de zèle et d'un talent remarquable; nous pensons que son travail mérite des éloges et une récompense, et nous avons

l'honneur de proposer de lui accorder un demi prix Démidov, dont il est, d'après notre avis, tout-à-fait digne.

M. Ostrogradsky.

V. Bouniakowsky.

РАЗБОРЪ

сочиненія

Г-на ГОРЛОВА,

Профессора Казанскаго Университета,

подъ заглавіемъ:

ОБОЗРѢНІЕ

ЭКОНОМИЧЕСКОЙ

СТАТИСТИКИ РОССІИ;

составленный

Академикомъ КЕППЕНОМЪ.

Nur von demjenigen kann es heissen, dass er zu Hause sey, der da weiss wie sein Haus bestellt ist, der eine klare Vorstellung von allen Vorzügen und Mängeln seiner Behausung vor andern menschlichen Wohnsitzen und Stätten hat. Wenn nun aber der Sehende wie der Blinde vor Allem darnach strebt seine nächste Umgebung auf jede mögliche Weise und in jeder möglichen Beziehung kennen zu lernen, wie sollte da nicht jedes mehr oder weniger gebildete Glied eines Staates wünschen sich mit den Verhältnissen seines Vaterlandes möglichst vertraut zu machen?

Zunächst muss wohl allen gebildeten Bewohnern eines Landes daran liegen die wirthschaftlichen Verhältnisse desselben auszumitteln. — Dieses Bedürfniss ist denn auch in Russland schon lange erwacht; doch fehlt es noch immer an einer lichtvollen Zusammenstellung der Oekonomischen Zustände unsers Vaterlandes.

Im Jahre 1827 suchte ein gewisser *Androssow* *),

*) Seinen Nekrolog findet man in der Moskau'schen Zeitschrift für Landwirthschaft (Журналъ сельскаго хозяйства и овцеводства) 1841, No 10, S. 235—239 und im *Moscoviten* (Москвитянинъ) 1841, Th. VI, S. 272—274. Androssow starb zu Moskau in der Nacht vom 19 auf den 20 Oct. 1841.

diesem Mangel abzuhelfen. Er that was er konnte, und mehr darf von keinem Menschen verlangt werden. Seine wirthschaftliche Statistik Russlands (Хозяйственная Статистика Россіи — 282 S. in-8.) gab er in zwei Haupt-Abschnitten: Topographie (мѣстность) und Industrie (промышленность) heraus.

So unvollkommen, ja so mangelhaft nun dieses Werk auch war, so musste man dem Verfasser desselben Dank wissen für seine Gesammtübersicht, die den folgenden Forschern so manchen Haltpunkt bot.

Jetzt, da wir um zwei Jahrzehente weiter vorgerückt sind, und zwar um zwei solche, die für den Statistiker manchem ganzen Jahrhundert gleichzustellen sind, jetzt tritt Hr. Gorlow mit einer — am Ostrande Europas — in Kasan, zusammengestellten Uebersicht der wirthschaftlichen Verhältnisse Russlands hervor.

Vor allem fragen wir, in wie fern Herrn Gorlow's Berechtigung zu einer Arbeit dieser Art von seinen Fach-Genossen anerkannt werden kann.

Seine erste in russischer Sprache edirte Theorie der Finanzen hat ihm im J. 1842 einen Demidow'schen Preis, also eine Anerkennung von Seiten der Akademie der Wissenschaften gebracht. Seitdem sind ihm die Mittel zu Theil geworden sich mit den vorzüglichsten statistischen Bureau's, deren Arbeiten und Vorgesetzten näher bekannt zu machen. In Berlin, London, Paris, Brüssel, Dresden — überall hat er in seinem Fache geforscht.

Herrn Gorlow's Schrift zerfällt in drei Haupt-Abschnitte: Bevölkerung, Industrie und Handel. Auf eine Einleitung folgt zunächst eine gedrängte Uebersicht der Quellen Russischer Statistik. Ich will mit dem Verfasser wegen der Unvollständigkeit seiner Angaben nicht rechten, doch muss ich bemerken, dass hier die Titel der angeführten Schriften nicht vollständig und nicht genau genug wiedergegeben sind. Auch finden im Buche Verwechselungen der Autoren statt, wie z. B. der beiden *Gmelin* und der Akademiker *Benedict Franz Joh. Hermann* † 1815 und *Carl Theodor Herrmann* † 1838. Doch diese Irrthümer theilt der Verfasser mit andern geachteten Autoren, und die Schuld solcher Vernachlässigung — gestehen wir es uns nur ehrlich ein — sie liegt zum Theil an uns selbst, und an unsern Vorgängern, da bis jetzt noch kein Handbuch vorhanden ist, aus welchem, — ohne hunderte von Bänden zu durchwühlen — die Titel der Schriften eines jeden Akademikers zu ersehen wären. Welcher gründliche Gelehrte sollte nicht schon den Mangel eines solchen literarischen Hülfsbuches vermisst haben?

Herr Gorlow macht keine Ansprüche auf Originalität; er will seine Angaben nicht erfunden, ja nicht einmal selbst gefunden oder ausgemittelt haben. Er sagt selbst, dass er seine Data aus hunderten von Büchern, Brochüren und Aufsätzen oder Artikeln geschöpft habe, und, wo er mit Reihen von Zahlen zu thun hatte, da suchte er selbige, wenn dies nöthig schien, zu besprechen, — d. h. sie zu beleben für solche Leser, die in

tabellarisch zusammengestellten Zahlen, öfters nicht mehr als blosses bedrucktes Papier sehen.

Man muss dem Verfasser das Zeugniss geben, dass er an die rechten Quellen gegangen ist. Das beste und neueste, von dem, was er brauchen konnte, hat er benutzt, und so aus einer Menge zertreuter Nachrichten ein Ganzes zusammengestellt. Freilich hätte sich in mancher Beziehung mehr Vollständigkeit, mehr eigene Combination wünschen lassen; doch auch so schon müssen wir, — bei unserer Armuth an Uebersichten dieser Art — ihm aufrichtigen Dank wissen für seinen Versuch.

Ich mag hier nicht alle diejenigen Bemerkungen aufzählen, die sich mir bei Durchlesung der vorliegenden Schrift aufdrängten. Gern bin ich bereit sie dem Herrn Verfasser mitzutheilen, auf dass seine Arbeit etwas vollständiger und hier und da genauer werde.

Wir dürfen nicht vergessen, dass es bei uns keinesweges darauf ankommen kann, alle Nachrichten bis aufs Haar genau zu haben. Gern wollen wir z. B. bei jeder Angabe 5, ja selbst 10% mehr oder weniger an Genauigkeit fallen lassen, um doch wenigstens zur Erkenntniss von $^4/_5$ des wahren Thatbestandes zu gelangen.

In Beziehung auf die Nationalität der Bewohner des europäischen Russlands muss ich den Herrn Verfasser auf meinen Text zur ethnographischen Karte verweisen, und dies um so mehr, da bei ihm mehre, der Zahl nach nicht undedeutende, Völkerschaften gar nicht genannt sind (so z. B. die Litauer, die Walachen oder Moldauer und die Grusiner oder Georgier).

Herrn Gorlow's Methode — vielleicht nicht die beste — ist die, dass er für den in Rede stehenden Gegenstand die besten Gewährsmänner selbst sprechen lässt, — bisweilen, meiner Ansicht nach, selbst mehr als nöthig. Dies trägt nun freilich dazu bei das Ganze zu beleben, doch streng wissenschaftlich wird ein Werk auf diese Weise nicht.

Manche Specialia halte ich gerade zu für überflüssig, so z. B die breite Auseinandersetzung der Art wie die Revisions-Listen angefertigt werden; wobei jedoch nicht zu verkennen ist, dass der Hr. Verfasser diese Operation nicht aus der Praxis, sondern nur aus den Gesetzbüchern kennt. Daher ist denn auch (S. 77) die Klage nicht gegründet, dass, hier zu Lande, bei Volkszählungen, auf das Alter der Inscribirten keine Rücksicht genommen werde. Nicht daran fehlt es, dass das Alter der Personen nicht angemerkt wird, sondern an Resultaten die in dieser Beziehung aus den einzelnen Revisions Listen (сказки) gezogen würden. Haben doch diese Listen eine besondere, jedesmal nothwendig auszufüllende Rubrik für das Alter der namhaft gemachten Individuen.

Uebrigens findet man bei Hrn. Gorlow einige treffende Bemerkungen in Beziehung auf die Vitalitäts-Verhältnisse der Bewohner. So z. B. wird (S. 83) bemerkt, dass die verstorbenen Krieger nicht mit auf die Todtenlisten kommen (während deren, zum Theil in den Dörfern zurückgebliebenen Frauen, nach ihrem Tode, in die Kirchenbücher als verstorben eingetragen werden).

Dies allein macht es denn schon unmöglich zu genügenden Mortalitätstafeln zu gelangen.

Etwas höher schon (S. 82) hatte der Verfasser bemerkt, dass in Russland die Zunahme der Bevölkerung geringer sey als in England und Preussen.

Als neu erscheint unter Anderem die S. 99 und 100 in der Anmerkung gegebene Zahlenreihe, aus welcher hervorgeht, dass in Perm der Verbrauch der Spielkarten sich im Laufe von 10 Jahren verdoppelte, indem er seit 1834 bis 1843 von 1699 auf 3162 Dutzend Spiele stieg.

Bisweilen fragt sich der Leser, ob denn auch alles, was er hier findet, rein statistisch sey. Dies ist z. B. schon bei der ethnographischen Partie, mehr aber noch bei der hydrographischen (S. 399 ff.) der Fall. Doch so lange diese Gegenstände sich nicht zu besondern Wissenschaften ausbilden, so lange noch die Herren Geographen sie nicht besonders beachten, so lange kann immer die Statistik, welche sie eigentlich als schon bekannt voraussetzen müsste, ihnen gern eine freundliche Aufnahme zu Theil werden lassen, besonders wenn dabei die staatswirthschaftliche, und überhaupt die politische Seite derselben mit berücksichtigt wird.

Als die schwächsten Partie'n der vorliegenden Schrift muss ich die Capitel über Gartenbau und Weinbau bezeichnen, in denen, unter gegründeten Nachrichten, auch so manche falsche vorkommen. Diese Abschnitte müssten, meiner Ansicht nach, neu ausgearbeitet werden, und ich bin bereit dem Herrn Verfasser in dieser Beziehung zu genaueren Angaben zu verhelfen.

Für manche vom Verfasser besprochenen Verhältnisse werden ihm, hoffentlich schon nächstens, neue Hülfsquellen zu Gebote stehen. So z. B. befindet sich, so viel ich weiss, eine Abhandlung des Obristen von Bulmerincq unter der Presse, welche so manche interessante Zusammenstellung über die Benutzung der Waldungen Russlands enthält. Ueber den Elton-See wird man eine ausführliche Nachricht bei einer Beschreibung des Ssaratow'schen Gouvernements vorfinden, die vom einstmaligen Civil-Gouverneur desselben Herrn Wirkl. Staatsrath Fadejew abgefasst ist.

Die neueste Ansicht über den Nutzen der so genannten schwarzen Brache (черный паръ), die in den südlichen Provinzen des europäischen Russlands so vortheilhaft befunden wird, scheint noch nicht zur Kenntniss des Verfassers gelangt zu seyn, und für die Erwerbzweige im Norden, namentlich an den Küsten des Weissen Meeres, liesse sich noch Verschiedenes aus den Bogusslaw'schen zerstreuten Schriften nachtragen.

Doch vermisst man in der vorliegenden Schrift Manches, dessen Wegbleiben dadurch noch nicht gerechtfertigt werden kann, dass dieselbe nur für eine Uebersicht, also noch für kein vollständig ausgearbeitetes Werk ausgegeben wird. Ich will hier nur einige unberührt gebliebene Gegenstände nennen, die, meiner Ansicht nach, nothwendig zum Bereiche einer wirthschaftlichen Statistik gehören. So z. B. Das Creditwesen des Landes, besonders die Provinzial-Banken aller Art. Das Postwesen und vor allem der Briefverkehr, der als Maasstab der Natio-

nal-Entwickelung für den Politiker von höchster Wichtigkeit seyn muss; die Consumtion und die Besteuerung sind Verhältnisse, die geprüft werden müssen, wenn man sich und andern ein klares Bild der ökonomischen Zustände der Bewohner eines Landes verschaffen will. — Auch im Einzelnen sollte Manches, was hier nicht hinlänglich oder gar nicht berührt ist, zusammengestellt, oder doch beachtet werden. So z. B. die Vieh-Raçen, von denen das vorliegende Manuscript keine klare Uebersicht gibt; oder die als temporäre Verderber und Störer der landwirthschaftlichen Ordnung auftretenden Heere schädlicher Insecten, die doch wohl bezeichnet werden sollten.

Von den Muster-Fermen ist keine Rede, und doch werden diese Anstalten in der Geschichte der Landwirthschaft Russlands, ja in der Bildungs-Geschichte des Volkes selbst, eine gewiss nicht unbedeutende Rolle spielen.

Auch das Institut für Waldwesen und Landmesserei, welches gewöhnlich schlechtweg das *Forstcorps* genannt wird, ist nicht näher besprochen. Ueberhaupt scheint der Herr Verfasser eine vom Professor Platonow in Charkow, im J. 1845 gehaltene Rede «О камеральномъ образованіи» nicht zu kennen, in welcher die für Landwirthschaft und Industrie in Russland errichteten Anstalten näher bezeichnet sind.

Berichtigt müsste unter Anderm auch die Angabe werden, dass die Forst-Anstalt zu Lissino zum Zarskosselschen *Lyceum* gehört (S. 181). Oder wäre für «въ Лицеѣ» zu lesen: въ уѣздѣ, wie dies das Vorwort со

vermuthen lässt? Auch hat die neueste Zeit manche Verhältnisse mit sich gebracht, die einige Abänderungen in der Schrift erheischen, so z. B. befindet sich im Ssimbirskischen Gouvernement kein Kalmücken-Heer mehr (S. 59). und die, S. 182, genannte Gesellschaft zur Förderung der Waldwirthschaft, ist gegenwärtig zur freien-ökonomischen Gesellschaft in St.-Petersburg geschlagen u. s. w.

Statt des enormen Häringfanges, welcher bei Kertsch existiren soll (S. 184), hätte lieber des Fischfanges an der Atschujew'schen Landzunge, am Asow'schen Meere, erwähnt werden sollen, da diese Fischereien im Lande der Kosaken des Schwarzen Meeres, von der Regierung verpachtet werden und keinen unbedeutenden Gewinn abwerfen *).

Mitunter begegnet man auch wohl solchen Ansichten, die nur gar zu leicht widerlegt, oder doch bezweifelt werden können. Dahin sind unter andern folgende zu zählen:

Dass der Salzgehalt einiger Steppen-Vegetationen den Schafen oder der Wolle schade (S. 294).

Dass im südlichen Russland sich für die Ausbreitung der Viehzucht eine reiche Aussicht darbiete (jetzt erst?) S. 246.

Dass unser Hanf und Flachs wahrscheinlich noch sehr lange die Oberhand behalten werde (S. 469) u. d. gl.

---

*) Das Pachtgeld für diese Fischereien betrug seit 1839 bis 1843 jährlich über 43,000 R. Silb. — S. Mémoires de l'Académie

Irrig ist (S. 446) der Ausspruch dass der Sewastopol'sche Hafen vor Eroberung der Krym (durch die Russen) ganz unbekannt gewesen sey.

Wenn Herr Gorlow (S. 484) den Sund mit den verschiedenen Staaten Europa's in eine Reihe stellt, wie dies in den Uebersichten des auswärtigen Handels (Виды внѣшней торговли) der Fall ist, ohne den Grund dieser Zusammenstellung zu erklären, — wenn er S. 399 sagt, dass der Don sich bei Nachitschewan und Rosstow ins Asow'sche Meer ergiesse, — oder, S. 24, dass Sarepta der Haupt-Flecken (главное мѣстечко) der Ssaratow'schen deutschen Colonisten sey, so kann diess nur ungenau genannt werden.

Die systematischen Namen der in Russland vorkommenden Baumarten (S. 171 f.) müssten wohl noch, vor dem Druck, von einem gründlichen Botaniker durchgesehen werden.

Sehr selten nur möchte man ein Wort, oder einen Ausdruck, anders gegeben sehen; so z. B. würde ich (S. 106) für *алаунъ* und *индиго* die russischen Benennungen *квасцы* und *кубовая краска* geben, oder барки *подымаютъ* грузу столько-то, für: *носятъ* (S. 444).

Mehrere in der Handschrift vorkommende Irrthümer dürfen wohl nur für Schreibfehler gehalten werden. So z. B Бюлау für Бюлеръ (S. 59), Барбато für Барбаро

Imp. des sciences de St.-Pétersbourg; Sciences politiques etc. VI Série, T. V, p. 522.

(S. 186), Шоппенъ für Шопенъ (S. 204), oder Гжельскъ für Гжель (S. 334) und Курляндія für Эстьляндія (S. 438).

Doch die Citate sollten durchgängig so genau als möglich seyn, und es ist nicht zu billigen, dass der Hr. Verfasser sich in dieser Beziehung einige gar zu grosse Freiheiten herausnimmt. So z. B. heisst es S. 438: «у Шторха въ Картинахъ», worunter H. Storch's «Historisch-statistisches Gemälde des Russischen Reichs, am Ende des achtzehnten Jahrhunderts» gemeint ist; oder S. 185: «Pallas Reise durch Südrussland»; S. 468 in der Anm. «Redens allg. vergleichende Handels- und Gewerbsgeographie 1843» u. d. gl. Oefters fehlen die Hinweisungen auf die Quelle, und besonders die Wiederholung der Citate, an Stellen, wo solche gewiss gut angebracht wären.

In Beziehung auf die angeführten Summen und Preise wäre zu wünschen, dass der Hr. Verfasser alle seine Angaben dem Leser in Silber vorführte, während er gegenwärtig einmal von Banco-Noten und bald wieder von Silbergeld spricht. Uebrigens hat Hr. Gorlow sehr wohl daran gethan seinen Lesern (S. 255 f. in d. Anm.) in Kürze anzugeben was unter сложныя цѣны (Durchschnittpreise) und среднія цѣны (Mittlere-Preise) zu verstehen sey.

Dass der Verfasser in seiner Zusammenstellung sich unter keine besondere politisch-ökonomische Fahne reiht, ist wohl zu rühmen, und wem nur um eine richtige Erkenntniss der Sachlage zu thun ist, wird ge-

wiss diejenige Stelle gut heissen, wo Hr. Gorlow (S. 106) sagt: «Земледѣліе столь же полезно какъ фабрика-«ція и торговля, и разсуждать объ ихъ относительной «важности столько же безполезно, какъ доказывать, что «человѣку лѣвая или правая нога доставляетъ въ ходьбѣ «болѣе выгоды.»

Die von mir angedeuteten Mängel habe ich nur im Interesse der Wissenschaft, welcher ich lebe, herausgehoben, nur mit dem Wunsche und in der Hoffnung, dass Hr. Professor Gorlow, meine gute Absicht nicht missdeutend, dieses oder jenes berücksichtigen und somit zur Vervollkomnung seiner Schrift, noch vor Abdruck derselben beitragen werde. Dass solche gedruckt werde ist allerdings sehr zu wünschen, und es kann jeden unpartheiischen, jeden der nicht etwa selbst eine ähnliche Zusammenstellung beabsichtigt, nur freuen, dass an die Ausarbeitung einer Statistik der staats- und landwirthschaftlichen Verhältnisse gegangen wird. — Die Aufgabe ist gross, ja grösser als die bis auf den heutigen Tag vorhandenen Mittel zur genügenden Lösung derselben. Jeder neue Versuch dieser Art ist demnach eine neue Eroberung, ein heilbringender Schritt weiter in der Erkenntniss des Vaterlandes. — Lassen Sie uns also, Meine Herren, den kühnen Verfasser ehren, durch die Zuerkennung eines halben Demidow'schen Preises und geben wir ihm die Mittel dazu den Druck seiner Arbeit zu decken, auf das eine, Russland betreffende, nützliche Arbeit nicht verkannt werde. Was mich persönlich betrifft, so bin ich, wie gesagt, gern bereit dem Herrn

Verfasser nicht nur alle meine Bemerkungen zu seiner Schrift unverholen mitzutheilen, sondern auch ihn durch Notizen aus meinen Sammlungen, so weit ich kann, zu unterstützen. Und für den Fall, dass Hr. Gorlow seine Schrift theilweise umzuarbeiten, oder zu vervollständigen bereit wäre, würde ich rathen ihm ausnahmweise nöthigenfalls ganze zwey Jahre (statt eines Jahres) Zeit zum Drucke derselben zu geben.

Schliesslich bitte ich Sie, meine Herren, sich nicht zu wundern, dass ich diesen Bericht über ein russisches Werk in deutscher Sprache abstatte. Es war meine Absicht auf diesem Wege die deutschen Leser mit den besten Quellen für die einzelnen Zweige der ökonomischen Verhältnisse Russlands bekannt zu machen; doch als ich schon im Zuge war, sah ich mich, bedrängt durch die Zeit, genöthigt diesem Vorhaben zu entsagen, um nur, in möglicher Kürze, dasjenige zu Ihrer Kenntniss zu bringen, was mir besonders Beachtung zu verdienen schien.

Machen wir es nur dem Herrn Verfasser zur unerlässlichen Bedingung, dass er seinem Buche ein ausführlicheres Inhalts-Verzeichniss und einen genügenden Index beifüge.

Koeppen.

Den 30. März.
1848.

РАЗБОРЪ

сочиненія

Отца Іакинѳа,

подъ заглавіемъ:

КИТАЙ

въ гражданскомъ и нравственномъ отношеніяхъ;

составленный

Г. Профессоромъ КОВАЛЕВСКИМЪ.

Нашъ синологъ О. Іакинѳъ не въ первый уже разъ бесѣдуетъ съ Русскою публикою о Китаѣ. Послѣднее сочиненіе его, подъ заглавіемъ: «Китай въ гражданскомъ и нравственномъ отношеніи», явилось недавно въ четырехъ частяхъ, которыя вмѣстѣ могли бы составить одну книгу почти въ 600 страницъ, и заключаетъ въ себѣ разнообразный сборникъ свѣдѣній о Поднебесной Имперіи, почерпнутыхъ изъ китайскихъ книгъ и собственной наглядности автора.

Въ этой древнѣйшей въ мірѣ Имперіи, почтенный нашъ синологъ находитъ что-то загадочное, удивительное, хотя и описанное многими путешественниками и католическими вѣропроповѣдниками, но еще не вполнѣ, неудовлетворительно, и потому берется онъ охотно передать намъ свѣдѣнія, недосказанныя аббатомъ Грозье и Девисомъ о гражданскомъ и нравственномъ состояніи Китая. Въ постоянномъ негодованіи на иноземцевъ за то, что они, описывая Китай, судятъ о немъ по своимъ поня-

тіямъ и ханьскаго человѣка (хань-жынь), заставляютъ мыслить и дѣйствовать часто по-европейски, О. Іакинѳъ не прощаетъ и туземнымъ писателямъ, которые за свѣдѣніями о Китаѣ и Китайцахъ обращаются на западъ Европы и, безъ повѣрки ихъ съ своими лучшими источниками, повторяютъ самыя ошибочныя мнѣнія, иногда смѣшныя даже.

Послѣ изданнаго въ 1840 году сочиненія о жителяхъ, нравахъ, обычаяхъ и просвѣщеніи Китая, О. Іакинѳъ, вѣрный своему призванію, продолжая непрерывно свои занятія, рѣшился раздвинуть предѣлы этой книги, связать тѣснѣе и пополнить ея статьи, и въ измѣненномъ планѣ познакомить насъ короче съ весьма важнымъ государствомъ въ Азіи. Авторъ придерживался и теперь своихъ прежнихъ правилъ: не принимая на себя званія критика или историка, онъ не прибѣгаетъ ни къ изслѣдованіямъ частныхъ фактовъ, ни къ прагматическому изложенію дробностей, которыя въ теченіе многихъ вѣковъ накоплялись и, наконецъ, должны были войти въ стройную группу матеріаловъ, составляющихъ любопытную картину нынѣшняго Китая. Но, пока искусное перо изобразитъ намъ во всей полнотѣ и величіи Хуанліевы владѣнія, неутомимый нашъ синологъ подготовляетъ необходимыя для этого данныя. Четырнадцать лѣтъ лучшей жизни, проведенныхъ имъ въ столицѣ Богдохана, и болѣе четверти столѣтія, посвященной изданію разнообразныхъ сочиненій о средне-азійскихъ народахъ, доставили ему авторитетъ добросовѣстности въ трудахъ и снискали право на общую нашу благодарность.

Излишнимъ считаю указывать здѣсь на свѣдѣнія, которыми О. Іакинѳъ исправилъ и пополнилъ чужія и наши понятія о Китаѣ. Богатствомъ содержанія покрываются мелочные недосмотры автора, которые привязчивый критикъ могъ бы подмѣтить.

Развернемъ книгу, о которой идетъ теперь дѣло, чтобы удостовѣриться въ количествѣ и цѣнности внутренняго ея достоянія. Въ первой части, въ видѣ введенія, авторомъ помѣщены статьи о Китайскомъ лѣтосчисленіи и времясчисленіи, о мѣрахъ, вѣсахъ и монетѣ, о Пекинскомъ дворцѣ и дани, представляемой хуань-дію въ торжественные дни. Все это нами было прочитано еще въ 1840 г.; но здѣсь оно обогащено отчасти новыми свѣдѣніями, отчасти изложено проще, понятнѣе, удовлетворительнѣе. Вставки, сдѣланныя О. Іакинѳомъ, покажутся здѣсь для поверхностнаго читателя мелкими; но онѣ весьма любопытны и дороги для изслѣдователя древностей, статистика или историка Китая. Кому не извѣстно, какъ иногда одно слово, одинъ намекъ очевидца или знатока на какое нибудь происшествіе или обстоятельство служитъ руководствомъ къ важнымъ результатамъ изысканій?

Государственное устройство авторомъ для большей ясности представлено въ вопросахъ и отвѣтахъ, знакомитъ читателей съ предметомъ, о которомъ, особенно у насъ, часто повторяются самые ложные толки. О. Іакинѳъ передаетъ намъ свѣдѣнія чисто положительныя, устранивъ всякаго рода догадки, затмѣвающія дѣло. Вообще, эта часть сочиненія получила весьма значительныя при-

рашенія въ сравненіи съ тѣмъ, что до сего времени было писано объ административной машинѣ въ Китаѣ, и можетъ почитаться удовлетворительною для нашего любопытства.

Во второй части изложено уголовное Китайское право, предметъ въ первый разъ еще представленный нашимъ синологомъ съ подробностями о родахъ преступленій и мѣрахъ наказанія, равно какъ и о нѣкоторыхъ формахъ судопроизводства. Эти свѣдѣнія въ высокой степени важны.

Не менѣе ихъ любопытна и важна третья часть, разнообразная по содержанію, но болѣе намъ знакомая изъ прежнихъ книгъ О. Іакинѳа. Здѣсь, въ трехъ отдѣленіяхъ, описаны учебныя и ученыя заведенія, гражданскія учрежденія по хозяйственной части и мѣры народнаго продовольствія.

Четвертая и послѣдняя часть обнимаетъ въ себѣ общественную и частную жизнь Китайцевъ, которую авторъ старался изобразить со стороны придворныхъ церемоніаловъ и народныхъ обычаевъ. Здѣсь перепечатаны по большей части статьи съ изданія 1840 г.; къ нимъ прибавлено шесть новыхъ главъ, а прежнія распространены, мѣстами исправлены.

Такимъ образомъ послѣдній Китай нашего автора можно считать почти новымъ твореніемъ, проливающимъ яркій свѣтъ на многія стороны Поднебесной Имперіи, которая, благодаря добросовѣстные труды О. Іакинѳа, для насъ по крайней мѣрѣ перестанетъ быть загадочною.

Вотъ причины, по которымъ это сочиненіе должно быть принято Академіей Наукъ во вниманіе при сужденіи о раздачѣ Демидовскихъ премій въ нынѣшнемъ году.

В. Ковалевскій.

РАЗБОРЪ

сочиненія

Н. М. Богдановича,

Профессора Военной Академіи,

подъ заглавіемъ:

ЗАПИСКИ СТРАТЕГІИ;

ПРАВИЛА ВЕДЕНІЯ ВОЙНЫ,

извлеченныя изъ сочиненій:

Наполеона, Эрцгерцога Карла, Генерала Жомини

и другихъ военныхъ писателей,

составленный

Генералъ-Лейтенантомъ

Барономъ ЗЕДДЕЛЕРОМЪ.

Введеніе.

Между высшими военными науками, возникшими въ прошедшее столѣтіе, и въ настоящее время получившими особенную значительность, важнѣйшее мѣсто занимаетъ Стратегія. Она объемлетъ высшія значенія военнаго искуства, судитъ о дѣяніяхъ полководцевъ древнихъ и новѣйшихъ временъ, и основываетъ системы, посредствомъ которыхъ каждый военачальникъ можетъ надѣяться восторжествовать надъ своимъ противникомъ. Теперь Стратегія составляетъ любимый предметъ разговоровъ образованныхъ воиновъ, преподается во всѣхъ высшихъ военно-учебныхъ заведеніяхъ и осіяетъ писателей объ этой науки блистательною славою.

Однако ни одна наука, за исключеніемъ, можетъ быть, Философіи и Медицины не имѣетъ менѣе общепримѣняемыхъ и неопровержимыхъ основныхъ правилъ, какъ именно Стратегія; ни одна не служитъ столь сильнымъ

предметомъ споровъ между классическими и неклассическими ея писателями. Можно даже полагать, что самый неловкій полководецъ на войнѣ былъ бы ученый Стратегикъ, обладающій всею теоріею сего знанія, всѣми противорѣчущими примѣрами, которые представляетъ ему Исторія, и изъ всего сего извлекающій незавидный результатъ, что въ его наукѣ нѣтъ никакихъ аксіомъ. Даже извѣстнѣйшіе военные писатели не одинаково понимаютъ значеніе слова Стратегіи, кругъ ея дѣйствія и предѣлы; большая часть изъ нихъ сознается, что она, по безконечному разнообразію поприща, цѣли и обстоятельствъ войны, не можетъ существовать въ видѣ науки; а военная Исторія представляетъ намъ рѣзкія примѣры, что самыя основныя правила Стратегіи иногда могутъ, и должны быть нарушаемы для сдержанія побѣды. Это между прочимъ ясно доказывается переходомъ Князя Варшавскаго черезъ Вислу въ 1831 году, маневромъ, при которомъ прежніе наши базисы, операціонныя линіи и пути соединенія были брошены, армія стала лицемъ къ основанію своихъ дѣйствій, отдѣлясь отъ него огромною рѣкою и потомъ, не имѣя ни пунктовъ опоры для фланговъ и тыла, ни безопаснаго пути отступленія, окончила тяжкую войну славною побѣдою.

Въ слѣдствіе всего тутъ сказаннаго возникаютъ три вопроса: какую пользу приноситъ изученіе Стратегіи? Почему преподается она въ военно-учебныхъ заведеніяхъ какъ цвѣтъ всего военнаго искуства? Почему многіе ученые и опытные полководцы писали и пишутъ о наукѣ, достоинство которой они сами не признаютъ?

На первый пунктъ можно отвѣчать собственнымъ вопросомъ: неужели изученіе Философіи безполезно потому, что со времени семи Греческихъ мудрецовъ до Шеллинга и Гегеля возникли и разрушились тысячи философскихъ системъ, которыми сущность Философіи все еще не опредѣлена? неужели начинающій медикъ не долженъ знать различныя методы врачеванія, потому, что отъ Гиппократа до Ганемана и Присница тысячами являлись и исчезали противныя другъ другу методы и ни одною изъ нихъ не найдено вѣрное средство лечить больныхъ? Тоже самое можно сказать и о Стратегіи. Она также создана вѣковыми опытами и основана на примѣрахъ, данныхъ нами великими вождями, а потому и она, во многихъ случаяхъ можетъ оказаться весьма полезною для просвѣщеннаго и зрѣло разсуждающаго полководца, не заставляя однако его придерживаться тѣхъ правилъ, которымъ слѣдовали прежніе вожди, или которыя провозглашаются новѣйшими военными писателями.

Труднѣе разрѣшить второй вопросъ: мы даже чистосердечно объявляемъ себя противниками преподаванія Стратегіи въ военно-учебныхъ заведеніяхъ, кромѣ тѣхъ, въ которыхъ приготовляются Офицеры для службы въ Генеральномъ-Штабѣ, какъ на прим. въ нашей Императорской Военной Академіи. Въ состояніи ли юноши 18—20 лѣтъ понять сущность этой науки, требующей зрѣлыхъ лѣтъ и глубокаго разсужденія? Могутъ ли они вникнуть въ сложныя, часто тайныя причины, побудившія полководца дѣйствовать такъ, а не иначе? Естьли

возможность постигнуть въ продолженіе года или двухъ лѣтъ искуство предводительствовать арміею и рѣшать участь войны? Трудно также повѣрить, чтобы преподаватель, никогда не видѣвшій непріятеля, или бывшій на войнѣ только въ первыхъ офицерскихъ чинахъ, могъ юношескому незрѣлому уму сообщить всѣ свѣдѣнія, объясняющія главныя понятія о Стратегіи.

Въ одномъ сосѣдственномъ Государствѣ военное воспитаніе доведено до высшей степени совершенства; тамъ столько же ученыхъ Стратегиковъ, сколько и наставниковъ сей науки; тамъ каждый, только что выпущенный изъ военно-учебныхъ заведеній Подпоручикъ говоритъ вамъ объ Александрѣ Великомъ, Цесарѣ, Фридрихѣ и Наполеонѣ, объясняя изумленнымъ слушателямъ, какимъ бы образомъ въ томъ или другомъ случаѣ онъ самъ поступилъ бы на мѣстѣ этихъ великихъ военныхъ геніевъ. Но едва ли одинъ изъ этихъ юныхъ героевъ въ состояніи правильно командовать однимъ взводомъ войска. Стало быть всѣ ихъ теоретическія знанія ведутъ только къ неумѣстному и вредному обсужденію дѣйствій начальства и преувеличенному мнѣнію о собственномъ достоинствѣ, которое первая война, можетъ быть, скоро бы унизила. По нашему мнѣнію Стратегія можетъ быть только тогда постигнута, когда она основана на глубокомъ собственномъ изученіи военной Исторіи, а преподаватели ея должны быть испытанные въ военныхъ трудахъ Генералы; профессоры же въ военно-учебныхъ заведеніяхъ Генеральнаго-Штаба должны ограничиться руководствованіемъ молодыхъ офицеровъ при этомъ соб-

ственномъ изученіи и краткимъ объясненіемъ какъ достопамятнѣйшихъ компаній всѣхъ временъ, такъ и извѣстнѣйшихъ стратегическихъ системъ, предоставляя подробнѣйшее ихъ изслѣдованіе и примѣненіе къ практикѣ собственному сужденію слушателей въ зрѣломъ возрастѣ. Такъ весьма благоразумно поступалъ и Полковникъ Богдановичъ.

Теперь остается рѣшить третій вопросъ: почему въ новѣйшія времена многіе замѣчательные воины и даже великіе полководцы, писали о Стратегіи? Сколько намъ извѣстно, между сими послѣдними находится только одинъ Эрцгерцогъ Карлъ; ибо нельзя считать руководствомъ къ изученію Стратегіи разбросанныя, бѣглыя замѣчанія Наполеона о военномъ искуствѣ, написанныя не имъ самимъ, а другими авторами, и потомъ уже кое какъ собранныя Каузлеромъ. За тѣмъ слѣдуютъ Жомини и Клаузевицъ, которые, какъ Начальникъ Штаба и Генералъ Квартирмейстеръ, содѣйствовали въ управленіи многочисленныхъ частей войскъ въ военное время. Но Эрцгерцогъ Карлъ въ своихъ превосходныхъ твореніяхъ, вовсе не думалъ основать полную систему Стратегіи; онъ разбиралъ только для объясненія своихъ собственныхъ военныхъ дѣйствій и наставленія другихъ, вліяніе одного начала этой науки, а именно мѣстности, на образъ веденія войны; но Жомини и Клаузевицъ, безъ всякаго сомнѣнія, Генералы опытные и храбрые воины, были еще лучшіе писатели, и не успѣвъ увѣнчать себя лаврами побѣды, заботились о пріобрѣтеніи славы великихъ военныхъ писателей: первый изъ нихъ посредствомъ глубокооблу-

манныхъ соображеній, извлеченныхъ изъ войнъ Фридрика Вел. и Наполеона, и основаніи на нихъ системы Стратегіи, которую впрочемъ въ послѣдствіи онъ призналъ не полною; Клаузевицъ же, посредствомъ множества новыхъ идей и критическихъ взглядовъ — смѣлыхъ, геніальныхъ, но слишкомъ бѣглыхъ, такъ сказать, рапсодическихъ, для мыслителя. Всѣ прочіе стратегическіе писатели или не имѣли никакой опытности въ войнѣ, или находились въ слишкомъ низкой сферѣ ея дѣйствій. Они строили свои системы на одностороннемъ изученіи дѣлъ великихъ полководцевъ, не постигая ихъ генія, и на произведеніяхъ военныхъ писателей, не думая о томъ, что будущіе великіе вожди могутъ быть создателями новыхъ и лучшихъ системъ. Сидя въ теплыхъ, спокойныхъ кабинетахъ, въ дали отъ лишеній и трудовъ, пріятно анатомировать мысли и дѣйствія героевъ посреди колоссальныхъ политическихъ событій, въ виду смерти и опасеній за славу и цѣлость войска и государства; пріятно объявить свѣту: вотъ я, я постигнулъ этихъ великихъ людей, я изыскалъ причины ихъ подвиговъ, но открылъ также ихъ промахи; я хочу сообщить вамъ правила, посредствомъ которыхъ, подражая мудрымъ ихъ распоряженіямъ и избѣгая ихъ ошибокъ, можно будетъ превзойти Фридриха и Наполеона. Если же въ послѣдствіе времени явится вождь, еще съ большими воинскими способностями, и, не слѣдуя нашимъ правиламъ о веденіи войны, останется побѣдителемъ, тогда и онъ найдетъ коментаторовъ своихъ подвиговъ и создателей новыхъ системъ Стратегіи.

О цѣли, способѣ изложенія и пользѣ произведенія

Г. Богдановича.

Г. Богдановичъ въ предисловіи къ своимъ запискамъ говоритъ: «что онѣ содержатъ въ себѣ мысли и правила военныхъ писателей, относящіяся къ наукѣ веденія войны. При изложеніи этихъ мыслей и правилъ, авторъ обратилъ преимущественно вниманіе на тѣ изъ нихъ, которыя, имѣя основаніемъ самый опытъ, и удобны къ примѣненію въ практикѣ; что же касается до сужденій отвлеченныхъ, либо подлежащихъ сомнѣнію, то онъ старался по возможности пояснить ихъ замѣчаніями; въ заключеніи каждаго изъ разсмотрѣнныхъ сочиненій, сдѣлалъ выводъ о содержаніи и отличительномъ характерѣ его»

Г. Богдановичъ присовокупляетъ, что избѣгая рѣзкихъ, одностороннихъ сужденій, онъ вовсе не имѣлъ въ виду излагать постоянныя безусловныя правила для дѣйствій, а желалъ только доставить читателю возможность пріобрѣсть навыкъ вѣрно оцѣнивать какъ относительную важность средствъ, служащихъ для веденія войны, такъ и многостороннее вліяніе различныхъ обстоятельствъ на военныя дѣйствія. При обсужденіи стратегическихъ сочиненій, авторъ старался сохранить характеръ и сущность ихъ, и такъ, по его собственному мнѣнію, главная его заслуга состоитъ въ точномъ и по возможности сжатомъ объясненіи главныхъ правилъ, предложенныхъ лучшими военными писателями. Мы считаемъ трудъ этотъ тѣмъ болѣе важнымъ, что изъ этихъ

сочиненій на русскій языкъ переведены весьма не многія и что книга Г. Богдановича, заключающая въ себѣ извлеченіе изъ 60 и болѣе томовъ, доселѣ мало извѣстныхъ въ Русской Литературѣ, должна принести несомнѣнную пользу.

Г. Богдановичъ задалъ себѣ съ перваго взляда легкую, но въ самомъ дѣлѣ весьма трудную задачу: онъ намѣренъ познакомить нашихъ любознательныхъ военныхъ юношей съ лучшими иностранными стратегическими твореніями, излагая главное содержаніе ихъ въ самомъ сокращенномъ видѣ; но онъ хочетъ также изслѣдовать эти классическія произведенія; полезное въ нихъ отдѣлить отъ безполезнаго, опредѣлить ихъ достоинства и недостатки. Такимъ образомъ книгу Г. Богдановича съ одной стороны можно считать сокращеніемъ или, такъ сказать, эссенціею всѣхъ иностранныхъ сочиненій о Стратегіи, съ другой стороны ихъ критикою.

Мы радостно и вполнѣ признаемъ пользу первой цѣли Г. Богдановича. Русская военная литература далеко еще не можетъ сравниться съ иностранными, ибо въ русскомъ народѣ и въ русскомъ войскѣ, въ слѣдствіе преобладанія практическаго духа надъ склонностію къ мышленію, всегда *дѣйствіе* предпочиталось *умствованію*, и у насъ всегда старались изучать войну въ самой войнѣ, а не въ ученыхъ сочиненіяхъ. Но чѣмъ болѣе Россія будетъ развиваться въ умственномъ отношеніи, тѣмъ болѣе главная ея опора, ея превосходное войско, будетъ нуждаться въ высшемъ ученомъ образованіи, и, разумѣется, всякій, по своему положенію и дарованіямъ призван-

ный для достиженія этой цѣли, достоинъ признательности и благодарности своего отечества. Что касается до второй части вопроса, который задалъ себѣ Г. Богдановичъ, мы увидимъ въ послѣдствіи, въ какой мѣрѣ удалось ему рѣшить его.

Авторъ нашъ ученикъ Генерала Барона Медема; ученикъ нѣсколько въ Пиѳагорійскомъ смыслѣ этого слова, ибо для него мысль «такъ сказалъ учитель» иногда замѣняетъ другія доказательства. Слѣдовательно не трудно понять, почему въ своемъ произведеніи онъ слѣдуетъ мнѣніямъ и правиламъ своего наставника и подобно ему, кое-гдѣ бросаетъ взгляды, обнаруживающіе основательное понятіе теоріи, но и недостатокъ практики въ военномъ дѣлѣ.

Разсужденіе о книгѣ Г. Богдановича.

Вступленіе.

Какъ мы уже видѣли, разсматриваемое нами произведеніе содержитъ въ себѣ извлеченія изъ другихъ писателей о Стратегіи съ присоединеніемъ собственныхъ объясненій и разсужденій автора. Такъ какъ мы въ своей рецензіи не предположили себѣ цѣлью — критическое обозрѣніе всѣхъ этихъ Стратегическихъ произведеній, то и ограничились разсмотрѣніемъ только того, что собственно принадлежитъ Г. Богдановичу, и что, за исключеніемъ нѣкоторыхъ замѣчаній, присоединенныхъ къ самымъ извлеченіямъ, помѣщено въ концѣ каждой главы, подъ заглавіемъ «общіе выводы».

Авторъ въ своемъ предисловіи старается доказать, что Стратегія, какъ *искуство вести войну*, возъимѣло свое начало еще тогда, когда успѣхъ дѣйствій сталъ зависѣть не отъ грубой силы, а отъ умѣнія полководца пользоваться средствами, состоявшими въ его распоряженіи, и дѣйствовать сообразно съ обстоятельствами, въ которыхъ онъ находился. Но *видъ науки*, Стратегія пріобрѣла только со времени изобрѣтенія пороха. Въ доказательство этого мнѣнія Г. Богдановичъ приводитъ: 1) такъ какъ битвы въ древнія времена, по слабому дѣйствію тогдашнихъ метательныхъ орудій, рѣшались обыкновенно рукопашнымъ боемъ, при чемъ побѣжденные подвергались огромнымъ потерямъ, либо совершенному истребленію, а уронъ побѣдителей большею частію былъ ничтоженъ, то низложеніе одной изъ враждебныхъ силъ (главное, постоянное средство къ достиженію цѣли войны) было тогда обычнымъ слѣдствіемъ встрѣчи противныхъ сторонъ; и потому небыло никакой необходимости прибѣгать къ другимъ средствамъ для одержанія рѣшительныхъ успѣховъ. Напротивъ того, съ распространеніемъ огнестрѣльнаго оружія, несравненно болѣе дѣйствительнаго, войска противныхъ сторонъ стали сражаться большею частію въ значительномъ разстояніи одно отъ другаго, что даетъ возможность побѣжденному уклониться отъ боя и отступить съ небольшимъ урономъ. Слѣдовательно въ настоящее время уже недостаточно для содѣланія побѣды рѣшительною, вступить въ бой съ непріятелемъ, а должно предварительно давать такое направленіе своимъ войскамъ, чтобы побѣжденный против-

никъ не могъ уклониться отъ совершеннаго пораженія. Для достиженія этой цѣли тактическія средства оказываются недостаточными, и потому необходимо прибѣгнуть къ соображеніямъ, выходящимъ изъ объема тактики. 2) Малочисленныя арміи древнихъ, привыкшія къ всякаго рода трудамъ и лишеніямъ, въ перенесенію тяжестей и т. д., сопровождались обыкновенно небольшими обозами, бились весьма несложными орудіями, а снаряды для своихъ метательныхъ машинъ, т. е. камни и стрѣлы, могли найти почти на всякомъ мѣстѣ. И такъ онѣ, при весьма облегченной администраціи, производили движенія свои съ гораздо большею скоростію и рѣшительностію, нежели мы. Такъ напримѣръ Римляне, съ помощію своихъ укрѣпленныхъ лагерей, уподоблявшихся переноснымъ крѣпостямъ, глубоко проникали въ самыя нѣдра непріятельскихъ странъ, держались тамъ въ теченіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ противъ превосходнаго въ силахъ непріятеля, а потомъ, выждавъ благопріятный моментъ, переходили къ наступательнымъ дѣйствіямъ. Можемъ ли также поступать и мы, со своими гораздо многочисленными войсками, привыкшими къ правильному образу продовольствованія, обремененными артиллеріею, огромными запасами разныхъ матеріаловъ, а посему прикованными, такъ сказать, къ базисамъ и коммуникаціоннымъ линіямъ, къ складамъ и магазинамъ? Такимъ образомъ, вмѣсто постояннаго дѣйствія совокупными силами, какъ бы слѣдовало быть, мы, маневрируя, должны раздѣлить ихъ, а для сраженія принуждены бываемъ опять стягивать ихъ въ одну массу. Но для произведенія этихъ

движеній нам должно прибѣгать къ комбинаціямъ, которыя также изъ тѣсныхъ предѣловъ тактики вступаютъ въ болѣе обширный кругъ Стратегіи.

Какъ бы не были справедливы эти доказательства, но мы не можемъ не представить нѣкоторыхъ возраженій противъ ихъ исторической вѣрности. 1) Мы видимъ изъ Исторіи, что еще долгое время послѣ введенія въ употребленіе огнестрѣльнаго оружія, война состояла только во взаимномъ столкновеніи двухъ войскъ и рукопашной дракѣ, и что она только тогда сдѣлалась искуствомъ, когда въ XVI столѣтіи, съ паденіемъ феодализма, образованность снова распространилась въ Европѣ, и Государи и полководцы въ произведеніяхъ греческихъ и римскихъ писателей начали отыскивать средства къ усовершенствованію военнаго дѣла. 2) Въ древности войны не всегда рѣшались пораженіями непріятеля на самомъ полѣ битвы, но и маневрами, что можно доказать сраженіями при Иссѣ, Тразименскомъ озерѣ, Каннахъ и т. д. 3) Не только въ походахъ Александра Вел., Аннибала, Цесаря и другихъ величайшихъ древнихъ героевъ, но и въ войнахъ менѣе знаменитыхъ полководцевъ: Эвмена съ Антигономъ, Серторія съ Метелломъ и проч., находимъ мы факты, могущіе служить образцами не только для военнаго искуства, но даже для Стратегіи въ нынѣшнемъ значеніи сего слова, которая слѣдовательно не была вовсе неизвѣстна древнимъ.

Менѣе возраженій мы можемъ представить противъ того, что Г. Богдановичъ говоритъ: о постепенномъ развитіи теоріи Стратегіи, объ одностороннихъ мнѣніяхъ

Лойда, Бюлова, Жомини (въ его первомъ сочиненіи о Стратегіи) и Эрцгерцога Карла, которые, не признавая вліяніе различныхъ началъ на начертаніе и результаты военныхъ комбинацій, считаютъ ихъ только зависимыми отъ частныхъ условій и на томъ основываютъ свои системы. Столь же вѣренъ взглядъ Г. Богдановича на напрасныя усилія Ксиландра, Воданкура, Жомини (во второмъ его сочиненіи) и Веллизена — всѣ эти различныя системы слить въ одну общую; на мнѣніе Наполеона, Деккера, Вагнера и Клаузевица — «что одной теоріи недостаточно для изученія высшаго военнаго искуства, и что для достиженія этой цѣли нужно въ особенности знаніе военной Исторіи»; на мысль Генерала Медема и другихъ — «что для военныхъ дѣйствій нѣтъ постоянныхъ правилъ»; наконецъ на двоякій способъ изложить Стратегію въ видѣ науки: одинъ — составляя общій сводъ мыслей о веденіи войны замѣчательнѣйшихъ военныхъ писателей и дополняя его выводами изъ важнѣйшихъ военныхъ событій, предложить полную теорію Стратегіи, другой, который избралъ самъ Г. Богдановичъ, и о которомъ мы упомянули выше. Однако и здѣсь мы могли бы возразить противъ сравненія мнѣній Лойда и Бюлова съ Эрцгерцогомъ Карломъ, Деккера и Вагнера съ Наполеономъ.

За предисловіемъ слѣдуетъ *Стратегическая Терминологія* или краткое, но полное и отчетливое объясненіе техническихъ выраженій, употребляемыхъ въ Стратегіи: наприм. базиса, предметъ дѣйствія, операціонныя линіи, которыя раздѣляются на концентрическія и эксцентри-

ческія, внутреннія и внѣшнія, оборонительныя линіи, операціонный фронтъ, театръ войны и дѣйствія и пр.

I-я ЧАСТЬ.

I-е ОТДѢЛЕНІЕ.

Это отдѣленіе начинается опредѣленіемъ значенія слова «Стратегія» и той эпохи, въ которой она сдѣлалась наукою.

Г. Богдановичъ, согласно съ мнѣніемъ Ксиландера, подъ словомъ Стратегія разумѣетъ: во 1-хъ, искуство полководца дѣйствовать въ различныхъ обстоятельствахъ средствами, состоящими въ его распоряженіи для достиженія цѣлы войны, и во 2-хъ, науку веденія войны, или, говоря другими словами, собраніе правилъ относящихся къ искуству веденія войны.

Авторъ, измѣняя нѣсколько первое свое опредѣленіе, повторяетъ, что искуство вести войну было извѣстно и въ древности, но что наука Стратегіи начала образоваться только въ половинѣ XVIII столѣтія. Правда, что Густавъ Адольфъ пробудилъ военное искуство отъ долгаго усыпленія, въ которомъ оно находилось въ среднихъ вѣкахъ, но его современники и непосредственные послѣдователи опять его исказили, основывая его на уклоненіи отъ открытаго боя, на маневрахъ и крѣпостной войнѣ. Фридрихъ Вел. низпровергнулъ всѣ эти преувеличенныя системы и такимъ образомъ основалъ настоящую Стратегическую науку, которой первымъ писателемъ былъ Ллойдъ.

Мы думаемъ, что если бы Лойдъ явился во время Густава Адольфа, и если бы тогда также много писали, какъ пишутъ нынѣ, наука Стратегія возъимѣла свое начало гораздо прежде, и стратегическихъ системъ въ военной литературѣ было бы несравненно болѣе. Мы не безъ намѣреній сказали «въ военной литературѣ» ибо полагаемъ, что эти системы, какъ въ тридцатилѣтней войнѣ, такъ и теперь, не всегда и не всѣмъ были извѣстны и наблюдаемы; это можно доказать примѣрами многихъ опытнѣйшихъ полководцевъ наприм. Суворова, Кутузова, Блюхера и др.

Послѣ предисловія у Г. Богдановича слѣдуютъ, въ хронологическомъ порядкѣ, вышеупомянутыя извлеченія изъ сочиненій: Лойда (съ присовокупленіемъ замѣчаній о состояніи Стратегіи во второй половинѣ XVIII столѣтія), Бюлова, Жомини (въ его первомъ стратегическомъ твореніи) Эрцгерцога Карла и Ронья.

Какъ уже сказано, мы не можемъ останавливаться на этихъ извлеченіяхъ, которыя впрочемъ всѣ сдѣланы съ знаніемъ дѣла, благоразумнымъ выборомъ, и при всей своей краткости, отличаются большею ясностію и опредѣлительностію. Предметомъ нашего разсужденія будутъ только замѣчанія и мнѣнія самаго Г. Богдановича.

1) О Лойдѣ.

Г. Богдановичъ очень справедливо замѣчаетъ, что этотъ писатель (краткая біографія его и другихъ авторовъ помѣщена въ запискахъ), главныя свои идеи объ искуствѣ вести войну (Mémoires politiques et militaires),

почерпнулъ изъ двухъ, совершенно различныхъ періодовъ: изъ войнъ въ концѣ XVII столѣтія, и походовъ Фридриха Вел. Отъ этого, при изложеніи своихъ стратегическихъ правилъ, Лойдъ неоднократно впалъ въ явныя противорѣчія. Такъ наприм. въ одномъ мѣстѣ онъ говоритъ: что опасно удаляться отъ своей базисы болѣе какъ на четыре марша, а въ другомъ совѣтуетъ дѣйствовать со всевозможною быстротою и дѣятельностію; здѣсь онъ совѣтуетъ стѣснить непріятеля, дѣйствующаго по нѣсколькимъ операціоннымъ линіямъ, на одну; тамъ, воспользовавшись его раздѣленіемъ, разбить его по частямъ. Главная же и основная идея Лойда о важности сообщеній вытекаетъ изъ его убѣжденія въ зависимости дѣйствія войскъ отъ ихъ магазиновъ. Посему, если бы этой зависимости вовсе небыло, или же если бъ она уменьшилась, то и большую часть правилъ Лойда нельзя бы было примѣнить къ дѣлу.

2) О стратегическомъ искуствѣ во второй половинѣ XVIII столѣтія.

Въ этомъ отдѣленіи Г. Богдановичъ разсуждаетъ, какъ ложно многіе современники Фридриха Вел. смотрѣли на славные воинскіе подвиги его, не считая ихъ слѣдствіемъ генія и индивидуальнаго характера вѣнценоснаго героя, а искуства его воспользоваться слишкомъ осторожнымъ и нерѣшительнымъ образомъ дѣйстій своихъ противниковъ. Такъ какъ король часто достигалъ своей цѣли посредствомъ отважныхъ предпріятій на пути со-

общенія непріятеля и часто, со слабыми силами занимая превосходныя позиціи, держалъ въ бездѣйствіи многочисленныя непріятельскія арміи, то его современники стали высоко цѣнить важность коммуникацій и занятія всѣхъ сильныхъ тактическихъ пунктовъ. Они начали разтягивать свои силы, чтобы прикрыть свои собственныя линіи сообщенія, угрожать непріятельскимъ и имѣть въ своихъ рукахъ всѣ точки, способныя къ упорной оборонѣ. Такъ, въ особенности у Австрійцевъ, составилась пресловутая *кордонная система*, въ слѣдствіе которой арміи, растягиваясь линіею отдѣльныхъ корпусовъ и постовъ, на 100 верстъ и болѣе, старались все прикрыть, вездѣ дѣйствовать, а въ самомъ дѣлѣ ничего не прикрывали, и нигдѣ не могли дѣйствовать съ надлежащею силою. Война за наслѣдство Баварскаго престола по видимому оправдала кордонную систему; пораженія, нанесенныя Императору Іосифу II Турками, не поколебали ее; и такъ придерживались ей также союзныя арміи, дѣйствовавшія противъ Франціи во время революціи.

Тогда въ 1796 году, въ Италіи явился юный герой Бонапарте и побѣдилъ своихъ противниковъ, большею частію удрученныхъ лѣтами и до педантизма преданныхъ старинной системѣ, своею смѣлостью и предпріимчивостью, быстрымъ, внезапнымъ сосредоточиваніемъ своихъ силъ на важнѣйшихъ пунктахъ, неутомимымъ преслѣдованіемъ побѣжденныхъ, наконецъ учрежденіемъ реквизиціонной системы для продовольствованія войскъ, въ слѣдствіе которой уменьшилась зависимость ихъ отъ магазиновъ и дѣйствія сдѣлались болѣе быстрыми и рѣшительными.

Но долгое время этотъ энергическій способъ вести войну не могъ вытѣснить стариннаго. Даже явившіяся тогда геніальныя сочиненія Бюлова (духъ новой военной системы, походы 1800 и 1805 годовъ), не смотря на общее удивленіе, ими произведенное, въ сущности своей были только объясненія выгодъ кордонной системы и важности коммуникацій.

3) О Бюловѣ.

Признавая опаснымъ слишкомъ значительное отдѣленіе арміи отъ своей базисы, если она, на основаніи правилъ Лойда, состоитъ изъ одного только пункта, Бюловъ совѣтуетъ имѣть базисою линію составленную изъ нѣсколькихъ пунктовъ; болѣе или менѣе значительныя выгоды такой линіи будутъ зависѣть отъ ея вогнутаго или выпуклаго, длиннаго или короткаго расположенія. Тогда при наступательныхъ дѣйствіяхъ, полководецъ долженъ стараться обезпечить сообщеніе съ этою линіею; а при отступленіи сколь можно болѣе избѣгать битвъ, даже посредствомъ эксцентрическаго направленія своихъ колоннъ и угроженія сообщеніямъ непріятеля, занимая фланговыя позиціи и дѣйствуя въ тылъ его отдѣльными корпусами.

Вполнѣ преданный этой своей любимой идеѣ, Бюловъ забываетъ что многія другія обстоятельства, наприм. свойство мѣстоположенія театра войны, относительныя силы, устройство и мужество войскъ, политическія отношенія и т. д. имѣютъ столь же великое, если еще не большее, вліяніе на военныя дѣйствія, какъ сообщенія;

что не всегда можно избѣжать сраженія съ преслѣдующимъ насъ, превосходнымъ въ силахъ непріятелемъ и не вездѣ дѣйствовать на его коммуникаціи. По этому система, предлагаемая Бюловымъ рѣдко можетъ принести пользу, а чаще того, по совѣту его разъединять силы, будетъ приносить вредъ. Хотя въ 1812 году Кутузовъ и рѣшилъ исполинскую борьбу съ Наполеономъ, занявъ фланговую позицію при Тарутинѣ, и разрѣзавъ пути сообщенія и отступленія Французовъ, но онъ поступилъ такимъ образомъ вовсе не слѣдуя системѣ Бюлова, а благоразумно пользуясь предшествовавшими событіями, которыя едвали скоро могутъ повториться.

4) О первомъ стратегическомъ сочиненіи Жомини. (Traité des grandes opérations militaires).

Система, изложеніемъ которой Генералъ Жомини началъ свое блистящее военно-литературное поприще, было совершенно противоположна системѣ Лойда и Бюлова. Онъ основалъ ее не на умозрительныхъ изслѣдованіяхъ, а на историко-критическомъ изысканіи важнѣйшихъ походовъ Фридриха Вел. и Наполеона. Жомини первый изъ стратегическихъ писателей показалъ на измѣненіе въ способѣ веденія войны, явившееся въ новѣйшее время, а именно на рѣшеніе войнъ битвою, а не маневрами противъ непріятельскихъ сообщеній. Это вѣрное, сообразное съ временемъ постиженіе предмета, умъ, господствующій въ изложеніи его, ясный и легкій слогъ вскорѣ доставили творенію Жомини громкую славу, а ему самому имя оракула военной науки. Генералъ Медемъ

называетъ его даже основателемъ новѣйшаго военнаго искуства, и низвергателемъ кордонной системы и многихъ другихъ вредныхъ предразсудковъ. Но эта система и эти предразсудки были уже прежде низвергнуты исполинскими подвигами Наполеона.

Въ первой стратегической системѣ Жомини владычествуютъ двѣ главныя идеи, почерпнутыя изъ военныхъ дѣяній Фридриха II и Наполеона: удерживаніе за собою внутреннихъ операціонныхъ линій и сосредоточиваніе сколь можно большей массы войска для битвы. Оба эти основанія справедливы; но авторъ, какъ это обыкновенно бываетъ, слишкомъ привязанный къ своимъ мнѣніямъ, старается примѣнить ихъ ко всѣмъ возможнымъ военнымъ предпріятіямъ, не смотря на то, что оба вышеозначенные способа дѣйствій произтекли отъ исключительныхъ тогдашныхъ политическихъ и военныхъ обстоятельствъ. Фридрихъ Вел. принужденный бороться съ тремя окружающими его государствами, изъ коихъ каждое было сильнѣе и пространнѣе его королевства, не могъ иначе дѣйствовать, какъ по внутреннимъ операціоннымъ линіямъ и избавиться отъ опасности, то осторожною обороною, то смѣлымъ нападеніемъ. Бонапарте, въ 1796 году, командуя арміею, которая въ числѣ, военной опытности и устройствѣ далеко уступала непріятельской, долженъ былъ сражаться массою, какъ уже прежде его, съ успѣхомъ поступали другіе республиканскіе Генералы. Но Фридрихъ и Наполеонъ своими успѣхами одолжены болѣе своему генію и ошибкамъ своихъ противниковъ, нежели превосходству избранныхъ ими системъ дѣйствія,

и въ другихъ обстоятельствахъ вѣроятно поступали бы другимъ образомъ.

Если съ этими неосновательными воззрѣніями Генерала Жомини, мы соединимъ малое вниманіе, которое онъ обращаетъ на важность сообщеній, на вліяніе мѣстности и другія обстоятельства, то нельзя не согласиться съ мнѣніемъ его противниковъ, «что система его односторонна.»

5) Объ Эрцгерцогѣ Карлѣ и его сочиненіи: Основаніе Стратегіи, и Исторіи компаніи 1799-го года въ Германіи и Швейцаріи.

Со времени перваго его вступленія на поприще войны, Эрцгерцогъ Карлъ считался однимъ изъ знаменитѣйшихъ полководцевъ, а стратегическія его сочиненія почитались образцовыми. Генералъ Клаузевицъ, со свойственнымъ остроумнымъ аристофаническимъ воззрѣніемъ на предметы военные, первый началъ критиковать дѣянія и сочиненія Эрцгерцога, и такъ какъ даже величайшіе вожди и умнѣйшіе писатели могутъ иногда ошибиться, то Клаузевицъ воспользовался нѣкоторыми ошибками, замѣченными въ кампаніяхъ, и стратегическихъ правилахъ Эрцгерцога, чтобы вооружиться противъ всей его системы. Многіе изслѣдователи военныхъ наукъ считаютъ Клаузевица самымъ основательнымъ и глубокомысленнымъ военнымъ писателемъ, посему и число критиковъ Эрцгерцога быстро увеличилось; къ нимъ принадлежитъ также Генералъ Медемъ, слѣдовательно и Г. Богдановичъ.

Мы уже сказали прежде, что не имѣемъ намѣренія разбирать стратегическія системы, о которыхъ говоритъ Г. Богдановичъ въ своихъ «запискахъ». По этому мы не станемъ защищать творенія Эрцгерцога Карла. Повторяемъ только, что знаменитый авторъ «Основаній Стратегіи» въ своей книгѣ вовсе не думалъ излагать полную теорію военной науки. Въ качествѣ Австрійскаго полководца, онъ для Австрійскихъ офицеровъ хотѣлъ сдѣлать объясненіе на два замѣчательные похода, въ которыхъ онъ самъ предводительствовалъ арміею, и изъ которыхъ онъ извлекъ правила для могущихъ быть новыхъ войнъ съ Французами. Это лично пояснилъ намъ самъ Эрцгерцогъ Карлъ, и потому мы оставляемъ безъ вниманія то, что говоритъ о немъ несправедливая, односторонная критика *).

6) О Ронья

въ своемъ сочиненіи «Considérations sur l'art de la guerre», согласуясь съ мнѣніями Ллойда и Бюлова въ важности сообщеній, считаетъ главными правилами военныхъ дѣйствій: при наступленіи обезопасить свои линіи сообщенія, а при оборонѣ — угрожать непріятельскимъ. Въ доказательство своего мнѣнія онъ ссылается на походы Наполеона, и не одобряя его дѣйствія, ста-

(*) Авторъ сей рецензіи началъ свое военное поприще въ 1809 г. въ Австрійской службѣ, подъ знаменами Эрцгерцога Карла. Послѣ того, въ чинахъ Русскаго Полковника и Генерала, онъ неоднократно имѣлъ честь бесѣдовать съ сѣдовласымъ героемъ въ Вѣнѣ; а не за долго до кончины Эрцгерцога, получилъ отъ него, при обязательномъ письмѣ (отъ 13 Марта 1847 года) полное собраніе его сочиненій.

рается доказать — что неудачи Французовъ проистекли отъ несоблюденія изложенныхъ выше стратегическихъ правилъ; а успѣхами своими они обязаны малодушію и ошибкамъ своихъ противниковъ, которые обыкновенно спѣшили заключить миръ тогда, когда всѣ обстоятельства благопріятствовали продолженію войны. Тамъ гдѣ непріятели Наполеона готовы были защищаться до послѣдней крайности, какъ, наприм. въ Испаніи и Россіи, Французскія арміи претерпѣвали неминуемое пораженіе.

Въ этихъ замѣчаніяхъ Ронья много справедливаго; но, говоря въ своемъ сочиненіи въ главѣ «Métaphysique de la guerre», такъ обстоятельно о необходимости возбужденія энтузіазма въ войскѣ, онъ забываетъ говорить объ одушевленіи народа, и Г. Богдановичъ справедливо замѣчаетъ, что бѣдствія, испытанныя Наполеономъ въ 1812 году, произошли не столько отъ его стратегическихъ ошибокъ, сколько отъ того, что онъ не постигъ высокаго, твердаго духа Императора Александра, и безпредѣльной къ нему преданности Русскихъ.

Вмѣсто отважнаго, сосредоточеннаго нападенія, которое въ 1812 году, такъ худо удалось Французамъ, Ронья совѣтуетъ дѣйствовать осторожно, методически. Разумѣется, такое дѣйствіе менѣе опасно, но за-то оно не даетъ никакихъ блестящихъ результатовъ; такія мѣры конечно можетъ предложить Инженерный Генералъ, но все таки это ничто иное, какъ полумѣры.

Жаль, что Г. Богдановичъ, весьма справедливо обсуждающій систему Ронья, не обратилъ никакого вниманія на мнѣніе его объ устройствѣ укрѣпленныхъ лагерей

рей при первостепенныхъ крѣпостяхъ. Такіе лагери могутъ служить не только пунктами сосредоточиванія войскъ, но и временными базисами и точками опоры или убѣжища въ несчастныхъ случаяхъ. Пруссія на своемъ разъединенномъ, растянутомъ, въ высшей степени невыгодномъ географическомъ положеніи, поняла всю пользу, происходящую отъ подобныхъ лагерей и строила ихъ почти во всѣхъ своихъ провинціяхъ.

Системою Ронья оканчивается 1-е отдѣленіе 1-й части записокъ Г. Богдановича, или обозрѣніе тѣхъ стратегическихъ писателей, системы коихъ основаны на какомъ либо отдѣльномъ началѣ сей науки. Мы уже видѣли, что Г. Богдановичъ всѣхъ ихъ признаетъ односторонними и неудовлетворительными. Теперь перейдемъ къ изслѣдованію тѣхъ авторовъ, которые имѣютъ цѣлью, распространить объемъ науки и согласить противорѣчія, находящіяся въ прежнихъ системахъ

ЧАСТЬ I.

Отдѣленіе 2-е.

7) О сочиненіи Ксиландера (Стратегія и ея примѣненія).

Подъ названіемъ «Стратегіи» Ксиландеръ разумѣетъ «искуство совокупнаго употребленія военныхъ средствъ для достиженія общей цѣли войны.» Стратегія, по его мнѣнію опредѣляетъ, гдѣ должно располагать войска, двигать ихъ и дѣйствовать ими, для достиженія *общей цѣли войны*, а Тактика, какимъ именно образомъ дол-

жны располагаться, двигаться и дѣйствовать войска, для достиженія *предположенной цѣли боя.*

Въ самомъ началѣ своей книги, разсуждая объ опредѣленіи стратегическихъ пунктовъ, Ксиландеръ говоритъ, что Стратегія не можетъ предлагать общихъ законовъ для военныхъ дѣйствій, однако можетъ указывать на нѣкоторыя главныя начала, для извлеченія изъ нихъ правилъ, какъ поступать въ безконечно различныхъ случаяхъ, на войнѣ встрѣчающихся. По нашему мнѣнію, это самое неопредѣлительное опредѣленіе Стратегіи и Г. Богдановичъ справедливо обращаетъ мало вниманія на него и на другія, довольно странныя мнѣнія Ксиландера; наприм. на мысль, что базиса на Дунаѣ зависитъ отъ базисы на Вислѣ и т. п. Да и вся стратегическая система Ксиландера ничто иное, какъ компиляція системъ другихъ писателей. Такъ у Эрцгерцога Карла заимствуетъ онъ воззрѣніе на базису, стратегическіе пункты и линіи, на ихъ обезпечиваніе, на операціонные пути, на образъ дѣйствія при превосходномъ и недостаточномъ числѣ военныхъ силъ. Мысль о концентрическомъ направленіи колоннъ при нападеніи и фланговыхъ позицій при отступленіи, почерпаетъ онъ у Бюлова; мнѣніе о средоточеніи войскъ для битвы и предупрежденій непріятеля взяты у Жомини и т. д. Принадлежащихъ собственно автору правилъ не много, и онѣ неудовлетворительны и несогласны съ мнѣніемъ другихъ стратегическихъ писателей.

8) О Водонкурѣ.

Не счастливѣе Ксиландера былъ плодовитый фран-

пузскій военный писатель, Генералъ Водонкуръ, который во многочисленныхъ своихъ твореніяхъ старается изъ сочиненій другихъ авторовъ составить одну полную, общепримѣняемую систему Стратегіи. Большую часть своихъ основаній заимствовалъ онъ у Эрцгерцога Карла; ему же самому принадлежитъ только темное опредѣленіе Стратегіи: «что она есть наука военныхъ соображеній», и другія, тому подобныя положенія.

9) О второмъ стратегическомъ сочиненіи Жомини, «Tableau analytique des principales combinaisons de la guerre» и новѣйшей передѣлкѣ этаго же творенія, «Précis de l'art de la guerre.»

Генералъ Жомини, послѣ собственныхъ размышленій и изученія произведеній другихъ авторовъ, увидѣлъ недостатки своей первой системы Стратегіи и со свойственнымъ ему остроуміемъ и основательностію приступилъ къ ея измѣненію и усовершенствованію. Въ видѣ вступленія во второе свое сочиненіе, онъ помѣстилъ важное примѣчаніе: «что огромная драма войны, подверженная вліянію многоразличныхъ нравственныхъ и вещественныхъ обстоятельствъ, не можетъ подлежать математическому расчету. Но что она имѣетъ немногія основныя начала, которыхъ соблюденіе всегда сопровождалось успѣхами; а отклоненіе отъ коихъ постоянно подвергалось неудачѣ. «Человѣкъ съ природными способностями», продолжаетъ Жомини, «слѣдуя внушеніямъ генія, можетъ примѣнить эти основныя начала и безъ пособія теоріи. Но съ другой стороны — основательная теорія можетъ

отчасти замѣнить природныя способности и послужить въ пользу даже геніальному человѣку, внушая въ него твердую увѣренность въ непогрѣшительности его соображеній.»

Изъ всѣхъ теорій веденія войны, по мнѣнію Жомини, можетъ считаться полезною только та, которая бывши основана на изученіи военной Исторіи, допускаетъ нѣкоторыя постоянныя начала, оставляя генію наибольшую свободу. Во всѣхъ же искуствахъ, *знаніе* и *умѣніе* суть двѣ вещи совершенно разныя: соединеніе ихъ доставляетъ несомнѣнное превосходство и можетъ служить вѣрною порукою въ успѣхѣ; но должно заботиться не о томъ, чтобы *знать много*, а чтобы *знать основательно*.

Мы могли бы, ссылаясь на то, что нами сказано во введеніи къ нашей рецензіи о Польской компаніи 1831 года, предложить вопросъ: какіе именно неопровержимые законы можетъ представить Стратегія, и до какой степени сухая, съ трудомъ выученная теорія можетъ замѣнить природнаго генія? Но не желая подражать Клаузевицу, мы оставимъ эти сомнѣнія, и лучше признаемъ неоспоримое достоинство сочиненія Жомини и превосходство извлеченія, сдѣланнаго изъ него Г. Богдановичемъ. Впрочемъ Жомини предлагаетъ какъ основныя правила для военныхъ дѣйствій «устремлять главную массу силъ на важнѣйшій пунктъ театра войны и дѣйствовать ею тамъ искуснѣйшимъ образомъ, не теряя сообщенія съ базисою и не подвергая опасности путь отступленія; предпочитать *простыя* операціонныя линіи

двойнымъ, и *внутреннія внѣшнимъ*; двигаться, при отступленіи въ массѣ и по прямому направленію, хотя многда можно занять также фланговыя позиціи и даже отступать параллельно съ границею.»

Ясно, что Генералъ Жомини старался собственныя свои воззрѣнія согласить съ мнѣніями другихъ стратегиковъ, не противорѣча своему главному правилу необходимости сосредоточиванія войскъ для сраженія.

ЧАСТЬ II.

Отдѣленіе 1-е.

10) Правила и мысли Наполеона, относительно военнаго искуства, военной Исторіи и военнаго дѣла.

Многіе изъ насъ вѣроятно помнятъ вниманіе, которое производило въ 1823 и 1826 годахъ, появленіе: Записокъ Наполеона на островѣ Св. Елены, изданныя Генералами Гурго и Монтолонъ и Графомъ Ласъ-Казомъ. Эти творенія казались тогда тѣмъ болѣе интересными, что тревожный періодъ, громкій именемъ великаго завоевателя, былъ еще у всѣхъ въ свѣжей памяти. Не будемъ здѣсь изслѣдовать: удовлетворено ли было ожиданіе читателей; соотвѣтствовали ли эти сочиненія величію героя, ихъ диктовавшаго? Ихъ историческій и политическій интересъ значительно уменьшился отъ хода временъ и событій, и теперь только военная наука находитъ въ нихъ для себя пищу. И дѣйствительно, не въ высшей ли степени любопытно для нея все то, что мыслилъ и говорилъ о

ней величайшій вождь нашихъ временъ? Но трудно было отыскивать замѣчанія Наполеона, о военномъ дѣлѣ и способѣ вести войну, такъ онѣ были разбросаны и разъединены въ вышеозначенныхъ сочиненіяхъ. Виртембергскій Полковникъ Каузлеръ, уже прославившійся многими полезными военными изданіями, принялъ на себя тяжкій трудъ выбрать изъ этихъ записокъ и другихъ сочиненіяхъ о Наполеонѣ, всѣ важнѣйшія мысли и правила, относящіяся къ военному искуству, и, въ 1827 году издалъ ихъ подъ заглавіемъ: «*Основныя правила, мысли и замѣчанія Наполеона, о военной наукѣ, военной исторіи и военнаго дѣла.*» Такимъ образомъ Наполеонъ сдѣлался стратегическимъ писателемъ, и изъ его разкиданныхъ, на лету схваченныхъ идей была составлена любопытная и важная, но все-таки запутанная система. Г. Богдановичъ, сдѣлалъ изъ нея богатое содержаніемъ извлеченіе, къ которому мы отсылаемъ нашихъ читателей, желающихъ познакомиться съ воззрѣніями новаго Цесаря на военное искуство.

Изъ общаго вывода Г. Богдановича мы видимъ, что и Наполеонъ, по опыту знавшій зависимость военныхъ комбинацій и предпріятій отъ различныхъ обстоятельствъ, признаетъ совершенную невозможность теоретическаго изученія высшаго военнаго искуства и составленія постоянныхъ правилъ веденія войны. Онъ утверждаетъ также, что только въ самой войнѣ и изученіи походовъ великихъ полководцевъ, можно найти средства для усовершенствованія себя въ военныхъ наукахъ. Одно только правило казалось Наполеону неопровержимо вѣрнымъ и

основательнымъ: быстро и рѣшительно дѣйствовать сосредоточенными силами.

Считаемъ излишнимъ говорить о высокомъ достоинствѣ идей Наполеона. Онѣ доказаны самымъ авторитетомъ великаго мужа, его вѣрнымъ военнымъ взглядомъ и его изумительною опытностію.

11) О стратегическихъ сочиненіяхъ Декера.

Въ 1828 году Прусскій артиллерійскій Генералъ Декеръ издалъ свои: «Основанія практической Стратегіи.» Въ предисловіи ихъ онъ также упоминаетъ, «что трудъ его не есть систематическое изложеніе Стратегіи, а только объясненіе формъ и духа высшихъ военныхъ соображеній, въ видѣ — такъ сказать — намековъ».

Эти намеки ничто иное, какъ распространенное изложеніе мысли Наполеона о невозможности теоретическаго изученія Стратегіи. Доказавъ шаткость всѣхъ прежнихъ стратегическихъ системъ, Генералъ Декеръ старается замѣнить ихъ менѣе односторонними выводами, основанными на историческихъ примѣрахъ. При каждомъ удобномъ случаѣ онъ наводитъ читателя на мысль: «что основательное изученіе высшей части военнаго искуства не въ правилахъ, выведенныхъ изъ одного какого либо начала, а въ умѣніи соображать всѣ начала, могущія оказывать вліянія на успѣхъ дѣйствія.» Такъ наприм. признавая важность вліянія крѣпостей, Декеръ не считаетъ ихъ однако же достаточными для охраненія государства, а принимаетъ ихъ за вспомогательное средство, весьма полезное для того, кто имѣетъ армію, дѣйствующую въ

полѣ. При наступательныхъ дѣйствіяхъ, авторъ совѣтуетъ сохранить въ тайнѣ свои намѣренія и стремиться преимущественно къ уничтоженію непріятельскихъ силъ; при оборонительныхъ дѣйствіяхъ — не дѣлать того, чего желаетъ противникъ; стараться противодѣйствовать его покушеніямъ и переходить къ наступленію при всякомъ удобномъ къ тому случаѣ.» Подобнымъ образомъ Декеръ не признаетъ необходимости базисы, и условій отъ ней требуемыхъ нѣкоторыми теориками, и вездѣ отдаетъ преимущество соображеніямъ, основаннымъ на вліяніи нравственнаго начала (характера и искуства полководца; духа и образованія войскъ) надъ расчетами, основанными на одномъ вещественномъ началѣ.

Все это придаетъ большія достоинства сочиненію Декера; но къ сожалѣнію не всѣ его части по надлежащему обработаны. Весьма часто авторъ впадаетъ въ одностороннія и даже противорѣчащіяся правила. Таковыми Г. Богдановичъ считаетъ, наприм. что Декеръ при раздѣленіи войскъ на части, въ одномъ мѣстѣ совѣтуетъ, давать имъ такое направленіе, которое позволило бы сосредоточивать силы; а въ другомъ отступать, при слабости въ силахъ, по расходящимъ путямъ. Мы не раздѣляемъ мнѣніе Г. Богдановича, и въ этомъ пунктѣ соглашаемся съ Генераломъ Декеромъ, ибо мы убѣждены, что только, слѣдуя этому правилу, значительныя отступающія войска могутъ ввести въ обманъ непріятеля на счетъ принятаго ими направленія и, при благопріятныхъ обстоятельствахъ, разбить его; и что тогда только слабыя войска могутъ избѣгнуть истребленія. Мы также

поспоримъ съ Г. Богдановичемъ на счетъ того, что онъ опровергаетъ мысль Декера — «что маневры суть только средства для вступленія въ бой.» — Въ опроверженіе сего Г. Богдановичъ приводитъ въ примѣръ войну 1812 года, говоря что судьба ея была рѣшена маневрами. Г. Богдановичъ тутъ явно противорѣчитъ тому, что онъ самъ говорилъ выше о характерѣ Императора Александра и Русскаго народа. Гораздо справедливѣе замѣчаніе его на счетъ главнаго Декерова правила «направляться туда, гдѣ это будетъ чувствительнѣе для противника», что оно не подлежитъ сомнѣнію, но не опредѣляетъ ни чего, и потому самому не можетъ принести ни какой пользы

12) О Вагнерѣ.

Этотъ писатель, во второмъ, совершено передѣланномъ изданіи своего сочиненія: «Изслѣдованія и практическіе выводы относительно войны и веденія ея», полагаетъ, что Стратегія, по разнообразію и многочисленности входящихъ въ нее элементовъ, не можетъ быть изложена въ видѣ общихъ безъусловныхъ правилъ, но что, устранивъ вліяніе одного изъ главнѣйшихъ началъ науки, *политическаго*, Стратегія можетъ принять видъ теоріи.» По этой причинѣ Вагнеръ раздѣляетъ Стратегію на двѣ части: чистую и прикладную. Въ первой разсматриваетъ онъ правила веденія войны независимо отъ вліянія политическихъ обстоятельствъ; вторая часть заключаетъ въ себѣ критическое изслѣдованіе многихъ походовъ, при чемъ были приняты во вниманіе политиче-

скія обстоятельства, въ которыхъ находились военачальники и государства участвовавшія въ дѣйствіяхъ. Но, какъ успѣхъ войны зависитъ, кромѣ политики, и отъ многихъ другихъ началъ, то авторъ, раздѣлилъ каждый изъ способовъ дѣйствій на нѣсколько случаевъ и разсмотрѣлъ каждый изъ нихъ отдѣльно. Наступательную войну раздѣляетъ онъ на два вида: *методическую* и *нашествіе;* оборонительную же войну разсматриваетъ онъ во многихъ видахъ, по различію причинъ, заставляющихъ ограничиться обороною. Нельзя однако же не замѣтить, что этотъ способъ изложенія теоріи имѣетъ свои особенныя неудобства, ибо не возможно ни предугадать, ни опредѣлить съ точностію, столь многоразличное вліяніе началъ, входящихъ въ соображенія полководца; и подверженныхъ безчисленнымъ измѣненіямъ отъ сочетанія этихъ началъ, въ различной мѣрѣ и различныхъ обстоятельствахъ. Недостаточность теоріи автора, всего убѣдительнѣе доказывается собственными мыслями его о полководцѣ; изъ которыхъ можно видѣть, какую важность приписываетъ онъ вліянію личныхъ свойствъ полководца; но это вліяніе не подлежитъ ни какимъ точнымъ расчетамъ.

ЧАСТЬ II.

Отдѣленіе 2-е.

Въ началѣ этаго отдѣленія помѣщена выписка изъ знаменитаго произведенія *Прусскаго Генерала Клаузевица — «о войнѣ»*, и разсужденіе объ этомъ сочиненіи, которое впрочемъ, какъ и другіе творенія Клаузевица (походъ

1796 года въ Италіи, походъ 1799 года въ Италіи и Швейцаріи, замѣчанія на войну 1812, 13, 14, и 15 годовъ и пр.), вышли въ свѣтъ уже послѣ кончины автора. Онъ самъ считалъ ихъ неоконченными, и вѣроятно въ послѣдствіи передѣлалъ бы ихъ.

«Война», говоритъ Клаузевицъ, «есть поединокъ между двумя государствами, имѣющій цѣлью покорить противника силою. Такимъ образомъ, война есть ни что иное, какъ средство для достиженія какой либо политической цѣли: чѣмъ эта цѣль важнѣе, чѣмъ большихъ способовъ и усилій требуетъ ея достиженіе, — тѣмъ война будетъ рѣшительнѣе, и на оборотъ. Ежели дѣло идетъ о существованіи государства, то придется употребить всевозможныя усилія для достиженія предположенной цѣли, и война приметъ самый рѣшительный характеръ. Напротивъ того, иногда бываетъ достаточно вооруженнаго нейтралитета, при которомъ не дѣйствуемъ, а только выказываемъ свои силы.»

«Для достиженія цѣли войны — покоренія противника, требуется: въ 1-хъ уничтожить (или обезсилить) его войска; во 2-хъ занять его землю; въ 3-хъ поколебать его волю, заставя его согласиться на наши требованія. Ежели истребленіе вооруженныхъ силъ и занятіе страны противника недостаточны къ побужденію его къ согласію на наши требованія, то ничего не остается болѣе, какъ продолжая войну, убѣдить на самомъ опытѣ непріятеля въ томъ, что потери его, сопряженныя съ дальнѣйшимъ продолженіемъ борьбы, превзойдутъ требуемыя нами уступки.»

«Ежели же ведя войну, имѣемъ въ виду утомить противника и истощить его силы продолжительнымъ сопротивленіемъ, ограничиваясь неважными успѣхами, то ведемъ войну оборонительную. Такой образъ войны подаетъ слабѣйшей сторонѣ средства выиграть время; но дѣйствуя оборонительно, можно достигнуть только отрицательныхъ результатовъ, и напротивъ того, дѣйствуя наступательно, пріобрѣсти положительныя выгоды. Во всякомъ случаѣ, важнѣйшимъ средствомъ для достиженія войною предложенной политической цѣли — есть бой.»

Въ этихъ словахъ заключается вся стратегическая система Генерала Клаузевица, во многихъ отношеніяхъ заимствованная у Жомини и Декера. Только онъ къ этому присовокупляетъ нѣсколько натянутый выводъ, что «если мы достигнемъ какой либо цѣли военной и безъ боя, отъ опасенія противника вступить съ нами въ бой, то это всё равно, какъ если бы мы достигли цѣли посредствомъ боя.»

Обращая на извлеченіе Г. Богдановича читателей, желающихъ подробнѣе познакомиться съ дальнѣйшими стратегическими правилами Генерала Клаузевица, которые хотя всѣ основаны на здравой логикѣ, но иногда оказываются отвлеченными, мы замѣтимъ, что и этотъ геніальный писатель признаетъ вредъ методическаго изученія военнаго искуства и невозможность постоянныхъ правилъ веденія войны, а не менѣе того самъ опредѣляетъ таковыхъ. Такъ наприм. онъ говоритъ «что Стратегія есть искуство употреблять бой для достиженія цѣли

войны»; но это опредѣленіе не вполнѣ удовлетворительно и подвергается многимъ измѣненіямъ. Также не положительно слѣдующее правило: предметы, оказывающіе вліянія на успѣхъ дѣйствій, могутъ быть отнесены къ одному изъ основныхъ началъ или элементовъ Стратегіи. Разсмотрѣніе этихъ началъ можетъ облегчить оцѣнку ихъ относительной важности; но весьма ошибочно поступилъ бы тотъ, кто сталъ бы выводить правила изъ отдѣльнаго разсмотрѣнія началъ, потому что всѣ они оказываютъ вліяніе не отдѣльно, но въ совокупности.

Мы слишкомъ бы распространились, если бы выставили все, что справедливо замѣчаетъ Г. Богдановичъ на счетъ Клаузевица; какъ наприм. на счетъ существованія двухъ стратегическихъ элементовъ — нравственнаго и вещественнаго; на счетъ вооруженныхъ силъ (Streitkräfte) и всего, что къ нимъ принадлежитъ: силы и состава войскъ; расположенія арміи въ стратегическомъ отношеніи; движенія войскъ, квартиръ, продовольствованія, операціонной базисы, коммуникаціонныхъ линій и т. д., на счетъ дѣйствій оборонительныхъ и наступательныхъ, причемъ авторъ, отдаетъ преимущество первымъ; наконецъ, на счетъ раздѣленія всѣхъ дѣйствій вообще на два главные рода: рѣшительный и нерѣшительный, принимая ихъ за двѣ противоположныя крайности (полюсы), между которыми можетъ существовать безконечное множество подраздѣленій.

Г. Богдановичъ, вполнѣ одобряя эти и другія правила Клаузевица, все таки находитъ въ нихъ иногда и противорѣчія; наприм. въ выше приведенномъ опредѣле-

ніи Стратегіи и въ совѣтѣ обходиться безъ боя, благоразумнымъ отступленіемъ во внутренность страны, въ менѣе же важныхъ войнахъ предпочитать сраженію — дѣйствіе на непріятельскія сообщенія. При томъ въ книгѣ о войнѣ, попадаются и неосновательныя правила, какъ наприм., мнѣніе автора о непосредственной обороны рѣкъ; неясныя опредѣленія, наприм. *о центрѣ тяжести силъ* непріятеля, или того пункта, на которомъ одержанная побѣда оказываетъ вліяніе на все пространство театра войны, и не довольно объясненныя обстоятельства, какъ то: вліяніе мѣстности на военныя дѣйствія и важность сообщеній.

При всѣхъ этихъ недостаткахъ сочиненія Генерала Клаузевица, безъ сомнѣнія, принадлежатъ къ лучшимъ и поучительнѣйшимъ произведеніямъ военной литературы. Успѣхъ ихъ былъ повсемѣстенъ и публика охотно простила автору темноту и отвлеченность нѣкоторыхъ его идей, поверхность многихъ описаній и язвительность, даже несправедливость критическихъ замѣчаній, помѣщенныхъ въ Исторіи какъ вышеозначенныхъ, такъ и другихъ кампаніяхъ, которыя явились подъ именемъ Клаузевица, но которыя многими считаются не ему принадлежащими.

13) О сочиненіи Генерала Барона Медема:

«Обозрѣніе извѣстнѣйшихъ правилъ и системъ Стратегіи.»

Это не большое, но любопытное произведеніе служило основаніемъ и руководствомъ для книги Г. Богда-

повича, которую можно назвать передѣлкою и распространеніемъ первой. Въ сочиненіи Генерала Медема, также содержится краткое обозрѣніе всѣхъ, доселѣ изданныхъ стратегическихъ системъ и указаній, отношенія каждой изъ нихъ къ наукѣ вообще; также опредѣляется вліяніе военныхъ событій и современныхъ понятій о военномъ искуствѣ на эти сочиненія, и обратно; также показывается односторонность каждой системы и невозможность общихъ неизмѣнныхъ законовъ для Стратегіи. Это мнѣніе раздѣляютъ вообще всѣ военные писатели, а потому, главное достоинство книги Барона Медема, состоитъ только въ явномъ признаніи несуществованія Стратегіи въ видѣ науки и въ опредѣленіи, сообразной съ этимъ признаніемъ, методы преподованія ея въ Императорской Военной Академіи. Всѣ прочія его замѣчанія, взгляды и мнѣнія, за исключеніемъ нѣсколько разстянутаго сравненія Стратегіи съ врачебнымъ искуствомъ, находимъ мы и въ другихъ стратегическихъ сочиненіяхъ; наприм. вліяніе не одного, а всѣхъ элементовъ военнаго искуства на образъ веденія войны; зависимость военныхъ дѣйствій отъ мѣстности и политики; необходимость изученія военной Исторіи и сочиненій лучшихъ военныхъ писателей и т. д. Такимъ только изученіемъ и опытомъ, говоритъ Генералъ Медемъ, можно образовать изъ себя хорошаго полководца, а не посредствомъ одной теоріи или практики. Мы не будемъ противорѣчить сему мнѣнію, ибо незнаемъ на изученіи какихъ военныхъ Исторій и стратегическихъ сочиненій были основаны подвиги, Кира, Атиллы, Чингисхана, Тамерлана и другихъ

завоевателей, которыхъ однако нельзя считать простыми ратоборцами.

14) О сочиненіи Полковника Веллизена:

«Теорія большой войны.»

Цѣль этаго новѣйшаго стратегическаго писателя, была, какъ мы уже замѣтили выше, соединеніе въ одну общую систему различныхъ теорій другихъ военныхъ авторовъ. Мы уже такъ много говорили о невозможности осуществованія этой идеи, что не станемъ теперь снова заниматься ею, тѣмъ болѣе, что разсужденія Г. Веллизена, также весьма односторонны, такъ наприм. вліяніе нравственныхъ началъ на веденіе войны не принято имъ въ соображеніе.

Довольно примѣчательно, что въ подтвержденіе своихъ правилъ; Г. Веллизенъ ссылается на Польскую войну 1831 года, не смотря на то, что въ ней были нарушаемы самыя основныя правила Стратегіи Мы неотвергаемъ, что многое тамъ, гдѣ авторъ говоритъ о военномъ искусствѣ и о помянутой войнѣ, обнаруживаетъ его свѣтлый умъ, вѣрный взглядъ и большую опытность въ военномъ дѣлѣ, но должно замѣтить, что Полковникъ Веллизенъ, слишкомъ мало входитъ въ объясненіе, на счетъ тайныхъ политическихъ пружинъ этой борьбы, и на счетъ характера, даже образа жизни полководцевъ, управлявшихъ ходомъ ея; хотя эти обстоятельства много объясняютъ тогдашнія событія.

Заключеніе.

Приступаемъ теперь къ послѣдней главѣ разбираемаго нами сочиненія, въ которой помѣщенъ: Общій выводъ

автора, изъ разсмотрѣнія мыслей, о Стратегіи замѣчательнѣйшихъ военныхъ писателей.

Мы охотно съ особенною точностію и подробностію изслѣдовали бы этотъ выводъ, но не безъ причинъ, опасались слишкомъ распространить свою рецензію. Сверхъ того, въ этихъ заключительныхъ выводахъ Г. Богдановича, мы находимъ по большой части повтореніе всего, имъ уже прежде сказаннаго. Здѣсь извлечемъ мы только самое достопримѣчательное и сдѣлаемъ на то нѣсколько возраженій.

Въ самомъ началѣ этой главы, Г. Богдановичъ говоритъ: Стратегія, въ настоящее время, какъ наука, сдѣлалась несравненно опредѣлительнѣе, нежели прежде. Теперь уже не подвержено сомнѣнію, что не возможно — ни выводить правила изъ разсмотрѣнія одного какого-либо начала — ни предлагать постоянныя правила для самыхъ дѣйствій. Но такое значеніе совершенно отрицательно; тѣмъ болѣе потому, что слова, которыя, далѣе авторъ приводитъ для возстановленія важности Стратегіи, «теорія ея ограничивается изслѣдованіемъ всѣхъ важнѣйшихъ началъ, оказывающимъ вліяніе на успѣхъ военныхъ дѣйствій, во взаимной связи ихъ между собою: обсужденіе же различныхъ средствъ, состоящихъ въ распоряженіи военачальника, и различныхъ обстоятельствъ, въ которыхъ онъ можетъ находиться, способствуетъ къ пріобрѣтенію навыка военныхъ соображеній» — по огромной массѣ сихъ средствъ и обстоятельствъ, едва ли могутъ осуществиться. Г. Богдановичъ, кажется, самъ убѣжденъ въ этомъ, и потому снова повторяетъ объяс-

неніе, «что обсужденіе Исторіи походовъ, есть лучшее средство для изученія Стратегіи.» Обсужденіе это, продолжаетъ авторъ, убѣдитъ насъ, что въ Стратегіи, какъ и въ прочихъ наукахъ, основанныхъ на опытѣ, существуютъ нѣкоторыя несомнѣнныя истины, относящіяся къ сообразному съ обстоятельствами употребленію средствъ, состоящихъ въ распоряженіи полководца.

Попытаемся изслѣдовать истину сего опредѣленія. Г. Богдановичъ говоритъ: 1) Государство, пользуясь миромъ, должно быть постоянно готово, къ войнѣ; а для сего имѣть: хорошія воинскія учрежденія, какъ то: благоустроенную армію, средство къ снабженію войскъ всѣмъ необходимымъ для нихъ по части вещественной, и крѣпости, надлежащимъ образомъ расположенныя; должно озаботиться о поддержаніи воинскаго духа въ народѣ и войскахъ, политическихъ связей съ другими государствами и т. д. «Если бы Нидерландцы наблюдали всѣ эти условія въ періодѣ своихъ войнъ съ Людовикомъ XIV, а Императоръ Карлъ VI при постановленіи прагматической Санкціи, то Нидерландцы и Марія Терезія, небыли бы доведены до края погибели.» Весьма справедливо, но также подвержено исключеніямъ. Мы видимъ изъ Исторіи, что и безъ соблюденія вышеозначенныхъ условій, характерная сила народа и геній одного великаго мужа, иногда торжествовали надъ сильнѣйшимъ и вполнѣ готовымъ къ войнѣ непріятелемъ. Приведемъ въ примѣръ возстаніе Сѣверо-Американцевъ противъ Англіи, Францію при началѣ революціи, борьбу Зумалакареги съ Христиносами и мн. др.

2) Предполагая вести войну, необходимо составить планъ дѣйствій, соотвѣтствующій политическимъ обстоятельствамъ, цѣли войны и взаимнымъ силѣ и средствомъ воюющихъ сторонъ. Нельзя не вспомнить тутъ — чистые листы бумаги, отосланные Суворовымъ, Австрійскому Гофкригсрату вмѣсто требуемаго операціоннаго плана.

3) «При недостаткѣ силъ, должно вести войну оборонительную.» — Агезилай, Александръ Вел., Сиракузецъ Агаѳоклъ, Цесарь, Швейцарцы, Гуссисты, Фридрихъ Великій и др. дѣйствовали иначе, и смѣлымъ наступленіемъ поразили своихъ враговъ, которые гораздо были ихъ сильнѣе.

4) «Благонадежная базиса и безпечиваніе сообщеній съ нею, если не необходимы, то весьма полезны.» Припомнимъ движеніе Графа Дибича къ Адріанополю и Графа Паскевича къ Варшавѣ

5) «Какъ при оборонительныхъ, такъ и при наступательныхъ дѣйствіяхъ, войска должны имѣть опредѣленную цѣль. Главною цѣлью дѣйствій, при наступательной войнѣ могутъ быть: овладѣніе столицею или другимъ какимъ либо важнымъ пунктомъ непріятельской страны, истребленіе непріятельской арміи и т. д., въ оборонительной войнѣ: прикрытіе этихъ пунктовъ, защита удобнѣйшихъ для обороны предметовъ, мѣстности» и пр. Кажется, что наблюденіе перваго правила не принесло особой пользы Французамъ въ Россіи и Испаніи, и что истребленіе непріятельскихъ силъ, должно быть главною цѣлію и въ оборонительной войнѣ.

6) «Въ продолженіе наступательнаго движенія отъ

базисы къ предмету дѣйствія, можно слѣдовать нѣсколькими колоннами, но главныя силы должно имѣть на настоящей операціонной линіи, или сосредоточить ихъ на ней предъ столкновеніемъ съ непріятелями; самое выгоднѣйшее направленіе пути дѣйствія есть прямое и кратчайшее, но слѣдуя по немъ, должно имѣть тылъ и фланги совершенно прикрытыми, учредить, по мѣрѣ подаванія впередъ, новыя базисы и пункты опоры» и пр. Если бы наши герои Италійскій и Варшавскій наблюдали всѣ эти мѣры предосторожности, то едва ли, такъ скоро и плодотворно окончили свои войны съ Турками, Персами и Поляками.

7) «Лучшими точками опора въ наступательной и оборонительной войнѣ служатъ крѣпости.» Это не было доказано въ войнахъ 1806, 1807, 1814 и 1815 годовъ.

8) «Въ настоящее время ни одна изъ Европейскихъ армій не имѣетъ по образованію и нравственнымъ свойствамъ, такого рѣшительнаго преимущества надъ другими, какое имѣли въ древности Греки и Римляне. Отъ этаго происходитъ важность перевѣса въ числительномъ отношеніи.» Впрочемъ, Г. Богдановичъ соглашается въ томъ, что и въ наше время храбрость и самоотверженіе войскъ, одушевленныхъ великими полководцами, иногда уничтожали разсчеты, основанные на сравненіи вещественныхъ силъ.

9) «Мѣстность», но нужно ли продолжать эти возраженія на выводы Г. Богдановича, или лучше сказать, эти доказательства, «что не смотря на всѣ усилія его и другихъ авторовъ вывести противное, — Стратегія не

имѣетъ неопровержимыхъ и постоянныхъ правилъ, и что въ ней все зависитъ отъ времени, обстоятельствъ и искуснаго умѣнія ими воспользоваться.»

Но это обстоятельство, какъ уже выше замѣчено, ни сколько не уменьшаетъ важности изученія Стратегіи, и занимательность и пользу книги Г. Богдановича. И такъ, мы оканчиваемъ свое разсужденіе повтореніемъ того, что уже было сказано въ его началѣ: что хотя мы и не раздѣляемъ съ другими излишнее пристрастіе къ Стратегіи, но не сомнѣваемся въ выгодахъ, которыхъ знаніе ея можетъ доставить Генераламъ и Офицерамъ Генеральнаго Штаба и убѣждены въ томъ, что лучшій способъ для ея изученія есть метода, принятая Г. Богдановичемъ и постоянное изслѣдованіе военной Исторіи. Мы несогласны съ нѣкоторыми только мнѣніями и выводами автора, но большую часть ихъ находимъ совершенно справедливыми и основательными, и не можемъ не хвалить: удачность его извлеченій изъ другихъ военныхъ писателей, краткость, ясность и опредѣлительность его способа изложенія. По всему сему, мы считаемъ его сочиненіе вполнѣ удачнымъ, интереснымъ и полезнымъ, и еще однажды указываемъ на главнѣйшее его достоинство — что пособіемъ его, наши любознательные военные люди могутъ познакомиться съ сущностію замѣчательнѣйшихъ иностранныхъ стратегическихъ твореній, до селѣ почти вовсе неизвѣстныхъ въ Русской литтературѣ.

Генералъ-Лейтенантъ *Баронъ Зедделеръ.*

РАЗБОРЪ

сочиненія

Г-на М. ЧИСТЯКОВА,

подъ заглавіемъ:

КУРСЪ ТЕОРІИ СЛОВЕСНОСТИ,

въ двухъ частяхъ,

составленный

Ординарнымъ Академикомъ И. ДАВЫДОВЫМЪ.

Въ наше время наука и искусство уже болѣе не чуждаются другъ друга, идутъ рука объ руку: въ искуствѣ фантазія творитъ новый міръ, который развится отъ дѣйствительнаго не формами, а только всеобщностью; въ наукѣ разумъ возсоздаетъ образы фантазіи въ понятіяхъ. Законы созданія и возсозданія одинаковы и тождественны; на основаніи этого тождества, изъ искусства изникаетъ наука, свободное творчество духа приводится въ сознаніе, постигается, построевается въ понятіяхъ. Свести явленія дѣйствительности въ понятія, сознать ихъ возможность и необходимость при извѣстныхъ условіяхъ — есть задача всякой науки, раждающаяся изъ потребности духа человѣческаго. Такимъ образомъ раскрываются законы и въ созданіяхъ фантазіи, которыя лишь только мы въ состояніи чувствовать; потому что разумъ, рѣшающій задачу о возможности какого либо явленія въ дѣйствительности, есть тоже самое чувство развитое, просвѣтлѣвшее, себя сознавшее. Мы сочувствуемъ художническимъ произведеніямъ, въ слѣдствіе прирожденныхъ духу нашему законовъ,

общихъ чувству и разуму. Если камень, брошенный случайно на воздухъ, образуетъ слѣдомъ своимъ въ воздушномъ пространствѣ правильную параболу, математически исчисляемую: то уже ли фантазія можетъ произвести что-либо безъ законовъ разума, высшаго проявленія чувства и фантазіи? Нѣтъ ничего ни въ природѣ, ни въ духѣ нашемъ, что́ не было бы построено по высочайшимъ, непреложнымъ законамъ: открытіе этихъ законовъ, или изслѣдованіе истины, и составляетъ предметъ наукъ, какъ потребность духа человѣческаго. Нынѣ никто изъ мыслящихъ не думаетъ учить *поэзіи* или *краснорѣчію*; но никто также не сомнѣвается въ потребности *сознать* или *постигнуть возможность* художественныхъ произведеній, являющихся въ той или другой формѣ. Сознаніе, или постиженіе этой возможности и составляетъ науку Словесности.

Въ самомъ опредѣленіи значенія Словесности, ея содержанія и объема, встрѣчаемъ не только различныя, но даже противорѣчащія мнѣнія. Одни принимаютъ науку Словесности за изученіе теоретическое, другіе излагаютъ ее исторически. Въ историческомъ же изложеніи иные ограничиваютъ Словесность произведеніями Поэзіи и Краснорѣчія, а нѣкоторые въ область ея включаютъ всѣ сочиненія на языкѣ какого либо народа. Такое разнорѣчіе происходитъ отъ того, что названію Словесности придаются разныя значенія, или одно и тоже значеніе разсматривается съ разныхъ сторонъ. Послѣ этого удивительно ли, что для одного и того же предмета находимъ мы сочиненія подъ названіями

и Изящныхъ наукъ, и Словесныхъ изящныхъ искусствъ, и изящной Словесности, не говоря уже о Риторикѣ и Піитикѣ, частію по невѣжеству, частію по злоупотребленію, утратившихъ свое значеніе и пользу. Отъ неопредѣленности объема и содержанія Словесности находимъ въ составѣ ея предметы посторонніе, каковы: Психологія, Логика, Эстетика; напротивъ, предметы, существенно ей принадлежащіе, исключены изъ области Словесности, самые элементы ея излагаются безъ основной идеи и всякой послѣдовательности.

Для справедливаго и добросовѣстнаго разсмотрѣнія предложеннаго мнѣ Курса теоріи Словесности, я почитаю необходимымъ: во-первыхъ, изслѣдовать значеніе Словесности, вопросы, разрѣшаемые въ наукѣ Словесности и составляющіе ея объемъ и содержаніе; во-вторыхъ, начертанный планъ науки примѣнить къ разбираемому курсу; въ третьихъ, вывести заключеніе о достоинствѣ курса.

I. Умственная дѣятельность человѣка проявляется въ двухъ видахъ: въ *постиженіи* явленій въ природѣ и въ насъ самихъ происходящихъ, и въ *творчествѣ*, посредствомъ котораго идеальный міръ переходитъ въ міръ явленій. Духъ нашъ въ постиженіи помощію разума сводитъ явленія въ понятія; въ творчествѣ помощію фантазіи представляетъ идеи въ образахъ. Первая дѣятельность духа рождаетъ *науку*, вторая — *искусство*. Такъ въ наукахъ о природѣ умъ нашъ, открывая законы явленій, сводитъ дѣйствительное въ возможное. Наблюдая

н. пр. явленія воздушнаго электричества, постигаемъ законъ, при которомъ эти явленія возможны: и открытіе закона извѣстныхъ явленій есть уже собственность науки; зная возможность явленій, мы повелѣваемъ дѣйствительностью, всю природу построеваемъ въ понятіяхъ. Совершенно противоположнымъ путемъ идетъ творчество — отъ идей къ дѣйствительности. Борисъ Годуновъ — Пушкина, есть выраженіе идеала.

Изъ этого слѣдуетъ, что наука, слѣдствіе постиженія, образуетъ систему понятій изъ явленій дѣйствительныхъ, а искусство, наоборотъ, претворяетъ идеи въ явленія. Очевидно, что выраженіе идеаловъ словомъ есть творчество, а это творчество проявляется *словеснымъ искусствомъ, Словесностью.*

Но всякое искусство, или произведенія искусствъ, какъ преобразовавшіяся въ дѣйствительность идеи, становятся предметомъ постиженія, или науки, наравнѣ съ явленіями видимаго міра. Слѣдовательно и словесное искусство, или Словесность, можетъ и должна быть предметомъ особой науки.

Чтожъ значитъ учиться Словесности? Наука Словесности, подобно всѣмъ другимъ наукамъ, имѣетъ задачею - постигнуть законы и условія, при которыхъ возможны творческія произведенія духа въ словѣ. Такъ н. п. показать характеръ Эпической поэмы или Ораторской рѣчи, различные виды ихъ въ различныя времена и у различныхъ народовъ, отличіе отъ прочихъ родовъ Поэзіи и Краснорѣчія, указать на самихъ поэтовъ эпическихъ и ораторовъ, разсмотрѣть самое выраженіе, или

короче, опредѣлить идею и форму и. п, эпической поэзіи или ораторской рѣчи, вотъ предметъ науки Словесности.

Каждая наука имѣетъ свою *философію* и *исторію*, или часть *теоретическую* и *историческую*. Философія, или теорія Словесности, синтетически начиная изслѣдованія свои съ идей, основныхъ началъ и законовъ, доходитъ до идеальныхъ изображеній въ словесныхъ произведеніяхъ писателей; исторія Словесности, аналитически разбирая творенія писателей, выводитъ тѣ же общіе законы науки.

Вообще все то, что есть, или было, служитъ во всякой наукѣ предметомъ ея Исторіи, то, что можетъ и должно быть, предметомъ Теоріи. Теорія и Исторія взаимно одна другой помогаютъ; теорія Словесности указываетъ единство началъ въ разнообразіи произведеній, исторіи Словесности. — Истинное знаніе во всякой наукѣ возможно при пособіи теоріи и исторіи.

Тутъ еще представляется одно недоразумѣніе, послужившее камнемъ преткновенія сочинителю разбираемаго курса: какія словесныя произведенія назовемъ мы творческими, и почему не всѣ сочиненія на какомъ-либо языкѣ принадлежатъ къ области Словесности?

Всеобщая Исторія занимается судьбами только тѣхъ народовъ, которые успѣли выразить общечеловѣческія стремленія и такимъ образомъ достигли той степени гражданственности, на которой показали личность свою, особый характеръ, особую идею человѣчества. Къ общечеловѣческимъ стремленіямъ народовъ относятся религія, мудрые законы, богатый языкъ, науки, словесность, ис-

кусства. Отъ того всѣ образованные народы разумѣютъ другъ друга въ наукахъ, походятъ одинъ на другой въ этомъ отношеніи, составляютъ одно органическое цѣлое, оставаясь однако каждый самимъ собою. Выраженіе народной жизни, самое полное и переживающее народы, есть словесность народа. Но здѣсь также не всякое словесное выраженіе народной жизни входитъ въ область словесности, а только тѣ выраженія, въ которыхъ проявляются общечеловѣческіе помыслы, образы, чувствованія — *идеалы*. Вотъ отличительный признакъ художественныхъ произведеній Словесности. Письмо о частномъ какомъ-либо предпріятіи, аппеляціонная жалоба по какому-либо иску гражданскому или уголовному, стихи на иллюминацію не входятъ въ область Словесности. Напротивъ, сказка, переданная намъ устно отъ нашихъ предковъ, въ которой высказалось воззрѣніе ихъ на Божій міръ и жизнь; пословица, въ которой окрѣпла народная дума; пѣсня, сохранившая живое чувство народа; басня или притча, какъ общая истина, явившаяся подъ особымъ символомъ: всѣ общечеловѣческіе идеалы въ эпосѣ, лирѣ и драмѣ, въ исторіи, философіи и витійствѣ, на какомъ бы языкѣ ни выражались, принадлежатъ къ твореніямъ Словесности, и служатъ предметомъ изслѣдованій науки Словесности теоретическихъ и историческихъ. Эти произведенія духа нашего, по причинѣ общности своей, представляются цѣлымъ организмомъ, въ себѣ самомъ замкнутымъ, какъ въ природѣ внѣшней, самое малое насѣкомое представляется особымъ явленіемъ общей жизни. Человѣческая природа, въ нихъ проявляющаяся, какъ всемірный прав-

ственный законъ, всѣмъ намъ родная и всегда дѣйствуетъ на нашу душу. Къ этимъ идеаламъ и въ истинѣ, и въ благѣ, и въ красотѣ, мы стремимся, никогда не достигая ихъ, какъ къ началамъ, присущимъ нашему духу. Нѣтъ ни Сіона, ни Вавилона, но псалмы Богодухновеннаго пѣснопѣвца трогаютъ насъ, возносятъ нашу душу: въ нихъ видимъ торжественное прославленіе Божьяго всемогущества, благости и милосердія. По тѣмъ же всечеловѣческимъ началамъ и всемірно-нравственнымъ законамъ близки сердцу нашему и Гомеръ, и Софоклъ, и Тацитъ, и Данте, и Шекспиръ, и Шиллеръ.

Согласно съ этимъ воззрѣніемъ на Словесность, полный курсъ науки Словесности раздѣляется на *теоретическое* изученіе Словесности и *историческое*. Критика словесныхъ произведеній есть только *методъ*, или приложеніе теоріи и исторіи Словесности къ ея произведеніямъ.

Но теорія и исторія Словесности не образуются изъ громады свѣдѣній теоретическихъ и историческихъ: наука не есть хаотическій сборникъ разнородныхъ знаній; напротивъ, это стройное цѣлое, живой организмъ, развивающійся изъ одного начала. Сочиненія, не выполняющія этихъ условій, въ которыхъ одна идея не проведена чрезъ всѣ умствованія, не имѣютъ права на названіе науки; въ нихъ видимая связь состоитъ только въ числѣ листовъ бумаги и параграфовъ. Наука заключается въ понятіяхъ однородныхъ, основанныхъ на одномъ извѣстномъ началѣ.

Оставляя въ настоящемъ случаѣ безъ подробнаго

изслѣдованія исторію Словесности, какъ *особый* предметъ преподаванія, обращаюсь къ ея теоріи, предмету *разбираемаго курса*

Художественныя произведенія Словесности, выражающія народную жизнь, представляютъ намъ два особые міра: идеальный и дѣйствительный. Отсюда происходитъ существенное различіе словесныхъ произведеній *Поэзіи* и *Краснорѣчія*. Это двѣ полярныя противоположности: одна преимущественно заключаетъ въ себѣ міръ идеаловъ, произведенія фантазіи свободной, общечеловѣческой; другая объемлетъ міръ дѣйствительный — область разума, опредѣленнаго и индивидуальнаго. Изъ этого слѣдуетъ естественное раздѣленіе *Теоріи Словесности* на *Теорію Поэзіи* и *Краснорѣчія*.

Но міръ идеальный и дѣйствительный, изображаемый въ Поэзіи и Краснорѣчіи, также представляетъ преимущественное выраженіе или внѣшней стороны жизни, или внутренней, или сліяніе той и другой въ дѣйствіи. Отсюда въ Поэзіи и Краснорѣчіи происходятъ соотвѣтственные роды творческихъ словесныхъ созданій: *Эпосъ* и *Исторія*, *Лира* и *Философія*, *Драма* и *Ораторская рѣчь*, или *витійство*.

По этому Теорія поэзіи и краснорѣчія подраздѣляется, съ одной стороны, на теорію эпоса, лиры и драмы, а съ другой, на теорію исторіи, философіи и витійства.

Сверхъ того, при воззрѣніи на всякое творческое словесное произведеніе, мы изучаемъ *слово*, какъ вещество идеи, или мысли. Здѣсь также представляются изслѣдованію нашему три момента: языкъ, рѣчь и слогъ.

Слѣдовательно *теорія слова* содержитъ въ себѣ три предмета изученія: *теорію языка*, *рѣчи* и *слога*.

Таковы *объемъ и содержаніе Теоріи Словесности*. Гдѣ жъ, спросятъ меня, *Риторика* и *Піитика*, которыя до такой степени оподозрѣны въ продолженіе столѣтій, что многіе даже считаютъ ихъ безполезными. Неизмѣнные законы Грамматики, тождественные съ законами Логики, и законы изящнаго, впервые замѣченные Платономъ, Аристотелемъ, Цицерономъ, Квинтиліаномъ, входятъ въ составъ теоріи Словесности; но они соотвѣтствуютъ современному состоянію знаній Грековъ и Римлянъ, ихъ нравамъ и потребностямъ. Греческіе и Римскіе писатели не знали ни общей и сравнительной Грамматики, созданной въ наше время В. Гумбольдтомъ, Боппомъ и Беккеромъ, ни Эстетики Гегеля; однако мы къ нимъ всегда обращаемся, когда исторически желаемъ разсмотрѣть произведенія словесныя; ими созданныя красоты слова впервые возведены на степень науки; отъ ихъ первоначальныхъ трудовъ ведутъ начала современные курсы Словесности: Блера, Вильмена, Шлегелей. Несправедливо бы было требовать отъ этихъ первыхъ началъ совершенной и полной системы.

II. Начертавъ планъ Теоріи Словесности, по которому приблизительно написаны Чтенія о Словесности, упоминаемыя сочинителемъ новаго курса, прилагаю его къ *Курсу теоріи Словесности Чистякова*.

Въ введеніи сочинитель излагаетъ воззрѣніе свое на искусство, слово и Словесность, показываетъ объемъ Сло-

весности, начертываетъ планъ курса теоріи Словесности, объясняетъ свой методъ.

Здѣсь основная погрѣшность, отъ которой произошла шаткость всего курса, состоитъ въ невѣрномъ понятіи слова, словесности, искуства. Мы принимаемъ слово за даръ свыше, откровеніе, данное человѣку: отъ того во всѣхъ языкахъ открываемъ единство. Сочинитель курса, напротивъ, приписываетъ слово изобрѣтательности человѣка — и изъ этого выводитъ разнообразіе языковъ. Мы почитаемъ искусство творчествомъ, а словесность — искусствомъ словеснымъ. Сочинитель курса называетъ искусство и творчествомъ и умѣньемъ, и въ область словесности вноситъ и рѣчь дикаря, и сочиненія экономическія, и дѣловыя бумаги — короче все, выраженное словомъ. Причина, приведшая его къ такому заключенію, объяснена имъ самимъ:

«Иначе, говоритъ онъ, какъ указать черту, раздѣляющую сочиненія, принадлежащія къ Словесности, отъ тѣхъ, которыя не принадлежатъ къ ней?»

Разумѣется, трудно провести эту черту по водѣ, гдѣ нѣтъ основанія, началъ; въ этомъ-то и задача теоріи Словесности.

Смѣшавъ слово, какъ выраженіе мысли, съ самою мыслію и съ произведеніями словесности, онъ теорію Словесности принимаетъ за науку о началахъ, законахъ и формахъ всѣхъ прозаическихъ и поэтическихъ словесныхъ произведеній. Въ чемъ же намѣренъ сочинитель отыскивать начала и законы всѣхъ возможныхъ сочиненій? Въ исторіи нашей души, по его мнѣнію, надобно

искать ключа къ открытію основныхъ и всеобщихъ законовъ литературы. Много бы потребовалось ключей къ душѣ нашей, если бы дѣйствительно мы были въ состояніи находить въ тайникахъ ея начала Гомеровой Иліады и лепета младенчествующаго дикаря, Бориса Годунова — Пушкина и апелляціонной жалобы истца.

Эта ссылка на ключи отъ души нашей ведетъ сочинителя къ другому подобному заключенію, будто методъ его изслѣдованія психологическій. Какая же польза отъ этого курсу Словесности? Онъ думаетъ на Психологіи основать свою теорію. Да Психологія, какъ наука эмпирическая, въ отношеніи къ знанію, сама нуждается въ опорѣ, болѣе твердой — въ Онтологіи.

Что жъ мы вывести можемъ изъ положеній введенія? Всѣ они принадлежатъ къ погрѣшностямъ, извѣстнымъ въ Логикѣ подъ названіями: petitio principii, mutatio elenchi, circulus in definiendo.

На столь шаткомъ основаніи построена разсматриваемая теорія Словесности. Отъ ложныхъ началъ произошло, что сочинитель въ первой части курса своего, оставивъ въ сторонѣ Словесность, съ большою заботливостью занимается Психологіею, Логикою и Эстетикою. Такъ какъ эти предметы принадлежатъ къ другому роду вѣдѣнія и составляютъ части особой науки, а не Словесности, которой служатъ только пропедевтикой; то мы пройдемъ молчаніемъ всю эту часть, какъ чуждую курса Словесности. Замѣтимъ только, что въ этомъ легкомъ перечнѣ Психологіи, Логики и Эстетики нѣтъ современнаго взгляда на феноменологію духа человѣческаго,

разоблаченнаго послѣднимъ Германскимъ мыслителемъ, а между тѣмъ сочинитель издѣвается надъ старымъ ученіемъ, называетъ его схоластическимъ.

Всѣ изслѣдованія объ изящномъ въ разбираемомъ курсѣ не объясняютъ нимало изящнаго художнику или поэту; они не истекаютъ изъ одной, основной идеи, даже заставляютъ предполагать темноту и сбивчивость понятій объ изящномъ.

Обращаемся ко 2-й части курса, гдѣ сочинитель предполагалъ изложить *начала, законы* и *формы всѣхъ произведеній поэтическихъ и прозаическихъ*, опираясь на психологическія начала первой части: это собственно теорія Словесности.

Прежде всего отъ теоріи и науки мы ожидаемъ стройной классификаціи, представляющей органическое развитіе идеи науки: безъ этого не можетъ быть построена наука, не смотря на множество отдѣльныхъ знаній о какомъ либо предметѣ. Въ разбираемомъ курсѣ нѣтъ ни частей, ни отдѣленій, ни главъ; наблюдается счетъ только параграфовъ.

Какіе же параграфы составляютъ въ этомъ курсѣ теорію языка, рѣчи и слога?

1) Сочиненіе. Прозаическое. Поэтическое. 2) Основная мысль сочиненія; ея единство; истина. 3) и 4) Занимательность основной мысли. 5) Развитіе основной мысли. 6) Полнота въ развитіи основной мысли. 7) Рѣчь. Ея органическое развитіе. Происхожденіе словъ. 8) Слова звукоподражательныя. Слова собственныя. 9) Слова несобственныя. Употребленіе несобственныхъ словъ: а.

На основаніи взаимнаго отношенія понятій по объему; и 10) b. На основаніи взаимнаго отношенія между понятіями по вниcловной связи. 11) c. На основаніи взаимнаго отношенія между понятіями по противуположности. 12) d. На основаніи сходства между понятіями. Употребленіе аллегоріи. 13) Метафора. Олицетвореніе. Одушевленіе. Превращеніе. Символъ. 14) Общія замѣчанія о переносныхъ выраженіяхъ. 15) Переносныя выраженія, заимствованныя изъ свойствъ человѣка. 16) Отпечатокъ мѣстности и народнаго быта въ фигуральныхъ выраженіяхъ. Случайныя причины происхожденія переносныхъ выраженій. 17) Особенности языка — идіотизмы. Синонимы. Выраженія техническія. 18) Слова поэтическія и прозаическія Точность выраженія: a. Неумѣстное употребленіе техническихъ словъ; b. Слова неопредѣленныя; c. Неточныя сравненія; d. Барбаризмы. 19) Архаизмы. Неологизмы. Провинціализмы. Неопредѣленность отъ излишней краткости выраженія. 20) Неправильное расположеніе словъ и предложеній. Темнота отъ самой сущности предмета. 21) Живопись рѣчи. Неестественныя картины. Изысканныя и продолжительныя олицетворенія. Описаніе дѣйствій олицетворяемаго предмета. Употребленіе одушевленій. 22) Опредѣленность картинъ. Стройное отношеніе между картинами. Разнохарактерныя сравненія. 23) Соотвѣтственность картины съ мыслію. 24) Миѳологическія картины. 25) Многословіе. 26) Необходимые плеоназмы. 27) Музыкальность рѣчи. 28) Стиль. 29) Монотонность выраженія. Ровность выраженія. Виды стиля. Стиль ума. Стиль воображенія. Стиль чувства. 30) Переводы.

Что это за теорія? Какъ связать въ умѣ эти disjecta membra poëtae: миѳологическія картины съ многословіемъ, темноту отъ неправильнаго расположенія словъ съ темнотою отъ самой сущности предмета? И все это произошло отъ того, что сочинитель самъ не составилъ для себя яснаго понятія о словесности; отсюда сбивчивость въ раздѣленіи теоріи и несвязность ученія каждой теоріи. Такъ н. п. въ курсѣ читаемъ:

«Сочиненіе вообще есть словесное выраженіе мысли, доведенной до извѣстной степени развитія, соотвѣтственно плану и умственной или художественной цѣли автора?»

По этому эпическая поэма и трагедія принадлежатъ къ одной категоріи вмѣстѣ съ прошеніемъ въ Земскій Судъ? Между тѣмъ въ исчисленныхъ параграфахъ вездѣ говорится о картинахъ, одушевленіяхъ, музыкальности рѣчи: слѣдственно сочинитель въ умѣ своемъ представляетъ не всѣ возможныя сочиненія, а только нѣкоторыя, избранныя. Впрочемъ вѣдь онъ въ началѣ курса сказалъ, что трудно провести черту между сочиненіями художественными и всѣми остальными. Правда, это трудно: да въ этомъ то вся задача науки словеснаго искусства, или словесности; иначе не было бъ искусства, не было бъ и теоріи искусства.

Все, что встрѣчаемъ правильнаго и дѣльнаго въ курсѣ о языкѣ, рѣчи и стилѣ, находимъ у того, о комъ упоминается въ введеніи; но и все правильное и дѣльное переставлено съ мѣста на мѣсто, лишено органической связи. Метафора н. п. и олицетвореніе должны бы стоять рядомъ съ живописью рѣчи; но между ними вставлены архаизмы, неологизмы. Самое понятіе о

различіи рѣчи отъ стиля невыяснено. Обѣщаннаго параллелизма между теоріей Словесности и Психологіей не видимъ, да и видѣть не можемъ: иное дѣло, по Стеффенсу, показать параллелизмъ Психологіи съ Физіологіею. Къ собственнымъ изобрѣтеніямъ сочинителя курса принадлежатъ условія, какихъ онъ требуетъ отъ основной идеи сочиненія: единства, истины и занимательности. У Аристотеля мы находимъ единство и полноту, какъ необходимыя условія изящнаго произведенія; отъ него же узнали что поэтическія созданія болѣе истинны, нежели историческія; но единство, истина и занимательность — это новый, неслыханный законъ. Какъ опредѣлить занимательность идеи? Что грязнѣе можетъ быть и отвратительнѣе Селифонта, Плюшкина, Сабакевича, въ мертвыхъ душахъ? — И что же изъ этой грязи нарисовалъ Гоголь? Очевидно, все дѣло въ талантѣ.

Переходимъ ко второй теоріи — къ сочиненіямъ прозаическимъ. По нашему воззрѣнію на предметъ, слѣдовало бы показать различіе поэзіи отъ прозы, вывести ихъ роды и виды, и потомъ изложить въ теоріи прозы: теорію сочиненій историческихъ, философскихъ, ораторскихъ. Въ каждой теоріи необходимо опредѣлить значеніе рода сочиненій, историческое его развитіе, отличительныя свойства отъ другихъ родовъ, оправдать теорію образцовыми писателями.

Въ новомъ курсѣ находимъ слѣдующую характеристику поэзіи и прозы:

«Наука, или философія, и творчество, или поэзія, достигая высшаго своего совершенства, сливаются въ

одно; различіе между ними исчезаетъ: для обѣихъ — одна задача — воспроизведеніе жизни въ словѣ; для обѣихъ — одна форма, форма жизни — сочетаніе мысли съ явленіемъ. идеи съ дѣйствіемъ, въ которомъ она осуществляется и получаетъ опредѣленную форму; различенъ у нихъ только путь: поэтъ отъ идеи переходитъ къ явленію, мыслитель — отъ явленія къ идеѣ?» Сколько тутъ парадоксовъ, какая темнота, неопредѣленность въ понятіяхъ! Можно ли повѣрить, что въ курсахъ Словесности учатъ, будто у философіи и поэзіи одна задача — воспроизведеніе жизни въ словѣ — у обѣихъ одна форма. Да вѣдь философія всѣ явленія построеваетъ въ понятіяхъ, а поэзія понятія и идеи представляетъ въ образахъ; вотъ ихъ значеніе. Ясно, что и задачи ихъ и формы совершенно различныя. Далѣе, что значитъ сочетаніе идеи съ дѣйствіемъ, мысли съ явленіемъ? Это наборъ словъ.

Посмотримъ на содержаніе теоріи прозаическихъ сочиненій. 31) Сходство и различіе между прозаическими и поэтическими сочиненіями. Художественность въ прозаическихъ сочиненіяхъ. 32) Виды прозаическихъ сочиненій. Описаніе и повѣствованіе. 33) Точность изображенія предметовъ. Характеристика изображенія. Полнота изображенія. 34) Перспективы въ изображеніи предметовъ. 35) Расположеніе описанія. Расположеніе повѣствованія. Прагматическое изложеніе Исторіи. 36) Поучительность въ историческихъ сочиненіяхъ. Форма изложенія описаній и повѣствованій. 37) Дидактическія сочиненія. — Дидактическія - аналитическія сочиненія. Сое-

піальность направленія при анализѣ предметовъ. 38) Дидактическія-теоретическія сочиненія. Формы изложенія дидактическихъ сочиненій. 39) Ораторская рѣчь. Отношеніе оратора къ обществу. 40) Современность идей. Современность изложенія.

Любопытно знать, почему дѣлитъ сочинитель прозаическія сочиненія на опытныя, дидактическія-аналитическія и на дидактическія-умозрительныя. Здѣсь въ основаніи берется методъ изслѣдованій. Но одинъ изъ первыхъ законовъ системы есть единство основной мысли, по которой производится дѣленіе. Такъ н. п. Натуралистъ разсматриваетъ человѣка на основаніи различныхъ поколѣній, Географъ — на основаніи политическаго раздѣленія Государствъ, Богословъ — на основаніи религіозномъ; нельзя смѣшивать различныя дѣленія въ одномъ и томъ же изслѣдованіи. И въ теоріи Словесности роды и виды сочиненій развиваются изъ сущности словеснаго искусства; всякое другое дѣленіе, н. п., на методѣ основанное, не имѣетъ мѣста. Да и какъ же возможно Исторію Государства Россійскаго — Карамзина, отличить отъ его же похвальнаго слова Екатеринѣ II-й, или отъ словъ Филарета, Иннокентія, на томъ основаніи, что одни изъ этихъ сочиненій дидактическія-аналитическія, другія дидактическія-умозрительныя? Или кто нашъ рѣшитъ, Исторія Карамзина есть-ли сочиненіе опытное, дидактическое-аналитическое, или дидактическое-умозрительное? Истинно философскій методъ требуетъ сліянія анализиса съ синтезисомъ, опыта съ умозрѣніемъ.

Откуда жъ вывелъ сочинитель новое свое раздѣленіе?

Онъ разсуждалъ такъ: Въ сочиненіяхъ, главная цѣль которыхъ состоитъ въ томъ, чтобъ объяснить жизнь природы и человѣка, или: 1) изображаются явленія; или 2) разлагаются на составныя стихіи; или 3) дѣлаются выводы изъ явленій; изъ фактовъ, изъ данныхъ извлекаются идеи о силахъ и законахъ силъ; словомъ, сочиненія прозаическія бываютъ трехъ родовъ: опытныя, дидактическія - аналитическія, и дидактическія - умозрительныя. Какая сбивчивость, неопредѣленность!

Гдѣ жъ учащіеся узнаютъ о высочайшемъ родѣ словеснаго искусства — Ораторской рѣчи и Христіанской проповѣди? По ученію новаго курса, Ораторская рѣчь не составляетъ особеннаго рода дидактическихъ сочиненій; отличительный характеръ ея состоитъ только въ случайныхъ ея условіяхъ, въ томъ, что въ ней передается идея извѣстному обществу для опредѣленной практической цѣли. Въ образецъ ораторскаго сочиненія приводится рѣчь Жуковскаго по случаю юбилея Крылова. — На какихъ психологическихъ законахъ все это основывается? Гдѣ жъ параллелизмъ между теоріею поэзіи и психологіею? Василіи, Іоанны Златоусты, Григоріи, Периклы, Димосѳены, Гортензіи, Цицероны, Боссюэты, Массильоны, Мосгеймы, Питты, Фоксы, Каннинги, Ломоносовы, Платоны, Карамзины, и всѣ безсмертные витіи древнихъ и новыхъ временъ! Что бъ сказали вы, если бъ услышали такое ученіе о томъ помазаніи, какимъ небо отличило васъ отъ прочихъ смертныхъ? Не нужно болѣе распространяться въ доказательствахъ о ложности такого ученія; всякое дальнѣйшее замѣчаніе будетъ излишнимъ.

О непреложныхъ истинахъ не говорятъ съ невѣрующими: кто н. н. станетъ сомнѣвающагося увѣрять въ истинности Коперниковой системы міра? Наконецъ мы уже подошли къ теоріи поэзіи: Тутъ также ожидаемъ услышать опредѣленіе сущности и значенія Поэзіи, генетическаго вывода родовъ и видовъ Поэзіи, съ характеристикою каждаго изъ нихъ и съ историческимъ развитіемъ ихъ формъ, съ критическимъ разборомъ образцевъ.

Вмѣсто всего этого, сочинитель курса удовольствовался общими, неопредѣленными замѣчаніями о поэзіи еще въ началѣ книги, а здѣсь онъ, послѣ упомянутой рѣчи Жуковскаго вдругъ приступаетъ къ дѣленію поэтическихъ твореній на лирическія и пластическія. Вотъ еще диковинная новость! Будемъ имѣть терпѣніе выслушать содержаніе всей теоріи. 41) Виды поэтическихъ произведеній Словесности. Лирическія. Идея и чувство. Тонъ лирическаго произведенія. 42) Виды лирическаго произведенія. Чувство религіозное. Гимнъ. 43) Сочувствіе къ человѣчеству. Мадригалъ. 44) Элегія. Эпитафія. 45) Сатира шутливая. 46) Сатира обличительная. Ироніи. Юморъ. 47) Сатира общая и частная. Эпиграмма 48) Романсъ 49) Кантата. 50) Сочувствіе къ природѣ. 51) Соединеніе картинъ природы съ картинами жизни человѣка. 52) Неопредѣленность нѣкоторыхъ названій лирическихъ произведеній. Лирическій восторгъ. Лирическій безпорядокъ. 53) Пластическія произведенія Словесности. Развитіе идеи въ дѣйствіи. Мнѣнія о различіи между Драматической и Эпической поэзіей. 54) Дѣйствія. Дѣйствующія лица. Индивидуальность характера. Много-

сторонность характера. 55) Ровность характера. 56) Естественность характера. Согласіе съ законами природы. Согласіе съ духомъ народа и времени. 57) Завязка. Борьба съ физической природой. Борьба съ обществомъ. Борьба съ самимъ собою. 58) Основа завязки. Развязка. 59) Поэтическая перспектива 60) Чудесное съ пластическими произведеніями Словесности. Соединеніе дѣйствительнаго съ вымышленнымъ. 61) Формы изложенія пластическихъ произведеній Словесности. Эпизоды въ эпическомъ произведеніи. Мѣсто Время. Дѣйствіе. 62) Правила при введеніи эпизодовъ. 63) Связь драмы съ сценическимъ искусствомъ. Образъ выраженія въ драмѣ. 64) Монологъ. 65) Формы повѣствовательной и драматической поэзіи. Сродство изящной Словесности съ другими искусствами.

Въ этомъ исчисленіи забыта Ода, между тѣмъ, какъ красуются на первомъ планѣ давно отжившіе вѣкъ свой мадригалы, романсы, элегіи, эпиграммы, различнаго рода сатиры. Тщетно будемъ искать значенія драмы, развитія изъ духа человѣческаго трагедіи и комедіи, отличія древней трагедіи и комедіи отъ новой, характеристики Эсхила, Софокла, Эврипида, Шекспира, Шиллера, Мольера, фонъ-Визина, Грибоѣдова, Гоголя. Нетъ здѣсь же и показать бы психологическія наблюденія надъ сердцемъ человѣческимъ. Заучивающіе по этому курсу наборъ словъ объ эпизодахъ и эпосѣ не узнаютъ, въ чемъ заключается превосходство Гомера, Данте, Тасса, и въ чемъ ошибались Мильтонъ, Клопштокъ, Вольтеръ, Херасковъ. Въ замѣнъ этого имъ предложено нѣсколько отрывочныхъ

стиховъ изъ Лермонтова, Д Давыдова, Дмитріева, Батюшкова, Жуковскаго, Пушкина. Вообще, въ сочиненіи, лишенномъ историческаго развитія словесныхъ произведеній, смѣшаны роды съ видами, между тѣмъ, какъ роды всегда и вездѣ, какъ проявленія духа человѣческаго, одинаковы, а виды измѣняются согласно съ степенью образованности и характеромъ народа, съ его повѣрьями и обычаями, съ его гражданскою и домашнею жизнью.

Что касается до критики приводимыхъ въ образецъ писателей и сочиненій, то ни въ одномъ изъ нихъ не отличенъ художественный характеръ, ни одно сочиненіе не разобрано хотя съ нѣкоторою подробностью въ отношеніи къ содержанію и формѣ. Чему жъ выучатся занимающіеся теоріею Словесности по этому курсу? Они заучатъ наизусть нѣсколько ложныхъ опредѣленій, приучатся къ произвольной классификаціи, затвердятъ правила, состоящія не изъ мыслей, а изъ набора словъ; но не познакомятся ни съ отечественными, ни съ иностранными литературными знаменитостями, не получатъ ясныго, отчетливаго понятія ни объ одномъ родѣ сочиненій прозаическихъ и поэтическихъ; ученіе Словесности не произведетъ на нихъ благодѣтельнаго вліянія, ни въ отношеніи къ развитію мыслящей способности, ни въ отношеніи къ разнообразнымъ полезнымъ знаніямъ.

На какіе источники, по крайней мѣрѣ, указываетъ курсъ? Въ Психологіи указывается Бюффонъ, Дюгальдъ Стюартъ, Гаррисъ, Ансильонъ; въ теоріи Словесности — Жанъ-Поль Рихтеръ. Послѣ этого не удивительно, что въ теоріи не видимъ ни системы, ни содержанія.

Такая теорія не могла бъ родиться изъ подъ пера сочинителя, знакомаго съ Беккеромъ, В. Гумбольдтомъ, Шлегелями, Гегелемъ, Вильменомъ.

III. Изъ предъидущаго приложенія логическаго построенія науки къ разбираемому курсу выводимъ слѣдующее заключеніе.

1) Теорія Словесности въ разбираемомъ курсѣ, ни по содержанію, ни по формѣ, не заслуживаетъ названія теоріи. Въ отношеніи къ содержанію, этотъ курсъ не заключаетъ въ себѣ тѣхъ литературныхъ свѣдѣній, которыя признаются существенными элементами Словесности, необходимыми, полезными. Въ отношеніи къ формѣ, теорія въ этомъ курсѣ неимѣетъ главнаго основнаго характера — системы, послѣдовательности въ развитіи одного предмета изъ другаго.

2) Правила, излагаемыя въ видѣ догмъ, большею частію неопредѣленны, неточны, неясны, шатки, не рѣдко даже ошибочны.

3) Курсъ, лишенный правильнаго теоретическаго и историческаго развитія родовъ и видовъ прозаическихъ и поэтическихъ, вмѣстѣ съ тѣмъ лишенъ критики образцовыхъ писателей и ихъ сочиненій, какъ иностранныхъ, такъ и отечественныхъ.

Вноситъ ли этотъ курсъ въ учебную литературу нашу новыя наблюденія, новыя воззрѣнія на науку? Ни мало. Все дѣльное заимствовано изъ другихъ курсовъ; все кажущееся новымъ есть нововведеніе, состоящее то въ странномъ перефразированіи извѣстныхъ правилъ, то

въ произвольной перестановкѣ статей съ одного мѣста на другое. Это сочиненіе представляетъ собою участь всѣхъ эклектическихъ сочиненій, не проникнутыхъ одною идеею, не вылитыхъ за одинъ пріемъ въ правильную форму — смѣшеніе стараго съ новымъ, скудное образцами литературными. Не смотря на это, по уваженію благороднаго стремленія къ совершенствованію общаго дѣла, какова теорія Словесности, я почитаю курсъ Чистякова достойнымъ *почетнаго отзыва.*

Въ введеніи своемъ сочинитель вотъ что говоритъ обо мнѣ:

«Давыдовъ первый въ Россіи началъ разсматривать Словесность съ высшей, философской точки зрѣнія, возвелъ ея разнообразныя явленія къ органическому единству и показалъ, какъ вѣчные, непреложные законы человѣческой природы отражаются, начиная съ простѣйшихъ стихій языка до самыхъ многосложныхъ и многостороннихъ литературныхъ созданій у всѣхъ народовъ, во всѣ времена. Онъ же первый представилъ образецъ сочетанія глубокой учености и математически строгой послѣдовательности въ развитіи идей, съ живымъ, художественнымъ, увлекательнымъ изложеніемъ.»

При столь лестномъ для меня отзывѣ о трудахъ моихъ по предмету Словесности, я не измѣняю своихъ убѣжденій: Amicus Plato, amicus Aristoteles; sed magis amica veritas.

Ординарный Академикъ Иванъ Давыдовъ.

РАЗБОРЪ

сочиненія

Г-на ВЛАДИМІРА ЛИНОВСКАГО,

Профессора Ришельевскаго Лицея,

подъ заглавіемъ:

ИЗСЛѢДОВАНІЕ НАЧАЛЪ УГОЛОВНАГО ПРАВА,

изложенныхъ въ Уложеніи

ЦАРЯ АЛЕКСѢЯ МИХАИЛОВИЧА,

составленный

Ординарнымъ Профессоромъ

С-тъ Петербургскаго Университета

Константиномъ НЕВОЛИНЫМЪ.

Изслѣдованіе началъ права, служащихъ основаніемъ Уложенію Царя Алексѣя Михаиловича, есть трудъ, вполнѣ достойный вниманія Русскихъ законовѣдцевъ. Уложеніе соединило въ себѣ законы прежняго времени, съ надлежащими исправленіями и дополненіями, и развилось въ обширное, теперь существующее, законодательство. Тоже должно сказать, въ частности, о тѣхъ его постановленіяхъ, которыя относятся къ уголовному праву. Но до сихъ поръ начала, прямо высказанныя, или безмолвно принятыя въ Уложеніи, оставались и остаются большею частію неизслѣдованными. По отношенію къ уголовнымъ его началамъ, сочиненіе Г. Линовскаго представляетъ намъ первое изслѣдованіе, если мы исключимъ обзоръ ихъ, сдѣланный Рейцомъ въ книгѣ: Versuch über die geschichtliche Ausbildung der russischen Staats- und Rechts-Verfassung. Mitau, 1829. S. 391—409 und S. 474—477, и нѣкоторыя замѣчанія въ сочиненіяхъ, указанныхъ у нашего автора на *стран.* III *Введенія*. И такъ предметъ, обработку котораго принялъ на себя Г. Линовскій, заслуживаетъ всякаго одобренія.

Содержаніе Уложенія, относящееся къ избранному предмету, авторъ старался исчерпать съ возможною полнотою. Разсматриваемое сочиненіе состоитъ изъ *Введенія*, *четырехъ частей* и *Заключенія*.

Въ *Введеніи* (стр. I—III) показаны: значеніе Уложенія въ развитіи Русскаго уголовнаго законодательства; источники, изъ которыхъ Уложеніе заимствовало матеріалъ для своихъ постановленій; сочиненія, служащія къ объясненію Уложенія, и въ особенности уголовныхъ началъ его.

Въ *первой части* (стр. 1 — 86) разсмотрѣно все, что постановляетъ Уложеніе о преступленіяхъ, именно: 1) о преступленіяхъ вообще, 2) о преступленіяхъ противъ вѣры, 3) о преступленіяхъ государственныхъ, 4) о преступленіяхъ противу порядка управленія, 5) о преступленіяхъ лицъ, состоящихъ въ гражданской службѣ, 6) о преступленіяхъ и проступкахъ лицъ, состоящихъ въ военной службѣ, 7) о преступленіяхъ и проступкахъ противу имущества и доходовъ казны, 8) о преступленіяхъ и проступкахъ противу общественнаго благоустройства и благочинія, 9) о преступленіяхъ противу общественной нравственности, 10) о преступленіяхъ и проступкахъ противу законовъ о состояніяхъ, 11) о преступленіяхъ противу личныхъ правъ частныхъ лицъ, 12) о преступленіяхъ противу правъ семейства, наконецъ 13) о преступленіяхъ противу собственности частныхъ лицъ.

Во *второй части* (стр. 87—110) излагаются наказанія, назначаемыя Уложеніемъ, именно: 1) вообще, 2) въ частности — смертная казнь, 3) тѣлесныя наказанія

4) ссылка, 5) тюремное заключеніе, 6) денежныя наказанія, 7) лишеніе чести, 8) отрѣшеніе отъ должности.

Въ *третьей части* (ст. 111 — 114) разсуждается о внутреннемъ отношеніи наказанія къ преступленію, какъ это отношеніе опредѣлено въ Уложеніи.

Четвертая часть (стр. 115—126) посвящена разсмотрѣнію правилъ Уложенія о судопроизводствѣ, при чемъ: 1) дѣлается общій взглядъ на судопроизводство, и потомъ сообщаются постановленія Уложенія 2) о подсудности, 3) о поводахъ къ начатію дѣла, 4) о движеніи и окончаніи дѣла.

Въ *заключеніи* (стр. 127) повторяется мысль о значеніи, какое принадлежитъ Уложенію въ развитіи Русскаго уголовнаго права.

Этотъ обзоръ содержанія сочиненія Г. Линовскаго показываетъ, что авторъ стремился обнять въ своемъ изслѣдованіи всѣ разнообразныя постановленія по части уголовнаго права, какія только можно было найти въ Уложеніи. Очевидно также, что онъ въ расположеніи частей и отдѣловъ своего разсужденія слѣдовалъ преимущественно порядку Свода Законовъ Уголовныхъ и порядку, принятому въ Уложеніи о наказаніяхъ уголовныхъ и исправительныхъ 15 Августа 1845. Въ такомъ случаѣ, не входя въ разсмотрѣніе вопроса, не должно ли было для изслѣдованія объ Уложеніи предпочесть другой порядокъ, наиболѣе соотвѣтствующій существу разбираемаго законодательнаго памятника, можно только пожалѣть, что авторъ не держался строже своихъ руководствъ. Ученіе о преступленіяхъ вообще, онъ отдѣлилъ

отъ тѣхъ главъ, въ которыхъ разсматриваются наказанія и внутреннее отношеніе наказаній къ преступленію. Такимъ образомъ стало раздѣлено то, что составляетъ одно цѣлое, какъ общая часть въ противоположность особенной части.

Обращаясь ко внутренней разработкѣ предмета, подвергнутаго Г. Линовскимъ изслѣдованію, мы замѣтимъ, что обычай языка усвоилъ названіе изслѣдованія такимъ сочиненіямъ, въ которыхъ писатель, не находясь еще въ обладаніи истиною, потому и не можетъ спокойно изображать ее во всѣхъ ея развѣтвленіяхъ, но посредствомъ различныхъ соображеній, истолкованія темныхъ или сомнительныхъ мѣстъ, сличенія историческихъ свидѣтельствъ между собою, стремится достигнуть до истины. Она отыскивается изслѣдователемъ непосредственно въ виду читателя, а не предлагается ему какъ нѣчто уже существующее само по себѣ, какъ нѣчто данное. Весь процессъ, какъ авторъ доходилъ до истины, онъ заставляетъ проходить съ собою читателя, начиная отъ неизвѣстнаго и мало по малу получая достовѣрные результаты. Особенно же писатель, который предположилъ изслѣдовать въ своемъ сочиненіи начала извѣстнаго ученія, извѣстнаго положительнаго законодательства или части его, долженъ былъ необходимо держаться этой методы. Начало смысломъ своимъ указываетъ на истины главныя, коренныя, основныя въ извѣстномъ рядѣ истинъ и положеній. Если писатель хочетъ изслѣдовать такія истины, то ему необходимо идти отъ частнаго къ общему и отъ общаго къ частному; онъ долженъ пока-

зать, какъ всѣ частныя положенія, всѣ отдѣльныя истины приводятъ къ извѣстнымъ главнымъ положеніямъ или даже къ одному коренному, какъ всѣ сосредоточиваются въ одной всеобщей истины; онъ долженъ отдѣлить существенное отъ случайнаго, первостепенное отъ случайнаго, первостепенное отъ того, что занимаетъ только второе мѣсто; онъ долженъ изложить, какъ или въ какой мѣрѣ главное положеніе проникаетъ всѣ частности, какъ примѣняется къ нимъ, какъ онѣ вытекаютъ изъ него. Изслѣдованіе началъ уголовнаго права, изложенныхъ въ Уложеніи Царя Алексѣя Михаиловича, должно было бы не только дѣйствительно отыскать, означить такія начала, но сверхъ того: 1) показать, до какой степени они проникаютъ все Уложеніе и проведены въ немъ по всѣмъ частностямъ, или, можетъ быть, въ Уложеніи находятся еще начала противоположныя, борющіяся между собою, — въ послѣднемъ случаѣ необходимо опредѣлить, въ какой мѣрѣ уже совершилось ихъ примиреніе въ Уложеніи. 2) Объяснить ихъ происхожденіе и происхожденіе борьбы между ними. Уложеніе есть результатъ всего предшествовавшаго развитія Русскаго законодательства. Въ немъ собраны, приведены въ единство, въ порядокъ, законы прежняго времени, но съ различными измѣненіями, поясненіями и дополненіями. Почему постановленія Уложенія не могутъ быть поняты отдѣльно сами по себѣ, безъ сравненія ихъ съ постановленіями и началами прежняго времени. Изслѣдованіе началъ Уложенія, безъ сомнѣнія, должно показать относительную высоту ихъ, показать, въ какой мѣрѣ начала уголовнаго права въ Уложеніи раз-

виты далѣе, чѣмъ въ законахъ прошедшаго времени. Но 3) можетъ быть, изслѣдованіе не должно было бы остановиться и на этомъ. Изъ законовъ предыдущихъ временъ возникаютъ законы временъ послѣдующихъ, поясняются, дополняются, развиваются, исправляются ими. Это самое надобно сказать объ Уложеніи и объ уголовныхъ началахъ, принятыхъ имъ въ руководство. Почему при изслѣдованіи уголовныхъ началъ Уложенія должно было бы обратить вниманіе на развитіе ихъ въ законахъ послѣдующихъ. Такимъ образомъ открывалась необходимость разсмотрѣть уголовныя начала Уложенія не только во взаимной ихъ связи между собою, но и въ связи съ законодательствомъ предшествующимъ и послѣдующимъ. Конечно, при такомъ направленіи можно опасаться, чтобъ изслѣдованіе уголовныхъ началъ Уложенія не превратилось въ исторію Русскихъ уголовныхъ законовъ вообще, сколько она состоитъ въ связи съ особеннымъ предметомъ изслѣдованія, но искусный писатель будетъ умѣть удержать себя въ должныхъ предѣлахъ, тѣмъ болѣе, что развитіе уголовнаго законодательства прежде и послѣ Уложенія должно предполагаться какъ извѣстное. 4) Къ такому, можно сказать, внутреннему изслѣдованію уголовныхъ началъ Уложенія, изслѣдованію внутренняго ихъ существа, присоединялось само собою внѣшнее изслѣдованіе или указаніе тѣхъ источниковъ, откуда могли быть, посредственно, или непосредственно, заимствованы отдѣльныя постановленія Уложенія. Въ особенности, если бы развитіе уголовныхъ началъ Уложенія находилось въ связи съ развитіемъ уголовнаго права и теоріи его въ

западной Европѣ, то для изслѣдователя представилась бы новая задача показать эту связь между развитіемъ уголовныхъ законовъ въ Россіи и развитіемъ ихъ въ западной Европѣ.

Вотъ направленія, въ которыхъ, по нашему мнѣнію, должно было бы двигаться изслѣдованіе уголовныхъ началъ Уложенія Царя Алексѣя Михаиловича.

Одно изъ этихъ направленій Г. Линовскій въ своемъ изслѣдованіи совершенно опускаетъ изъ вида. Ни гдѣ, если мы исключимъ нѣсколько общихъ выраженій въ началѣ и концѣ сочиненія (стр. I и 127), не обращаетъ онъ вниманія на развитіе началъ Уложенія въ законахъ послѣдующаго времени. А между тѣмъ, если мы примемъ ихъ въ соображеніе, многое представилось бы въ новомъ свѣтѣ. Для примѣра довольно привесть только новоуказныя статьи о разбойныхъ, убійственныхъ и татиныхъ дѣлахъ, 1669 Января 22, представляющія новую редакцію 21 и 22-й главъ Уложенія Изъ разсмотрѣнія этихъ новоуказныхъ статей открывается, до какой степени опредѣлительны были представленія сочинителей Уложенія по отношенію къ предметамъ, излагаемымъ въ означенныхъ главахъ. Даже, можетъ быть исправленъ самый текстъ Уложенія Такъ Улож. гл. 22, ст. 5, читается: «А будетъ которой сынъ, или дочь у отца, или у матери животы пограбятъ насильствомъ, или не почитаючи отца и матерь, и избываючи ихъ, учнутъ на нихъ извѣщати какія злыя дѣла, или которой сынъ, или дочь отца и мать при старости не учнетъ почитати и кормити, *и ссужати ихъ ничьмъ не учнутъ*, и въ томъ

на нихъ отецъ, или мать учнутъ Государю бити челомъ» и проч. Въ новоуказныхъ статьяхъ 1669 Января 22-го ст. 91, говорится: «Будетъ который сынъ, или дочь, у отца или у матери животы пограбятъ насильствомъ, или не почитаючи отца и матерь и избываючи ихъ, учнутъ на нихъ извѣщать какія злыя дѣла, или которой сынъ или дочь отца и мать при старости не учнутъ почитать и кормить, *и слушать ихъ ни въ чемъ не учнутъ*, и въ томъ на нихъ отецъ и мать учнутъ Великому Государю бити челомъ» и проч.

Необходимость изслѣдованія во всѣхъ другихъ направленіяхъ признается самимъ Г. Линовскимъ. Онъ понимаетъ, что его изслѣдованіе должно удовлетворить требованіямъ, отсюда вытекающимъ, и онъ дѣйствительно обращаетъ вниманіе на всѣ точки зрѣнія, съ которыхъ можетъ быть разсматриваемъ предметъ, избранный имъ для изслѣдованія, исключая только развитіе началъ Уложенія въ законахъ послѣдующаго времени. Но спрашивается: въ какой мѣрѣ сочиненіе его дѣйствительно удовлетворяетъ означеннымъ требованіямъ?

Содержаніе статей Уложенія, относящихся къ уголовному праву, представлено большею частію, если мы исключимъ судопроизводство, съ достаточною полнотою, хотя и не вездѣ точно. Съ этой стороны сочиненіе Г. Линовскаго послужитъ значительнымъ пособіемъ для будущихъ изслѣдователей Уложенія Мы желали бы только, чтобъ въ сочиненіи были выписаны подлинныя мѣста Уложенія, по крайней мѣрѣ важнѣйшія, на которыя ссылается авторъ въ подтвержденіе своихъ мыслей, дабы,

такимъ образомъ и самъ онъ и читатели имѣли въ одной и той же книгѣ непосредственно какъ изложеніе предмета, такъ и повѣрку изложенія. Но мы не находимъ, что бы Г. Линовскій вникъ въ духъ Уложенія. Онъ не углубляется въ смыслъ, не входитъ въ истолкованіе статей Уложенія, не сличаетъ между собою разнородныхъ постановленій, чтобы отсюда достигнуть до общихъ результатовъ. Этимъ недостаткомъ страдаетъ особенно изслѣдованіе о преступленіяхъ и наказаніяхъ вообще и о внутреннемъ отношеніи наказанія къ преступленію.

На законы предшествовавшихъ временъ, конечно, обращено вниманіе; но постановленія Уложенія не выведены отсюда внутреннимъ образомъ. Законодательство, предшествовавшее Уложенію, и законодальство Уложенія поставлены только внѣшнимъ образомъ одно подлѣ другаго, а не соединены живою связію другъ съ другомъ. При томъ же въ историческихъ свѣдѣніяхъ, не говоря о неполнотѣ, или, въ другихъ случаяхъ, излишествѣ ихъ, есть много неточнаго.

Источники статей Уложенія вообще указаны вѣрно и полнѣ. Но авторъ, конечно, оказалъ бы важную услугу читателямъ, если бы въ своемъ сочиненіи выписалъ точныя слова источниковъ сравнительно съ статьями Уложенія. Тогда каждый могъ бы самъ несомнительно судить, что́ и въ какой мѣрѣ составители Уложенія заимствовали изъ того или другаго источника.

Въ разныхъ мѣстахъ своего сочиненія Г. Линовскій сравниваетъ Уложеніе съ современными законодательствами западной Европы. Такъ, стр. I. «Характеръ Уло-

женія, какъ уголовнаго кодекса, весьма замѣчателенъ; по времени изданія своего, относясь къ періоду, въ которомъ преимущественно преобладала въ цѣлой Европѣ цѣль устрашенія, Уложеніе имѣло то преимущество предъ прочими современными кодексами, что главное его стремленіе было основать наказаніе на чистыхъ началахъ правды и справедливости, а не на временныхъ и преходящихъ.» — Стр. II «Россія познакомилась съ Церковнымъ Греческимъ Правомъ со введеніемъ Христіанской вѣры. При составленіи Уложенія немного заимствовано постановленій изъ него но Церковное право важное имѣло вліяніе на Уложеніе тѣмъ, что оно сообщило свой характеръ системѣ наказаній; такъ, что въ опредѣленіи внутренняго соотношенія между преступленіемъ и наказаніемъ Уложеніе слѣдовало древнему ученію, и тѣмъ самымъ почти оставило въ сторонѣ систему, развитую въ возрожденной Европѣ.» — Стр. 4. Не вдругъ сдѣлалась понятна та огромная лѣстница, которая отдѣляетъ дѣйствія, совершенныя безъ всякаго участія воли, отъ дѣйствій, предпринятыхъ съ полнымъ размышленіемъ; въ древности обращали вниманіе на внѣшнее дѣйствіе, не вникая во внутреннія побужденія человѣка; только юридическія понятія, развитыя въ духѣ Христіанскаго ученія, обратились къ внутренней сторонѣ человѣка. Основныя понятія первоначальныхъ законодательствъ Европейскихъ народовъ не благопріятствовали развитію науки о противузаконной волѣ.» — Стр 5. «Разные переходы преступнаго дѣйстія отъ того момента, въ которомъ оно завязалось въ мысли лица, помышляющаго о нару-

шенія, до самаго совершенія обдуманнаго заранѣе зла, впервые подверглись изслѣдованію глоссаторовъ. Италіянскіе практики развили немного подробнѣе ученіе о покушеніи; но только уголовное Уложеніе Карла V обратило вниманіе на степень наказанности, которую должно нести покушеніе. Криминалисты Нѣмецкой школы XVI и XVII столѣтій мало сдѣлали успѣховъ въ ученіи о умыслѣ, о приготовленіи къ преступленію и покушеніи; посему, хотя въ Уложеніи этотъ предметъ не подвергся строгому розысканію, однако предусмотрѣніе тѣхъ рѣдкихъ случаевъ, въ которыхъ преступленіе разсматривается прежде исполненія, показываетъ, что составители Уложенія предугадывали тѣ запутанныя обстоятельства, сопутствующія преступленію отъ его начала до окончанія, которыя наконецъ разгаданы критическимъ изслѣдованіемъ Криминалистовъ XVIII и XIX столѣтій. По Уложенію въ преступленіяхъ государственныхъ полагается наказаніе на того» и проч. — Ст. 92—93. «Уложеніе, по времени своего изданія, принадлежитъ къ такой эпохѣ, въ которой не начиналось еще пренія о замѣнѣ сего наказанія другими, болѣе сходными съ началами христіанскими. Филантропическая школа, или популярная, получила свое бытіе спустя почти цѣлое столѣтіе послѣ его изданія. Напротивъ, въ XVII столѣтіи въ цѣлой Европѣ господствовало мнѣніе, что смертная казнь необходима для поддержанія общественной безопасности; вообще главною отличительною чертою новаго Уголовнаго права были смертная казнь и другія тѣлесныя наказанія» и проч. «Изъ всего сказаннаго видно, что духъ

времени требовалъ, чтобы и въ новой законодательной книгѣ Царя Алексѣя Михайловича, смертная казнь со всѣми ея грозными принадлежностями удержалась, тѣмъ болѣе, что въ Россіи смертная казнь существовала до Уложенія и самая историческая необходимость препятствовала ея искорененію.» — Стр 111. «Нѣтъ, можетъ быть, ничего труднѣе, какъ найти внутреннія отношенія между наказаніемъ и преступленіемъ. Средства, находящіяся въ рукахъ нашихъ, съ трудомъ могутъ преодолѣть встрѣчаемыя препятствія. Исторія Уголовнаго права представляетъ много попытокъ для достиженія этой цѣли, которыя проявились въ трехъ системахъ, въ Греческой, въ Италіянско-Французской и Нѣмецкой; двѣ послѣднія системы явились послѣ изданія Уложенія, потому нѣтъ ничего удивительнаго, что въ Кодексѣ Царя Алексѣя Михаиловича не встрѣчаются начала такъ называемой политики Уголовнаго права, преимущественно созданной знаменитыми трудами Монтескье, Филанжіери и Пасторета; тѣмъ болѣе, Уложенію не могли быть извѣстны начала новой Нѣмецкой школы, которая полагаетъ, что мѣра наказанія должна быть основана на личныхъ качествахъ преступника. Словомъ, можно сказать, что въ Уложеніи преимущественно господствуютъ древнія понятія о справедливости, развитыя въ древности Греками, по которымъ для опредѣленія внутренняго отношенія между преступленіемъ и наказаніемъ, нужно было прибѣгнуть къ началамъ возмездія.» Стр. 127. Значеніе Уложенія, какъ уголовнаго кодекса, чрезвычайно важно: въ немъ встрѣчаемъ выраженіе борьбы началъ Римскаго

права, принесенныхъ изъ Греціи послѣ того какъ Россія была озарена свѣтомъ христіанскаго ученія, съ началами уголовнаго права, развившимися въ возрожденной Европѣ.» — Во всѣхъ этихъ мѣстахъ предполагается общность развитія уголовныхъ законовъ въ Россіи до Уложенія и въ западной Европѣ, предполагается, будто порядокъ развитія идей уголовнаго права здѣсь и тамъ былъ одинаковъ, предполагается, что законы западной Европы и мнѣнія тамошнихъ криминалистовъ имѣли, или могли имѣть вліяніе на Уложеніе Царя Алексѣя Михаиловича. Все это предположенія или прямо ложныя, или по крайней мѣрѣ такія, которыя могутъ быть приняты только со многими исключеніями Почему, сравненіе Уложенія съ современными законодательствами западной Европы въ томъ видѣ, какъ это сравненіе сдѣлано, могло быть совершенно опущено, и сочиненіе, отъ того нисколько бы не потерпѣло.

Чтобъ показать неудовлетворительность изслѣдованія Г. Линовскаго особенно въ томъ отношеніи, что оно не объясняетъ намъ Уложенія посредствомъ тщательнаго сравненія постановленій этого законодательнаго памятника между собою и съ законами предшествовавшихъ временъ, мы разсмотримъ, слѣдуя порядку самаго сочиненія, нѣкоторыя мѣста изъ него, при чемъ укажемъ и другіе, хотя не столь важные, недостатки его.

Стр. I. «Уложеніе со всею возможною полнотою излагаетъ сущность запрещенныхъ дѣйствій и со всею подробностію опредѣляетъ наказанія, установленныя за дѣйствія, признанныя нарушающими общественный порядокъ.

Уложеніе въ полномъ смыслѣ уголовный кодексъ, въ которомъ какъ значеніе преступленія, такъ и наказаніе получаютъ опредѣленность, а обычай и судебная практика теряютъ силу самостоятельнаго источника юрисдикціи. Чрезвычайныя же наказанія, которыхъ назначеніе зависѣло отъ усмотрѣнія судьи, уступаютъ мѣсто догмѣ закона.» Мысли, здѣсь выраженныя, какъ будетъ показано ниже при дальнѣйшемъ разборѣ, подлежатъ большимъ ограниченіямъ

Стр. III. Поименованы сочиненія, служащія къ объясненію Уложенія, и особенно уголовныхъ его началъ. Здѣсь опущено одно изъ самыхъ важныхъ, приведенное нами уже прежде сочиненіе Рейца. Слѣдовало бы также упомянуть *Рѣчь* профессора Нѣжинскаго Лицея *Максимовича о развитіи идеи преступленія, по смыслу памятниковъ Русскаго законодательства* (отпечат. подъ заглавіемъ: Рѣчь и историческая записка, написанныя для прочтенія въ торжественномъ собраніи Лицея Князя Безбородко и Нѣжинской Гимназіи, бывшемъ 1845 года Іюля въ 29-й день. Кіевъ, 1845. 8.)

Стр. 1 3. Излагается раздѣленіе преступленій, извѣстныхъ Уложенію. Здѣсь стр. 2 говорится: «Хотя въ самомъ текстѣ закона нѣтъ опредѣленія преступленія но въ заглавіяхъ мы встрѣчаемъ уже наименованія запрещенныхъ дѣяній; а распредѣленіе предметовъ по главамъ служитъ несомнѣннымъ доказательствомъ, что составители Уложенія умѣли отличать различные виды преступленій.» Послѣ сего, исчисливши виды преступленій, принимаемыхъ Уложеніемъ, авторъ выводитъ заключеніе

(стр. 3), что «независимо отъ прежняго древняго Русскаго дѣленія преступленій по подсудности, Уложеніе усвоило себѣ новое дѣленіе на *Государственныя* и *частныя*.» Конечно, въ текстѣ Уложенія мы не находимъ опредѣленія преступленію; но изслѣдованіе уголовныхъ началъ Уложенія должно было отыскать это опредѣленіе посредствомъ сличенія частныхъ постановленій. Съ помощію такаго разысканія рѣшился бы самъ собою вопросъ, извѣстно ли уже Уложенію различіе между преступленіями уголовными и преступленіями всякаго другаго рода. Составители Уложенія, конечно, умѣли отличать различные виды преступленій; но преимущество Уложенія предъ законами прежняго времени заключается не въ этомъ, а въ подробнѣйшемъ исчисленіи преступленій и точнѣйшемъ означеніи существа ихъ. Впрочемъ въ Уложеніи нѣтъ раздѣленія преступленій на Государственныя и частныя, и вообще нѣтъ какого либо систематическаго ихъ раздѣленія. Почему нельзя признать справедливыми и слѣдующихъ словъ автора (стр. 3): «Уложеніе понимаетъ, что не всѣ запрещенныя дѣянія приносятъ одинаковый вредъ, и въ каждомъ отдѣлѣ принятаго имъ раздѣленія, оно разсматриваетъ во-первыхъ: преступленія, которыя уничтожаютъ права общественнаго союза или частныхъ лицъ; во-вторыхъ преступленія, которыя потрясаютъ права общественныя или частныя, и въ-третьихъ тѣ дѣйствія, которыя не уничтожаютъ и не потрясаютъ правъ, но только нарушаютъ средства, придуманныя обществомъ для обезпеченія всякому лицу пользованія предоставленными ему правами.» Наконецъ,

исчисляя преступленія, упоминаемыя Уложеніемъ, слѣдовало бы замѣтить, что Уложеніе вообще не говоритъ о преступленіяхъ, подлежавшихъ суду церковному. Это одно замѣчаніе можетъ убѣдить насъ, что не всѣ преступленія были опредѣлены Уложеніемъ, и что даже многія еще не были опредѣлены имъ.

Стр. 4. «Уложеніе не довольствуется тѣмъ, что нашло; оно дѣлаетъ значительный шагъ впередъ въ изслѣдованіи умысла въ дѣйствіяхъ противузаконныхъ.» Самъ авторъ принимаетъ, что уже въ законахъ до Уложенія на умыслъ было обращено вниманіе. И такъ, онъ долженъ былъ точнѣе показать, чѣмъ по отношенію къ настоящему предмету Уложеніе отличается отъ предшествовавшаго законодательства.

Стр. 5 разсуждается о преступленіи въ отношеніи къ дѣйствію внѣшнему. Здѣсь совсѣмъ не показано, въ какой мѣрѣ уже законы прежняго времени обращали вниманіе на замыслъ и покушеніе совершить преступное дѣйствіе, и обращается ли въ Уложеніи вниманіе на то и другое, кромѣ случаевъ, именно указанныхъ авторомъ.

Стр. 7 говорится о случаяхъ, когда лица, знавшія о умышляемомъ или уже содѣянномъ преступленіи, обязаны были доводить о томъ до свѣдѣнія Правительства. Этотъ предметъ авторомъ не исчерпанъ, какъ и вообще вопросъ о участіи въ преступленіи требуетъ точнѣйшаго изслѣдованія.

Стр. 9 — 12 о преступленіяхъ противъ вѣры. Здѣсь стр. 9 — 11 сообщаются историческія извѣстія объ этомъ родѣ преступленій съ излишнею подробностію. Между

тѣмъ опущенъ изъ вида вопросъ, почему изъ всѣхъ памятниковъ мірскаго законодательства Уложеніе въ первый разъ начинаетъ говорить объ нихъ, и говоритъ на первомъ мѣстѣ. О статьѣ 24-й, главы 22-й Уложенія, авторъ говоритъ, что «вѣрно поводомъ къ этой статьѣ были частые отступленія отъ православія въ Казани, новокрещенцовъ, которые оставаясь жить съ Татарами, не только что не исполняли обязанностей христіанскихъ, но даже не крестили новорожденныхъ; для отклоненія сего, новокрещенныхъ велѣно отнять отъ Татаръ.» Предположеніе — слишкомъ ограниченное. Магометанъ было множество и въ другихъ частяхъ восточной Россіи.

Стр. 12—16 сообщается много излишнихъ историческихъ извѣстій о преступленіяхъ Государственныхъ. Но понятіе измѣны по смыслу Уложенія не объяснено и не выведено исторически.

Стр. 25—27 излагаются общія обязанности служащихъ, именно — предлагаются историческія объ этомъ предметѣ извѣстія. Стр. 27—31 такія же извѣстія въ особенности о лихоимствѣ. Все это во многихъ отношеніяхъ излишне; кромѣ того нѣкоторыя извѣстія невѣрны или неточны.

Стр. 35—40 о преступленіяхъ и проступкахъ лицъ, призванныхъ въ военной службѣ. Здѣсь помѣщены съ ненужною подробностію извѣстія о прежнемъ порядкѣ воинской службы и совсѣмъ не указаны уголовные законы или обычаи прежняго времени.

Стр. 41—44 о дѣланіи фальшивой монеты. Много излишнихъ историческихъ подробностей объ этомъ предметѣ.

Стр. 44 — 45 о корчемствѣ. Историческія извѣстія неточны и не связаны съ законодательствомъ Уложенія.

Стр. 46 — 48 о нарушеніи правилъ, постановленныхъ о путяхъ сообщенія, с. 48 — 49 о пристанодержательствѣ; с. 49 — 50 о ябедѣ; с. 50 — 51 о ложныхъ показаніяхъ обыскныхъ людей. Законы прежняго времени здѣсь совсѣмъ оставлены безъ вниманія. Сверхъ того по отношенію къ ябедѣ опущена 192-я статья 10-й главы Уложенія.

Стр. 51 — 53 о бродяжничествѣ и укрывательствѣ бѣглыхъ. Духъ узаконеній объ этомъ предметѣ не объясненъ.

Стр 53 о преступленіяхъ противу общественной нравственности. Надлежало бы означить причину, почему такъ мало говорится въ Уложеніи объ этомъ родѣ преступленій. Она, какъ извѣстно, заключается въ томъ, что преступленія плотской нечистоты были подсудны церковной власти.

Стр. 54 — 56 о преступленіяхъ и проступкахъ противу законовъ о состояніяхъ. Историческія извѣстія не имѣютъ надлежащей точности; духъ законовъ не объясненъ какъ слѣдуетъ.

Стр. 56 — 60 о смертоубійствѣ. Отношеніе Уложенія къ законамъ прежняго времени не развито; въ особенности не показано, почему въ Уложеніи убійство родственниковъ отличается отъ убійства вообще, хотя за умышленное убійство всякаго рода, также какъ и за убійство родственниковъ, назначается смертная казнь.

Стр. 60 — 69 о нанесеніи увѣчья, ранъ и другихъ поврежденій здоровью и обиды. Историческія извѣстія

слишкомъ подробны; Уложеніе недостаточно объяснено; понятіе безчестія не опредѣлено съ точностію; несправедливо принимается, что только съ Уложеніемъ безчестіе распространено на обиду словомъ.

Стр. 69 — 70 о клеветѣ. Законодательство прежняго времени, изложенное въ мірскихъ узаконеніяхъ, совсѣмъ не показано.

Стр. 72 о преступленіяхъ противу правъ семейства. Объ этомъ родѣ преступленій должно сдѣлать тоже замѣчаніе, какое уже сдѣлано о преступленіяхъ противу общественной нравственности.

Стр. 72 — 77 о разбоѣ. Историческія извѣстія чрезвычайно подробны. Сверхъ того они значительною частію выписаны отъ слова до слова изъ статьи Г. Калачова *объ уголовномъ правѣ по Судебнику Царя Іоанна Васильевича*, помѣщенной въ *Юридическихъ запискахъ Рѣдкина*, т. II. М. 1842. 8. с. 322 и 374 — 376.

Стр 78 — 81 о татьбѣ. По отношенію къ этому предмету должно замѣтить тоже, что замѣчено по отношенію къ предыдущему. Ср. *Юридич. записки Рѣдкина*, т. II. с. 323. Сверхъ того, неправильно утверждаетъ авторъ, что татьбою съ поличнымъ назывался тотъ особый видъ воровства, когда преступникъ похищалъ чужую собственность, находившуюся подъ замкомъ.

Стр. 81 — 85 о насильственномъ завладѣніи, истребленіи и поврежденіи чужаго имущества; с. 85 о зажигательствѣ; с. 85 — 86 о преступленіяхъ и проступкахъ по договорамъ и обязательствамъ. Законы Русскіе прежняго времени не означены.

Стр. 87—89. Историческія извѣстія о наказаніи вообще изложены отчасти словами вышеприведенной статьи Г. Калачова. См. *Юрид. записки Рѣдкина*, т. II. с. 325 — 328. Сверхъ-того, какъ намъ кажется, не совершенно правильно говоритъ Г. Линовскій: «Полная система наказаній является въ Уложеніи; обнявши почти всѣ роды преступленій, Уложеніе связало всѣ прежнія разнородныя начала въ одно, выразило характеръ и цѣль наказаній, и не отступая отъ принятыхъ основаній, выдерживаетъ до конца въ систематическомъ порядкѣ. Замѣтно, что при составленіи нашего знаменитаго Уложенія, въ Россіи начинали имѣть ясное понятіе о юридическихъ отношеніяхъ, и о томъ, что въ законѣ эти отношенія должны быть ясно и точно опредѣлены. Уложеніе стремилось къ распространенію убѣжденія, что только то должно быть закономъ, что именно опредѣлено постановленіями. Вообще въ сферѣ частнаго права, постоянно являются нѣкоторыя отношенія, существующія въ жизни народной, хотя онѣ не опредѣлены положительнымъ закономъ; но въ уголовныхъ законахъ можно только почитать наказаніемъ и преступленіемъ то, что явственно положительнымъ закономъ признано наказаніемъ и преступленіемъ. Для достиженія своей цѣли, дать каждому гражданину полную инструкцію его юридической дѣятельности, Уложеніе пополнило свое содержаніе постановленіями изъ Литовскаго Статута, чтобы какъ можно побольше заключить случаевъ, изъ которыхъ можно бы каждому подданному имѣть точнѣйшее понятіе объ его обязанностяхъ какъ къ правительству, такъ и

къ другимъ сочленамъ общества. Видно, что эти два юридическія начала: nulla poena sine crimine и nullum crimen sine poena legali, получали права гражданства въ Русскомъ правѣ.» Подобно этому авторъ на стран. 91 излагаетъ слѣдующія мысли: «Другое важное достоинство Уложенія есть то, что заключивъ въ себѣ множество новыхъ случаевъ, на которые не было прямаго постановленія въ древнихъ законахъ, оно опредѣлило всюду точныя наказанія за преступленія и тѣмъ значительно уменьшило число такъ называемыхъ чрезвычайныхъ накаканій, poena extraordinaria, которыя были въ большемъ употребленіи во всѣхъ законодательствахъ въ средніе вѣка. Недостатокъ полноты первоначальныхъ постановленій былъ причиною, что судья въ примѣненіи закона, сообразуясь съ нѣкоторыми общими правилами, опредѣлялъ наказанія на частные случаи, представляемые его разсмотрѣнію. Чрезвычайныя наказанія принесли великую пользу положительнымъ законамъ: ибо законодатель, опредѣляющій наказаніе на частный случай, можетъ только имѣть въ виду нѣкоторыя обстоятельства, а никогда не можетъ предвидѣть всѣхъ измѣненій, проявляющихся въ жизни общественной. Однако въ подобномъ случаѣ, законодатель перестаетъ быть законодателемъ, уголовное уложеніе — уложеніемъ; ихъ мѣсто занимаетъ судья, который съ личнымъ мнѣніемъ своимъ становится выше закона. Не трудно понять, какой при такомъ устройствѣ дѣлъ легкій прыжекъ къ злоупотребленіямъ и къ насилію! Всякій произволъ судьи ограниченъ въ Уложеніи.» Какъ мы не согласны съ авторомъ

въ томъ, будто въ Уложеніи со всею возможною полнотою означена сущность запрещенныхъ дѣйствій и значеніе преступленія получило въ немъ опредѣленность (ср. въ сочиненіи Г. Линовскаго с. I), такъ мы не можемъ согласиться и въ томъ, будто Уложеніе повсюду опредѣлило точныя наказанія. Конечно, въ Уложеніи наказанія означены гораздо опредѣлительнѣе, чѣмъ въ законахъ прошедшаго времени; но далеко они не были опредѣлены со всею подробностію, далеко наказаніе не получило полной опредѣленности. Невозможность искать въ Уложеніи совершенной опредѣленности наказаній уже видна изъ того, что оно совсѣмъ не излагаетъ общихъ понятій ни о родахъ, степеняхъ и послѣдствіяхъ наказаній, ни о опредѣленіи наказаній по преступленіямъ, ни о смягченіи и отмѣнѣ наказаній (ср. Улож. о наказаніяхъ уголовныхъ и исправительныхъ, 1845 Авг. 15, ст. 18—172). Но кромѣ того, способъ совершенія наказаній оставленъ безъ всякаго опредѣленія. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ самый видъ наказанія не опредѣленъ, а предоставленъ усмотрѣнію Государя, или лучше, властей, дѣйствующихъ Его именемъ (см. въ соч. Г. Линовскаго с. 92). Сверхъ наказаній, которыя опредѣлялись по назначенію Государя, въ Уложеніи встрѣчаются, хотя немногіе, случаи, въ которыхъ наказаніе, не бывъ постановлено закономъ, должно было опредѣляться смотря по винѣ (ср. въ соч. Г. Линовскаго с. 92). Мѣра наказанія кнутомъ, батогами, тюремнымъ заключеніемъ по большей части не опредѣлена въ Уложеніи (см. въ соч. Г. Линовскаго с. 101 — 102 и 105).

Стр. 89. «Первою и безъ сомнѣнія главною цѣлію

наказанія по Уложенію, было поддержаніе божественнаго порядка въ обществѣ, посредствомъ подчиненія своевольной личности подъ власть Всесильнаго Могущества, управляющаго міромъ. Наказаніе имѣло цѣлію поддержать существующія юридическія отношенія и уничтожить совершившееся противузаконіе и явилось какъ источникъ справедливости, какъ сила установляющая и уравновѣшивающая внѣшнія юридическія отношенія въ обществѣ; словомъ, наказаніе обезпечило владычество справедливости.» Безъ сомнѣнія, Уложеніе имѣло въ виду высшую и главную цѣль наказанія, о которой говоритъ здѣсь авторъ; но она въ Уложеніи не высказана. Напротивъ, единственно выраженныя въ немъ цѣли наказанія суть: *чтобы на то смотря инымъ неповадно было такъ дѣлать*; или: *чтобы ему* (виновному) *и инымъ неповадно было* (см. въ соч. Г. Линовскаго с. 89 — 91).

Стр. 93 — 97. Историческія извѣстія о смертной казни выписаны по большей части изъ вышеприведеннаго сочиненія *Г. Калачова*. См. *Юридическія записки Рѣдкина*, т. II. с. 330 — 334.

Стр. 97 — 98. Тоже должно сказать объ историческихъ извѣстіяхъ, здѣсь сообщаемыхъ, относительно членовредительныхъ наказаній. См. *Юрид. записки Рѣдкина*, т. II. с. 335 — 336. На стран. 98 Г. Линовскій говоритъ: «Вводя членовредительныя наказанія, Уложеніе не столько имѣло въ виду прежній обычай, сколько подражало Градскимъ законамъ, а преимущественно Литовскому Статуту, въ которыхъ этотъ родъ наказанія существовалъ; съ тою только разностью, что смягчая

строгость Литовскихъ наказаній, Уложеніе часто опредѣляло отсѣченіе руки вмѣсто опредѣленной тамъ смертной казни.» Едва ли можно согласиться съ авторомъ, что вводя членовредительныя наказанія, Уложеніе не столько имѣло въ виду прежній обычай, сколько подражало Градскимъ законамъ, а преимущественно Литовскому Статуту. Разсмотрѣвши всѣ случаи, въ которыхъ по Уложенію наказаніе опредѣляется на основаніи начала матеріальнаго возмездія, мы убѣдимся, можетъ быть, въ противномъ.

Стр. 101. Историческія извѣстія о наказаніи кнутомъ взяты изъ *Калачова*. См. *Юрид. записки Рѣдкина*, т. II. с. 337.

Стр. 101 — 102 о наказаніи батогами. См. *Калачова* въ *Юрид. запискахъ Рѣдкина*, т. II, с. 338.

Стр. 103 о ссылкѣ; с. 104 о тюремномъ заключеніи Ср. *Калачова* въ *Юрид. запискахъ Рѣдкина*, т. II. стр. 339 — 343.

Стр. 106 о денежныхъ наказаніяхъ. Ср. *Калачова*, въ *Юрид. запискахъ Рѣдкина*, т. II. с. 350 — 352. На стран. 107 Г. Линовскій говоритъ: «Денежныя наказанія существовали только въ видѣ вознагражденія за убытки и ущербы, нанесенные частному имуществу и за оскорбленіе чести.» Мысль, здѣсь изложенная, требовала бы точнѣйшаго развитія. Это развитіе показало бы намъ, какъ постановленія Уложенія, назначая повсюду вознагражденіе частному лицу за обиду, тѣсно связываются съ началами древняго Русскаго права.

Стр. 108 — 109 о лишеніи чести; с. 110 объ отрѣшеніи отъ должности. Ср. *Калачова* въ *Юрид. запискахъ Рѣдкина*, т. II. с. 328 — 329; 344 — 345; 347 — 348.

Стр. 111. «Возмездіе, встрѣчаемое въ Уложеніи, было формальное» и проч. Ср. *Калачова* въ *Юрид запискахъ Рѣдкина*, т. II. ст. 327. 358—359. Здѣсь оканчиваются выписки или заимствованія Г. Линовскаго изъ Калачова. На нѣкоторыя изъ своихъ заимствованій указалъ самъ авторъ въ своемъ сочиненіи, однако же далеко не на всѣ, и не съ довольною точностію.

Стр. 112. «Въ Уложеніи остались весьма слабые слѣды физическаго или матеріальнаго возмездія; въ немъ основаніемъ соразмѣрности между наказаніемъ и преступленіемъ, служило формальное или юридическое возмездіе.» Намъ кажется, что въ Уложеніи можно найти довольно слѣдовъ противнаго.

Стр. 113—114 о наказанности субъективной. Предметъ не вполнѣ изслѣдованъ.

Стр. 115 — 126 о судопроизводствѣ. Если авторъ рѣшился подвергнуть своему изслѣдованію и судопроизводство, принимаемое или установляемое Уложеніемъ для дѣлъ о преступленіяхъ и проступкахъ; то онъ обязанъ былъ исполнить это съ гораздо большею основательностію, чѣмъ съ какою онъ выполнилъ это дѣйствительно. По крайней мѣрѣ надлежало со всею точностію означить отличительныя черты особеннаго судопроизводства, существовавшаго по нѣкоторымъ уголовнымъ дѣламъ, и связь его съ общимъ судопроизводствомъ.

Въ слогѣ автора встрѣчаются мѣстами неправильности. Напр. с. 17. «*Сравнивая* Уложеніе съ постановленіями прежними, *видно*, что названія государственныхъ преступленій остались почти тѣ-же.» — Образъ выраженія иногда высокопаренъ и неточенъ, особенно если авторъ пускается въ общія разсужденія. См. с. 1. 4. 6. 7. и проч.

На основаніи всего вышеизложеннаго полагая, что уголовныя начала Уложенія не изслѣдованы Г. Линовскимъ какъ должно, я не думаю, что бъ сочиненіе его могло быть удостоено Демидовской (денежной) преміи; но оно, за тщательное и совѣстливое изложеніе содержанія Уложенія въ отношеніи къ уголовному праву и за обстоятельное указаніе источниковъ уголовныхъ постановленій Уложенія, заслуживаетъ по всей справедливости почетнаго отзыва.

Ординарный Профессоръ С.-Петербургскаго Университета

Константинъ Неволинъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стр.

Общій Отчетъ о семнадцатомъ присужденіи Демидовскихъ наградъ, составленный Непремѣннымъ Секретаремъ и читанный 15 Мая 1848 года 1

Разборъ сочиненія Г. Нервандера, Профессора при Александровскомъ Университетѣ въ Гельсингфорсѣ, подъ заглавіемъ: Observations faites à l'Observatoire magnétique et météorologique de Helsingfors; составл. Академикомъ *Купферомъ* 37

Разборъ сочиненія Игнатія Коссовича, подъ заглавіемъ: Греческо-Русскій Словарь. Рецензія Академика *Грефе* 51

Разборъ сочиненія Г-на Сомова, Экстраординарнаго Профессора при С.-Петербургскомъ Университетѣ, подъ заглавіемъ: Аналитическая теорія волнообразнаго движенія эфира. Рецензія Академика *Остроградскаго* 61

Разборъ сочиненія Павла Савельева, подъ заглавіемъ: Мухаммеданская Нумизматика въ отношеніи къ Русской Исторіи. Рецензія Академиковъ *Устрялова* и *Дорна* 77

Разборъ сочиненія Г-на Базинера, подъ заглавіемъ: Naturwissenschaftliche Reise durch die Kirgisensteppe im Jahre 1842. Рецензія Академиковъ *Мейера* и *Гельмерсена* 85

Разборъ сочиненія Г-на Билярскаго, подъ заглавіемъ: Судьбы церковнаго языка: I. О среднеболгарскомъ вокализмѣ, по патріаршему списку лѣтописи Манассіи; II. О Кириловской части Рейнскаго Евангелія. Рецензія Академика *Востокова* 101

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стран.

ОБЩІЙ ОТЧЕТЪ о восемнадцатомъ присужденіи Демидовскихъ наградъ, составленный Непремѣннымъ Секретаремъ Императорской Академіи Наукъ, и читанный въ публичномъ Собраніи оной 21 Мая 1849 года 1

Разборъ сочиненія Г. *Чебышева*, Адъюнкта С. Петербургскаго Университета, подъ заглавіемъ: ТЕОРІЯ СРАВНЕНІЙ; составленный Гг. Академиками: *Фусомъ* и *Буняковскимъ*..... 47

Разборъ сочиненія ПѢШЕХОДНАЯ ОПИСЬ ЧАСТИ РУССКИХЪ ВЛАДѢНІЙ ВЪ АМЕРИКѢ, произведенная Лейтенантомъ *А. Загоскинымъ*; составленный Академикомъ *Миддендорфомъ* 57

Разборъ сочиненія Полковника *Гофманна*, подъ заглавіемъ: REISE NACH DEN GOLDWAESCHEN OSTSIBIRIENS; составленный Г. Академикомъ *Гельмерсеномъ* 73

Разборъ сочиненія Г. *Менетріе*, подъ заглавіемъ: CATALOGUE DES INSECTES RECUEILLIS PAR FEU M. LEHMANN; составленный Гг. Академиками: *Брандтомъ* и *Миддендорфомъ* 83

Разборъ сочиненія *О. Іакинва*, подъ заглавіемъ: СОБРАНІЕ СВѢДѢНІЙ О НАРОДАХЪ, ОБИТАВШИХЪ ВЪ СРЕДНЕЙ АЗІИ ВЪ ДРЕВНІЯ ВРЕМЕНА; составленный Профессоромъ *Ковалевскимъ* 91

Разборъ сочиненія Г-на *Попова*, Профессора Казанскаго Университета, подъ заглавіемъ: ГРАММАТИКА КАЛМЫЦКАГО ЯЗЫКА; составленный Профессоромъ *Ковалевскимъ* 103

Разборъ сочиненія Профессора *Заблоцкаго*, подъ заглавіемъ: УЧЕНІЕ О БОЛѢЗНЯХЪ ЯИЧКА, СѢМЕННАГО КАНАТИКА И МОШОНКИ; (съ атласомъ); составленный Г. Академикомъ *Дубовицкимъ* 119

Стран.

Разборъ сочиненія Г. Редактора (Одесскаго) Главнаго Статистическаго Комитета Статс. Совѣтн. *А. А. Скалковскаго*, подъ заглавіемъ: ОПЫТЪ СТАТИСТИЧЕСКАГО ОПИСАНІЯ НОВОРОССІЙСКАГО КРАЯ, (рукопись и карта): составленъ Г. Академикомъ *Кеппеномъ* 179

Разборъ сочиненія *П. Хавскаго*, Дѣйствительнаго Члена Императорскаго Московскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ, подъ заглавіемъ: ХРОНОЛОГИЧЕСКІЯ ТАБЛИЦЫ, въ трехъ книгахъ; составленъ Академикомъ *Я. Бередниковымъ* 199

Мнѣнія Рецензентовъ о прочихъ Демидовскихъ сочиненіяхъ, удостоенныхъ отъ Императорской Академіи Наукъ почетныхъ отзывовъ, по Конкурсу за 1848 годъ 211

Разборъ сочиненія *П. Перевлѣсскаго*, подъ заглавіемъ: НАЧЕРТАНІЕ РУССКАГО СИНТАКСИСА, Москва, 1842 г. изд. 2; составленъ Ординарн. Академикомъ *Ив. Давыдовымъ* 213

Разборъ сочиненія Медико-Хирурга *Пушкарева*, подъ заглавіемъ: О ДУШЕВНЫХЪ БОЛѢЗНЯХЪ ВЪ СУДЕБНО-МЕДИЦИНСКОМЪ ОТНОШЕНІИ, С.-П-бургъ 1848 года; составленъ Ординарн. Профессор. Императорской Медико-Хирургической Академіи Г. Профессоромъ *П. Заблоцкимъ* 225

Разборъ сочиненія *Антона Ашика*, подъ заглавіемъ: ВОСПОРСКОЕ ЦАРСТВО СЪ ЕГО ПАЛЕОГРАФИЧЕСКИМИ И НАДГРОБНЫМИ ПАМЯТНИКАМИ (3 части, Одесса. 1848 г. въ 4-ю *д. л.*); составленъ Г. Докторомъ *Эдуардомъ Муральтомъ* 247

Разборъ сочиненія *А. Петрова*, подъ заглавіемъ: УКАЗАТЕЛИ и РУКОВОДСТВО КЪ ПАСХАЛІИ; составленъ Академикомъ *Я. Бередниковымъ* 267

Донесеніе Гг. Академиковъ *Б. Якоби* и *Х. Петерса*: о РУЧНОМЪ ПЛАНИМЕТРѢ, *Ермакова* 273

ОБЩІЙ ОТЧЕТЪ

О

ВОСЕМНАДЦАТОМЪ ПРИСУЖДЕНІИ

ДЕМИДОВСКИХЪ НАГРАДЪ

составленный

НЕПРЕМѢННЫМЪ СЕКРЕТАРЕМЪ

ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ

и читанный

ВЪ ПУБЛИЧНОМЪ СОБРАНІИ СЕЙ АКАДЕМІИ

21-го Мая 1849 года.

Къ сроку закрытія восемнадцатаго Конкурса, 1 Ноября 1848 года, поступило въ Академію, отъ авторовъ, 25 соискательныхъ сочиненій, изъ коихъ два, вскорѣ за тѣмъ, истребованы обратно сочинителями, первое, по причинѣ элементарности предмета, конечно дающей Автору мало надежды на успѣхъ, второе, рукопись, для дальнѣйшей тщательной переработки. Въ замѣнъ того, до присужденія, представлены были Академиками, безъ просьбы и вѣдома сочинителей, къ удостоенію преміями, три книги, такъ что весь конкурсъ составился изъ 26 номеровъ; въ томъ числѣ:

По Исторіи, Археологіи и Хронологіи		7
По Математическимъ и военнымъ наукамъ		5
Путешествій		3
По Физикѣ и Химіи	по два, итого	10
По Статистикѣ и Этнографіи		
По Естественнымъ наукамъ		
По Медицинѣ		
По Филологіи		
Наконецъ учебникъ		1
	Всего	26

Изъ нихъ:

На Русскомъ языкѣ, печатныхъ книгъ 19, рукописей 2.
На иностранныхъ языкахъ, печатныхъ книгъ..... 5.

Въ самой Академіи разсмотрѣно 20 сочиненій, остальныя 6 посторонними лицами, по выбору и приглашенію Академіи.

Къ присужденію полныхъ премій Академія на сей разъ не нашла побудительныхъ причинъ, изъ 17-ти же удостоенныхъ Рецензентами сочиненій, девять могли быть увѣнчаны второстепенными преміями. О содержаніи и достоинствѣ ихъ мы, по примѣру прежнихъ лѣтъ, представимъ въ отчетѣ нашемъ краткій обзоръ, руководствуясь подлинными рецензіями.

I.

Теорія сравненій, Адъюнктъ-Профессора С.-Петербургскаго Университета Чебышева. С. П. Б. 1849 г. 8. *Рецензія Академиковъ Фуса и Буняковскаго.*

Теорія чиселъ, эта важная отрасль чистаго математическаго анализа, очень недавно сдѣлалась у насъ предметомъ, до нѣкоторой степени обязательнымъ, при высшемъ математическомъ образованіи. Не останавливаясь на вопросѣ о значеніи этой науки въ ряду знаній положительныхъ, укажемъ только, въ короткихъ словахъ, на пользу, которую она приноситъ. Для этого достаточно бы было исчислить многоразличныя ея приложенія къ высшей Алгебрѣ и къ Интегральному исчи-

сленію. Но кромѣ того, Теорія чиселъ имѣетъ другое, неоспоримое достоинство: она въ высшей степени способствуетъ развитію привычки не довѣрять поверхностнымъ взглядамъ, а подвергать каждый предметъ обстоятельному, полному разбору. Тонкія, иногда глубокомысленныя умозаключенія, встрѣчающіяся въ ней, изощряютъ способность мышленія и въ этомъ отношеніи, по мнѣнію Рецензентовъ, приносятъ высшему образованію такую же пользу, какую, согласно съ свидѣтельствомъ всѣхъ Педагоговъ, можно ожидать отъ Геометріи для средняго образованія. Въ такомъ убѣжденіи С. Петербургскій и Казанскій Университеты, два года тому назадъ, ввели ее въ число факультетскихъ предметовъ.

Недостатокъ книгъ о Теоріи чиселъ на Русскомъ языкѣ конечно отчасти замедлилъ у насъ ея изученіе. Кромѣ немногихъ Академическихъ записокъ и отдѣльныхъ статей объ этой теоріи, помѣщенныхъ въ нѣкоторыхъ курсахъ Алгебры, мы до сихъ поръ ничего не имѣли о ней, сколько нибудь полнаго, даже въ переводѣ. И такъ, появленіе оригинальнаго сочиненія по предмету Трансцендентной Ариѳметики конечно обратитъ на себя вниманіе отечественныхъ математиковъ.

Книга Г. Чебышева составляетъ отдѣльное цѣлое, именно общую, наиболѣе важную часть ученія о числахъ.

Въ самомъ дѣлѣ, теорія сравненій служитъ основаніемъ всѣхъ изысканій входящихъ въ высшую Ариѳметику; въ нѣкоторомъ смыслѣ она есть умозрительная

ея часть, а Діофантовъ анализъ, только приложеніе ея законовъ къ рѣшенію практическихъ вопросовъ. Нельзя не обратить особеннаго вниманія на искусство, съ которымъ авторъ расположилъ и подвелъ подъ общія начала всѣ изслѣдованія и доказательства, относящіяся къ Теоріи сравненій. Ученые, спеціально занимающіеся этимъ предметомъ, очень хорошо знаютъ, какъ трудно привести въ систематическій порядокъ статьи, по видимому разнородныя, но которыя однакожъ, по зрѣломъ обсужденіи, должны войти въ изложеніе науки о числахъ. По нашему мнѣнію, одно составленіе обстоятельной, систематической программы по этой отрасли Математики, есть уже трудъ, вполнѣ заслуживающій благодарности.

Въ Предисловіи къ своему сочиненію Г. Чебышевъ, въ короткихъ словахъ, поставилъ на видъ главныя заслуги *Ферматa*, *Эйлера*, *Лагранжа*, *Лежандра* и *Гаусса*, по предмету Теоріи чиселъ. Тамъ же онъ старался оправдать систему изложенія, принятую имъ въ своей Теоріи сравненій, и, должно отдать справедливость автору, порядокъ, котораго онъ придерживался, очень естественной, и постепенность вездѣ соблюдена какъ нельзя строже. Легко убѣдиться въ этомъ пробѣжавъ подробное содержаніе параграфовъ, входящихъ въ составъ каждой главы. Не смотря на свою краткость, Предисловіе свидѣтельствуетъ, что Авторъ глубоко изучалъ труды математиковъ по предмету Трансцендентной Ариѳметики, и преимущественно изслѣдованія Эйлера.

Текстъ сочиненія заключаетъ въ себѣ полное изложеніе началъ науки о числахъ. При расположеніи статей авторъ слѣдовалъ въ той мѣрѣ, въ какой аналогія дозволяла, раздѣленіямъ и переходамъ отъ одного предмета къ другому, принятымъ въ опредѣленномъ Алгебраическомъ анализѣ. Такой порядокъ должно считать вполнѣ естественнымъ и удовлетворительнымъ, соображая, что *уравненія* опредѣленнаго Алгебраическаго анализа, въ Общей части Теоріи чиселъ замѣняются *сравненіями*, то есть *равенствами остатковъ*. Конечно, по самой сущности предмета, аналогія не могла быть поддержана во всѣхъ подробностяхъ, и тутъ предстоялъ автору трудъ систематическаго расположенія нѣкоторыхъ отдѣльныхъ предложеній, въ чемъ онъ имѣлъ полный успѣхъ. При естественности системы, сочиненіе Г. Чебышева имѣетъ и другія достоинства, относящіяся къ самому изложенію. Кромѣ ясности и строгости доказательствъ, истинно геометрическихъ, оно отличается простотою пріемовъ и единообразіемъ способовъ, а это самое значительно облегчитъ изученіе теоріи чиселъ, которая, по отвлеченности своей, многимъ казалась недоступною.

Изъ рецензіи Академія могла убѣдиться, что *Теорія сравненій* Г. Чебышева, по достоинству своему, служитъ къ дѣйствительному обогащенію отечественной математической литературы. Какъ первый самостоятельный трудъ на Русскомъ языкѣ о предметѣ, признанномъ весьма важнымъ всѣми математиками, онъ заслуживаетъ

особеннаго вниманія и одобренія, и безъ сомнѣнія былъ бы достойнымъ полной Демидовской преміи, еслибъ сочиненіе заключало въ себѣ Теорію чиселъ во всемъ ея объемѣ, именно *теорію сравненій* съ присовокупленіемъ *приложенія ея къ Діофантову анализу*. Весьма желательно, чтобы авторъ издалъ вторую часть Трансцендентной ариѳметики, и изложилъ ее съ такою же послѣдовательностію, простотою и изяществомъ какъ первую. Тогда бы мы имѣли полный трактатъ о Теоріи чиселъ, соотвѣтствующій современному состоянію науки.

II.

Пѣшеходная опись части Русскихъ владѣній въ Америкѣ, Загоскина, 2 части, С. П. Б. 1847 г.

Нынѣшній Демидовскій конкурсъ представляетъ намъ пріятное явленіе: три изъ удостоенныхъ сочиненій касаются Россіи, а именно мало еще извѣданныхъ наукою частей ея и суть плоды предпринятыхъ туда путешествій.

Первое изъ нихъ относится до самыхъ отдаленныхъ владѣній нашего отечества. Это есть:

«Пѣшеходная опись части Русскихъ владѣній въ Америкѣ, произведенная Лейтенантомъ А. Загоскинымъ.»

Адъютантъ Миддендорфъ, самъ столь хорошо знакомый съ природою глубокаго Сѣвера и съ трудностями странствія въ этомъ суровомъ царствѣ зимы, отзывается о подвигѣ Русскаго путешественника съ высокимъ уваженіемъ и говоритъ въ своемъ отчетѣ между прочимъ слѣдующее:

«Мысленно перебирая рядъ тѣхъ путешествій, которыя до сихъ поръ ознакомили насъ со внутренностью лежащихъ къ сѣверу отъ 60° широты странъ Американскаго материка, мы находимъ, что вопреки особенному пристрастію Британцевъ къ изслѣдованію полярнаго рубежа Сѣверной Америки, можно отличить только немногихъ путешественниковъ, и что даже и эти немногіе успѣли привезти намъ оттуда только довольно скудную добычу для науки.

«Почти можно было бы увлечься догадкою, что это была стихія, которая отвлекала Англичанъ отъ тверди и все снова приводила ихъ къ тамошнимъ морямъ, не смотря на то, что опытъ безъ малаго трехъ вѣковъ достаточно доказалъ, что эти моря глубокаго Сѣвера, о которыхъ здѣсь идетъ рѣчь, оградивъ себя отъ всякаго посягательства къ нарушенію вѣковѣчнаго ихъ покоя, заточили давнишнюю мысль объ отысканіи сѣверозападнаго прохода въ область географическихъ грезъ. Но мы очень ошиблись бы, если бъ вздумали приписывать скудость литературы о внутренности самаго отдаленнаго Сѣвера Америки одной лишь выше означенной причинѣ. Не только Новая Голландія но еще болѣе Средняя Азія противорѣчатъ предположенію, будто бы у рожденнаго моремъ Титана нашихъ временъ слабѣютъ силы, по мѣрѣ его удаленія отъ этой стихіи.

Скорѣе мы попадемъ на настоящій слѣдъ, если сравнимъ между собою всѣмъ извѣстныя дивныя сухопутныя странствованія въ сѣверной Америкѣ Макензія, Фран-

клина и младшаго Симпсона съ морскими путешествіями Британцевъ въ арктическихъ и антарктическихъ водахъ. Здѣсь, какъ само собою разумѣется, не можетъ идти рѣчь о богатствѣ природы въ тропическихъ поясахъ, породившемъ тѣ могучіе фоліанты описаній морскихъ путешествій нашего вѣка, которые составляютъ ужасъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и гордость нашихъ библіотекъ. Море въ полярныхъ странахъ есть самое бѣдное поприще изслѣдованія, а за всѣмъ тѣмъ морскія полярныя путешествія гораздо болѣе обогатили науку, нежели соотвѣтствующія имъ сухопутныя, хотя послѣднимъ открыто было обширнѣйшее поле.

И такъ ни вода, ни суша, сами по себѣ разсматриваемыя, какъ предметъ наблюденія, не были причиною большаго или меньшаго успѣха путешествій, а именно тотъ морской и сухопутный трактъ, которымъ они слѣдовали, или другими словами самый образъ путешествія. Трудность странствованія, неудобство перевозки ежедневнаго скарба пищи и одежды, не говоря уже о другихъ тяжестяхъ, напримѣръ ученыхъ снарядахъ и коллекціяхъ, затрудняютъ путешествіе во внутренности глубокосѣверныхъ странъ въ такой мѣрѣ, и столько отнимаютъ времени, что мы, какъ уже выше сказано, знаемъ внутренность самаго дальняго сѣвера Америки только изъ самыхъ скудныхъ и неученыхъ свѣдѣній, хотя онъ во всѣхъ направленіяхъ былъ искрещенъ, да и теперь еще ежегодно разсѣкается промышленниками компаніи Гудсонова залива. Не малое число этихъ промы-

пленниковъ и чиновниковъ компаніи обладаютъ достаточнымъ образованіемъ для производства наблюденій и описанія, а за всѣмъ тѣмъ немногіе изъ нихъ, которые дѣйствительно занялись этимъ дѣломъ, какъ-то Баллантейнъ (въ его живыхъ, принятыхъ со всеобщимъ участіемъ очеркахъ) только тогда находили къ тому досугъ и охоту, когда дѣло шло о наиболѣе обитаемыхъ и уже обратившихся въ постоянныя осѣдлости частяхъ того края. Кочевая жизнь и письменность какъ-то не ладятъ между собою и занятый одною мыслью о настоящемъ, скиталецъ пустыни утрачиваетъ чувство заботы объ отдаленной будущности, а вмѣстѣ съ тѣмъ и самую возможность науки.

Вышесказанное да послужитъ намъ нѣкоторымъ масштабомъ при оцѣнкѣ предлежащаго описанія путешествія, знакомящаго насъ съ крайнимъ западомъ континентальнаго глубокаго сѣвера Америки, да предохранитъ оно насъ отъ несправедливости строже судить нашего единоземца, нежели мы сами и весь ученый свѣтъ, обсудили вышепоименованныхъ корифеевъ путешествій для открытія во внутренности Сѣверной Америки, и да покажетъ намъ, что познаніе географіи нашей Имперіи находилось бы на совсѣмъ другой степени, если бы ежегодно только одинъ изъ почти несчетнаго числа посылаемыхъ съ разными порученіями во внутренность и къ крайнимъ предѣламъ царства чиновниковъ съ такою же добросовѣстностью, какъ Г.

Загоскинъ, сообщалъ свѣту плоды безпристрастныхъ своихъ наблюденій.

Извѣстно, что Г. Загоскинъ по порученію Сѣверо-Американской компаніи былъ отправленъ съ Ситки моремъ къ редуту Св. Михаила (подъ $63^1/_2{}^0$ с. ш.) съ тѣмъ, чтобы географически и топографически снять бассейны рѣкъ Квикпака и Кускоквима, описать эти страны въ меркантильномъ отношеніи, указать самые удобные волоки, и въ особенности развѣдать путь, которымъ слѣдовала часть пушнаго товара сказанныхъ двухъ рѣчныхъ системъ къ рѣкѣ Букландъ и обширная торговля Чукчей, а наконецъ основать, буде нужно, новый торговый постъ близъ Коцебу-Зунда. Послѣ почти двухъ съ половиною годовъ странствія Г. Загоскинъ возвратился въ Ситку въ Сентябрѣ 1844 года.

Указавъ цѣль путешествія Г. Загоскина и бросивъ бѣглый взглядъ на то, что сдѣлано было до него другими Русскими путешественниками для изслѣдованія этого края, при чемъ онъ вмѣняетъ автору въ нѣкоторый упрекъ, что онъ только слегка коснулся заслугъ своихъ предшественниковъ, Г. Миддендорфъ продолжаетъ свою рецензію слѣдующими словами.

Отвлекаясь отъ формы, перейдемъ лучше къ тому, что Г. Загоскинъ къ своемъ трудѣ представляетъ намъ существеннаго, и здѣсь насъ радуетъ прежде всего то непритворное простодушное чувство, съ какимъ путешественникъ вникалъ во все, что являла ему природа того края. При помощи необходимыхъ познаній въ есте-

ственныхъ наукахъ онъ, обладая столь счастливымъ даромъ наблюдательности, конечно собралъ бы превосходный и полный матеріалъ для основательнаго знакомства съ посѣщенными имъ странами, потому что и въ томъ видѣ, въ которомъ намъ предлежитъ описаніе, оно чрезвычайно поучительно и мы должны благодарить путешественника за то, что онъ, на перекоръ всѣмъ трудностямъ перевозки, не преминулъ привезти съ собою необходимые для познанія тамошней природы образчики. При этомъ случаѣ Академія откровенно радуется тому вліянію, какое уже въ столь короткое время оказало, да и впередъ обѣщаетъ оказывать присутствіе въ Ситкѣ нашего Вознесенскаго, отъ котораго Г. Загоскинъ получилъ потребныя, относительно къ собиранію предметовъ, указанія.

Съ географической точки зрѣнія, экспедиціи поставлено было главною задачею произвесть астрономическую и топографическую съемку страны и Г. Загоскинъ удовлетворилъ этому требованію своею картою, основанною на опредѣленіи широты и долготы 40, по большей части расположенныхъ по Квикпаку и Кускоквиму, пунктовъ. Мы обязаны ему повѣркою югозападнаго берега залива Нортонъ и низоваго теченія Квикпака. Среднее теченіе Кускоквима и прежде уже снятая Колмаковымъ рѣка Юн-о-ка были имъ почти совершенно снова описаны, а сверхъ того онъ впервые ознакомилъ насъ съ Квикпакомъ поверхъ впаденія въ него Анвига, съ большею частію теченія Юн-о-ки и Сунны и съ во-

локомъ отъ первой изъ этихъ двухъ рѣкъ къ рѣкѣ Буклаидъ.

Всѣ эти мѣстности не могли довольно рано быть изслѣдованы въ отношеніи къ ихъ населенію, потому что мы усматриваемъ изъ нашего путешествія, какъ быстро тѣ самыя племена, которыя еще въ 1839 году атаковали и истребили одинъ Русскій торговый постъ, спѣшатъ отказаться отъ своихъ особенностей, люди, которые до прибытія Русскихъ еще поставляли самую рѣзкую непереходную границу между нюхателями и курителями табаку, готовы вмѣстѣ съ Русскимъ чаемъ, Русскими шапками, сорочками и кафтанами покинуть и существенные свои обычаи, а слѣдственно и самый взглядъ на жизнь. Съ 1837 года Чукчи уже не показываются болѣе на южномъ берегу Нортонова-Зунда, куда прежде приходили ежегодно; они уступили мѣсто свое въ торговлѣ болѣе смѣтливому духу Европейскихъ пришельцевъ. Подобно имъ передвигаются и перемѣшиваются между собою прежде разрозненныя орды и мы тѣмъ болѣе должны благодарить путешественника за спеціальныя по этому предмету показанія, чѣмъ раздробленнѣе первоначально были нарѣчія, чѣмъ труднѣе и даже невозможнѣе было бы безъ особой путеводной нити пробраться чрезъ тотъ лабиринтъ названій племенъ, коихъ хаосъ тѣмъ запутаннѣе, что имена ихъ селеній и рѣкъ измѣняются отъ одного мѣста къ другому.

Съ другой стороны мы должны быть признательны Г. Загоскину за то, что онъ изобразилъ эти народы,

просто такъ, какъ онъ ихъ видѣлъ и наблюдалъ, и исполнилъ это съ теплымъ сочувствіемъ человѣка, признающаго и въ дикихъ иноплеменникахъ своихъ же собратьевъ, не увлекаясь ни какими либо предразсудками, ни часто столь обманчивымъ чувствомъ превосходства своего образованія. Такъ онъ развернулъ передъ нами тѣмъ яснѣйшую картину быта и образа жизни этихъ дикарей во время перваго ихъ соприкосновенія съ образованностію, а вмѣстѣ съ тѣмъ далъ намъ и новый масштабъ для вѣрнаго историческаго воззрѣнія на исторію образованія другихъ ближайшихъ къ намъ, а въ слѣдствіе того уже давно изглаженныхъ народностей въ первобытномъ значеніи этого слова.

Далѣе мы обязаны нашему пѣшеходцу за повѣрку вдвое преувеличеннаго Васильевымъ показанія о народонаселеніи тѣхъ мѣстъ, за свѣдѣнія объ образѣ жизни, нравахъ и обычаяхъ, празднествахъ, звѣриной и рыбной ловлѣ жителей и т. д.; и за сообщеніе намъ нѣсколько полнѣйшихъ сборниковъ словъ, чѣмъ прежде. Куда не ступила собственная его нога, тамъ ему помогли распросы, и имъ мы обязаны между прочимъ за исчисленіе 38 жильевъ далѣе къ сѣверу обитающихъ Эскимосовъ.

Но если по вышеприведеннымъ отраслямъ многое уже было предуготовлено другими путешественниками, то напротивъ того мы должны почесть все, сообщаемое имъ о климатологіи, растительности и царствѣ животныхъ тамошняго края за совершенно новое обогащеніе

науки. Кромѣ ежедневно производившихся во время самаго путешествія утромъ и вечеромъ въ 8 часовъ, а по сему конечно не вполнѣ удовлетворительныхъ термометрическихъ наблюденій до 16 Января 1844 года, когда разбился его дорожный термометръ, онъ даетъ намъ регулярно по четыре раза въ день въ 8, 12, 4 и 12 часовъ дѣланныя наблюденія термометра и направленія вѣтра, что конечно достаточно для составленія себѣ точнѣйшаго понятія о тамошнихъ отношеніяхъ температуры. Не менѣе поучительны также точныя его показанія о вскрытіи и замерзаніи рѣкъ, о всходѣ растеній, о крайнихъ предѣлахъ произрастанія деревъ, о времени прибытія и отхода залетныхъ птицъ, о замерзшей почвѣ и о неудавшейся впрочемъ попыткѣ разведенія огородныхъ овощей подъ $64^3/_4{}^0$ сѣв. ш. (въ Нулато).

Геогнозія можетъ воспользоваться лишь немногими намеками объ орографіи, о границахъ попаданія вулканическихъ камней и о мѣстонахожденіи нѣкоторыхъ въ С. Петербургѣ ближе опредѣленныхъ образчиковъ минераловъ. Привезенныя Г. Загоскинымъ съ собою растенія и насѣкомыя образуютъ самую богатую породами и конечно самую любопытную часть небольшой его коллекціи. Между чучелами птицъ большая часть, а именно $^3/_5$ исключительно принадлежатъ Америкѣ, а $^2/_5$ глубокому Сѣверу вообще и мы узнаемъ изъ нихъ большое различіе между фауною береговъ и внутреннихъ странъ.

Если мы въ заключеніе напомнимъ, что Г. Загоскинъ провелъ два съ половиною года въ весьма трудномъ и

небезопасномъ странствіи по арктической Сѣверной Америкѣ, существенно пополнилъ и исправилъ прежнія весьма скудныя и недостаточныя свѣдѣнія объ этой крайней части Россійской Имперіи, о внѣшнемъ видѣ страны и состояніи ея народонаселенія; что онъ астрономически опредѣлилъ 40 пунктовъ; впервые издалъ рядъ метеорологическихъ наблюденій изъ страны къ сѣверу отъ Ситки, и свѣдѣнія о животныхъ внутренности Сѣверной Америки, и своею коллекціею положилъ первое основаніе къ изученію тамошней флоры; то конечно не можетъ быть никакого сомнѣнія въ томъ, что Г. Загоскинъ заслужилъ Демидовскую премію.

III.

Reise nach den Goldwäschen Ostsibiriens. St. P. 1847. *Рецензія Г. Академика Гельмерсена.*

Второе изъ поступившихъ въ конкурсъ путешествій по Россіи касается Азіятскихъ ея владѣній и имѣетъ кромѣ теоретической своей цѣли также интересъ практическій. Богатые золотые пески Восточной Сибири были уже разработываемы въ теченіе почти десяти лѣтъ съ безпрестанно возрастающею прибылью и сдѣлались предметомъ всеобщаго вниманія, а между тѣмъ еще не имѣлось ученаго свѣдѣнія о той дикой странѣ, гдѣ они попадаются. Правда, въ это время дошло объ нихъ на западъ довольно донесеній, но они по большей части касались только общей статистики предмета и содержали лишь

мало свѣдѣній и показаній о самой природѣ того края. А за всѣмъ тѣмъ не только было занимательно, но даже крайне необходимо точнѣе развѣдать его, чтобы составить себѣ съ нѣкоторою вѣрностью сужденіе о его будущности. Ни одна отрасль горнозаводской промышленности не можетъ на долго преуспѣвать безъ ученаго основанія, сколь ни высоко ставятъ практическую опытность дѣловаго человѣка. Убѣжденный въ этомъ, покойный Министръ Финансовъ, Графъ Канкринъ въ 1843 году отправилъ Полковника Гофмана съ порученіемъ въ Восточную Сибирь изслѣдовать и описать важнѣйшіе изъ тамошнихъ золотоносныхъ округовъ въ ученомъ и особенно геогностическомъ отношеніи. Плодомъ этого изслѣдованія былъ трудъ, помѣщенный въ 12-мъ томѣ издаваемаго при Академіи Сборника свѣдѣній о Россіи, который вышелъ уже по заключеніи прошлогодняго Демидовскаго конкурса.

Академикъ Гельмерсенъ говоритъ о немъ въ своемъ донесеніи слѣдующее:

«Если я, безъ вѣдома автора, дозволяю себѣ обратить особенное вниманіе Академіи на эту книгу и просить объ увѣнчаніи и ея преміею, то это происходитъ изъ двухъ причинъ: во первыхъ оттого, что она по своему содержанію значительно распространяетъ наши познанія о Восточной Сибири, а именно въ такой ея части, которая до сихъ поръ была почти terra incognita; а во вторыхъ оттого, что она имѣетъ также общеученую занимательность и богата новыми какъ теоретически,

такъ и практически важными данностями. Короткое донесеніе о содержаніи книги оправдаетъ мое мнѣніе.

Она раздѣляется на два отдѣла — въ первомъ авторъ свойственнымъ ему живымъ и оригинальнымъ образомъ изображаетъ событія самаго путешествія, общее впечатлѣніе страны, городовъ и деревень, нравы и обычаи жителей и особенныя учрежденія золотопромываленъ. Эти вѣрно и мѣтко обрисованныя картины смѣняются геогностическими наблюденіями, достоинство которыхъ еще значительно возвышается тѣмъ, что онѣ касаются странъ, до сихъ поръ вовсе или по крайней мѣрѣ отчасти неизслѣдованныхъ.

Издавна привыкли разсматривать всю сѣверную Сибирь какъ дилувіальную низменность. Но чѣмъ ближе ознакомились съ этимъ колоссальнымъ пространствомъ земель, тѣмъ болѣе удостовѣряемся въ томъ, что орографическія его отношенія вовсе не такъ просты, какъ обыкновенно воображали. Полковникъ Гофманъ на этотъ счетъ сдѣлалъ очень много совершенно новыхъ и значительныхъ открытій: онъ показалъ что почва Восточной Сибири на большія протяженія состоитъ изъ твердаго утеса, который въ отдѣльныхъ горахъ или небольшихъ отрасляхъ горъ возвышается до 2000 парижскихъ футовъ надъ уровнемъ Океана, какъ напр. гора Калами близъ источниковъ рѣчки того же имени, съ абсолютною вышиною въ 2252 фута, и что этотъ выходящій наружу утесъ, если и не вездѣ, то по крайней мѣрѣ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ заключаетъ въ себѣ золото. Ро-

зысканія Полковника Гофмана вмѣстѣ съ тѣмъ послужили доказательствомъ, что въ Восточной Сибири, такъ же какъ и на Уралѣ и вездѣ, гдѣ попадается золотой песокъ, онъ всегда происходитъ только изъ разрушенія золотоносныхъ горнокаменныхъ породъ, никогда не уклоняясь далеко отъ первобытнаго своего ложа. На Уралѣ горныя породы, въ которыхъ встрѣчается золото, уже давно знакомы, но въ Сибири онѣ еще не были извѣданы, пока не удалось Гофману узнать по крайней мѣрѣ *одну* изъ нихъ въ глинистомъ сланцѣ. Занимаясь на Успенской золотопромывальнѣ у истоковъ рѣки Удерея протолчкою и промывкою глинистаго сланца, онъ изъ $12^1/_2$ фунтовъ въ муку перетолченой руды получилъ $2^1/_2$ доли золота, мелкими зернами и пластиночками, что по обыкновенному расчету, соотвѣтствуетъ содержанію болѣе 10 золотниковъ въ 100 пудахъ глинистаго сланца.

Если это открытіе, какъ и другія подобныя на Уралѣ сдѣланныя, покамѣстъ и не можетъ имѣть вліянія на добычу золота, потому что металлъ этотъ гораздо скорѣе и дешевле можно извлечь изъ россыпей, нежели изъ твердаго утеса, то оно обѣщаетъ сдѣлаться тѣмъ важнѣе для будущности, а именно для того времени, когда наконецъ истощатся золотоносные пески.

Второй отдѣлъ книги имѣетъ заглавіе: о золотопромывальняхъ въ Восточной Сибири, и даетъ намъ точный отчетъ о мѣстностяхъ, протяженіи, обиліи, геогностическомъ свойствѣ, объ открытіи и управленіи не только цѣлыхъ золотоносныхъ округовъ или такъ называемыхъ

системъ, но и отдѣльныхъ золотопромываленъ. Сначала разсматриваются промывальни по большой Бирюсѣ и ея притокамъ, потомъ находящіяся въ системѣ Каменной Тунгуски и Питта, а наконецъ по Удерею и Мурошнѣ. Объ этихъ трехъ системахъ авторъ сообщаетъ не только геогностическія замѣчанія и карты, но также точныя статистическія показанія, которыя знакомятъ насъ съ обиліемъ и добычею 59 отдѣльныхъ россыпей. При каждой изъ нихъ показаны толщина собственно золотоноснаго слоя, минералогическое ея свойство, какъ равно свойство и толщина лежащихъ подъ нимъ пустыхъ слоевъ, количество ежегоднаго добыванія по 1845 годъ, среднее содержаніе песку, образъ разработки и число употребленныхъ на то работниковъ, а сверхъ того проба золота и способъ его промыванія.

Излишне было бы распространяться о томъ, какую цѣну подобныя тщательно собранныя данности имѣютъ для практическаго горнозаводства и мы ограничимся здѣсь только желаніемъ, чтобы и впредь таковыя свѣдѣнія были тщательно собираемы и отъ времени до времени издаваемы въ свѣтъ.

Ознакомивъ насъ со всѣми этими и многими другими подробностями, авторъ сводитъ вмѣстѣ геогностическія свои наблюденія въ нѣсколько окончательныхъ замѣчаній, изъ которыхъ мы извлечемъ здѣсь слѣдующее:

Колоссальное пространство земли, по которому разсѣяны золотые пески Восточной Сибири, преимущественно составлено изъ глинистаго сланца, известняка

и сѣрой ваки съ крутыми, пролегающими съ востока на западъ или съ Ю. В. на С. З. пластами, которые очевидно принадлежатъ къ древнѣйшему періоду осадочныхъ образованій, потому что они неравномѣрно накрыты горизонтальными слоями каменноугольной формаціи. Какъ послѣдніе, такъ и первые на югѣ ограничиваются Саянскимъ хребтомъ, котораго главная плутоническая масса къ сѣверу испускаетъ отъ себя отроги, пересѣкающіе и измѣняющіе переходные слои, т. е. глинистый сланецъ, известнякъ и сѣрую ваку. Полковникъ Гофманъ указалъ намъ два большіе, съ юга на сѣверъ идущіе плутоническіе пояса, разсѣкающіе переходные слои. Одинъ изъ нихъ простирается отъ источниковъ Бирюсы до Гурахты, одного изъ верховыхъ притоковъ Каменной Тунгуски. Къ востоку отъ этого пояса лежатъ самыя богатыя изъ описанныхъ авторомъ россыпей. Другой, параллельный первому поясъ, слѣдуетъ вдоль по теченію Енисея, и на востокъ отъ него, а слѣдовательно между обоими поясами, хотя и находятъ также золотой песокъ, но уже не стоящій разработки. Золотыя россыпи лежатъ на переходныхъ хребтахъ по близости плутоническихъ прорывовъ. Большею частію одна изъ вышесказанныхъ горныхъ породъ преобладаетъ, или же двѣ изъ нихъ смѣняются между собою, какъ-то известнякъ и глинистый сланецъ. Только въ такихъ мѣстахъ, гдѣ преобладаетъ одно изъ двухъ звѣньевъ, или гдѣ попадаются оба, находятъ золото; на сѣрой вакѣ авторъ не видалъ ни одной золотой россыпи. Кристаллическія

породы, которыя, прорвавшись чрезъ эти слои, измѣнили ихъ въ кристаллическіе сланцы и были посредниками къ появленію въ нихъ золота, суть гранитъ и діоритъ, и лишь изрѣдка порфиръ.

Сочиненія такого рода, какъ здѣсь нами разобранное, всегда были удостоиваемы со стороны Академіи особымъ вниманіемъ, потому что они непосредственно касаются одной изъ важнѣйшихъ задачь самой Академіи, — споспѣшествованія познанію Россіи.

IV.

Catalogue des Insectes recueillis par feu M. Lehmann, par M. Ménétriès.

Рецензія Гг. Академиковъ: Брандта и Миддендорфа.

Третье изъ относящихся сюда сочиненій также касается Азіатской Россіи, но только южныхъ ея областей, вмѣстѣ съ нѣкоторыми изъ прилежащихъ къ нимъ земель. Разсматриваніе его возбуждаетъ въ насъ горестное воспоминаніе. Того ревностнаго молодаго естествоиспытателя, которой съ такимъ пламеннымъ увлеченіемъ собиралъ для него матеріалы и долженъ былъ нѣкогда, какъ мы всѣ надѣялись, пожать плоды своихъ стараній, уже не стало, и мы, вмѣстѣ съ наукою, оплакиваемъ въ немъ одну изъ прекрасныхъ нашихъ надеждъ. Тѣ изъ нашихъ слушателей, которые внимательно слѣдили за успѣхами наукъ въ теченіе послѣдняго времени, конечно вспомнятъ, что немедленно по окончаніи пер-

вой экспедиціи на Новую-Землю г. Бэра, одинъ изъ его сопутниковъ, столь многосторонне свѣдущій въ естественныхъ наукахъ, кандидатъ Леманъ, отправился въ Оренбургъ, чтобы тамъ найти себѣ новое поприще для своихъ изслѣдованій. Положеніе, которое онъ занималъ тамъ, въ качествѣ натуралиста, дозволило ему не только посѣтить окрестности Оренбурга, Киргизскія степи, жилища Башкировъ и восточный берегъ Каспійскаго моря, но и присоединиться къ отправляющемуся тогда въ Бухару посольству, что дало ему случай ближе извѣдать окрестности этого города и даже распространить свое путешествіе въ Самаркандъ и еще нѣсколько сотъ верстъ далѣе на востокъ. Такимъ образомъ ему удалось побывать въ странахъ, куда до него еще не ступала нога естествоиспытателя. Но къ сожалѣнію, ему не было суждено самому обработать собранныя имъ сокровища; на возвратномъ пути онъ былъ постигнутъ преждевременною кончиною въ Симбирскѣ.

Собранные Леманомъ зоологическіе предметы вмѣстѣ съ относящимися къ самому путешествію записками, въ слѣдствіе ходатайства Академика Бэра и съ согласія наслѣдниковъ покойнаго поступили для изданія ихъ въ свѣтъ въ Академію. Обработку самой важной и обширнѣйшей части зоологической коллекціи, насѣкомыхъ, которыхъ Леманъ собиралъ съ особенною наклонностью, принялъ на себя ученый, который какъ по свыше двадцатипятилѣтней своей опытности и познаніямъ по этой части, такъ и по важнымъ трудамъ, которыми

онъ обогатилъ ее, нынѣ можетъ почесться едва ли не первымъ энтомологомъ въ Россіи, хранитель зоологическаго музеума Академіи, Г. Менетріэ. Исполнивъ съ обычнымъ своимъ рвеніемъ многотрудную опись и опредѣленіе болѣе 1000 привезенныхъ Леманомъ съ собою породъ насѣкомыхъ онъ собралъ результаты многолѣтняго неутомимаго своего прилежанія подъ слишкомъ скромнымъ, отнюдь не истощающимъ всю важность содержанія заглавіемъ: Catalogue des Insectes recueillis par feu Mr. Lehmann, par. Mr. Ménétriès.

Сочиненіе это, которому Академія даровала мѣсто въ своихъ мемуарахъ, по словамъ донесенія Академика Брандта, занимаетъ въ литературѣ энтомологіи весьма почетную степень, потому что не только знакомитъ насъ отличнымъ образомъ съ насѣкомымъ міромъ разныхъ весьма занимательныхъ, отчасти еще вовсе не изслѣдованныхъ, а отчасти лишь мало и недостаточно извѣстныхъ по этой отрасли странъ средней Азіи, но вмѣстѣ съ тѣмъ служитъ существеннымъ пополненіемъ фауны Россіи, и обогащаетъ энтомологію вообще значительнымъ числомъ (124-хъ) породъ насѣкомыхъ, признанныхъ такими судьями, каковы Маннергеймъ, Эриксонъ, Эверсманъ, за совершенно новыя.

Все сочиненіе раздѣлено авторомъ на два отдѣла, одинъ спеціально-описательный, а другой, представляющій общіе зоологическіе и географическіе результаты.

Въ первомъ отдѣлѣ исчисляются насѣкомыя Лемановой коллекціи, смотря по ихъ классамъ, семействамъ,

родамъ и породамъ, съ указаніемъ потребныхъ синонимовъ и мѣстонахожденій, при чемъ авторъ не преминулъ воспользоваться всѣми относящимися къ его предмету литературными пособіями и приложить къ тексту изображеніе отлично выгравированныхъ и раскрашенныхъ искусною рукою Г-на Папе 124-хъ еще неизвѣстныхъ породъ.

Число поименованныхъ или описанныхъ въ этомъ отдѣлѣ жуковъ 706, а между ними 107 новыхъ; мотыльковъ 216 съ 9 новыми породами; полужесткокрылыхъ съ прямыми крыльями 23, клоповъ 17; сѣткообразно-крылыхъ 13, пчелъ 20, а между ними 7 новыхъ, и наконецъ мошекъ 7 породъ.

Во второмъ отдѣлѣ, который носитъ заглавіе: Considérations relatives à la distribution géographique des Insectes recueillis par feu Mr. Lehmann, авторъ, указавъ вкратцѣ на то, что сдѣлано было доселѣ къ распространенію нашихъ познаній о Средне-Азіатской насѣкомой фаунѣ Пандеромъ, Эверсманомъ, Карелинымъ, Базинеромъ и Шренкомъ, переходитъ къ изложенію тѣхъ изъ путешествій Лемана, которыя доставили энтомологическую добычу. Потомъ для объясненія географическаго распредѣленія собранныхъ послѣднимъ въ разныхъ странахъ Средней Азіи породъ жуковъ и мотыльковъ прилагаетъ двѣ таблицы, сопровождая ихъ весьма поучительными замѣчаніями, въ которыхъ говоритъ о взаимномъ отношеніи новыхъ Лемановыхъ породъ жу-

ковъ и бабочекъ къ уже прежде извѣстнымъ, объ отношеніи ихъ къ насѣкомой фаунѣ Россіи, о географическомъ распредѣленіи описанныхъ насѣкомыхъ и т. д., а въ заключеніе, бросивъ сравнительный взглядъ на насѣкомую фауну Европы и Кавказа, выводитъ какъ общій результатъ замѣчаніе, что насѣкомыя фауны Европы и Кавказа, во многомъ согласуясь между собою, значительно разнствуютъ отъ имѣющихъ сходный характеръ насѣкомыхъ фаунъ Туркоманіи, степи Кизиль-кумъ и Ханства Бухары, которыя три послѣднія области представляютъ въ этомъ отношеніи разительное сходство съ сѣверною Африкою, между тѣмъ какъ страна Башкировъ въ цѣлости болѣе подходитъ къ Сибири.

Въ справедливомъ признаніи достоинствъ этого сочиненія, которое по отзыву разбиравшихъ его членовъ Академіи, Гг. Брандта и Миддендорфа, имѣетъ сверхъ строго ученой цѣны еще особенное большое значеніе какъ для споспѣшествованія нашего познанія о фаунѣ Россіи и отчасти еще вовсе неизвѣстной по этой отрасли Средней Азіи, такъ и для расширенія предѣловъ зоологической Географіи, и открываетъ собою множество новыхъ высшихъ точекъ зрѣнія по части науки, Академія сочла для себя пріятнымъ долгомъ присудить автору, оказавшему ей столько заслугъ приведеніемъ до настоящаго устройства энтомологическаго и другихъ отдѣловъ зоологическаго ея музеума, второстепенную Демидовскую награду.

V.

Собраніе свѣдѣній о народахъ, обитавшихъ въ Средней Азіи въ древнія времена. Отца Іакинѳа. (Рукопись). *Рецензія Казанскаго Профессора Ковалевскаго.*

Изо всѣхъ членовъ нашихъ миссій, бывшихъ въ Пекинѣ, ни одинъ не вывезъ столь богатыхъ и разнообразныхъ матеріаловъ для географіи и исторіи среднеазійскихъ народовъ, какъ Отецъ Іакинѳъ, который многолѣтними своими неутомимыми трудами стяжалъ себѣ почетную извѣстность между туземными и иностранными оріенталистами. Четырнадцатилѣтнее пребываніе въ Богдохановой столицѣ сблизило нашего синолога съ Китайцами и живущими среди нихъ иноплеменниками, познакомило его съ настоящей жизнію этой древнѣйшей имперіи, дало возможность изучить мѣстный языкъ съ литературою, извлечь изъ письменныхъ, немногимъ еще доступныхъ, памятниковъ Китая все, что служило къ расширенію круга нашихъ свѣдѣній объ Азіи.

Достопочтенный оріенталистъ въ предисловіи къ новѣйшему обширному труду своему знакомитъ читателя съ поводомъ, по которому выходитъ въ свѣтъ упомянутая исторія, — излагаетъ содержаніе ея, указываетъ на источники, изъ которыхъ оно почерпнуто, и на историческій слогъ Китайцевъ. Свѣдѣнія о среднеазійскихъ племенахъ, въ продолженіе десяти вѣковъ, отъ начала втораго столѣтія предъ Р. Х. по девятое нашей хронологіи: вотъ содержаніе разсматриваемаго нами сочиненія.

Источниками ихъ служили исторіи (*шу*), или, лучше сказать, монографіи династій, обладавшихъ Китаемъ, и лѣтописи (*ганъ-му*): изъ первыхъ взяты факты, а поясненія ихъ — изъ послѣднихъ. И въ самомъ дѣлѣ, никто изъ Азіатцевъ не могъ такъ подробно говорить о средней Азіи какъ Китайцы, которые съ самыхъ раннихъ временъ, какъ сосѣди и враги ея, вынуждены были находиться съ нею въ непрерывныхъ сношеніяхъ, знакомиться съ ея мѣстоположеніемъ и внутреннимъ бытомъ, подсматривать тамъ всякое судорожное движеніе номадовъ, и потомъ заключать частные договоры съ владѣльцами неукротимыхъ ордъ, прокладывать военныя дороги, вводить вооруженныя поселенія, тѣснить съ разныхъ сторонъ степное своеволіе, съ величайшимъ усиліемъ прививать сѣмена своей цивилизаціи къ необузданнымъ племенамъ и такимъ образомъ исподволь подготовлять способы къ конечному покоренію дикости. И кому неизвѣстны плоды восемнадцативѣковой упорнѣйшей борьбы Китая съ номадами?.... Три столѣтія уже безмолвствуютъ пустыни, пролегающія къ сѣверу отъ поднебесной имперіи. Имя величаваго Богдахана, самодержавнаго повелителя, даровавшаго законы, распространившаго и охраняющаго религію кроткаго Будды, сдѣлалось грозою и надеждою для номадовъ, и ржавчина на стрѣлѣ, обагряемой нѣкогда Китайскою кровію, теперь опывается въ крови только звѣрей во время торжественной облавы. Кромѣ того, если примемъ во вниманіе, что Китайцы искони имѣли собственныя письмена

и занимались веденіемъ записокъ о государственныхъ происшествіяхъ, то какъ, при такихъ обстоятельствахъ, не согласиться съ О. Іакинѳомъ, что никто, исключая Китайцевъ, не могъ такъ подробно знать среднюю Азію, о которой другіе народы имѣли свѣдѣнія, собранныя случайно, по слухамъ, часто невѣрнымъ. Положимъ даже, что народная ненависть (поддерживаемая народною враждою) иногда понудила лѣтописца изобразить что либо обидное для иноземца, подсказала фактъ нѣсколько измѣненный, подъ вліяніемъ особеннаго воззрѣнія Китайца на окружавшія его племена, но все таки станемъ утверждать, что холодный, положительный умъ жителя Китая, свободный отъ участія фантазіи, не могъ слишкомъ далеко уклониться отъ исторической истины, которая въ глазахъ критика, достаточно знакомаго съ Китаемъ, скоро и легко обнажается отъ наброшенныхъ на нее излишествъ.

Указавъ за тѣмъ на источники, изъ коихъ почерпалъ О. Іакинѳъ, ученый Рецензентъ продолжаетъ: Прочитайте, свѣдѣніе, сообщенное сочинителемъ, о комитетѣ придворныхъ журналистовъ и историческомъ обществѣ, которыхъ начало относится за 23 столѣтія до Р. Х.; обратите вниманіе тамъ же на способы, употребляемые, при нынѣшней династіи Цинъ, для составленія дневниковъ и государственной исторіи; разсмотрите перечень лѣтописей, которыя признаются классическими и служатъ обильнымъ матеріаломъ для бытописателя, и

невольно убѣдитесь въ важности почерпнутыхъ оттуда свѣдѣній.

Эти памятники письменности сухи, лишены всѣхъ прикрасъ риторики, свойственныхъ историкамъ западной части Азіи, наполнены фактами, изображенными неизмѣннымъ, дипломатическимъ слогомъ Китая. Характеръ ихъ отразился очень явственно и на переводѣ О. Іакинѳа, который, постигая всѣ особенности Китайскаго языка, старался передавать ихъ буквально и, можетъ быть, слишкомъ буквально. Намѣреніе нашего синолога, быть посредникомъ между древней лѣтописью Китая и нами исполнено добросовѣстно. И если бы, кажется, мы успѣли склонить переводчика къ литературной отдѣлкѣ его книги, а именно, къ сглаженію угловатостей выраженій, въ Русскомъ переводѣ вѣрно исчезъ бы характеръ Китайской лѣтописи. Но какъ сборникъ свѣдѣній, приготовленный къ изданію, имѣетъ въ виду послужить только матеріаломъ для будущаго историка средней Азіи и, слѣдовательно, предназначается для ученыхъ, то, по нашему мнѣнію, онъ долженъ остаться въ нынѣшнемъ своемъ видѣ, безъ значительнаго измѣненія.

Чтобы дать хотя поверхностное понятіе о составѣ разсматриваемаго нами сочиненія, мы коснемся по крайней мѣрѣ его начала. Первая часть посвящена народамъ Монгольскаго племени, и прежде всего Хуннамъ. Послѣ указанія источника своихъ свѣдѣній объ этомъ владѣтельномъ домѣ, издатель сообщаетъ намъ въ переводѣ изъ древнѣйшаго китайскаго историка Сы-мацяня все,

что въ немъ записано о преданіяхъ Хуннской династіи; за тѣмъ присовокупляетъ онъ историческое поясненіе изъ лѣтописцевъ; — иногда самъ поясняетъ текстъ собственными примѣчаніями; иногда выводитъ на сцену Дегиневы мнѣнія или сказанія другихъ бытописателей, и изъ сличенія ихъ старается привести читателя къ конечному результату, къ истинѣ. Вообще, критическая часть О. Іакинѳа, относительно объема спорныхъ вопросовъ въ исторіи средней Азіи, довольно скудна. Нашъ синологъ имѣетъ обыкновеніе говорить положительно, не допускаетъ сомнѣнія въ сказаніяхъ Китайскихъ историковъ: нигдѣ онъ не ссылается ни на Греческихъ, ни на Мусульманскихъ писателей, по крайней мѣрѣ тѣхъ, которыми постоянно пользовался Дегинъ, къ которымъ прибѣгали другіе оріенталисты въ своихъ критическихъ розысканіяхъ, и которые по большей части сдѣлались доступными и не-оріенталистамъ, посредствомъ разныхъ ихъ изданій.

Въ заключеніе Рецензентъ присовокупляетъ еще два замѣчанія: 1) О. Іакинѳъ, строгій нѣкогда блюститель сѣвернаго Китайскаго (Пекинскаго) произношенія, издатель таблицъ, облегчающихъ, выговоръ Китайскихъ знаковъ, приблизительно къ Англійскому, Французскому и Русскому языкамъ, въ нынѣшнемъ своемъ сочиненіи, безъ предостереженія читателей, измѣнилъ своему правилу и въ собственныхъ именахъ допускаетъ южное ихъ произношеніе: желательно бы знать причину этого измѣненія, 2) третья часть сочиненія, содержащая въ себѣ собра-

ніе историческихъ свѣдѣній о народахъ Тюркскаго племени, по большей части знакома уже Русскимъ читателямъ изъ книги нашего ученаго подъ заглавіемъ: «Описаніе Джунгаріи и восточнаго Туркистана». Впрочемъ, это не есть голословное повтореніе давно напечатанной книги, а можетъ почитаться въ полномъ смыслѣ новымъ ея изданіемъ со значительными измѣненіями и вставками, важнымъ пріобрѣтеніемъ для науки, которое должно быть принято съ истинною благодарностію.

Академія, въ слѣдствіе такого отзыва, не могла не присудить автору второстепенной преміи; но такъ какъ премія сія не могла бы быть ему выдана если бъ трудъ его остался въ рукописи, изданіе же его въ свѣтъ, по обширности его, требуетъ значительныхъ способовъ, то Академія не обинуясь предоставила, сверхъ преміи, въ распоряженіе О. Іакинѳа тысячу рублей серебромъ на расходы изданія труда его.

VI.

Грамматика Калмыцкаго языка. А. Попова.

Разсмотрѣна тѣмъ же рецензентомъ, Г. Профессоромъ Ковалевскимъ.

Авторъ сей грамматики въ предисловіи старался придать особую важность Калмыкамъ въ политическомъ, религіозномъ и литературномъ отношеніяхъ. Безусловная похвала, очень естественно, заставляетъ усомниться во многихъ ея выраженіяхъ, неподкрѣпленныхъ фактами исто-

рическими, и умныя возраженія Рецензента показались намъ весьма основательными. Но они не вредятъ достоинству труда Г. Попова.

При своемъ практическомъ примѣненіи къ сношеніямъ съ калмыцкимъ народомъ, это нарѣчіе имѣетъ неоспоримую важность для филолога и должно подвергнуться изслѣдованіямъ, сообразно съ современнымъ направленіемъ филологическихъ наукъ. Дѣйствительно, въ послѣдніе годы сравнительная филологія достигла высокой степени развитія, такъ что для составленія грамматики какого либо языка не довольно взять грамматику одного знакомаго нарѣчія и по ней писать правила для другаго, особенно когда непрерывныя усилія оріенталистовъ навели тружениковъ науки на новую стезю и указали нѣсколько свѣтлыхъ точекъ, съ помощію которыхъ не трудно уже общіе законы цѣлаго семейства языковъ отдѣлить отъ особенностей, составляющихъ характеристику одного нарѣчія.

Намекнувъ о различіи разговорнаго языка съ книжнымъ, существующемъ только въ полуобразованномъ языкѣ (см. предисл. стр. VIII), нашъ авторъ обѣщаетъ намъ всѣми силами объяснить грамматическія формы книжнаго такими же формами разговорнаго языка, — обѣщаетъ указать грамматическія измѣненія Тюркскаго и Тибетскаго языковъ, сходныя съ Калмыцкими, полагая, что первыя изъ нихъ (Тюркскія) могутъ быть полезны для свѣтскихъ Калмыковъ, а послѣднія (Тибет-

сія) для Калмыцкого духовенства. Дѣйствительно, Г. Профессоръ Поповъ во всемъ своемъ сочиненіи старался приводить Тюркскія грамматическія формы для сравненія съ Калмыцкими: это составляетъ большое достоинство и возвышаетъ цѣнность его книги, въ глазахъ филолога, но едва ли можетъ принести существенную пользу свѣтскимъ Калмыкамъ, не слишкомъ ревностнымъ поклонникамъ труда и науки. Что же касается Тибетскихъ формъ, то Г. Рецензентъ жалѣетъ, что авторъ не занялся ими тщательнѣе, потому что нѣсколько словъ, какъ бы случайно вторгнувшихся въ разсматриваемое нами сочиненіе, не въ состояніи удовлетворить требованіямъ филолога, ни послужить Калмыцкимъ гелюнгамъ, которые, по словамъ его, безпрестанно обращаются къ священному источнику Буддійской учености.

Вообще большая часть нашихъ грамматикъ для восточныхъ языковъ погрѣшаетъ отъ излишней и исключительной нашей привязанности къ одному какому либо языку, котораго законы стараемся почти насильно примѣнять къ языку, нами изучаемому. Сверхъ сего, доставшіяся намъ по наслѣдству отъ Латинскихъ грамматиковъ готовыя формы съ особою для нихъ терминологіей связываютъ насъ такъ крѣпко, что мы невольно эти формы съ ихъ названіями переносимъ и въ другой языкъ, не взирая на явное съ его стороны сопротивленіе.

Грамматикъ прежде всего долженъ открыть законы языка, а потомъ уже привести ихъ въ стройный поря-

докъ, или систему, сообразную съ духомъ языка; иначе наши рамки не пригодятся для всякой картины.

Не мѣсто здѣсь чертить планъ грамматики для нарѣчій Монгольскаго семейства, не мѣсто и возражать на всѣ статьи нашего автора, который, при своемъ взглядѣ на предметъ, шелъ своимъ путемъ и своимъ свѣтомъ озарилъ область живаго Калмыцкаго слова; потому приведемъ только заключеніе рецензіи, побудившее Академію наградить трудъ Г. Попова второстепенною преміею.

Г. Кавалевскій называетъ книгу его истиннымъ подаркомъ для науки. Послѣ изданныхъ грамматикъ Монгольскаго языка покойнымъ Академикомъ Шмидтомъ и самимъ рецензентомъ, Г. Поповъ съ особеннымъ тщаніемъ старался изложить образованіе именъ и глаголовъ, опредѣлить ихъ значеніе распутать механизмъ спряженій и свои правила подкрѣпить достаточнымъ количествомъ примѣровъ, извлеченныхъ изъ Калмыцкихъ рукописей и живой народной рѣчи. Изучающіе это нарѣчіе съ благодарностію примутъ нѣсколько образцовъ Калмыцкаго слова, въ первый разъ явившихся въ печати, объясненныхъ грамматическимъ разборомъ и переведенныхъ по Русски, а восточная филологія пріобрѣла въ этой грамматикѣ обильные матеріалы для дальнѣйшей обработки сравнительнаго языкоученія. Отъ души желаемъ, ттобы и ожидаемыя нами Калмыцкія грамматики въ свою очередь принесли для науки по крайней мѣрѣ столько новаго, сколько сдѣлано уже Г. Поповымъ.

VII.

Ученіе о болѣзняхъ яичка, сѣменнаго канатика и мошонки. С. П. Б. 1848 года, съ атласомъ. — Соч. Профессора Заблоцкаго.

Рецензія Г. Академика Дубовицкаго.

Г. Академикъ Дубовицкій, въ началѣ своей рецензіи, излагаетъ кратко состояніе литературы о семъ предметѣ:

Страданія дѣтородныхъ органовъ составляютъ довольно частыя болѣзни, особенно въ среднемъ возрастѣ человѣка. Древніе врачи очень мало знали и мало занимались этими болѣзнями. У Цельса сдѣлано первое, хотя весьма краткое описаніе воспаленія яичка и леченіе расширенія венъ сѣменнаго канатика. Паре, Ж. Л. Петн и Сабатье, — хирурги прошедшаго времени оставили намъ уже довольно обстоятельное описаніе нѣкоторыхъ изъ болѣзней яичка. Въ началѣ нынѣшняго столѣтія, когда паталогическая Анатомія, Діагностика и потомъ Микроскопія, пролили столько свѣта вообще на Медицину, и болѣзни дѣтородныхъ органовъ не оставлены врачами безъ внимательнаго изслѣдованія. Сочиненіе Бойе (Maladies chirurgicales), содержитъ все, что врачи разъяснили и знали о болѣзняхъ яичка въ началѣ нынѣшняго столѣтія. За симъ Дюпюитрень въ своихъ лекціяхъ объяснилъ нѣкоторыя новыя свойства: рака, хроническаго воспаленія и водянки яичка, и первый даетъ краткое описаніе сифилитическаго яичка. Въ 1820 году А. Куперъ издалъ первое по времени отдѣльное описаніе сихъ болѣзней.

Это сочиненіе знаменитаго Англійскаго хирурга заключаетъ въ себѣ все то, что въ то время знали объ этихъ болѣзняхъ; оно въ свое время было самое полное, и можетъ служить и доселѣ въ практическомъ отношеніи, касательно нѣкоторыхъ болѣзней, хорошимъ руководствомъ. — Но въ сочиненіи этомъ описано только всего 14 болѣзней яичка; слѣдовательно нѣтъ описанія еще многихъ страданій сѣменной желѣзы; болѣзни мошонки, за исключеніемъ рака, вовсе въ немъ не описываются; также кромѣ расширенія венъ сѣменнаго канатика въ немъ не описано другихъ страданій и сего органа.

Другое по времени сочиненіе, гдѣ представлено уже болѣе полное описаніе болѣзней дѣтородныхъ органовъ есть Bibliothèque du Médecin praticien T. IV. 1845 года par Fabre. Въ этой книгѣ собрано гораздо болѣе свѣдѣній, чѣмъ у А. Купера; но эта книга какъ простая компиляція содержитъ свѣдѣнія безъ разбора и критической ихъ оцѣнки, и притомъ, лишь свѣдѣнія находимыя въ одной Французской медицинѣ. Притомъ изъ болѣзней мошонки изложено въ немъ всего только три болѣзни.

Въ Учебникѣ хирургіи Видаля (Traité de Pathologie externe), изданномъ въ 1846 году, находится наконецъ самое послѣднее описаніе болѣзней дѣтородныхъ органовъ; но изложеніе ихъ здѣсь представлено весьма кратко, съ особеннымъ одностороннимъ взглядомъ автора, и съ сильнымъ пристрастіемъ къ Французской хирургіи; наконецъ въ этомъ сочиненіи гораздо болѣе упущено безъ вниманія страданій дѣтородныхъ органовъ, нежели въ

компиляціи Фабра. Сверхъ сего въ различныхъ періодическихъ изданіяхъ можно найти еще нѣсколько отдѣльныхъ наблюденій о различныхъ страданіяхъ сего разряда органовъ.

Вообще въ Медицинской литературѣ предстояла давно надобность въ хорошемъ руководствѣ къ изученію болѣзней дѣтородныхъ органовъ мужчины. Если мы взглянемъ на практику врачей, то нигдѣ не дѣлаютъ они кажется столько погрѣшностей, какъ при леченіи болѣзней сихъ органовъ, и безспорно такое упущеніе должно приписать главнѣйше отсутствію хорошаго руководства не только въ нашей, но и въ иностранной литературѣ, къ изученію болѣзней яичка, сѣменнаго канатика и мошонки.

Наконецъ собственно въ нашей отечественной Медицинской литературѣ, кромѣ нѣкоторыхъ поверхностныхъ замѣчаній и описаній, встрѣчающихся, въ особенности, въ нашихъ немногихъ хирургическихъ учебникахъ, не было никакого сочиненія по сему предмету до настоящей книги Г. Заблоцкаго.

Изложивъ, за симъ во всей подробности содержаніе сего замѣчательнаго труда, Рецензентъ находитъ главныя его достоинства въ полнотѣ изложенія предмета, въ подтвержденіи положеній теоріи многочисленными фактами, въ ясности и точности выраженія, какъ слѣдствія *свѣтлаго взгляда* автора на предметъ, въ правильномъ и чистомъ Русскомъ слогѣ, наконецъ въ новости взгляда и выводовъ относительно многихъ предметовъ,

и въ справедливости критической оцѣнки различныхъ положеній науки относящихся къ предмету.

Въ этомъ истинно дѣльномъ сочиненіи, говоритъ Рецензентъ, представляется намъ не то систематическое ученіе, которое соединяетъ предметы несоединимые; но мы видимъ въ немъ тотъ разумный эклектизмъ, который не принимаетъ ничего безъ основанія, и который видя далѣе поверхности вещей, понимаетъ возможность кажущихся противорѣчій среди общаго основанія истины.

При сочиненіи Профессора Заблоцкаго находится атласъ, состоящій изъ 6 таблицъ и служащій поясненіемъ хирургическихъ операцій, описываемыхъ авторомъ. Если польза изображеній въ приложеніи къ изученію органовъ здоровыхъ могла быть иногда оспариваема; если нѣкоторые говорили, что рисунки въ медицинѣ есть дѣло роскоши, то кажется никто нынѣ не можетъ усомниться въ существенной пользѣ рисунковъ для оперативной хирургіи. Здѣсь вѣрный рисунокъ необходимъ, онъ немедленно воспроизводитъ въ умѣ идею о предметѣ прочитанномъ. Изображенія почти всѣхъ хирургическихъ операцій существуютъ уже во многихъ классическихъ сочиненіяхъ. Г. Заблоцкій для своего атласа заимствовалъ часть изображеній изъ лучшаго въ оперативной хирургіи атласа Буржери, и въ этомъ нельзя упрекать автора; ибо изображать заново то, что уже давно хорошо представлено другими, есть дѣло безполезное. Впрочемъ въ сочиненіи Г. Заблоцкаго многія изображенія сняты съ натуры, и нигдѣ въ оперативной хирургіи и

никѣмъ доселѣ не были представлены. Всѣ вообще рисунки изображены вѣрно и отдѣланы прекрасно.

VIII.

Опытъ Статистическаго описанія Новороссійскаго края, составленный Редакторомъ (Одесскаго) Главнаго Статистическаго Комитета Статскимъ Совѣтникомъ А. Скальковскимъ (Рукопись). *Рецензія Академика Кеппена.*

Имя Г. Скальковскаго извѣстно читающей публикѣ; онъ уже не мало лѣтъ сряду усердно собираетъ свѣдѣнія о прошедшемъ и современномъ бытѣ Южной Россіи. Кто изъ дорожащихъ отечественною исторіею не знаетъ его хронологическаго обозрѣнія Исторіи Новороссійскаго края съ 1731 — 1823 г., изданнаго въ Одессѣ въ 1836 году; и исторіи Новой Сѣчи, или послѣдняго Коша Запорожскаго, которая вторымъ изданіемъ вышла въ Одессѣ же въ 1846 году? Въ этихъ книгахъ Г. Скальковскій сохранилъ память о не маломъ числѣ такихъ происшествій и обстоятельствъ, которыя, безъ его любознательности, навсегда погибли бы для историка. Разбирая Запорожскіе и разные другіе архивы, онъ изъ нихъ извлекъ поясненія событій, которыя безъ того остались бы необъясненными явленіями въ исторіи. Кромѣ того мы въ сочиненіяхъ его находимъ и ссылки на указы, которые не были извѣстны составителямъ полнаго собранія законовъ.

Рукопись, о которой здѣсь идетъ рѣчь, есть собственно начало пространнаго статистическаго труда о Новороссійскомъ краѣ. Въ ней мы находимъ Географическія, Идрографическія и Этнографическія свѣдѣнія, съ которыми статистикъ прежде всего долженъ ознакомиться, и въ слѣдъ за тѣмъ нѣкоторыя общія обозрѣнія и выводы о жителяхъ въ разныхъ статистическихъ отношеніяхъ.

Въ Идрографіи исчислены не только рѣки и рѣчки, съ ихъ притоками, но и переправы, пороги, острова, плавни и пр. Не достаетъ только означенія длины рѣкъ, быстроты теченія и нѣкоторыхъ другихъ чисто идрографическихъ данныхъ. Свѣдѣнія о состояніи рѣчнаго судоходства, о количествѣ сплавляемаго лѣса и пр. вѣроятно будутъ представлены позже.

Въ отношеніи этнографической части Г. Скальковскій предупреждаетъ читателя о томъ, что большая часть предлагаемыхъ свѣдѣній уже была помѣщена въ его прежнихъ (поименованныхъ выше) двухъ главныхъ сочиненіяхъ (стр. 142 въ примѣч.), но тутъ они представлены въ такомъ порядкѣ, какъ того требуетъ статистика.

Не входя въ подробное разсмотрѣніе сочиненія, вообще весьма удовлетворительнаго и заслуживающаго признательность каждаго Русскаго, и предоставляя сочинителю, предъ изданіемъ труда его, воспользоваться замѣчаніями, сдѣланными Г. Рецензентомъ и относящимися до нѣкоторыхъ подробностей, скажемъ только, что въ уваженіе къ полезнымъ и постояннымъ трудамъ Г.

Скальковскаго, и принимая во вниманіе, что представленная Академіи рукопись есть значительный отдѣлъ одного изъ такихъ сочиненій, которыя желательно было бы имѣть о всѣхъ вообще частяхъ Государства, Академія охотно присудила ему второстепенную премію въ полномъ упованіи, что таковое уваженіе къ трудамъ поощритъ его къ дальнѣйшимъ розысканіямъ о Новороссійскомъ краѣ, его хозяйствѣ, промышленности и торговлѣ, словомъ о современномъ бытѣ Южной Россіи.

IX.

Хронологическія таблицы, въ трехъ книгахъ; соч. П. Хавскаго, дѣйствительнаго Члена Императорскаго Московскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ. Москва 1848 года.

Рецензія Академика Бередникова.

Въ 1847 году, Г. Хавскій представилъ къ соисканію Демидовской награды рукопись таблицъ церковнаго и гражданскаго времясчисленій, въ трехъ фоліантахъ. По разсмотрѣніи ихъ, Академикъ Бередниковъ тогда уже находилъ ихъ достойными половинной преміи; но трудъ Г. Хавскаго не былъ увѣнчанъ, по присужденію тогда назначенной въ раздачу наградной суммы другимъ сочиненіямъ. Нынѣ Г. Хавскій, напечатавъ таблицы, вновь представилъ ихъ къ соисканію Демидовской награды.

Цѣль Хронологическихъ таблицъ, по словамъ самаго автора, состоитъ въ доставленіи способа, безъ ма-

тематическихъ выкладокъ, удобно и скоро находить всѣ предметы, относящіеся къ церковному времясчисленію, и ознакомиться съ хронологическими терминами, употребляемыми въ Пасхаліи, церковныхъ книгахъ, лѣтописяхъ и другихъ памятникахъ нашей словесности. Употребивъ двѣнадцать лѣтъ на составленіе этихъ таблицъ, авторъ надѣется, что онѣ пополнятъ недостатокъ подобныхъ сочиненій въ нашей литературѣ. Для историковъ и археологовъ онѣ могутъ быть полезны тѣмъ, что онѣ избавятъ ихъ отъ справокъ съ книгами, которыя не столько помогаютъ дѣлу, сколько вводятъ въ заблужденіе, и отъ медленныхъ и не всегда вѣрныхъ выкладокъ.

Г. Бередниковъ съ своей стороны полагаетъ, что кромѣ обыкновеннаго употребленія, сіи таблицы могутъ быть полезны еще въ слѣдующихъ отношеніяхъ:

1) Въ нихъ собранъ запасъ данныхъ для обработанія въ формѣ науки церковной и гражданской нашей хронологіи и для составленія ея исторіи по лѣтописямъ, грамотамъ и проч.

2) Хронологическія числа въ нужныхъ случаяхъ опредѣляются посредствомъ выкладокъ; но это неудобно при справкахъ съ данными, основанными на разныхъ началахъ или особенностяхъ времясчисленій. Здѣсь нужны таблицы, въ родѣ составленныхъ Г. Хавскимъ, которыя представляли бы не только искомыя числа, но и формы времясчисленій въ различныхъ видахъ, по отношенію къ нимъ чиселъ.

3) Хронологія нашихъ лѣтописей доселѣ не подвергнута критическому изслѣдованію. Запутанность ея отчасти происходитъ отъ смѣшенія Мартовскаго времясчисленія съ Сентябрскимъ. Старинные переписчики, составляя своды лѣтописныхъ извѣстій, дошедшіе до насъ въ видѣ лѣтописей, выбирали ихъ изъ древнихъ списковъ съ Мартовскими и Сентябрскими годами, и почти неизбѣжно впадали въ ошибки; напр. взявъ извѣстіе изъ одного списка съ Мартовскимъ годомъ, предшествующимъ шестью мѣсяцами Сентябрскому, и встрѣтивъ его въ другомъ спискѣ подъ Сентябрскимъ, ставили годъ произвольно, или повторяли то же извѣстіе подъ двумя годами. Описки довершили порчу годовыхъ чиселъ.... И такъ критика должна рѣшить хронологическую задачу нашихъ лѣтописей, т. е. показать разность времясчисленій, употребленныхъ въ спискахъ, отмѣтить ошибки, вкравшіяся отъ невѣжества писцевъ, и опредѣлить истинное время событій, посредствомъ хронологіи и сличенія всѣхъ однородныхъ статей, разсѣянныхъ въ лѣтописяхъ. Но для сего необходимы, какъ пособія, подробныя историко-хронологическія таблицы, изъ которыхъ къ лучшимъ принадлежатъ составленныя Г. Хавскимъ.

Такъ какъ не смотря на нѣкоторые указанные Г. Рецензентомъ недостатки, таблицы Г. Хавскаго превосходятъ всѣ извѣстныя у насъ подобныя руководства своею полнотою и удобствомъ къ употребленію и служатъ пособіемъ къ обработанію Хронологіи и исправ-

ленію нашихъ лѣтописей, Академія, согласно съ мнѣніемъ Рецензента, удостоила трудъ сей полезной Демидовской преміи.

Кромѣ сихъ девяти увѣнчанныхъ сочиненій, оказались достойными вниманія отечественной публики еще слѣдующія три книги:

Перевлѣсскаго, Начертаніе Русскаго Синтаксиса.

Пушкарева, О душевныхъ болѣзняхъ въ судебно-медицинскомъ отношеніи. С. П. 1848. 8°.

Ашика, Воспорское Царство съ его палеографическими и надгробными памятниками. 3 части. Одесса 1848. 4°.

также

Петрова, Два пасхальныхъ Указателя и Руководство къ уразумѣнію ихъ.

и *Ермакова*, Ручной Планиметръ.

Въ уваженіе пользы, обѣщаемой сими замѣчательными трудами, Академія положила упомянуть о нихъ съ похвалою и отзывы о нихъ Гг. Рецензентовъ напечатать для всеобщаго свѣдѣнія.

Золотыя медали присуждены:

Перваго достоинства, Академику Медико-Хирургической Академіи Дубовицкому, за рецензію книги Г-на Заблоцкаго и

Втораго достоинства, Доктору Философіи и Богословія Эдуарду фонъ Муральту, за разборъ сочиненія Г-на Ашика.

РАЗБОРЪ

сочиненія

Г-на ЧЕБЫШЕВА,

АДЪЮНКТА С. ПЕТЕРБУРГСКАГО УНИВЕРСИТЕТА,

подъ заглавіемъ:

ТЕОРІЯ СРАВНЕНІЙ;

составленный

Гг. Академиками: ФУСОМЪ и БУНЯКОВСКИМЪ.

Теорія чиселъ, эта важная отрасль чистаго математическаго анализа, очень недавно сдѣлалась у насъ предметомъ, до нѣкоторой степени обязательнымъ, при высшемъ математическомъ образованіи. Не останавливаясь на вопросѣ о значеніи этой науки въ ряду знаній положительныхъ, укажемъ только, въ короткихъ словахъ, на пользу, которую она приноситъ. Для этого достаточно бы было исчислить многоразличныя ея приложенія къ высшей Алгебрѣ и къ Интегральному Исчисленію. Но, кромѣ того, Теорія чиселъ имѣетъ другое, неоспоримое достоинство: она въ высшей степени способствуетъ развитію привычки не довѣрять поверхностнымъ взглядамъ, а подвергать каждый предметъ обстоятельному, полному разбору. Тонкія, иногда глубокомысленныя умозаключенія, встрѣчающіяся въ ней, изощряютъ способность мышленія, и въ этомъ отношеніи, по нашему мнѣнію приносятъ высшему образованію такую же пользу, какую, согласно съ свидѣтельствомъ всѣхъ Педагоговъ, можно ожидать отъ Геометріи для средняго образованія. Въ такомъ убѣжденіи С. Петербургскій и Казанскій Университеты, два года тому назадъ, ввели ее въ число факультетскихъ предметовъ.

Недостатокъ книгъ о Теоріи чиселъ на Русскомъ языкѣ конечно отчасти замедлилъ у насъ ея изученіе. Кромѣ немногихъ Академическихъ записокъ и отдѣльныхъ статей объ этой теоріи, помѣщенныхъ въ нѣкоторыхъ курсахъ Алгебры, мы до сихъ поръ ничего не имѣли о ней, сколько нибудь полнаго, даже въ переводѣ. И такъ, появленіе оригинальнаго сочиненія по предмету Трансцендентной Ариѳметики конечно обратитъ на себя вниманіе отечественныхъ математиковъ.

Г. Чебышевъ, Адъюнктъ С. Петербургскаго Университета, представилъ въ прошедшемъ году въ Демидовскій конкурсъ сочиненіе въ рукописи подъ заглавіемъ: *Теорія Сравненій*; по порученію Академіи мы разсматривали этотъ трудъ, нынѣ почти оконченный печатаніемъ. Имѣемъ честь представить объ немъ слѣдующее мнѣніе:

Книга Г. Чебышева составляетъ отдѣльное цѣлое, именно общую, наиболѣе важную часть Ученія о числахъ. Въ самомъ дѣлѣ, теорія сравненій служитъ основаніемъ всѣхъ изысканій входящихъ въ высшую Ариѳметику; въ нѣкоторомъ смыслѣ она есть умозрительная ея часть, а Діофантовъ анализъ, только приложеніе ея законовъ къ рѣшенію практическихъ вопросовъ. Нельзя не обратить особеннаго вниманія на искусство, съ которымъ Авторъ расположилъ и подвелъ подъ общія начала всѣ изслѣдованія и доказательства, относящіяся къ Теоріи сравненій. Учёные, спеціально занимающіеся этимъ предметомъ, очень хорошо знаютъ, какъ трудно

привести въ систематическій порядокъ статьи, по видимому разнородныя, но которыя однакожъ, по зрѣломъ обсужденіи, должны войти въ изложеніе науки о числахъ. По нашему мнѣнію, одно составленіе обстоятельной, систематической программы по этой отрасли Математики, есть уже трудъ, вполнѣ заслуживающій благодарности.

Сочиненіе Г. Чебышева раздѣлено на восемь Главъ слѣдующаго содержанія: Глава I. *О сравненіяхъ вообще.* Глава II. *О сравненіи первой степени.* Глава III. *О сравненіяхъ высшихъ степеней.* Глава IV. *Сравненія второй степени.* Глава V. *О сравненіяхъ двучленныхъ.* Глава VI. *О сравненіяхъ вида* $u^x \equiv A \pmod{p}$. Глава VII. *О сравненіи второй степени съ двумя неизвѣстными.* Глава VIII. *Приложеніе Теоріи сравненій къ разложенію чиселъ на простые множители.* Вслѣдъ за этими осьмью Главами, помѣщены три *Прибавленія*, именно: I. *О значеніи символа* $\left(\frac{p}{q}\right)$ *при* p *и* q *составныхъ; приложеніе къ опредѣленію* $\left(\frac{p}{q}\right)$ *при* q *простомъ.* II. *О первообразныхъ корняхъ. Теоремы, служащія для опредѣленія первообразныхъ корней различныхъ чиселъ по ихъ виду.* III. *О свойствахъ функціи, опредѣляющей сколько простыхъ чиселъ, меньшихъ даннаго.* Въ заключеніи книги, Авторъ приводитъ три таблицы, изъ которыхъ двѣ послѣднія особенно полезны при изслѣдованіяхъ о свойствахъ чиселъ: I. *Таблица простыхъ*

чиселъ до 6000, II. *Таблица указателей и первообразныхъ корней для чиселъ мѐньшихъ* 200. III. *Таблица линейныхъ дѣлителей формулы* $x^2 \pm ay^2$ *до* $a = 101$.

Въ *Предисловіи* къ своему сочиненію Г. Чебышевъ, въ короткихъ словахъ, поставилъ на видъ главныя заслуги *Фермата*, *Эйлера*, *Лагранжа*, *Лежандра* и *Гаусса* по предмету Теоріи чиселъ. Тамъ же онъ старался оправдать систему изложенія, принятую имъ въ своей Теоріи сравненій, и, должно отдать справедливость Автору, порядокъ, котораго онъ придерживался, очень естественный, и постепенность вездѣ соблюдена какъ нельзя строже. Легко убѣдиться въ этомъ пробѣжавъ подробное содержаніе параграфовъ, входящихъ въ составъ каждой Главы. Не смотря на свою краткость, *Предисловіе* свидѣтельствуетъ, что Авторъ глубоко изучалъ труды математиковъ по предмету Трансцендентной Ариѳметики, и преимущественно изслѣдованія Эйлера. Весьма любопытнымъ показалось намъ замѣчаніе Г. Чебышева, что въ мемуарѣ подъ заглавіемъ: *Observationes circa divisorem quadratorum per numeros primos*, изданномъ Эйлеромъ еще въ 1772 году, заключается, правда безъ доказательства, одно предложеніе, которое въ сущности выражаетъ *законъ взаимности двухъ простыхъ чиселъ*. Этотъ примѣчательный законъ, одинъ изъ важнѣйшихъ въ Теоріи чиселъ, предложенъ и доказанъ Лежандромъ въ 1785 году; но сближеніе теоремы Эйлера съ Лежандровой, сколько намъ извѣстно, не было замѣчено до сихъ поръ математиками.

Текстъ сочиненія заключаетъ въ себѣ полное изложеніе началъ науки о числахъ. При расположеніи статей Авторъ слѣдовалъ въ той мѣрѣ, въ какой аналогія дозволяла, раздѣленіямъ и переходамъ отъ одного предмета къ другому, принятымъ въ опредѣленномъ Алгебраическомъ Анализѣ. Такой порядокъ должно считать вполнѣ естественнымъ и удовлетворительнымъ, сообразивъ, что *уравненія* опредѣленнаго Алгебраическаго Анализа, въ Общей части Теоріи чиселъ замѣняются *сравненіями*, то есть *равенствами остатковъ*. Конечно, по самой сущности предмета, аналогія не могла быть поддержана во всѣхъ подробностяхъ, и тутъ предстоялъ Автору трудъ систематическаго расположенія нѣкоторыхъ отдѣльныхъ предложеній, въ чёмъ онъ имѣлъ полный успѣхъ. При естественности системы, сочиненіе Г. Чебышева имѣетъ и другія достоинства, относящіяся къ самому изложенію. Кромѣ ясности и строгости доказательствъ, истинно геометрическихъ, оно отличается простотою пріёмовъ и единообразіемъ способовъ, а это самое значительно облегчитъ изученіе теоріи чиселъ, которая, по отвлеченности своей, многимъ казалась недоступною. Въ подтвержденіе нашихъ словъ, мы укажемъ между прочимъ на *Главу IV*, въ которой излагается подробно *теорія сравненій второй степени*, и, какъ принадлежащее сюда предложеніе, *законъ взаимности* двухъ простыхъ чиселъ. Предметъ этой Главы считается однимъ изъ наиболѣе сбивчивыхъ и затруднительныхъ; между тѣмъ, читая его въ книгѣ Г. Чебы-

шева, онъ покажется чрезвычайно простымъ и элементарнымъ, что, безъ сомнѣнія, послужитъ лучшею похвалою изложенію.

Скажемъ еще нѣсколько словъ о трехъ *Прибавленіяхъ*, заключающихъ въ себѣ собственныя изслѣдованія Сочинителя. Въ *первомъ* изъ нихъ, подъ заглавіемъ *квадратичные вычеты*, Г. Чебышевъ распространилъ опредѣленіе символа $\left(\frac{a}{N}\right)$, предложенное Лежандромъ только для N простаго, на случай какого ни есть сложнаго числа N. Изъ изслѣдованій Автора проистекаетъ легчайшій способъ для вычисленія этой символической формулы въ общемъ случаѣ, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, обнаруживаются значительныя преимущества такого знакоположенія въ другихъ частяхъ Теоріи чиселъ. *Второе Прибавленіе* имѣетъ предметомъ опредѣленіе первообразныхъ корней для нѣкоторыхъ простыхъ чиселъ даннаго вида. Изысканія, о которыхъ говоримъ, примѣчательны тѣмъ, что заключаютъ въ себѣ первый успѣшный опытъ непосредственнаго опредѣленія первообразныхъ корней, независимый отъ послѣдовательныхъ испытаній или подстановленій. Въ упоминаемомъ *прибавленіи* любители Теоріи чиселъ найдутъ четыре предложенія о первообразныхъ корняхъ, совершенно новыя по своей сущности. Выписываемъ эти теоремы:

Теорема 1. *Первообразный корень числа простаго* $2^{2n}+1$ *есть* 3. Примѣры: 5, 17, 257, 65537 имѣютъ первообразнымъ корнемъ 3.

Теорема 2. *Первообразный корень числа* $2(4n+1)+1$, *при* $4n+1$ *простомъ, есть* 2, *а числа* $2(4n+3)+1$, *при* $4n+3$ *простомъ, есть* $2(4n+3)-1$. Къ первому случаю относятся числа 11, 59, 83, 107, 123, которыхъ первообразный корень есть 2; ко второму 7, 23, 47, которыхъ первообразные корни будутъ соотвѣтственно 5, 21, 45.

Теорема 3. *Первообразный корень* $4n+1$ *при* n *простомъ, нечётномъ, есть* 2. Такъ 13, 29, 53, 117 имѣютъ первообразнымъ корнемъ 2.

Теорема 4. *Число вида* $4.2^m.n+1$, *при* n *простомъ, превосходящемъ* $\frac{9^{2m}}{4.2^m}$, *имѣетъ первообразнымъ корнемъ* 3. Такъ числа 89, 137 вида $8n+1$ и 5009 вида $16n+1$, имѣютъ первообразнымъ корнемъ 3.

Наконецъ, въ *третьемъ Прибавленіи*, Авторъ занимается изслѣдованіемъ свойствъ функціи, опредѣляющей совокупность простыхъ чиселъ, меньшихъ даннаго предѣла. Этотъ трудъ, требовавшій самыхъ тонкихъ соображеній изъ Интегральнаго Исчисленія, одобренъ нашею Академіею, и напечатанъ въ прошломъ году на Французскомъ языкѣ въ *Mémoires des Savants étrangers*, почему и считаемъ излишнимъ говорить о его достоинствѣ.

Согласно съ изложенными выше замѣчаніями, рецензенты не сомнѣваются, что *Теорія сравненій* Г. Чебышева, по достоинству своему, послужитъ къ дѣйстви-

тельному обогащенію отечественной математической литературы. Какъ первый самостоятельный трудъ на Русскомъ языкѣ о предметѣ, признанномъ весьма важнымъ всѣми математиками, онъ заслуживаетъ особеннаго вниманія и одобренія, и рецензенты признали бы его достойнымъ полной Демидовской преміи, еслибъ сочиненіе заключало въ себѣ Теорію чиселъ во всёмъ ея объёмѣ, именно *теорію сравненій* съ присовокупленіемъ *приложенія ея къ Діофантову Анализу*. Весьма желательно, чтобы Авторъ издалъ вторую часть Трансцендентной Арѳметики, и изложилъ её съ такою же послѣдовательностію, простотою и изяществомъ какъ первую. Тогда бы мы имѣли полный Трактатъ о Теоріи чиселъ, соотвѣтствующій современному состоянію науки. Въ ожиданіи появленія новаго труда, предлежащій, по совершенному убѣжденію рецензентовъ, вполнѣ заслуживаетъ одобренія Академіи, почему они и имѣютъ честь ходатайствовать о присужденіи Сочинителю *Теоріи Сравненій*, Адъюнкту П. Чебышеву, второстепенной Демидовской награды.

Академики: БУНЯКОВСКІЙ.
П. ФУСЪ.

7-го Апрѣля, 1849 года.

РАЗБОРЪ

сочиненія

ПѢШЕХОДНАЯ ОПИСЬ

ЧАСТИ РУССКИХЪ ВЛАДѢНІЙ

ВЪ АМЕРИКѢ,

произведенная

Лейтенантомъ **А. ЗАГОСКИНЫМЪ**;

составленный

Академикомъ **МИДДЕНДОРФОМЪ**.

Mustern wir in Gedanken die Reihe derjenigen Reisebeschreibungen, welche uns bis auf den heutigen Tag mit dem Inneren der nordwärts vom 60ten Breitengrade sich erstreckenden Massen des Amerikanischen Festlandes bekannt gemacht haben, so finden wir, dass, trotz der besonderen Vorliebe der Britten für die Erforschung der Polargränze Nord-Amerika's, nur wenige Reisende namhaft gemacht werden können, und dass selbst diese Wenigen uns nur spärliche Kunde zu bringen vermochten.

Leicht dürften wir der Vermuthung folgen, das Element sei es gewesen, das die Brittische Nation stets vom Kontinente abgelenkt und sie den Meeren jener Gegenden stets von Neuem zugeführt, wenn gleich die Erfahrung von bald drei Jahrhunderten zur Genüge gelehrt hat, dass jene hochnordischen Meere von denen hier die Rede ist, den Gedanken an die langgeträumte Nordwestdurchfahrt zu einem geographischen Hirngespinnste, und sich selbst zu einem Festwasser gestempelt haben. In der That würden wir aber irren, wollten wir den geringfügigen Umfang und den spärlichen, grösstentheils der wissenschaftlichen Form entbehrenden, Inhalt der Literatur über das Innere des nördlichsten

Nord-Amerika's, nur dem oben angeführten Grunde zuschreiben. Nicht nur Neuholland, sondern namentlich Zentral-Asien, widersprechen der Annahme, als schwände unserer grossen seegeborenen Nation die Kraft, mit der Entfernung vom Meere.

Wir sind auf einer richtigeren Spur, wenn wir die bekannten Land-Reisen in Nord-Amerika Mackenzie's, Franklin's und des jüngeren Simpsons, welche sich allgemeine Bewunderung erworben haben, mit den See-Reisen der Britten in den arctischen und antarctischen Gewässern vergleichen. Es kann hier nicht die Rede sein von dem Reichthume der Natur in tropischen Gegenden, welcher die Beschreibungen der meisten Seereisen unseres Jahrhunderts zu den mächtigen Folianten heranwachsen liess, welche den Schrecken, gleich wie den Stolz unserer Bibliotheken bilden. Das hohe Meer ist in den Polargegenden das ärmste Feld der Forschung, und dennoch brachten die Polarreisen zur See, einen weit bedeutenderen wissenschaftlichen Schatz heim, als die ihnen entsprechenden Landreisen, wenn gleich den letzteren ein reicheres Feld zu Gebote gestanden hatte.

Nicht Land, nicht Wasser, an sich und als Gegenstand der Forschung, brachten also jene bald reicheren bald spärlichen Erfolge mit sich, sondern der Land- und der See-Weg, mit anderen Worten die Weise des Reisens, bedingten das Wesentliche des Unterschiedes. Die Mühseligkeiten des Wanderns, die Schwierigkeiten der Fortschaffung alltäglichen Lebensbedarfes an Kleidung

und Nahrung, geschweige denn anderer Lasten wie z. B. wissenschaftlicher Apparate und Sammlungen, erschweren im Inneren unbewohnter hochnordischer Gegenden das Reisen in dem Grade, und sind so zeitraubend, dass wir, wie gesagt, das Innere des nördlichsten Nord-Amerika's nur aus höchst spärlichen und unwissenschaftlichen Nachrichten kennen, wenn es gleich in allen Richtungen von den Pelzhändlern der Hudsonsbay-Compagnie durchstreift worden und auch jetzt noch jährlich durchstreift wird. Viele dieser Pelzhändler und Beamte der Compagnie haben einen hinreichenden Grad von Bildung um beobachten und beschreiben zu können, doch fanden die Wenigen, die Letzteres gethan, wie z. B. Balantyne (in seinen lebendigen und allgemeiner Aufnahme sich erfreuenden Schilderungen) nur dann Musse und Lust dazu, wo es die wohnlichsten und schon fester Wohnsitze sich erfreuenden Gegenden galt. Das Nomadenleben schliesst die Schreibseligkeit aus; über die Bedürfnisse der Gegenwart und des Tages, schwindet jedem Nomadisirenden der wissenschaftliche, für ferne Zukunft sorgende Sinn.

Entnehmen wir den vorangeschickten einleitenden Worten einen Maassstab für unsere, hier abzuschätzende, Reisebeschreibung, da sie uns mit dem äussersten Westen des besprochenen kontinentalen Hochnordens Amerika's bekannt macht; bewahren wir uns vor dem Missgriffe, unseren Landsmann strenger zu richten, als wir selbst, als die ganze gelehrte Welt mit jenen oben ge-

nannten Coryphaeen der Untersuchungsreisen im Inneren Nord-Amerika's verfahren ist, und behalten wir stets im Auge, dass es ganz anders mit der Kenntniss um die Geographie unseres Reiches stände, wenn jährlich nur ein Einziger der grossen, ich möchte sagen unzählbaren, Menge, mit den verschiedensten Aufträgen in das Innere und an die äussersten Grenzen des Reiches hin betrauten, nach dem Beispiele des Herrn Lieut. Sagosskin, die anspruchlosen Früchte vorurtheilsfreier Beobachtungen veröffentlicht hätte.

Herr Sagosskin begab sich, im Auftrage der Nord-Amerikanischen Compagnie von Sitcha aus zu Schiff zur Redoute des h. Michael (63½° N. Br.). Es war ihm die Aufgabe gestellt: die Flussgebiete des *Kwichpack* und des *Kuskokwim* geographisch und topographisch aufzunehmen und im merkantilen Interesse zu schildern; die günstigsten Trageplätze und insbesondere den Weg zu ermitteln, welchen ein Theil des Pelzwerkes der genannten beiden Flussgebiete, hinüber zu dem Flusse *Buckland* und dem weit verbreiteten Handelsverkehre der Tschuktschen nahm, damit, wenn nöthig, ein neuer Handelsposten am Kotzebue-Sunde gegründet werden könnte.

Nach nahe zwei und halb jährigem Wandern in den Flussgebieten des Kwichpack und des Kuskokwim kehrte Herr Sagosskin im September 1844 nach Sitcha zurück. Ueberlassen wir es der Compagnie, mit ihm der Gründe wegen zu rechten, weshalb Herr Sagosskin die Unter-

suchung der Quellen des Kuskokwim und Kwichpack, die des Buckland-Flusses und Kotzebue-Sundes unterlassen; die Wissenschaft hat Letzteres nur wenig zu bedauern, da die Eschscholtzbai jenes Sundes, Gegenstand besonderer Aufmerksamkeit von *Beechey's* Expedition gewesen ist; vom Buckland-Flusse und den Quellen der beiden anderen wissen wir aber bis auf den heutigen Tag leider noch immer nichts, und allerdings fehlt uns folglich gerade der schwierigere Theil des unbekannten Gebietes.

Kehren wir jetzt zur Betrachtung des Thatbestandes zurück, und erörtern fürs Erste, was schon vor Herrn Sagosskin über jene Gegenden bekannt gewesen, und welche Vorwürfe wir ihm zu machen haben, um dann wiederum den Nutzen seiner Leistungen in das verdiente Licht stellen zu dürfen.

Die Flussgebiete des Kuskokwim und Kwichpack waren bis zum Jahre 1839 völlig unbekannt. Im genannten Jahre verdankten wir dem aufgeklärten Sinne unseres, mit Recht berühmten, Geographen, des Admiralen v. Wrangell, die ersten Nachrichten über jene Gegenden; theils nach eigenen Zusammenstellungen der Berichte verschiedener Beamten der Nord-Amerikanischen Compagnie, während Wrangells vieljähriger Verwaltung der Kolonien von Sitcha aus, theils in Gestalt zugestutzter Originalberichte jener Beamten. Diese Nachrichten wurden von unserer Akademie als erstes Bändchen, der von Baer und Helmersen herausgegebenen Beiträge zur Kenntniss des Russischen Reiches veröffent-

licht. Uebrigens dürfen wir daran erinnern, dass dies Mal die Veröffentlichung der erworbenen Kenntnisse nicht so saumselig gewesen, als es bei uns gewöhnlich ist, und in diesem Falle namentlich wahrscheinlich erscheinen möchte, da die Untersuchungsreisen in den Gebieten, von denen hier die Rede ist, erst mit dem Unterfähnrich Wassiljev im Jahre 1828 begannen, erst 1830 mit Erfolg gekrönt, 1832 und 1833 durch Kolmakov vervollständigt, in demselben Jahre durch die Gründung der Redoute St. Michael befestigt, und namentlich durch die Ergebnisse der Reise des Schiffergehülfen Glasunov vermittelst Wrangells Kenntnisse der Ortsverhältnisse zu einem höchst brauchbaren Gesammtbilde vereinigt wurden, welches in seinen Umrissen wenig zu wünschen übrig liess, der spezielleren Durchführung mancher interessanter Eigenthümlichkeiten jedoch wie begreiflich noch vollen Spielraum gewähren musste. Das ist es was von einer späteren Sendung erwartet werden durfte, und was, unserer Meinung nach, Herr Sagosskin nach Kräften erfüllt hat.

Sehr bedauren müssen wir es daher, zugleich mit Herrn Sagosskin, dass ihm die Leistungen seiner Vorgänger nicht vor seiner Sendung vollständig zu Gebote gestanden haben; als Männer der Wissenschaft müssen wir es rügen, dass Herr Sagosskin seine Vorgänger im Reisen, deren handschriftliche Original-Berichte er vor der Herausgabe seines Werkes durchgenommen, nur sehr flüchtig erwähnt. Hätte er deren

Leistungen mehr hervorgehoben, so wären wir wahrscheinlich dazu berechtigt ihm vollständig nachzusehen, dass er der Veröffentlichungen Wrangells kaum erwähnt, da wir wissen, dass die Sprache ihm die Benutzung dieser Veröffentlichungen nicht gestattete. In dieser Beziehung Herrn Sagosskin frei zu sprechen, ist uns jetzt jedoch um so weniger gestattet, als er die Uebersetzung von Wrangells Abhandlung in einer Russischen Zeitschrift (Сынъ Отечества 1839) allerdings gelesen; wie er es selbst mittheilt.

Sollen wir Herrn Sagosskin die Wahl des Titels vorwerfen? wir thäten ihm, scheint uns, darin Unrecht, wenn wir gleich im Laufe der Beschreibung bald gewahr werden müssen, dass er den grössten Theil seiner Reise zu Wasser zurücklegte. Den gebotenen Fortbewegungsmitteln nach, wird diese Reise immerhin besser durch den Titel einer Fusswanderung karakterisirt. In einem öden Gebirgslande führt der Weg den Reisenden in steter Abwechselung bald im Bette der Gewässer, bald über die Abhänge fort, und wir würden uns fruchtlos verwickeln, wollten wir die Strecken des einen gegen die des anderen Weges kleinlich abmessen. Sollten wir nicht, die auffallende Ueberschrift «матеріалы для эстетики» rügen?

Gehen wir lieber, vom Gewande absehend, dazu über, was Herr Sagosskin uns im Wesentlichen bietet und erfreuen wir uns der Beflissenheit des Reisenden, Alles was ihm die Natur jener Gegenden geboten, ein-

fachen Sinnes zu beachten. Durch die nothwendigen Kenntnisse in den Naturwissenschaften unterstützt, hätte uns Herrn Sagosskin's Beobachtungsgabe ein vortreffliches und vollständiges Material für die wissenschaftliche Bekanntschaft mit den bereisten Gegenden geboten, denn schon in der Gestalt, in welcher die Reise uns vorliegt, ist sie ungemein belehrend und wir müssen dem Reisenden namentlich dafür Dank wissen, dass er, trotz den Schwierigkeiten des Transports, es nicht unterlassen, die unumgänglichen naturwissenschaftlichen Belegstücke heim zu bringen. Bei dieser Gelegenheit darf die Akademie sich des Einflusses aufrichtig freuen, den die Anwesenheit des Conservatorgehilfen Wosnessenski in Sitcha, schon in so kurzer Zeit bestätigt hat, und auch für eine fernere Zukunft verspricht; bei diesem hatte sich Herr Sagosskin in Bezug auf das Sammeln die nöthige Anweisung geholt.

Von geographischem Gesichtspunkte aus, war der Expedition die astronomische und topographische Aufnahme des durchreisten Landstriches zur Hauptaufgabe gemacht worden, und Herr Sagosskin hat dieser Anforderung durch seine Karte entsprochen welche auf der Breiten- und Längenbestimmung von 40 grösstentheils am Kwichpack und Kuskokwim gelegenen Punkten beruht. Die Berechnungen welche diesen Ortsbestimmungen zum Grunde liegen, sind gehörigen Ortes niedergelegt. Sollte auch, im ungünstigsten Falle, eine scharfe Durchsicht dieser Berechnungen ergeben, dass die Orts-

bestimmungen den gesteigerten Anforderungen der Neuzeit nicht vollkommen entsprechen, wie schon die Erwähnung des Zustandes der mitgegebenen Instrumente vermuthen lässt, so sind sie doch sicher mehr als nöthig genau für die Geographie jener Gegenden. Mag der Astronom als solcher sein Richteramt üben, doch dränge er die mathematisch scharfe Wage seiner Gerechtigkeitspflege nicht der beschreibenden Geographie auf, welche nur nach Haltpunkten für die Topographie, für die schwankenden Resultate der Klimatologie, der Pflanzen- und Thiergeographie ausschaut, ohne der Secunden eines Grades zu achten. Herrn Sagosskin's Ortsbestimmungen sind aber die ersten die den Lauf der beiden genannten Flüsse berichtigten, da z. B. Wassiljew, durch das feindselige Verhalten der Eingebornen gedrängt, nicht nur gar keine Ortsbestimmungen machen, sondern zu Ende seiner Reise nicht ein Mal die Compassrichtungen nehmen konnte. Wir verdanken also Herrn Sagosskin die Berichtigung der Südwestküste des Norton-Sundes und des unteren Laufes vom Kwichpack; den mittleren Lauf des Kuskokwim und den früher von Kolmakov aufgenommenen Junnoka hat er uns fast völlig von Neuem angegeben, und endlich hat er uns zuerst mit dem Kwichpack oberhalb vom Einflusse des Anwig, dann mit einem grossen Theile des Laufes der Junnoka und Sunna, nebst dem Trageplatze vom ersteren dieser beiden Flüsse auf den Buckland-Fluss hinüber bekannt gemacht.

Wir möchten demjenigen, dem die Zeit und das Interesse fehlen sollten in nähere Einzelnheiten einzugehen, rathen, die beiden Karten nebeneinander zu halten, welche einerseits Adm. Wrangell im Jahre 1839, andrerseits Herr Sagosskin im Jahre 1847 ihren Abhandlungen beigelegt. Nicht nur ein übersichtliches Urtheil über die geographischen Leistungen ergibt ein solcher Vergleich, sondern es lässt sich daran ein analoges Verhältniss der Bereicherung unserer ethnographischen Kenntnisse durch das vorliegende Reisewerk, knüpfen. Es sind diese nämlich, theils schärfer begrenzt, theils weiter ausgeführt, theils durch völlig neue Gebiete erweitert worden, und da es hier nicht am Platze wäre sich in Einzelnheiten zu verlieren, so wollen wir dabei stehen bleiben, einerseits zu bemerken, dass gerade die Flussgebiete des Kwichpack und Kuskokwim in ethnographischer Beziehung von hohem Interesse sind, weil sich hier die südlichen Verzweigungen des Esquimaux-Stammes mit den von Osten herangerückten sogenannten Indianern Nord-Amerika's berühren. Es konnte das vorliegende Gebiet nicht frühe genug in Bezug auf seine Bevölkerung untersucht werden, da wir aus unserer Reisebeschreibung ersehen, mit welchen Riesenschritten dieselben Stämme, welche noch im Jahre 1839 einen Russischen Handelsposten überfielen und vernichteten, ihre Eigenthümlichkeiten aufzugeben im Begriffe sind. Leute welche bis zur Ankunft der Russen in Bezug auf

Sitten und Gewohnheiten eine scharfe Scheidelinie zwischen den Schnupfenden und den Rauchenden aufrecht erhielten, sind im vollsten Gange, mit dem Russischen Theegetränke, den Russischen Mützen, Hemden und Ueberwürfen zugleich das Wesentliche ihrer Gebräuche und folglich auch ihrer Lebensansichten aufzugeben. Seit 1837 zeigen sich die Tschuktschen nicht mehr an der Südküste des Norton-Sundes, wo sie früher jährlich erschienen; sie weichen dem überlegenen Handelsgeiste der zivilisirten Eindringlinge. Gleich ihnen verschieben und vermischen sich die früher getrennten Horden und wir müssen den speziellen Angaben um so mehr Dank wissen, je zersplitterter ursprünglich die Dialekte gewesen, je schwieriger, je unmöglicher es wäre, ohne einen besonderen Leitfaden sich durch das Namengewirre der Völkchen hindurchzuarbeiten, dessen Wust um so verwirrender, da ihre Wohnsitze, die Flüsse, von Ort zu Ort anders benannt werden. So kehrte Wassiljew zurück, ohne ein, ihm in der Instruktion bezeichnetes Völkchen finden zu können, während Sagosskin ihm nachweist, dass er mit demselben in Berührung gewesen, ohne es erkannt zu haben.

Andrerseits müssen wir anerkennen, dass Herr Sagosskin uns die beobachteten Völkerschaften nach schlichter vorurtheilsfreier Anschauung geschildert, dass er es als theilnehmender Mitmensch und nicht im Selbstgefühle seiner eigenen Bildungsgrösse gethan. Wir verdanken ihm so, eine deutliche Schilderung des Schaffens

und Seins jener Menschen, während der ersten Berührungen mit der Zivilisation, und mithin einen Maasstab mehr, für die richtige historische Auffassung der Kulturgeschichte, näher gelegener, und deshalb schon längst verwischter Nationalitäten, in der Urbedeutung dieses Wortes.

Erwähnen wir dankend: der Berichtigung von Wassiljew's um das Doppelte übertriebenen Angaben über die Stärke der Bevölkerung, welche, zumal ohne die wenigen genaueren Nachrichten über die Verheerungen der Pocken-Epidemie die uns Sagosskin mittheilt, gar leicht zu Trugschlüssen veranlassen konnten; der Nachrichten über Lebensart, Gebräuche, Festlichkeiten, Jagd, Fischerei u. s. w. der etwas vollständigeren Wörterverzeichnisse als bisher u. d. m.

Wo der Fuss des Reisenden nicht hinreichte, da halfen Erkundigungen nach, und diesen verdanken wir z. B. die Aufzählung von 38 Wohnplätzen der nördlicher hausenden Horden vom Esquimaux-Stamme u. d. m.

Während aber, wie gesagt, in den bisher betrachteten Disziplinen schon Mehreres vorgearbeitet war, müssen wir Alles, was auf die Klimatologie, auf die Vegetation und das Thierreich in der vorliegenden Reise Bezug hat, für eine neue Zugabe zur Bereicherung der Wissenschaften ansehen. Ausser täglich während des Zuges morgens und abends um 8 Uhr angestellten und deshalb freilich wenig genügenden Thermometerbeobachtungen, bis am 16ten Januar 1844 das Reisethermometer

zerbrach, theilt uns Herr Sagosskin regelmässig vier Mal täglich, um 8, 12, 4 und 12 Uhr angestellte Beobachtungen des Thermometers und der Windrichtung mit, welche allerdings hinreichen, um den Begriffen über die dortigen Temperaturverhältnisse einen bestimmteren Ausdruck zu geben, wenn gleich den sechs Schlussmonaten des Jahres unter $63^1/_2{}^0$ N. Br. (Red. St. Michael) die sechs ersten Monate unter $64^{03}/_4$ (Nulato) zur Ergänzung angehängt werden müssen; denen aber noch fast ein halbes Jahr unter $61^{01}/_2$ und $61^{03}/_4$ angestellter Beobachtungen erläuternd beigefügt werden können.

Eben so lehrreich sind die genauen Angaben über das Aufgehen und Gefrieren der Flüsse, das Hervorspriessen der Vegetation, die Baumgrenzen, die Zeit der Ankunft und des Abzuges der Zugvögel, den gefrorenen Boden und über den geglückten Versuch im Gemüsebaue unter $64^{03}/_4$ N. Br. (Nulato).

Die Geognosie vermag nur einige Winke über die Orographie, über die Grenzen der Eruptionsgesteine und über das Vorkommen einiger in Petersburg genauer bestimmter Mineralienproben zu nutzen. Die Pflanzen und Insekten welche Herr Sagosskin heimgebracht, bilden wohl den artenreichsten und einen gewiss auch recht interessanten Theil der kleinen Sammlung; doch fehlen uns noch die näheren Bestimmungen. Die mitgebrachten Bälge von Vögeln sind grösseren Antheiles und zwar in $^3/_5$, exclusiv amerikanische Formen; $^2/_5$ gehören dagegen zu den allgemein borealen, und wir lernen hieraus

den grossen Unterschied zwischen der Küstenfauna und der des Inneren, schon jetzt in schlagender Weise kennen.

Fassen wir zum Schlusse zusammen, dass der Lieutenant Sagosskin zwei und ein halbes Jahr hindurch eine sehr beschwerliche und nicht gefahrlose Reise im arktischen Nordwest-Amerika angestellt hat, und durch dieselbe von diesem äussersten Theile des Russischen Reiches die früheren, sehr spärlichen und unvollständigen Nachrichten über die Gestaltung des Landes und den Zustand seiner Bevölkerung wesentlich vervollständigt und berichtigt hat; dass er 40 Punkte astronomisch bestimmt hat; dass er zuerst Reihen von meteorologischen Beobachtungen aus dem Lande nördlich von Sitcha publizirt hat; dass er eben so über die Thierwelt des Inneren von Nordwest-Amerika zuerst einige Nachricht gibt, dass er auch zu einer ersten Grundlage der Flora die Materialien deponirt hat, so kann wohl kein Zweifel darüber sein, dass Herr Sagosskin einen Demidov'schen Preis erhalten muss. Würde die Akademie anders handeln, so würde es scheinen, als wolle sie die Benutzung amtlicher Reisen zur Erweiterung unserer wissenschaftlichen Erkenntnisse nicht aufmuntern. Da aber die Ergebnisse dieser Reise, wie es die Natur der Sache mit sich brachte, doch immer etwas Fragmentarisches haben müssen, so kann eben so nothwendig auch nur ein halber Preis in Vorschlag gebracht werden.

Th. v. MIDDENDORFF.

10ten April, 1849.

РАЗБОРЪ

сочиненія

Полковника ГОФМАНА,

подъ заглавіемъ:

REISE NACH DEN GOLDWAESCHEN OSTSIBIRIENS;

составленный

Г. Академикомъ ГЕЛЬМЕРСЕНОМЪ.

Der reiche Goldsand Ostsibiriens war schon fast ein Jahrzehend lang mit steigendem Gewinne ausgebeutet und der Gegenstand allgemeiner Aufmerksamkeit geworden, ohne dass man eine wissenschaftliche Kunde von der wilden Gegend besass, in welcher er vorkommt. Zwar waren in diesem Zeitraume manche Berichte über dieselbe nach Westen gelangt, sie betrafen aber meist das allgemein Statistische des Gegenstandes, und enthielten nur einzelne Notizen und Andeutungen über die eigentliche Natur des Landes: Und doch war es nicht nur von Interresse, sondern dringend nothwendig dasselbe genauer kennen zu lernen, wenn man ein sicheres Urtheil über seine Zukunft erhalten wollte. Kein bergmännisches Geschäft kann für die Dauer ohne wissenschaftliche Basis gedeihen, man mag die praktische Erfahrung des Laien so hoch anschlagen als man immer nur will. Hiervon überzeugt sandte der verstorbene Fi-

nanzminister, Graf Cancrin, im Jahre 1843 den Obrist Hofmann mit dem Auftrage nach Ostsibirien, die wichtigsten der dortigen Golddistrikte wissenschaftlich, besonders geognostisch zu untersuchen und zu beschreiben. Die Frucht dieser Untersuchung ist eine Arbeit, von welcher die Akademie bereits Kenntniss hat, da sie in dem 12-ten Bande der Beiträge zur Kenntniss des Russischen Reiches veröffentlicht worden ist, der nach dem Schlusse des letzten Demidowschen Concurses erschien.

Wenn ich mir, ohne Zuthun des Verfassers, die Freiheit nehme die Aufmerksamkeit der Akademie nochmals auf dieses Buch zu lenken und dasselbe zur Krönung mit einem Preise zu empfehlen, so geschieht es aus zwei Gründen: Ein Mal weil sein Inhalt die Kenntniss Ostsibiriens bedeutend erweitert, und zwar in einer Gegend, die vorher zu den terris incognitis gezählt werden konnte; zweitens aber, weil es von allgemeinem wissenschaftlichen Interesse, und reich an neuen wissenschaftlich- und praktisch bedeutenden Thatsachen ist. Ein kurzer Bericht über den Inhalt des Buches wird diese Meinung rechtfertigen.

Es zerfällt in zwei Abtheilungen: in der ersten werden die Erlebnisse während der Reise, der allgemeine Anblick des Landes, der Städte und Dörfer, die Sitten und Gewohnheiten und die besondern Einrichtungen der Goldwäschen, in der dem Verfasser eigenthümlichen, lebhaften und originellen Weise geschildert. Diese treu

und scharf gezeichneten Bilder, wechseln mit geognostischen Beobachtungen ab, deren Werth dadurch noch bedeutend erhöht wird, dass sie Gegenden betreffen, die bis dahin ganz oder doch zum Theil unerforscht geblieben waren.

Man war lange Zeit gewohnt das ganze nördliche Sibirien als eine endlose Diluvial-Niederung zu betrachten. Allein je näher man diesen kolossalen Länderraum kennen lernte, desto mehr überzeugte man sich davon, dass seine orographischen Verhältnisse nicht so einfach sind, als man sie sich vorgestellt hatte. Obrist Hofmann hat in dieser Beziehung sehr viele ganz neue und bedeutungsvolle Entdeckungen gemacht: Er hat gezeigt, dass der Boden Ostsibiriens auf grosse Strecken hin aus festem Fels besteht, der sich in einzelnen Bergen oder kleinen Gebirgszügen über 2000 Pariser Fuss über das Niveau des Oceans erhebt, wie z. B. der Berg Kalami an den Quellen des Flüsschens gleiches Namens, mit einer absoluten Höhe von 2252 Fuss, und dass dieser anstehende Fels, wenn auch nicht überall, so doch an gewissen Punkten, Gold enthält. Obrist Hofmanns Untersuchungen haben zugleich den Beweis geliefert, dass in Ostsibirien, wie am Ural und überall wo Goldsand gefunden wird, dieser letztere immer nur aus der Zerstörung goldhaltiger Felsarten hervorgegangen und nie weit von seiner ursprünglichen Lagerstätte abgesetzt ist. Am Ural sind die Felsarten, in denen das Gold eingewachsen vorkommt, längst bekannt, in Sibirien waren

sie es nicht, bis es Hofmann gelang wenigstens einen Träger desselben in dem Thonschiefer zu erkennen. Als er nämlich auf der Goldwäsche Uspenskoi, an den Quellen des Udereiflusses anstehenden Thonschiefer verpochte und verwusch, erhielt er aus $12^1/_2$ Pfund Pochmehl $2^1/_2$ Doli Gold in kleinen Körnern und Schüppchen, was, der gebräuchlichen Rechnung nach, einem Gehalt von mehr als 10 Solotnik in 100 Pud Thonschiefer entspricht.

Wenn auch diese Entdeckung, wie ganz ähnliche am Ural gemachte, für den Augenblick noch keinen Einfluss auf die Goldproduction üben kann, da man das Metall aus den Seifen schneller und wohlfeiler als aus dem festen Felsen erhalten kann, so ist sie für die Zukunft, nämlich für die Zeit, wo die Goldsandlager erschöpft sein werden, um so beachtenswerther.

Die zweite Abtheilung des Buches führt die Ueberschrift: Ueber die Goldwäschen in Ostsibirien, und giebt uns genaue Rechenschaft über die Lage, Ausdehnung, Reichhaltigkeit, geognostische Beschaffenheit, über die Entdeckung und Verwaltung nicht nur ganzer Golddistrikte oder sogenannter Systeme, sondern auch einzelner Goldwäschen. Zuerst werden die Goldwäschen an der grossen Birüssa und ihren Nebenbächen, dann die im Systeme der Steinigen Tunguska und des Pitt und endlich die am Uderei und der Muroschna abgehandelt. Ueber diese drei Systeme hat der Verfasser nicht nur geognostische Beobachtungen und Karten, sondern auch

genaue statistische Angaben mitgetheilt, die uns über die Reichhaltigkeit und den Ertrag von 59 einzelnen Goldseifen belehren. Für jede Seife ist die Mächtigkeit der eigentlichen goldführenden Schicht, deren mineralogische Beschaffenheit, so wie die Beschaffenheit und Mächtigkeit der über ihr liegenden, tauben Schichten, der jährliche Ertrag bis zum Jahre 1845, der Durchschnittsgehalt des Sandes, die Ausbeute und die Anzahl der verwendeten Arbeiter, überdiess aber noch die Probe des Goldes und die Methode des Waschens, angegeben.

Wir brauchen wohl kaum zu sagen welchen Werth dergleichen sorgfältig gesammelte Daten für den praktischen Bergmann haben und äussern den Wunsch dass sie auch in der Zukunft fleissig gesammelt und von Zeit zu Zeit bekannt gemacht werden mögen. Nachdem der Verfasser uns mit diesem und manchem andern Detail vertraut gemacht hat, fasst er die geognostischen Beobachtungen in einigen Schlussbemerkungen zusammen, aus denen wir hier Folgendes herausheben wollen.

Das kolossale Terrain, auf welchem die Golddistrikte Ostsibiriens liegen, ist vorzugsweise aus Thonschiefer, Kalkstein und Grauwacke mit steil fallenden, von O. nach W. oder von SO. nach NW, streichenden Schichten zusammengesetzt, welche offenbar der ältesten Periode der Sedimentgebilde angehören, da sie von horizontalen Schichten der Steinkohlenformation ungleichförmig überlagert werden. Sowohl diese als jene werden im Süden durch das Sajanische Gebirge abgeschnit-

ten, dessen plutonische Hauptmasse nach Norden Ausläufer sendet, welche die *Uebergangsschichten*, nämlich den Thonschiefer, den Kalkstein und die Grauwacke durchbrechen und verändern. Obrist Hofmann hat zwei grosse, von S. nach N. verlaufende, plutonische Zonen nachgewiesen, welche die Uebergangsschichten durchsetzen. Die eine geht von den Quellen der Birüssa nach der Gurachta, einem Quellflusse der Steinigen Tunguska; östlich von dieser Zone liegen die reichsten vom Verfasser beschriebenen Golddistrikte. Eine andere, der ersten parallele Zone folgt dem Laufe des Jenissei und östlich von ihr, also zwischen beiden Zonen, findet man zwar auch Goldsand, aber keinen bauwürdigen. Die Goldseifen liegen auf Uebergangsgebirge in der Nachbarschaft plutonischer Durchbrüche. Meist herrscht eines der oben angeführten Gesteine vor, oder es wechseln zwei von ihnen miteinander ab, wie Kalkstein und Thonschiefer. Nur in Gegenden wo eins dieser beiden Glieder vorherrscht, oder beide vorkommen, findet sich Gold; auf Grauwacke hat der Verfasser keine einzige Goldseife gesehn. Die krystallinischen Gesteine, welche diese Schichten durchbrochen, zu krystallinischen Schiefern verändert und das Eindringen des Goldes in sie vermittelt haben, sind: Granit und Diorit und nur selten Porphyr.

In einem Anhange zu Hofmanns Buche hat Graf Keyserling mehrere Petrefakten, die einzigen welche Hofmann gefunden, abgebildet und beschrieben. Wir

finden unter ihnen die neuen Arten: *Spirifer loriger*, *Arca Iniaca und Dentalium? Crox.* Alle stammen von derselben Lokalität her, nämlich aus dem Kalksteine der *Inä*, den Graf Keyserling geneigt ist der Devonischen Formation beizuzählen.

Werke der Art, wie das hier besprochene, sind von der Akademie immer einer besondern Beachtung gewürdigt worden, da sie eine der wichtigsten Aufgaben der Akademie, nämlich die Förderung der Kenntniss Russlands, unmittelbar berühren, und ich darf daher das Buch des Obristen Hofmann zur Krönung mit einem halben Preise ergebenst vorschlagen.

Akademiker G. v. HELMERSEN.

27ten Februar.
1849.

РАЗБОРЪ

сочиненія Г. МЕНЕТРІЕ,

подъ заглавіемъ:

CATALOGUE DES INSECTES RECUEILLIS

par feu M. LEHMANN;

составленный

Гг. Академиками:

БРАНДТОМЪ и МИДДЕНДОРФОМЪ.

Die Stellung, welche der in den Naturwissenschaften vielfach bewanderte Candidat Lehmann, der frühere Begleiter unseres geehrten Collegen v. Baer auf der nach Nowaja-Semlja unternommenen Reise, in Orenburg einnahm, gestattete ihm nicht blos die Umgegend Orenburgs, die Kirgisensteppen, die Wohnsitze der Baschkiren, und die Ostküste des Caspischen Meeres als Naturforscher zu besuchen, sondern sich auch einer an den Chan von Buchara geschickten Gesandschaft anzuschliessen, welche Letztere ihm die seltene Gelegenheit verschaffte Buchara genauer kennen zu lernen, ja sogar seine Reise nach Samarkand und noch einige hundert Werst ostwärts auszudehnen. Er hatte also das Glück in Gegenden zu gelangen, welche früher von keinem Naturforscher betreten waren. Leider war es ihm nicht gestattet die gesammelten reichen Schätze selbst zu bearbeiten, da ihn auf der Rückkehr in Simbirsk der Tod überraschte.

Die von Lehmann gesammelten zoologischen Gegenstände nebst den auf die Reise selbst bezüglichen Tagebüchern gelangten indessen auf Verwendung des

verehrten Collegen v. Baer, mit Bewilligung der Erben, zur Herausgabe an die Akademie. Unter den zoologischen Gegenständen bilden aber die Insekten, welchen Lehmann eine besondere Zuneigung schenkte, den bei weitem umfassendsten und wichtigsten Theil der Sammlung.

Der Conservator des Zoologischen Museums Herr Ménétriès, dem die Entomologie als Resultat mehr als fünfundzwanzigjähriger Beschäftigung und erworbener gründlichster Kenntniss bereits mehrere sehr werthvolle Beiträge zur Kenntniss der Insekten verdankt und der durch seine umfassendern Leistungen und Fähigkeiten wohl jetzt in Russland einer der ersten Entomologen sein dürfte, unterzog sich mit gewohntem Eifer der mühsamen und zeitraubenden Bestimmung und Beschreibung der über 1000 mitgebrachten Insektenarten des Lehmann'schen Nachlasses.

So entstand als Resultat mehrjährigen unausgesetzten Fleisses unter dem zu bescheidenen, den wichtigen Inhalt nicht erschöpfenden Titel: Catalogue des Insectes recueillis par feu Mr. Lehmann, par Mr. Ménétriès, eine von der Akademie in ihre Schriften aufgenommene Arbeit, die auf dem Felde der Entomologie nach unserem Ermessen einen namhaften Rang einnimmt, da sie uns auf eine ausgezeichnete Weise mit der Insektenwelt mehrerer sehr interessanter, theils noch gar nicht, theils nur wenig und sehr ungenügend untersuchter Gegenden Mittelasiens bekannt macht,

und namentlich auch die Fauna Russlands sehr wesentlich erweitert, ausserdem aber überhaupt die Entomologie mit der ungemein beträchtlichen Zahl (124) ganz neuer, von competenten Richtern (Mannerheim, Erichson, Eversmann), anerkannter Arten nebst neuen Gattungen bereichert und gelegentlich die Merkmale und Synonymie sehr vieler bisher ungenügend bekannter Insektenformen berichtigt und erweitert.

Das Werk zerfällt in einen speziellen beschreibenden und einen, die allgemeinen zoologisch-geographischen Resultate umfassenden Theil.

Im ersten Theile werden die Insekten der Lehmannschen Sammlung je nach den verschiedenen Ordnungen, Familien, Gattungen und Arten nebst den erforderlichen Synonymen und Fundorten unter Zuziehung und Benutzung aller literärischen Hülfsmittel aufgeführt, die 124 noch unbekannten Arten aber genau und umfassend beschrieben und meist (nämlich 88 davon) auf 6 den Text begleitenden Tafeln durch Herrn Pape's kunstfertige Hand trefflich dargestellt.

Die Zahl der darin namhaft gemachten oder beschriebenen Käfer beläuft sich auf 706, wovon 107 neu, die der Schmetterlinge auf 216 mit 9 neuen Arten, die der Geradflügler auf 23, der Wanzen auf 17, der Netzflügler auf 13, der vom ausgezeichneten, leider im vorigen Jahre gestorbenen, berühmten Berliner Entomologen Erichson bearbeiteten Bienen auf 20, worunter 7 neue, die der Fliegen endlich auf 7 Arten.

Der zweite allgemeine Abschnitt führt den Titel: Considération relativement à la distribution géographique des Insectes recueillis par feu Mr. Lehmann.

Nachdem der Hr. Verfasser den Standpunkt unserer Kentnisse der Mittelasiatischen Insektenfauna, insoweit derselbe durch die früher von Pander, Eversmann, Karelin, Basiner und Schrenk gesammelten Materialien herbeigeführt wurde, kurz angedeutet hat, bespricht er im Allgemeinen die von Lehmann angestellten Reisen, welche eine entomologische Ausbeute verschafften. Hierauf liefert er, um die geographische Vertheilung der verschiedenen vom letztgenannten Naturforscher in verschiedenen Ländern Mittelasiens zusammengebrachten Käfer und Schmetterlingsarten darzulegen, zwei mit sehr interessanten Bemerkungen begleitete Tabellen.

Jn der ersten Tabelle (A) sind in besondern Rubriken: 1) die Familien, 2) die Gesammtzahl der aus einzelnen Familien gesammelten Arten, 3) die davon Russland eigenthümlichen Arten, 4) die neuen Arten und endlich 5) die neuen Gattungen numerisch aufgeführt.

Die zweite Tabelle (*B*) hat zum Zweck die von Lehmann in Sibirien, im Orenburgischen, im Lande der Baschkiren, in den Kirgisensteppen, Turkomanien, der Wüste Kisil-Kum und dem Chanat Buchara gesammelten Käfer- und Schmetterlingsarten nach ihren Familien in einzelnen Rubriken darzulegen.

Der Tabelle (*B*) folgen besondere erläuternde Bemerkungen. Dieselben beziehen sich theils auf die Ermittelung des Verhältnisses der neuen Lehmann'schen Käfer- und Schmetterlingsarten zu den bekannten, theils auf das Verhältniss derselben zur Insektenfauna Russlands und zu den daraus früher beschriebenen Formen, theils endlich auf die vergleichende numerische Vertheilung und morphologische, mit ihrer geographischen Vertheilung im Zusammenhange stehende Entwickelung der Arten, aus den verschiedenen von Lehmann besuchten Ländern.

Jn letzterer Beziehung tritt uns namentlich als höchst interessantes Resultat entgegen, dass gewisse Ländergebiete eine unverkennbare Harmonie der Artengestalten selbst in den sonst verschiedenen Familien offenbaren, dass z. B. die Laufkäfer (*Caraben*) den *Melasomen* im Habitus sich nähern u. s. w. wiewohl die beiden genannten grossen Käferabtheilungen sonst sehr verschieden sind.

Am Schlusse des allgemeinen Abschnittes wirft der Verfasser Blicke auf die Insektenfauna Europa's und des Caucasus und giebt dann als Resultat derselben, dass die mehr mit einander harmonirenden Insektenfaunen Europa's und des Caucasus sich von der, einen gemeinsamen Charakter tragenden Insektenfauna Turcomaniens, der Wüste Kisil-Kum und des Chanates Buchara bedeutend unterscheiden indem die drei letztgenannten Ländergebiete eine unabweisliche Aehnlichkeit mit Nord-Afrika bemerken liessen, während das Land der Baschkiren im Ganzen mit Sibirien übereinstimmte.

Da die vorliegende Arbeit in ihren Einzelnheiten zu speziell wissenschaftlich ist, um hier eine noch genauere Zergliederung ihrer vielen Verdienste und der mühevollen langjährigen, augenzerstörenden Vorarbeiten zu erlauben, so mögen die beigebrachten Bemerkungen über den Inhalt genügen ihren namhaften wissenschaftlichen Werth und ihre besondere grosse Bedeutsamkeit für die Förderung der Kenntniss der *Fauna* Russlands und des zum Theil in naturhistorischer Beziehung noch gar nicht bekannten Mittelasiens, so wie für die Erweiterung der zoologischen Geographie darzuthun.

Geleitet von dem Grundsatze, dass Arbeiten, die eine namhafte Menge neuer wissenschaftlicher, unter allgemeinen höheren wissenschaftlichen Gesichtspuncten aufgefasster, speziell auf die in der Art noch gar nicht behandelte Insektenfauna Russlands bezüglicher Thatsachen zu Tage fördern, eine ganz besondere Maassnahme und Beachtung verdienen, halten sich daher die Endesunterzeichneten für verpflichtet der Akademie die ausgezeichnete Arbeit des Herrn Ménétriès zur ganz besondern Aufmerksamkeit zu empfehlen und aus ihrem Gesichtspunkte mindestens zu einem halben Demidoff'schen Preise vorzuschlagen.

Akademiker: F. BRANDT.
Th. v. MIDDENDORFF.

St. Petersburg, 11ten April, 1849.

РАЗБОРЪ

сочиненія О. ІАКИНѲА,

подъ заглавіемъ:

СОБРАНІЕ СВѢДѢНІЙ О НАРОДАХЪ, ОБИТАВШИХЪ ВЪ СРЕДНЕЙ АЗІИ ВЪ ДРЕВНІЯ ВРЕМЕНА;

составленный

Профессоромъ КОВАЛЕВСКИМЪ.

Изъ всѣхъ членовъ нашихъ миссій, бывшихъ въ Пекинѣ, ни одинъ не вывезъ столько богатыхъ и разнообразныхъ матеріаловъ для географіи и исторіи среднеазійскихъ народовъ, какъ О. Іакинѳъ, который многолѣтними своими неутомимыми трудами стяжалъ себѣ почетную извѣстность между туземными и иностранными оріенталистами. Четырнадцати-лѣтнее пребываніе въ богдохановой столицѣ сблизило нашего синолога съ Китайцами и живущими среди нихъ иноплеменниками, познакомило его съ настоящей жизнію этой древнѣйшей Имперіи, дало возможность изучить мѣстный языкъ съ литературою, извлечь изъ письменныхъ, не многимъ еще доступныхъ, памятниковъ Китая все, что служило къ расширенію круга нашихъ свѣдѣній объ Азіи. Мы не повторяемъ здѣсь характеристики, которая нами высказана при другомъ случаѣ о сочиненіяхъ О Іакинѳа*): она имъ обща. Приступимъ къ дѣлу.

Изданіе записокъ о Монголіи, въ 1828 году, особенно исторической ихъ части, открыло передъ нами

*) См. разборъ сочин. О. Іакинѳа. «Китай въ гражд. и нравств. отношеніяхъ»

много новыхъ фактовъ, доселѣ неизвѣстныхъ или превратно понимаемыхъ изъ жизни Монгольскаго народа,— возвѣстило какъ мы должны смотрѣть на различныя названія племенъ средней Азіи и осязательно доказало, что эти племена сами по себѣ почти неизмѣнялись, принимая въ извѣстные періоды другія только наименованія отъ преобладавшихъ тамъ династій. Свыкшимся уже съ Дегиневыми идеями очень естественно, нелегко было отказаться отъ своего убѣжденія. Потому неудивительно, что нѣкоторые оріенталисты возставали на нашего синолога и побудили его обратиться снова къ Китайскимъ источникамъ и въ нихъ искать для себя опоры и защиты. Явившіеся за тѣмъ переводы О. Іакинѳа удостовѣрили, что онъ самъ ничего не выдумалъ, что онъ свои положенія основывалъ не на догадкахъ, а на словахъ лѣтописцевъ, имѣющихъ высокое достоинство и по времени, въ которое они писали, и по сущности происшествій ими намъ переданныхъ.

Нѣсколько сочиненій, напечатанныхъ О. Іакинѳомъ, какъ то: описаніе Джунгаріи и восточнаго Туркистана въ древнемъ и нынѣшнемъ ихъ состояніи (1829), исторія четырехъ хановъ Чингисова дома (1829), исторія Тибета и Кукэнора (1833), были дорогимъ подаркомъ для любителей и изыскателей географіи и исторіи Азіи, а вмѣстѣ съ тѣмъ предсказывали, что нашъ трудолюбивый оріенталистъ готовитъ что либо пространнѣе, обстоятельнѣе для поясненія картины судебъ средне-азійскихъ номадовъ. Въ прошедшемъ году, читая по

порученію Академіи, записку его о намѣреніи издать Сборникъ свѣдѣній о древнихъ обитателяхъ степей, и смотря на объемъ предполагаемаго сочиненія, мы невольно усомнились въ скорости исполненія такого труда. Но, благодаря усилія О. Іакинѳа, передъ нами лежитъ оконченная рукопись, плодъ слишкомъ 20 лѣтнихъ занятій, оживленныхъ вниманіемъ Академіи Наукъ, и довершенныхъ подъ вліяніемъ наставленія съ ея стороны.

Достопочтенный оріенталистъ въ предисловіи къ новѣйшему обширному труду своему знакомитъ читателя съ поводомъ, по которому выходитъ въ свѣтъ упомянутая исторія, — излагаетъ содержаніе ея, указываетъ на источники, изъ которыхъ оно почерпнуто, и на историческій слогъ Китайцевъ. Свѣдѣнія о среднеазійскихъ племенахъ, въ продолженіи десяти вѣковъ, отъ начала втораго столѣтія предъ Р. Х. по девятое нашей хронологіи: вотъ содержаніе разсматриваемаго нами сочиненія. Источниками ихъ служили исторіи (*шу*) или, лучше сказать, монографіи династій, обладавшихъ Китаемъ, и лѣтописи (*гань-му*): изъ первыхъ взяты факты, а поясненія ихъ — изъ послѣднихъ. И въ самомъ дѣлѣ, никто изъ Азіатцевъ не могъ такъ подробно говорить о средней Азіи какъ Китайцы, которые съ самыхъ раннихъ временъ, какъ сосѣди и враги ея, вынуждены были находиться съ ней въ непрерывныхъ сношеніяхъ, знакомиться съ ея мѣстоположеніемъ и внутреннимъ бытомъ, подсматривать такъ всякое судорожное движеніе

номадовъ, и потомъ заключать частные договоры съ владѣльцами неукротимыхъ ордъ, прокладывать военныя дороги, вводить вооруженныя поселенія, тѣснить съ разныхъ сторонъ степное своеволіе, съ величайшимъ усиліемъ прививать сѣмена своей цивилизаціи къ необузданнымъ племенамъ, и такимъ образомъ неподдоволь подготовлять способы къ конечному покоренію дикости. И кому неизвѣстны плоды восемнадцативѣковой упорнѣйшей борьбы Китая съ номадами?.... Три столѣтія уже безмолвствуютъ пустыни, пролегающія надъ поднебесною имперіей. Имя великаго богдохана, самодержавнаго повелителя, даровавшаго законы, распространившаго и охраняющаго религію кротчаго Будды, сдѣлалось грозою и надеждою для номадовъ, и ржавчина на стрѣлѣ, обагряемой нѣкогда Китайскою кровью, теперь омывается въ крови только звѣрей во время торжественной облавы. Кромѣ того, если примемъ во вниманіе, что Китайцы искони имѣли собственныя письмена и занимались веденіемъ записокъ о государственныхъ происшествіяхъ, то какъ, при такихъ обстоятельствахъ, не согласиться съ О. Іакинѳомъ, что никто, исключая Китайцевъ, не могъ такъ подробно знать среднюю Азію, о которой другіе народы имѣли свѣдѣнія, собранныя случайно, по слухамъ, часто невѣрнымъ. Положимъ даже, что народная ненависть, поддерживаемая народною враждою, иногда понудила лѣтописца изобразить что либо обидное для иноземца, подсказала фактъ нѣсколько измѣненный подъ вліяніемъ особеннаго

воззрѣнія Китайца на окружавшія его племена, но все таки станемъ утверждать, что холодный, положительный умъ жителя Китая, свободный отъ участія фантазіи, немогъ слишкомъ далеко уклониться отъ исторической истины, которая въ глазахъ критика, достаточно знакомаго съ Китаемъ, скоро и легко обнажается отъ наброшенныхъ на нее излишествъ.

Какое богатство исторической литературы въ Китаѣ! Взгляните на длинный списокъ сочиненій, которыми руководствовался нашъ синологъ при собираніи матеріаловъ для своего сочиненія: тамъ встрѣтите имена: *сы-ма-цяна*, предсѣдателя историческаго общества, который жилъ подъ конецъ втораго и въ началѣ перваго вѣка до Р. Х.; *Бань-гу* исторіографа, умершаго въ 92 г. по Р. Х.; *Фань-хуа*, бывшаго въ 424 г. областнымъ правителемъ; *Тай-дзуна* вступившаго на престолъ въ 627 году; *Вэй-шэ́у* (съ половины VI столѣтія); *Ли-янь-шеу*, *Вэй-дженъ* (ум. 643 г.); *Эу-янь-хю* (XI вѣка); *Шень-їо* (нач. VI в.); *Сяо-дзы-хань* (въ концѣ V и въ началѣ VI столѣтія); *Яо-сы-лянь* (во второй половинѣ VI вѣка) и т. д. Мы пропускаемъ здѣсь имена многихъ продолжателей, комментаторовъ, которые въ свое время трудились надъ лѣтописями. Прочитайте свѣдѣніе, сообщенное О. Іакинѳомъ, о комитетѣ придворныхъ журналистовъ и историческомъ обществѣ, которыхъ начало относится за 23 столѣтія до Р. Х.; обратите вниманіе тамъ же на способы, употребляемые, при нынѣшней династіи Цинъ, для соста-

ленію дневниковъ и государственной исторіи; разсмотрите перечень лѣтописей, котерый признаются классическими и служатъ обильнымъ матеріаломъ для бытописателя, и невольно убѣдитесь въ важности почерпнутыхъ оттуда свѣдѣній.

Эти памятники письменности сухи, лишены всѣхъ прикрасъ риторики, свойственныхъ историкамъ западной части Азіи, наполнены фактами, изображенными неизмѣннымъ, дипломатическимъ слогомъ Китая. Характеръ ихъ отразился очень явственно и на переводѣ О. Іакинѳа, который, постигая всѣ особенности Китайскаго языка, старался передавать ихъ буквально и, можетъ быть, слишкомъ буквально. Намѣреніе нашего синолога быть посредникомъ между древней лѣтописью Китая и нами исполнено добросовѣстно. И еслибы, кажется, мы успѣли склонить переводчика къ литературной отдѣлкѣ его книги, а именно, къ сглаженію угловатостей выраженій, въ русскомъ переводѣ вѣрно исчезъ бы характеръ китайской лѣтописи. Но какъ сборникъ свѣдѣній, приготовленный къ изданію, имѣетъ въ виду послужить только матеріаломъ для будущаго историка средней Азіи и, слѣдовательно, предназначается для ученыхъ, то, по нашему мнѣнію, онъ долженъ остаться въ нынѣшнемъ своемъ видѣ, безъ значительнаго измѣненія.

Сборникъ О. Іакинѳа распадается, очень естественно, на три главныя части, по тремъ главнымъ племенамъ, населяющимъ среднюю Азію. Итакъ, первая часть его заключаетъ въ себѣ историческія свѣдѣнія о наро-

дихъ Монгольскаго племени; — вторая, о Тунгузскихъ; послѣдняя о Тюркскихъ поколѣніяхъ, имѣвшихъ издревле связи съ Китаемъ. Далѣе, слѣдуетъ географическій указатель, необходимый руководитель для каждаго, желающаго съ пользою читать исторію средней Азіи, по китайскимъ лѣтописямъ, и принужденнаго непрерывно справляться съ этимъ указателемъ, гдѣ коротко и ясно обозначаются перемѣнчивыя названія одного и того же города, мѣста или поколѣнія. Многіе поблагодарятъ трудолюбиваго синолога за столь важное пособіе, безъ котораго пришлось бы долго рыться въ другихъ книгахъ и не всегда удалось бы отыскать требуемое поясненіе. Впрочемъ, О. Іакинѳъ не забылъ приложить и карту описываемыхъ народовъ: составленіе ея, безъ всякаго сомнѣнія, стоило автору многихъ изслѣдованій и соображеній, чтобы насъ освободить отъ напрасныхъ усилій отыскивать такого рода пособіе. Но поразительно, что на картѣ, долженствующей насъ познакомить съ народами древнихъ временъ т. е. не позже IX вѣка послѣ Р. Х. — потому что до этой только точки простираются свѣдѣнія, сообщаемыя О. Іакинѳомъ, — встрѣчаемъ названія городовъ, крѣпостей и пр. какъ напр. Селенгинокъ, Харацайская, Тункинская крѣпость и много другихъ, которые въ тѣ времена еще несуществовали.

Относительно азбучнаго указателя владѣтельныхъ домовъ и историческихъ лицъ, приложеннаго къ концу сочиненія, мы позволимъ себѣ изъявить желаніе, чтобы издатель восполнилъ его *всѣми* собственными имя-

нами, нерѣдко упоминаемыми въ книгѣ по нѣскольку разъ при различныхъ случаяхъ. За это читатели будутъ весьма благодарны О. Іакинѳу .

Чтобы дать хотя и поверхностное понятіе о составѣ разсматриваемаго нами сочиненія, мы коснемся по крайней мѣрѣ его начала. Первая часть, какъ замѣчено выше, посвящена народамъ монгольскаго племени, и прежде всего Хуннамъ. Послѣ указанія источника своихъ свѣдѣній объ этомъ владѣтельномъ домѣ, издатель сообщаетъ намъ въ переводѣ изъ древнѣйшаго китайскаго историка Сы-ма-цяня все, что въ немъ записано о предкахъ Хуннской династіи; — за тѣмъ присовокупляетъ онъ историческое поясненіе изъ лѣтописцевъ; — иногда самъ поясняетъ текстъ собственными примѣчаніями; — иногда выводитъ на сцену Дегиневы мнѣнія или сказанія другихъ бытописателей; и изъ сличенія ихъ старается привести читателя къ конечному результату, къ истинѣ. Вообще, критическая часть О. Іакинѳа, относительно объема спорныхъ вопросовъ въ исторіи средней Азіи, довольно скудна. Нашъ синологъ имѣетъ обыкновеніе говорить положительно, недопускаетъ сомнѣнія въ сказаніяхъ китайскихъ историковъ: нигдѣ онъ не ссылается ни на греческихъ, ни на мусульманскихъ писателей, покрайней мѣрѣ тѣхъ, которыми постоянно пользовался Дегинь, къ которымъ прибѣгали другіе оріенталисты въ своихъ критическихъ розысканіяхъ, и которые по большей части сдѣлались доступными и не-оріенталистамъ, посредствомъ разныхъ ихъ изданій.

Къ тому неизлишнимъ считаемъ присовокупить: 1) что О. Іакинѳъ, строгій нѣкогда блюститель сѣвернаго китайскаго (пекинскаго) произношенія, издатель таблицъ облегчающихъ выговоръ китайскихъ знаковъ, приблизительно къ англійскому, французскому и русскому языкамъ, въ послѣднемъ своемъ сочиненіи, безъ предостереженія читателей, измѣнилъ своему правилу и въ собственныхъ именахъ допускаетъ южное ихъ произношеніе. Намъ желательно бы знать причину этого измѣненія. 2) что третья часть сочиненія, содержащая въ себѣ собраніе историческихъ свѣдѣній о народахъ Тюркскаго племени, по большей части знакома уже русскимъ читателямъ изъ книги нашего синолога подъ заглавіемъ: «описаніе Джунгаріи (или, какъ пишетъ О. Іакинѳъ, Чжуньгаріи) и восточнаго Туркистана.» Впрочемъ, это не есть голословное повтореніе давно напечатанной книги, а можетъ почитаться въ полномъ смыслѣ новымъ ея изданіемъ со значительными измѣненіями и вставками, важнымъ пріобрѣтеніемъ для науки, которое мы принимаемъ съ истинною благодарностью.

Высказавъ такимъ образомъ наше откровенное мнѣніе о рукописномъ сборникѣ О. Іакинѳа, вмѣняемъ себѣ въ обязанность просить Академію Наукъ обратить особенное свое вниманіе на ученую его важность и трудолюбиваго автора наградить присужденіемъ ему полной Демидовской преміи.

Профессоръ О. КОВАЛЕВСКІЙ.

Съ мнѣніемъ Г. Профессора О. Ковалевскаго совершенно согласенъ Профессоръ: І. Войцеховскій.

Казань 1849

РАЗБОРЪ

сочиненія Г-на ПОПОВА,

ПРОФЕССОРА КАЗАНСКАГО УНИВЕРСИТЕТА,

ПОДЪ ЗАГЛАВІЕМЪ:

ГРАММАТИКА КАЛМЫЦКАГО ЯЗЫКА;

составленный

Профессоромъ КОВАЛЕВСКИМЪ.

Знакомы уже Академіи Наукъ начальные труды Г. Профессора Попова, а именно: 1) монгольская христоматія и 2) ариѳметика на монгольскомъ языкѣ, которыя сперва были разсматриваемы въ рукописи покойнымъ академикомъ Шмидтомъ, потомъ упоминались въ нѣсколькихъ повременныхъ изданіяхъ, по разнымъ случаямъ. Въ послѣдствіи, дѣятельность нашего оріенталиста обратилась на предметъ болѣе спеціальный, на изученіе калмыцкаго нарѣчія, на составленіе учебниковъ для него, посредствомъ которыхъ филологія могла бы раздвинуть свои границы, пріобрѣсти новыя данныя какъ для общей массы языковѣдѣнія, такъ и для изслѣдованія отраслей монгольскаго слова въ дальнихъ странахъ отъ первобытнаго его гнѣзда.

Еще въ прошедшемъ столѣтіи началось собираніе калмыцкихъ словъ: но эти сборники не могли привести читателей ни къ какимъ результатамъ. Путешественники въ приволжскихъ степяхъ встрѣчались съ рукописными калмыцкими грамматиками: ученое ихъ достоинство намъ извѣстно. При помощи нѣсколькихъ сборниковъ словъ

и Евангелія, переведеннаго покойнымъ Шмидтомъ на калмыцкое нарѣчіе, парижскій оріенталистъ А. Ремюза, въ 1820 г., въ своихъ recherches sur les langues tartares силился представить намъ грамматическій механизмъ языка; но ни цѣль сочиненія, ни средства автора не дозволили ему съ точностію и въ надлежащей полнотѣ изобразить характеристику нарѣчія, незнакомаго еще филологамъ.

Мысль о развитіи разряда восточныхъ языковъ при Казанскомъ университетѣ послужила поводомъ къ поѣздкѣ Г. профессора Попова, въ 1838 г., въ мѣста, болѣе населенныя Калмыками, именно въ губерніи Астраханскую и Саратовскую и въ Кавказскую область, для собранія матеріаловъ по калмыцкому нарѣчію. Записка нашего путешественника, употребившаго 4 мѣсяца на знакомство съ разными калмыцкими родами, помѣщенная имъ въ журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія, не коснулась филологіи. Спустя почти десять лѣтъ, наконецъ авторъ подарилъ насъ своей грамматикою, долженствовавшей познакомить насъ съ этимъ нарѣчіемъ въ его объемѣ и согласно съ требованіями современной намъ филологіи, и посвятилъ свою книгу тому, котораго имя блеститъ ярко въ лѣтописяхъ здѣшняго Университета.

Около того же времени узнали мы о приготовленіи къ изданію двухъ другихъ грамматикъ того же нарѣчія. Итакъ, надѣемся вскорѣ съ разныхъ сторонъ услышать результаты изслѣдованій объ элементахъ этой отрасли

монгольскаго слова, — надѣемся увидѣть опредѣленныя съ точностію формы, въ которыя мысль одного народа выливалась своеобразно, но понятно для сродныхъ ему поколѣній.

Авторъ разсматриваемой нами грамматики въ предисловіи старался придать особую важность калмыкамъ въ политическомъ, религіозномъ и литературномъ отношеніяхъ. Безусловная похвала, очень естественно, заставляетъ усомниться во многихъ ея выраженіяхъ, неподкрѣпленныхъ фактами историческими. Да, и нужна ли она? Калмыки отжили свой вѣкъ безъ притязаній на высокое значеніе въ политическомъ мірѣ: шумныя совѣщанія раздражительныхъ номадовъ, вѣроятно, не касались извилинъ политики, незнакомой имъ ни съ имени, ни съ дѣла. Даже періодъ ихъ жизни, названный у автора періодомъ самобытности, съ XVI вѣка, при завладѣніи восточнымъ Туркистаномъ и Тибетомъ, въ нашихъ глазахъ служитъ доказательствомъ отсутствія политики между Джунгарами, которымъ немного стоило труда покореніе страны, населенной народомъ промышленнымъ, торговымъ, изнѣженнымъ, жаждущимъ уже мира и спокойствія, — или, страны подавленной ламскою іерархіей. Съ этого-то времени Джунгарія сдѣлалась не обладательницей, а рабыней иноземцевъ ей завоеванныхъ и превратилась въ орудіе чужой политики, старшихъ и болѣе образованныхъ государствъ. Конечная гибель Джунгаровъ не доказываетъ-ли ясно, что мнимые политики ихъ незнали даже, что современное

имъ положеніе сосѣдственныхъ державъ совершенно измѣнилось во вредъ номадамъ, что клики буйныхъ степныхъ ватагъ ничтожны въ сравненіи съ сѣтью хитросплетенныхъ замысловъ хлассійскаго іерарха, а еще болѣе пекинскаго изворотливаго тогдашняго повелителя.

Трудно также согласиться съ авторомъ и въ томъ мнѣніи, что народность у Джунгаровъ, въ продолженіе борьбы ихъ съ Китаемъ, была развита въ высокой степени. Еще тамъ не могли созрѣть элементы народности; названіе чувства народности чуждо калмыцкому нарѣчію. Если въ составѣ этой народности станемъ отыскивать буддисмъ, то факты о переходѣ джунгарскихъ предводителей къ исламу и о разрушеніи ими буддійскихъ капищъ въ Халхѣ удостовѣрятъ насъ, что и буддисмъ, несмотря на всѣ старанія ламъ затворниковъ, не глубоко тогда проникалъ номадовъ.

Далѣе, относительно религіи, авторъ утверждаетъ, что еще задолго до политическаго своего преобладанія въ средней Азіи, Джунгары часто имѣли перевѣсъ надъ своими единоплеменниками; что, они, какъ ближайшіе сосѣди Тибета, уже въ XII столѣтіи (замѣтьте, въ XII ст.) находились подъ священнымъ знаменемъ буддисма, который ревностно тогда проповѣдывали тибетскія ламы.. (предисл. ст. V). Развернемъ карту Азіи XII вѣка, чтобы увидѣть, какіе тогда народы соприкасались къ Индіи и Тибету, источникамъ буддійскаго ученія. Итакъ, начиная съ запада, встрѣчаемъ монархію Сельджуковъ, царство

Кара-Китай (по кит. Си-ляо т. е. западныя владѣнія дома Ляо), царства Хотонъ, Ойхоровъ, Да-сянъ; гдѣже Калмыки или Джунгары?... они несуществовали еще! Кромѣ того, авторъ не станетъ съ нами спорить, если скажемъ, что едва-ли номады могли восхищаться метафизическимъ ученіемъ Шакъямунія; для нихъ нужна и понятна была только нравственная сторона буддисма, а не метафизика, которая развилась въ другое время, другими путями и для другаго слоя общества; что первый далайлама, хотя и непризнаваемый китайскимъ правительствомъ, Гэдунъ-Джабъ не принадлежалъ XII. вѣку, потому что это высшее духовное достоинство явилось несравненно позже, и что, слѣдовательно, джунгарскіе юноши, несуществовавшіе еще подъ симъ именемъ, не могли стекаться въ Хлассу къ престолу далайламы для слушанія коренныхъ догматовъ вѣры въ XII столѣтіи, потому что этотъ престолъ не былъ еще тогда устроенъ, и что возвратясь оттуда, они не могли управлять умами не только своего поколѣнія, но и не могли пріобрѣсти сильнаго вліянія на прочія племена Монголовъ.

Равнымъ образомъ неубѣждаетъ насъ авторъ и въ превосходствѣ Калмыкъ передъ прочими монгольскими поколѣніями, относительно литературныхъ произведеній, особенно оригинальныхъ. Смотря на массу книгъ, написанныхъ по-калмыцки, или переведенныхъ на это нарѣчіе, мы думаемъ, что, при одинаковыхъ обстоятельствахъ, сопровождавшихъ судьбу всѣхъ отраслей Мон-

головъ, Калмыки менѣе другихъ успѣли воспользоваться вліяніемъ постороннихъ литературъ и менѣе другихъ оставили послѣ себя письменныхъ памятниковъ. Ни записки о Хошоутовскомъ родѣ, ни подобныя имъ самодѣльныя произведенія не могутъ итти въ параллель съ хроникою Монгольской династіи, ни съ Алтанъ Тобчи ни съ Санангъ Сэцэномъ, не упоминая о другихъ историческихъ трудахъ, извѣстныхъ намъ по однимъ слухамъ. Не смѣемъ даже утверждать, что калмыцкіе ламы обработали свои переводы съ тибетскаго лучше, чѣмъ собственно монгольскіе: и у однихъ и у другихъ исписаны груды бумаги переводами различной доброты. Нерѣдко попадаются калмыцкіе переводы тибетскихъ *номовъ* безъ надлежащей обработки и унизившіе достоинство своихъ подлинниковъ употребленіемъ выраженій, неприличныхъ содержанію религіознаго сочиненія. Да, и что такое калмыцкое нарѣчіе? — языкъ простонародія, свойственнаго одной странѣ, получившій для себя измѣненную монгольскую азбуку и случайно вошедшій въ книги. Намъ извѣстно, что ни Монголъ, ни нашъ Бурятъ, высокій цѣнитель буддисма, не рѣшится употребить свой jargon для духовной книги; онъ считаетъ грѣхомъ отдать перевѣсъ своему ежедневному выраженію передъ выраженіемъ, освященнымъ вѣками.

При своемъ практическомъ примѣненіи къ сношеніямъ съ калмыцкимъ народомъ, это нарѣчіе имѣетъ неоспоримую важность для филолога и должно подвергнуться изслѣдованіямъ, сообразно съ современнымъ

направленіемъ филологическихъ наукъ. Дѣйствительно, въ послѣдніе годы сравнительная филологія достигла высокой степени развитія, такъ что для составленія грамматики какого либо языка недовольно взять грамматику одного знакомаго нарѣчія и по ней писать правила для другаго, особенно когда непрерывныя усилія оріенталистовъ навели тружениковъ науки на новую стезю и указали нѣсколько свѣтлыхъ точекъ, съ помощію которыхъ не трудно уже общіе законы цѣлаго семейства языковъ отдѣлить отъ особенностей, составляющихъ характеристику одного нарѣчія.

Намекнувъ о различіи разговорнаго языка съ книжнымъ, существующемъ только въ полуобразованномъ языкѣ (? см. предисл. стр. VIII), нашъ авторъ обѣщаетъ нашъ *всѣми силами* объяснить грамматическія формы книжнаго такими же формами разговорнаго языка, — обѣщаетъ указать грамматическія измѣненія Тюркскаго и Тибетскаго языковъ, сходныя съ Калмыцкими, полагая, что первыя изъ нихъ (Тюркскія) могутъ быть полезны для свѣтскихъ Калмыковъ, а послѣднія (Тибетскія) для калмыцкаго духовенства. Дѣйствительно, Г. Профессоръ Поповъ во всемъ своемъ сочиненіи старался приводить Тюркскія грамматическія формы для сравненія съ калмыцкими: это составляетъ большое достоинство и возвышаетъ цѣнность его книги въ глазахъ филолога, но едва-ли можетъ принести существенную пользу свѣтскимъ Калмыкамъ, неслишкомъ ревностнымъ поклонникамъ труда и науки. Чтоже касается тибетскихъ формъ,

мы должны пожалѣть, что авторъ не занялся ими тщательнѣе, потому что нѣсколько словъ, какъ бы случайно вторгнувшихся въ разсматриваемое нами сочиненіе, не въ состояніи удовлетворить требованія филолога, ни послужить калмыцкимъ гелюнгамъ, которые, по словамъ его, безпрестанно обращаются къ священному источнику буддійской учености.

Вообще, бо́льшая часть нашихъ грамматикъ для восточныхъ языковъ погрѣшаетъ отъ излишней и исключительной нашей привязанности къ одному какому либо языку, котораго законы стараемся почти насильно примѣнять къ языку, нами изучаемому. Сверхъ сего, доставшіяся намъ по наслѣдству отъ латинскихъ грамматиковъ готовыя формы съ особою для нихъ терминологіей связываютъ насъ такъ крѣпко, что мы невольно эти формы съ ихъ названіями переносимъ и въ другой языкъ, не взирая на явное съ его стороны сопротивленіе. Привыкнувъ съ дѣтства напр. къ склоненіямъ, возможно-ли не просклонять и чужія имена по всѣмъ падежамъ, хотябъ онѣ и не склонялись и представляли намъ что-либо особенное? Мы вѣримъ нашему автору, что *составлять* законы для языка, при совершенно необработанныхъ пособіяхъ *), — дѣло нелегкое (см.

*) Впрочемъ, мы незнаемъ, какія здѣсь авторъ подразумѣвалъ пособія. Въ настоящее время пріобрѣли мы по нѣскольку грамматикъ для монгольскаго, тибетскаго, тюркскаго, китайскаго и финскихъ языковъ, какъ важное пособіе для азіатской филологіи.

предисл. ст. IX); прибавимъ только, что Грамматику прежде всего надобно *открыть* эти законы, а потомъ уже привести ихъ въ стройный порядокъ или систему, сообразную съ духомъ языка; иначе наши рамки не пригодятся для всякой картины.

Не мѣсто здѣсь чертить планъ грамматики для нарѣчій Монгольскаго семейства, не мѣсто и возражать на всѣ статьи нашего автора, который, при своемъ взглядѣ на предметъ, шелъ своимъ путемъ и своимъ свѣтомъ озарилъ область живаго калмыцкаго слова; я ограничусь нѣсколькими замѣчаніями въ доказательство, что я съ полнымъ вниманіемъ читалъ добросовѣстный трудъ моего товарища.

1) Въ § 12 Авторъ принимаетъ два ударенія голоса въ калмыцкихъ словахъ: короткое и долгое; первое изъ нихъ по его мнѣнію, всегда находится на послѣднемъ слогѣ, послѣднее въ срединѣ и концѣ; да, кромѣ того, въ двугласныхъ буквахъ — долгое придыханіе. Мнѣ кажется, что въ Калмыцкомъ необходимо различать собственно так называемое удареніе (accentus) отъ размѣра словъ (a quantitate syllabarum), чтобы яснѣе опредѣлить правила произношенія. Тогда придыханіе въ двугласныхъ буквахъ не будетъ имѣть мѣста въ грамматикѣ, какъ оно неуществуетъ въ живомъ языкѣ народа.

2) Въ § 57, замѣтивъ изобиліе частныхъ родовыхъ именъ, авторъ утверждаетъ, что такое употребленіе родовыхъ именъ Калмыки взяли у Тибетцевъ. Возможно ли это доказать историческимъ? Вѣдь, и тюркскія поколѣ-

нія не прибѣгаютъ къ такому раздѣленію именъ по родамъ, какое находится въ нашихъ языкахъ; между тѣмъ, никто не думаетъ, чтобы онѣ заимствовали это у Тибетцевъ. Приведенные же авторомъ мнимые тибетскіе члены ས् и ར् слѣдуетъ пополнить изъ грамматики Шмидта и остальными, о которыхъ такъ говорится въ §§ 42, 45, а преимущественно въ § 49.

3) Въ § 70 для калмыцкаго языка авторъ назначаетъ 9 падежей, желая такимъ образомъ опредѣлить взаимныя отношенія между предметами. Это едва-ли возможно. Принятыя имъ для падежей названія, по моему мнѣнію, не совсѣмъ удачны. Напр. отдѣлительнымъ падежемъ названо имя съ прибавленіемъ частицы или послѣрѣчія *эцэ* (изъ, отъ, съ, за), которой значенія объяснены въ §§ 73, 198, 226 и въ § 40 синтаксиса. Но, принявъ въ соображеніе §§ 92 и 93 1-й части, гдѣ дѣло идетъ о степеняхъ сравненія и употребленіи того же послѣрѣчія, едвали допустить въ немъ можно исключительное понятіе объ отдѣленіи, которое преобладаетъ въ названіи отдѣлительнаго падежа. Это видно изъ примѣровъ: хормой эцэ бариху, держать за полу, и т. п., или при глаголахъ: просить, спрашивать и др., имѣющихъ при себѣ имя съ послѣрѣчіемъ *эцэ*. См. въ синтаксисѣ § 30. — Далѣе, названія творительнаго инструментальнаго и творительнаго совокупительнаго падежей кажутся неосновательными. Если возьмемъ слова, *убить*

кулакомъ, слово *кулакомъ* (гараръ), поставленное, по мнѣнію автора, въ творительномъ инструментальномъ падежѣ, безъ сомнѣнія, не представитъ намъ понятія о творчествѣ, а объ одномъ лишь орудіи. Равнымъ образомъ, въ частицахъ *луга*, *лукгэ*, которыя у нашего автора приняты за характеристику творительнаго совокупительнаго падежа, не найдемъ понятія о творчествѣ: онѣ выражаютъ только совокупность, какъ русскій предлогъ *съ*. Слѣдовательно, старое грамматическое слово (*творительный* падежъ) несовмѣстно съ двумя вновь придуманными (*инструментальнымъ*, *совокупительнымъ*).

4) Въ примѣчаніи къ § 96 числительное (одинъ) *ыкгэнъ*, по мнѣнію нашего автора, употребляется по большей части какъ или неопредѣленный членъ, или для означенія отрицательнаго количественнаго числительнаго (съ союзомъ *ту* и отрицательнымъ нарѣчіемъ *ужгай*) и т. д. И одно и другое лишнее; во-первыхъ, потому что членъ не имѣетъ мѣста въ этомъ семействѣ языковъ; во вторыхъ, потому что слово *ыкгэнъ*, само по себѣ, незаключаетъ въ себѣ силы отрицанія, равно какъ и русское *одинъ*. Сравн. въ синтаксис. § 39.

5) Статья о составныхъ глаголахъ, въ §§ 149 и 150 изложенная, едвали выдержитъ нападеніе критики.

6) Формы множественнаго числа повелительнаго наклоненія, исчисленныя въ § 154, хотя въ разговорномъ

языкѣ, по крайней мѣрѣ нѣкоторыя изъ нихъ, усвоены преимущественно множественному числу, но въ книжномъ употребляются весьма часто съ мѣстоименіями личными единственнаго числа и объ одномъ лицѣ. Изъ сего легко заключить, что онѣ издревле не были опредѣлены, что можно доказать многими примѣрами изъ старыхъ монгольскихъ книгъ.

7) Непонимаю причины, почему авторъ въ § 167 форму глагола въ неопредѣленномъ наклоненіи передъ именемъ существительнымъ, принялъ за причастіе будущаго времени. Приводимые тамъ примѣры: *мактаху* (хвалить) *бакши* (учитель) знач. хвалящій учитель; *бичику* (писать) *кубунъ* (мальчикъ) знач. пишущій мальчикъ. Не лучше-ли это объяснить закономъ о положеніи словъ (valeur de position), которымъ опредѣляется значеніе разныхъ частей рѣчи, напр. именъ, нарѣчій, глаголовъ и др.? Нѣсколько лѣтъ тому Парижскій оріенталистъ Ст. Жюльенъ, въ разборѣ одного китайскаго отрывка, переведеннаго на французскій языкъ Потье, осязательно доказалъ, какимъ образомъ одно и тоже слово съ перемѣною своего мѣста перемѣняетъ свое значеніе. Итакъ, китайское слово *шень*, смотря по его положенію, значитъ: le bien, bon, estimer-bon (approuver), bien (нарѣчіе). Монгольское *бичику* (писать), по мѣсту, занимаемому имъ въ предложеніи, бываетъ и подлежащимъ и сказуемымъ, можетъ быть именемъ существительнымъ и прилагательнымъ, глаголомъ или причастіемъ (впрочемъ,

и одного будущаго времени), но только въ отношеніи къ грамматикѣ нашихъ языковъ, а въ монгольскомъ остается неизмѣнною формою слова.

8) Въ § 171 описано окончаніе глаголовъ на *меарь* и *ксэрь* и, подъ названіемъ дѣепричастія продолжительнаго, переведено порусски: въ то время, какъ. Мнѣ кажется, что оно удобнѣе объяснится разложеніемъ на причастіе прошедшаго времени и послѣрѣчіе *йарь*, равно какъ и дѣепричастіе 1-е (§ 172) съ окончаніемъ *макца* (мацэ), *макцэ* (мэцэ), — разложеніемъ на причастіе прошедшаго времени и послѣрѣчіе *саца*, изъ сліянія которыхъ онѣ проистекаютъ.

Чтобы не утруждать болѣе вниманія моихъ читателей, оканчиваю здѣсь свои возраженія и замѣчанія съ полнымъ убѣжденіемъ, что книга Г. Профессора Попова есть истинный подарокъ для науки. Послѣ изданныхъ грамматикъ монгольскаго языка покойнымъ академикомъ Шмидтомъ и мною, нашъ авторъ съ особеннымъ тщаніемъ старался изложить образованіе именъ и глаголовъ, опредѣлить ихъ значеніе, распутать механизмъ спряженій и свои правила подкрѣпить достаточнымъ количествомъ примѣровъ, извлеченныхъ изъ калмыцкихъ рукописей и живой народной рѣчи. Изучающіе это нарѣчіе съ благодарностію примутъ нѣсколько образцовъ калмыцкаго слова, въ первый разъ явившихся въ печати, объясненныхъ грамматическимъ разбо-

ромъ и переведенныхъ по русски, а восточная филологія пріобрѣла въ этой грамматикѣ обильные матеріалы для дальнѣйшей обработки сравнительнаго языкоученія. Отъ души желаемъ, чтобы и ожидаемыя нами калмыцкія грамматики въ свою очередь принесли для науки по крайней мѣрѣ столько новаго, сколько сдѣлано уже Г. Поповымъ, котораго сочиненіе, первое въ своемъ родѣ, имѣю честь поручить благосклонному вниманію Академіи Наукъ при распредѣленіи Демидовскихъ премій въ нынѣшнемъ году.

Профессоръ О. КОВАЛЕВСКІЙ.

Казань, Марта 1849 года.

РАЗБОРЪ

сочиненія

Профессора ЗАБЛОЦКАГО,

подъ заглавіемъ:

УЧЕНІЕ

о

ВОЛѢЗНЯХЪ ЯИЧКА,

СѢМЕННАГО КАНАТИКА И МОШОНКИ;

(съ атласомъ);

составленный

Г. Академикомъ ДУБОВИЦКИМЪ.

Страданія дѣтородныхъ органовъ составляютъ довольно частыя болѣзни, особенно въ среднемъ возрастѣ человѣка. Древніе врачи очень мало знали и мало занимались этими болѣзнями. У Целья сдѣлано первое, хотя весьма краткое описаніе воспаленія яичка и леченіе расширенія венъ семеннаго канатика. А. Паре, Ж. Л. Петитъ и Сабатье, — хирурги прошедшаго времени оставили намъ уже довольно обстоятельное описаніе нѣкоторыхъ изъ болѣзней яичка. Въ началѣ нынѣшняго столѣтія, когда патологическая Анатомія, Діагностика и потомъ Микроскопія, пролили столько свѣта вообще на Медицину, и болѣзни дѣтородныхъ органовъ не оставлены врачами безъ внимательнаго послѣдованія. Сочиненіе Бойе (Maladies chirurgicales), содержитъ все, что врачи разъяснили и знали о болѣзняхъ яичка въ началѣ нынѣшняго столѣтія. За симъ Дюпюитренъ въ своихъ лекціяхъ объяснилъ нѣкоторые новыя свойства рака яичка, хроническаго воспаленія яичка и водянки яичка, и первый даетъ краткое описаніе сифилитическаго яичка. Въ 1820 году А. Куперъ издалъ первое по времени отдѣльное описаніе болѣзней яичка; это со-

чиненіе знаменитаго Англійскаго хирурга заключаетъ въ себѣ все то, что въ то время знали объ этихъ болѣзняхъ; оно въ свое время было самое полное, и можетъ служить и доселѣ въ практическомъ отношеніи, касательно нѣкоторыхъ болѣзней, хорошимъ руководствомъ. Но въ сочиненіи этомъ описано только всего 14 болѣзней яичка; слѣдовательно нѣтъ описанія еще многихъ страданій сѣменной желѣзы; болѣзни мошонки, за исключеніемъ рака мошонки, вовсе въ немъ неописываются; также кромѣ расширенія венъ сѣменнаго канатика въ немъ не описано другихъ страданій и сего органа.

Другое по времени сочиненіе, гдѣ представлено уже болѣе полное описаніе болѣзней дѣтородныхъ органовъ есть Bibliothèque du Médecin pratiqien T. IV. 1845 года; par Fabre. Въ этой книгѣ собрано гораздо болѣе свѣдѣній, чѣмъ у А. Купера; но эта книга какъ простая компиляція содержитъ свѣдѣнія безъ разбора и критической ихъ оцѣнки, и притомъ, лишь свѣдѣнія находимыя въ одной Французской Медицинѣ. Притомъ изъ болѣзней мошонки изложено въ немъ всего только три болѣзни.

Въ Учебникѣ Хирургіи Видаля (Traité de Pathologie extèrne), изданномъ въ 1846 году, находится наконецъ самое послѣднее описаніе болѣзней дѣтородныхъ органовъ; но изложеніе ихъ здѣсь представлено весьма кратко, съ особеннымъ одностороннимъ взглядомъ Автора, и съ сильнымъ пристрастіемъ къ Французской Хирургіи; наконецъ въ этомъ сочиненіи гораздо болѣе

упущено безъ вниманія страданій дѣтородныхъ органовъ, нежели въ компиляціи Фабра. Сверхъ сего въ различныхъ періодическихъ изданіяхъ можно найти еще нѣсколько отдѣльныхъ наблюденій объ различныхъ страданіяхъ сего разряда органовъ.

Вообще въ Медицинской литературѣ предстояла давно надобность въ хорошемъ руководствѣ къ изученію болѣзней дѣтородныхъ органовъ мужчины. Если мы взглянемъ на практику врачей, то нигдѣ не дѣлаютъ они кажется столько погрѣшностей, какъ при леченіи болѣзней дѣтородныхъ органовъ, и безспорно такое упущеніе должно приписать главнѣйшимъ образомъ отсутствію хорошаго руководства нетолько въ нашей, но и въ иностранной литературѣ, къ изученію болѣзней яичка, сѣменнаго канатика и мошонки.

Наконецъ долженъ я сказать что собственно въ нашей Отечественной Медицинской литературѣ, кромѣ нѣкоторыхъ поверхностныхъ замѣчаній и описаній встрѣчающихся, въ особенности, въ нашихъ немногихъ Хирургическихъ учебникахъ, не было никакого сочиненія по сему предмету до настоящей книги Г. Заблоцкаго.

ЧАСТЬ I.

Глава I, стр. 3.

Первая часть содержитъ изложеніе болѣзней яичка; первая въ ней глава, состоящая изъ 3-хъ отдѣленій, заключаетъ описаніе *врожденныхъ уклоненій образованія яичка и относящаго канала.* Здѣсь въ отдѣлѣ:

объ излишествѣ яичекъ у человѣка. Авторъ сперва высказываетъ свое сомнѣніе относительно случаевъ излишества яичекъ, упоминаемыхъ въ сочиненіяхъ древнихъ писателей: Шарпа, Бленьи, Блазіуса, у которыхъ находятся описаніе людей съ четырьмя, или пятью яичками, имѣвшихъ будто-бы пропорціональные съ тѣмъ и увеличеніе половыхъ пожеланій; обычно, всѣхъ подобныхъ случаяхъ наблюденія при жизни не были подтверждены разсѣченіемъ по смерти. Авторъ, не отвергая возможности сего рода порока, говоритъ, что ни Морганьи, ни Галлеру, ни Мекелю, ни другимъ великимъ Анатомикамъ неудавалось видѣть сего рода уклоненія, и думаетъ что за излишнее яичко у человѣка могли быть нѣкоторыми принимаемы: сальниковая грыжа, жировая, или фиброзная опухоль въ мошонкѣ и въ сѣменномъ канатикѣ, и мѣшечная водянка сѣменнаго канатика, (стр. 5 и 6); и въ подтвержденіе своего мнѣнія приводитъ одно наблюденіе Морганьи, гдѣ этотъ славный Анатомикъ былъ введенъ въ подобнаго рода ошибку, выпадшею и прирошею частію сальника; и другіе два случая, упоминаемые Керлиномъ, въ которыхъ затвердѣлая фиброзная опухоль въ мошонкѣ была принята также за излишнее яичко.

Въ слѣдующей за симъ статьѣ Авторъ описываетъ состояніе противоположное сѣменнымъ желѣзамъ: *отсутствіе одного, или обоихъ яичекъ у человѣка*, (стр. 6 — 10). Авторъ здѣсь описываетъ всѣ извѣстные въ наукѣ и несомнѣнные случаи сего порока, и разбираетъ крити-

чески, (основываясь на трупическихъ изысканіяхъ), тѣ изъ случаевъ сего рода, которые должны остаться въ наукѣ еще сомнительными.

Стр. 10 — 11.

За этимъ слѣдуетъ описаніе доселѣ единственнаго еще случая въ наукѣ *сращенія обоихъ яичекъ вмѣстѣ*, — случая заимствованнаго Авторомъ у Жофруа Сентъ-Илера, гдѣ у дитяти родившагося Гипосподіакомъ, съ мошонкою пустою и раздѣленною на двѣ половины, и жившаго, только 18 мѣсяцевъ найдены были обѣ почки съ надпочечными желѣзами и оба яичка сросшимися вмѣстѣ въ животѣ на средней линіи тѣла.

Во 2-мъ Отдѣленіи 1-й главы, (стр. 11 — 18), излагаются всѣ извѣстные случаи: *отсутствія и несовершенства въ образованіи относящаго канала.* Случаи эти разобраны съ критической точки зрѣнія. Изъ разсмотрѣнія фактовъ выведено любопытное замѣчаніе, стр. 15 и 17, что отсутствіе, или несовершенство относящаго канала не препятствуетъ развитію яичка въ надлежащій періодъ жизни, и не оказываетъ прямаго вліянія на уничтоженіе его, т. е. яичко не терпитъ атрофіи; сѣменная жидкость яичка, котораго относящій каналъ несовершенно образованъ, приготовляется надлежащаго качества и съ присутствіемъ въ ней сѣменныхъ животныхъ. Эти замѣчанія Автора согласны съ выводами, сдѣланными А. Кунеромъ, изъ опытовъ его надъ собаками, у которыхъ онъ перерѣзывалъ и вырѣзывалъ весь, или по частямъ относящій каналъ.

Въ третьемъ Отдѣленіи 1-й главы описывается *неполное выхожденіе яичка*. Стр. 18. «Случается, говоритъ Авторъ, что при рожденіи одно, или оба яичка «невыходятъ въ мошонку, будучи удержаны или въ полости живота близь внутренняго паховаго кольца, или «въ паховомъ каналѣ, или въ паху близь края внѣшняго «паховаго кольца». Изъ статистическихъ данныхъ, собранныхъ Авторомъ видно, что несовершенство это чаще случается на лѣвой сторонѣ, нежели на правой, въ пропорціи семи къ пяти. Яичко невышедшее остается въ томъ положеніи, въ какомъ было при рожденіи, или же выходъ его совершается въ періодъ времени, болѣе или менѣе поздній отъ рожденія. Гунтеръ былъ того мнѣнія, что выходъ этотъ совершается чаще всего между 2 и 10 годомъ жизни; Авторъ напротивъ того выводитъ, изъ извѣстныхъ по сему случаю наблюденій, заключеніе, что выходъ задержаннаго яичка гораздо чаще совершается въ первые дни, или въ первые мѣсяцы по рожденіи, нежели въ позднѣйшее время, и притомъ въ это время выходъ рѣдко сопровождается такими болѣзненными явленіями, какія сопровождаютъ въ большей части случаевъ болѣе поздній выходъ яичка.

Причины, мѣшающія выходу яичка въ мошонку (стр. 19 и слѣд.), — предметъ весьма трудный, и на счетъ котораго въ Физіологіи еще существуютъ большія сомнѣнія, въ особенности относительно способа и дѣятелей участвующихъ въ выхожденіи яичка изъ живота, предметъ этотъ Авторомъ разобранъ съ большимъ вни-

ніемъ. — Со временъ Гунтера единственными причинами мѣшающими выхожденію яичка почитались почти всѣми писателями: узость паховаго канала и особенно наружнаго его отверстія, и состояніе самаго яичка. — Авторъ допускаетъ, на основаніи трупическихъ изысканій, первую изъ сихъ причинъ; потомъ Профессоръ Заблоцкій еще считаетъ, и мнѣ кажется весьма справедливо, въ числѣ причинъ сего порока: параличъ и недостатокъ энергіи кремастера (m. cremaster). — Основываясь же на нѣкоторыхъ случаяхъ, представившихся при изслѣдованіи труповъ, Авторъ находитъ еще одну причину для нѣкоторыхъ случаевъ задержанія яичка: именно, приращеніе яичка къ нѣкоторымъ внутренностямъ живота. Авторъ говоритъ «стр. 20» «Воспаленіе «брюшины (peritonitis) иногда случается въ то время, «когда дитя находится еще въ утробѣ матери, и въ «слѣдствіе сего происходятъ приращенія между различными внутренностями живота. Извѣстно, что при врожденной грыжѣ, яичко часто бываетъ приросшимъ къ «какой нибудь части кишекъ, или сальника, и что образованіе этихъ приращеній, предварительно выхода яичка, «бываетъ иногда причиной перемѣщенія внутренностей, «которыя встрѣчаются соединенными съ яичкомъ въ «мошонкѣ. Многіе факты показываютъ, что подобныя «приращенія суть съ другой стороны, случайная причина временнаго, или постояннаго удержанія яичка въ «животѣ, такъ какъ cremaster не въ состояніи преодолѣть это препятствіе къ выходу яичка.»

Касательно причинъ находящихся въ самомъ яичкѣ, и мѣшающихъ свободному выходу яичка изъ живота въ мошонку, о которыхъ Гунтеръ и другіе только дѣлали намеки, необъясняя впрочемъ въ чемъ должно состоять это измѣненіе яичка, мѣшающее выходу его изъ живота — Авторъ говоритъ: «Трудно понять, какъ это можетъ «быть (т. е. что состояніе самаго яичка мѣшаетъ вы«ходу его изъ живота), ежели не допустимъ, что яичко «выросло слишкомъ велико, чтобы пройти черезъ внутреннее паховое отверстіе въ паховой каналъ. Но на«блюденія показываютъ, что когда яичко удерживается «въ животѣ, то оно обыкновенно бываетъ меньше своей «естественной величины. Кажется также невѣроятнымъ, «чтобы задержаніе яичка происходило отъ какого нибудь «недостатка въ надлежащей длинѣ относящаго канала, «потому что въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ яичко оставалось «въ животѣ, или въ паховомъ каналѣ, семенной кана«тикъ имѣетъ свою естественную длину и даже боль«шую» стр. 23.

Разсматривая состояніе невыпедшаго яичка, Авторъ тщательно и подробно описываетъ все то, что доселѣ встрѣчали въ подобнаго рода яичкахъ, какъ въ самомъ существѣ яичка, такъ и въ его придаткѣ и относящемъ каналѣ. — Изъ всѣхъ хирургическихъ изысканій, сдѣланныхъ по сему предмету, видно, что яичко чаще было находимо несовершеннымъ атрофированнымъ тогда, когда оно оставалось въ паховомъ каналѣ, нежели когда оно было заключено въ полости живота. И это обстоятель-

ство Авторъ объясняетъ тѣмъ, что при нахожденіи яичка въ животѣ нѣтъ ничего такого, что бы могло отнимать дѣйствительную силу яичка, и что удержаніе его такъ можетъ быть приписано причинамъ, зависящимъ отъ состоянія его развитія. При этихъ обстоятельствахъ человѣкомъ нечувствуется никакого неудобства и генеративныя функціи не испытываютъ никакого препятствія; но когда яичко удерживается въ паховомъ каналѣ, то бываетъ иначе. Авторъ говоритъ «органъ «тогда подвергается прижатію при всякомъ усиленномъ «движеніи брюшныхъ мускуловъ, и даже при сильномъ «сгибаніи бедра, при хожденіи, при наклоненіи тѣла «впередъ, при сидѣніи. Оно можетъ быть подвержено «болѣзненному состоянію отъ ударовъ, которыхъ при «неподвижности своей яичко избѣжать не можетъ, и «прижатію отъ частыхъ манипуляцій Хирурга, или отъ «наложенія по невѣдѣнію бандажа» стр. 29. — Далѣе, яичко задержанное въ паху, или въ животѣ можетъ подвергаться всѣмъ тѣмъ болѣзнямъ, которыя способно терпѣть яичко, находящееся въ мошонкѣ; оно можетъ страдать: перелойнымъ, или другаго рода воспаленіемъ; въ немъ могутъ образоваться туберкулы; оно способно терпѣть перерожденіе раковое или другаго рода. Кромѣ сего, люди такіе весьма способны получить грыжу, что можетъ произойти въ то время, когда яичко остается еще въ полости живота, или послѣ того, какъ оно прошло внутреннее паховое кольцо. Всѣ эти обстоятельства подробно разсмотрѣны Авторомъ. — Писатели со

временъ Потта и Гунтера обыкновенно этимъ и ограничивались при исчисленіи невыгодъ задержаннаго яичка. Но здѣсь Профессоръ Заблоцкій обращаетъ вниманіе еще на новое обстоятельство невыгодъ отъ задержаннаго яичка, и о которомъ прежде его никто не упоминаетъ. Эта невыгода преимущественно относится къ яичку, удержанному въ животѣ. «Это неудобство, замѣчаетъ Пр. Заблоцкій, «происходитъ отъ существующаго въ такихъ случаяхъ соотношенія, между яичкомъ и полостію «брюшины, по причинѣ котораго (соотношенія) болѣзненныя явленія, получающія свое начало въ яичкѣ, способны распространяться и на органы живота. На выхожденіе яичка въ мошонку и отдѣленіе его отъ брюшныхъ внутренностей серозною оболочкою нужно смотрѣть, какъ на мудрость законовъ природы, воспрепятствовавшей такимъ образомъ развитію важныхъ болѣзней, «которымъ мужчина, въ противномъ случаѣ неминуемо былъ «бы подверженъ, въ слѣдствіе многихъ болѣзней яичка.»

Распознаваніе (стр. 34), невышедшаго яичка отъ различныхъ болѣзней расказано Авторомъ, весьма ясно и наставительно для всякаго практическаго врача. Глава первая настоящаго сочиненія оканчивается расказами о тѣхъ весьма рѣдкихъ случаяхъ, когда яичко выходило изъ живота не въ мошонку, а въ промежность (perineum). (стр. 37).

Ушибы и раны яичка.

Глава II, стр. 38.

Почти всѣ писатели хирургическихъ руководствъ этотъ предметъ упускали изъ вида при описаніи болѣз-

ней дѣтородныхъ органовъ; что вѣроятно происходило отъ того, что ушибы и раны яичка часто въ практикѣ принимаютъ за haematocele, или за воспаленіе яичка. А. Куперъ и Сивіаль, писатели наиболѣе занимавшіеся болѣзнями органовъ сего разряда вовсе не упоминаютъ объ этомъ страданіи яичка, мы находимъ краткія замѣтки объ этой болѣзни, только у Видаля*) и Фабра**); но и здѣсь болѣзнь эта представлена весьма кратко и сбивчиво. Профессоръ Заблоцкій первый на основаніи наблюденій представляетъ болѣе полное и ясное описаніе сего болѣзненнаго состоянія, встрѣчающагося такъ часто. — Сначала въ этой главѣ описываются ушибы яичка; причины сей болѣзни, припадки ея, послѣдствія и леченіе; въ леченіи авторъ дѣлаетъ одно принадлежащее ему довольно важное для практики замѣчаніе, что холодныя примочки и обливанія мошонки въ этой болѣзни скорѣе могутъ вредить, нежели приносить пользу. «Онѣ, по мнѣнію автора, скорѣе препятствуютъ здѣсь всосанію излившейся крови, нежели помогаютъ ея всосанію; стр. 41. За описаніемъ ушибовъ слѣдуетъ описаніе ранъ яичка, стр. 42. Тутъ описываются отдѣльно раны колотыя яичка, порѣзанныя и ушибенныя, соединенныя съ раздавленіемъ яичка. Говоря о колотыхъ ранахъ, Авторъ весьма основательно отвергаетъ ту опасность, которую прежніе Хирурги приписывали колотымъ ранамъ яичка, и говоритъ, что большая часть сего рода

*) Traité de Pathologie externe 2me édit. T. V.

**) Bibliothèque du Médecin praticien T. IV.

раненій сѣменной желѣзы, оканчиваются благополучно, безъ сильнаго воспаленія, даже и тогда, когда было сдѣлано Іодовое впрыскиваніе. Это, по мнѣнію Автора, дѣйствительно подтвѣрждаютъ намъ многія наблюденія надъ операціей Hydrocele, гдѣ по неосторожности, Труакаръ вводится вмѣсто полости влагалищной оболочки въ существо яичка. По этому случаю, Авторъ представляетъ тѣ признаки, по которымъ операторъ можетъ узнать, что инструментъ вошелъ въ существо яичка. «Хирургъ «тогда чувствуетъ, что инструментъ вошелъ въ плотное «тѣло; внутренній конецъ инструмента неудобно поворачивается въ стороны и по вынутіи стилета не вытекаетъ серозная жидкость, а нѣсколько крови; больной при этомъ, или не чувствуетъ сильной боли, или «чувствуетъ гораздо сильнѣйшую, нежели при удачныхъ «случаяхъ сей операціи; кромѣ этого отъ покола яичка «больные иногда жалуются на сильную боль въ поясницѣ и даже впадаютъ въ обморокъ.» стр. 43.

Самооскопленіе стр. 46.

Въ концѣ главы объ ранахъ яичка Авторъ очень кстати помѣстилъ трактатъ о ранахъ наносимыхъ при самооскопленіи, — о предметѣ забытомъ во всѣхъ хирургическихъ сочиненіяхъ о болѣзняхъ дѣтородныхъ органовъ. «Были примѣры, что люди не имѣющіе никакого «понятія о хирургіи, совершали надъ собою двойную «кастрацію (отнятіе обоихъ яичекъ), и обнаруживали «при этомъ сильную рѣшимость и равнодушіе къ стра-

«даніямъ. Естественно думать, что человѣкъ, только въ «припадкѣ умапомѣшательства можетъ совершить надъ «собою подобный поступокъ, которымъ онъ лишаетъ «себя способности вообще столь цѣнимой, и лишеніе «которой, столько унижаетъ достоинство мужчины. Почти навѣрное можно полагать, что самооскопленіе рѣдко «предпринимается безъ какой либо достаточной причины, «тѣсно связанной съ половыми отправленіями, происхо«дящей отъ превратнаго, или преступнаго употребленія «сихъ послѣднихъ.« стр. 46.

Въ настоящемъ сочиненіи Пр. Заблоцкаго собрано 6-ть весьма интересныхъ случаевъ сего рода увечія, разсѣянныхъ въ разныхъ періодическихъ Медицинскихъ изданіяхъ, изъ которыхъ практикъ получитъ ясную идею о ходѣ, опасности и леченіи сего рода раненій. Окончательно изъ всѣхъ сихъ случаевъ видно, что раны самооскопленія обыкновенно заживаютъ довольно удобно, и что состояніе духа, подъ вліяніемъ котораго совершается это преступленіе, не имѣетъ вреднаго вліянія на возстановленіе здоровья больнаго.

Воспаленіе яичка.

Глава III, стр. 51.

Третья глава сочиненія посвящена описанію *воспаленія яичка*, — самой частой болѣзни сѣменной желѣзы. Въ практикѣ врачи большею частію не отличаютъ различныхъ видовъ сей болѣзни, и потому нерѣдко при леченіи ея дѣлаютъ большія погрѣшности, и она въ нѣ-

которыхъ случаяхъ оканчивается неблагопріятными исходами, требующими иногда отнятія яичка. Даже Хирургами большихъ заслугъ новѣйшаго времени: Бераромъ, А. Куперомъ, Керлингомъ, Броди, Рикоромъ, писавшими объ этой болѣзни, прибавлено только немногое къ тому, что оставили намъ Сабатіе, Бойе и Дюшонтрень. Но въ самые послѣдніе годы, Кастельно, Гассаль, Депиль, Обри, Видаль и въ особенности Вельпо, пояснили многіе пункты сей болѣзни, покрайней мѣрѣ въ отношеніи нѣкоторыхъ ея видовъ. Болѣе подробное описаніе сей болѣзни находится у Фабра въ его Bibliothèque du Médicin praticien. Впрочемъ описаніе это замѣчательно лишь по собранію мнѣній разныхъ писателей, безъ всякой особенной оцѣнки и критики, и гдѣ компилаторомъ было обращено главное вниманіе только на перелойное воспаленіе и хроническое воспаленіе яичка. Въ послѣднемъ изданіи сочиненія Видаля: Traité de Pathologie externe мы встрѣтили самый новѣйшій трактатъ объ этой болѣзни, но очень краткій, и гдѣ Авторъ смотритъ на предметъ съ своей особой точки, стараясь найти въ большей части случаевъ воспаленіе существа яичка. А. Куперъ, писатель весьма добросовѣстный и тщательный наблюдатель, отличаетъ только въ своемъ сочиненіи острое и хроническое воспаленіе сѣменной желѣзы. У насъ въ Русской Медицинской литературѣ нѣтъ объ этомъ предметѣ ничего лучшаго, кромѣ статьи Профессора Пирогова, относящейся только до нѣкоторыхъ свойствъ перелойнаго воспаленія яич-

ка *). Показавши то, что существуетъ лучшаго объ этомъ предметѣ въ Медицинской литературѣ, покажемъ описаніе этой болѣзни сдѣланное Авторомъ разбираемаго сочиненія. Зная съ одной стороны, что воспаленіе яичка происходитъ отъ многоразличныхъ причинъ, хотя и имѣетъ въ явленіяхъ своихъ всегда много схожаго; и съ другой стороны что въ частности нѣкоторыя изъ производящихъ причинъ часто измѣняютъ характеръ сей болѣзни, Авторъ для бо́льшей ясности патологическихъ явленій и для точности предсказанія и леченія, раздѣляетъ описаніе сего воспаленія, сообразно его происхожденію, на слѣдующія три главныхъ отдѣленія:

a) Воспаленіе яичка, происходящее отъ болѣзней мочеваго канала, мочеваго пузыря и его шейки (orchitis urethralis).

b) Воспаленіе яичка, происходящее отъ причинъ общихъ воспаленія: отъ ушиба, отъ раненія яичка, отъ дѣйствія на него холода и пр. (orchitis simplex).

c) Воспаленіе яичка, зависящее отъ общаго болѣзненнаго состоянія организма, или отъ причинъ эпидемическихъ (orchitis symptomatica s. epidemica).

Первый отдѣлъ воспаленій яичка подраздѣляется Авторомъ на два вида: на воспаленіе собственно перелойное и на воспаленіе неперелойное. Первое зависитъ всегда отъ перелоя, а второе происходитъ отъ другихъ раздражающихъ условій, могущихъ находиться въ мочевомъ каналѣ и мочевомъ пузырѣ. Засимъ Авторъ приступаетъ къ подробному описанію перелойнаго воспаленія.

*) Записки по части Врачебныхъ Наукъ 1847.

Показавши различныя названія, подъ которыми болѣзнь эта была описываема, Г. Заблоцкій занимается разсмотрѣніемъ причинъ болѣзни, стр. 54. Матеріальная, существенная причина сего воспаленія есть воспаленіе мочеваго канала, извѣстное подъ именемъ перелоя, или гоноррея. Впрочемъ невсегда при гоноррѣ у человѣка образуется воспаленіе яичка; и обративши вниманіе на это именно обстоятельство болѣзни, Авторъ показываетъ сперва, на основаніи статистическихъ данныхъ, что перелойное воспаленіе яичка чаще случается при перелоѣ, тогда когда сія послѣдняя болѣзнь продолжалась уже 4 или 5 недѣль, и по мнѣнію Автора воспаленіе яичка почти никогда не случается прежде, нежели воспаленіе мочеваго канала недостигнетъ partis prostaticae urethrae, или покрайней мѣрѣ partis membranosae urethrae. Допустивши эти положенія, дѣлается весьма понятнымъ почему большинство людей одержимыхъ перелоемъ, не имѣютъ воспаленія яичка, и что это воспаленіе, ежели случается, то обыкновенно въ эпоху уже отдаленную отъ начала перелоя. Почему однакожъ въ однихъ случаяхъ раздраженіе достигаетъ partis membranosae, или prostaticae urethrae и дѣлается причиною воспаленія яичка, между тѣмъ, какъ въ большей части другихъ случаевъ оно не распространяется такъ далеко и не производитъ этой болѣзни? Разницу эту Авторъ объясняетъ весьма основательно гигіеническими и терапевтическими обстоятельствами, въ которыхъ находится больной. «Воспаленіе яичка при гонор-

«реѣ часто происходитъ отъ продолжительной ходьбы «больнаго, отъ тѣлесной усталости, отъ прижатія, или «отъ ушиба мошонки и яичка, отъ дѣйствія холода и «сырости, особенно на нижнюю часть туловища и на «мошонку, отъ ѣзды больнаго верхомъ, или въ трясскомъ «экипажѣ, потомъ иногда оно развивается при продол«жительномъ задержаніи урины въ мочевомъ пузырѣ; «послѣ употребленія спиртныхъ, или разгорячающихъ на«питковъ и послѣ акта совокупленія.» стр. 56.

Предположеніе нѣкоторыхъ, что яички страдаютъ при переломѣ въ слѣдствіе ихъ отвѣснаго положенія къ мочевому каналу, и что нижележащее изъ яичекъ (лѣвое) должно чаще поражаться, нежели правое, — Профессоръ Заблоцкій опровергаетъ съ одной стороны статистическими наблюденіями надъ воспаленіемъ праваго и лѣваго яичка, изъ которыхъ видно, что оба яичка почти одинаково часто страждутъ воспаленіемъ, хотя лѣвое обыкновенно виситъ нѣсколько ниже праваго; (стр. 57); а съ другой стороны тѣми наблюденіями, гдѣ одно яичко было находимо въ паху, а другое въ мошонкѣ, и когда при этомъ только яичко находящееся въ паху поражалось перелойнымъ воспаленіемъ.

Статью о причинахъ перелойнаго воспаленія Г. Заблоцкій оканчиваетъ замѣчаніемъ о вліяніи на образованіе этой болѣзни причинъ эпидемическихъ, на что по мнѣнію Автора, кажется первый обратилъ вниманіе Профессоръ Пироговъ. Г. Заблоцкій это обстоятельство подтверждаетъ и своими собственными замѣчаніями, сдѣ-

ланными имъ въ сифилитическомъ отдѣленіи 2-го Военно-сухопутнаго госпиталя.

При изложеніи мѣста страданія въ этой болѣзни, стр. 59, Авторъ, показавши различныя мнѣнія, существовавшія объ этомъ предметѣ, отдаетъ преимущество мнѣнію Вельпо, допускающему, что опухоль здѣсь главнѣйшимъ образомъ зависитъ отъ припухлости придатка яичка, что само яичко здѣсь опухаетъ рѣдко, что раздраженіе здѣсь въ большей части случаевъ распространяется отъ придатка яичка на серозныя оболочки яичка и образуется въ полости влагалищной оболочки эксудатъ, что эксудатъ этотъ можетъ быть жидкій, гелатинозный и смѣшанный съ красящимъ веществомъ крови.

По порядку Авторъ описываетъ *симптомы болѣзни* стр. 62, какъ мѣстныя замѣчаемыя у больныхъ въ дѣтородныхъ частяхъ, такъ и сочувственныя, а равно и припадки паренхиматознаго воспаленія яичка, на которое обращено особенное вниманіе врачей только въ недавнее время Видалемъ; послѣ сего описываются: ходъ, продолжительность болѣзни, предсказаніе, исходъ и распознаваніе ея. Все это у Автора изложено ясно, современно, и безъ упущенія существенныхъ обстоятельствъ.

Лѣченіе перелойнаго воспаленія яичка, стр. 71, Авторъ раздѣляетъ на предохранительное и коренное. Изложивши какія средства должно употреблять для того, чтобы человѣкъ, имѣющій перелой, навѣрное могъ избѣжать воспаленія яичка, сочинитель описываетъ тѣ средства, которыя употребляются при развившейся уже

болѣзни: покой и горизонтальное положеніе тѣла, мѣстное и общее кровопусканіе, общія теплыя ванны, припарки, слабительныя, діэта больнаго, мѣстныя разрѣшающія средства, и прижатіе опухоли по способу Фрике. Всѣ эти средства и пособія описаны подробно и съ указаніемъ нужныхъ при ихъ употребленіи осторожностей.

Извѣстно, что въ послѣдніе годы практики, какъ надежнѣйшее средство для леченія перелойнаго воспаленія яичка, хвалили прижатіе яичка ленточками липкаго пластыря по способу Гамбургскаго Доктора Фрике; Авторъ описавши подробно употребленіе этого средства (стр. 76 и 77) и соблюденіе необходимыхъ при томъ осторожностей, отзывается о пользѣ его на основаніи опытности, такъ: «средство это надежно и хорошо «дѣйствуетъ только тогда, когда періодъ сильнаго раз«драженія миновалъ; когда нѣтъ сильнаго жара и боли «въ опухоли; когда прошла лихорадка, когда острое во«спаленіе перешло въ хроническое и когда, при всемъ «этомъ повязка будетъ наложена методически.» стр. 77.

О леченіи перелоя (стр. 75), существующаго обыкновенно при перелойномъ воспаленіи сѣменной желѣзы, Авторъ того мнѣнія, что при этомъ не слѣдуетъ употреблять ни прививанія перелойной матеріи, ни раздражающихъ впрыскиваній въ мочевой каналъ, а можно легко ограничиться употребленіемъ внутрь, только слизистаго, или бальзамическаго питья; но часто, по мнѣнію Автора, и этого не нужно, ибо въ большей части случаевъ съ уменьшеніемъ воспаленія яичка, уменьшает-

ся и проходитъ отдѣленіе перелойной матеріи. Такъ Авторъ поступаетъ уже болѣе 4-хъ лѣтъ, при леченіи сифилитическихъ больныхъ во второмъ Военно-сухопутномъ госпиталѣ, и больные всегда выздоравливаютъ и скоро и съ экономическою выгодою для госпиталя.

Профессоръ Заблоцкій за симъ очень подробно излагаетъ способъ леченія перелойнаго воспаленія яичка *скарификаціями*, предложенный въ 1836 году Вельпо (стр. 77), при которыхъ концемъ узкаго ножа, или бистури дѣлается въ опухоли нѣсколько неглубокихъ проколовъ. Объяснивши дѣйствіе и слѣдствія скарификацій, Авторъ весьма основательно отдаетъ предпочтеніе сему способу передъ всѣми другими способами, для леченія большей части случаевъ перелойнаго воспаленія яичка.

Способы: Дерюеля и Докт. Филиппа.

На страницахъ 83 и 84 описываются еще два способа леченія перелойнаго воспаленія: *Способъ Дерюеля*, предложенный въ 1843 году и состоящій въ приложеніи къ больному яичку лепешки, приготовленной изъ меркуріальной мази, наркотическихъ и вяжущихъ средствъ, и *способъ Доктора Филиппа*, обнародованный въ 1844 году и состоящій въ употребленіи на опухоль крѣпкой беллядонной мази. Употребленіе сего послѣдняго средства Автору не представило никакой особенной выгоды; касательно же способа Дерюеля, онъ думаетъ, что способъ сей будетъ болѣе у мѣста тогда, когда острый періодъ болѣзни начинаетъ прохо-

дить и когда въ опухоли не будетъ уже значительнаго раздраженія.

При леченіи *паренхиматознаго воспаленія яичка* Авторъ совѣтуетъ употреблять способъ Видаля, употребленный уже и у насъ нѣсколько разъ Профессоромъ Пироговымъ, гдѣ дѣлается послойный разрѣзъ опухоли, проникающій бѣлковую оболочку, для удаленія ущемленія причиняемаго въ этомъ видѣ болѣзни существу яичка; леченіе сего рода подтверждается собственными наблюденіями Автора.

За перелойнымъ воспаленіемъ яичка, описывается въ настоящемъ сочиненіи, *воспаленіе яичка, происходящее отъ страданій мочеваго пузыря и уретры безъ участія гонорреи* (orchitis urethralis non blennorrhoica) (стр. 87 и слѣд.). Врачи обыкновенно не отличаютъ этого рода воспаленія и это ошибка немаловажная и влекущая иногда за собою неблагопріятныя послѣдствія. Дѣйствительно, присутствіе инородныхъ тѣлъ въ мочевомъ каналѣ: бужи: зонда, катетера, литотритическаго инструмента, производятъ часто воспаленіе яичка, совсѣмъ отличное отъ другихъ воспаленій сего органа; туберкулёзное или раковое перерожденіе шейки мочеваго пузыря, или простатической части уретры причиняютъ также воспаленіе яичка, и опять отличающееся своими особенными явленіями и послѣдствіями, часто не похожими на послѣдствія, замѣчаемыя при другихъ видахъ воспаленія яичка. — Леруа д'Етіоль и Фабръ въ своихъ сочиненіяхъ дѣлаютъ только намекъ на этого

рода страданія. У Г. Заблоцкаго находится точное описаніе того, что мы встрѣчаемъ въ натурѣ въ подобныхъ случаяхъ. Онъ описываетъ тутъ симптомы, различныя послѣдствія, предсказаніе и леченіе всѣхъ подобнаго рода страданій и описываетъ ихъ съ особенною точностію, которой мы не находимъ ни у кого изъ писателей. Не съ меньшею точностію описывается и слѣдующій за симъ видъ болѣзни *воспаленіе яичка, происходящее отъ тѣлесныхъ напряженій* (стр. 90 и слѣд.) — видъ, на который впрочемъ обратилъ уже вниманіе Вельпо и который также въ практикѣ остается большею частію врачами неузнаннымъ.

Во второмъ отдѣленіи третьей главы (стр. 92) изложено Авторомъ *воспаленіе яичка, происходящее отъ причинъ наружныхъ* (orchitis simplex s. traumatica): отъ ушиба, отъ прижатія, отъ раненія, отъ простуды и пр. Въ третьемъ отдѣленіи (стр. 97) излагается *воспаленіе яичка, зависящее отъ общаго болѣзненнаго состоянія организма*, или *отъ причины эпидемической* (orchitis symptomatica s. epidemica s. parotidea); также то воспаленіе сѣменныхъ желѣзъ, которое иногда случается къ концу нѣкоторыхъ горячекъ: тифозной горячки, оспы, а также при нѣкоторыхъ болѣзняхъ сочлененій, при страданіи костей и при гнойномъ зараженіи. Описанія эти подтверждены наблюденіями.

Четвертое отдѣленіе 3-й главы посвящено описанію *хроническаго воспаленія яичка* (orchitis chronica) стр. 100. Въ этомъ отдѣленіи Авторъ, кромѣ описанія мѣ-

ста, причинъ, припадковъ, исходовъ, предсказанія и леченія болѣзни, обратилъ особенное вниманіе на тѣ явленія, по которымъ должно отличать эту болѣзнь отъ похожихъ на нее страданій: отъ туберкулознаго яичка, отъ гипертрофіи яичка и отъ венерическаго яичка; — на частую ошибку, дѣлаемую врачами въ практикѣ.

Глава IV, Haematocele стр. 111.

Въ главѣ четвертой, стр. 111, изложено *Haematocele,* болѣзнь состоящая въ изліяніи крови въ мошонку и въ полость влагалищной оболочки. Писатели до сихъ поръ не согласны въ раздѣленіи сей болѣзни на различные виды. Авторъ принялъ здѣсь дѣленіе наиболѣе естественное и основанное на мѣстѣ присутствія излившейся крови. По этому болѣзнь раздѣлена на два главные рода: a) кровоизліяніе внѣ влагалищной оболочки (haematocele extra-vaginalis), и b) кровоизліяніе въ полость влагалищной оболочки (haematocele intra-vaginalis). Въ первомъ случаѣ представляются въ натурѣ опять два вида весьма отличныхъ между собою: можетъ быть только изліяніе, или подтекъ крови въ клѣтчатку мошонки (haematocele per infiltrationem s. ecchymosis scroti), или же можетъ быть изліяніе крови внѣ влагалищной оболочки, образующее отдѣльныя полости (haematocele per effusionem). Описаніе обоихъ видовъ кровоизліяній внѣвлагалищной оболочки пояснено собственными отчетливыми наблюденіями Автора (стр. 119).

При леченіи подтековъ крови въ клѣтчатку мошонки, Авторъ отвергаетъ разрѣзъ опухоли и совѣтуетъ употреблять: разрѣшающія и вяжущія примочки, мѣстное кровопусканіе, противувоспалительное содержаніе больнаго, ной страждущаго органа и пр. (стр. 114). При леченіи кровоизліяній внѣвлагалищной оболочки, образующихъ отдѣльныя полости, онъ совѣтуетъ (стр. 119 и слѣд.) тѣже самыя средства и сверхъ того разрѣзъ кровяной полости, операцію, которою могутъ быть скоро предотвращены всѣ непріятныя послѣдствія болѣзни: нарывы, помертвеніе мошонки и пр.

Наименѣе разъяснены доселѣ тѣ кровоизліянія, когда кровь изливается въ полость влагалищной оболочки. Не говоря уже о томъ, что въ русской Медицинской литературѣ нѣтъ ничего особеннаго объ этой болѣзни, но даже иностранная литература очень бѣдна въ этомъ отношеніи. По этому практики и теперь часто эту болѣзнь смѣшиваютъ съ различными видами водянки влагалищной оболочки. Г. Заблоцкій, описывая подробно причины болѣзни, обращаетъ особенное вниманіе врачей на усиленныя тѣлесныя напряженія, какъ причину этой болѣзни, — причину замѣченную еще Гигзомъ, но забытую потомъ практиками и писателями. Въ подтвержденіе этого факта онъ приводитъ свое наблюденіе (стр. 126).

Въ параграфѣ о припадкахъ и распознаваніи (стр. 128). Авторъ обратилъ большое вниманіе на отличіе этой болѣзни отъ похожей на нее водянки влагалищной

оболочки яичка (hydrocele). Анатомія патологическая болѣзни (стр. 130), разобрана весьма отчетливо; при разсмотрѣніи леченія этого рода кровоизліяній (стр. 130 и слѣд.), Авторъ излагаетъ ясно и съ критическимъ разборомъ всѣ средства какъ терапевтическія, такъ и хирургическія, совѣтуемыя въ сей болѣзни, и выводитъ окончательно слѣдующій результатъ въ этомъ отношеніи: (стр. 140).

1) «Когда болѣзнь будетъ недавняя и кровь изли»лась въ маломъ количествѣ, то противувоспалительныя »и мѣстныя разрѣшающія средства обыкновенно доста»точны бываютъ для излеченія болѣзни.»

2) «Ежели изліяніе значительное и кровь будетъ »жидкая, то должно употреблять проколъ Труакаромъ »и Іодовое впрыскиваніе, ежели предыдущее леченіе »осталось безполезнымъ. Обыкновенно въ такихъ слу»чаяхъ разрѣшеніе опухоли происходитъ такъ же удоб»но, какъ и при простомъ серозномъ накопленіи.»

3) «Ежели въ жидкости плаваютъ фиброзные клоч»ки и небольшіе фиброзные сгустки, то Іодовое впры»скиваніе еще и здѣсь можетъ быть достаточнымъ для »излеченія болѣзни.»

4) «Когда излившаяся кровь превратилась въ чер»новатую, густую жидкость, когда влагалищная оболоч»ка будетъ отолстѣвшею и отвердѣвшею, тогда по»вторные разрѣзы опухоли и заволока составляютъ луч»шее леченіе.»

5) »Наконецъ, ежели въ серозной полости на мѣ»стѣ излившейся крови содержится гной, то должно »опять употреблять разрѣзы, и вообще тогда болѣзнь »лечится, какъ холодный идіопатическій нарывъ.»

Глава V. Водянка яичка и сѣменнаго канатика.

Стр. 141.

Водянка яичка есть одна изъ всѣхъ болѣзней дѣтородныхъ органовъ, о которой наиболѣе спорили писатели въ послѣднее время. Однакожъ не смотря на это, литература сей болѣзни богата только отдѣльными замѣчаніями, но хорошаго полнаго описанія объ ней мы все еще не имѣли. Въ сочиненіи А. Купера, какъ лучшемъ сочиненіи о болѣзняхъ яичка, находится описаніе только одной хронической водянки съ нѣкоторыми замѣчаніями объ ея комплікаціяхъ и о водянкѣ сѣменнаго канатика, но нѣтъ описанія ни водянки острой, ни водянки грыжеваго мѣшка. У Фабра находится свѣдѣній больше, нежели у А. Купера; но свѣдѣнія здѣсь собраны безъ критики, безъ приведенія ихъ въ одно цѣлое. Существуютъ еще отдѣльныя замѣчанія о разныхъ видахъ и свойствахъ сей болѣзни, въ различныхъ періодическихъ изданіяхъ и особенно въ запискахъ Парижской Медицинской Академіи. Безспорно можно сказать, что Г. Заблоцкій сдѣлалъ самое полное и ясное описаніе различныхъ водянокъ яичка и сѣменнаго канатика.

Авторъ для большей ясности описанія сей болѣзни, и для большей точности прогностики и леченія, дѣлитъ эту болѣзнь на 9-ть видовъ, принявши въ основаніе своего дѣленія мѣсто нахожденія жидкости, характеръ болѣзни и компликаціи ея. На стр. 143 представлена таблица всѣхъ видовъ сей болѣзни. Прочитавши весь трактатъ объ водянкахъ яичка, мы вполнѣ убѣдимся въ необходимости такого дѣленія.

Первая изъ описываемыхъ водянокъ Г. Заблоцкимъ есть острая *водянка влагалищной оболочки* (стр. 143). Въ изложеніи этой болѣзни, Авторъ обратилъ между прочимъ также вниманіе на отличіе ея отъ другихъ болѣзней яичка, и по этому онъ на страницѣ 146 списалъ съ натуры тѣ явленія, которыя Хирургу представляются при изслѣдованіи этой болѣзни, и которыя должны служить самымъ лучшимъ руководителемъ къ узнанію, есть ли при воспаленіи яичка выпотѣніе серозной жидкости въ полости влагалищной оболочки, или нѣтъ?

Описаніе хронической водянки влагалищной оболочки (hydrocele chronica tunicae vaginalis) занимаетъ самую большую часть сей главы, отъ стр. 149 до 192. — Въ показаніи причинъ (стр. 149 и слѣд.) замѣчателенъ фактъ, что болѣзнь эта чаще гороздо встрѣчается въ теплыхъ странахъ, нежели въ холодныхъ, что ни одинъ возрастъ не изъятъ отъ нее, и что ни темпераментъ, ни тѣлосложеніе не оказываютъ замѣтнаго вліянія на происхожденіе этой болѣзни. Изложеніе припадковъ и

хода хронической водянки влагалищной оболочки, оканчивается объясненіемъ тѣхъ рѣдкихъ случаевъ, гдѣ болѣзнь сама проходила навсегда, или только временно безъ всякой видимой къ тому причины, или въ слѣдствіе разрыва въ опухоли влагалищной оболочки (стр. 157).

Въ статьѣ о патологической анатоміи болѣзни (стр. 157) разсматривается какъ содержимое опухолью, такъ и содержащее. Относительно жидкости содержимой опухоли показаны количество и качества ея: физическія и химическія; показаны измѣненія, замѣчаемыя при этой болѣзни во влагалищной оболочкѣ, и другихъ органическихъ слояхъ покрывающихъ опухоль, въ яичкѣ, сѣменномъ канатикѣ, относящемъ каналѣ и паховомъ каналѣ.

Распознаваніе болѣзни нигдѣ такъ отчетливо не представлено, какъ въ настоящемъ сочиненіи.

Леченіе (стр. 167) раздѣлено на палліативное и коренное. Въ послѣднемъ описаны всѣ операціи, предложенныя въ различныя времена, для радикальнаго изцѣленія водянки влагалищной оболочки, съ показаніемъ ихъ недостатковъ, или выгодъ, и отдано преимущество Іодовымъ впрыскиваніямъ. При описаніи сего послѣдняго способа т. е. впрыскиваній, Авторъ особенно входитъ въ большія подробности. Способъ впрыскиванія и способъ вырѣзыванія части влагалищной оболочки, какъ способы почти исключительно нынѣ употребляемые для излеченія хронической водянки влагалищной оболочки пояснены въ атласѣ хорошими рисунками (см. Таб. I,

фиг. 1, 2 и 3). Извѣстно, что всякая хирургическая операція можетъ иногда сопровождаться различными невыгодными обстоятельствами, это дѣйствительно иногда случается и съ операціею впрыскиванія въ полость влагалищной оболочки. Г. Заблоцкій, описывая подробно различныя невыгодныя обстоятельства, могущія случиться во время этой операціи (стр. 185), говоритъ между прочимъ и о поколѣ яичка стилетомъ Труакара, и сознается, откровенно, что и онъ самъ впадалъ при операціи сего рода въ эту невольную ошибку; на стр. 191 описанъ Авторомъ такой случай. - Сознаніе въ своихъ ошибкахъ въ дѣлѣ практической Медицины, болѣе даетъ вѣры въ Автора, нежели описаніе однихъ только успѣшныхъ случаевъ. Неуспѣхъ имѣетъ также свою полезную, наставительную сторону, какъ и успѣхъ. Къ сожалѣнію эта истина рѣдко поддерживается писателями, которые въ своихъ сочиненіяхъ почти вездѣ говорятъ только объ успѣхѣ, и никогда почти не описываютъ своихъ неудачь.

Всѣ остальные виды водянокъ яичка и сѣменнаго канатика т. е. осложненная, врожденная водянка влагалищной оболочки, водянки сѣменнаго канатика и грыжеваго мѣшка, разсказаны современно и съ должною полнотою, какъ въ отношеніи патологическомъ, такъ и терапевтическомъ.

Туберкулёзное яичко. Глава VI, VII. стр. 211.

Показавши названія, подъ которыми болѣзнь эта была описываема, Г. Заблоцкій говоритъ, о мѣстѣ отло-

женія бугорковаго вещества въ сѣменныхъ желѣзахъ и о причинахъ этой болѣзни. Изъ чего видно, что туберкулёзное вещество здѣсь отлагается, или въ видѣ отдѣльныхъ ограниченныхъ туберкулёзныхъ массъ, или въ видѣ разлитомъ (инфильтраціи), чаще однакожъ туберкулёзное отложеніе здѣсь встрѣчается въ первомъ видѣ.

Притомъ Авторъ замѣчаетъ, что туберкулёзное вещество можетъ отлагаться въ самомъ яичкѣ, въ его придаткѣ, или въ относящемъ каналѣ, или во всѣхъ этихъ частяхъ вмѣстѣ. Относительно совмѣстности бугорковъ въ легкихъ и въ яичкахъ, Авторъ выводитъ мнѣніе противное существующему въ наукѣ объ этомъ предметѣ, т. е., что при бугоркахъ яичка, бугорки въ легкихъ большею частію не существуютъ. стр. 214.

Описаніе хода болѣзни стр. 214, раздѣлено на три періода: періодъ отвердѣнія яичка, періодъ воспаленія или размягченія туберкулёзнаго яичка и періодъ изъязвленія. Раздѣленіе это Авторомъ заимствовано съ натуры, явленія обнаруживающія каждый изъ сихъ періодовъ болѣзни описаны весьма вѣрно; видно что Авторъ много наблюдалъ больныхъ одержимыхъ этою болѣзнію.

Дюпюитрень и Ру внесли въ науку замѣчанія, будто бы туберкулёзное яичко можетъ перейти въ ракъ. Авторъ, по нашему мнѣнію, весьма основательно (стр. 222) сомнѣвается въ возможности такого перерожденія, и думаетъ, когда ракъ будто бы слѣдовалъ за бугорками яичка, эти двѣ болѣзни существовали въ одно время, а не одна перешла въ другую.

Леченіе сей болѣзни Г-мъ Заблоцкимъ изложено, какъ въ терапевтическомъ, такъ и въ хирургическомъ отношеніи хорошо и удовлетворительно всѣмъ частностямъ болѣзни. — Относительно кастраціи при туберкулёзномъ яичкѣ, Авторъ говоритъ, что операцію эту должно дѣлать въ сей болѣзни только тогда, «когда отъ отдѣленія размягченной матеріи произошло много свищей, открывающихся въ различныхъ частяхъ мошонки, сильно разстроивающихъ яичко и незаживающихъ, не смотря ни на какія средства.» стр. 225. Вообще мы должны сказать, что лучшаго описанія туберкулёзнаго яичка еще никто не сдѣлалъ прежде Г. Заблоцкаго.

Глава VII. Венерическое яичко. стр. 227.

Тоже самое мы должны замѣтить и объ трактатѣ слѣдующей главы: объ описаніи *венерическаго яичка*,— болѣзни развивающейся въ яичкѣ въ позднее уже время по внесеніи въ организмъ человѣка сифилитическаго яда. Описаніе этой болѣзни хотя Рикоромъ и сдѣлано въ послѣднее время *), но сличая это описаніе съ настоящими трактатами объ этой болѣзни нашего Автора, оно не имѣетъ надлежащей полноты, необходимой во всякомъ практическомъ трактатѣ Медицины. Изъ описанія этой болѣзни видно, что Авторъ, наблюдалъ много и долго сифилитическихъ больныхъ, и сдѣлалъ описаніе болѣзни при постелѣ больнаго.

---

*) Gazette des Hôpitaux, 1848.

Глава VIII. Ракъ яичка. Стр. 235.

Изслѣдованіе Рака вообще и въ частности рака сѣменныхъ желѣзъ составляетъ одинъ изъ трудныхъ предметовъ въ Медицинѣ; и потому у писателей объ ракѣ мы находимъ еще много сбивчиваго и неяснаго, особенно объ ракѣ яичка. Ракъ сѣменныхъ желѣзъ Авторъ дѣлитъ: на ракъ мозговидный (cancer encephaloideus), скирръ (scyrrhus), клеевидный ракъ (cancer colloides) и меланическій ракъ (cancer melanicus). — Авторъ здѣсь, какъ видно, допустилъ тоже самое дѣленіе рака, кототорое принимается въ новѣйшее время для страданій раковымъ перерожденіемъ другихъ органовъ нашего тѣла. — Въ параграфахъ о мозговидномъ ракѣ и скиррѣ яичка представляются ясно всѣ обстоятельства болѣзни, какъ теоретическія такъ и практическія, патологическія и терапевтическія; Авторъ понимая, какъ въ практикѣ трудно бываетъ иногда сдѣлать отличіе рака отъ другихъ болѣзней обратилъ свое большое вниманіе на діагностику видовъ рака, какъ между собою (стр. 249), такъ и на отличіе рака яичка отъ другихъ болѣзней (стр. 254). При леченіи рака Авторъ высказываетъ свою недовѣрчивость на счетъ пользы средствъ фармацевтическихъ, и думаетъ, что эти средства раціонально направленныя и въ совокупности съ приличнымъ гигіеническимъ содержаніемъ больнаго, приносятъ пользу, лишь палліативную. Изъ внутреннихъ средствъ онъ въ этомъ послѣднемъ случаѣ отдаетъ преимущество Опію, Белладоннѣ, Цикутѣ, Cyanureto Potassii, и Valerianati Zinci,

(стр. 258). — Касательно радикальнаго леченія рака яичка Авторъ, на основаніи наблюденій собственныхъ и другихъ, думаетъ что въ этомъ отношеніи можетъ приносить пользу и то въ немногихъ случаяхъ, только операція отнятія яичка (castratio). Операцію эту (стр. 259 и слѣд.) описываетъ Г. Заблоцкій весьма подробно; тутъ излагаетъ онъ показанія и противупоказанія къ этой операціи, инструменты нужные для операціи, различные моменты операціи и неблагопріятныя обстоятельства, могущія случиться во время операціи кастрацій. Описавши обыкновенный или классическій способъ произведенія операціи кастрацій, Авторъ представляетъ измѣненія, предложенныя въ этой операціи Монуаромъ и Морганомъ. (стр. 267). Наконецъ представляетъ описаніе производства операцій кастраціи совершенно по новому способу и еще никѣмъ не описанному, по способу Академика Пирогова (стр. 267 и слѣд.). При обыкновенномъ способѣ отнятія яичка, сперва разрѣзываютъ покровы, обнажается опухоль, перевязывается въ массѣ сѣменный канатикъ и за тѣмъ перерѣзывается сѣменный канатикъ, и такимъ образомъ удаляется больное яичко. Операція такъ производимая вообще очень болѣзненна и продолжительна Профессоръ Пироговъ предложилъ для своего способа кастраціи особенный инструментъ, родъ щипцовъ (см. стр. 267) (и въ атласѣ табл. 4 фиг. 1 и табл. 3), которымъ захватывается опухоль съ покровами и частію сѣменнаго канатика, и проводятся лигатуры шва; по наложеніи такого инструмента, разомъ и

въ одно время перерѣзывается сѣменный канатикъ и отдѣляется опухоль съ частію покрововъ, а въ ранѣ остаются нужныя для шва лигатуры. Стоитъ только послѣ этого перевязать сѣменную артерію и завязать лигатуры и вся операція окончена. Нашъ Авторъ, описавши подробно способъ Академика Пирогова, говоритъ: «изъ этого видно, что операція по способу Пирогова, отличается отъ операціи по обыкновенному способу, т. е. вылущиванія, бо́льшею легкостію, скоростію, и слѣдовательно меньшею болью; перевязки сѣменнаго канатика въ массѣ не дѣлается, а перевязывается только одна сѣменная артерія; рана здѣсь послѣ операціи меньше, и можетъ скорѣе зажить и даже первымъ натяженіемъ. Всѣ эти обстоятельства даютъ преимущество способу Пирогова, передъ обыкновеннымъ способомъ. Спрашивается, всегда ли можно употребить этотъ способъ? Я думаю, если опухоль будетъ очень велика, и сѣменный канатикъ будетъ измѣненъ довольно высоко, тогда способъ Пирогова будетъ неудобенъ. Но такіе случаи встрѣчаются рѣдко.» стр. 269. Описаніе операцій кастраціи пояснено въ Атласѣ четырьмя рисунками натуральной величины, первые два относятся къ способу обыкновенному, а послѣдніе къ способу Академика Пирогова. Глава объ ракѣ яичка оканчивается описаніемъ тѣхъ немногихъ патологическихъ замѣчаній, коими наука обладаетъ относительно клеевиднаго и меланическаго рака яичка, встрѣчающихся чрезвычайно рѣдко въ тѣлѣ человѣка. (ст. 269).

Глава IX. Грибовидные наросты яичка.

Въ девятой главѣ, стр. 270, описываются *грибовидные наросты яичка* (Fungositates testiculi), болѣзнь встрѣчающаяся очень рѣдко и мало еще изслѣдованная. Существо яичка однажды открытое, отъ дѣйствія воздуха становится весьма способно къ образованію фунгозныхъ наростовъ; кромѣ этого, фунгозныя наращенія въ сѣменной желѣзѣ образуются иногда при туберкулёзномъ и другихъ хроническихъ страданіяхъ яичка. Эти приращенія большая часть практиковъ еще и теперь принимаютъ за злокачественное перерожденіе сѣменной желѣзы; первый намекъ на эту болѣзнь сдѣлалъ въ концѣ прошедшаго столѣтія Самуилъ Куперъ, а потомъ далъ краткое описаніе ей Англичанинъ Ловренсъ (Lawrens). Г. Заблоцкій болѣе чѣмъ кто либо представляетъ раціонально и обстоятельно картину этого страданія. Между прочимъ въ описаніи этой болѣзни Авторъ представляетъ два поучительныхъ случая сей болѣзни: одинъ принадлежитъ Ловренсу, а другой Автору; въ этомъ послѣднемъ случаѣ наростъ въ существѣ яичка образовался при туберкулёзномъ отложеніи въ сѣменной желѣзѣ; наростъ былъ величиною въ грецкій орѣхъ, непроизводившій никакой боли больному, и совершенно нечувствительный, даже къ глубокимъ поколамъ; болѣзнь была излечена успѣшно кастраціею. Въ параграфѣ о леченіи этой болѣзни (стр. 274) Авторъ описываетъ критически всѣ способы леченія сего недуга и новый способъ леченія ея, предложенный въ 1845 году Англій-

скимъ врачемъ Тинисвудомъ, предлагающимъ замѣнить вырѣзываніе сего рода опухолей, пластическою операціею, состоящею въ образованіи лоскута изъ сосѣдней кожи мошонки и въ прикрытіи имъ нароста.

Глава X, XI, XII, XIII, XIV и XV.

Въ слѣдующихъ пяти главахъ Профессоръ Заблоцкій описываетъ все что доселѣ извѣстно и разсѣяно въ разныхъ, большею частію періодическихъ изданіяхъ, *объ Гидатидахъ яичка, объ фиброзномъ его перерожденіи, объ отложеніяхъ костяныхъ въ яичкѣ, объ свободныхъ тѣлахъ находимыхъ въ полости влагалищной оболочки, объ Гипертрофіи и Атрофіи яичка.* По великой рѣдкости этихъ состояній въ больной натурѣ человѣка, и по недостатку изысканій и литературныхъ трудовъ о подобныхъ предметахъ, Авторъ естественно долженъ былъ ограничиться: собраніемъ въ одно цѣлое и систематическое, лишь извѣстнаго. И это уже по моему мнѣнію заслуга. Авторъ для большей ясности предмета представилъ почти всѣ извѣстныя и достовѣрныя наблюденія объ этихъ рѣдкихъ патологическихъ состояніяхъ, исключая Атрофіи яичка, о которой Авторъ говоритъ съ большою подробностію.

Глава XVI и XVII.

Въ главѣ шестнадцатой, стр. 295, разсказываетъ Авторъ о болѣзни яичка, для нѣкоторыхъ врачей еще весьма проблематической, о *spermatocele;* глава семнад-

цатая (стр. 298) содержитъ свѣдѣнія о весьма рѣдкомъ явленіи въ яичкахъ, о *Глистахъ* и *Спермацоидахъ*, — микроскопическихъ животныхъ, похожихъ на сѣменныхъ (animalcula seminalia) и находимыхъ иногда вокругъ яичка, въ кистахъ и въ жидкости, отдѣляющейся при хронической водянкѣ влагалищной оболочки яичка.

Глава XVIII. Невралгія яичка стр. 299 *и слѣд.*

Невралгія яичка, болѣзнь, на которую обратили врачи вниманіе, только въ настоящемъ столѣтіи, и которой А. Куперъ далъ первый въ 1818 году описаніе подъ именемъ irritabilis testis; описаніе А. Купера считается лучшимъ въ иностранной литературѣ; сличая его однакожъ съ описаніемъ представляемымъ въ настоящемъ сочиненіи Г. Заблоцкимъ, оно далеко уступаетъ по ясности и полнотѣ своей сему послѣднему. — А. Куперъ и другіе врачи, писавшіе объ этомъ недугѣ обыкновенно проходятъ молчаніемъ, какимъ образомъ отличить почечную колику (colica nephritica) отъ невралгіи яичка, — какъ единственную болѣзнь, съ которою въ практикѣ можетъ быть смѣшено нервное страданіе сѣменной желѣзы. Г. Заблоцкій этотъ недостатокъ спеціальной патологіи пополняетъ въ своемъ сочиненіи, изложивши на стр. 303, ясно тѣ признаки, которые въ больной натурѣ составляютъ рѣзкую границу между сими двумя страданіями.

Объ леченіи этой болѣзни Авторъ говоритъ (стр. 304) «леченіе невралгіи яичка подобно невралгіямъ дру-

» гихъ органовъ, есть почти всегда эмпирическое. Од-
» нако врачь здѣсь долженъ имѣть въ виду два главныхъ
» показанія: 1) дѣйствовать противъ общаго состоянія
» больнаго, и 2) противъ мѣстной усиленной раздражи-
» тельности страждущаго органа. Средства удовлетво-
» ряющія первому показанію, будутъ почти всѣ тѣ же,
» какія оказываются полезными при леченіи невралгіи
» лица.» Авторъ здѣсь показываетъ различныя средства, совѣтуемыя въ подобныхъ случаяхъ, и ихъ пріемы. Противъ мѣстной возвышенной чувствительности, Авторъ совѣтуетъ употреблять различныя наркотическія средства, и въ особенности хвалитъ Опій въ соединеніи съ экстрактомъ сѣменъ Strammonii. Кромѣ внутреннихъ средствъ, Авторъ совѣтуетъ и различныя наружныя ередства и въ особенности втиранія наркотическихъ мазей, треніе льдомъ, электричество, прикладываніе по сосѣдству больнаго мѣста нарывнаго пластыря и пр. Нѣкоторые совѣтовали въ упорныхъ случаяхъ сей болѣзни дѣлать операцію кастраціи надъ больнымъ яичкомъ; въ числѣ таковыхъ былъ и А. Куперъ; нашъ Авторъ, по моему мнѣнію, весьма благоразумно отвергаетъ такой совѣтъ, на стр. 307. Глава о невралгіи яичка оканчивается двумя подробными наблюденіями надъ больными сильно страдавшими этою болѣзнію и излеченными Авторомъ. Эти наблюденія могутъ служить для врача практическими поясненіями всего описываемаго въ этой главѣ.

Глава XIX. Разстройство отправленій яичекъ и симпатическія страданія сихъ органовъ. стр. 313.

Нѣтъ сомнѣнія, что измѣненія въ яичкахъ человѣка могутъ происходить не только отъ причинъ прямо дѣйствующихъ на эти органы, или на части близь-лежащія, и имѣющія прямое анатомическое отношеніе къ сѣменнымъ желѣзамъ; но что также органы эти (яички) могутъ измѣняться и страдать отъ различныхъ патологическихъ состояній частей отдаленныхъ, и измѣненія сіи могутъ распространяться не только на ихъ отправленіе, но и на самое строеніе ихъ. Такъ, внимательному наблюдателю извѣстно, что при различныхъ страданіяхъ мозга, отправленія яичекъ и даже самое строеніе ихъ повреждаются; болѣзни: кишечнаго канала, почекъ, легкихъ, имѣютъ также вліяніе на функціи и на строеніе сѣменныхъ желѣзъ. Въ практикѣ, въ подобныхъ случаяхъ, врачи, будучи заняты важнѣйшими страданіями, не обращаютъ никакого вниманія на состояніе яичекъ; никому изъ писателей также доселѣ не пришло на мысль изложить научнымъ образомъ тѣ измѣненія, въ сѣменныхъ желѣзахъ, кои въ подобныхъ случаяхъ въ сихъ органахъ происходятъ. Правда, что предметъ этотъ для изслѣдованія весьма труденъ и требуетъ не только подробныхъ свѣдѣній о страданіи самыхъ яичекъ, но и точныхъ знаній физіологическихъ и патологическихъ всего вообще организма человѣка.

Во всей иностранной литературѣ мы находимъ едва нѣсколько, и то неполныхъ наблюденій, въ которыхъ

было обращено нѣкоторое вниманіе, при страданіи мозга и почекъ и на состояніе яичекъ. Но никто еще не собралъ, и не привелъ этихъ фактовъ въ одно цѣлое, и никому еще не приходило на мысль освѣтить подобные факты свѣтомъ науки. Безспорно первая попытка въ этомъ родѣ находится въ настоящемъ сочиненіи Профессора Заблоцкаго. Въ главѣ XIX. стр. 313, подъ заглавіемъ: *разстройство отправленій яичекъ и симпатическія страданія сихъ органовъ*, Г. Заблоцкимъ собраны сего рода факты, по возможности разъяснены, составлено описаніе симпатическихъ страданій сѣменныхъ желѣзъ, и включенъ трактатъ о безсиліи въ той степени, въ какой онъ зависитъ отъ несовершенства яичекъ и ихъ функцій. Покажемъ вкратцѣ содержаніе этой главы. Авторъ представляетъ сначала факты безсилія зависящаго отъ ушибовъ по головѣ. Безсиліе въ такихъ случаяхъ, замѣчаетъ Авторъ «обыкновенно обна» руживается по минованіи уже главной болѣзни, т. е. » поврежденія головы; въ нѣкоторыхъ же случаяхъ оно » обнаруживается съ самаго начала видимымъ разстрой» ствомъ яичекъ. Если этого видимаго разстройства сѣ» менныхъ желѣзъ необнаруживается, то врачь не дол» женъ отчаяваться, что паціентъ его опять пріобрѣ» тетъ половыя способности, какъ скоро другія послѣд» ствія удара изчезнутъ.» стр, 316. Авторъ весьма раціонально думаетъ, что леченіе въ подобныхъ случаяхъ должно главнымъ образомъ состоять въ назначеніи средствъ противъ поврежденій мозга; съ употребленіемъ

же средствъ, извѣстныхъ подъ именемъ aphrodiasiaca, нужно быть чрезвычайно осторожнымъ. Электрогалванизмъ, употребляемый отъ затылка по направленію позвонковъ, также можетъ быть полезенъ.

На стр. 317, 318 и 319 говоритъ Авторъ о равнодушіи нѣкоторыхъ особъ къ половымъ пожеланіямъ, о временномъ безсиліи въ слѣдствіе сильныхъ движеній души, о недостаткѣ самоувѣренности, какъ причинѣ безсилія, и о врачебныхъ совѣтахъ, въ подобныхъ случаяхъ. Статьи эти не только интересны, но для практика могутъ быть и весьма поучительны. Далѣе Авторъ описываетъ (стр. 320 и слѣд.) дѣйствіе болѣзней яичекъ на отправленіе сихъ органовъ: дѣйствіе туберкулёзнаго яичка, двойной водянки влагалищной оболочки, воспаленія существа яичекъ, расширенія сѣменныхъ венъ, вліяніе задержанія яичка въ животѣ и въ паховомъ каналѣ, и рѣшаетъ вопросъ относительно сохраненія человѣкомъ прокреативной способности въ разные періоды послѣ кастраціи. Относительно сего, доселѣ еще спорнаго въ судебной Медицинѣ вопроса, Авторъ въ заключеніи говоритъ слѣдующее: стр. 324 »многое зависитъ »отъ состоянія яичекъ во время операціи, если яичко »отрѣзанное послѣ, было разстроено, то принявъ во »вниманіе время, предшествовавшее операцію, въ про»долженіи котораго органъ едвали могъ быть въ со»стояніи приготовлять сѣмя, и время излеченія раны, »которое вообще не можетъ быть менѣе 8 или 9 не»дѣль, мы можемъ заключить, что въ такомъ случаѣ

» кастратъ не въ состояніи оплодотворять. Въ пользу » сего также говорятъ многочисленныя наблюденія, сдѣ- » ланныя надъ жидкостію взятою изъ сѣменныхъ пу- » зырьковъ и относящихъ каналовъ у людей, умершихъ » въ госпиталяхъ отъ различныхъ органическихъ болѣз- » ней яичекъ, и когда эти люди оставались въ госпиталѣ » не менѣе 7 недѣль,— наблюденія показывающія, что въ » жидкости этой нѣтъ сѣменныхъ инфузорій. Что же » касается до тѣхъ случаевъ, когда яички до времени » кастраціи были здоровы и отдѣляли сѣмя, то надобно » допустить, что способность къ оплодотворенію сѣмен- » ной жидкости, находимой въ относящихъ каналахъ и » сѣменныхъ пузырькахъ, можетъ сохраняться еще въ » продолженіи двухъ, или трехъ недѣль послѣ выздоров- » ленія въ обыкновенный періодъ отъ операціи; хотя и » здѣсь оплодотвореніе можно допустить лишь какъ воз- » можное, но не какъ несомнѣнное.»

О дѣйствіи апоплексіи и параплегіи на отправленіе яичекъ, замѣчаетъ Профессоръ Заблоцкій, «что апоплек- » сическій ударъ часто навсегда уничтожаетъ половыя » пожеланія, равно какъ и способность къ совокупленію. » Болѣзни и травматическія поврежденія спиннаго мозга, » производящія параплегію, не имѣютъ большаго вліянія » на самыя яички, но уничтожаютъ способность къ со- » вокупленію. Яички здѣсь могутъ приготовлять сѣмя; » но человѣкъ лишается половыхъ пожеланій и способ- » ности совокупленія. Исключенія изъ сего правила слу- » чаются рѣдко.» стр. 325. Любопытны также по сему

случаю представляемые Авторомъ опыты надъ животными, дѣланные Браше. Изъ средствъ помогающихъ иногда въ подобныхъ случаяхъ безсилія, Авторъ отдаетъ преимущество употребленію Nucis vomicae и электрогалванизму, дѣйствующему на возбужденіе нервовъ по направленію отъ почекъ къ яичкамъ.

О вліяніи другихъ хроническихъ болѣзней на отправленіе яичекъ, стр. 327, Авторъ говоритъ: a) о дѣйствіи *чахотки* и выводитъ заключеніе, въ противность мнѣнія нѣкоторыхъ писателей, что у чахотныхъ стремленіе къ сексуальнымъ наслажденіямъ уменьшается по мѣрѣ возрастанія общей слабости и другихъ припадковъ чахотки, точно такъ какъ и у лицъ страдающихъ другими какими нибудь важными хроническими болѣзнями; b) *о слабомъ и дурномъ пищевареніи* (Dispepsia), которое также иногда бываетъ причиною временной потери половыхъ способностей и c) *о болѣзняхъ почекъ*. »Мало болѣзней, замѣчаетъ Г. Заблоцкій (стр. 329), ко»торыя оказывали бы больше вліяніе на ослабленіе сек»суальныхъ функцій, какъ болѣзни почекъ; замѣчатель»но, что у людей, у которыхъ отлагается въ мочѣ ща»велекислая известь (oxalas calcis), сексуальныя побу»жденія бываютъ значительно уменьшены, или вовсё »уничтожены.» Объ этомъ послѣднемъ фактѣ едва ли кто прежде упоминалъ. Тутъ же упоминается у Автора о вліяніи diabetis и мочегонныхъ средствъ на сексуальныя способности и приводятся для поясненія факты.

Глава XIX оканчивается трактатомъ *о непроизволь-*

помъ истеченіи сѣмени; (стр. 331 — 344). Объ этомъ предметѣ наша отечественная Медицина еще ничего неимѣетъ, явленія какъ мѣстныя такъ и общія, которыми обнаруживается это разстройство дѣтородныхъ органовъ изложены ясно. Также отчетливо разсказаны и измѣненія анатомико-патологическія сей болѣзни, замѣчаемыя какъ въ дѣтородныхъ частяхъ и мочевыхъ органахъ, такъ и въ сѣменной жидкости. Авторъ тото убѣжденія, что при этой болѣзни почти всегда у больнаго находится раздраженіе въ заднихъ частяхъ мочеиспускательнаго канала; раздраженіе, производимое первоначально чрезмѣрно частымъ изліяніемъ сѣменной жидкости, поддерживающее въ послѣдствіи, въ свою очередь, у больнаго возбужденіе къ изліянію сѣмени. (стр. 334, 335 и 336).

При леченіи невольныхъ сѣменныхъ истеченій, Авторъ кромѣ средствъ дѣйствующихъ на общее состояніе здоровья, (стр. 340), отдаетъ преимущество прижиганію, по методѣ Лальмана, мочеваго канала селитрокислымъ серебромъ. (стр. 337). Всѣ нужныя правила и осторожности соблюдаемыя при сей операціи подробно описаны. Какъ помогающія средства прижиганія совѣтуетъ Авторъ Opium, Hyosciamum, мѣстныя холодныя ванны и холодныя промывательныя.

О женитьбѣ совѣтуемой нѣкоторыми въ этой болѣзни, какъ средствѣ служащемъ для прекращенія сѣменныхъ истеченій, Профессоръ Заблоцкій говоритъ слѣдующее; (стр. 340): «часто совѣтуютъ жениться лю-

» дямъ, страждущимъ невольными сѣменными истеченіями. » Совѣтъ такой болѣе вреденъ, нежели полезенъ. Особы » одержимыя непроизвольнымъ истеченіемъ сѣмени, ни» сколько не удовлетворяютъ условіямъ необходимымъ » человѣку, при вступленіи его въ бракъ: такіе люди » въ сущности немощны (impotentes), и ничто не можетъ » болѣе усилить ихъ страданій и препятствовать выздо» ровленію, какъ сексуальныя возбужденія и безплодныя » покушенія къ половому сообщенію. Главное дѣло въ » сей болѣзни состоитъ въ томъ, чтобы остановить обез» силивающія изверженія, доставить періодъ покоя, въ » который бы дѣтородные органы могли снова пріоб» рѣсть свои естественныя свойства. Пусть сперва здо» ровье возстановится и организмъ укрѣпится и послѣ » того уже можно посовѣтовать жениться. Бракъ отни» маетъ искушеніе къ онанизму, благопріятствуетъ пра» вильности и умѣренности удовлетворенія половыхъ от» правленій, и такимъ образомъ препятствуетъ возврату » болѣзни. »

На счетъ средствъ, извѣстныхъ подъ именемъ aphrodisiaca (стр. 342), Авторъ въ совѣтахъ своихъ весьма умѣренъ и остороженъ; ибо средства сіи въ большей части случаевъ только вредятъ, раздражая мочевые органы и возбуждая временно дѣтородныя части, зачѣмъ обыкновенно слѣдуетъ еще сильнѣйшее истощеніе сихъ послѣднихъ. Такъ Авторъ думаетъ о шпанскихъ мушкахъ, о фосфорѣ, и secale cornutum и другихъ сего рода средствахъ.

Часть II. стр. 384. *Глава I.*

Разширеніе венъ сѣменнаго канатика.

Вторая часть сочиненія Г. Заблоцкаго содержитъ: *описаніе болѣзней сѣменнаго канатика* (Funiculi spermatici). Первая глава въ этой части заключаетъ въ себѣ весьма полный трактатъ *объ разширеніи венъ сѣменнаго канатика* (varicocele). Не входя въ большія подробности этого трактата, покажу главнѣйшее его содержаніе: сдѣлавши опредѣленіе болѣзни и показавши различныя названія ея, подъ которыми она извѣстна въ наукѣ, Авторъ входитъ въ исчисленіе и разборъ различныхъ причинъ болѣзни (стр. 348 — 358).

Болѣзнь эта, выводитъ Авторъ, въ противность мнѣнія принятаго въ наукѣ, встрѣчается часто не только въ среднемъ возрастѣ человѣка, но и въ дѣтскомъ: между 9 — 15 годомъ жизни человѣка; жители жаркихъ странъ гораздо чаще ею страдаютъ жителей холодныхъ и умѣренныхъ климатовъ. На лѣвой сторонѣ чаще она встрѣчается нежели на правой; болѣзнь эта въ нѣкоторыхъ случаяхъ замѣчалась, какъ болѣзнь наслѣдственная. Вообще причины, способствующія образованію этой болѣзни, Авторъ дѣлитъ на двѣ категоріи: однѣ изъ нихъ способствуютъ приливу крови къ дѣтороднымъ частямъ, другія препятствуютъ отливу ея къ сердцу. Показавши и оцѣнивши тѣ и другія изъ нихъ, Авторъ замѣчаетъ еще, что кромѣ сего есть еще причины анатомическія, имѣющія замѣтное вліяніе на образованіе varicocele. «Изъ нихъ, говоритъ Авторъ, однѣ дѣйствуютъ съ обѣ-

»ихъ сторонъ на оба сѣменные канатика, а другія толь-
»ко съ одной стороны, и могутъ отчасти намъ объяс-
»нить, почему болѣзнь эта чаще встрѣчается на лѣвой
»сторонѣ, нежели на правой. Къ числу первыхъ дол-
»жно отнести наклоненное или почти отвѣсное поло-
»женіе сѣменныхъ венъ, ихъ длину, слабое устроеніе
»стѣнокъ сихъ сосудовъ сравнительно съ ихъ длиною,
»отсутствіе въ этихъ венахъ заслоночекъ, наконецъ то
»перемѣнное состояніе наполненія и испражненія крови,
»въ которомъ сѣменныя вены, такъ часто находятся
»отъ дѣйствія на дѣтородные органы различной темпе-
»ратуры, отъ вліянія страстей и отъ измѣненія поло-
»женія тѣла; одна изъ важныхъ анатомическихъ при-
»чинъ, способствующихъ расширенію сѣменныхъ венъ,
»есть безъ сомнѣнія сплетеніе венъ, извѣстное подъ
»именемъ plexus pampiliformis, отъ котораго начинают-
»ся вены яичка. Въ естественномъ состояніи и въ осо-
»бенности, если мошонка приподнята, это венозное
»сплетеніе не представляетъ ничего особеннаго; но
»когда varicocele уже началось, или когда дѣтородные
»органы расширены отъ теплоты, или отъ продолжи-
»тельной ходьбы, тогда plexus pampiliformis разши-
»ряется, увеличивается въ объемѣ и окружаетъ яичко
»замѣтнымъ образомъ сзади и сверху.» (стр. 353). Далѣе Авторъ къ условіямъ анатомическимъ, объясняющимъ, почему болѣзнь эта чаще случается съ лѣвой стороны нежели съ правой, относитъ: бо́льшую ширину сѣменныхъ венъ съ лѣвой стороны, нежели съ правой, боль-

шую ихъ длину, съ этой стороны и наконецъ то обстоятельство, что сѣменныя вены правой стороны оканчиваются подъ острымъ угломъ въ нижнюю полую вену (vena cava inferior); тѣ же самыя вены съ лѣвой стороны вливаютъ кровь почти подъ прямымъ угломъ въ соотвѣтственную имъ почечную вену (vena renalis); слѣдовательно вены съ правой стороны удобнѣе опоражниваются отъ крови, нежели вены лѣвой стороны, которыхъ кровь вливается подъ прямымъ угломъ и въ направленіи почти перпендикулярномъ возврату крови изъ почекъ, — обстоятельство необходимо препятствующее крововозвращенію; ибо тогда два тока крови идутъ въ различныхъ направленіяхъ.

Въ концѣ статьи объ этіологіи болѣзни, Авторъ занимается рѣшеніемъ интереснаго въ патологіи вопроса: существуетъ ли соотношеніе между расширеніемъ венъ сѣменнаго канатика и расширеніемъ венъ другихъ частей, напр. расширеніемъ венъ нижнихъ конечностей? (стр. 357) и выводитъ отвѣтъ отрицательный; ибо чрезвычайно рѣдко удается встрѣтить больнаго, одержимаго расширеніемъ венъ сѣменнаго канатика и въ то же время имѣющаго расширеніе венъ въ другомъ какомъ нибудь органѣ, наружномъ, или внутреннемъ.

Слѣдующія статьи этой главы: *симптоматологія, патологическая анатомія, предсказаніе и распознаваніе*, хотя и не содержатъ въ себѣ ничего новаго; но по своей полнотѣ и по практическому направленію стоятъ гораздо выше извѣстныхъ трактатовъ объ этихъ пред-

метахъ. Авторъ, зная, какъ врачи въ практикѣ часто ошибаются въ распознаваніи этой болѣзни и принимаютъ ее за грыжу, hydrocele и пр.; назначаютъ часто совершенно противное леченіе, назначаютъ носить бандажъ тамъ гдѣ онъ навѣрное повредитъ; описываетъ (стр. 368 и 369) подробно и ясно, основываясь на симптоматологіи и анатомико-патологическихъ измѣненіяхъ, средства и признаки, какъ практикъ можетъ избѣжать здѣсь важной ошибки; — правила эти для практическаго врача чрезвычайно важны.

Въ отдѣлѣ объ леченіи болѣзни (стр. 370), изложено палліативное леченіе и леченіе болѣзни коренное. Коренное леченіе, состоящее всегда въ операціи, Авторъ совѣтуетъ только въ тѣхъ случаяхъ, когда, не смотря на самое точное выполненіе всѣхъ гигіеническихъ и палліативныхъ средствъ, болѣзнь не уменьшается, мученія больнаго становятся сильнѣе, онъ впадаетъ въ меланхолію, не можетъ отъ боли долго ходить, и яичку угрожаетъ органическое разстройство. Цѣль, до которой стараются достигнуть радикальнымъ леченіемъ, состоитъ въ заращеніи расширенныхъ венъ и въ воспрепятствованіи прохожденію въ нихъ крови. Для этой цѣли еще древніе врачи заботились пріискать различныя средства и по этому въ Хирургіи мало такихъ болѣзней, для которыхъ бы предложено было большее число операцій, какъ для излеченія расширенныхъ венъ сѣменнаго канатика.

Г. Заблоцкій описываетъ здѣсь всѣ эти операціи въ

историческомъ порядкѣ: сначала изложены способы древнихъ (стр. 373), а потомъ способы новѣйшихъ (стр. 375). Въ числѣ этихъ послѣднихъ описаны: способъ операціи по способу Дава, способъ Фрике, способъ Бреше и Ландузи прижатіе венъ сѣменнаго канатика по способу Сансона, лигатура венъ по способу Вельпо, лигатура венъ по способу Рено, подкожная лигатура венъ по способу Ганьебе, подкожная лигатура венъ по способу Рикора, прижатіе венъ по способу Ротье и наконецъ накручиваніе венъ сѣменнаго канатика по способу Видаля. Всѣ эти операціи Профессоръ Заблоцкій излагаетъ подробно съ критическимъ взглядомъ, дѣлая оцѣнку каждой изъ нихъ; Авторъ даетъ предпочтеніе способу Вельпо, состоящему въ проведеніи крѣпкой булавки черезъ складку кожи подъ расширенными венами и въ прижатіи сихъ послѣднихъ вмѣстѣ со складкою кожи крѣпкою ниткою. Операція эта во-первыхъ потому предпочитается Авторомъ, что она очень проста; здѣсь не нужно никакихъ инструментовъ и ее можетъ всякій врачь удобно исполнить; во-вторыхъ, больной послѣ этой операціи, не долженъ необходимо оставаться въ постели и носить въ оперированномъ мѣстѣ тяжелый инструментъ (щипцы), употребляемый при другихъ операціяхъ его рода. При такихъ очевидныхъ выгодахъ сей операціи трудно съ Авторомъ несогласиться. Способы операцій: Бреше, Ландузи, Сансона, Рикора, Ганьебе, Вельпо и Видаля, пояснены въ Атласѣ хорошими рисунками.

Изъ нихъ изображеніе способа Ганьебе, способа Вельпо и инструмента, употребляемаго Рикоромъ для сей операціи еще нигдѣ и никѣмъ не были представлены, и въ первый разъ въ хирургической литературѣ, снятыя съ натуры являются въ настоящемъ сочиненіи Профессора Заблоцкаго.

Вторая и третья глава второй части заключаютъ свѣдѣнія *о жирныхъ опухоляхъ сѣменнаго канатика* (Tumores adiposi Funiculi spermatici), *о спазмѣ мышцы поднимающей сѣменный канатикъ* (spasmus musculi cremasteris).

Часть III. Болѣзни мошонки.

Третья часть посвящена Авторомъ описанію болѣзней мошонки. Вообще хирурги, занимавшіеся изложеніемъ болѣзней дѣтородныхъ органовъ, проходятъ почти вовсе молчаніемъ болѣзни мошонки: разсказываютъ о гипертрофіи мошонки, замѣчаютъ нѣсколько словъ объ отекѣ этого органа, и вотъ всѣ тѣ болѣзни мошонки, о которыхъ можно найти краткія понятія въ различныхъ хирургическихъ сочиненіяхъ. Кромѣ сего въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ, особенно въ новѣйшее время, можно найти нѣсколько наблюденій надъ нѣкоторыми болѣзнями мошонки. Систематическаго изложенія болѣзней мошонки, мы смѣло скажемъ, до настоящаго труда Г. Заблоцкаго, ни на какомъ языкѣ нѣтъ.

Часть третія. Глава I. стр. 397.

Первая глава въ третьей части содержитъ *описаніе ранъ мошонки* (vulnera scroti), — предметъ, о которомъ

всѣ классическіе авторы молчатъ. Авторъ сдѣлавши описаніе патологическое и терапевтическое этой болѣзни собралъ потомъ 6 наблюденій ранъ мошонки, образовавшихъ травматическую грыжу яичка.

Вторая глава третьей части содержитъ описаніе отека мошонки (oedema scroti), болѣзни описанной Авторомъ въ двухъ формахъ: въ формѣ болѣзни симптоматической и въ формѣ первоначальной болѣзни.

Въ третьей главѣ (стр. 410) описано воспаленіе мошонки (inflammatio scroti, s. oedema acutum scroti). Эту болѣзнь хотя и часто встрѣчаютъ въ практикѣ, особенно госпитальной; но ее никто еще отдѣльно не описалъ. Г. Заблоцкій дѣлаетъ ей первый описаніе; онъ болѣзнь эту раздѣляетъ на двѣ степени: слабую, составляющую рожистое воспаленіе, и сильную, составляющую собственно флегманозное воспаленіе мошонки. Раздѣленіе такое взято съ натуры; а описаніе болѣзненныхъ явленій сдѣлано вѣрно, и не сбивчиво.

Помертвѣніе мошонки (gangraena scroti) составляетъ предметъ четвертой главы объ этой болѣзни; писатели опять даютъ только намекъ при описаніи другихъ болѣзней, но никто отдѣльно ее еще не описалъ. Г. Заблоцкій описываетъ болѣзнь эту ясно и весьма удовлетворительно. »Помертвѣніе мошонки происходитъ, или »отъ воспаленія мошонки, или отъ затековъ мочи, или »отъ сильнаго отека мошонки, или оно случается подъ »конецъ нѣкоторыхъ тяжелыхъ горячекъ. Омертвѣваю»щая мошонка опухаетъ, темнѣетъ, дѣлается черною,

» и нечувствительною. Помертвѣніе обыкновенно, начи-
» нается въ нижней части мошонки и быстро распро-
» страняется по ея поверхности; нерѣдко оно пора-
» жаетъ въ нѣсколько дней всю кожу и клѣтчатку и
» совершенно обнажаетъ яички и сѣмянные канатики.
» Болѣзнь обыкновенно сопровождается адинамическою
» лихорадкою и упадкомъ силъ.» (стр. 416). При лече-
ніи помертвѣнія мошонки, кромѣ внутреннихъ легкихъ
возбуждающихъ средствъ, Авторъ даетъ предпочтеніе
изъ мѣстныхъ средствъ пространнымъ надрѣзамъ мо-
шонки. — Авторъ на стр. 418, говоритъ о цѣлитель-
ной силѣ природы въ этой болѣзни слѣдующее: «Къ
» счастію, нѣтъ ни одной части тѣла, въ которой уси-
» лія природы къ возстановленію частей были бы такъ
» сильны, какъ въ мошонкѣ. Въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ вся
» мошонка и даже часть покрововъ дѣтороднаго уда
» бываютъ помертвѣвшими, грануляція появляется бы-
» стро на наружной поверхности влагалищной оболочки
» яичекъ, и на оболочкахъ сѣменныхъ канатиковъ; на
» краяхъ раны появляется цикатризація, и такимъ обра-
» зомъ, частію черезъ натяженіе покрововъ: лобка, па-
» ховъ и промежности, частію образованіемъ новой ко-
» жи, обнаженныя яички и сѣменные канатики облека-
» ются новыми покровами. Вновь образовавшаяся мо-
» шонка несовершенно бываетъ похожа на прежнюю;
» она нѣжна, почти безъ морщинъ, мало имѣетъ волосъ,
» блѣдна и плотно обхватываетъ яички.»

Далѣе, въ слѣдующихъ главахъ (стр. 420 и слѣд.)

описаны: *зудъ мошонки* (prurigo scroti); *Гипертрофія клѣтчатой ткани мошонки* (Elephantiasis scroti), *Ракъ мошонки* (cancer scroti), *Melanosis scroti*, *жирныя опухоли мошонки* (tumor adiposus scroti); и *воздушная опухоль мошонки* (Emphisema scroti). Всѣ эти болѣзни встрѣчаются чрезвычайно рѣдко и по этому (кромѣ Elephantiasis scroti и рака мошонки) пропускаются обыкновенно писателями во всѣхъ хирургическихъ руководствахъ. Г. Заблоцкій первый собралъ всё, что относится до сихъ патологическихъ явленій. Послѣдняя изъ описываемыхъ Г. Заблоцкимъ болѣзней есть *опухоль мошонки, содержащая въ себѣ части утробнаго младенца.* (стр. 442).

Извѣстно, что подобныя опухоли были находимы и внѣ дѣтородныхъ частей, какъ внутри тѣла, такъ и снаружи его. Изъ всѣхъ опухолей находимыхъ какъ въ мошонкѣ, такъ и на другихъ частяхъ тѣла, опухоль, въ которой находятъ остатки зародыша есть самая рѣдкая и странная. «Опухоли сего рода мошонки, замѣчаетъ » Авторъ, могутъ содержать различныя органическія » части утробнаго младенца, но чаще здѣсь находятъ » волосы и кости, особенно зубы. — Этихъ опухолей до» селѣ описано еще немного. Любопытнѣйшее въ этомъ » родѣ наблюденіе представилось Профессору Вельпо, » котораго я и самъ притомъ былъ свидѣтелемъ.» (стр. 442). Случай Вельпо Г-мъ Заблоцкимъ подробно переданъ; кромѣ этого, онъ указываетъ еще на подобнаго рода опухоли, встрѣтившіяся Прохаскѣ, Дитриху, Эклю

и Сенъ-Дона. Авторъ весьма справедливо замѣчаетъ (стр. 448), что не должно смѣшивать этихъ опухолей, содержащихъ положительные остатки зародыша, съ патологическими продуктами, образующимися на мошонкѣ во время внѣматочной жизни недѣлимаго, которые могутъ имѣть болѣе или менѣе сходства съ продуктами зачатія. Есть въ самомъ дѣлѣ, нѣкоторыя патологическія состоянія органовъ, при которыхъ могутъ развиваться зубы, кости, волосы, мозговидное вещество. Г. Заблоцкій разсказываетъ по этому поводу единственный сего рода случай, описанный Оливье-Д'Анже.

«Леченія, зародышевыя опухоли, говоритъ Профессоръ Заблоцкій, очевидно требуютъ въ томъ только »случаѣ, когда онѣ безпокоятъ больнаго опасностію порождить постоянную болѣзнь. Въ такихъ обстоятельствахъ »и при несомнѣнности діагностики, единственное средство есть вырѣзываніе.» (стр. 499).

Объ Атласѣ.

«При сочиненіи Профессора Заблоцкаго находится Атласъ, состоящій изъ 6 таблицъ, и служащій поясненіемъ хирургическихъ операцій, описываемыхъ Авторомъ. Если польза изображеній въ приложеніи къ изученію органовъ здоровыхъ могла быть оспариваема нѣкоторыми; если нѣкоторые говорили, что рисунки въ Медицинѣ есть дѣло роскоши, то кажется никто нынѣ не можетъ усомниться въ существенной пользѣ рисунковъ для оперативной Хирургіи. Здѣсь вѣрный рисунокъ

необходимъ: онъ немедленно воспроизводитъ въ умѣ идею о предметѣ, прочитанномъ, которая если и изчезнетъ на время, можетъ быть воспроизведена однимъ воззрѣніемъ; онъ напоминаетъ одному и научаетъ другаго. Изображенія почти всѣхъ хирургическихъ операцій существуютъ уже во многихъ классическихъ сочиненіяхъ. — Г-нъ Заблоцкій для своего Атласа заимствовалъ часть изображеній изъ лучшаго въ оперативной Хирургіи атласа Буржери, и въ этомъ нельзя упрекать Автора; ибо (по нашему мнѣнію) изображать заново то, что уже давно хорошо представлено другими, есть дѣло безполезное. — Впрочемъ, въ сочиненіи Г-на Заблоцкаго таблица 3, таблица 6 и фиг. 1 и 3 таблицы 4-й сняты съ натуры, и нигдѣ въ оперативной Хирургіи и никѣмъ эти операціи еще доселѣ небыли изображены. Всѣ вообще рисунки изображены вѣрно и отдѣланы прекрасно.

Заключеніе.

Окончательно объ сочиненіи Профессора Заблоцкаго я долженъ сказать, что Авторъ, избравъ для своего сочиненія такой предметъ, въ полномъ изложеніи котораго давно уже чувствовалась необходимость не только у насъ, — но и въ иностранной литературѣ, выполнилъ этотъ трудъ съ примѣрнымъ искусствомъ и стараніемъ, руководимый глубокимъ практическимъ сужденіемъ. Въ этой книгѣ онъ пролилъ много новаго свѣта на свойства и леченіе болѣзней дѣтородныхъ органовъ, и та-

кимъ образомъ представилъ описаніе сего рода болѣзней самое полное и лучшее предъ всѣми существующими подобнаго рода сочиненіями.

Главныя качества этого сочиненія: полнота изложенія предмета, подтвержденіе положеній теоріи многочисленными фактами, точность въ подробностяхъ, ясность изложенія, какъ слѣдствіе свѣтлаго взгляда Автора на предметъ и выраженія его правильною и чистою русскою рѣчью; новость взгляда и выводовъ относительно многихъ предметовъ; справедливость критической оцѣнки различныхъ положеній науки относящихся къ предмету.

Въ этомъ истинно дѣльномъ сочиненіи представляется намъ не то систематическое ученіе, которое соединяетъ предметы несоединимые; но представляется намъ тотъ разумный электизмъ, который не принимаетъ ничего безъ основанія, и который видя далѣе поверхности вещей, понимаетъ возможность кажущихся противорѣчій среди общаго основанія истины. По всему этому я полагаю, что сочиненіе Профессора Заблоцкаго заслуживаетъ награжденія полною преміею, какъ удовлетворяющее § VI Положенія о Демидовскихъ наградахъ, въ которомъ именно сказано, *что врачебныя науки не должны быть упущены изъ виду при опредѣленіи премій*, такъ и потому, что согласно § VII статьямъ 1-й и 4-й оно составляетъ *оригинальное сочиненіе*, *обогащающее науку*, и вмѣстѣ съ тѣмъ представляетъ *учебную книгу излагающую полную систему этой части науки*, *и могущую не только стать на ряду съ лучшими сочиненіями сего*

рода, какъ въ Россіи, такъ и въ чужихъ краяхъ, но и превосходящую всё доселѣ существующее относительно этого предмета въ Медицинской литературѣ, — сочиненіе которое сдѣлало бы честь Автору и за границею, еслибъ нашъ языкъ былъ болѣе извѣстенъ.

ИМПЕРАТОРСКОЙ Медико-Хирургической Академіи,

Академикъ П. ДУБОВИЦКІЙ.

Марта 15-го дня

1849 года.

РАЗБОРЪ

сочиненія

Г. Редактора (Одесскаго) Главнаго Статистическаго Комитета

Статск. Совѣтн. А. А. СКАЛЬКОВСКАГО,

подъ заглавіемъ:

ОПЫТЪ СТАТИСТИЧЕСКАГО ОПИСАНІЯ

НОВОРОССІЙСКАГО КРАЯ,

(рукопись и карта);

составленъ

Г. Академикомъ КЕППЕНОМЪ.

Поступившая къ Демидовскому Конкурсу 1848 года рукопись (безъ оглавленія), содержитъ въ себѣ:

Историческое введеніе, л. 1.

Часть I. *Географическое и топографическое обозрѣніе Новороссійскаго Края*, л. 23.

Отд. I. Глава I. Географія.

Географическое положеніе и границы, л. 23.

Гражданское раздѣленіе Края, л. 28.

a) по Гражданскому уложенію, л. 29.

b) — вѣдомствамъ или подчиненности, л. 31.

Въ отношеніи историческомъ, л. 32. — Къ этому отдѣлу принадлежитъ приложенная Карта.

Естественное положеніе Края, л. 33.

Новороссійскія степи, л. 33.

Гл. II. Естественная система водъ, л. 42.

1. Моря, заливы, лиманы, л. 42.

2. Проливы, л. 44.

3. Рѣки, л. 44.

4. Озера, л. 103 об.

Гл. III. Искуственная система водъ, или каналы, л. 114.

Гл. IV. Острова или Полуострова, л. 115 об.

Гл. V. Горы, возвышенности, гранитный острогъ, л. 120.
Гл. VI. Лѣса и Плавни, л. 131.
Часть II. *Этнографія.*
Этнографическое описаніе Края, л. 139.
1. Русскіе, Малороссіяне, Казаки, л. 142.
2. Сербы и другіе Задунайскіе Славяне, л. 149 об.
3. Болгары, л. 152.
4. Поляки и Бугскіе Казаки, л. 154 об.
5. Молдоване, л. 158.
6. Нѣмцы, л. 160.
7. Шведы, л. 165.
8. Французы, л. 166.
9. Швейцарцы, л. 167.
10. Италіянцы, л. 169.
11. Греки, л. 170 об.
12. Армяне, л. 178 об.
13. Татары, л. 183.
14. Евреи:
Караимы, л. 194.
Талмудисты: a) Турецкіе или Крымскіе, л. 196.
b) Польскіе, л. 197.
15. Израильскіе Христіане, л. 199.
16. Мордва, л. 199 об.
17. Цыганы, л. 200.
(Общія обозрѣнія и выводы) — л. 203.
1. Счисленіе общее, л. 203.

2. Число народонаселенія по вѣдомствамъ, л. 204 об.
3. Число народонаселенія по вѣроисповѣданіямъ, л. 205.
4. Число народонаселенія по подданству, л. 208.
5. Виды народонаселенія по гражданскому счисленію, или по сословіямъ, л. 209.
6. Статистическіе выводы, л. 213.
   a) Движеніе народонаселенія, л. 213 об.
   b) Число браковъ, л. 216 об.
   c) Долговѣчность, л. 217 об.
7. Городское народонаселеніе, л. 218.
   Чиновники и учители, л. 219 об.
   Купцы и почетные Граждане, л. 220.
   Ремесла и ремесленники, л. 220 об.

Таково содержаніе представленной намъ достопримѣчательной рукописи Г-на Скальковскаго, который уже не мало лѣтъ сряду усердно собираетъ свѣдѣнія о прошедшемъ и современномъ бытѣ Южной Россіи. Кому, изъ дорожащихъ отечественною исторіею, не извѣстны его хронологическое обозрѣніе Исторіи Новороссійскаго Края съ 1731 — 1823 г., изданное въ Одессѣ въ 1836 году, и Исторіи Новой Сѣчи, или послѣдняго коша Запорожскаго, которая вторымъ изданіемъ вышла въ Одессѣ-же въ 1846 году? Въ этихъ книгахъ Г. Скальковскій сохранилъ память о не маломъ числѣ такихъ происшествій и обстоятельствъ, которыя, безъ его любознательности, навсегда погибли-бы для историка.

Разбирая Запорожскіе и разные другіе архивы, онъ изъ нихъ извлекъ поясненія событій, которыя безъ того остались-бы необъясненными явленіями въ Исторіи. Кромѣ того мы въ сочиненіяхъ его находимъ и ссылки на указы, которые не были извѣстны составителямъ полнаго собранія законовъ *).

Рукопись, составляющая предметъ моего донесенія есть собственно начало пространнаго статистическаго труда о Новороссійскомъ Краѣ. Въ ней мы находимъ Географическія, Идрографическія и Этнографическія свѣдѣнія, съ которыми Статистикъ прежде всего долженъ ознакомиться, и въ слѣдъ за тѣмъ, нѣкоторыя общія обозрѣнія и выводы о жителяхъ въ разныхъ статистическихъ отношеніяхъ.

Въ Идрографіи исчислены не только рѣки и рѣчки, съ ихъ притоками, но и переправы, пороги, острова, плавни, и пр. Недостаетъ только означеніе длины рѣкъ, быстроты теченія и нѣкоторыхъ другихъ, чисто идрографическихъ данныхъ. Свѣдѣнія о состояніи рѣчнаго судоходства, о количествѣ сплавляемаго лѣса и пр., вѣроятно будутъ представлены позже.

Въ отношеніи къ этнографической части Г. Скальковскій, предупреждаетъ читателя о томъ, что большая часть предлагаемыхъ свѣдѣній уже была помѣщена въ его прежнихъ (поименованныхъ выше) двухъ главныхъ сочи-

*) Таковъ напр. упоминаемый въ разсматриваемой рукописи указъ: 23 Февраля 1792 года, которымъ Императрица Екатерина II учредила городъ Григоріополь на Днѣстрѣ. (л. 180).

неніяхъ (л. 142 въ примѣч.); но тутъ они представлены въ такомъ порядкѣ, какъ того требуетъ статистика.

Не входя въ подробное разсмотрѣніе сочиненія, вообще весьма удовлетворительнаго и заслуживающаго признательность каждаго Русскаго, я рѣшаюсь представить здѣсь нѣсколько замѣчаній, сдѣланныхъ мною при чтеніи разсматриваемой рукописи, въ надеждѣ что Г. Скальковскій, до изданія своей книги, приметъ въ уваженіе хотя нѣкоторыя изъ нихъ. При этомъ я долженъ сказать, что данныя, предлагаемыя Г. Скальковскимъ, относятся преимущественно къ 1844 году, и что нѣкоторыя изъ имѣющихся у меня свѣдѣній — почерпнутыхъ изъ источниковъ, не каждому статистику доступныхъ — большею частію новѣе сказаннаго года, что уже само по себѣ влечетъ за собою разность въ числительныхъ показаніяхъ.

Въ 1-й части Г-нъ Скальковскій, говоря между прочимъ о климатическихъ отношеніяхъ Южнаго Края, упоминаетъ (л. 24 об.) о томъ, что въ Новороссійскихъ степяхъ, стада кочуютъ иногда весь годъ, не боясь зимы. Справедливо; но это-то «*иногда*» нерѣдко служитъ пагубою для хозяевъ безпечныхъ. Если, какъ показалъ нашъ одинъ изъ точнѣйшихъ наблюдателей нашего степнаго климата, Г. Тецманъ *), и бываютъ зимы, въ ко-

*) Ueber die Südrussischen Steppen und über die darin im Taurischen Gouvernement belegenen Besitzungen des Herzogs von Anhalt-Köthen, von Franz Teetzmann (geschrieben im Januar 1842). Въ:

торыя овцы кормятся въ овчарнѣ не болѣе 9-ти сутокъ (какъ напр. въ зиму 1834—1835 г.), то въ замѣнъ того встрѣчаются и зимы такія, въ теченіе которыхъ не менѣе 76-ти дней (напр. 1837 — 38 г.) нѣтъ возможности выгонять стада на поле. Какой же хозяинъ при такихъ обстоятельствахъ не побоится ошибиться въ расчетѣ относительно количества нужныхъ ему кормовыхъ запасовъ?

Съ тѣмъ чтобы климатъ Южнаго берега Крыма смѣло можно назвать *тропическимъ* (л. 25), нельзя согласиться, доколѣ тамъ не станутъ произрастать пальмовыя деревья. Южный берегъ Крыма есть страна винограда, а по мнѣнію разныхъ знаменитыхъ ученыхъ, Южный предѣлъ этого растенія совпадаетъ съ сѣверными предѣлами пальмы *). Къ тому-же, кто жилъ на южномъ берегу, тому не безъизвѣстно, что зной тамъ не достигаетъ высшей степени, потому что въ полдень обыкновенно жара умѣряется токомъ воздуха, находящаго на берегъ съ моря.

Говоря *точно*, не льзя сказать, что «*всѣ* произведенія жаркихъ климатовъ на южномъ берегу Крыма, живутъ какъ на родной землѣ.» Орѣховыя и Тутовыя деревья встрѣчаются и къ сѣверу отъ Таврическихъ горъ, а чтобы кедры на берегу достигали огромныхъ размѣ-

---

Beiträge zur Kenntniss des Russischen Reiches etc. von K. E. v. Baer und Gr. v. Helmersen. Bd. XI, S. 101.

*) Дерево извѣстное въ Закавказской отпускной торговлѣ подъ именемъ пальмы, есть Buxus sempervirens.

ровъ, это несправедливо, ибо кедръ тамъ встрѣчается въ малыхъ экземплярахъ, и то лишь въ немногихъ садахъ. Ливанскіе кедры Никитскаго сада, еще въ 1837 году, едва замѣтные въ древесныхъ питомникахъ, невольно заставляли улыбаться посѣтителей.

Въ главѣ о естественной системѣ водъ встрѣчаются описки, требующія исправленія, такъ напр. тамъ (на л. 68) сказано, что западный Бугъ отдѣляетъ Волынскую и часть *Кіевской* губерніи отъ Царства Польскаго. Вм. *Кіевской* слѣдовало бы сказать *Гродненской*. — Такимъ же образомъ и (ниже, л. 96 об.) о Молоканахъ по ошибкѣ сказано, что селенія ихъ находятся на *западной* сторонѣ р. Молочной. Тамъ были Духоборческія; а Молоканскія находятся *въ лѣво*, т. е. къ *Востоку* отъ сказанной рѣки. Въ числѣ поименованныхъ (на л. 97) иностранныхъ поселеній показана (л. 77) и кол. *Молочна;* но это только неоффиціальное названіе уже прежде поименованной колоніи Пришибъ.

Въ числѣ главныхъ приднѣпровскихъ лѣсныхъ пристаней, опущена *Огрѣньская* (при впаденіи Самары въ Днѣпръ, нѣсколько ниже Екатеринослава). Важность этой пристани доказывается тѣмъ, что въ Крыму лѣсопромышленники, закупающіе лѣсъ у Днѣпра, называются *Огрѣньщиками*.

Толкованія Татарскихъ словъ *Чаиръ* и *Курулу* (л. 94 въ примѣч.) не совсѣмъ точны. По оффиціально доставленнымъ мнѣ Таврическимъ Муфтіемъ, въ 1837 году, изъясненіямъ этихъ словъ, они имѣютъ слѣдующія зна-

ченія: *Чаиры* суть сѣнокосныя мѣста, на которыхъ коегдѣ произрастаютъ дикія фруктовыя деревья; *Курулу* же значитъ сбереженный лѣсъ (кому-бы таковой не принадлежалъ).

Этнографическая часть богата многочисленными историческими и статистическими свѣдѣніями о народахъ, обитающихъ въ Новороссійскомъ Краѣ.

Имѣя подъ рукой разныя свѣдѣнія, которыми А. А. Скальковскій не могъ еще пользоваться, и желая содѣйствовать ему къ распространенію сколько можно близкихъ къ вѣрности показаній о народности жителей Новороссійскаго Края, я рѣшаюсь здѣсь представить нѣсколько замѣчаній по этой части.

СЕРБЫ.

Сербы. — Соч. упоминаетъ (л. 151) о поселеніи Сербовъ, извѣстномъ подъ названіемъ Никшичей или Славено-Сербовъ. Начало этого поселенія, котораго жители, состоящіе изъ 22 семействъ, въ слѣдствіе Высочайше утвержденнаго 19 Дек. 1819 г. мнѣнія Государственнаго Совѣта, всѣ причислены къ Дворянству Херсонской губерніи — относятся къ 1803 году. Тогда-то Депутаты Словенскаго народа, населяющаго Черную-Гору и область Герцеговинскую, Сердаръ Мина Никшичъ и Оберъ-Воевода Иванъ Тіоти просили о дозволеніи переселиться желающимъ въ Россію. Съ согласія Русскаго Правительства эти 22 семейства, состоящія изъ 97 душъ об. пола, прибыли въ Одессу въ Октябрѣ 1804

года. Предводителю ихъ, Сердару Минѣ Никшичу пожаловано было 500, а всѣмъ прочимъ на семейство по 150 десятинъ, все въ одномъ общемъ участкѣ, Херсонской губерніи въ Тираспольскомъ уѣздѣ *). Какъ дворяне, всѣ Никшичи подлежатъ нынѣ не колоніальному, но общему гражданскому вѣдомству.

О другомъ водвореніи Черногорцевъ въ Новороссійскомъ Краѣ, которое было основано подъ названіемъ Цѣтина или колоніи Черногорской, я не упоминаю, потому что составлявшіе эту колонію переселенцы, большею частію возвратились въ свое отечество, а земли въ послѣдствіи, если не ошибаюсь, были отданы Нѣмецкимъ колонистамъ.

БОЛГАРЫ.

Болгарамъ или *Булгарамъ*, Г. Скальковскій, какъ извѣстно, посвятилъ особую книжку, изданную въ Одессѣ, въ 1848 году, на 156 стр. въ 8 д., за что нельзя не благодарить его.

НѢМЦЫ.

Въ раздѣленіи Нѣмцевъ Новороссійскаго Края на Меннонитовъ **) и Колонистовъ, сочинитель слѣдуетъ обыкновенію поселянъ - переселенцевъ: но едва - ли въ Статистикѣ можетъ быть допущено такое дѣленіе, какъ главное; по крайней мѣрѣ ничто

*) Нынѣ эти земли принадлежатъ къ Одесскому Уѣзду.

**) Основатель Меннонитовъ (л. 160 об.) по ошибкѣ названъ Мемно (Memno); имя его Менно (Menno).

не дозволяетъ признавать Меннонитовъ особою отраслью Нѣмецкаго народа.

ШВЕДЫ.

Шведы, сколько мнѣ извѣстно, съ острова Даго, были не вызваны, но просто сосланы въ Херсонскую губернію. Теперь въ Старо-Шведской колоніи, при Днѣпрѣ, находятся 40 семействъ, въ томъ числѣ Шведскихъ колонистовъ 26, Шведскихъ плѣнныхъ 3, и Данцигскихъ выходцевъ (Нѣмцевъ) 11 семействъ. А какъ во всѣхъ сихъ семействахъ числится 100 душъ муж. и 92 душъ женск. пола, то число Шведовъ можетъ простираться до 140 душъ обоего пола.

ШВЕЙЦАРЦЫ.

Швейцарцевъ, въ этнографическомъ отношеніи, у насъ слѣдовало-бы причислить къ Нѣмцамъ, къ Французамъ или къ Италіянцамъ. Швейцарцы основанной при Днѣпровскомъ Лиманѣ (въ 5-ти верстахъ отъ Аккермана) колоніи «Шаба» суть, сколько мнѣ извѣстно, Французы.

ГРЕКИ.

Къ поименованнымъ Г-мъ Скальковскимъ селеніямъ Таврической губерніи, въ которыхъ обитаютъ Греки (л. 175), можно-бы прибавить еще: Алсу́ и Ла̀ка и сверхъ того деревню Балтачокра́къ. — Къ вѣдомству Балаклавскаго Греческаго Баталіона принадлежатъ не 1600, но 2636 душъ, а именно:

	муж.	женск.	об. п.	
Въ Таврической Губерніи .	1308	1194	2502	душъ.
Въ Екатеринославской Губ. (близъ Таганрога) . .	67	67	134	»
	1375 +	1261 =	2636	душъ.

Указъ на имя Графа Зубова, объ устроеніи единовѣрныхъ народовъ въ городѣ Одессѣ и окрестностяхъ, на которой ссылается Г. Скальковскій, послѣдовалъ 19 Апрѣля *не* 1791, *но* 1795 года. (См. Полн. Собр. Зак. Т. XXIII, № 17,320).

АРМЯНЕ.

Въ статьѣ объ Армянахъ Г. Скальковскій (л. 179 об.) говоритъ, что ихъ села, по близости Нахичевана на Дону, суть: Чалтыръ, Султанъ-Сала, Средняя Кошкина, Большая Кошкина и Несвѣтъ. Въ поступившихъ въ Имер. Академію Наукъ отъ Екатеринославскаго Гражданскаго Губернатора свѣдѣніяхъ сказано, что эти Армянскія поселенія суть слѣдующія:

	м. п.	ж. п.	об. п.	
Чалтыръ	708	706	1414	душъ.
Султанъ Салла	211	190	401	«
Салла	360	341	701	«
Крымъ	712	595	1307	«
Нецвѣтай	194	148	342	«
	2185	1980	4165	душъ.

Сверхъ того:	м. п.	ж. п.	об. п.	
Въ Нахичеванѣ . . .	5703	4918	10,621	душъ.
Лицъ духовнаго званія въ городѣ и въ селеніяхъ	81	64	145	«
Всего	7969	6962	14,931 об. п.	Армянъ

ТАТАРЫ.

Говоря о Ногайцахъ, Сочинитель довольно удовлетворительно объясняетъ ихъ передвиженія съ мѣста на мѣсто; желательно только, чтобы каждый разъ было опредѣлено и время перекочевки.

Непростительно было-бы, говоря о Ногайцахъ, не упомянуть о трехъ главныхъ до нихъ касающихся сочиненіяхъ: Дегурова, Шлаттера и Корниса. Эти сочиненія суть:

1. De la Civilisation des Tatars-Nogais dans le midi de la Russie européenne, par le P(rofesseur) *de Gouroff*, Xarkof (т. е. Харьковъ), 1816. 122 стр. въ 8.

2. Ueber die am Asow'schen Meere angesiedelten Nogayen und Tataren (von *Daniel Schlatter*), въ книгѣ: Bruchstücke aus einigen Reisen nach dem südlichen Russland, in den Jahren 1822 bis 1828. St. Gallen. 1838. 496 стр. въ 8.

3. Краткій обзоръ положенія Ногайскихъ Татаръ, водворенныхъ въ Мелитопольскомъ уѣздѣ Таврической губерніи. Статья написанная со словъ Меннонита *Ив. Ив. Корниса*, и въ Русскомъ переводѣ напечатанная Н.

И. Надеждинымъ въ «Телескопѣ», журналѣ современнаго просвѣщенія (изд. въ Москвѣ); ч. XXXIII, 1836 г. стр. 1 — 71.

Въ отношеніи къ Буджакскимъ или Аккерманскимъ Татарамъ, Сочинитель говоритъ (л. 189 и л. 90), что они, перешедъ въ 1807 и 1808 годахъ на Молочныя воды (?), основали тамъ 33 Аула; но въ 1812 году, на основаніи Букарестскаго мира въ числѣ болѣе 3000 (на оборотѣ 213 л. сказано 4000) душъ обоего пола возвратились въ Турцію. — Сколько мнѣ извѣстно эти Буджакскіе Татары (называемые также Киргизскими) были водворены не у Молочныхъ водъ, но къ западу отъ оныхъ, въ Днѣпровскомъ уѣздѣ, гдѣ я въ 1837 году нашелъ ихъ цѣлыя три волости (Аирчи́нскую, Караку́йскую и Эльнизага́чскую), въ которыхъ находилось не менѣе 8868 душъ одного мужескаго пола. Ногайцы же, обитающіе къ Востоку отъ Молочныхъ водъ, въ концѣ 1837 года составляли не *три* волости, какъ говоритъ Г-нъ Скальковскій (л. 189, об.), но *шесть*, а именно:

1. Единохтинскую, въ которой находилось	1876	душъ	м.	п.
2. Джуретскую	3017	»	»	»
3. Альшинскую	3156	»	»	»
4. Ульконъ-Бескеклынскую .	2970	»	»	»
5. Тогалынскую	2824	»	»	»
6. Айтамгалынскую	2670	»	»	»
Всего	16,513	душъ	м.	п.

ЕВРЕИ.

Евреи, встрѣчаемые въ Новороссійскомъ Краѣ, троякіе:

1. *Караимы.*

2 и 3. *Талмудисты*: a) *Турецкіе* или *Крымскіе* (въ Карасубазарѣ), употребляющіе языкъ и одежду Татарскіе.

b) *Польскіе*, говорящіе испорченнымъ нѣмецкимъ языкомъ и употребляющіе одежду Польскихъ Евреевъ.

Г-нъ Скальковскій упоминаетъ (л. 195) о Караимахъ въ Минской губерніи. Тамъ однако-же, сколько мнѣ извѣстно, нынѣ ихъ нѣтъ, а встрѣчаются они въ губерніяхъ Виленской, Ковенской и Волынской.

Сказавъ (л. 198, об.), что съ 1807 по 1809 годъ основалось 8 Еврейскихъ колоній, сочинитель именуетъ таковыхъ только *семь*. — Шести новымъ Еврейскимъ поселеніямъ въ Августѣ 1848 года, съ утвержденія Г. Министра Государственныхъ Имуществъ, даны слѣдующія названія: Новый Златополь, Веселая, Красноселка, Межирѣчь, Трудолюбовка и Нечаевка.

МОРДВА.

Въ отношеніи къ небольшому числу жителей этого племени въ Новороссійскомъ Краѣ, я долженъ повторить здѣсь то, что уже мною сказано въ сочиненіи о разныхъ отношеніяхъ страны, находящейся между нижнимъ Днѣпромъ и Азовскимъ Моремъ *). Прибыв-

*) Ueber einige Landes-Verhältnisse zwischen dem untern Dnjepr und dem Asow'schen Meere, (St.-Petersb. 1845. 8), въ поименованныхъ выше (во 2-мъ примѣчаніи) Beiträge etc. Bd. XI. S. 88.

шая (не въ 1837, но) въ 1833 году изъ Тамбовской Губерніи Ясачная Мордва, въ числѣ 66 душъ м. п. Греко-Россійскаго исповѣданія, водворились въ деревнѣ Акимовкѣ, основанной въ то время на мѣстѣ, гдѣ прежде находилась Ногайская деревня Аккузъ. Остальные 118 душъ муж. п. были иконоборцы, переведенные изъ Пензенской губерніи къ Молочнымъ водамъ, и жившіе въ Духоборческихъ селеніяхъ Спасскомъ и Ефремовкѣ.

Сочинитель заслуживаетъ полную признательность за то, что онъ о каждомъ изъ поименованныхъ имъ народовъ, представляетъ читателю то, что ему извѣстно о времени его появленія въ Новороссійскомъ Краѣ и о его дальнѣйшихъ судьбахъ.

О томъ, что между Симферопольскими Цыганами находятся *Трухменцы* (или Тюркмены), Г-нъ Скальковскій кажется не имѣлъ случая слышать *). — Чтобы Готѳы произошли изъ смѣси славянской съ греческою кровью (л. 184 и 191 об.), этому едва-ли кто либо повѣритъ.

Въ критическомъ отношеніи я долженъ обратить вниманіе Автора на двѣ пропорціи встрѣчающіяся въ его сочиненіи (л. 192 об.), которыя обѣ невѣроятны и по-

*) О 249 Трухменцахъ, находившихся въ 1837 году въ числѣ Симферопольскихъ мѣщанъ, и имѣвшихъ, по свидѣтельству Таврическаго Муфтія, своего особаго Магометанскаго Священника, я упоминулъ въ разсужденіи моемъ: Russland's Gesammt-Bevölkerung, im Jahre 1838 (въ Mémoires de l'Académie Impériale des Sciences de St. Pétersbourg, Sciences politiques etc., VI série, p. 133, въ примѣчаніи 63).

тому не должны бы быть включены въ сочиненіе безъ оговорки. Сперва говорится, что «по вѣрнымъ исчисленіямъ Правительства», произведеннымъ въ эпоху занятія Крыма, Татарское населеніе, не считая Ногайцевъ, простиралось до 110,000 душъ, въ томъ числѣ 54,936 д. муж. пола. Если такъ, то женщинъ было бы болѣе нежели мущинъ, что въ этомъ краѣ не правдоподобно. Далѣе же сказано, что въ 1793 году по самому близкому исчисленію населеніе Татаръ равнялось:

50,900 муж. и
96,000 *женск. пола душъ*

всего 146,900 д. об. п. на полуостровѣ и 2000 душъ об. пола на сѣверныхъ степяхъ въ Ногайскихъ и Киргизскихъ Кочевыхъ.

Если бы было сказано 50,900 муж. и 96,000 душъ *обоего пола*, то пропорція была-бы правдоподобнѣе; т. е. число мущинъ относилось бы къ числу женщинъ, какъ 100: 88, 6; но 53 души м. п. на 100 душъ ж. п., кажется могутъ быть только слѣдствіемъ недосмотра переписчика.

О обмолвкѣ на оборотѣ 203 листа, гдѣ въ припискѣ сказано «десятинъ *квадратныхъ*» я здѣсь и неупомянулъ-бы, если бы эта несообразность не встрѣчалась и въ другихъ, уже напечатанныхъ сочиненіяхъ.

Примѣчаніе (на об. 205 л.), будто бы секты Піэтистовъ и Сепаратистовъ образовались въ Протестантскихъ колоніяхъ едва въ послѣдніе 10 лѣтъ — не точно. Въ 1837 году я, при обревизованіи Таврическихъ ко-

лоній, имѣлъ дѣло съ Піэтистами, которые таковыми прибыли въ Россію большею частію изъ Виртембергскаго Королевства *).

Еще замѣчу, что городъ Рени или Ренни (л. 26) и селеніе Ганкишло или Ханкишло (при Днѣстровскомъ Лиманѣ, л. 105, об.), по ошибкѣ названы *мѣстечками*, а селеніе Усть-Азовское *посадомъ* (л. 118).

Сверхъ изложенныхъ тутъ замѣчаній, сочинитель найдетъ въ своей рукописи сдѣланныя мною разныя отмѣтки, на которыя я прошу его обратить вниманіе, при изданіи своего сочиненія.

Въ уваженіе къ полезнымъ и постояннымъ трудамъ Г-на Скальковскаго, и принимая во вниманіе, что представленная Академіи рукопись есть значительный отдѣлъ одного изъ такихъ сочиненій, которыя желательно было бы имѣть о всѣхъ вообще частяхъ Государства, я не могу не просить, чтобы одна изъ Демидовскихъ поощрительныхъ наградъ была назначена въ пользу Г-на Скальковскаго, который, видя уваженіе къ его неусыпнымъ трудамъ, безъ сомнѣнія подаритъ насъ и дальнѣйшими плодами разысканій о Новороссійскомъ Краѣ, его хозяйствѣ, промышленности и торговлѣ, словомъ о современномъ бытѣ Южной Россіи.

Академикъ: П. КЕППЕНЪ.

30 Марта 1849 года.

---

*) См. приведенное въ 6-мъ примѣчаніи сочиненіе: Ueber einige Landes-Verhältnisse zwischen dem unteren Dnjepr und dem Asow'schen Meere, c. 55.

РАЗБОРЪ

сочиненія

П. ХАВСКАГО,

Дѣйствительнаго Члена

Императорскаго Московскаго Общества

Исторіи и Древностей Россійскихъ,

подъ заглавіемъ:

ХРОНОЛОГИЧЕСКІЯ ТАБЛИЦЫ,

въ трехъ книгахъ;

составленъ

Академикомъ Я. БЕРЕДНИКОВЫМЪ.

Въ 1847 году, Г. Хавскій представилъ къ соисканію Демидовской награды рукопись Хронологическихъ Таблицъ церковнаго и гражданскаго времясчисленій, въ трехъ фоліантахъ. По разсмотрѣніи, я находилъ ихъ достойными половинной преміи; но трудъ Г. Хавскаго не былъ увѣнчанъ, по присужденію тогда назначенной въ раздачу наградной суммы другимъ сочиненіямъ. Нынѣ Г. Хавскій, напечатавъ Таблицы, вновь представилъ ихъ къ соисканію Демидовской награды.

Въ отчетѣ моемъ о Хронологическихъ Таблицахъ Г. Хавскаго было сказано слѣдующее:

«Онѣ объемлютъ время отъ XI до XIV индиктіона, и объясняютъ три времясчисленія, сентябрское, мартовское и январское. Первое, какъ извѣстно, издревле принято въ наше богослуженіе, и употреблялось въ гражданскихъ актахъ до начала XVIII столѣтія; второе встрѣчается только въ лѣтописяхъ, которыхъ циклъ особаго разряда оканчивается XIV вѣкомъ (неизвѣстно, какимъ путемъ оно вошло къ намъ и употреблялось ли въ дипломахъ (грамотахъ) древнихъ удѣльныхъ Князей); третье, Юліанское, введено въ Россію при Петрѣ Великомъ. Въ первыхъ двухъ годы начинаются отъ сотво-

ренія міра Сентябремъ и Мартомъ, а въ послѣднемъ отъ Рождества Христова Январемъ, отчего и происходятъ названія означенныхъ времясчисленій.

»Въ первой книгѣ представленныхъ Г. Хавскимъ Таблицъ содержатся: a) годы XI, XII, XIII и XIV индиктіоновъ, отъ 188 до Р. Х. по 1940 Христіанской эры, съ показаніемъ отношеній мартовскаго и сентябрскаго времясчисленій къ январскому; b) високосы, начинающіеся Мартомъ и зависящіе отъ мартовскаго времясчисленія, и c) индикты, или пятнадцатилѣтія годовъ, начинающихся Сентябремъ *).

«Вторая книга состоитъ изъ двадцати восьми таблицъ, по числу двадцативосьмилѣтій, или *круговъ солнца* **). Въ каждой таблицѣ показаны: a) соотвѣтственные имъ годы, съ пасхальными числами въ мартовскомъ и сентябрскомъ времясчисленіи; b) дни недѣль и числа мѣсяцевъ, и c) *круги луны*, по которымъ узнается время

---

*) Въ предисловіи къ Хронологическимъ Таблицамъ сказано: въ первой части ихъ мы находимъ: 1) всѣ 12 мѣсяцовъ года январскаго; 2) что Январь и Февраль во всѣхъ годахъ, мартовскомъ, сентябрскомъ и январскомъ, имѣютъ одинакую нумерацію («т. е. остаются постоянными въ каждомъ времясчисленіи»); 3) что Мартъ («должно прибавить: и Сентябрь») во всѣхъ годахъ единицею предшествуетъ году январскому, и 4) что годы високосные и первый, второй и третій по високосѣ, принадлежатъ годамъ мартовскимъ, а счетъ индиктовъ годамъ сентябрскимъ».

**) *Кругами солнца* называются двадцативосьмилѣтія, въ которыя дни недѣль уравниваются съ числами мѣсяцовъ. Въ индиктіонѣ (пятьсотътридцатидвухълѣтіи) — круговъ солнца 19.

Пасхи *). Къ сей книгѣ приложена таблица Еврейскаго 247-лѣтняго цикла, съ объясненіемъ отношенія его къ Христіанской Пасхѣ.

«Въ третьей книгѣ, на 35 таблицахъ, по числу *ключевыхъ буквъ*, употребляемыхъ въ Пасхаліи, расположены Мѣсяцословы годовъ съ 1409 по 1940, относящихся къ текущему индиктіону. Каждый Мѣсяцословъ имѣетъ годы съ равнымъ пасхальнымъ числомъ. Отличіе этихъ Мѣсяцослововъ состоитъ въ томъ, что они начинаются недѣлею Мытаря и Фарисея, т. е. началомъ Тріоди, или подвижныхъ праздниковъ пасхальнаго круга, и оканчиваются предшествующею ей недѣлею въ слѣдующемъ году. Въ нихъ, въ обыкновенномъ порядкѣ, указаны Господніе и Богородичные праздники, памяти Святыхъ и проч., и означены историческія и народныя именованія, приданныя нѣкоторымъ недѣлямъ и днямъ, наприм.: *Черкисова недѣля* (сплошная въ Рождественскомъ мясоѣдѣ), *Русальная* (седьмая по Пасхѣ), *Радоница* (вторникъ Ѳоминой недѣли), *Семень-день*, *Симеонъ-Лѣтопроводецъ* (первое Сентября), *Госпожинки* (праздникъ Успенія Богородицы); *Юрьевъ-день* (у Г. Хавскаго 23 Апрѣля, а должно читать: 26 Ноября) и проч. Къ Мѣсяцословамъ приложены таблицы: a) для вычисленій порядка чтеній, на литургіяхъ, апостоловъ и евангелій; b) годовъ пасхальныхъ, имѣющихъ неодинакое число не-

*) *Круги луны* суть девятнадцатилѣтія, въ которыя обороты новолуній повторяются въ прежнемъ порядкѣ, т. е. приходятся въ тѣ же числа мѣсяцовъ. Индиктіонъ содержитъ въ себѣ 28 круговъ луны.

дѣль отъ одной Пасхи до другой; c) для пріисканія столповъ, гласовъ и воскресныхъ утреннихъ евангелій, и d) порядка евангелій, на литургіи, въ 28-ю недѣлю послѣ Всѣхъ Святыхъ, по отношенію ея ко времени предшествовавшей Пасхи.

«Изъ сего видно, что составленныя Г. Хавскимъ Хронологическія Таблицы, въ объемѣ 2128 лѣтъ, заключающихся въ четырехъ индиктіонахъ, представляютъ разности годовъ мартовскихъ, сентябрскихъ и январскихъ, недѣльные дни и мѣсячныя числа каждаго, и Мѣсяцословы, съ дополнительными таблицами нѣкоторыхъ предметовъ, относящихся къ Церковному Уставу. Способъ къ отысканію чиселъ весьма простъ и удобенъ: въ первой книгѣ, при каждомъ годѣ, находится ссылка на одну изъ 28 таблицъ второй, въ которой видны пасхальное и всѣ годовыя мѣсячныя числа и дни недѣль; отсюда, зная число Пасхи, легко обратиться къ одной изъ 35-ти таблицъ третьей книги, расположенныхъ по порядку пасхальныхъ дней отъ 22 Марта по 25 Апрѣля, гдѣ въ Мѣсяцословѣ отыщутся всѣ данныя каждаго года.»

Въ предисловіи къ рукописнымъ таблицамъ Г. Хавскаго (измѣненномъ въ печатномъ изданіи), объяснено слѣдующее:

«Цѣль Хронологическихъ моихъ Таблицъ состоитъ въ доставленіи способа, безъ математическихъ выкладокъ, удобно и скоро находить всѣ предметы, относящіеся къ церковному времясчисленію, и ознакомиться съ хронологическими терминами, употребляемыми въ

Пасхаліи, церковныхъ книгахъ, лѣтописяхъ и другихъ памятникахъ нашей словесности. Употребивъ двѣнадцать лѣтъ на составленіе этихъ Таблицъ, осмѣливаюсь думать, что онѣ пополнятъ недостатокъ подобныхъ сочиненій въ нашей литературѣ. Для историковъ и археологовъ Таблицы мои полезны тѣмъ, что онѣ избавятъ ихъ отъ справокъ съ книгами, которыя не столько помогаютъ дѣлу, сколько вводятъ въ заблужденіе, и отъ медленныхъ и не всегда вѣрныхъ выкладокъ. Я уже сдѣлалъ опытъ приложенія Таблицъ къ тексту Нестора, и занимаюсь сводомъ древнихъ лѣтописей, чтобы подвергнуть ихъ хронологію критической оцѣнкѣ.»

Разсмотрѣвъ вновь печатныя Хронологическія Таблицы Г. Хавскаго, я нахожу, что онѣ, кромѣ обыкновеннаго употребленія, могутъ быть полезны въ слѣдующихъ отношеніяхъ:

1) Въ нихъ собранъ запасъ данныхъ для обработанія въ формѣ науки церковной и гражданской нашей хронологіи, и для составленія ея исторіи по лѣтописямъ, грамотамъ и проч.

2) Хронологическія числа въ нужныхъ случаяхъ опредѣляются посредствомъ выкладокъ; но это не удобно при справкахъ съ данными, основанными на разныхъ началахъ или особенностяхъ времясчисленій. Здѣсь нужны таблицы, въ родѣ составленныхъ Г. Хавскимъ, которыя представляли бы не только искомыя числа, но и формы времясчисленій въ различныхъ видахъ, по отношенію къ нимъ чиселъ.

3) Хронологія нашихъ лѣтописей доселѣ не была подвергнута критическому изслѣдованію. Запутанность ея отчасти происходитъ отъ смѣшенія мартовскаго времясчисленія съ сентябрскимъ. Старинные переписчики (compilatores), составляя своды лѣтописныхъ извѣстій, дошедшіе до насъ въ видѣ лѣтописей, выбирали ихъ изъ древнихъ списковъ съ мартовскими или сентябрскими годами, и — почти неизбѣжно впадали въ ошибки; наприм. взявъ извѣстіе изъ одного списка съ мартовскимъ годомъ, предшествующимъ шестью мѣсяцами сентябрскому, и встрѣтивъ его въ другомъ спискѣ подъ сентябрскимъ, ставили годъ произвольно, или повторяли тоже извѣстіе подъ двумя годами. Описки довершили порчу годовыхъ чиселъ... Итакъ, критика должна рѣшить хронологическую задачу нашихъ лѣтописей, т. е. показать разность времясчисленій, употребленныхъ въ спискахъ, отмѣтить ошибки, вкравшіяся отъ невѣжества писцевъ, и опредѣлить *истинное* время событій, посредствомъ математической Хронологіи и сличенія всѣхъ однородныхъ статей, разсѣянныхъ въ лѣтописяхъ. Но для сего необходимы, какъ пособія, подробныя историко-хронологическія таблицы, изъ которыхъ къ лучшимъ принадлежатъ составленныя Г. Хавскимъ.

Отдавая справедливость полнотѣ означенныхъ Таблицъ, замѣчу слѣдующія неисправности:

1) Таблицы начинаются 188-мъ годомъ до Р. Х.; но до него не восходятъ ни Христіанская эра, ни наша исторія, ни даже времясчисленія, составляющія содер-

ваніе Таблицъ, кромѣ мартовскаго, употреблявшагося у древнихъ Евреевъ и Римлянъ. Извѣстно, что январское лѣтосчисленіе введено въ Римѣ при Юліи Цезарѣ, за 45 лѣтъ до Р. Х., а начало сентябрскаго, какъ видно изъ извѣстной «Пасхальной Хроники», относится къ 49-му году до Христіанской эры *); послѣднее признано каноническимъ на 1-мъ Вселенскомъ соборѣ въ 325-мъ году по Р. Х., и на немъ основана Христіанская Пасхалія. Какъ она служитъ ключемъ церковнаго лѣтосчисленія и составляетъ главный предметъ Таблицъ Г. Хавскаго, то и слѣдовало бы начать Таблицы временемъ 1-го Вселенскаго собора, т. е. 325-мъ годомъ по Р. Х. Если индикты — принадлежность сентябрскихъ годовъ, и вошли въ употребленіе не задолго до Христіанской эры, то зачѣмъ о нихъ упоминать подъ 188-мъ годомъ до Р. Х.?

2) При Мѣсяцословахъ, составленныхъ по новѣйшимъ, показаны годы отъ 1409 до 1940, относящіеся ко всему XIV индиктіону. Извѣстно однакожъ, что въ древнихъ и новыхъ Мѣсяцословахъ встрѣчаются разности въ именахъ, или памятяхъ Святыхъ, и нѣкоторые праздники признаны каноническими въ позднѣйшее время; наприм. по нынѣшнему Мѣсяцослову, 30-е Января празднуютъ Св. Ипполиту и Тремъ Святителямъ, Василію Великому, Григорію Богослову и Іоанну Златоустому, а въ Мѣсяцословѣ въ Остромировомъ Евангеліи (изд.

*) Ideler's Handbuch der mathematischen und technischen Chronologie, T. II, 350. Berlin, 1826.

Востокова, л. 263 на обор.), подъ тѣмъ же числомъ значится: обрѣтеніе мощей Св. Климента, Папы Римскаго *); подъ 27 Ноября въ новомъ Мѣсяцословѣ Св. Іакова Персянина, а въ Остромировомъ: «страсть святую мученику Козмы и Даміяна и другыихъ мъногъ.» Праздникъ иконѣ Казанской Божіей Матери, 22 Октября, за избавленіе Москвы отъ Поляковъ въ 1612 году, учрежденъ въ XVII вѣкѣ; слѣдовательно онъ не относится къ Мѣсяцословамъ XV-го и XVI-го? Странно также видѣть въ нихъ, подъ 12-мъ Октября, пренесеніе Св. мощей въ Гатчину, установленное въ 1800 году. Для устраненія этихъ несообразностей, должно бы къ 35-ти годовымъ Мѣсяцословамъ, представленнымъ въ Таблицахъ, прибавить еще *сводный*, или отмѣтить въ каждомъ праздники и имена Святыхъ, какъ тѣ, которые въ древности присвоены были извѣстнымъ днямъ, такъ и тѣ, которые вошли въ Мѣсяцословы въ позднѣйшее время. Сводный Мѣсяцословъ можно составить по рукописямъ Евангелій и богослужебныхъ книгъ, восходящимъ къ глубокой древности и хранящимся во многихъ извѣстныхъ библіотекахъ.

3) Напрасно припечатана къ 3-й книгѣ Таблицъ выписка изъ сочиненій Г. Сахарова, подъ заглавіемъ: «Русскіе народные праздники.» Эти поверхностныя за-

*) Праздникъ Тремъ Святителямъ установленъ праздновать въ Царѣградѣ, 1076 года, въ царствованіе Алексія Комнина; онъ и не могъ быть показанъ въ Остромировомъ Евангеліи, писанномъ въ 1056 году. См. *Четіи-Минеи* подъ 30 Января.

мѣтки объ изслѣдованіяхъ по сему предмету Гг. Макарова, Броневскаго, Снегирева и др., не имѣютъ отношенія къ Хронологіи, какъ къ наукѣ.

Не смотря на означенные недостатки, Хронологическія Таблицы Г. Хавскаго превосходятъ извѣстныя у насъ подобныя руководства полнотою и удобствомъ къ употребленію, и служатъ на время пособіемъ къ обработанію исторической хронологіи и исправленію нашихъ лѣтописей. Посему я считаю страведливымъ представить трудъ Г. Хавскаго къ половинной Демидовской преміи.

Ординарный Академикъ Я. БЕРЕДНИКОВЪ.

19 *Марта*
1849 *года.*

МНѢНІЯ

Рецензентовъ о прочихъ Демидовскихъ сочиненіяхъ, удостоенныхъ отъ Императорской Академіи Наукъ почетныхъ отзывовъ, по конкурсу за 1848 годъ.

РАЗБОРЪ

сочиненія

П. ПЕРЕВЛѢССКАГО,

подъ заглавіемъ:

НАЧЕРТАНІЕ РУССКАГО СИНТАКСИСА.

Москва, 1848 г. изд. 2

составленъ

Ординарнымъ Академикомъ Ив. ДАВЫДОВЫМЪ.

Языкъ и все его развитіе и образованіе представляютъ природу органическую; поэтому истинное знаніе языка есть не иное что, какъ знаніе его органическихъ отношеній. Идея организма, объемлющаго весь языкъ и его во всѣхъ частяхъ проникающаго, должна быть путеводною идеею всякаго языкознанія. Какъ слово съ мыслію, такъ Грамматика съ Логикою находятся въ тѣснѣйшей связи. Эта естественная связь должна поддерживаться, какъ связь мысли и слова. Логика, объясняя происхожденіе органическихъ отношеній мыслей и понятій, служитъ намъ руководствомъ, помощію котораго Грамматика разрѣшаетъ свои задачи. Изъ этого слѣдуетъ, что Грамматика имѣетъ предметомъ объяснить и *общіе* законы слова человѣческаго, на основаніи Логики, и *частныя* особенности, свойственныя тому или другому языку.

Недостатокъ логическаго основанія въ большей части Русскихъ Грамматикъ, до сихъ поръ изданныхъ, чувствуютъ всѣ преподаватели отечественнаго языка. Въ особенности этотъ недостатокъ ощутителенъ въ *Синтаксисѣ*,

въ которомъ преимущественно открывается неразрывная связь мысли съ словомъ. Объяснить грамматическія формы словъ и предложеній въ рѣчи — задача *Синтаксиса.*

Изъ этого опредѣленія Синтаксиса слѣдуетъ его раздѣленіе. Словами выражаются понятія, а предложеніями мысли: поэтому задача Синтаксиса разлагается на двѣ части: I., объясненіе логическихъ отношеній *понятій* и выраженіе этихъ отношеній; II., объясненіе логическихъ отношеній *мыслей* и выраженіе этихъ отношеній.

Въ первой части Синтаксиса должны быть разсмотрѣны:

1) Логическія отношенія понятій и выраженіе этихъ отношеній грамматическими формами, когда понятія выражены въ рѣчи отдѣльными словами.

2) Выраженія логическихъ отношеній членовъ предложенія, когда эти члены сами сохраняютъ форму предложеній.

Во второй части Синтаксиса должны быть изслѣдованы:

Логическія отношенія мыслей и ихъ выраженіе.

Вотъ содержаніе и форма Синтаксиса, какъ проявленія логическихъ законовъ понятій, сужденій и умозаключеній. Разсматриваемый мною Синтаксисъ удовлетворяетъ этимъ требованіямъ науки: это замѣчательное въ своемъ родѣ явленіе на Русскомъ языкѣ. Согласно съ изложеннымъ современнымъ ученіемъ, Г. Перевлѣсскій принимаетъ за предметъ Синтаксиса *объясненіе образованія правильной рѣчи.* «Но рѣчь правильна, про-

должаетъ онъ, когда грамматическія формы словъ, показывающія отношеніе понятій въ предложеніи и отношеніе мыслей въ сочетаніи предложеній, употреблены согласно съ законами общей Грамматики и съ духомъ роднаго языка. — Мысль, являясь въ формѣ сужденія, достигаетъ полнаго развитія умозаключенія: слѣдовательно Синтаксисъ, начинаясь образованіемъ предложенія, долженъ окончиться построеніемъ періода.»

На этомъ основаніи Синтаксисъ Г. Перевлѣсскаго содержитъ въ себѣ слѣдующее ученіе:

Глава I.

О предложеніи вообще.

1) Образованіе предложенія и его члены. — 2) Виды предложенія по отношенію его къ лицу говорящему. — 3) Части рѣчи и формы для выраженія членовъ предложенія.

Глава II.

Объ отношеніи сказуемаго къ подлежащему.

1) Согласованіе сказуемаго съ подлежащимъ. — 2) Наклоненія. — 3) Времена. — 4) Виды.

Глава III.

Объ отношеніи дополненія къ дополняемому.

1) Отношеніе дополненія собственно. — 2) Отношеніе обстоятельствъ.

Глава IV.

Объ отношеніи опредѣленія къ опредѣляемому.

1) Отношеніе знаменательныхъ частей рѣчи къ опредѣляемому. — 2) Отношеніе служебныхъ частей рѣчи. —

3) Отношеніе знаменательныхъ и служебныхъ частей вмѣстѣ.

Глава V.

Объ удареніи рѣчи.

Глава VI.

О словорасположеніи.

Глава VII.

О сложномъ предложеніи вообще.

Глава VIII.

Образованіе сложнаго предложенія по способу грамматической подчиненности.

1) Полныя придаточныя предложенія. — 2) Сокращенныя придаточныя предложенія.

Глава IX.

Объ удареніи и расположеніи придаточныхъ предложеній.

Глава X.

Образованіе сложнаго предложенія по способу грамматической подчиненности.

1) Сочетаніе соединительное. — 2) Сочетаніе противительное. — 3) Сочетаніе причинное.

Глава XI.

О періодѣ.

1) Умозаключеніе. — 2) Періодъ.

Глава XII.

О грамматическихъ фигурахъ.

1) Фигуры простаго предложенія. — 2) Фигуры сложнаго предложенія.

Прибавленіе.

А.) О знакахъ препинанія.

1) Знаки препинанія для обозначенія взаимнаго отношенія предложеній.

2) Для обозначенія отношенія предложеній къ лицу говорящему.

В.) Примѣры синтаксическихъ разборовъ.

Это ученіе Синтаксиса содержитъ въ себѣ объясненіе *всѣхъ грамматическихъ формъ словъ и предложеній въ рѣчи:* слѣдовательно *вполнѣ и совершенно удовлетворительно разрѣшаетъ задачу Синтаксиса.* На Русскомъ языкѣ Синтаксисъ Г. Перевлѣсскаго, превосходящій бо́льшую часть извѣстныхъ синтаксисовъ полнотою, послѣдовательностью и богатствомъ примѣровъ, принадлежитъ къ числу лучшихъ руководствъ; въ немъ, по примѣру Беккера, изслѣдованы и *общіе* законы слова, на основаніи Логики, и *частныя* особенности, свойственныя Русскому языку.

Но для усовершенствованія этого замѣчательнаго труда Г. Перевлѣсскаго, я почитаю нужнымъ, при новомъ изданіи, сдѣлать въ этомъ сочиненіи слѣдующія измѣненія.

I. Въ общемъ составѣ.

Сочинитель самъ въ началѣ книги своей говоритъ, что Синтаксисъ есть проявленіе логическихъ законовъ понятій, сужденій и умозаключеній; что эта часть грамматики, начинаясь образованіемъ предложенія, должна окончиться построеніемъ періода. Въ сущности это ученіе исчерпано въ сочиненіи Г. Перевлѣсскаго; лишь только не выражено оно осязательно. Согласно съ законами Логики, Синтаксисъ дѣлится на двѣ части: первая объясняетъ логическія отношенія понятій и ихъ выраженіе; вторая — логическія отношенія мыслей и ихъ выраженіе. Потомъ каждая часть представляетъ послѣдовательное развитіе этихъ двухъ задачъ.

Въ первой части разсматриваются логическія отношенія понятій и выраженіе этихъ отношеній грамматическими формами, когда понятія выражены въ рѣчи отдѣльными словами. Тутъ изслѣдуется развитіе частей предложенія и ихъ отношеній, какъ проявленіе различныхъ логическихъ отношеній субъекта и объекта, и ихъ выраженіе. При объясненіи соединенія различныхъ частей предложенія въ одно цѣлое, показывается расположеніе членовъ предложенія и удареніе въ предложеніи.

Въ этомъ ученіи заключается теорія предложенія *простаго*. Далѣе изслѣдуется выраженіе логическихъ отношеній членовъ предложенія, когда эти члены сами сохраняютъ форму предложеній, или выраженіе предложенія *сложнаго*. Здѣсь объясняется соотвѣтствіе между

придаточными предложеніями и отдѣльными частями рѣчи, какъ членами предложенія, выраженіе логическихъ отношеній понятій, изображенныхъ предложеніями придаточными, и расположеніе этихъ предложеній.

Во второй части объясняются логическія отношенія мыслей и ихъ выраженіе и расположеніе, сочетаніе предложеній и соединеніе мыслей въ одно цѣлое.

Преимущество такого расположенія состоитъ въ томъ, что каждая глава и каждый параграфъ оправдываетъ задачу Синтаксиса — какъ проявленія логическихъ законовъ.

II. Въ частностяхъ.

Нарѣчія отнесены Г. Перевлѣсскимъ къ служебнымъ частямъ рѣчи, а междометія къ знаменательнымъ. Тутъ двѣ погрѣшности: во-первыхъ, междометія не составляютъ особой части рѣчи, а относятся къ нарѣчіямъ; во-вторыхъ, нарѣчія, какъ и прилагательныя, изъ которыхъ столь многія нарѣчія образуются, всѣми принимаются за части рѣчи знаменательныя.

Безличные глаголы (§ 79) опредѣлены неправильно. Дѣятельность, выражаемая этими глаголами, въ нихъ самихъ заключается: *разсвѣтаетъ*, т. е. *свѣтъ*, а не какой-либо неизвѣстный дѣятель. Эта одна изъ древнѣйшихъ и первоначальныхъ формъ языка: слѣдовательно можно ли представлять себѣ въ ней что-либо отвлеченное? Выраженіе первобытнаго человѣка просто, осязательно.

Поставленіе сказуемаго-существительнаго иногда въ именительномъ, а иногда въ творительномъ падежѣ (§ 88), неправильно. Это различіе основывается на томъ, выражается ли сказуемымъ свойство подлежащаго врожденное, неизмѣняемое, или качество приобрѣтенное, измѣняющееся: въ первомъ случаѣ ставится именительный падежъ, во второмъ творительный. По-этому мы говоримъ: Державинъ *былъ* великій *поэтъ*, и Державинъ былъ *Министромъ*.

Въ § 95 сказано: «у насъ только *два* наклоненія — изъявительное и повелительное»; а въ § 97 читаемъ: «употребляется наклоненіе сослагательное. Такого противорѣчія и слѣдовало ожидать отъ ложнаго положенія. Дѣйствительно, школьные учители говорятъ, что мы, вмѣсто сослагательнаго наклоненія, употребляемъ прошедшее время изъявительнаго съ *бы*. Да развѣ это изъявительное съ *бы* не выражаетъ смысла сослагательнаго наклоненія? Точно также въ Англійскомъ языкѣ прибавляется къ глаголу J may, J shall; однако въ Англійскомъ языкѣ не отвергается существованіе сослагательнаго. Обращаюсь, для рѣшенія недоумѣнія, къ Логикѣ, которой *проявленіемъ* называемъ Синтаксисъ. Наклоненія грамматическія соотвѣтствуютъ логическимъ сужденіямъ по *образности* (modalitas). Сужденій же этихъ три: ассерторическія, проблематическія и аподиктическія. Слѣдовательно и наклоненій должно быть три, ни болѣе, ни менѣе: ассерторическимъ сужденіямъ соотвѣтствуетъ наклоненіе изъявительное, аподиктиче-

скимъ — повелительное, *проблематическимъ* — *сослагательное*.

Глава о видахъ, отъ § 108 до § 113, не удовлетворительна, и требуетъ совершеннаго измѣненія.

Управленіе предлога *между* (§ 149) двумя падежами: родительнымъ и творительнымъ, надобно объяснить, какъ обыкновенно всѣ объясняютъ, т. е. въ родительномъ употребляется при выраженіи движенія, въ творительномъ при выраженіи покоя: *идти между-скалъ* и *стоять между скалами*. Примѣръ же изъ Державина: между тщеславья и порокомъ, не можетъ служить закономъ; у поэта явная ошибка.

Выраженіе (§ 261): «клянись превзойти ихъ, будто соотвѣтствуетъ обороту Латинскому: accusat. cum infinitivo?

Все ученіе о силлогизмѣ (§§ 290—297) лишнее: во-первыхъ, потому что оно повторяется въ параграфахъ о періодѣ; во-вторыхъ, потому что въ Синтаксисѣ говорится о силлогизмѣ, какъ о леммѣ, заимствуемой изъ Логики.

Грамматическія фигуры требуютъ другихъ названій. Такъ н. п. слова сюнезисъ нѣтъ и въ Греческомъ языкѣ, откуда это взято: по—Гречески этотъ оборотъ рѣчи называется *κατὰ σύνεσιν*. Скорѣе можно согласиться на названіе силлепсиса. Тоже должно сказать объ *аттракціи*.

Объясненіе знаковъ препинанія должно начинать съ *періода*: тогда все ученіе о знакахъ будетъ просто,

легко и вразумительно. Тутъ также встрѣчаются уже забытыя названія *ковычекъ*, неупотребительное названіе *тире* и проч. Пора стараться замѣнять иностранныя ученыя реченія Русскими. Въ этомъ Нѣмецкіе ученые могутъ служить образцами. Примѣры изъ поэтовъ не всегда можно почитать правилами. Вотъ, почему, кромѣ примѣровъ изъ писателей, надобно заимствовать примѣры и изустной народной рѣчи: въ ней Синтаксисъ сохраняется неизмѣнно.

Изложивъ достоинства и недостатки сочиненія Г. Перевлѣсскаго: «*Начертаніе Русскаго Синтаксиса*, я почитаю долгомъ засвидѣтельствовать, что этотъ Синтаксисъ содержаніемъ, расположеніемъ и выраженіемъ своимъ принадлежитъ къ числу лучшихъ руководствъ грамматическихъ, извѣстныхъ на Русскомъ языкѣ, и представляетъ замѣчательное явленіе въ учебной нашей литературѣ. Недостатки, въ немъ мною замѣченные, могутъ быть легко восполнены при новомъ изданіи. Посему это сочиненіе, какъ весьма полезный учебникъ, на основаніи положенія о Демидовскихъ преміяхъ, *по всей справедливости заслуживаетъ вниманія Академіи.*

Ординарный Академикъ И. ДАВЫДОВЪ.

Марта 12 *дня*,
1849 *года.*

РАЗБОРЪ

сочиненія

Медико-Хирурга ПУШКАРЕВА,

подъ заглавіемъ:

О ДУШЕВНЫХЪ БОЛѢЗНЯХЪ

ВЪ СУДЕБНО-МЕДИЦИНСКОМЪ ОТНОШЕНІИ,

С.-П-бургъ, 1848 года;

составленъ

Ординарнымъ Профессоромъ Императорской

медико-хирургической академіи,

Г. Профессоромъ П. ЗАБЛОЦКИМЪ.

Въ предисловіи Авторъ говоритъ о трудности изслѣдованія душевныхъ болѣзней, и о недостаткѣ ученыхъ трудовъ по этой части у насъ и за границею. Въ первой главѣ излагается краткое обозрѣніе развитія науки о душевныхъ болѣзняхъ и постепенное ея отраженіе въ положительномъ законодательствѣ. Изъ сего обозрѣнія видно, что древніе врачи и юристы допускали у человѣка, только лишь: *умопомѣшательство* съ постояннымъ бредомъ, исключающимъ всякую возможность отличать добро отъ зла, и *слабоуміе*, выражающееся крайнимъ безсмысліемъ. Въ половинѣ же прошедшаго столѣтія врачи въ первой разъ стали допускать возможность преходящаго умалишенія, что особенно разъяснили въ началѣ нынѣшняго столѣтія. Пинель и ученикъ его Ескироль, описавшіе сверхъ того частное или однопредметное умопомѣшательство, т. е. то болѣзненное уклоненіе душевныхъ способностей, которое обнаруживается бредомъ, исключительно сосредоточеннымъ на одномъ какомъ нибудь предметѣ, или на нѣсколькихъ только, при здравомъ сужденіи о всѣхъ прочихъ. Эти успѣхи врачебной науки медленно однакожъ были при-

лагаемы къ законодательству; сперва ихъ приняли судьи и законодатели въ Германіи, а потомъ во Франціи и другихъ государствахъ; въ настоящее же время во всѣхъ образованныхъ государствахъ не одни только врачи остаются ходатаями за участь несчастныхъ, но и судьи, какъ люди уже болѣе ознакомленные съ свойствами умопомѣшательства. — Этотъ исторической взглядъ на науку о душевныхъ болѣзняхъ представленъ Авторомъ вѣрно.

Г. Пушкаревъ во II-й главѣ (стр. 15), разсуждаетъ о томъ, что судебные вопросы, относящіеся до опредѣленія состоянія душевныхъ способностей человѣка, суть самые частые изъ всѣхъ судебно-медицинскихъ вопросовъ и что рѣшеніе ихъ составляетъ труднѣйшую задачу для врача. Въ подтвержденіе сего послѣдняго замѣчанія, Г. Пушкаревъ представляетъ два подробно описанныхъ случая, одинъ заимствованный имъ изъ Марка *), а другой нашъ отечественный, въ которыхъ опредѣленіе: былъ-ли человѣкъ сумасшедшій или нѣтъ? длилось весьма долго, проходило разныя инстанціи и подвергалось противорѣчію многихъ искусныхъ врачей. Что душевныя болѣзни составляютъ труднѣйшую задачу для судебнаго врача, объ этомъ никто не будетъ спорить.— Но нельзя однако вполнѣ согласиться съ Авторомъ въ томъ отношеніи, что вопросы о душевныхъ болѣзняхъ человѣка, гораздо чаще представляются судебному врачу

*) Marc. De la Folie. Paris. 1840.

для разрѣшенія, нежели другіе судебные вопросы. Г. Пушкаревъ приводитъ въ доказательство своего положенія то, что «у насъ въ теченіи послѣднихъ пяти лѣтъ » было предложено на разрѣшеніе высшаго медицин- » скаго начальства всѣхъ судебно-медицинскихъ дѣлъ » 158, изъ нихъ относительно умственныхъ способно- » стей было 62» (стр. 16). Но этотъ фактъ не подтверждаетъ мысли Автора, потому что вопросы о душевныхъ болѣзняхъ, составляя самые трудные судебно-медицинскіе вопросы, большею частію не рѣшаются у насъ на мѣстѣ врачами, а передаются на разсмотрѣніе высшей медицинской инстанціи; между тѣмъ всѣ другіе вопросы судебно-медицинскіе, какъ болѣе легкіе рѣшаютъ обыкновенно на мѣстѣ сами врачи, и рѣдко такого рода дѣла доходятъ до высшей медицинской инстанціи, т. е. до Медицинскаго Совѣта. — Въ здѣшней напримѣръ столицѣ нѣтъ и пятой доли судебно-медицинскихъ случаевъ, относящихся до опредѣленія состоянія умственныхъ способностей человѣка.

Въ главѣ третьей (стр. 45), Г. Пушкаревъ излагаетъ Русское законодательство объ одержимыхъ душевными недугами; тутъ Авторъ приводитъ всѣ статьи изъ нынѣ дѣйствующихъ законовъ объ одержимыхъ душевными недугами, равно какъ и правила, закономъ постановленныя, объ освидѣтельствованіи безумныхъ и сумасшедшихъ, по дѣламъ гражданскимъ и уголовнымъ: какъ это освидѣтельствованіе производится, кѣмъ, гдѣ и съ какими осторожностями.

Противъ этого описанія нельзя ничего сказать. Оно основано на Сводѣ Законовъ, и на Уложеніи объ Наказаніяхъ Уголовныхъ и Исправительныхъ. Большую часть изъ сихъ законоположеній Авторъ объясняетъ сообразно началамъ Медицины вообще и, въ частности, науки о душевныхъ болѣзняхъ. На стр. 63 Г. Пушкаревъ представляетъ по выводамъ Доктора Герцога, наиболѣе занимавшагося въ Россіи изслѣдованіемъ душевныхъ недуговъ, тѣ практическія замѣчанія, на основаніи которыхъ можно въ затруднительныхъ случаяхъ подозрѣвать въ человѣкѣ разстройство умственныхъ способностей. И должно сказать, что никѣмъ еще такъ отчетливо не были представлены этого рода правила, какъ Докторомъ Герцогомъ. Г. Пушкаревъ наконецъ въ этой главѣ (стр. 74) представляетъ свое раздѣленіе душевныхъ болѣзней; онъ ихъ дѣлитъ: на болѣзни *воли*, на болѣзни *разума* и на *страсти*. — Можно полагать, что отнесеніе Авторомъ *страстей* къ душевнымъ болѣзнямъ есть ошибка въ изложеніи; страсти могутъ быть причиною душевныхъ болѣзней, но сами по себѣ они не суть душевныя болѣзни; напротивъ отсутствіе страстей составляетъ иногда душевную болѣзнь; такова напримѣръ болѣзнь извѣстная подъ именемъ сплина.

Глава пятая (стр. 77) заключаетъ существенную часть сочиненія Г. Пушкарева, ибо хотя она носитъ названіе *Болѣзни воли*, но въ ней собственно и заключается трактатъ вообще объ умственныхъ болѣзняхъ въ отношеніи судебно-медицинскомъ. При теперешнемъ

состоянія Физіологіи и Психологіи, допускается, что умственныя способности человѣка страдаютъ большею частію при видимыхъ матеріальныхъ измѣненіяхъ въ тѣлѣ и только въ рѣдкихъ случаяхъ при душевныхъ болѣзняхъ не замѣчается никакихъ измѣненій въ тѣлѣ. Эти разстройства ума бываютъ пріобрѣтенныя и врожденныя.

Наука, принимая въ основаніе степень проявленія умственныхъ способностей человѣка и способъ ихъ дѣйствія, допускаетъ, въ настоящее время, слѣдующіе главные роды умственныхъ болѣзней.

А.) Идіотизмъ (idiotismus) и слабоуміе (imbecillitas). При Идіотизмѣ, умственныя способности и внѣшнія чувства почти вовсе не развиты; при слабоуміи умственныя способности развиты, но не совершенно, и недостаточны для того, чтобы человѣкъ могъ отправлять всѣ обязанности общества.

В.) *Общее помѣшательство ума* (mania). Здѣсь у человѣка бываетъ бредъ общій, и разнообразный, онъ обо всѣхъ предметахъ разсуждаетъ ложно; разсужденія эти часто сопровождаются и ложными поступками.

С.) *Однопредметное помѣшательство* (monomania); здѣсь разумѣется, тотъ видъ помѣшательства, гдѣ ложныя идеи обращаются, только на одинъ какой нибудь предметъ; здѣсь поступкамъ больнаго предшествуетъ всегда ложное его умствованіе (бредъ); больной здѣсь дѣйствуетъ, хотя ложно и часто вредно, но по предварительномъ своемъ въ томъ убѣжденіи; здѣсь больной свои дѣйствія и поступки, хотя бы они были вредны и беззаконны, не признаетъ

таковыми, отчего и происходитъ то, что онъ ихъ никогда неутаиваетъ, не отрицаетъ и въ нихъ не раскаивается. Этотъ родъ помѣшательства, смотря потому, о чемъ человѣкъ бредитъ, или на чемъ онъ помѣшался, раздѣляютъ на нѣсколько видовъ; такъ есть мономанія воровства, поджигательства, убійства и проч. Къ этому роду помѣшательства относится еще одинъ довольно рѣдкій видъ состоянія умственныхъ способностей, при которомъ у человѣка бываетъ только одно желаніе, иногда непреодолимое къ совершенію того, или другаго поступка, въ то время, когда умъ человѣка разсуждаетъ обо всѣхъ прочихъ предметахъ здраво, тутъ только у человѣка страдаетъ одна способность ума — воля; человѣкомъ одолѣваетъ сильное желаніе къ причиненію того, или другаго дѣйствія, умъ же его сознаетъ вполнѣ неправильность въ подобномъ случаѣ поступка. Здѣсь бреда нѣтъ, а только сильное, непреодолимое желаніе, или побужденіе. Этотъ видъ помѣшательства называютъ, со времени Пинеля и Ескироля, однопредметнымъ помѣшательствомъ безъ бреда (monomania sine delirio), или, какъ кажется правильнѣе назвалъ его Маркъ, *однопредметнымъ помѣшательствомъ инстинктивнымъ* (monomanie instinctive).

Въ первомъ видѣ мономаніи или однопредметномъ помѣшательствѣ, равно какъ и въ общемъ помѣшательствѣ, страдаютъ всѣ умственныя способности у человѣка, въ инстинктивномъ же помѣшательствѣ разстроена у больнаго, только одна воля при здоровомъ состояніи

разсудка. И въ настоящее время образованные врачи уже не сомнѣваются въ томъ, что у человѣка можетъ страдать одна только воля, и что существуютъ собственно такъ называемыя болѣзни воли, независимо отъ болѣзней разума.

Глава V книги Г. Пушкарева носитъ названіе, какъ выше сказано о *болѣзни воли*, но здѣсь Авторъ разсуждаетъ не только объ однѣхъ собственно такъ называемыхъ болѣзняхъ воли, но и о другихъ умственныхъ болѣзняхъ. Сначала Авторъ говоритъ, что нарушеніе правильнаго соотношенія между разумомъ и волею составляетъ сущность душевныхъ разстройствъ (стр. 78). Далѣе замѣчаетъ, «что болѣзни воли существуютъ от» дѣльно, точно такъ же, какъ и болѣзни разума.» (стр. 81). Въ доказательство сего послѣдняго положенія Авторъ разсказываетъ два примѣра, одинъ иностранный, другой нашъ отечественный. Что должны быть допускаемы и дѣйствительно существуютъ самостоятельныя болѣзни воли, въ томъ свѣдущіе врачи нынѣ уже не сомнѣваются. Этотъ вопросъ рѣшенъ и Авторъ слѣдовательно въ этомъ отношеніи совершенно справедливъ.

За симъ, послѣ краткаго историческаго взгляда на развитіе въ наукѣ понятій о болѣзняхъ воли, Г. Пушкаревъ представляетъ раздѣленіе ихъ (стр. 89); а на *первоначальныя*, б) на *послѣдовательныя* и с) на *болѣзни воли различныхъ степеней.*

«Первоначальными болѣзнями воли называются тѣ бо» лѣзненныя состоянія, въ которыхъ мы замѣчаемъ ис-

» ключительное страданіе сей душевной способности безъ » всякаго участія разума, остающагося при семъ вовсе » неповрежденнымъ» (стр. 90). Это справедливо, но то, что Г. Пушкаревъ называетъ первоначальными болѣзнями воли, у писателей извѣстно вообще подъ именемъ *болѣзней воли*, отъ чего бы сіи послѣднія ни происходили.

Послѣдовательныя болѣзни воли Авторъ опредѣляетъ такъ: «послѣдовательную форму сихъ болѣзней обра» зуютъ тѣ неправильныя проявленія воли, которыя за» мѣчаются при общемъ несовершенствѣ умственныхъ » способностей, или при тѣхъ ложныхъ частныхъ идеяхъ, » которыя своимъ постоянствомъ, и тѣмъ болѣе своею » живостію, дѣйствуютъ столь сильно на волю, что по» рабощаютъ ее и дѣлаютъ какъ бы своею невольницею» (стр. 90). — Здѣсь какъ видно, по понятіямъ Автора, у больнаго страждетъ не одна воля, но и другія умственныя способности, самъ разумъ, слѣдовательно это не суть уже болѣзни одной воли. И самъ Авторъ говоря въ другомъ мѣстѣ (на стр. 120 и 121), о вторичныхъ болѣзняхъ воли, выражается такъ: «Въ строгомъ смы» слѣ, это не суть уже болѣзни воли, а болѣзни разума, » куда очевидно онѣ и должны быть отнесены; но какъ » болѣзни сіи проявляются страданіями воли, то въ семъ » только именно смыслѣ и могутъ онѣ называться бо» лѣзнями сей послѣдней.» Извѣстно, что въ общемъ помѣшательствѣ ума (mania), и въ однопредметномъ (monomania) страдаютъ всѣ способности ума; человѣкъ неправильно разсуждаетъ (бредитъ) и ложно дѣйствуетъ,

въ первомъ случаѣ обо всѣхъ предметахъ, а во второмъ только относительно нѣкоторыхъ предметовъ; здѣсь вездѣ страждетъ умъ и воля у человѣка. Изъ опредѣленія, сдѣланнаго Г. Пушкаревымъ вторичнымъ болѣзнямъ воли, видно, что сюда должны быть отнесены уже всѣ остальныя болѣзни ума, т. е. *mania*, *monomania*, даже *idiotismus* и слабоуміе, со всѣми ихъ видоизмѣненіями; ибо во всѣхъ сихъ болѣзняхъ страдаетъ не одинъ только разсудокъ, но и воля. Но въ этомъ случаѣ Г. Пушкаревъ впадаетъ въ ошибку.

Сдѣлавши вышепоказанное опредѣленіе первоначальныхъ болѣзней воли, Авторъ приводитъ 5 примѣровъ, гдѣ у больныхъ дѣйствительно страдала одна воля; послѣдніе изъ нихъ два суть наши отечественные и представлены Авторомъ весьма подробно. Понятіе о такомъ спорномъ предметѣ, какъ болѣзни воли болѣе всего разъясняются анализомъ фактовъ; и мы должны отдать справедливость ясному и отчетливому изложенію приводимыхъ имъ фактовъ. — Излагая сіи факты Г. Пушкаревъ говоритъ коротко о различеніи *болѣзней воли* отъ *однопредметнаго помѣшательства* «однопредметное по» мѣшательство, какъ бы оно ни было скрыто, распоз» нать легче; тамъ болѣе или менѣе видѣнъ бредъ; въ » болѣзняхъ же воли бреда нѣтъ; есть или чаще было » только непреодолимое стремленіе къ извѣстному дѣй» ствію» (стр. 100). — Этими немногими словами Авторъ рѣзко для судебнаго врача и въ особенности для

юриста отличаетъ эти два болѣзненныя состоянія, столь различныя въ сущности между собою.

Авторъ далѣе при описаніи первичныхъ болѣзней воли обращаетъ вниманіе на всю важность, какую составляютъ для юриста и для врача истинное понятіе о болѣзняхъ душевныхъ вообще и въ частности о болѣзняхъ воли; ибо еще и теперь большая часть не только юристовъ, но даже и врачей: «признаютъ одинъ бредъ » за доказательство душевныхъ болѣзней; всѣ же прочія » душевныя болѣзни, въ которыхъ не замѣчаютъ сего » явленія, принимаютъ они за состояніе нормальное, и » слѣдовательно за подлежащее вмѣненію» (стр. 118).

Въ статьѣ, гдѣ говорится о болѣзняхъ воли *вторичныхъ*, или *послѣдовательныхъ* (стр. 120 и слѣд.) Авторъ чрезвычайно кратокъ; онъ говоритъ только здѣсь о томъ, что сего рода болѣзни могутъ происходить какъ отъ болѣзней разума, такъ и отъ болѣзней тѣлесныхъ, и потомъ сообщаетъ нѣкоторыя замѣчанія, сдѣланныя Генке относительно Пироманіи (помѣшательство на поджигательствѣ), бывающей у женщинъ при болѣзненномъ развитіи половыхъ органовъ. — Можно было бы желать болѣе подробнаго изложенія этого отдѣла болѣзней, и поясненія примѣрами.

Наконецъ Авторъ говоритъ въ этой же главѣ о томъ, что болѣзни воли, подобно прочимъ болѣзнямъ, могутъ переходить въ различныя степени (стр. 124). На стр. 131 Авторъ исчисляетъ тѣ условія, которыя усиливаютъ болѣзни воли. — «Къ числу такихъ обстоятельствъ,

»усиливающихъ болѣзни воли принадлежатъ: страсти, »пьянство, лихорадочныя болѣзни, эпилептическіе при»падки; наконецъ все-то, что можетъ возбудить про»ходящій бредъ, потемнить какъ говорятъ вообще ра»зумъ, возбуждаетъ также и болѣзненныя измѣненія воли» (стр. 131). Все сказанное Авторомъ совершенно справедливо, но эти же самыя условія усиливаютъ и всѣ другія душевныя болѣзни. По поводу разсужденія о постепенномъ усиленіи болѣзней воли, Авторъ представляетъ нѣсколько примѣровъ.

Я выше сказалъ, что въ настоящемъ сочиненіи Г. Пушкарева все относящееся до собственно такъ называемыхъ душевнихъ болѣзней заключается въ IV главѣ, въ трактатѣ о болѣзняхъ воли; выше также я замѣтилъ, что несправедливо называть всѣ душевныя болѣзни, болѣзнями воли, и что вторичныя болѣзни воли Г. Пушкарева должны почти всѣ составлять тѣ душевныя болѣзни, которыя обыкновенно писателями излагаются подъ симъ именемъ, за исключеніемъ собственно болѣзней воли. Г. Пушкаревъ самъ объ этихъ вторичныхъ болѣзняхъ воли почти ничего не говоритъ. Авторъ 1) ни въ трактатѣ о болѣзняхъ воли, ни въ другомъ мѣстѣ своей книги, нигдѣ не разсматриваетъ слѣдующихъ болѣзней: общаго помѣшательства ума (mania) и его различныхъ видовъ; частнаго помѣшательства ума (monomania) и его видовъ, а также и діотизма и слабоумія; 2) не разсматриваетъ причинъ различныхъ душевныхъ болѣзней; какъ такихъ обстоятельствъ, которыя судеб-

ному врачу — и даже судьѣ весьма много помогаютъ къ рѣшенію вопросовъ, касающихся до душевныхъ страданій человѣка. 3) Не разсматриваетъ важнаго въ судебной медицинѣ вопроса: излечимо-ли въ данномъ случаѣ умопомѣшательство или нѣтъ? и если излечимо, то не должно ли опасаться новыхъ возвратовъ болѣзни? 4) Авторъ также не касается и тѣхъ случаевъ, когда человѣкъ съ намѣреніемъ притворяется сумасшедшимъ (morbus simulatus), или когда ему приписываютъ сего рода болѣзнь другіе (morbus imputatus), 5) Не обращено нигдѣ въ сочиненіи вниманія на анатомическія изысканія надъ трупами людей, умершихъ отъ разстройства умственныхъ способностей.

По этому, прочитавши всю книгу, можно подумать, что она написана лишь въ подтвержденіе того, что у человѣка, кромѣ разума, можетъ страдать еще и воля, и что у него есть болѣзни воли; ибо собственно о такъ называемыхъ душевныхъ болѣзняхъ, въ смыслѣ Судебно-Медицинскомъ, Авторъ почти ничего не говоритъ.

Можно ли согласить понятія о болѣзняхъ воли съ условіями практическаго судопроизводства, особенно уголовнаго, и не противорѣчатъ-ли сіи понятія духу законовъ о юридической вмѣняемости? Таковы важные вопросы предложенные себѣ Авторомъ рѣшеніе которыхъ составляетъ предметъ VI-й главы. Для рѣшенія этихъ вопросовъ Авторъ разбираетъ статьи нашихъ уголовныхъ и гражданскихъ законовъ, относящихся до этого предмета, и хотя не находитъ въ буквѣ закона, чтобы

объясняемыя имъ болѣзни воли, подобно болѣзнямъ разума, составляли также обстоятельство, уничтожающее юридическое вмѣненіе, онъ тѣмъ не менѣе убѣждается въ этомъ, обращаясь «во-первыхъ къ основнымъ начала» мъ уничтожающимъ вмѣняемость вообще, и во-вто» рыхъ, вникая глубже въ смыслъ спеціальнаго закона о » невмѣняемости преступленій, совершенныхъ въ при» падкѣ душевныхъ болѣзней. Основное начало, разру» шающее всякую вмѣняемость, есть не-свободное со» стояніе воли во время совершенія извѣстнаго про» ступка, или преступленія. На семъ то основаніи уни» чтожаютъ вмѣненіе доказанныя болѣзни разума — без» уміе и сумасшествіе: но онѣ уничтожаютъ его не са» ми по себѣ, а только потому, что дѣйствуя на волю, » приводятъ ее въ состояніе несвободы, въ состояніе » рабства. И такъ, если болѣзни: безуміе и сумасше» ствіе признаются уничтожающими вмѣненіе только по » вліянію ихъ на волю, которую онѣ дѣлаютъ не сво» бодною; то не понятно, почему же не сохраняютъ за » собою того же права доказанныя болѣзни самой воли, » которая, становясь больною, уже по одному этому дѣ» лается несвободною» (стр. 154 и 155).

Въ концѣ главы VI, (стр. 157), гдѣ оканчивается разсужденіе о болѣзняхъ воли, Авторъ предлагаетъ еще одинъ вопросъ: настоитъ ли необходимость врачу опредѣлять видъ душевной болѣзни въ каждомъ представившемся наблюденію его судебно-Медицинскомъ случаѣ, и не было-ли бы достаточно для судьи, чтобы врачъ, опи-

савъ съ настоящею точностію и съ возможною ясностію замѣченныя имъ въ изслѣдуемомъ лицѣ болѣзненныя явленія, (или правственныя измѣненія), опредѣлилъ по нимъ отношенія умственныхъ способностей къ проявленію воли. Г. Пушкаревъ отвѣчаетъ на этотъ вопросъ, по моему мнѣнію, весьма основательно слѣдующимъ образомъ: «Не смѣя вдаваться въ опредѣлительное рѣшеніе столь важнаго юридическо-административнаго вопроса, мы позволяемъ себѣ замѣтить, что, по нашему мнѣнію, требованіе судей, чтобы врачъ назвалъ непремѣнно по имени каждое болѣзненное состояніе, излишне для самаго дѣла: безполезно для судьи и, при теперешнемъ состояніи науки о душевныхъ. болѣзняхъ, состояніи бурномъ, такъ сказать, переходномъ точное опредѣленіе сихъ болѣзней часто дѣлается затруднительнымъ для врача. Что прибавитъ къ разъясненію дѣла, а слѣдовательно и къ убѣжденію судьи, какой нибудь чисто-варварскій терминъ, напр. chaeromanie, lypemanie?»

Въ седьмой главѣ (стр. 160), Авторъ разбираетъ страсти въ отношеніи судебно-медицинскомъ. Извѣстно, что страсти и сильные потрясенія ума бываютъ причиною умственныхъ болѣзней: онѣ могутъ произвести различныя болѣзни тѣла, и даже скоропостижную смерть. Сверхъ того, достигши высшей степени, онѣ могутъ, или мгновенно уничтожать свободную волю, или же болѣе, или менѣе ограничивать ее и дѣлать человѣка нечувствительнымъ ко всѣмъ другимъ впечатлѣніямъ и

невнимательнымъ къ голосу разсудка. Человѣкъ, находясь въ этомъ послѣднемъ состояніи, совершаетъ иногда преступленіе. Г. Пушкаревъ, опредѣливши что̀ такое страсти, дѣлитъ ихъ на *возбуждающія* и *угнетающія;* потомъ онъ дѣлитъ еще страсти на *врожденныя*, куда относитъ любовь, гнѣвъ, страхъ, ненависть, которыя составляютъ естественныя свойства нашей организаціи и съ которыми человѣкъ родится, и на страсти *пріобрѣтенныя*, или *искуственныя*, къ которымъ относитъ: гордость, честолюбіе, зависть и жадность къ пріобрѣтенію, происходящія отъ испорченности нашихъ наклонностей и суть горькій плодъ общественной нашей жизни; Авторъ потомъ разсказываетъ нѣкоторыя свойства страстей, могущія объяснить судьямъ вліяніе, ими оказываемое на преступленія, совершаемыя человѣкомъ. Спрашивается: человѣкъ совершившій подъ вліяніемъ страсти преступленіе, отвѣчаетъ ли предъ законами за свои поступки? Наши законы уголовные и гражданскіе дѣлаютъ человѣку совершившему преступленіе подъ вліяніемъ страсти, только снисхожденіе въ той мѣрѣ, въ какой не отъ воли обвиненнаго зависѣло предупредить дѣйствіе страсти, укротить ее тотчасъ въ самомъ началѣ, или же не допустить, чтобы она дошла до самой высшей степени, удержавъ порывъ оной разсудкомъ.

Однакожъ законъ дѣлаетъ снисхожденіе къ преступленію совершенному человѣкомъ подъ вліяніемъ страсти не во всѣхъ случаяхъ; законъ снисходитъ только къ страстямъ человѣка врожденнымъ, но страсти искуст-

венныя и пріобрѣтенныя никогда не служатъ поводомъ къ оправданію обвиненнаго. Всѣ эти обстоятельства въ Юридическомъ и Медицинскомъ отношеніи Г. Пушкаревымъ представлены хорошо.

Главная задача въ Судебно-Медицинскихъ случаяхъ, возраждающаяся по поводу преступленій, совершенныхъ человѣкомъ подъ вліяніемъ страсти, состоитъ въ точномъ опредѣленіи обстоятельства: былъ ли человѣкъ, въ моментъ совершенія преступленія, дѣйствительно подъ вліяніемъ страсти? Для этого Авторъ (на стр. 169 и слѣд.) излагаетъ сообразно современному состоянію науки, тѣ правила, на которыя врачъ долженъ обратить свое вниманіе при опредѣленіи: былъ ли человѣкъ въ моментъ преступленія или проступка подъ вліяніемъ страсти, или нѣтъ?

Постановивши общія правила о страстяхъ въ той мѣрѣ, сколько нужно Юристу врачу, Авторъ описываетъ въ частности нѣкоторыя изъ врожденныхъ страстей, и именно: любовь, ревность, гнѣвъ, страхъ и ненависть (стр. 170); и входитъ особенно въ большія подробности о страсти гнѣва (стр. 189), какъ наичаще бывающей предметомъ Судебно-Медицинскаго изслѣдованія. Описаніе страстей пояснено пространными наблюденіями иностранными и отечественными. Вообще страсти, въ отношеніи Судебно-Медицинскомъ, Г. Пушкаревымъ разобраны хорошо; въ этомъ отдѣлѣ нѣтъ погрѣшностей, хотябы можно было желать чтобы нѣкоторыя мѣста были изложены съ большею подробностію.

Въ VIII-й главѣ Г. Пушкаревъ говоритъ о томъ состояніи ума, которое, не будучи собственно умственною болѣзнію, уничтожаетъ однако, или ограничиваетъ иногда свободную волю. Здѣсь Авторъ разсматриваетъ состояніе ума бывающее въ сонномъ опьяненіи (Schlaftrunkenheit, somnolentia), въ пьянствѣ (ebrietas), въ падучей болѣзни, въ беременности, въ ипохондріи и истерикѣ.

Говоря о сонномъ опьяненіи (о состояніи среднемъ между сномъ и бодрствованіемъ, somnolentia, status somnolentiae), въ которомъ иногда человѣкъ совершаетъ противозаконныя поступки, Г. Пушкаревъ, очень хорошо показалъ тѣ обстоятельства, на кои врачъ долженъ обратить особенное вниманіе при рѣшеніи вопросовъ о вліяніи соннаго опьяненія на душевныя способности и для объясненія въ данномъ случаѣ преступленія (стр. 303—307). Можно только упрекнуть Автора въ томъ, что въ началѣ этой статьи онъ не даетъ достаточно яснаго понятія объ этомъ особенномъ состояніи у человѣка душевныхъ способностей; безъ чего Юристъ и Судья не будутъ достаточно вразумлены о возможности совершенія человѣкомъ въ этомъ состояніи преступленій и проступковъ.

Пьянство (стр. 207) разсматривается въ судебно-Медицинскомъ отношеніи лишь съ моральной стороны; Авторъ придерживался сочиненія Профессора Блосфельда, о чемъ онъ и самъ говоритъ (ст. 209); здѣсь представлены ясно для юриста и для врача степени пьянства и

различныя его послѣдствія; изложены наши законы относительно сего предмета, и такимъ образомъ разрѣшены весьма удовлетворительно всѣ судебно-Медицинскіе вопросы, относящіеся до сего предмета.

Извѣстно, что при падучей болѣзни въ нѣкоторыхъ случаяхъ (особенно, когда болѣзнь продолжалась долго), у человѣка растроиваются умственныя способности, и нынѣ дознано не только врачами, но уже признается и большею частію юристовъ, что человѣкъ въ это время можетъ совершить различные противузаконные поступки. Г. Пушкаревымъ, съ этой точки зрѣнія предметъ изложенъ очень хорошо и врачъ все найдетъ тутъ, что нужно ему для разъясненія судебнаго случая; статья эта была бы полна и совершенно отчетлива, если бы Авторъ объяснилъ въ ней для юриста, состояніе физическое и въ особенности моральное, въ которомъ можетъ находиться человѣкъ, одержимый падучею болѣзнію; неизлишне было бы объяснить и то вліяніе, которое можетъ имѣть эта болѣзнь на окружающихъ больнаго и на потомство; ибо книга Г. Пушкарева по сущности своей касается не однихъ только врачей, но и юристовъ.

Разстроенное состояніе умственныхъ способностей, случающееся съ человѣкомъ во время ипохондріи, истерики и беременности, изложено удовлетворительно.

Но здѣсь же слѣдовало бы сказать и о слѣдующихъ предметахъ:

1) Объ умоизступленіи отъ голода и жажды.

2) О болѣзненномъ состояніи умственныхъ способ-

ностей, причиняемыхъ ядами, и въ особенности опіумомъ и шпанскими мушками.

3) О бредѣ людей, одержимыхъ горячками и ранами.

Но къ сожалѣнію обо всѣхъ этихъ предметахъ въ сочиненіи Г. Пушкарева ничего не говорится.

Въ главѣ VIII. (стр. 247) Авторъ разсуждаетъ о снохожденіи, о глухонѣмыхъ и слѣпорожденныхъ. Изложеніе этихъ предметовъ соотвѣтствуетъ современному состоянію науки, ясно и отчетливо.

Заключеніе.

Окончательно слѣдуетъ сказать, что хотя книга Г. Пушкарева не чужда нѣкоторыхъ недостатковъ; но въ то же время съ одной стороны она есть первое у насъ оригинальное сочиненіе о душевныхъ болѣзняхъ въ судебно-Медицинскомъ отношеніи, полезное и даже необходимое для врачей и въ особенности для судей; съ другой написана прекраснымъ языкомъ и показываетъ начитанность Автора, проникнутаго какъ видно вполнѣ духомъ человѣколюбія. По симъ причинамъ я полагаю, что если Академія не найдетъ возможнымъ дать ему половинную премію, то по крайней мѣрѣ слѣдуетъ удостоить почетнаго отзыва.

Марта 29 дня 1849 года.

Ординарный Профессоръ Императорской Медико-Хирургической Академіи П. ЗАБЛОЦКІЙ.

РАЗБОРЪ

сочиненія

АНТОНА АШИКА,

подъ заглавіемъ:

ВОСПОРСКОЕ ЦАРСТВО

съ его

палеографическими памятниками;

(3 части, Одесса. 1848 г. въ 4-ю д. л.).

составленъ:

Г. Докторомъ Эдуардомъ МУРАЛЬТОМЪ.

Der Kern und das Eigenthümliche dieser Schrift besteht in der ersten Hälfte des zweiten Heftes. Hier wird die Geschichte der von dem Vf. geleiteten Ausgrabungen auf eine lebendige, anschauliche, oft dramatisch spannende Weise erzählt, wie es in den einzelnen handschriftlichen Berichten an das Ministerium des K. Hauses für den Director der Kertschischen Sammlungen auf der Eremitage geschehen ist. In dieser Schrift nun ist das Alles zusammen gestellt und veröffentlicht.

Allein auch hier kommen die Hauptfehler der übrigen Theile dieses Werkes zu Tage, nämlich: Unvollständigkeit, Planlosigkeit und eine falsche Benutzung fremder Gelehrsamkeit, bei welcher alle Kritik vermisst wird, weil eine genauere Kenntniss der alten Sprachen dem Vf. abzugehen scheint; denn nicht nur sind fast sämmtliche griechische Wörter auf eine Weise verdruckt, dass die Fehler nicht dem Setzer allein zugeschrieben werden können [1]), sondern falsch erklärt oder nur aus den

---

[1]) Siehe auch I, 5 βαρβαροβωνη, 8, 11, 14, 28, 29 Ἄφροδιτη οὐρανία S. 31 Kopnoek für Koryphae, 35 über die Scholastiker (?) und Hesychios, die προστατήριος erklären πρὸτῶν βυρῶν ἱδρυται. Dieses soll der

französischen und andern Uebersetzungen citirt; auch die lateinischen Wörter, die angeführt werden, sind es oft gegen alle Grammatik und Lexicologie [2]).

So finden wir in den 7 ersten §§. des zweiten Heftes eine Aufzählung verschiedener Gräber, in welcher aus dem Namen Arcentius ein Argent gemacht wird (S. 3); *χῶμα*, *σῆμα* werden nicht etymologisch erklärt, *σορὸς* dagegen wird von dem davon derivirten *σορεύω* abgeleitet; stela und cippi werden beide für römische Aequivalente des Griechischen *μνῆμα* gegeben; eine griechische Inschrift lässt sich, wie sie verkehrt abgedruckt ist, nur aus der beigegebenen lateinischen Uebersetzung wieder erkennen (S. 4); pyrite (die französische Form) wird als die originale zum russischen пиритъ angeführt (S. 5); aus Psychagogie wird Psychalogie, aus *τίθημι* ein *τίθυμι* gemacht (S. 6), amiante wieder als die eigentli-

---

Bezeichnung Apollon's als *ἥτρωα* entsprechen, 39, 40; 45 soll Strabo den Seleukos des Diodor *Σελένκωνα* nennen; er nennt ihn aber Leukon. Vgl. S. 44 und die sämmtlichen Inschriften 46—116, bes. S. 73, 88 *TIBEPIOΣ ΙΟΥΛΙΩΣ ΒΑΣΙΛΕΩΣ*, 90 die Abtheilung der Verse *τῆς δ' ἀρετὴν κρήνης πολλὴν Μυρμηξ ἀνέ Δειξεν υἱος Ἀσπούργου εὐσεβιος κότυος γαίας καὶ* etc. 106 werden aus Prusiern Preussen (Пруссіаны) gemacht. S. 111, 114, wo *ΑΠΟΛΓΕΙΙ* erklärt wird *ΑΗΟΛΛΩΝΙ*. Vgl. II, 58—88; 59 ist von jonischen Formen neben dorischen die Rede, wo nur letztere zu finden sind, 72 *τράπεσα* u. s. w.

2) Die Abkürzungen C. I. F. S. IX. LX. DD. in der Inschrift auf T. J. Sauromates erklärt er I. 86. Cajus Julii filius Sylanus columnam votivam cum effigie regis, LX. annorum nati, dono dedit. 11. 69 cubicularium als Nominativ.

che Form angeführt (S. 7), ein Zeichen, woher die ganze Gelehrsamkeit entlehnt ist, u. s. w.

Leider wird diese Einleitung nicht im Geringsten zur Vergleichung mit den Kertschischen Gräbern benutzt. Diese werden in § 8, ohne irgend eine Beziehung auf jene allgemeinen Bemerkungen, nach ihren Fundorten in 5 Bezirke eingetheilt, mit deren letztem, dem asiatischen Bosporos der Vf. sich zuerst beschäftigt von §. 9 an, und zwar um mit Dubois den Schauplatz der Odysseischen Höllenfahrt hier zu suchen (§ 10), ohne irgendwie die schwachen Gründe des ersten Urhebers jener Hypothese zu verstärken; denn die vulcanischen Ausbrüche, die Naphtha-Quellen und der Namen des Ortes Kerberion für Kimmerion bei Plinius VI. 6 hatte schon Dubois für sich angeführt; die Lotophagen, Kyklopen, Skylla und Charybdis und andere Hinweisungen auf das Mittelmeer dagegen sind bei H. Aschik nicht minder als bei jenem ausser Acht gelassen.

Erst § 11 beginnen die Gräberfunde; leider helfen die beigegebenen Karten wenig dazu, sich ein topographisches Bild daraus zu machen! Weder findet man den Posten Andrejewsk (S. 13) noch die Schwarze Mündung und den Kosaken-Eryk (S. 15) darauf verzeichnet, noch ist gesagt, wo die (auf derselben Seite) aufgegrabenen «Schreckens-Grabhügel» gelegen waren. Ueber die Lage des alten Phanagoria stimmt er zwar nicht mit Dubois überein, der es an die Stelle der Station Siennaja setzt,

weil hier die meisten Grabhügel sind und der Kuban einst, hier in den Bosporos mündend, das Land nördlich davon zur Insel machte, wie sie bei Strabon beschrieben ist. Er führt (S. 16) vielmehr die von diesem angegebenen Entfernungen gegen Dubois an, obwohl Strabon bei Phanagoria gar keine angiebt; auch sollen 5 Stadien auf die Werst gehn, da doch 600 Stadien auf den Grad von 104 Werst gewöhnlich gerechnet werden. Neu ist der Bericht über die Münzfunde in Taman (§. 16). Doch ist dieses nicht der erste daselbst gemachte Fund, indem schon früher mehrere der diesen Ort umgebenden Grabhügel aufgegraben worden sind. Vgl. Pallas II. 288, Journal d'Odessa 1829 No. 4. und die Berichte Kareischa's von 1838 und 1842; §. 20 spricht der Vf. selbst von einem solchen Grabe und S. 21 von dort gefundenen Architektur-Resten. Vorher aber (§. 17) berichtet er über die Ausgrabungen bei Siennaja, 15 Werst nordöstlich vom jetzigen Phanagoria; §. 18 über die bei Akdanisofka, 10 Werst nordöstlich von Siennaja, §. 19 über die bei Titorofka, wieder 10 Werst südlich von diesem Orte, §. 20 über Steblefka, in der Breite von Phanagoria. Dazu kommt §. 22 ein Auszug aus einer französischen Abhandlung über das Kreuz, als Werkzeug der Hinrichtung und Zeichen der Ehre, veranlasst durch die in Taman gefundenen Kreuze an Baudenkmälern, wo ganz missverstandene Bibel-Citate, aus dem Französischen angeführt (S. 25) zum Beweise für das letztere dienen müssen. Ust-Labinsk, wo Goldmün-

zen des Rheskuporis IV. gefunden worden (§ 23), ist auf der Aschikschen Karte nicht zu finden.

Eben so wenig sind die *Kertschischen Ausgrabungen* nach einer geographischen Ordnung oder nach der Art der Gräber verzeichnet. Zuerst das Königsgrab 4 Werst N.N.O. von der Stadt, ein pyramidales Gewölbe mit langem Eingang (§. 24), dann das ähnliche im Kuloba, 7 Werst südlich von Kertsch, über welches mit einem ungenannten Kritiker der Berichte des Vf. viel unnütze (S. 35, 36) Worte gewechselt und hier nochmals in extenso abgedruckt sind (S. 34 — 39), endlich das benachbarte, 1821 aufgedeckte ähnliche Grab (§. 25—28). Nun aber ist plötzlich von dem Mithridates - Berge und dessen Katakomben und gewöhnlichen Steingrüften die Rede (§. 29), von Grabhügeln mit Aschen-Urnen in der Nähe der Stadt (§. 30), von den Sarkophagen am Meere unterhalb des sog. Königsgrabes (§. 31), von einem Ziegelgrabe bei Glinitsche, 1 Werst nordwestlich von Kertsch, welcher Ort aber so wenig als der Kuloba auf der Karte angegeben ist (§. 32). Auf einmal kommen wir südlich von diesem Grabhügel zu der Steingruft mit Holzsarg im sog. Schlangenhügel, der ganz aus Steinen ohne Erde besteht (§. 33). Von da gelangen wir 8 bis 9 W. nördlich wieder an die Strasse nach der neuen Quarantaine zu einer Aschenurne in einer blossen Grube (S. 39). Die Localität von Hirs'ens Landhaus fehlt auf der Karte so wie jeder der 4 (§. 35) bei Auffindung eines Sarges in einer Steingruft angegebenen Orts-

namen. Eine Pyramidal-Gruft mit Gang, wie die zuerst erwähnten, kommt wieder in den Stadtgärten vor (§ 38); darauf zwei rund gewölbte aus römischer Zeit in einem Grabhügel bei den Steinbrüchen (§ 39), von denen wir zwar aus der Karte nicht erfahren, wo sie zu suchen sind. Eine Steingruft mit Holzsarg ist wiederum bei der Quarantaine angegeben (§ 40), worauf 3 Werst südwestlich, zunächst bei der Stadt in der Zucker-Fabrik Kherkhe-Ulidsew's (nicht bemerkt auf der Karte), ein römisches Gewölbe mit 14 Särgen beschrieben wird, nebst einem Sarkophage in demselben Grabhügel gefunden (§. 41), und in einem andern eine Steingruft mit Sarg (§. 42). Von da gelangen wir auf einmal auf den Mithridates-Berg zu einem von Karcischa aufgegrabenen Pyramidal-Grabe (§. 43), ohne dass der von diesem gefundenen griechischen Inschriften gedacht würde, dann zu den in des Verfassers Abwesenheit gemachten Ausgrabungen, ohne Angabe des wo noch wie, zu den Gräbern von Pschad am Kaukasus, zu wiederholten Erwähnung der Grabhügel in ganz Süd-Russland, vgl. 9, 10, 36, 37. Endlich finden wir bei Glinitsche wieder Aschenurnen in einem Ziegelgrabe, im Garten Dubrux (bei Hirs), eine Erdgrube mit Thongefässen und am Mithridates-Berge 4 Grüfte mit Gerippen auf dem Boden oder in Särgen (§. 44).

So hat sich der Verfasser begnügt, mehrere seiner Berichte nacheinander abdrucken zu lassen, ohne dem Leser die Uebersicht zu erleichtern, indem er sie nach

ihrer Beschaffenheit (historisch) oder topographisch geordnet hätte.

Dabei macht er, durch Anführung auch des von Andern Ausgegrabenen, Anspruch auf Vollständigkeit, da doch die meisten Funde *Kareischa's* unerwähnt bleiben, nämlich: 1) aus dem Jahre 1831 an der Chaussée nach der Quarantaine, die Amphore mit Hasen und Hunden en relief u. s. w., am Mithridates-Berge die *Katakomben* und Grabhügel mit Glasgefässen, wie auch in denen an der Chaussée, also aus römischer Zeit; 2) die von 1832 bei Ambelaki, 4 Werst südlich von Kertsch aus derselben Zeit, eine Quadergruft mit Sarg, worin eine Frau mit Gewändern, Kamm, Korb, Kiste u. dgl. m. lag, und nördlich von der Stadt Armengräber, aber auch Gewölbe *mit Steinsärgen,* so wie endlich das Grab der Prote in einem Steinhügel und andere Inschriften. Solche fand er auch am Mithridates-Berge bei zwei Särgen in Steingrüften, endlich im sog. Goldhügel ein grosses Gewölbe wie das von Kyloba, aber nur mit Münzen von Chersones; 3) 1834 am Ende der Chaussée zwei Grüfte mit reichverzierten weiblichen Gerippen, ein Ziegelgrab mit Inschrift, der Sarg eines Kindes, eine reich verzierte Frau mit einer Goldmünze des Lysimachos, goldnem Lorbeerkranz u. s. w.; 4) 1840 bei der Quarantaine Inschriften, bei Hadshi-Muschkai reicher Frauenschmuck und bei der Stadt eine andere reiche Frau mit einer gleichen Münze und im Süden von Kertsch Pyramidalgräber mit Särgen; 5) 1842 ausser den Ausgra-

bungen bei Phanagoria und Sebastopol, die nördlich von Hirs und bei Kherkhe-Ulidsew von Theophilus und Theodora, endlich in den Stadtgärten die Gruft mit einer *silbernen Aschen-Urne* und einem Dreifusse, worauf eine Menge Glasgeschirre standen nebst vielem Goldschmuck. 6) 1843. Ebenda ein weibliches Gerippe in einem Sarge mit Nadeln u. dgl., und bei Akrai eine Gruft mit 3 Gerippen und einer Menge Münzabdrücken aus Macedonien; 7) 1846 an der Chaussée die Gruft mit den 6 Goldmasken u. s. w., und bei Titorovka die *Bronze-Urne* mit Waffen und Schmuck. — Endlich 8) 1847 Ausgrabungen von Cherson; in den Stadtgärten das Grab mit der Frau, deren Gewänder mit Gold-Brandebourgs verziert waren, u. a. Gräber an der Chaussée.

Aber H. *Aschik* hat nicht Alles gegeben, was er selbst ausgegraben hat. Es fehlt hier: 1) der Bericht über die 1833 aufgedeckten 2 Gräber, das eine mit 2 Gerippen in einem Sarge, das andere mit einem weiblichen auf dem Boden; 2) 1834 über die bronzene Aschen-Urne bei Ambelaki, bei Katerlies im N. W. von Kertsch, über die Gräber mit Aschen-Urnen, gemalten Gefässen und Grabsteinen, über die Katakomben am Mithridates-Berge und Münzen vom Jahr 327, aber auch über Aschen-Urnen und Abdrücke von Eupators-Münzen; zuletzt im Anfang der Chaussée eine Aschen-Urne mit einer goldnen Lysimachos-Münze und Kinder-Goldschmuck; 3) 1835 bei Glinitsche eine steinerne Aschen-Urne und das schöne Gold-Diadem mit Darstellung der Entführung der Proserpina; auf

dem Wege nach der Quarantaine in einer Quadergruft, die Frau mit dem goldnen Aehren-Büschel u. a. Schmuck von der bessten Arbeit; bei Hadshi-Muschkai ein *achteckiges* Grab mit bronzener Aschen-Urne; auf dem Wege nach Katerlies ein viereckiges Grab mit thönerner schwarz-cannellirter Aschen-Urne, so wie ein Gewölbe mit einer Münze von Sinope. 4) 1836 bei Bulganak ein viereckiges Grab mit bemalter Aschen-Urne und ein Ziegelgrab mit Lampe. 5) 1837 jenseits Glinitsche der Marmor-Sarkophag mit der Gemahlinn eines Rheskuporis, deren Gesicht mit einer Gold-Maske bedeckt war, die bemalte Aschen-Urne in einem Ziegelgrabe ebenda und jene andere auf dem Wege nach dem Tchurubasch. 6) 1838 die Königsmünzen in einem Brunnen der Akropolis und die Grüfte mit den Gerippen von Kriegern und Frauen; an der Chaussée die 4 Ziegel- und Erdgräber mit den schönen Ringen u. a. Gold- und Silber-Sachen und Münzen des Leukon und Lysimachos. 7) 1842 am Pavlowschen Vorgebirge in einer Steingruft ein Sarg mit einer Frau, die ein persisches Amulet trug; bei der Quarantaine Stein-Ziegel- und Erdgräber, auch 2 pyramidal gewölbte *Grabkammern neben einander;* am Mithridates-Berge bemalte Kammern mit Glasgefässen; bei Kherkhe-Ulidsew die Steingruft einer Frau mit Münzen von Sauromates III; nach Jenikale hin eine Menge Erdgräber mit Spuren von Scheiterhaufen und halb zerstörten Goldsachen.

Daraus erhellt, dass nicht einmal von allen *Gräber-Arten* Beispiele in H. Aschik's Werke zu finden sind, ge-

schweige dass er durch Angabe der mitentdeckten Münzen einen Fingerzeig für die Anordnung derselben *nach der Zeit* geboten oder die Ausgrabungen *vollständig* mitgetheilt hätte.

Für dieses Alles aber wäre der Raum durch Weglassung so vieler Wiederholungen, weitschweifigen, überflüssigen, ja gerade zu falschen oder verwirrenden Angaben zu gewinnen gewesen, wie aus dem schon Gesagten bereits zur Genüge erhellt.

Dahin gehört auch im ersten Hefte in dem Kapitel I. über die ersten Ansiedlungen in diesen Gegenden die Versetzung der *Irrfahrten des Odysseus* in dieselben (S. 4), die Annahme *jonischer Colonien* in Klein-Asien im Jahr 1215 v. Chr. (S. 5), die Herrschaft der Skythen am *Missisi* (S. 6), der *Verlust Nympheion's* durch Gylon, den mütterlichen Grossvater des Demosthenes (geb. 351) 109 Jahre vorher angesetzt (S. 8). Von der Erwähnung Nympheion's in Inschriften des Jahrs 209 n. Chr. ist keine Spur hier zu finden (S. 9). *Phanagoria* heisst eine Theische (statt Tëische) Colonie (S. 10). *Gorgippia* soll bei Anapa am Pontos sein (S. 13) nach Strabo, der diese Stadt doch zu den innerhalb des Bosporschen Meerbusens liegenden zählt, so wie auch Plutarch (Lucull 16) sie ans südliche Ufer des Hypanis, welcher damals nicht in den Pontos mündete, ins Gebiet der Dandarier setzt. Für den Tschatyr-Dagh als *West-Gränze des Pairisadischen Reiches* wird Formaleoni als ältester Zeuge angeführt (S. 16), *Skamander* (statt Se-

mander) als der erste der Archaianaktiden genannt, deren Stelle Spartokos, ein Skytho-mäotischer Aristokrat eingenommen habe (S. 18). Die *Tamansche* Slawische *Inschrift* setzt der Vf. ins Jahr 1068, und zwar nicht durch einen Druckfehler, indem er das ϛφο mit 6576 wieder giebt (S. 19). *Phoenicier* sollen im Pontos Handel getrieben haben (S. 21) u. s. w.

Im zweiten Kapitel bringt der Vf. über die *kyklopischen Mauern* manches Neue zu Tage; z. B. dass die Pelasger unter Tarquinius I. die Mauern Rom's gebaut haben (S. 23), dass diese und die Etrusker oder Tyrrhener die Kyklopen gewesen seien (S. 24). Besser wäre es gewesen, sich auf die Nachweisung der vorhandenen mörtellosen Mauern und der Grenzwälle zu beschränken oder diese ausführlicher zu beschreiben als S. 22 und 25 geschieht.

Im dritten *mythologischen* Kapitel werden die Phrygische Mutter und Diana verwechselt (S. 26), und beide mit der Astara zusammen geworfen — der Syrischen Mond- und Liebesgöttin. Der ägyptische Serapis soll ein pontischer Gott sein (S. 28), weil, dem Plutarch zufolge, dessen Worte der Vf. nicht nachgesehen hat (Jsis et Osiris 361, 39, de solertia animalium 983, 55), Ptolemaios Soter eine Bildsäule des Pluton von Sinope nach Alexandrien kommen liess, um etwas dem Serapis Aehnliches zu zeigen, wie Agathias den persischen Sandes (Sanerges der Komosarye) mit Herakles verglich. Die Dioskuren stellen die Sonne vor, und ihre Mützen sind, den

Eiern gleich, Sinnbilder des Weltalls und der Unsterblichkeit. S. 32, 36 kämpft der Vf. gegen Kareischa, welcher die reitende Figur der Zeichnung VIII. für eine Amazone erklärt hatte und will durchaus einen Arimaspen daraus machen, obwohl die Figur keineswegs als einäugig erscheint. Den Herodot kennt der Vf. nur aus Larcher's Uebersetzung, wie er selbst (S. 34, 35) verräth.

In dasselbe Kapitel sind die *numismatischen* Bemerkungen über das Reich des Bosporos und dessen Chronologie aufgenommen, wobei die Jahrszahl 508 mit 218 statt 212 n. Chr. wiedergegeben (S. 37), Rheskuporis I., der erste genannt wird (S. 38), der ein Monogramm auf Gold-Münzen hatte, da doch die mit *P*Σ ein anderes ($\frac{M}{\Delta}$ oder *KNE*) als das seine (*BAP*) zeigen. Die Form *E* für *C* oder Σ soll den letzten Zeiten angehören (S. 42). Die dem *Leukon I.* 393 — 353 zugeschriebenen Münzen werden darum einem Spätern beigelegt, weil sie denen Alexanders des Grossen gleichen; sie gleichen aber auch denen seiner Vorgänger wie Archelaos 413 — 399. Aus demselben Grunde wird die der Lysimachischen ähnliche *Pairisades*-Münze den 2 ersten dieses Namens, die 349 — 310 und 284 — 244 regiert haben, abgesprochen; «auch der zweite würde nicht seinen Kopf, statt des Zeus-Ammon auf der Münze des Lysimachos (284 — 281), auf die Hauptseite gesetzt haben», als ob Pairisades von jemandem abgehangen oder nicht schon Hieron der Sicilier sein Bild auf Münzen hätte prägen lassen. Gegen

Spassky u. a. erklärt sich der Vf. (S. 43) für Eumelos (310 — 304 vor Chr.), statt Eupator (156 — 171 n. Chr.) in Beziehung auf die Münzen mit dem Monogramm *BΛE*, da doch diese ganz den Typus der römischen Vassallen-Münzen haben, z. B. den kapitolinischen Tempel u. dgl. von dem Monogramm abgesehn.

In der erst im 4ten Kapitel folgenden *Königsgeschichte* nennt der Vf. oft die Neuern statt der alten Schriftsteller als seine Gewährsmänner (S. 45 De Bos und Casaubon statt Diodor's XIV. 93). Wer aber bezeuge, dass *Satyros I.* in Pantikapaion begraben sei (S. 46), wird nicht gesagt, noch warum die von Polyänus erzählten Stratageme nicht *Leukon I.* zugeschrieben werden dürften (S. 47), oder warum Satyros der Schwiegervater des *Pairisades I.*, nicht auch dessen Vaters (Leukon's) Bruder sein könnte (S. 50). Die Nachricht von den vulcanischen Ausbrüchen des Jahrs 1818, die der Vf. (S. 52) nicht nachzuweisen weiss, ist von H. v. Koeppen.

Das Bosporsche Königsschloss wird am asiatischen Bosporos gesucht (S. 56), als ob von da, nach Diodor, nur ein Fluss bis Pantikapaion zu überschreiten wäre und der Thraker Ariopharnes, der Bundesgenosse des Eumelos, so leicht nach Asien zu versetzen wäre! Auch waren die Mäoten, nach den Inschriften des Pairisades I., bereits alle dem bosporanischen Reiche unterworfen, nicht unabhängig, wie der Vf. vermuthet. Ebensowenig können die demselben Reiche längst einverleibten asiatischen Tha-

teer statt der thrakischen Hülfsvölker gesetzt werden (S. 58). Das S. 59 erwähnte athenische Psephisma für *Spartokos*, des Eumelos Sohn, findet sich bei Böckh No. 107. — S. 63 begreift der Vf. nicht warum unter dessen Sohne *Pairisades II.* die Thateer von den Maiten unterschieden werden, was doch schon unter Pairisades I. geschehn war. *Pharnakes* soll im Jahr 50 gestorben sein (S. 69), da er doch erst im J. 47 von Caesar geschlagen ward nach Dio K. XLII. 46 — 48. Ebenso fällt das letzte Jahr des *Asandros* nicht ins Jahr 14 vor Christus (S. 70, 71); sondern da er auf Pharnakes im Jahre 47 folgte und seine letzte Jahrszahl ΘΚ (29) ist (nach Meynart, revue de la numismatique Belge III. 1. Janv. 1847), so kann sein Tod nur nach dem Jahre 18 v. Ch. angesetzt werden und vor 14, in welchem sein Nachfolger *Scribonius* umgebracht ward nach Dio K. Buch LIV (nicht 1. 54 wie S. 71 angegeben ist). *Polemo* regierte jedenfalls bis 2 vor (nicht nach Ch. wie es S. 74 heisst) wegen des Titels Pater Patriae, der dem August in der Kumäischen Inschrift auf Polemo beigelegt wird und erst in diesem Jahre im Gebrauch kam, und zwar nach dem Pränestinischen Kalender, eine Nachweisung, die der Vf. ganz unterlassen hat.

Tiberius Julius Sauromates und *T. J. Rheskuporis* der Münzen und Inschriften werden auch hier mit den ersten Sauromates und Rheskuporis verwechselt, obwohl nach diesen Zeitgenossen der ersten Julier (jener, des August 6 vor bis 8 nach Chr. dieser vom Jahr 10, ZT.

auch des Tiberius bis zu dessen Tode), der Zuname T. J. auch noch bis ins dritte Jahrhundert vorkommt, also auch von solchen, die nach des Caligula Tode durch einen aus dieser Familie der Tiberius Julius im Bosporos wieder eingesetzt wurden. Wirklich heisst T. J. Sauromates König des ganzen Bosporos in der Inschrift 2123, kann also nicht derjenige Sauromates sein, welcher neben Polemo von 6 bis 2 vor Chr. regierte (S. 75) T. J. Rheskuporis aber soll nicht der Vater des T. J. Sauromates sein können, weil das Bild des letztern älter sei als das des erstern; aber die Münzen, auf welchen dieses ältere Bild erscheint, können aus seinen letzten Jahren sein, da Sauromates III. schon 104 nachfolgte und Münzen des T. J. Sauromates nur von 94—99 erhalten sind, die von T. J. Rheskuporis aber nur von 84 und 85, wozu noch eine Inschrift (2114 bb) von 80 oder 81 kommt, was Alles auf die ersten 15 Jahre der Regierung dieses Rheskuporis führt, der nach Kotys I. 46—69 zur Gesammt-Herrschaft kam. Den Strabon, den der Vf. als seinen sichern Führer bis auf diese Könige rühmt, kann er nicht selbst angesehen haben, da er aus dem zweiten Kapitel des eilften Buches, wo von ihrem Vorgänger Polemon die Rede ist, ein eilftes macht (11 für II. S. 78).

Von den Münzen *Polemon's II.*, aus der Zeit des Caligula, der ihm auch den Bosporos verliehen hat, ist hier (S. 88) keine Rede. Die des *Sauromates III.* gehen nicht bloss bis 124 (S. 96), sondern bis 128 nach Mionnet;

daher ist die Inschrift 2108 eher auf ihn zu beziehen als auf *Kotys II.* (S. 97), dessen bisher bekannte Münzen nur aus den Jahren 156 — 157 sind. Die des Eupator fangen nicht mit dem Jahre 154 (S. 99) sondern mit 158 an, also nicht unmittelbar nach dem Tode des Rhoimetalkes (S. 100), dessen Münzen bis 159 gehn. Die Münzen des *Sauromates V.* sollen nur bis 529 (233) sich erstrecken (S. 108); sie gehn aber von 230 bis 240, gleichzeitig mit den zwei durch ihre Physiognomie auf den Münzen, was der Vf. leugnet, so deutlich unterschiedenen *Kotys III. u. IV.* (228 — 231 und 232 — 235) und mit den ersten des *Rheskuporis IV* (234 — 268), den der Vf. nur ganz kurze Zeit regieren lässt, weil mit ihm gleichzeitig noch *Ininthimeyos* 235 — 239 regierte; er schreibt die Münzen des Rheskuporis von 234 bis 268 einem folgenden zu, weil sie zu verschieden seien (S. 108), ohne diese Behauptung irgend wie zu begründen. *Phareanses* soll nur bis 257 (S. 108 steht 227) n. Chr. regiert haben; seine letzte Münze aber trägt das Datum 554=258, *Thothorses* nur 279 bis 304 (S. 102), während eine im Kataloge des Kertscher Museums aufgeführte Münze die Jahrzahl 604 giebt, also 308. Demnach ist der von Constantin Porphyrogenneta zu 291 erwähnte *Sauromates*, nicht als Nachfolger des Thothorses (S. 119) sondern als dessen Zeitgenosse zu setzen. Aus der Inschrift 2108[d] erhellt keineswegs, dass *Rhadamsadios* 604 bis 616 regiert habe (S. 114), sondern aus der 2126[b], dass er schon im Jahre 603 König war, und

zwar bis 618 na . den Münzen, als unmittelbarer Nachfolger des Thothorses. Die des letzten *Rheskuporis* gehen nicht bloss bis 524 (S. 114), sondern bis 640 von 601 an, als Nachfolger des Sauromates in seinem Antheile.

Die Beschreibung der *Grabsteine* stimmt nicht immer mit derjenigen der Vorgänger überein. Z. B. bei 2114 wird neben dem Liegenden nur eine Figur angegeben, während Pallas noch zwei Figuren angiebt. Diejenigen Inschriften aber, die noch nicht veröffentlicht waren, sind so abgedruckt, dass man sie kaum gebrauchen kann. So 9, 18—44. Aus Philotas, welches auch 2131,9 vorkömmt, macht der Vf. Philokles so wie aus Philoëdes (2108[k]); aus Zotichos (2115) einen Sontakos. Zu 2110 werden nur 2 Figuren verzeichnet, bei Boeckh drei. Die № 26 kann nichts anderes als der von Boeckh unter N. 2116 aufgeführte Grabstein sein. Tafel XI. zeigt der Augenschein und die Inschrift, dass die jüngere Figur nicht die Gattin (S. 72), sondern der Sohn ist. Von den *Votiv-Inschriften* sind noch nicht bekannt gewesen N. 11—13. Aber N. 12 ist eher eine Grabschrift auf einen Olbiopoliten wie auch N. 13 als Grabschrift anerkannt wird. Auffallend ist wie S. 80 Boeckh missverstanden ist: »Media vox fortasse est χᾶιρε.» Diese wird aber vom Vf. in den Anfang der Inschrift gesetzt. Neu ist die *asiatische* Grabschrift N. 12, aber wie sie hier gegeben worden (S. 83), nicht zu gebrauchen so wenig als die *Henkelinschriften* N. 3—5, 7—12, wo aus einem Amusier ein Thasier gemacht ist (S. 86); 16, 19.

Das dritte Heft, welches eine Beschreibung der ausgegrabenen Gefässe, Terra-Cotten, Lampen, Glasgefässe, Baureste, Goldschmucksachen, (die letztern in sehr schlechten Abbildungen), Sargreste und anderer Ueberbleibsel enthält, ist uns zu spät zugekommen, um noch einer eingehenden Beurtheilung unterworfen werden zu können. Indess ist hier auch weniger Veranlassung zu Irrthümern gegeben, da es hier nur auf Beschreibung des vorliegenden Stoffes, nicht auf allgemeine philologische und archäologische Kenntnisse ankam.

Hätte der Vf. sich auf jenes Feld, die genaue *Darstellung* der von ihm und andern gemachten *Ausgrabungen* beschränkt, so hätte ihm, wo nicht ein erster, doch ein *zweiter* Preis mit allem Fuge zuerkannt werden können. Nun aber wollte er das *historisch-geographische*, *numismatische*, *epigraphische* und *mythologische* Gebiet ebenfalls umfassen, ohne eines derselben ausfüllen zu können. Wegen seines eifrigen Strebens, durch Benutzung des in fremden Sprachen für die pontischen Alterthümer Geleisteten, dieselben dem russischen Publicum zugänglich zu machen, kann jedenfalls ihm eine ehrenvolle Erwähnung, und vielleicht auch wegen des bei dieser Arbeit gemachten Aufwandes an Geld und Fleiss ein zweiter Preis ertheilt werden.

Dr. Edward von Muralt.

Den 28 März 1849.

РАЗБОРЪ

сочиненія

А. ПЕТРОВА,

подъ заглавіемъ:

УКАЗАТЕЛИ И РУКОВОДСТВО КЪ ПАСХАЛІИ;

составленъ

Академикомъ Я. БЕРЕДНИКОВЫМЪ.

Г. Петровъ представилъ къ соисканію Демидовской награды Указатели (на двухъ большихъ листахъ) и Руководство къ уразумѣнію ихъ и Пасхаліи. Содержаніе Указателей слѣдующее: на таблицахъ, въ срединѣ обоихъ листовъ, особою графою, показанъ въ каждомъ рядъ 35-ти буквъ, отъ А до ІЯ, извѣстныхъ подъ именемъ *ключевыхъ*, по которымъ узнаются пасхальныя числа, въ послѣдовательномъ ихъ порядкѣ, отъ 22-го марта по 25-е апрѣля; противъ означенныхъ буквъ, въ поперечныхъ графахъ таблицы перваго Указателя, значатся числа воскресныхъ дней и праздниковъ отъ недѣли Мытаря и Фарисея до недѣли Всѣхъ Святыхъ *), а въ графахъ таблицы втораго воскресныя числа остальнаго времени года. Въ обоихъ Указателяхъ, по бокамъ и внизу *среднихъ*, помѣщены *малыя* таблицы зачалъ апостоловъ и евангелій: 1) на дни недѣльные отъ Мытаря и Фарисея до Всѣхъ Святыхъ; 2) на дни воскресные того же времени *(Указат. I.)*; 3) на про-

*) Циклъ времени отъ недѣли Мытаря и Фарисея до Всѣхъ Святыхъ, въ которомъ праздничные дни называются *подвижными*, заключается между четвертымъ воскресеньемъ предъ Великимъ постомъ и седьмымъ по Пасхѣ. Церковный пасхальный годъ начинается недѣлею Мытаря и Фарисея.

чіе дни недѣльные и 4) воскресные; 5) на дни, когда отправляется всенощное и на утреняхъ поется поліелей; 6) на дни недѣльные, когда положено пѣть на утреняхъ великое славословіе, и на вечерняхъ «на Господи воззвахъ» стихиры на шесть *(Указ. I и II)*; 7) на праздники владычніе, богородичные и нарочитыхъ Святыхъ *(Указ. II)*; 8) на особые случаи, указанные въ Требникѣ и Молитвенникахъ; 9) на воскресные дни и субботы предъ великими и послѣ великихъ Господнихъ праздниковъ, и 10) за упокой усопшихъ *(Указ. II)*. Мѣсячныя числа воскресныхъ и недѣльныхъ дней, на которыя зачала апостоловъ и евангелій показаны въ таблицахъ, означенныхъ выше цифрами 1, 2, 3 и 4, отыскиваются въ среднихъ таблицахъ обоихъ Указателей; зачала таблицъ 5 и 6 опредѣляются ссылками въ нихъ на самыя мѣсячныя числа, а 7, 8, 9 и 10 означаются самыми названіями праздниковъ, дней и особыхъ случаевъ, на которые положены апостолы и евангелія. Основу Указателей составляютъ, какъ выше сказано, *ключевыя буквы*, которыми означаются дни пасхальные въ продолженіи каждаго индиктіона, или 532-лѣтія; а какъ всѣ индиктіоны суть циклы чиселъ равныхъ или тождественныхъ, то Указатели служатъ ключемъ къ узнанію пасхальныхъ перемѣнъ отъ начала церковнаго лѣтосчисленія, т. е. отъ 325 года по Р. Х. *) на безконечное время.

*) Въ 325 году по Р. Х., на первомъ Вселенскомъ Соборѣ, Отцы Церкви, руководствуясь VII правиломъ Апостольскихъ постановленій,

Къ Указателямъ присоединена особая книжка, подъ заглавіемъ: «Руководство къ уразумѣнію Указателей и Пасхаліи.» Она состоитъ изъ трехъ отдѣловъ; въ *первомъ* изложены общія правила Пасхаліи, и объяснено способъ употребленія Указателей, во *второмъ* показаны начальныя и окончательныя слова и, такъ называемыя, переступки чтеній апостоловъ и евангелій на всѣ дни и случаи, упомянутые въ Указателяхъ, также начала и концы паремій во св. четыредесятницу и пятдесятницу, и въ *третьемъ* содержится сводъ индиктіоновъ отъ перваго Вселенскаго собора до 2473 года по Р. Х. Послѣдній отдѣлъ извлеченъ изъ Зрячей Пасхаліи, и служитъ для узнанія всѣхъ чиселъ, въ ней встрѣчающихся.

Изъ сего видно, что Указатели г. Петрова, на двухъ листахъ, совмѣщаютъ всѣ данныя пасхальнаго времясчисленія, указываютъ чтенія при богослуженіи апостоловъ, евангелій и нѣкоторыхъ паремій, и замѣняютъ справки съ Пасхаліею и отчасти съ Церковнымъ Уставомъ. Не льзя не пожелать, чтобы они вошли въ употребленіе, какъ наглядное пособіе, при отправленіи церковныхъ службъ, тѣмъ болѣе что, по простотѣ и удобству состава, не только священнослужители, но каждый знающій общую Пасхалію, при нѣкоторомъ навыкѣ, легко можетъ пользоваться ими.

положили праздновать день Св. Пасхи въ первое по полнолунія воскресенье, послѣ весенняго равноденствія. Къ сему времени относится начало типиконовъ Православной Церкви.

Въ сочинителѣ Указателей замѣтно основательное знаніе церковной хронологіи и литургики, не говоря о трудолюбіи и искуствѣ въ примѣненіи ихъ къ практической цѣли.

При недостаткѣ въ нашей Словесности хорошихъ вспомогательныхъ руководствъ, для изученія каноническихъ, обрядности и древностей Православной Церкви, столь тѣсно связанныхъ съ исторіею нашего Отечества, каждый добросовѣстный трудъ по сей части заслуживаетъ поощренія. Съ этой точки разсматривая Указатели г. Петрова, я признаю ихъ достойными почетнаго отзыва.

Академикъ Я. БЕРЕДНИКОВЪ.

19 Марта
1849 года.

ДОНЕСЕНІЕ

Гг. Академиковъ: Б. ЯКОБИ и Х. ПЕТЕРСА,

о

РУЧНОМЪ ПЛАНИМЕТРѢ

ЕРМАКОВА.

Jedem der sich mit der Berechnung von Flächeninhalten, der auf Flurkarten gezeichneten Grundstücke beschäftigt hat, ist es bekannt, wie zeitraubend diese Arbeit wird, wenn die Figuren von krummen oder öfters gebrochenen geraden Linien begrenzt sind. Es muss daher jedes Hülfsmittel willkommen sein, durch welches, ohne, dass die Genauigkeit des Resultats darunter leidet, die Arbeit abgekürzt wird. Wir nehmen keinen Anstand das Hand-Planimeter des Herrn Jermakoff zu den vorzüglichsten dieser Hülfsmittel zu rechnen.

Zwar wird dadurch hinsichtlich der Linien, die bei der geometrischen Berechnung zu ziehen und zu messen sind nichts gewonnen. Man erhält nämlich damit nur die Flächen einzelner Dreiecke. Um also den Inhalt einer Figur von mehr als drei Seiten zu bekommen, hat man entweder diese, oder eine einfachere Figur, in welche sie verwandelt worden, in einzelne Dreiecke zu zerlegen. Allein die Inhalte der letztern erhält man mit dem Hand-Planimeter genau in derselben Zeit die man sonst gebrauchen müsste, um ihre Grundlinien und Höhen auf der Karte zu messen, und es wird folglich die ganze

Zeit erspart, welche ohne Beihülfe des Instruments, auf die numerischen Rechnungen verwandt werden müsste. Wie gross der Vortheil ist, der hiedurch erlangt wird, hängt natürlich davon ab, wie schnell derjenige rechnet, der die Flächen auszumitteln hat. Etwas wird indess immer gewonnen, da die auf die Berechnung zu verwendende Zeit nie gänzlich Null werden kann, wenn sie sich auch durch Beihülfe einer Produktentafel oder einer Günterskale abkürzen lässt.

Construirt ist das Jermakoffsche Planimeter auf folgende Art: Auf einer metallenen Platte von ungefähr einem Fuss Länge und etwa 5 Zoll-Breite, sind der Länge nach drei parallele gerade Linien gezogen, die $2^2/_{10}$ Zoll von einander entfernt sind. Andere gerade Linien, die $^1/_{10}$ Zoll von einander abstehen, durchschneiden jene unter rechten Winkeln. Durch dieses System von geraden Linien ist eine Anzahl gleichseitiger Hyperbeln construirt, zu welchen zwei der äusseren der vorhin erwähnten Linien die Asymptoten bilden. Soll mit Hülfe dieser Skale der Flächeninhalt eines Dreiecks bestimmt werden, so bemerkt man sich auf der Asymptote, welche der oberen Kante des Planimeters parallel, den Punkt der vom Durchschnittspunkte beider Asymptoten, um die Länge der Basis des zu messenden Dreiecks entfernt ist. Dieses geschieht durch Anlegen der oberen Kante an die Basis. Von dem erwähnten Punkte, setzt man auf der Skale, senkrecht zur oberen Kante eine Distanz ab, welche der Höhe des zu mes-

senden Dreiecks gleich ist. Trifft der Endpunkt dieser Ordinate genau auf den Umfang einer der construirten Hyperbeln, so giebt die an den Enden dieser Curve notirte Zahl den Inhalt des Dreiecks an. Fällt der Punkt zwischen zwei Hyperbeln, so interpolirt man nach dem Augenmasse mit Leichtigkeit zwischen den ihnen beigeschriebenen Zahlen. Jermakoff hat sein Instrument für die hiesigen Flurkarten, die in einem Massstabe von $^1/_{8400}$ gezeichnet sind, so eingerichtet, dass man den Inhalt in Dessjatinen ausgedrückt erhält.

Um ein Urtheil über die Genauigkeit zu bekommen, mit welcher der Planimeter die Flächen angiebt, haben wir jeder besonders, die Inhalte mehrerer Dreiecke, sowohl mit diesem Instrumente als auch durch Rechnung bestimmt. Folgende Tabelle enthält die Resultate dieser Vergleichung.

Des Dreiecks.		Genauer Inhalt.	Angabe des Planimeters.		Mittel aus beid. Angab.	Fehler in Procenten.
Grundlinie.	Höhe.		Jacobi.	Peters.		
					Des.	
200 Fad.	100 Fad.	4,167 Des.	4,20 Des.	4,18 Des.	4,19	1,0055
100 „	200 „	4,167 „	4,20 „	4,18 „	4,19	1,0055
250 „	250 „	13,021 „	13 — „	12,98 „	12,99	1,0024
300 „	100 „	6,250 „	6,25 „	6,26 „	6,255	1,0008
100 „	300 „	6,250 „	6,20 „	6,20 „	6,20	1,0080
500 „	300 „	31,250 „	31,00 „	31,00 „	31,00	1,0080
400 „	150 „	12,500 „	12,40 „	12,50 „	12,45	1,0040
150 „	400 „	12,500 „	12,45 „	12,50 „	12,475	1,0020
740 „	240 „	37,000 „	37 — „	37,40 „	37,20	1,0060
930 „	420 „	81,375 „	81,30 „	81,00 „	81,15	1,0027
		208,480 Des.	208,00 Des.	208,20 Des.	208,10	1,0018

Man ersieht hieraus, dass der Fehler des Mittels aus beiden Beobachtungen selten oder nur bei sehr kleinen

Dreiecken ein Procent übersteigen wird, und öfter unter $^1/_2$ Procent sein wird, als darüber. Diese Genauigkeit ist ohne Zweifel befriedigend, da die Fehler, welche unabhängig von denen der Flächenberechnung durch die Ungenauigkeiten der im Maassstabe von $^1/_{8400}$ angefertigten Karten entstehen, wenn diese auch mit der grössten Sorgfalt gemessen sind, häufig zwei Procent betragen werden.

Obgleich durch das Planimeter von Jermakoff nur der rechnende Theil der Arbeit erspart wird, den die geometrische Ausmittelung der Flächen erfordern würde, so ist uns doch nur ein einziges Verfahren bekannt, durch welches man den Inhalt noch schneller erhält, als durch jenes Instrument. Dieses ist die Methode der Abwägungen. Sie giebt aber den Inhalt mit einer weit geringern Genauigkeit; denn wenn man zu den Figuren welche gewogen werden, auch dasjenige Material verwendet welches nach Zach's Versuchen das Beste ist, nämlich recht gleichförmiges Velinpapier, so wird man nach Versuchen, die einer von uns hierüber angestellt hat, mit einer guten Goldwage den Inhalt nicht genauer als bis auf etwa 5 Procent erhalten. In den seltenen Fällen indess wo eine solche Genauigkeit ausreicht, kann man, wie wir glauben die Methode der Wägungen allen übrigen vorziehen.

Unter den Instrumenten, welche ausser dem Jermakoffschen zur Ausmittelung der Flächen benutzt sind, und diese genau und mit Leichtigkeit angeben, ist

das Arithmoplanimeter von La Lande allgemein als das vorzüglichste anerkannt. Bei seiner Anwendung hat man weder Hülfslinien zu zieh'n, noch die Länge irgend welcher Linie zu messen. Aber dafür hat man jeden Endpunkt der Figur, deren Inhalt zu bestimmen ist, oder wenn diese Figur von krummen Linien begrenzt ist, jeden Eckpunkt des Vielecks, dessen Inhalt man dem Inhalte der vorgegebenen Figur gleichschätzt, zweimal durch eine doppelte Bewegung, also überhaupt viermal einzustellen. Es ist keine Frage, dass dies eben so viel Zeit erfordert, als wenn die rechtwinklichten Coordinaten aller Eckpunkte durch Messungen bestimmt, oder die Figur in Dreiecke zerlegt wird und die Grundlinien und Höhen dieser letzteren gemessen werden. Durch dieses Instrument wird demnach auch nicht mehr Zeit erspart, als die Zahlenrechnungen erfordern würden, und es hat also in dieser Hinsicht keinen Vorzug vor dem Jermakoffschen Planimeter. Aber es muss zugegeben werden, dass das Verfahren durch welches man mittelst des Arithmoplanimeters, den Inhalt erhält, wenn es auch eben so viele Zeit erfordert, als wenn man das Hand-Planimeter anwendet, doch gleichförmiger und bequemer ist. Indessen wenn es hierin einen Vorzug vor dem letzteren hat, so steht es ihm, wie Jermakoff selbst auch sehr richtig bemerkt, darin nach, dass es viel complicirter, und desshalb Beschädigungen leicht unterworfen ist, dass es sich nicht so leicht transportiren lässt, und viel theurer ist.

Es unterliegt demnach wohl keinem Zweifel, dass das Jermakoffsche Planimeter, welches sich hinsichtlich der Zeitersparung dem bessten, welches bisher erdacht ist an die Seite stellen lässt, dieses aber an Einfachheit bedeutend übertrifft, sehr nützlich werden kann. Die ihm zum Grunde liegende Idee, den Zahlenwerth einer Funktion von zwei Variabeln mittelst der geometrischen Oerter zu bestimmen, welche zu gleichen numerischen Werthen der Function gehören, ist zwar nicht neu, und man hat sie auf viel complicirtere Rechnungen angewandt, als die ist, das Produckt zweier Zahlen anzugeben, allein sehr verdienstlich bleibt es, dass Herr Jermakoff sie für eine Rechenaufgabe benutzt hat, welche eine sehr häufige geschäftliche Anwendung findet. Wir nehmen daher keinen Anstand zum Mindesten einen halben Demidoffschen Preis für die nützliche Erfindung des Herrn Jermakoff zu beanspruchen.

M. H. Jacobi, Dr.

C. A. F. Peters, Dr.

Den 20 April
1849.

Главнѣйшія Опечатки,

замѣченныя

въ Демидовскомъ Отчетѣ за 1848 годъ.

стран.	*строка.*		*вмѣсто:*	*читай:*
9,	23	сверху;	Средния Азія	средняя Азія .....
20,	22	„;	будушности	будущности .....
27,	17	„;	ученой цѣны еше	ученой цѣны еще.....
35,	6	„;	но едва ни	но едва ли .....
41,	19	„;	такихъ произсшествій..	такихъ произшествій...
115,	9	„;	С ѣдовательно	Слѣдовательно .....
115,	25	„;	исчисл нныя въ.....	исчисленныя въ .....
127,	17	„;	между ра личными	между различными....
128,	5	„;	мѣщающее	мѣшающее.....
130,	8	„;	существующаго	существующаго.....
130,	18	„;	послѣ слова «яичка»...	слѣдуетъ включить: (стр. 33).....
131,	14	„;	авторъ.....	Авторъ.....
131,	18	„;	авторъ	Авторъ .....
132,	3	„;	вспрыскиваніе	впрыскиваніе .....
139,	24	„;	вспрыскиваній	впрыскиваній .....
143,	4	„;	туберкулознаго	туберкулёзнаго.....
157,	5	„;	въ кистахъ и	въ кистяхъ и .....
158,	6	„;	Средства удовлетворяю-	Средства удовлетворяю-
			.....	щія. ....

VII, 38.

ДЕВЯТНАДЦАТОЕ ПРИСУЖДЕНІЕ

УЧРЕЖДЕННЫХЪ

П. Н. ДЕМИДОВЫМЪ

НАГРАДЪ.

—

17 Апрѣля 1850 года.

БИБЛИОТ
С.ПЕТЕРБУРГ
ПЕРВОЙ ГИМН

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Въ типографіи Императорской Академіи Наукъ.

1850.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Общій Отчетъ о девятнадцатомъ присужденіи Демидовскихъ наградъ, составленный Непремѣннымъ Секретаремъ Императорской Академіи Наукъ 1

Разборъ сочиненія Г. Флигель-Адъютанта, Полковника Горемыкина, подъ заглавіемъ: Руководство къ изученію тактики, (съ чертежами и планами); составленный Г-мъ Генералъ-Лейтенантомъ Барономъ *Зедделеромъ* 37

Разборъ сочиненія Г-на Давидова, подъ заглавіемъ: Теорія капилярныхъ явленій; составленный Гг. Академиками *Ленцомъ* и *Остроградскимъ* 73

Разборъ сочиненій Г-на Саввантова, подъ заглавіями: Грамматика Зырянскаго языка и Зырянско-Русскій и Русско-Зыскій Словарь; составленный Г-мъ Академикомъ *Шегреномъ* ... 91

Разборъ сочиненія Г-на Видемана, подъ заглавіемъ: Grammatik der wotjakischen Sprache; составленный Г-мъ Академикомъ *Шегреномъ* 103

Разборъ сочиненія Г-на Шренка, подъ заглавіемъ: Reise durch die Tundren der Samojeden zum arktischen Uralgebirge; составленный Г-мъ Академикомъ *Гельмерсеномъ* 125

Разборъ этнографической части сочиненія Г-на Шренка; составленный Г-мъ Докторомъ *Кастреномъ* 137

Разборъ сочиненія Г-на Профессора Клауса, подъ заглавіемъ: О растительности приволжскихъ странъ; составленный Гг. Академиками *Мейеромъ* и *Рупрехтомъ*..... 159
Разборъ сочиненія Г-на Божерянова, подъ заглавіемъ: Теорія паровыхъ машинъ; составленный Гг. Академиками *Ленцомъ* и *Якоби*, и Флигель-Адъютантомъ *Глазенаппомъ* 1..... 169
Разборъ сочиненія Г-на Профессора М. Куторги, подъ заглавіемъ: Исторія Аѳинской республики, составленный Г-мъ Проф. *Блумомъ*..... 191
Разборъ сочиненія Г. Милютина, подъ заглавіемъ: Первые опыты Военной Статистики; составленный Г-мъ Профессоромъ *Горловымъ*..... 203

ОБЩІЙ ОТЧЕТЪ

О

ДЕВЯТНАДЦАТОМЪ ПРИСУЖДЕНІИ

ДЕМИДОВСКИХЪ НАГРАДЪ,

СОСТАВЛЕННЫЙ

НЕПРЕМѢННЫМЪ СЕКРЕТАРЕМЪ

ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ

И ЧИТАННЫЙ

ВЪ ПУБЛИЧНОМЪ СОБРАНІИ СЕЙ АКАДЕМІИ,

19 Мая 1850 года.

Изъ представленныхъ въ Демидовскій Конкурсъ 1849 года отъ самихъ авторовъ 22, и чрезъ Академиковъ 4 сочиненій на соисканіе премій, два сочиненія до присужденія исключены, какъ не подходящія подъ правила Положенія, и четыре отложены до одного изъ слѣдующихъ Конкурсовъ, по разнымъ обстоятельствамъ; а какъ сверхъ того, отъ Конкурса 1848 года оставалась одна многотомная книга, о которой заключенія сдѣлано не было, по неудовлетворительности полученной тогда объ ней рецензіи, то въ Конкурсѣ 1849 года всего разсмотрѣно и обсужено двадцать одна книга, именно же

по военнымъ наукамъ	по три, и того	9
по описательной Статистикѣ и Топографіи		
и по Этнографіи и языковѣдѣнію		
по Путешествіямъ	по два, и того	10
естественнымъ наукамъ		
Правовѣдѣнію		
Исторіи		
и прикладной Математикѣ		
наконецъ по Лѣсоводству и	по одному номеру, и того	2
по Медицинѣ		
	Всего ..	21

Изъ нихъ на Русскомъ языкѣ
печатныхъ 14,
рукописныхъ 3, и того 17;
на иностранныхъ языкахъ
печатныхъ 2,
рукописныхъ 2, и того 4.

Одиннадцать изъ сихъ сочиненій разобраны одними Академиками, семь посторонними рецензентами, остальныя же три тѣми и другими вмѣстѣ.

По обращеніи въ Демидовскій Капиталъ одной присужденной въ 1846 году и не выданной по сіе время преміи, за невыходомъ увѣнчанной рукописи, всего въ распоряженіи Академіи имѣлось на сей разъ 9422 рубля серебромъ, достаточно на пять полныхъ и одну второстепенную премію и на вознагражденіе расходовъ по изданію рукописей, могущихъ удостоиться премій, въ опредѣленной Положеніемъ мѣрѣ.

Демидовская Коммиссія, состоящая изъ 10 Академиковъ по выбору, усиленная еще шестью Членами, добровольно принявшими на себя званіе судей, по внимательномъ прочтеніи и обсужденіи представленныхъ ей рецензій, большинствомъ голосовъ приговорила

Полную премію въ 1428 рублей серебромъ

Флигель-Адъютанту Полковнику Горемыкину, за изданное имъ: *Руководство къ изученію Тактики, въ начальныхъ ея основаніяхъ и въ практическомъ примѣненіи.* Три части съ планами и чертежами.

Второстепенныя премій въ 714 рублей серебромъ

Магистру Московскаго Университета Давидову, за представленную имъ рукопись подъ заглавіемъ: *Теорія капиллярныхъ явленій*, и на изданіе оной пять сотъ рублей серебромъ.

Профессору С. Петербургской Семинаріи Павлу Савваитову, за изданныя имъ: *Грамматику Зырянскаго языка* и *Словари Зырянско-Русскій и Русско-Зырянскій.*

Старшему Учителю Ревельской Гимназіи Видеманну, за составленную имъ Грамматику Вотяцкаго языка подъ заглавіемъ: *Grammatik der Wotjakischen Sprache.* На изданіе сего труда, представленнаго въ рукописи, положено выдать автору 300 руб. сер., а если онъ приложитъ по возможности полный Словарь сего языка, еще 200 рублей серебромъ.

Корпуса корабельныхъ Инженеровъ Капитану Божерянову за изданную имъ *Теорію паровыхъ машинъ.*

Профессору С. Петербургскаго Университета Статскому Совѣтнику Михаилу Куторгѣ, за изданную имъ *Исторію Аѳинской Республики.*

Профессору Казанскаго Университета Коллежскому Совѣтнику Клаусу за составленное имъ Разсужденіе *О растительности приволжскихъ странъ*, въ двухъ выпускахъ. Академія сама принимаетъ на себя изданіе сей рукописи.

Приватъ-Доценту Дерптскаго Университета Александру Шренку, за совершенное и описанное имъ Пу-

тешествіе подъ заглавіемъ: *Reise nach dem Nordosten des europäischen Russlands, durch die Tundren der Samojeden zum arktischen Uralgebirge.* Двѣ части. Наконецъ

Главнаго Штаба Его Императорскаго Величества Полковнику Милютину, за изданные имъ *Первые опыты Военной Статистики.* Двѣ книжки съ иллюминованными картами.

Представимъ по примѣру прежнихъ лѣтъ, краткій обзоръ содержанія увѣнчанныхъ нами сочиненій и изложимъ въ немногихъ словахъ доводы, побудившіе насъ къ присужденію имъ премій.

I.

Руководство къ изученію Тактики, въ начальныхъ ея основаніяхъ и въ практическомъ примѣненіи. Три части съ планами и чертежами Флигель-Адъютанта Полковника Горемыкина. *Рецензія Генералъ-Лейт. Барона Зедделера.*

Предметъ сего сочиненія, какъ явствуетъ изъ приведеннаго нами заглавія, выходитъ изъ круга занятій мирной Академіи Наукъ. Посему намъ оставалось только прибѣгнуть къ кому либо изъ нашихъ военныхъ писателей, которому ратное дѣло было бы извѣстно не по одной теоріи, и который бы сверхъ того литературными трудами по сей части пріобрѣлъ себѣ нѣкоторый авторитетъ въ общественномъ мнѣніи и уваженіе читающей публики какъ здѣсь такъ и за границею. Академіи удалось склонить къ принятію на себя сего труда ученаго

основателя Военно-Энциклопедическаго Лексикона, бывшаго Вице-Директора Императорской Военной Академіи, Генералъ-Лейтенанта Барона Зедделера, и написанная имъ съ теплымъ чувствомъ и непритворнымъ воодушевленіемъ рецензія, содержащая въ себѣ полный критическій обзоръ труда Г-на Горемыкина, въ сравненіи съ предшественниками его на семъ поприщѣ, не могла не убѣдить Академію, что здѣсь рѣчь идетъ о трудѣ замѣчательномъ во всѣхъ отношеніяхъ, и что неприсужденіе ему полной премія было бы явною несправедливостію относительно не только автора, но и рецензента.

Выпишемъ, въ оправданіе нашего приговора, изъ рецензіи Генерала Зедделера, обзоръ состоянія у насъ Тактической Литературы до появленія труда Г-на Горемыкина, и краткую характеристику сего труда, извлеченную изъ словъ самаго автора, чѣмъ наиточнѣйше выразится значеніе, которое рецензентъ приписываетъ сему сочиненію.

Если взглянуть на каталогъ Русскихъ тактическихъ сочиненій, то окажется, что до основанія Императорской Военной Академіи у насъ не было ни одного тактическаго учебника. Военные люди довольствовались сочиненіями и переводами иностранныхъ писателей; *Декера*, *Бисмарка*, *Монтаупта*, *Терно*, *Роканкура*, *Жакино де Преля* и др. Кромѣ того, что эти руководства не всѣмъ были доступны, они имѣли характеръ болѣе умозрительный, нежели практическій, и мало приносили пользы Русскому офицеру. Сочиненія Нѣмецкія загромождены множествомъ элементарныхъ подробностей,

произвольныхъ теоретическихъ умствованій, и вовсе не примѣняются ни къ состоянію нашихъ войскъ, ни къ опытамъ послѣднихъ временъ. Тактики Французскія отзываются хвастливостію и многословіемъ; авторы ихъ брали за основаніе одни Французскія войска, принимали за законы только Французскія идеи, за образецъ только Французскія дѣйствія; все же прочее отвергали или порицали съ самоувѣренностію, въ военномъ дѣлѣ рѣшительно неумѣстною. Сочиненія нашихъ Генераловъ Жомини и Окунева, написанныя на Французскомъ языкѣ, также, во многихъ отношеніяхъ, неудовлетворяли настоящей потребности. Вообще, въ большей части этихъ сочиненій разбирается предпочтительно какая нибудь одна часть Тактики, о прочихъ или умолчано или сказано поверхностно; къ нимъ не приложено достаточно полныхъ объяснительныхъ плановъ. Неудобство это скорѣе можетъ быть не замѣтно въ иностранныхъ земляхъ, гдѣ читатель можетъ пользоваться планами изъ другихъ источниковъ; но у насъ, при совершенномъ недостаткѣ постороннихъ этого рода пособій, такая неудовлетворительность тактическихъ сочиненій невольно бросается въ глаза.

Военной Академіи и ея первому Профессору Тактики, Генералу Барону Медему, суждено было начать новую эпоху въ Исторіи нашего военно-ученаго образованія, изданіемъ въ 1837—1838 годахъ, *Курса чистой и прикладной Тактики*, въ 2 частяхъ, а бывшій Адъюнктъ его, въ послѣдствіи также Профессоръ Академіи, покойный Генералъ-Адъютантъ И. Ѳ. Веймарнъ, напе-

чаталъ въ 1839 году *Высшую Тактику*, 1 часть. Такимъ образомъ наша военная литература получила первое полное, написанное по Русски руководство къ Тактикѣ. Курсъ Барона Медема, изданный не столько для практическаго примѣненія, сколько для удовлетворенія потребностямъ классного преподаванія, которое, по новости его, надобно было создавать, давно уже оцѣненъ по несомнѣнному его достоинству, вышелъ нѣсколькими изданіями, принятъ руководствомъ для преподаванія Тактики въ военно-учебныхъ заведеніяхъ и принесъ очевидную пользу. Прибавимъ, что и Академія Наукъ удостоила книгу эту въ одинъ изъ первыхъ Конкурсовъ Демидовской преміи. Но нельзя не замѣтить, что Курсъ этотъ, будучи составленъ подъ вліяніемъ тогдашнихъ иностранныхъ сочиненій, болѣе знакомитъ съ общими законами военнаго дѣла, нежели съ примѣненіемъ ихъ къ Русской арміи; нѣкоторыя мѣста его, касающіяся собственно нашихъ учрежденій, напримѣръ объ иррегулярной кавалеріи, слабы; другія, относящіяся до употребленія войскъ въ бою, отзываются недостаткомъ личнаго опыта въ войнѣ, а слишкомъ многочисленные примѣры, въ подтвержденіе почти каждаго правила, вредятъ цѣлости и послѣдовательности изложенія.

Высшая Тактика Генерала Веймарна, твореніе во многихъ отношеніяхъ превосходное. Авторъ понялъ, что для этой сферы науки могутъ существовать только весьма не многія положительныя, теоретическія правила. Въ предводительствованіи на войнѣ большими массами

войскъ, почти все зависитъ отъ обстоятельствъ, безпрерывно измѣняющихся, отъ умѣнья воспользоваться ими и временемъ, и слѣдовательно отъ генія полководца. По этому авторъ ограничилъ сочиненіе свое нѣсколькими краткими, основными правилами, и объясненіемъ ихъ наиболѣе извѣстными примѣрами. Къ сожалѣнію, книга Генерала Веймарна носитъ на себѣ печать труда скороспѣлаго; за исключеніемъ первыхъ параграфовъ, всѣ остальные суть почти буквальный переводъ изъ сочиненія Жомини: «*Аналитическій обзоръ главнѣйшихъ соображеній военнаго искуства*»; чертежи и планы сраженій, по большей части, не даютъ объ нихъ довольно яснаго понятія, представляя только отдѣльные эпизоды; легенды весьма кратки, а нѣкоторыя даже не вѣрны.

Полковникъ Горемыкинъ, избѣгая по возможности этихъ недостатковъ, избралъ новую систему, не столько въ составѣ своего тактическаго руководства или раздѣленіи его, сколько въ образѣ изложенія и примѣненіи теоріи къ практикѣ. Не позволяя себѣ ни отвлеченныхъ умствованій, ни идей, не утвержденныхъ опытомъ, онъ старался вывести Тактику изъ круга умозрительныхъ, кабинетныхъ наукъ и ввести въ разрядъ общихъ, ясныхъ и приспособленныхъ къ понятіямъ офицера, смотря по раіону его дѣйствія. Для сего, за исключеніемъ положеній, которыя воинскій уставъ нашъ излагаетъ въ видѣ неизмѣнныхъ правилъ, Полковникъ Горемыкинъ въ своемъ руководствѣ устранилъ все, что отзывается рѣшительнымъ поученіемъ для лицъ, на

комъ лежатъ высшія соображенія военнаго дѣла, а всего болѣе трудился надъ развитіемъ того, что должны дѣлать войска и лица, назначенныя къ исполненію означенныхъ соображеній. Вмѣсто догматическихъ указаній въ родѣ уроковъ для Генераловъ и высшихъ начальниковъ, какъ распоряжаться дѣйствіями войскъ, онъ обратилъ вниманіе болѣе на то, какъ должны дѣйствовать войска и ближайшіе начальники, исполняя то или другое распоряженіе; касательно же самыхъ распоряженій, особенно высшихъ, авторъ указалъ только мѣстныя и другія причины, изъ которыхъ они возникаютъ, и которыя приводятъ всякое общее распоряженіе къ какой либо извѣстной формѣ; но къ сему онъ присовокупилъ, что въ приложеніи распоряженіе и формы могутъ безконечно измѣняться по усмотрѣнію главнаго начальника и по обстоятельствамъ, которыя не могутъ подлежать ни какой теоріи.

Принявъ все вышеизложенное за основаніе, Полковникъ Горемыкинъ раздѣлилъ свое Руководство не такъ какъ другіе тактическіе писатели на низшую и высшую, чистую и прикладную, частную и общую Тактику, или на отдѣлы, напримѣръ: изученіе оружія (Waffenlehre), изученіе войскъ (Truppenlehre), изученіе мѣстности (Terrainlehre), изученіе *тактическаго* соединенія войскъ (Verbindungslehre) и пр., а принялъ тотъ естественный порядокъ, въ какомъ военный человѣкъ долженъ на практикѣ знакомиться съ войсками и ихъ употребленіемъ, начиная отъ элементарныхъ подробностей устройства каждаго рода войскъ, и доходя постепенно до

сложныхъ и болѣе обширныхъ дѣйствій цѣлыхъ массъ на полѣ сраженія.

Мы не скажемъ, чтобы это раздѣленіе, эта послѣдовательность въ изложеніи науки была новостью или изобрѣтеніемъ автора, ибо это то же что раздѣленіе Тактики на начальную, прикладную и высшую, принятое въ другихъ *тактическихъ* курсахъ; мы замѣтимъ даже, что слѣдуя вышеупомянутому мнѣнію Полковника Горемыкина о необходимости выводить изъ законовъ Тактики постановленія воинскихъ уставовъ, остались бы для составленія чисто тактическаго руководства только двѣ части: начальная и высшая; но мы не можемъ не отдать полной справедливости и искренней похвалы какъ выбору именно этого раздѣленія, такъ и порядку и искуству, съ которыми ведется Руководство отъ первыхъ началъ до конца и показаны: сложность механизма арміи, приготовительная ея дѣятельность въ мирное время, и потомъ переходъ къ соображеніямъ чисто военнымъ.

«Обыкновенно», говоритъ авторъ, «первоначальное образованіе войскъ идетъ въ каждомъ ихъ родѣ отдѣльно: они пріучаются къ владѣнію оружіемъ, къ построеніямъ и къ употребленію усвоенныхъ имъ средствъ для пораженія непріятеля, что опредѣляетъ и основный механизмъ дѣйствія ихъ въ бою. Потомъ обученіе производится большими частями изъ двухъ или трехъ родовъ войскъ для показанія основной между ними связи и общихъ, такъ сказать, пріемовъ совокупнаго дѣйствія. Все это исполняется на учебномъ полѣ, не принимая въ

соображеніе ни мѣстности, ни другихъ обстоятельствъ, дабы, не развлекая войска предметами высшими, прочнѣе укоренить въ нихъ основныя начала боеваго образованія. Въ курсѣ это можетъ быть соединено въ одну часть, въ которую будутъ собраны всѣ элементарныя основанія, относящіяся къ разнымъ родамъ войскъ, отдѣльно и въ совокупности. Это составитъ не что иное, какъ тактическое развитіе уставовъ, съ необходимыми истолкованіями, которыя, показывая цѣль и значеніе каждаго правила, служатъ приготовленіемъ къ примѣненію учебныхъ руководствъ къ практикѣ.»

«Потомъ дальнѣйшее обученіе войскъ производится на мѣстности разнаго рода, въ которой они пріучаются примѣнять основныя правила строя, движеній и дѣйствій. Наученіемъ въ подробности этого главнаго обстоятельства, отъ котораго такъ много зависятъ всѣ боевыя соображенія, пріобрѣтаются тѣ практическія идеи, та снаровка соображеній, которая необходима каждому начальнику, въ частномъ кругу его дѣйствій, для безошибочнаго исполненія общихъ предначертаній. Все это, составляя въ порядкѣ обученія войскъ предметъ частныхъ и общихъ маневровъ, можетъ составить въ курсѣ Тактики особую часть, въ которой разсматривается мѣстность въ тактическомъ отношеніи, во всѣхъ подробностяхъ и приспособленіе къ ней всѣхъ тактическихъ распоряженій.»

«За тѣмъ только войска, хорошо устроенныя и практически образованныя, могутъ быть съ успѣхомъ употреблены на самомъ дѣлѣ. Тутъ для каждаго предна-

чертанія начальникъ принимаетъ въ соображеніе въ совокупности всѣ обстоятельства, имѣющія вліяніе на дѣйствія, не входя въ подробности, которыя должны быть извѣстны тѣмъ, на комъ лежитъ исполненіе. По этому и въ наукѣ Тактики въ особую часть могутъ быть соединены тѣ общія мысли, правила и соображенія, которыя, составляя результатъ и высшее развитіе первоначальныхъ свѣдѣній, служатъ уже указаніемъ для настоящаго употребленія войскъ въ большихъ или меньшихъ массахъ, и которыя должны быть разсматриваемы въ общей связи, не прерываемой элементарными подробностями.» Рецензентъ присовокупляетъ:

Прекрасно, логически справедливо обдумано и изложено.

Наконецъ, разобравъ въ подробности всѣ отдѣлы сего Руководства, рецензентъ выводитъ заключеніе, что оно превосходитъ всѣ существующія у насъ сочиненія по этой части въ томъ особенно отношеніи, что оно примѣнено именно къ нашему отечеству, къ нашей арміи и духу Русскаго народа, и слѣдовательно есть такое твореніе, которое, будучи распространено между военными, принесетъ безчисленные плоды образованіемъ достойныхъ офицеровъ. По сему то уваженію онъ необинуясь признаетъ справедливымъ сочиненіе это удостоить полной Демидовской преміи.

II.

Теорія капиллярныхъ явленій. Разсужденіе Давидова. (Рукопись.) *Рецензіи Академиковъ Остроградскаго и Ленца.*

Г. Давидовъ начинаетъ свое разсужденіе съ историческаго обозрѣнія теоріи капиллярныхъ явленій, онъ приводитъ первые попытки на семъ поприщѣ Даніила Бернулли, и упоминаетъ о трудахъ Клеро и Сегнера. Послѣдній изъ нихъ хотя нѣсколько и забытъ, но судя по изложенію Г-на Давидова, труды его конечно достойны памяти. За симъ авторъ нашъ приводитъ опыты Юнга надъ сцѣпленіемъ жидкихъ тѣлъ, трудъ, который въ высшей мѣрѣ обратилъ бы на себя вниманіе ученаго свѣта, если бъ вскорѣ за нимъ не послѣдовали безсмертныя изслѣдованія о семъ же предметѣ автора Небесной Механики. Съ появленія сихъ послѣднихъ, въ 1806 году, слѣдуетъ собственно считать начало Теоріи дѣйствія капиллярности, которая въ послѣдствіи усовершенствована еще самимъ Лапласомъ, а потомъ Гауссомъ и Пуассономъ. Въ ней преимущественно недоставало, при первомъ ея появленіи, строгаго доказательства постоянства угла, подъ которымъ капиллярная поверхность пересѣкаетъ стѣны трубки заключающей въ себѣ жидкость. Лапласъ устранилъ съ легкостію другія менѣе важныя несовершенства созданной имъ теоріи, но старанія его относительно упомянутаго нами угла остались безуспѣшными. Не прежде 1840 года, знаменитому Геттингенскому Геометру удалось, помощію

начала моментовъ, пополнить сей важный пробѣлъ въ теоріи капиллярности. Послѣ Гаусса и Пуассона, посвятившаго сему предмету цѣлый томъ изслѣдованій, Г. Давидовъ первый излагаетъ явленія капиллярности въ той подробности и съ тою отчетливостію, которыхъ требуетъ важность предмета. Онъ основываетъ свои изысканія, какъ и Гауссъ, на началѣ моментовъ, но принимаетъ вмѣстѣ въ соображеніе быстрое измѣненіе плотности близъ поверхности жидкости, на которое знаменитый его предшественникъ не обратилъ вниманія. Дабы упростить изложеніе, Г. Давидовъ слѣдуетъ методѣ Гаусса и вводя въ свой анализъ не подверженное никакому сомнѣнію измѣненіе плотности, не упускаетъ изъ виду ни малѣйшаго физическаго обстоятельства, существенно до задачи относящагося. Выкладки его, основанныя на общей теоріи равновѣсія жидкихъ тѣлъ, вообще вѣрны и изложены съ надлежащимъ знаніемъ дѣла, въ строгой послѣдовательности; онѣ приспособлены къ многимъ, удачно подобраннымъ примѣрамъ. Многочисленными замѣчаніями перваго изъ поименованныхъ нами рецензентовъ, Акад. Остроградскаго, на поляхъ рукописи, авторъ безъ сомнѣнія воспользуется для придачи творенію своему высшаго достоинства при изданіи его въ свѣтъ. Послѣдняя часть труда Г-на Давидова содержитъ попытку для опредѣленія закона дѣйствія молекулярныхъ силъ. Здѣсь, по мнѣнію рецензента, анализъ Г-на Давидова, какъ равно и предположенія, на которыхъ онъ основанъ, могутъ быть оспориваемы. Впрочемъ нашъ Геометръ отнюдь не

охуждаетъ и этой части труда, онъ напротивъ того видитъ въ ней первый опытъ къ изслѣдованію труднаго и важнаго вопроса въ наукѣ, опытъ, который, можетъ быть, послужитъ поводомъ къ разысканіямъ болѣе удачнымъ.

Академикъ Ленцъ разсматривавшій экспериментальную часть сочиненія Г-на Давидова, нашелъ въ ней тщательно и критически составленный сводъ всего того, что по сей части Физики извѣстно изъ наблюденій. Авторъ вполнѣ умѣлъ оцѣнить и выбрать тѣ именно экспериментальныя данныя, которыя преимущественно пригодны для основанія на нихъ прочной теоріи, и устранить тѣ, которыя по несовершенству методъ наблюденій не должны войти въ соображеніе. Слѣдовательно и въ сей части труда, не содержащей впрочемъ собственныхъ изслѣдованій автора, наука все таки обязана ему умно и отчетливо составленнымъ полнымъ собраніемъ всѣхъ сюда относящихся опытовъ и фактовъ, могущихъ служить для испытанія вѣрности теоріи. Оба рецензента признали трудъ сей достойнымъ вниманія Академіи и заслуживающимъ второстепенную премію и пособіе на изданіе его въ свѣтъ.

III.

1) Грамматика Зырянскаго языка; 2) Зырянско-Русскій и Русско-Зырянскій Словарь. Павла Саввантова. *Рецензія Академика Шёгрена.*

Нынѣшній Конкурсъ особенно богатъ по части Лингвистики нашего отечества, а именно Финской ея

отрасли, мы получили и по этому разряду три замѣчательныя сочиненія, которыя по сему всѣ и были разсмотрѣны нашимъ ветераномъ по этому предмету, Г-мъ Академикомъ Шёгреномъ.

Два изъ нихъ имѣютъ одного и того же автора, природнаго Русскаго, Профессора С. Петербургской Духовной Семинаріи Савваитова и касаются Зырянскаго языка, т. е. 1) Грамматика этого нарѣчія, и 2) Зырянско-Русскій и Русско-Зырянскій Словарь.

Обработка Грамматики Зырянской, по удостовѣренію нашего рецензента, представляла, для Русскаго, необыкновенныя трудности, а именно по причинѣ оригинальнаго, совершенно отличнаго отъ Русскаго, грамматическаго строенія этого языка, какъ и всѣхъ нарѣчій Чудскаго семейства вообще. Но Г-нъ Савваитовъ съ рѣдкою настойчивостью и свѣтливостью съумѣлъ побѣдить всѣ эти трудности.

Много и существенно ему помогли въ этомъ собственные совѣты, намѣки и замѣчанія самаго Г-на Шёгрена. Но если эти указанія, съ такою благородною предупредительностью и истинною любовью къ наукѣ сообщенныя ему нашимъ ученымъ Филологомъ, въ рецензіяхъ на двѣ предшествовавшія редакціи этой же самой Грамматики, можно почесть, такъ сказать, оплодотворенными стихіями труда, то къ чести автора надобно сознаться, что и онъ съ своей стороны съ неменьшею готовностью и рвеніемъ воспользовался наставленіями благонамѣреннаго своего руководителя, и не упустилъ ничего, что могло послужить къ вящшему

усовершенствованію его Грамматики, рѣшившись между прочимъ въ слѣдствіе второй рецензіи Г-на Шёгрена еще разъ посѣтить страну Зырянъ, чтобы на самомъ мѣстѣ глубже изучить свойство ихъ языка во всѣхъ его діалектическихъ оттѣнкахъ, а отъ того то трудъ его и вышелъ по отзыву нашего Сочлена, истинно примѣрнымъ и образцовымъ въ своемъ родѣ.

Онъ раздѣляется на два существенные отдѣла, одинъ грамматическій, а другой христоматическій. Весь матеріалъ первой, собственно грамматической его части, хотя по завѣренію Г-на Шёгрена и обработанъ со всею желательною полнотою и основательностью, а притомъ расположенъ въ весьма удобномъ, строго систематическомъ порядкѣ, однакоже, благодаря сжатости выраженія, занимаетъ вмѣстѣ съ синтаксисомъ не болѣе 120 страницъ печати, качество, дѣлающее эту Грамматику въ особенности годною къ употребленію въ школахъ и для самоученія.

Второй отдѣлъ книги назначенъ служить какъ бы практическимъ поясненіемъ самой Грамматики, съ ближайшею цѣлью ввести учащагося въ особенности двухъ главныхъ нарѣчій Зырянскаго языка, Сысольскаго и Вычегодскаго, на каковой конецъ авторъ придалъ своему труду не большую христоматію, составленную, сверхъ перевода нѣсколькихъ статей священнаго содержанія, еще изъ собранія пословицъ, народныхъ сказаній и пѣсенъ на томъ или другомъ изъ сказанныхъ двухъ нарѣчій.

Что же касается до вышеупомянутаго двойнаго Сло-

варя, приданнаго авторомъ къ его Грамматикѣ и состоящаго изъ 496 страницъ печати, изъ которыхъ 236 посвящены Зырянско-Русской, а 257 Русско-Зырянской его части, то и этотъ трудъ заслуживаетъ живѣйшую нашу благодарность, тѣмъ болѣе, что до него въ печати имѣлись у насъ одни только сборники словъ Зырянскаго языка, и хотя онъ еще далекъ отъ безусловной полноты и совершенства, но и въ настоящемъ своемъ видѣ можетъ служить весьма достаточнымъ пособіемъ и руководствомъ во всякихъ непосредственныхъ сношеніяхъ съ Зырянами.

На основаніи столь одобрительнаго отзыва нашего Сочлена о трудахъ Г-на Саввантова Академія сочла пріятнымъ для себя долгомъ приговорить ему, въ поощреніе къ дальнѣйшимъ усиліямъ на этомъ поприщѣ, второстепенную Демидовскую премію.

IV.

Grammatik der wotjakischen Sprache, von F. J. Wiedemann. (Рукопись). *Рецензія Академика Шёгрена.*

Третье явленіе по разряду Финской Лингвистики въ Конкурсѣ нынѣшняго года есть Грамматика Вотяцкаго языка, составленная Старшимъ Учителемъ Ревельской Гимназіи Г-мъ Видеманномъ на Нѣмецкомъ языкѣ, подъ заглавіемъ: Grammatik der wotjakischen Sprache von F. J. Wiedemann, Oberlehrer der griechischen Sprache zu Reval.

Авторъ уже извѣстенъ ученому свѣту какъ отлич-

ный знатокъ на этомъ полѣ языковѣдѣнія своими Опытами Грамматики Зырянскаго и Черемысскаго языковъ, изъ которыхъ одинъ уже былъ удостоенъ Демидовской награды, а по сему едва ли можно было найти ученаго болѣе способнаго къ обработанію языка Вотяковъ, которые по мѣсту своего жительства составляютъ, какъ извѣстно, среднее звѣно между Зырянами и Черемиссами. И Г-нъ Видеманнъ въ работѣ своей встрѣтилъ не мало, а можетъ быть еще и болѣе трудностей, нежели Г-нъ Савваитовъ, потому что съ одной стороны Вотяки, образуя собою переходъ отъ юговосточнаго къ сѣверовосточному отдѣлу Финскаго племени, были подвержены не одному вліянію Русскому, какъ Зыряне, но подобно Черемиссамъ вмѣстѣ и Турецкому, отчего и переняли въ языкъ свой гораздо болѣе чужаго, нежели Зыряне; а съ другой стороны языкъ Вотяцкій изъ всѣхъ нарѣчій Финскаго корня доселѣ нашелъ себѣ менѣе всѣхъ обработывателей. Все, на чемъ Г-нъ Видеманнъ могъ основать свое зданіе, ограничивалось лишь не многими, и при томъ весьма бѣдными начатками грамматическаго воздѣлыванія нѣкоторыхъ предшественниковъ, немногими отрывками перевода Св. Евангелія на Вотяцкій языкъ и наконецъ изустными сообщеніями не большаго числа Вотяковъ изъ разныхъ странъ.

Само собою разумѣется, что отъ труда, основаннаго на столь скудныхъ данныхъ, нельзя требовать совершенства, но за всѣмъ тѣмъ къ чести автора надобно сказать, что онъ и изъ этихъ тощихъ матеріаловъ умѣлъ извлечь болѣе, нежели можно было ожи-

дать. Грамматика его заключаетъ въ себѣ со включеніемъ словосочиненія и собранія идіотизмовъ 336, а вмѣстѣ съ предисловіемъ и оглавленіемъ 385 страницъ и слѣдовательно по объему своему обширнѣе прежней его Черемисской Грамматики, которая въ рукописи считала только 275 страницъ, а посему 110 страницъ меньше.

Г-нъ Шёгренъ отдаетъ полную справедливость какъ тщательной и осмотрительной обработкѣ всѣхъ частей этой Грамматики, а въ особенности словопроизведенія и синтаксиса, такъ и удобному ея расположенію, въ которомъ авторъ, что и весьма естественно, слѣдовалъ тому же самому порядку, какъ и въ наиболѣе сходной съ нею прежней своей Черемисской Грамматикѣ, и поставляя на видъ, что это есть первый опытъ собственно систематической воздѣлки Вотяцкаго языка, и что выполненіе его, при вышеуказанной чрезвычайной скудости источниковъ, должно было стоить автору огромныхъ трудовъ, легко успѣлъ склонить Академію къ награжденію его постоянныхъ усилій на этомъ трудномъ поприщѣ вторичною поощрительною преміею.

V.

Reise nach dem Nordosten des europäischen Russlands, durch die Tundren der Samojeden zum Arktischen Uralgebirge. 2 Thle. *Рецензіи Гг. Академика Гельмерсена и Д-ра Кастрена.*

И область путешествій по нашему отечеству, уже

нѣсколько лѣтъ сряду доставлявшая лавры состязателямъ Демидовскихъ премій, не осталась въ нынѣшнемъ году въ запущеніи: мы собрали на этомъ, столь близкомъ всякому любителю роднаго, полѣ два новые прекрасные плода, одно описаніе путешествія, а другое ботаническое сочиненіе, бывшее слѣдствіемъ путешествій.

Первое изъ нихъ есть отчетъ извѣстнаго неутомимаго ботаника-путешественника здѣшняго Императорскаго Ботаническаго сада, Г-на Александра Густава Шренка о путешествіи его въ одну часть Россіи, обратившую на себя въ послѣднее время преимущественное вниманіе изслѣдователей, а именно сѣверный Уралъ: Reise nach dem Nordosten des europäischen Russlands durch die Tundren der Samojeden zum arktischen Uralgebirge.

Описаніе этого путешествія, весьма обильнаго плодами въ самыхъ многоразличныхъ отрасляхъ науки было просмотрѣно въ геогностическомъ, географическомъ и естественномъ его содержаніи нашимъ Геогностомъ, Полковникомъ Гельмерсеномъ, а въ этнографическомъ и лингвистическомъ, по предложенію Г-на Шёгрена, недавно возвратившимся изъ тѣхъ же странъ, Г-мъ Кастреномъ.

Прослѣдимъ здѣсь вкратцѣ маршрутъ путешественника. Оставивъ 14 Апрѣля 1837 года берега Невы, Г. Шренкъ сперва чрезъ Архангельскъ и Мезень направился къ Усть-Цыльмѣ на рѣкѣ Печёрѣ, а потомъ перерѣзавъ главную область Самоѣдовъ, такъ называе-

мую Большеземельскую Тундру, въ направленіи къ Хайпудырской губѣ, достигъ того не высокаго кряжа Пайхоя, который въ послѣдствіи былъ ближе развѣданъ Полковникомъ Гофманномъ; за симъ слѣдуя протяженію этого хребта, достигъ Югорскаго пути, посѣтилъ южную оконечность острова Вайгача, а потомъ, пробираясь въ юговосточномъ направленіи вдоль того же самаго кряжа, прибылъ въ страну, гдѣ онъ примыкаетъ къ главному хребту Урала, т. е. къ горѣ Горонагѣ подъ 67°30′ сѣв. ш., послѣ чего Большеземельскою же Тундрою, чрезъ Пустозерскъ, Мезень и Архангельскъ къ 31 Октября возвратился въ здѣшнюю столицу.

При всей краткости этого вояжа, (онъ, какъ мы видѣли, продолжался всего не долѣе 7 мѣсяцевъ,) Г-нъ Шренкъ успѣлъ собрать необыкновенно обильный запасъ наблюденій и извѣстій, и хотя цѣль его путешествія была собственно ботаническая, однако же онъ не менѣе того имѣлъ въ виду и другія отрасли знанія, какъ то Геогнозію, Зоологію, Географію, Метеорологію, Статистику, Лингвистику и Этнографію. Свѣдѣнія эти Г-нъ Шренкъ обработалъ въ двухъ большихъ томахъ, изъ которыхъ первый на 730 страницахъ, сверхъ подробнаго Дневника, путешествія содержитъ въ себѣ отчетъ о сдѣланныхъ на пути наблюденіяхъ и подробныя свѣдѣнія о нынѣшнемъ бытѣ Самоѣдовъ и Зырянъ, о предстоящей имъ по всей вѣроятности въ будущемъ судьбѣ и о разныхъ другихъ предметахъ; а второй, еще недоконченный томъ уже нынѣ на 432 страницахъ заключаетъ въ себѣ 14 отдѣльныхъ статей по части Орогра-

фіи и Геогнозіи, Палеонтологіи, Метеорологіи, Гидрографіи, исторіи путешествій, древностей, языковѣдѣнія, промышленности и. т. д.

Г. Гельмерсенъ, указавъ въ своей рецензіи на то, что сѣверный конецъ Урала и прилежащая къ нему страна Печёры до самаго новѣйшаго времени оставались для науки вовсе неизвѣстнымъ краемъ, называетъ вояжъ туда Г-на Шренка путешествіемъ для открытія; потому что хотя результаты позднѣйшихъ туда поѣздокъ Графа Кейзерлинга и Г-на фонъ Крузенштерна въ 1843, а Полковника Гофмана въ 1848 году и были изданы въ свѣтъ нѣсколько прежде, чѣмъ запоздалый отчетъ Г-на Шренка, однако же у послѣдняго нельзя отнять заслуги, что онъ былъ первый ученый наблюдатель, проникшій въ эти глубоко сѣверныя страны.

Изслѣдованія его пролили много новаго свѣта на нѣкоторые важные вопросы ботанической Географіи, на Геогнозію и Палеонтологію арктическаго Урала, на географическія и гидрографическія отношенія тамошняго края, а равно на торговые пути, состояніе торговли, промышленности и звѣриной ловли въ тѣхъ мѣстахъ. Сверхъ того Г-нъ Шренкъ впервые ознакомилъ насъ съ хребтомъ Пайхой и существенно распространилъ наши познанія объ островѣ Вайгачѣ, о странѣ Самоѣдовъ, а въ особенности о Большеземельской Тундрѣ и не убоялся даже труда углубиться въ исторію сѣверныхъ путешествій вообще, чтобы сдѣлать свою книгу сколько можно болѣе поучительною для читателя.

Не менѣе одобрительно отзывается и Г-нъ Кастренъ

объ этнографической части путешествія Г-на Шренка въ Самоѣдскія Тундры. Бѣглость кратковременнаго его странствія правда не дозволила ему глубже вникнуть въ сокровенную сферу внутренней, духовной жизни народа, но тѣмъ полнѣе и удовлетворительнѣе его поясненія касательно внѣшняго житейскаго быта разныхъ племенъ, съ которыми онъ имѣлъ сношеніе. Привыкши какъ естествоиспытатель микроскопически разсматривать и самыя мелкія составныя части предмета, онъ и какъ описательный этнографъ не даетъ ничему ускользнуть отъ своихъ взоровъ, а напротивъ того изображаетъ все съ крайнею точностью. Этнографическія его описанія многимъ, можетъ быть, покажутся слишкомъ мелочными и не довольно занимательными, но для ученаго они имѣютъ высокую цѣну, именно по причинѣ вѣрности рисовки. Очевидно, что авторъ съ любовью къ дѣлу преслѣдовалъ свою цѣль и хотя мѣстами попадаются у него въ этнологическомъ отдѣлѣ нѣкоторые промахи и поверхностные взгляды на предметъ, но эти недостатки далеко уравновѣшиваются дѣльными и меткими замѣчаніями по этой части.

Одну изъ слабыхъ сторонъ этнографическаго его описанія Г-нъ Кастренъ счелъ долгомъ своимъ повѣрить; это взглядъ автора на взаимное соотношеніе Самоѣдовъ и Ижемскихъ Зырянъ. Вступаясь за послѣднихъ, Г-нъ Кастренъ уличаетъ автора въ явномъ пристрастіи къ первымъ. Ижемскіе Зыряне съ начала до конца описываются у него народомъ упрямымъ, коварнымъ и злонравнымъ, скупымъ и корыстолю-

бивымъ, обвиняются въ убійствѣ, грабежѣ и величайшихъ злодѣяніяхъ, однимъ словомъ на характерѣ ихъ не оставлено ни одного бѣлаго пятна. А между тѣмъ Г-нъ Кастренъ именно у Ижемскихъ Зырянъ нашелъ болѣе благородныхъ, хорошихъ и похвальныхъ качествъ нежели у всѣхъ ихъ сосѣдей и въ особенности хвалитъ ихъ мягкосердечный, кроткій и нѣжный нравъ, въ которомъ свидѣтельствуютъ и самыя ихъ народныя пѣсни. На этомъ-то мягкосердіи основаны и всѣмъ извѣстныя добродушіе и услужливость Зырянъ въ отношеніи ко всякому, кто только приближается къ нимъ съ радушіемъ и довѣрчивостью. Также на счетъ правоты Зырянъ, ихъ вѣрнаго, твердаго и благонадежнаго характера, всѣ отзываются съ величайшею похвалою и самъ Г-нъ Кастренъ имѣлъ случай видѣть несомнѣнныя доказательства этой, можно сказать, врожденной Финскому племени добродѣтели. Правда, Зырянъ можно по справедливости винить въ томъ, что они недозволительными путями присвоиваютъ себѣ оленей Самоѣдовъ, но въ этомъ случаѣ они простерли свое, конечно ничѣмъ не оправдываемое, угнѣтеніе вѣроятно не далѣе, какъ и всякій другой народъ сдѣлалъ бы на ихъ мѣстѣ; а при томъ большинство Зырянъ, какъ въ томъ удостовѣрился самъ Г-нъ Кастренъ въ бытность свою въ Ижемскѣ, не только не одобряетъ этихъ поступковъ небольшаго числа злонамѣренныхъ между ними, но даже готовы были, чтобы положить конецъ угнѣтенію, исключить ихъ изъ своей среды, обстоятельсто, явно доказывающее, что Зыряне, вообще говоря, народъ пра-

ведный и благомыслящій и что неблагонамѣренные принадлежатъ между ними къ числу исключеній. Но авторъ въ своемъ изображеніи Зырянъ именно только и имѣлъ передъ глазами послѣднихъ и увлекшись теплымъ своимъ участіемъ къ Самоѣдамъ, вовсе упустилъ изъ виду многочисленныя добрые качества, украшающія ядро народа Зырянскаго.

Но отвлекая отъ этихъ слабыхъ сторонъ и недоглядокъ, которыя, какъ уже выше было замѣчено, легко извиняются бѣглостью путешествія, обширный трудъ Г-на Шренка, и по части Этнографіи заслуживаетъ всякаго поощренія. А потому, опираясь на благопріятные отзывы обоихъ рецензентовъ, Академія присудила ему второстепенную Демидовскую премію.

VI.

О растительности Приволжскихъ странъ. Первый выпускъ: Флора Сергіевскихъ водъ. Второй выпускъ: Флора колоніи Сарепты. (Рукопись). Проф. Каз. Унив. К. Клауса. *Рецензія Академика Мейера.*

Ботаническій трудъ обязанный какъ мы выше замѣтили, своимъ происхожденіемъ путешествію, есть представленное въ рукописи на Русскомъ и Нѣмецкомъ языкахъ вышепоименованное сочиненіе Г-на Профессора въ Казани Карла Клауса.

Хорошія монографическія описанія растительности отдѣльныхъ мѣстностей обширнаго нашего отечества принадлежатъ у насъ къ самымъ существеннымъ по-

требностямъ по части Ботаники, уже потому, что они проливаютъ наиболѣе свѣта на отличительную характеристику и физіономію каждой страны порознь; но еще въ особенности потому, что изъ такихъ-то частныхъ монографій только и можетъ со временемъ быть достойнымъ образомъ воздвигнуто зданіе Россійской Флоры. А по сему нельзя не встрѣтить съ особеннымъ удовольствіемъ такаго рода работу, которая описываетъ со всею надлежащею тщательностью и полнотою одну изъ занимательнѣйшихъ для Ботаника мѣстностей Россіи, берега Волги.

Для выполненія этого труда никто не могъ имѣть болѣе призванія какъ Г-нъ Профессоръ Клаусъ, который поставивъ себѣ изученіе Приволжской Флоры какъ бы задачею своей жизни, уже въ теченіе многихъ лѣтъ съ особенною любовью и преданностью занимается ея изслѣдованіемъ, и на этотъ конецъ не только самъ предпринималъ многократныя путешествія, какъ то вмѣстѣ съ Гёбелемъ въ Астрахань и къ Каспійскому морю, нѣсколько разъ въ Оренбургъ и къ южному Уралу, а сверхъ того, по обязанности Профессора Ботаники въ Казанскомъ Университетѣ, каждое лѣто посѣщаетъ Приволжскія страны, но и успѣлъ въ разныхъ мѣстахъ склонить опытныхъ собирателей къ содѣйствію его цѣлямъ.

Мы видимъ здѣсь передъ собою только начало предпріятія Г-на Клауса, Флоры Сергіевска и Сарептской колоніи, но уже эти два выпуска, представляя намъ растительность двухъ весьма замѣчательныхъ мѣст-

постей, одной извѣстной своими сѣрными ключами, а другой занимательной по оригинальному своему характеру, заключаютъ въ себѣ ядро полной Флоры всей области между Волгою, Ураломъ и Оренбургомъ, которую авторъ предположилъ себѣ обработать по мѣрѣ силъ и возможности. Къ Флорѣ Сергіевска принадлежатъ 779, а къ Флорѣ Сарепты, во многомъ весьма отличной отъ первой 776 породъ, всего 1555 породъ, и такъ по истинѣ, немаловажное обогащеніе сравнительной Географіи растеній.

Во уваженіе этой заслуги и желая подстрекнуть автора къ скорѣйшему выполненію преднамѣреннаго имъ плана, распространить свои изслѣдованія и на Флоры Астрахани и Каспійскаго моря, а равно Оренбурга и южнаго Урала, Академія поспѣшила увѣнчать трудъ его поощрительною преміею.

VII.

Теорія паровыхъ машинъ, соч. Николая Божерянова. *Рецензія Флигель-Ад. Глазенапа* 1.

Главное изобрѣтеніе нашего вѣка, нашедшее и у насъ столь многоразличныя приложенія въ житейскомъ быту и съ каждымъ годомъ расширяющее кругъ своего дѣйствія, паровая машина не могла не сдѣлаться также предметомъ науки, которая одна только и была въ состояніи умѣрить избытокъ силъ и прихоти этого мощнаго и сподручнаго, но вмѣстѣ съ тѣмъ не менѣе коварнаго и опаснаго атлета-работника въ службѣ человѣка. Теорія паровыхъ машинъ въ нѣсколько десят-

ковъ лѣтъ заняла едва ли не первое мѣсто въ области прикладной Механики. А по сему нельзя не радоваться появленію и у насъ отъ времени до времени дѣльныхъ сочиненій по этой части. Одно изъ таковыхъ, спеціально назначенное служить руководствомъ Инженеръ-Механикамъ, какъ при проектированіи и встрѣчающихся выкладкахъ, такъ и при самомъ построеніи паровыхъ машинъ, принесъ намъ и нынѣшній Конкурсъ, а именно: *Теорію паровыхъ машинъ*, Корпуса корабельныхъ Инженеровъ Капитана *Божерянова*.

Въ какой мѣрѣ это сочиненіе соотвѣтствуетъ вышеуказанной цѣли своей и удовлетворяетъ дѣйствительной у насъ потребности, объ этомъ вѣрно можетъ судить только тотъ, кто во всей точности знаетъ какъ эту самую потребность, такъ и состояніе, въ какомъ именно находится у насъ Практическая Механика. По этому-то мы должны почесть благопріятнымъ обстоятельствомъ, что Членъ Высочайше учрежденнаго при Морскомъ Министерствѣ Комитета по части пароходовъ, Флигель-Адъютантъ Глазенапъ 1-й, столь коротко знакомый съ состояніемъ у насъ всего пароваго механизма и уже извѣстный намъ прежнею своею рецензіею подобнаго же сочиненія, по вызову Академіи принялъ на себя также разсмотрѣніе книги Г-на Божерянова.

Указавъ въ представленной имъ рецензіи сперва на недостатокъ въ нашей литературѣ хорошаго Руководства для изученія Теоріи паровой машины и исчисливъ за тѣмъ подробно всѣ предметы входящіе въ составъ книги Г-на Божерянова, рецензентъ ставитъ ее, какъ

относительно системы и полноты, такъ и правильности изложенія, въ уровень съ лучшими руководствами по сей части.

Первый отдѣлъ предлежащаго тома, посвященный изложенію законовъ теплорода, и произведенія свойствъ водяныхъ паровъ, содержитъ все въ нынѣшнее время объ этомъ предметѣ извѣстное. Вторая часть весьма удовлетворительно и ясно описываетъ паровую машину двойнаго дѣйствія, во всѣхъ ея подробностяхъ; научаетъ правиламъ вычисленія приличныхъ размѣреній для всѣхъ частей машины и даетъ понятіе о движеніи ея составныхъ частей. Третье отдѣленіе наконецъ, впервые знакомитъ Русскихъ читателей съ новѣйшими и вѣрнѣйшими средствами судить о количествѣ полезнаго дѣйствія машины.

Книга Г-на Божерянова написана слогомъ чистымъ, приличнымъ учебной книгѣ. Вездѣ замѣтно особенное стараніе автора избѣгать всякой неясности, и лучше повторить еще разъ сказанное уже прежде, чѣмъ подвергнуть читателя недоразумѣнію.

Число приложенныхъ таблицъ 18; изъ нихъ ни одна не перепечатана просто изъ другаго сочиненія, но нѣкоторыя составлены авторомъ, остальныя же всѣ имъ передѣланы на Русскій вѣсъ и мѣру и термометръ Реомюра. Число чертежей на 18 листахъ весьма значительно; гравированы они вообще отчетливо и хорошо.

VIII.

Исторія Аѳинской Республики, Проф. Мих. Куторги. *Рецензія Проф. Блума.*

Съ каждымъ годомъ, говоритъ Г. Куникъ въ запискѣ своей о сей книгѣ, увеличивается число ученыхъ здѣсь, въ Москвѣ и другихъ городахъ Имперіи, посвящающихъ себя Русской Исторіи. Кромѣ историковъ въ собственномъ смыслѣ, съ нѣкотораго времени стали являться изслѣдователи Исторіи Русскаго права. Свѣдущія лица духовнаго званія обработываютъ въ цѣломъ, или по частямъ, Исторію Русской Церкви. Другія стороны отечественной Исторіи также начинаютъ привлекать къ себѣ вниманіе.

Образованная публика смотритъ на эти труды отнюдь не равнодушно, молодое поколѣніе принимаетъ ихъ съ усердіемъ, которое ручается за будущность Русской Исторіографіи.

Эта дѣятельность на поприщѣ отечественной Исторіи и это участіе публики имѣютъ весьма естественное основаніе. Всякій народъ, коль скоро начинаетъ себя чувствовать, стремится достигнуть яснаго самосознанія; въ своемъ прошедшемъ онъ ищетъ объясненія настоящему и ключь къ своей ближайшей будущности.

Въ Европѣ есть народы, у которыхъ историческая Литература ограничивается ихъ національною Исторіей. Это можно сказать на пр. о Полякахъ, Португальцахъ и другихъ малыхъ народахъ. Никто конечно не назначитъ такой роли Русскому народу, коему Петръ Ве-

весьма естественно. Скорѣе напротивъ того можно упрекнуть автора въ томъ, что онъ изъ обильнаго рудника Германской учености по этой части не извлекъ всѣхъ сокровищъ, которыя она ему предлагала.

Вообще блестящая сторона предлежащей книги заключается не столько въ самостоятельности изысканій, особенно изъ самыхъ источниковъ, сколько въ искусномъ расположеніи и художественной обработкѣ всего предмета. Авторъ представилъ намъ какъ бы въ оживленной картинѣ все значеніе государства, призваннаго въ послѣдствіи времени быть вѣнцемъ Греческаго образованія, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ указалъ его отношеніе къ своей соперницѣ—Спартѣ, и наконецъ отношеніе обоихъ къ общей ихъ противницѣ—Персіи.

Въ заключеніе всего рецензентъ остается въ полномъ убѣжденіи, что разсмотрѣнное имъ сочиненіе есть достопримѣчательное свидѣтельство истинно-историческаго направленія сочинителя и отличается такими достоинствами, которыя заставляютъ желать Русской Литературѣ поболѣе такихъ сочиненій.

IX.

Первые опыты Военной Статистики, Д. Милютина, 2 части съ 3 иллюминованными картами. *Рецензія Проф. Горлова.*

Приведемъ вступленіе рецензента собственными его словами: «Въ недавнее время, говоритъ онъ, статистическія изысканія о предметахъ, входящихъ въ составъ государствъ, или касающихся ихъ дѣятельности, были

производимы съ чрезвычайною подробностію. Это тщательное изученіе извѣстныхъ условій и сторонъ Государственной жизни, доставило такую массу свѣдѣній, проникнутыхъ единствомъ идеи, что оказалась потребность и возможность составлять спеціальные труды, и дѣйствительно стали появляться статистики торговли, сельскаго хозяйства, нравственности и просвѣщенія. Имѣя свой собственный предметъ, они не преслѣдовали однако-же его односторонне и исключительно, а поясняли и дополняли всѣми фактами, которые заимствовали изъ Статистики общей, получившей было энциклопедическій характеръ. Смотря на сочиненіе о Военной Статистикѣ съ этой точки зрѣнія, мы привѣтствуемъ его какъ явленіе, возникшее изъ современныхъ потребностей и имѣющее принести истинную пользу разработкою столь важнаго предмета.»

За симъ Профессоръ Горловъ приступаетъ къ разбору сочиненія, излагая вмѣстѣ съ тѣмъ систему автора и останавливаясь предпочтительно на тѣхъ положеніяхъ, въ которыхъ онъ отступаетъ отъ предшественниковъ своихъ на поприщѣ военной Географіи и Статистики. Весьма естественно что при столь новомъ предметѣ благонамѣренный, но не менѣе того строгій критикъ не могъ согласиться съ авторомъ во многихъ его воззрѣніяхъ и статистическихъ методахъ; въ цѣломъ же онъ отдаетъ полную справедливость разнообразной и основательной учености, здравой критикѣ статистическаго матеріала, искусному выбору фактовъ и истинному литературному дарованію. По этимъ, конечно не-

маловажнымъ достоинствамъ, Академія съ удовольствіемъ присудила Полковнику Милютину, согласно съ мнѣніемъ рецензента его, второстепенную премію.

—

И въ семъ году Академія встрѣтила опять въ посторонних Ученыхъ, къ которымъ она обращалась съ просьбою, раздѣлить съ нею трудъ разсмотрѣнія особенно такихъ сочиненій, которыя выходятъ изъ круга собственныхъ ея занятій, ту же готовность, то же усердіе и умѣніе какъ и въ предшествовавшіе годы. Изъявляя всѣмъ имъ публично признательность свою за содѣйствіе ихъ, она присуждаетъ на сей разъ

Золотыя медали перваго достоинства

Профессору С. Петербургскаго Университета Статскому Совѣтнику Горлову и Профессору Дерптскаго Университета Статскому Совѣтнику Вальтеру.

Втораго достоинства

Доценту Александровскаго Университета въ Гельсингфорсѣ Кастрену и Профессору Дерптскаго Университета Статскому Совѣтнику Блуму.

Представленный Вамъ сей Общій Отчетъ о 19-мъ присужденіи Демидовскихъ премій вмѣстѣ съ рецензіями увѣнчанныхъ сочиненій будетъ изданъ по примѣру прежнихъ лѣтъ особою книгою.

РАЗБОРЪ

сочиненія

Флигель-Адъютанта, Полковника Ѳ. И. ГОРЕМЫКИНА,

подъ заглавіемъ

РУКОВОДСТВО КЪ ИЗУЧЕНІЮ ТАКТИКИ,

въ 3-хъ частяхъ, съ планами и чертежами.

составленный

генералъ-лейтенантомъ

Барономъ ЗЕДДЕЛЕРОМЪ.

Къ числу самыхъ пріятныхъ занятій для стараго воина, ревнителя Русской военной литературы, принадлежитъ безъ сомнѣнія чтеніе, а тѣмъ болѣе разборъ и оцѣнка книги, писанной на отечественномъ языкѣ и содержащей въ себѣ основныя правила ратнаго дѣла. Покорнѣйше благодарю Императорскую Академію Наукъ за доставленіе мнѣ этого наслажденія порученіемъ рецензіи означеннаго сочиненія.

Полковникъ Ѳ. Н. Горемыкинъ, котораго я съ гордостію называю своимъ воспитанникомъ во время занятія мною должности Вице-Директора Императорской Военной Академіи, былъ первымъ воспитанникомъ своего класса, и выпущенъ на службу въ Гвардейскій Генеральный Штабъ. Съ того времени, при исправленіи различныхъ служебныхъ обязанностей по фронту, по дѣламъ Генеральнаго Штаба, по составленію уставовъ полевой и гарнизонной службы и правилъ для дѣйствія войскъ на маневрахъ, а также во время экспедицій въ Кавказскихъ горахъ, онъ не преставалъ стараться объ усовершенствованіи себя въ военныхъ наукахъ; повѣряя

теоретическія познанія практикою, и на дѣлѣ изучая ремесло, избранное имъ по природной склонности. Возвратившись съ Кавказа, украшенный знаками отличія, Ѳ. И. Горемыкинъ былъ назначенъ сперва Помощникомъ Профессора Тактики при Императорской Военной Академіи, Полковника (нынѣ Генералъ-Маіора) Фролова, а послѣ, занявъ его мѣсто, имѣлъ также счастіе преподавать эту науку Ихъ Императорскимъ Высочествамъ Великимъ Князьямъ Николаю и Михаилу Николаевичамъ; наконецъ назначенъ на занимаемое имъ нынѣ почетное мѣсто Дежурнаго Штабъ-Офицера военно-учебныхъ заведеній.

Эти, хотя и краткія, свѣдѣнія о военной и ученой жизни Полковника Горемыкина могутъ служить порукою, что авторъ Руководства къ изученію Тактики соединяетъ въ себѣ теоретическія познанія съ практическими, и сочиненіе его есть плодъ не одной начитанности, но вмѣстѣ собственнаго зрѣлаго размышленія и опыта.

Слово Тактика происходитъ отъ Греческаго τάσσω или τάττω (въ страд. залог. прошл. соверш. врем. въ 3-мъ лицѣ единств. числа τέτακται) устроиваю, въ порядокъ ставлю. Подъ именемъ Тактика древніе Еллины сначала разумѣли искуство располагать войска къ бою; управленіе же ими во время битвы и всѣ военныя дѣйствія они причисляли къ Стратегіи или наукѣ Полководца; что касается набора и устройства, а равно во-

оруженія и содержанія войскъ, то первые два предмета были опредѣляемы самою организаціею государствъ, законами и вѣковыми обычаями, а о двухъ послѣднихъ заботились сами воины. Греческія войска состояли изъ гражданъ, вооружавшихся только на время войны; они раздѣлялись по числу и силѣ родовыхъ поколѣній, а по окончаніи военныхъ дѣйствій возвращались къ своимъ мирнымъ занятіямъ. Въ такихъ войскахъ не могло быть ни элементарнаго систематическаго обученія, ни навыка къ искуснымъ эволюціямъ и маневрамъ, а тѣмъ менѣе къ битвамъ небольшими отдѣленіями, тонкимъ строемъ и въ разсыпную. Отъ этихъ обстоятельствъ Греческая военная система приняла тотъ видъ тѣснаго соединенія всѣхъ частей ея, совокупнаго ихъ дѣйствія и происходящей отъ того непроницаемости и силы при натискѣ и отпорѣ, которыя мы находимъ въ *пургосахъ* Еллиновъ подъ Троею и въ *Фалангахъ* позднѣйшихъ войнъ. И дѣйствительно, для войскъ, наскоро набранныхъ и неопытныхъ, этотъ строй былъ выгоднѣйшимъ въ краткихъ междуусобіяхъ или въ дѣлахъ съ непріятелями, дѣйствовавшими, подобно Персамъ, огромными, но нестройными массами и многочисленною конницею. Если въ послѣдствіе и являлись усовершенствователи Греческаго военнаго искуства, какъ то: Ксенофонтъ, Агезилай, Ификратъ, Филиппъ, Александръ В., то преобразованія ихъ обыкновенно касались только вооруженія и строя фаланги, умноженія легкихъ и учрежденія среднихъ войскъ (Псиловъ, Пельтастовъ), и изобрѣтенія такихъ эволюцій, посредствомъ которыхъ всегда можно

было противопоставить непріятелю остріе фаланги, то есть, первую шеренгу, составленную изъ офицеровъ и лучшихъ ратниковъ (захагосовъ).

Римляне, въ цвѣтущее время ихъ Государства до возникшей между ними страсти подражать Грекамъ, вовсе не знали слова и значенія *Тактики*. Ихъ военное искуство (ars belli), сначала сходствовавшее съ Еллинскимъ, по составу, устройству и вооруженію войскъ, въ послѣдствіе, по причинѣ гористаго положенія странъ, въ которыхъ они вели первыя наступательныя войны, а еще болѣе отъ свирѣпаго мужества и пылкаго характера сего народа, приняло совершенно противный видъ. Неуклюжія и неповоротливыя фаланги уступили мѣсто построеніямъ: Квинкуціяльному, Манипулярному и Когортному, условіями которыхъ были возможная гибкость и движимость войскъ, способность дѣйствовать на всякой мѣстности и во всякомъ строю, и рѣшать сраженіе личною неустрашимостію въ рукопашномъ бою; мечи и короткія копья замѣнили длинныя сарысы; главнѣйшею же заботою полководца и войска было поскорѣе встрѣтиться и сразиться съ непріятелемъ.

Такъ какъ по образу воспитанія Римскихъ гражданъ и по раннему обученію ихъ на Марсовыхъ поляхъ владѣть оружіемъ, маршировкѣ, ношенію тяжестей и пр. Римскіе рекруты (Tirones), при поступленіи на службу, были уже готовыми воинами, а образъ строя манипуловъ, легіоновъ и арміи, съ немногими исключеніями, оставался всегда одинъ и тотъ же; то мало встрѣчалось надобности въ особыхъ правилахъ начальной Так-

тики; прикладную же и высшую Тактику Римляне предоставляли генію и опытности своихъ полководцевъ.

Не стоитъ говорить о ратномъ дѣлѣ варварскихъ народовъ, разрушившихъ Римскую Имперію. У нихъ войны рѣшались не искуствомъ, а превосходствомъ числа и дикою храбростью. Еще менѣе вниманія заслуживаетъ военное искуство въ продолженіи среднихъ вѣковъ. Цѣль этого искуства заключается въ сформированіи, обученіи и употребленіи въ дѣло правильно устроенныхъ войскъ, а такихъ войскъ въ феодальныя времена не было; участь битвъ зависѣла отъ отваги и личной неустрашимости одиночныхъ людей (рыцарей), отъ тѣлесной ихъ силы и умѣнья владѣть оружіемъ.

Первые слѣды возрожденія Тактики, въ нынѣшнемъ значеніи сего слова, мы находимъ въ учрежденіи и образѣ дѣйствій Нѣмецкихъ Ландскнехтовъ и Рейтаровъ и въ современныхъ съ ними сочиненіяхъ Лудовика XI (Le rosier de la guerre) Маніавелли, и особенно въ уставахъ Георга фонъ Фрунсберга и Карла V. Но тогда наука эта была еще въ младенчествѣ. Дружины Ландскнехтовъ мало отличались военнымъ порядкомъ, послушаніемъ и систематическимъ обученіемъ, необходимыми основами Тактики.

Тоже самое было при первоначальномъ введеніи огнестрѣльнаго оружія: войска по прежнему буйствовали, битвы состояли въ столкновеніи массъ, въ гарцованіи конницы и въ безчисленныхъ поединкахъ, съ тою лишь разницею, что мушкетами и бомбардами мало по малу замѣнено холодное оружіе.

Наконецъ настали войны за освобожденіе Нидерландовъ отъ Испанскаго владычества и Тридцатилѣтняя; явились Морицъ Оранскій, Роганъ, Густавъ-Адольфъ и другіе великіе полководцы, преобразовавшіе военное искуство. Они, изслѣдовавъ состояніе его у Грековъ и Римлянъ, и приспособивъ къ своимъ войскамъ, были истинными основателями нынѣшней Тактики. Войска учреждены постоянныя, и слѣдовательно были лучше обучены; огнестрѣльное оружіе, почти совершенно вытѣснивъ холодное, положило конецъ первенству тяжелой рыцарской конницы; артиллерія была умножена и облегчена, а смертоносное ея дѣйствіе принудило глубокое и сомкнутое устроеніе войскъ въ терціяхъ замѣнить расположеніемъ его въ тонкихъ линіяхъ съ резервомъ; сила полковъ была убавлена и оттого они получали болѣе движимости и способности къ маневрированію; иногда замѣтны были даже искусные боевые порядки, движенія въ продолженіе битвъ и правильное взаимное отношеніе и поддержаніе различныхъ родовъ войскъ. Такимъ образомъ являются всѣ элементы начальной, средней (прикладной), а частію и высшей Тактики; но элементы эти существовали болѣе въ практикѣ, нежели въ теоріи, ибо въ то время мало писали и читали.

Но вотъ наступаютъ многочисленныя войны вѣка Лудовика XIV; за ними слѣдуютъ Силезскія, Семилѣтняя и Революціонныя; вотъ быстрое всеобщее распространеніе просвѣщенія и учености обнимаетъ и военное званіе; вотъ являются Фоларъ, Маршалъ де Саксъ, Фридрихъ Великій, Лойдъ, Жомини, Эрцгерцогъ Карлъ,

Клаузевицъ и другіе второ- и третьеклассные военные писатели. Что прежде было дѣломъ навыка и опытности, становится дѣломъ глубокихъ изслѣдованій, разсужденій, контроверсовъ; рождаются, вводятся и преобразовываются теоретическія правила для всѣхъ отраслей военнаго искуства, возникаютъ различныя системы, замысловатыя, педантическія и дѣльныя и исчезаютъ предъ системами Фридриха В. и Наполеона, творцевъ нынѣшняго совершенства военнаго дѣла. Тактическія и стратегическія сочиненія выходятъ безпрерывно; военное искуство становится наукою трудною, сложною, иногда сбивчивою, но необходимою потому, что уже не одни таланты полководцевъ, не одно мужество или превосходство числа войскъ, но также болѣе или менѣе хорошая ихъ организація и обученіе, бо́льшая или меньшая образованность генераловъ и офицеровъ, наконецъ бо́льшее или меньшее превосходство принятыхъ военныхъ системъ рѣшаетъ судьбу войнъ, а слѣдовательно и государствъ. Теперь преподаваніе Тактики занимаетъ первое мѣсто во всѣхъ военно-учебныхъ заведеніяхъ; курсъ Тактики есть, или долженъ бы быть, настольною книгою у каждаго образованнаго офицера; объ ней толкуютъ знатоки и невѣжды, и тактическія сочиненія — мы говоримъ объ иностранныхъ — составляютъ цѣлыя библіотеки.

Не будемъ теперь разсуждать, какую пользу принесло это перенесеніе военнаго искуства въ сферу догматики; не будемъ разбирать споры о ея необходимости, объ опредѣленіи слова *Тактика*, о раздѣленіи ея

на части и проч.; обо всемъ этомъ говорено, даже въ изобилиствѣ, въ каждомъ тактическомъ сочиненіи; скажемъ только, что ни одно изъ нихъ не понравилось намъ такъ, какъ Руководство Ѳ. И. Горемыкина.

Кто прочтетъ мастерски написанное его предисловіе, вникнетъ въ духъ и систему этого творенія, тотъ убѣдится, что Тактика есть наука, необходимая для каждаго образованнаго воина и не можетъ быть дѣломъ одного навыка и опытности; но что изъ законовъ ея не должно выводить практическія положенія, которыя воинскіе уставы излагаютъ въ видѣ неизмѣнныхъ правилъ; что должно очистить науку отъ пустыхъ догматическихъ, математическихъ, философическихъ и другихъ умствованій, ограничивъ ее данностями очевидными, свѣдѣніями, мыслями и правилами простыми и неопровергаемыми; наконецъ, примѣненіе науки къ дѣлу, по своей многосложности и безчисленности опредѣлить только въ главныхъ очеркахъ и потомъ предоставить усмотрѣнію и опытности каждаго, на комъ лежитъ обязанность командовать значительными массами войскъ.

Мы отъ души и радостно привѣтствуемъ этотъ взглядъ на Тактику; мы находимъ въ немъ подтвержденіе того, что мы говорили выше о состояніи военнаго искуства у первыхъ учителей нашихъ въ ратномъ дѣлѣ, Грековъ и Римлянъ, и тѣмъ охотнѣе раздѣляемъ мнѣніе автора, что всегда твердили о необходимости основывать преподаваніе военныхъ наукъ на началахъ простыхъ, ясныхъ, всѣмъ доступныхъ, и предоставить высшія сферы этихъ наукъ собственнымъ трудамъ и генію тѣхъ,

кто желаетъ или обязанъ усовершенствоваться въ нихъ, предлагая ему въ курсахъ руководство краткое, почерпнутое изъ Исторіи.

Богомъ благословенная Россія, поступивъ позже другихъ государствъ Европы въ рядъ, такъ называемыхъ, цивилизированныхъ народовъ, къ счастію своему сохранила свою самостоятельную народность. Перенимая отъ своихъ сосѣдовъ то, что могло подвинуть ее на пути просвѣщенія и упроченія внутренняго благоустройства и внѣшняго могущества, она не сдѣлалась слѣпою подражательницею всего иностраннаго, а если иногда и была принуждена принять его въ свой бытъ, то умѣла передѣлать на свой ладъ, оживить его Русскимъ духомъ. Благодаря этой народности и кореннымъ добродѣтелямъ Русскаго народа, благочестію, преданности къ Царю и послушанію, Держава НИКОЛАЯ стоитъ нынѣ твердая, величавая, спокойная посреди общаго волненія, разстройства и разврата, непоколебимая скала въ разъяренномъ морѣ, вѣрная подпора разрушающихся алтарей и престоловъ.

Равно отрадное явленіе представляетъ намъ состояніе Русскаго войска и военнаго искуства. Наша армія, не уступающая иностраннымъ въ устройствѣ и доведеніи ея физическихъ, матеріальныхъ и умственныхъ элементовъ до рѣдкаго совершенства, далеко превосходитъ ихъ моральными достоинствами: безусловнымъ повиновеніемъ начальству, радостнымъ перенесеніемъ всѣхъ

трудовъ и лишеній военной жизни, бодрою твердостію въ неудачахъ и умѣренностію въ счастіи. Эти добродѣтели суть также черты народнаго Русскаго характера, геніемъ безсмертнаго преобразователя Россіи, стараніемъ его сподвижниковъ, героевъ Екатеринина вѣка и въ царствованіе АЛЕКСАНДРА и НИКОЛАЯ сохраненныя, развитыя, увѣковѣченныя въ нашей арміи. Имъ то, и природному отвращенію Русскихъ отъ безполезныхъ мелочей и умозрительныхъ умствованій мы обязаны тѣмъ, что въ нашихъ войскахъ уцѣлѣли, вмѣстѣ съ порядкомъ и подчиненностію, Русскія начала, Русскіе обычаи и оригинальность; что при быстромъ усовершенствованіи нашего военнаго искуства и распространеніи образованности, мы были спасены отъ столь важнаго нѣкогда, плацпарадного педантизма и отъ потока стратегическихъ, тактическихъ, военно-административныхъ и другихъ подобныхъ сочиненій, наводнившихъ въ послѣднее время и еще наводняющихъ западную Европу.

Съ другой стороны эти же обстоятельства, эта самая народность до крайности затрудняли полное перенесеніе иностранныхъ системъ веденія войны въ нашу и составленіе тактическаго курса, соотвѣтствующаго духу и потребностямъ нашихъ войскъ; ибо для сего необходимо предварительно изучить ихъ, усвоить себѣ ихъ свойство и оригинальность. Объяснимъ это примѣромъ. Всѣ иностранные тактическіе писатели твердятъ, что при атакѣ полевыхъ укрѣпленій — не говоря о дѣйствіи артиллеріи — должно выслать впередъ застрѣльщиковъ, которые мѣткимъ огнемъ должны прогнать за-

щитниковъ вала; за застрѣльщиками идутъ колонны, имѣя въ головѣ охотниковъ и людей, носящихъ фашины, лѣстницы и проч., онѣ приближаются къ укрѣпленію, сколько можно, по капитальной линіи, пользуясь всѣми встрѣчающимися возвышенностями, углубленіями и другими мѣстными прикрытіями, дабы менѣе терпѣть отъ огня непріятельскихъ орудій и т. д. Кто захочетъ подобнымъ медленнымъ образомъ взять укрѣпленіе съ Русскимъ войскомъ, тотъ навѣрное не возьметъ его. Русскій военачальникъ ведетъ колонны прямо на непріятельскій шанецъ; ободряетъ людей предъ самымъ начатіемъ штурма нѣсколькими пламенными словами; осѣняетъ себя знаменіемъ Святаго креста; потомъ «Ура!» и шанецъ взятъ. Фашинъ, туръ, лѣстницъ тутъ не нужно; молодцы наши побросали бы ихъ на пути; они руками вырвутъ палисады, по плечамъ товарищей и ружьямъ, штыками воткнутымъ въ эскарпъ, взлетятъ на валъ и водрузятъ на немъ Русское знамя. Равнымъ образомъ иностранные Тактики говорятъ о вѣроятной гибели войскъ, обойденныхъ съ фланговъ и тыла и отрѣзанныхъ отъ пути отступленія; Милорадовичъ въ Италіи, Багратіонъ при Голлабрунѣ, Горчаковъ при Фридландѣ и проч. и проч. доказали противное; а походъ Суворова въ Швейцарію и битвы на Кавказѣ не имѣютъ ничего общаго съ правилами горной войны Клаузевица и другихъ тактическихъ авторовъ.

Это доводитъ насъ къ второму, величайшему достоинству Руководства Ѳ. И. Горемыкина. Оно написано Русскимъ воиномъ для Русскаго войска; съ полнымъ

знаніемъ дѣла; съ примѣненіемъ иностраннаго къ нашей народности, съ устраненіемъ отвлеченныхъ истинъ, формулъ и гипотезъ. Правила начальной (элементарной, чистой) Тактики перенесены въ Руководство изъ нашихъ воинскихъ уставовъ и постановленій; назначеніе, составъ, вооруженіе, одежда, строй различныхъ родовъ войска, и средства ихъ къ пораженію непріятеля, почерпнуты изъ нашего быта; принадлежащія исключительно нашей арміи, иррегулярныя войска; описаны превосходно; примѣры частныхъ военныхъ случаевъ, дѣлъ, сраженій, взяты преимущественно изъ нашей военной Исторіи.

Если взглянуть на каталогъ Русскихъ тактическихъ сочиненій, то окажется, что до основанія Императорской Военной Академіи у насъ не было ни одного тактическаго учебника. Военные люди довольствовались сочиненіями и переводами иностранныхъ писателей; *Декера*, *Бисмарка*, *Монгаунта*, *Терно*, *Рокаикура*, *Жакино де Проля* и др. Кромѣ того, что эти руководства не всѣмъ были доступны, они имѣли характеръ болѣе умозрительный, нежели практическій, и мало приносили пользы Русскому офицеру. Сочиненія Нѣмецкія загромождены множествомъ элементарныхъ подробностей, произвольныхъ теоретическихъ умствованій, и вовсе не примѣняются ни къ состоянію нашихъ войскъ, ни къ опытамъ послѣднихъ временъ. Тактики Французскія отзываются хвастливостію и многословіемъ; авторы ихъ

брали за основаніе одни Французскія войска, принимали за законы только Французскія идеи, за образецъ только Французскія дѣйствія; все же прочее отвергали или порицали съ самоувѣренностію, въ военномъ дѣлѣ рѣшительно неумѣстною. Сочиненія нашихъ Генераловъ Жомини и Окунева, написанныя на Французскомъ языкѣ, также, во многихъ отношеніяхъ, неудовлетворяли настоящей потребности. Вообще, въ большей части этихъ сочиненій разбирается предпочтительно какая нибудь одна часть Тактики, о прочихъ или умолчано или сказано поверхностно; къ нимъ не приложено достаточно полныхъ объяснительныхъ плановъ. Неудобство это скорѣе можетъ быть не замѣтно въ иностранныхъ земляхъ, гдѣ читатель можетъ пользоваться планами изъ другихъ источниковъ; но у насъ, при совершенномъ недостаткѣ постороннихъ этого рода пособій, такая неудовлетворительность тактическихъ сочиненій невольно бросается въ глаза.

Военной Академіи и ея первому Профессору Тактики, Генералу Барону Медему, суждено было начать новую эпоху въ Исторіи нашего военно-ученаго образованія, изданіемъ въ 1837—1838 годахъ, *Курса чистой и прикладной Тактики*, въ 2 частяхъ, а бывшій Адъютантъ его, въ послѣдствіи также Профессоръ Академіи, военный Генералъ-Адъютантъ И. Ѳ. Веймарнъ, напечаталъ въ 1839 году *Высшую Тактику*, 1 часть. Такимъ образомъ наша военная литература получила первое полное, написанное по Русски руководство къ Тактикѣ. Курсъ Барона Медема, изданный не столько

для практическаго примѣненія, сколько для удовлетворенія потребностямъ классного преподаванія, которое, по новости его, надобно было создавать, давно уже оцѣненъ по несомнѣнному его достоинству; вышелъ нѣсколькими изданіями, принятъ руководствомъ для преподаванія Тактики въ военно-учебныхъ заведеніяхъ и принесъ очевидную пользу. Но нельзя не замѣтить, что Курсъ этотъ, будучи составленъ подъ вліяніемъ тогдашнихъ иностранныхъ сочиненій, болѣе знакомитъ съ общими законами военнаго дѣла, нежели съ примѣненіемъ ихъ къ Русской арміи; нѣкоторыя мѣста его, касающіяся собственно нашихъ учрежденій, напримѣръ объ иррегулярной кавалеріи, слабы; другія, относящіяся до употребленія войскъ въ бою, отзываются недостаткомъ личнаго опыта въ войнѣ, а слишкомъ многочисленные примѣры, въ подтвержденіе почти каждаго правила, вредятъ цѣлости и послѣдовательности изложенія.

Высшая Тактика Генерала Вейгарта, твореніе во многихъ отношеніяхъ превосходное. Авторъ понялъ, что для этой сферы науки могутъ существовать только весьма не многія положительныя, теоретическія правила. Въ предводительствованіи на войнѣ большими массами войскъ, почти все зависитъ отъ обстоятельствъ, безпрерывно измѣняющихся, отъ умѣнья воспользоваться ими и временемъ, и слѣдовательно отъ генія полководца. По этому авторъ ограничилъ сочиненіе свое нѣсколькими краткими, основными правилами, и объясненіемъ ихъ наиболѣе извѣстными примѣрами. Къ со-

жалѣнію, книга Генерала Вейнарна носитъ на себѣ печать труда спорослѣпаго, за исключеніемъ первыхъ параграфовъ, всѣ остальные суть почти буквальный переводъ изъ сочиненія Жомини: *«Аналитическій обзоръ главнѣйшихъ соображеній военнаго искусства»*; чертежи и планы сраженій, по большей части, не даютъ объ нихъ довольно яснаго понятія, представляя только отдѣльные эпизоды; легенды весьма кратки, а нѣкоторыя даже не вѣрны.

Полковникъ Горемыкинъ, избѣгая по возможности этихъ недостатковъ, избралъ новую систему, не столько въ постановкѣ своего тактическаго руководства или раздѣленіи его, сколько въ образѣ изложенія и пріемѣ теоріи въ практикѣ. Не позволяя себѣ ни отвлеченныхъ умствованій, ни идей, не утвержденныхъ опытомъ, онъ старался вывести Тактику изъ круга умозрительныхъ, кабинетныхъ наукъ и ввести въ разрядъ общихъ, ясныхъ и приспособленныхъ къ понятіямъ офицера, смотря по раіону его дѣйствія. Для сего, за исключеніемъ положеній, которыя военный уставъ нашъ излагаетъ въ видѣ неизмѣнныхъ правилъ, Полковникъ Горемыкинъ въ своемъ руководствѣ устранилъ все, что отзывается рѣшительнымъ поученіемъ для лицъ, на коихъ лежатъ высшія соображенія военнаго дѣла, а всего болѣе трудился надъ развитіемъ того, что должны дѣлать войска и лица, назначенныя къ исполненію означенныхъ соображеній. Вмѣсто догматическихъ указаній въ родѣ уроковъ для Генераловъ и высшихъ начальниковъ, какъ распоряжаться дѣйствіями войскъ, онъ

обратилъ вниманіе болѣе на то, какъ должны дѣйствовать войска и ближайшіе начальники, исполняя то или другое распоряженіе; касательно же самыхъ распоряженій, особенно высшихъ, авторъ указалъ только мѣстныя и другія причины, изъ которыхъ они возникаютъ, и которыя приводятъ всякое общее распоряженіе къ какой либо извѣстной формѣ; но къ сему онъ присовокупилъ, что въ приложеніи распоряженіе и формы могутъ безконечно измѣняться по усмотрѣнію главнаго начальника и по обстоятельствамъ, которыя не могутъ подлежать ни какой теоріи.

Принявъ все вышеизложенное за основаніе, Полковникъ Горемыкинъ раздѣлилъ свое Руководство не такъ какъ другіе тактическіе писатели на низшую и высшую, частную и прикладную, частную и общую Тактику, или на отдѣлы, напримѣръ: изученіе оружія (Waffenlehre), изученіе войскъ (Truppenlehre), изученіе мѣстности (Terrainlehre), изученіе *тактическаго* соединенія войскъ (Verbindungslehre) и пр., а принялъ тотъ естественный порядокъ, въ какомъ военный человѣкъ долженъ на практикѣ знакомиться съ войсками и ихъ употребленіемъ, начиная отъ элементарныхъ подробностей устройства каждаго рода войскъ, и доходя постепенно до сложныхъ и болѣе обширныхъ дѣйствій цѣлыхъ массъ на полѣ сраженія.

Мы не скажемъ, чтобы это раздѣленіе, эта послѣдовательность въ изложеніи науки была новостью или изобрѣтеніемъ автора, ибо это то же что раздѣленіе Тактики на начальную, прикладную и высшую, прини-

тое въ другихъ *тактическихъ* курсахъ; мы замѣтимъ даже, что слѣдуя вышеупомянутому мнѣнію Полковника Горемыкина о необходимости выключить изъ законовъ Тактики постановленія воинскихъ уставовъ, остались бы для составленія чисто тактическаго руководства только двѣ части: начальная и высшая; но мы не можемъ не отдать полной справедливости и искренней похвалы какъ выбору именно этого раздѣленія, такъ и порядку и искуству, съ которыми ведется Руководство отъ первыхъ началъ до конца и показаны: сложность механизма арміи, приготовительная ея дѣятельность въ мирное время, и потомъ переходъ къ соображеніямъ чисто военнымъ.

«Обыкновенно», говоритъ авторъ, «первоначальное образованіе войскъ идетъ въ каждомъ ихъ родѣ отдѣльно: они пріучаются къ владѣнію оружіемъ, къ построеніямъ и къ употребленію усвоенныхъ имъ средствъ для пораженія непріятеля, что опредѣляетъ и основный механизмъ дѣйствія ихъ въ бою. Потомъ обученіе производится большими частями изъ двухъ или трехъ родовъ войскъ для показанія основной между ними связи и общихъ, такъ сказать, пріемовъ совокупнаго дѣйствія. Все это исполняется на учебномъ полѣ, не принимая въ соображеніе ни мѣстности, ни другихъ обстоятельствъ, дабы, не развлекая войска предметами высшими, прочнѣе укоренить въ нихъ основныя начала боеваго образованія. Въ курсѣ это можетъ быть соединено въ одну часть, въ которую будутъ собраны всѣ элементарныя основанія, относящіяся къ разнымъ родамъ войскъ, от-

дѣльно и въ совокупности. Это составитъ не что иное, какъ тактическое развитіе уставовъ, съ необходимыми истолкованіями, которыя, показывая цѣль и значеніе каждаго правила, служатъ приготовленіемъ къ примѣненію учебныхъ руководствъ къ практикѣ.»

«Потомъ дальнѣйшее обученіе войскъ производится на мѣстности разнаго рода, къ которой они пріучаются примѣнять основныя правила строя, движеній и дѣйствій. Наученіемъ въ подробности этого главнаго обстоятельства, отъ котораго такъ много зависятъ всѣ боевыя соображенія, пріобрѣтаются тѣ практическія идеи, та сноровка соображеній, которая необходима каждому начальнику, въ частномъ кругу его дѣйствій, для безошибочнаго исполненія общихъ предначертаній. Все это, составляя въ порядкѣ обученія войскъ предметъ частныхъ и общихъ маневровъ, можетъ составить въ курсѣ Тактики особую часть, въ которой разсматривается мѣстность въ тактическомъ отношеніи, во всѣхъ подробностяхъ и приспособленіе къ ней всѣхъ тактическихъ распоряженій.»

«За тѣмъ только войска, хорошо устроенныя и практически образованныя, могутъ быть съ успѣхомъ употреблены на самомъ дѣлѣ. Тутъ для каждаго предначертанія начальникъ принимаетъ въ соображеніе въ совокупности всѣ обстоятельства, имѣющія вліяніе на дѣйствія, не входя въ подробности, которыя должны быть извѣстны тѣмъ, на комъ лежитъ исполненіе. По этому и въ наукѣ Тактики въ особую часть могутъ быть соединены тѣ общія мысли, правила и соображе-

нія, которыя, составляя результатъ и высшее развитіе первоначальныхъ свѣдѣній, служатъ уже указаніемъ для настоящаго употребленія войскъ въ большихъ или меньшихъ массахъ, и которыя должны быть разсматриваемы въ общей связи, не прерываемой элементарными подробностями.»

Прекрасно, логически справедливо обдумано и изложено.

Приступимъ теперь къ краткому разбору самаго Руководства. Въ I. части (объ устройствѣ разныхъ войскъ по оружіямъ) во вступленіи объяснены необходимыя качества войскъ въ матеріальномъ и моральномъ отношеніяхъ, и средства, содѣйствующія моральному образованію арміи; потомъ разсматриваются: назначеніе каждаго рода войскъ, ихъ боевая организація, вооруженіе, разные виды строя, движенія и усвоенный каждому механизмъ дѣйствій въ бою; далѣе — соединеніе пѣхоты и кавалеріи съ артиллеріею въ составѣ дивизій и принятыя для нихъ основныя правила совокупныхъ построеній, движеній и дѣйствій. Въ такомъ видѣ эта часть обнимаетъ все, что входитъ въ обученіе войскъ какъ на частныхъ, такъ и на линейныхъ ученіяхъ, и составляетъ такимъ образомъ какъ бы практическое истолкованіе уставовъ. Тутъ правила изложены болѣе въ учебномъ и положительномъ смыслѣ безъ примѣненія ихъ къ мѣстности и другимъ обстоятельствамъ, дабы офицеръ могъ, не развлекаясь высшими соображеніями,

яснѣе уразумѣть настоящія свойства какъ своего, такъ и другихъ оружій и главныя основанія ихъ устройства въ томъ видѣ, какъ оно теперь у насъ существуетъ.

Такимъ образомъ въ этой части Руководства содержатся вся начальная и часть прикладной Тактики Генерала Барона Медема, а именно: главы о совокупномъ дѣйствіи войскъ. Перенесеніе ихъ намъ кажется совершенно справедливымъ и основаннымъ на самой сущности предмета, потому что послѣ отдѣльнаго разбора свойствъ и способовъ дѣйствія каждаго рода войскъ всего естественнѣе перейти къ ихъ совокупному строю и дѣйствію, независимо отъ мѣстныхъ условій.

Къ I-й части присоединены *Лонгетика* и *Кастраметація* или правила о походныхъ движеніяхъ войскъ и расположеніи ихъ бивуаками и лагерями, такъ какъ и эти части Тактики опредѣлены постановленіями устава и, за рѣдкими исключеніями, остаются одинаковыми на великой мѣстности. Въ большей части своихъ выводовъ авторъ сходится съ Барономъ Медемомъ, хотя и смотритъ на предметъ чисто съ уставной точки зрѣнія.

Но невозможности разсмотрѣть тутъ всѣ главы и параграфы этой, довольно пространной части, мы укажемъ на тѣ изъ нихъ, которые въ особенности обратили на себя наше вниманіе и одобреніе своею положительностію, ясностью и правильностью.

Глава I., §§ 25 — 32. Средства пѣхоты къ пораженію непріятеля;

» » » 42 — 57. Дѣйствія пѣхоты въ бою;

» II., » 86 — 88. Походныя движенія кавалеріи;

Глава II., §§ 90 — 94. Средства кавалеріи къ пораженію непріятеля;
» » » 112 — 120. Дѣйствія кавалеріи въ бою;
» » » 127 — 130. О спѣшенной кавалеріи;
» » § 131. Объ иррегулярной кавалеріи.
» III. §§ 141 — 142. Средства артиллеріи къ пораженію непріятеля.
» IV. §§ 158 — 162. Боевое расположеніе пѣхоты съ артиллеріею.
» » » 171 — 174. Построенія кавалеріи съ конною артиллеріею.

Возьмемъ на выборъ §§ 54 — 57, о дѣйствіи пѣхоты въ бою, а именно противъ кавалеріи. Авторъ, прекрасно и основательно изложивъ встрѣчу кавалеріи пѣхотою посредствомъ огня и штыками, и переходя потомъ къ необходимости сохраненія порядка и совокупности до послѣдняго момента, говоритъ что «пѣхота должна быть пріучена къ сохраненію тишины, спокойствія и непоколебимости такъ, чтобы не теряла ихъ въ самомъ критическомъ, даже отчаянномъ положеніи. Напротивъ, чѣмъ опасность болѣе, тѣмъ болѣе пѣхота должна избѣгать малѣйшей суеты, крику, но спокойно хранить грозное молчаніе, прерывая его только своими выстрѣлами или твердыми ударами штыковъ. Наконецъ, если случится пѣхотѣ въ небольшомъ числѣ попасть подъ удары несоразмѣрной сильнѣйшей кавалеріи, то и въ этомъ положеніи она не должна терять совокупности и порядка; она можетъ быть смята и истреблена до послѣдняго человѣка, но уничтожена вся, въ одной

грозной масѣ.» Примѣрами Полковникъ Горемыкинъ приводитъ знаменитую оборону дивизіи Генерала Невѣровскаго подъ Краснымъ, Л.-Гв. Литовскаго полка въ сраженіи подъ Бородинымъ и богатырскую гибель баталіона Муромскаго пѣхотнаго полка въ началѣ битвы при Кулевчѣ. Примѣры дѣйствительно превосходные, восхищающіе душу каждаго читателя. Жаль только, что авторъ, увлекаясь величіемъ послѣдняго изъ сихъ событій, а можетъ быть и преувеличенными разсказами о немъ очевидцевъ, оканчиваетъ свое повѣствованіе неправдоподобными словами. «Муромскій баталіонъ легъ на мѣстѣ, весь безъ исключенія: не легъ въ томъ самомъ порядкѣ, въ которомъ стоялъ; такъ что послѣдовавшія вскорѣ войска нашли на мѣстѣ груду тѣлъ, но груду, разительно правильную, представляющую видъ лежащаго неподвижнаго каре, въ которомъ всѣ офицеры и унтеръ-офицеры остались на надлежащимъ строю мѣстахъ.» Разсказъ почтеннѣйшаго автора прекрасенъ, но мы должны замѣтить, что этого быть не можетъ. Такъ могутъ лежать только люди убитые однимъ громовымъ ударомъ или спокойно ожидавшіе пока непріятельская конница перерѣжетъ ихъ поодиначкѣ, а не каре, выдерживавшее нѣсколько простыхъ атакъ конницы и смертоносный огонь батареи, подвезенной на полукартечный выстрѣлъ, каре въ которое ворвались всадники. Въ такихъ обстоятельствахъ битва по неволѣ обращается въ рукопашный бой по одиначкѣ и кучками, а слѣдовательно такимъ же образомъ будутъ лежать и трупы, какъ это и дѣйствительно было подъ Кулевчею.

Основнымъ правиломъ для дѣйствій всѣхъ вообще войскъ авторъ считаетъ: стройность, порядокъ, простоту и неслитность въ движеніяхъ; различные случаи, мѣстность и обстоятельства могутъ измѣнить это правило въ частности, но основная форма дѣйствій остается неизмѣнною. Это такъ справедливо, такъ ясно, что не требуетъ толкованія и похвалы.

§ 131, о нашей иррегулярной конницѣ, о которой еще такъ мало было писано основательнаго и дѣльнаго, представляетъ собою, такъ сказать, отдѣльный эпизодъ Руководства; эпизодъ привлекательный и любопытный даже для невоенныхъ читателей. Авторъ, желая объяснить боевыя справки и образъ дѣйствія нашихъ казаковъ, вошелъ въ критическое разсмотрѣніе обстоятельствъ, имѣвшихъ вліяніе на ихъ историческій бытъ, на ихъ способность къ авангардной службѣ, къ одинокимъ и разсыпнымъ дѣйствіямъ верхомъ и пѣшкомъ, внезапнымъ нападеніямъ, быстрымъ, продолжительнымъ и ночнымъ переходамъ, короче къ малой войнѣ, къ обезпеченію собственной арміи, наблюденію, тревоженію и преслѣдованію непріятеля.

Планы къ этой части и объясненія къ нимъ составлены такъ, чтобы служили связью между теоріею науки и основаніями строевымъ Русскимъ уставовъ, и чтобы одно объяснялось другимъ.

II. Часть (боевое образованіе войскъ) подраздѣленная на 9 главъ, содержитъ въ началѣ общее понятіе о

мѣстности, разныхъ ея видахъ и предметахъ важныхъ въ тактическомъ отношеніи; а потомъ объясняетъ вліяніе мѣстности на строй и образъ дѣйствій, какъ отдѣльно пѣхоты, кавалеріи и артиллеріи, такъ и въ совокупности, при дѣйствіяхъ наступательныхъ, оборонительныхъ, отступленій и преслѣдованій. Это то, что Нѣмецкіе военные писатели называютъ einfache und angewandte Terrain-Lehre (Чистая и прикладная наука о мѣстности), наука важная, необходимая въ особенности для офицера Генеральнаго Штаба и весьма развитая въ Германіи и во Франціи, а у насъ доселѣ почти вовсе неизвѣстная. Полковникъ Горемыкинъ, имѣя въ виду цѣль образованія офицеровъ Военной Академіи, изложилъ ее, хотя вкратцѣ и въ главныхъ только очеркахъ, но ясно и пока достаточно. Но онъ могъ бы присовокупить нѣсколько словъ объ искусствѣ судить о мѣстности какой либо страны, не видавъ ее, по картамъ и планамъ даже малаго масштаба; также о средствахъ усовершенствовать себя въ глазомѣрѣ и въ такъ называемомъ военномъ взглядѣ (Coup d'oeil militaire), какъ въ дѣлѣ первостепенной важности для начальниковъ войскъ и офицеровъ Генеральнаго Штаба.

Приступаясь къ вліянію мѣстности, авторъ излагаетъ составъ разныхъ отрядовъ, расположеніе ихъ, построенія, движенія и дѣйствія въ бою. Здѣсь положительныя начальныя правила I-ой части Руководства обращаются уже въ условныя указанія, смыслъ которыхъ офицеръ долженъ имѣть въ виду, но исполненіе которыхъ, въ наружныхъ подробностяхъ, должно измѣняться въ раз-

ныхъ случаяхъ, по его усмотрѣнію. Авторъ, не входя въ сложныя соображенія высшаго разряда, обращаетъ вниманіе всего болѣе на частности, которыми каждый офицеръ и начальникъ, въ своемъ кругу дѣйствій, долженъ руководствоваться для выгоднѣйшаго дѣйствія, сообразно мѣстности и положенію непріятеля. Такимъ образомъ этотъ отдѣлъ курса, обнимая то, что указывается войскамъ на учебныхъ поляхъ, служитъ вмѣстѣ и руководствомъ къ подробностямъ настоящаго употребленія войскъ въ полѣ. Разумѣется, что тутъ дѣло не обошлось и не могло обойтися безъ повтореній, растягивающихъ книгу, и дѣлающихъ ее нѣсколько утомительною; такъ напримѣръ: общія правила о построеніи и дѣйствіи войскъ на различныхъ мѣстностяхъ, изложенныя въ началѣ 2-й главы, повторяются съ большими подробностями при осмотрѣніи атаки и обороны каждаго мѣстнаго предмета, каждаго порядка, строя и дѣйствія войскъ. Въ глазахъ читателя, уже знакомаго сколько нибудь съ дѣломъ или ищущаго однихъ только общихъ мыслей, это кажется недостаткомъ; а для тѣхъ, которымъ предметъ не совсѣмъ извѣстенъ, въ частностяхъ, такое повтореніе не безполезно; оно даетъ возможность изобразить каждый изъ сихъ предметовъ отдѣльно въ полномъ объемѣ, избавляя отъ ссылокъ на предыдущія или послѣдующія части курса.

Во II. части Руководства особенно отчетливо изложены: въ I Гл., §§ 4 до 13. Общее понятіе о мѣстности;
» II » » 31—70. Занятіе, оборона и атака разныхъ мѣстныхъ предметовъ;

въ III Главѣ; §§ 76 — 79. Расположеніе войскъ бивуаками;

Глава VI. О походныхъ движеніяхъ войскъ;

» VII. Дѣйствія войскъ сообразно съ мѣстностію.

Наиболѣе заслуживаютъ похвалы статьи о занятіи и оборонѣ лѣсовъ, а примѣненіе къ мѣстности походныхъ движеній, весьма замѣчательное по своей новости и чисто практическимъ указаніемъ.

Планы и объясненія этой части приспособлены къ составу и разсчету нашихъ войскъ, и примѣнены къ легчайшему ихъ обученію на маневрахъ въ настоящемъ дѣлѣ.

Весьма примѣчательно, ново и основательно раздѣленіе III. части или высшей Тактики (Организація большихъ дѣйствующихъ силъ и самыя дѣйствія ихъ). Авторъ сначала беретъ армію какъ бы вдали отъ театра войны, и знакомитъ съ ея составомъ и организаціею, разсматривая также различные способы размѣщенія ея на квартирахъ, въ лагеряхъ и на бивуакахъ; за тѣмъ переходитъ къ маршамъ, ихъ обезпечиванію и порядку слѣдованія арміи вблизи и вдали отъ непріятеля; потомъ, приведя армію какъ бы лицомъ къ лицу противника, излагаетъ правила выбора позиціи и укрѣпленныхъ лагерей, и наконецъ переходитъ къ дѣйствію арміи на полѣ сраженія, то есть, къ разсмотрѣнію важности и относительныхъ выгодъ оборонительнаго и наступательнаго боя; тутъ же разбираются общія условія успѣха, способы производства атаки, и участіе въ

нихъ полнаго рода войскъ. Разборъ оканчивается изложеніемъ правилъ преслѣдованія и отступленія. Вотъ истинно примѣрная правильность и постепенность изложенія: сперва сборъ, устройство и расположеніе арміи, потомъ движеніе ея къ полю сраженія, выборъ выгоднѣйшей позиціи, наконецъ бой и дѣйствіе послѣ него.

Всѣ правила высшей Тактики изложены необыкновенно кратко, съ указаніемъ только главныхъ обстоятельствъ, отъ которыхъ въ разныхъ случаяхъ зависятъ общія распоряженія; потомъ объяснено, какъ эти распоряженія исполняются войсками въ большихъ массахъ, съ сохраненіемъ связи, единства и согласія. Примѣры избраны весьма удачно изъ новѣйшей военной исторіи; все остальное предоставлено собственному усмотрѣнію вождей.

III часть Руководства раздѣляется на 5 главъ. Примѣчательнѣйшіе въ нихъ параграфы суть:

Въ I Гл. §§ 3—20. Организація большихъ дѣйствующихъ силъ;

„ „ „ 26—27. Основн. боевой разсчетъ ихъ;

„ II „ „ 28—40. Различные способы ихъ размѣщенія;

„ III „ „ 47—47. Распредѣленіе большихъ силъ для походнаго движенія;

„ „ „ 62—66. Разсчетъ и общія правила на маршъ;

„ „ „ 78—82. Переходъ изъ походнаго порядка въ боевой;

„ „ „ 84—90. Отступательныя движенія;

90—97. О тайнотовать вообще;
100—102. О скрытыхъ и ночныхъ дви-
105—112. О позиціяхъ;
123—126. Объ укрѣпленныхъ позиціяхъ;
131—132. О сраженіяхъ вообще;
136—144. Наступательныя сраженія;
150—154. О сраженіяхъ другихъ видовъ
155—165. О сраженіяхъ оборонительныхъ;
168—176. О сраженіяхъ случайныхъ;
177—180. О ночныхъ сраженіяхъ.

Это составляетъ почти всю III часть, и доказываетъ, что она вся равномѣрно важна и интересна. При томъ Полковникъ Горемыкинъ, вѣрный своей системѣ — примѣнять общія правила Тактики къ Русской арміи — включилъ въ 1-ю главу этой части множество любопытныхъ подробностей о составѣ, организаціи и численности нашей арміи; что же касается до параграфовъ 2-й и 3-й главы, то они будутъ новы и наставительны для каждаго военнаго человѣка. Всѣ эти три главы принадлежатъ Полковнику Горемыкину: ихъ не встрѣчалось, въ этомъ видѣ, еще ни въ одномъ руководствѣ. Въ трехъ дополненіяхъ къ высшей Тактикѣ авторъ разсматриваетъ особые случаи, въ которыхъ тактическія разсужденія полководца преимущественно подчиняются вліянію мѣстности; таковы: оборона рѣкъ и переправъ чрезъ нихъ, диверсіи и десанты и дѣйствія

въ горахъ. Въ послѣднемъ отдѣлѣ замѣчательны идеи автора: о вліяніи артиллеріи на горную войну, о пользѣ крѣпостныхъ ружей и конгревовыхъ ракетъ, и въ особенности, объ устройствѣ обозовъ, походныхъ движеніяхъ въ горахъ и пр. Видно что авторъ не напрасно служилъ на Кавказѣ, а старался вникнуть, и дѣйствительно вникнулъ въ характеръ и особое свойство горной войны не только съ Европейскими войсками, но и съ полудикими туземцами.

Планы къ III. части, объясненія разсчетовъ большихъ массъ войскъ и краткія описанія сраженій избранныхъ преимущественно изъ новѣйшихъ войнъ, весьма отчетливы, а первые большею частію отличаются довольно красивою отдѣлкою. Легенды сами-по-себѣ могли бы составить интересную книгу. Въ особенности хорошо описаны битвы при Аспернѣ, Ауэрштедтѣ, Фридландѣ, Прейсишъ-Эйлау, Бородинѣ, Лейпцигѣ и Варшавѣ.

Въ мірѣ нѣтъ ничего совершеннаго, а тѣмъ менѣе въ литературѣ. Поэтому, изложивъ достоинства Руководства Ѳ. И. Горемыкина, мы должны сказать и о его недостаткахъ. Впрочемъ ихъ весьма немного, да и тѣ не важны и не могутъ вредить безсомнѣнному превосходству сочиненія. Вотъ нѣкоторые изъ нихъ:

Мы не понимаемъ почему авторъ (въ предисловіи къ I-й части, стр. 1 и далѣе) полагаетъ, будто бы въ Тактикѣ не можетъ быть научной послѣдовательности,

и наибольшую важность въ ней имѣютъ не столько правила, сколько практическое ихъ примѣненіе, ибо многія изъ основныхъ правилъ имѣютъ только силу современную. Авторъ самъ опровергаетъ это мнѣніе строгостію и послѣдовательностію системы своего Руководства, въ которой одно правило вытекаетъ изъ другаго, предъидущее имѣетъ тѣсную логическую связь съ послѣдующимъ. На мнѣніе же объ измѣняемости основныхъ правилъ Тактики можно отвѣтить: «что измѣняются нѣкоторые способы въ осуществленію этихъ правилъ: составъ войска, оружіе, строй и пр., но сущность ихъ всегда была и будетъ неизмѣнна: такъ на прим. пѣхота, за исключеніемъ разнѣ грубыхъ феодальныхъ и татарскихъ временъ, всегда составляла главную и важнѣйшую часть войскъ; какъ она, такъ и конница, всегда раздѣлялись на легкую и тяжелую (линейную), ибо и въ нынѣшнихъ арміяхъ имѣются баталіоны егерей, стрѣлковъ, волтижеровъ, разные вольные корпуса, войска казачія, Кроаты, Суавы и пр.; легкія войска всегда начинали и поддерживали бой, дѣйствуя разсыпнымъ строемъ, а линейныя и резервныя рѣшали его натискомъ масъ; порядокъ, разсчетъ, равномѣрность движеній, были всегда необходимыя условія успѣшнаго дѣйствія и проч. и проч.»

Далѣе, Полковникъ Горемыкинъ (на стран. X введенія) разсуждая о потребности дѣйствовать иногда твердымъ и сомкнутымъ, а иногда гибкимъ и подвижнымъ строемъ, говоритъ, что соединить ихъ въ одномъ родѣ войскъ невозможно, отъ чего и произошло раздѣленіе

войскъ на тяжелую и легкую, а на стр. 2 находимъ, что раздѣленіе пѣхоты на линейную и легкую, скорѣе прихоть, чѣмъ потребность; и что она у насъ существуетъ болѣе по мнѣнію, чѣмъ на дѣлѣ. Противъ перваго мнѣнія (мы можемъ привести въ примѣръ Мелтастовъ Грековъ, Гастатовъ Римлянъ, егерскіе баталіоны Австрійцевъ, Венсенскихъ стрѣлковъ во Франціи, и пр., а противъ втораго, формированіе у насъ стрѣлковыхъ баталіоновъ.

Не исходящій съ высшаго состоянія нашей арміи разсчетъ дивизій и полковъ, мы не считаемъ ошибкою, ибо авторъ писалъ I часть своего Руководства въ 1844 году, когда еще не было введено теперешнее ихъ раздѣленіе. Равно нельзя сдѣлать упрекъ автору въ томъ, что онъ, въ I. части Руководства, при оцѣнкѣ трехъ родовъ войскъ называетъ пѣхоту родомъ, болѣе другихъ многочисленнымъ и чаще употребляемымъ, а во II. части говоритъ, что ни одинъ изъ трехъ родовъ войскъ не можетъ хвалиться ни главнымъ ни второстепеннымъ. Тутъ дѣло шло объ организаціи арміи, а тутъ о томъ, какъ генералъ долженъ смотрѣть на войска во время сраженія, когда они служатъ равно послушными орудіями къ достиженію цѣли.

Можно бы указать еще на нѣкоторые недосмотры, спорныя мѣста и пр., но это мелочи, которыя встрѣчаются въ самомъ обширномъ трудѣ, а тѣмъ болѣе могутъ встрѣтиться въ столь обширномъ и важномъ сочиненіи. Что касается до нѣсколько пространнаго обзора Руководства, то надобно брать въ соображеніе

что слишкомъ краткіе учебники, принимая на новый духой догматическій тонъ, читаются посторонними читателями безъ интереса и неохотно, а учениковъ пріучаютъ ограничиваться затверживаніемъ ихъ наизусть, и не служатъ имъ пособіемъ къ полному развитію предмета собственною мыслею.

Въ наше время, болѣе чѣмъ когда либо, суждено войскамъ защищать не одну внѣшнюю безопасность государствъ, но и внутреннее ихъ спокойствіе, законность, святость религіи и престоловъ. Честь, вѣрность, повиновеніе сохранились еще въ арміяхъ, между тѣмъ какъ онѣ — не у насъ, а въ государствахъ Западной Европы — исчезаютъ во всѣхъ другихъ сословіяхъ. Изъ этого не трудно вывести, что военное званіе должно быть первое во всякомъ благоустроенномъ государствѣ; что военныя науки принадлежатъ къ числу самыхъ важныхъ, о поддержаніи и распространеніи которыхъ должны пещись всѣ правительства и высшія хранилища просвѣщенія и что авторы, болѣе другихъ способствующіе этому распространенію, достойны особаго вниманія и покровительства.

Въ заключеніе, повторяю что Руководство къ изученію Тактики Полковника Горемыкина превосходитъ всѣ существующія у насъ сочиненія по этой части въ томъ особенно отношеніи, что оно приноситъ именно къ нашему отечеству, къ нашей арміи и духу Русскаго на-

рода, и слѣдовательно есть такое твореніе, которое, будучи распространено между военными, принесетъ безчисленные плоды образованіемъ достойныхъ офицеровъ; мы признаемъ справедливымъ сочиненіе это удостоить *полной Демидовской преміи.*

Генералъ-Лейтенантъ *Баронъ Зедделеръ.*

31 Марта 1850.

РАЗБОРЪ

сочиненія

Г-на ДАВИДОВА,

подъ заглавіемъ

ТЕОРІЯ КАПИЛЯРНЫХЪ ЯВЛЕНІЙ,

въ двухъ частяхъ;

составленный

Гг. Академиками

ЛЕНЦОМЪ и ОСТРОГРАДСКИМЪ.

Das benannte Werk des Herrn Davidov besteht aus zwei Theilen, einem physikalischen, welcher die Versuche zusammenstellt, die wir über Capillarität und verwandte Erscheinungen besitzen, und einem theoretisch-mechanischen, welcher die Theorie dieser Erscheinungen in streng mathematischer Form auseinandersetzt. Es ist mir der Auftrag geworden, den ersten dieser beiden Theile zu beurtheilen, während der zweite Theil Herrn Ostrogradsky zugewiesen worden ist.

Was den ersten Theil betrifft, so enthält er eine sorgfältige und kritische Zusammenstellung alles dessen, was bisher über diesen Punkt durch Versuche ermittelt worden ist. Der Verfasser hat wohl zu würdigen gewusst, welche von diesen experimentellen Untersuchungen vorzüglich sich dazu eignen, einer theoretischen Behandlung des Gegenstandes zum Grunde gelegt zu werden, und welche im Gegentheil, wegen der Ungenauigkeit der Beobachtungsmethoden, der Vergessenheit anheim zu fallen bestimmt sind; so dass also dieser erste Theil des Werks des Herrn Verfassers eine gute

Sammlung sicherer experimenteller Documente enthält, an denen er die Richtigkeit seiner Theorie prüfen kann. Allein dieser Theil ist offenbar der weniger wesentliche der ganzen Arbeit; er enthält durchaus keine eigenen Forschungen und würde für sich allein, nach den jetzigen strengen Anforderungen, auch auf keinen halben Preis Anspruch machen können. Wenn aber der theoretische Theil, der des Verfassers eigene Forschungen enthält, nach dem Urtheil unseres Herrn Collegen Ostrogradsky sich als preiswürdig herausstellen sollte, so wird dieser erste Theil diese Preiswürdigkeit noch erhöhen, da er nothwendig zum Ganzen gehört.

Für den Fall des Druckes dieses Werkes muss ich aber rügen, dass in Bezug auf die dem Werke beigegebenen Figurentafeln eine grosse Verwirrung herrscht; nicht nur fehlen grossentheils im Texte die Citate der Figuren, sondern oft sind die vorhandenen auch falsch und eben so häufig sind die Buchstaben der Figuren nicht richtig gesetzt oder ganz ausgelassen, was beim Lesen viel Mühe und Aergernis verursacht. Ja auch abgesehen von diesen Fehlern der Nachlässigkeit sind die Zeichnungen der Figuren so unvollkommen, wie man sie in unseren Tagen, bei physikalischen Werken, nicht mehr gewohnt ist zu finden.

E. Lenz.

St. Petersburg, den 15 April 1850.

La Classe m'ayant chargé d'examiner la partie mathématique d'un traité sur la théorie de l'action capillaire, par M. Davidov, j'ai lu cette partie, et j'ai l'honneur d'en rendre compte.

M. Davidov débute par des aperçus historiques, relatifs à la théorie de l'action capillaire, il cite les premiers essais de Daniel Bernoulli, ceux de Clairaut et de Segner; le dernier est peu connu, mais, d'après ce qu'en dit M. Davidov, il mériterait de l'être davantage. Vient ensuite l'essai sur la cohésion des fluides de Th. Young, qui aurait eu un grand succès, s'il n'eut pas été suivi de trop près par le travail célèbre de l'illustre auteur de la Mécanique céleste. C'est depuis ce travail, publié en 1806, que date la véritable théorie de l'action capillaire. Elle a été successivement perfectionnée, d'abord par Laplace lui-même, et ensuite par MM. Gauss et Poisson. Ce qu'elle laissait surtout à désirer, à l'époque où elle a paru, c'est une démonstration rigoureuse de la constance de l'angle, sous lequel la surface capillaire coupe celle du tube qui la renferme. Laplace es-

faça facilement d'autres imperfections moins graves qu'on a remarquées dans sa théorie, mais les tentatives qu'il fit pour établir la constance de l'angle dont on vient de parler, ne réussirent point.

Cette lacune de la théorie capillaire fut comblée par M. Gauss, dans un beau mémoire, *Principia generalia theoriae figurae fluidorum in statu aequilibrii*, qui a paru à Göttingue, l'année 1830 [1]). M. Gauss attaque la question par le principe des moments, selon les règles connues pour cet objet, ainsi que nous allons l'exposer.

Considérons un liquide contenu dans un vase, ouvert par en haut, et reportons le, ainsi que le vase, à trois plans des coordonnées rectangles x, y, z, qui, par leur

---

1) Après avoir cité ce mémoire, dans la nouvelle théorie de l'action capillaire, Poisson ajoute immédiatement : « Pour former les équations de cet « équilibre, l'auteur a recours au principe des vitesses virtuelles, qu'il ap- « plique à la masse entière du liquide, et non pas, comme dans la *Mécanique* « *analytique*, à un élément différentiel de cette masse. » A en juger par le mémoire dont il s'agit de M. Gauss, nous ne pensons pas que cet illustre géomètre entende le principe des vitesses virtuelles autrement que l'auteur de la *Mécanique analytique*, à cela près pourtant que, d'après M. Gauss, pour assurer l'équilibre d'un système, il suffit que le moment total des forces qui y sont appliquées ne puisse acquérir des valeurs positives pour aucun des déplacements possibles du système; tandis que Lagrange prétend que le moment n'ait d'autres valeurs que zéro pour tous les déplacements dont il s'agit. Mais dans la question sur l'action capillaire, M. Gauss ne fait rien qui ne s'accorde avec les principes de la *Mécanique analytique*, et il applique la loi des vitesses virtuelles ou des moments, aussi bien que Lagrange, à chaque élément différentiel de la masse fluide; comme on peut le voir dans le texte où, à dessein, nous avons reproduit les principes de l'analyse de M. Gauss.

variables, appartiendront à tous les points du liquide et du vase. Pour plus de simplicité et pour fixer les idées, nous admettrons que le plan des x, y soit horizontal, et nous donnerons à l'axe vertical des z la direction opposée à celle de la gravité.

Nous supposerons connues les conditions relatives à l'incompressibilité du liquide et à la présence des parois fixes du vase; ainsi, suivant le principe des vitesses virtuelles, nous n'aurons à calculer que le moment total des forces appliquées au liquide, et qui viennent de la gravité, de l'attraction du vase et des actions des molécules liquides les unes sur les autres.

Partageons le liquide en éléments différentiels, et soit dm la masse d'un quelconque de ces éléments; en désignant par g l'accélération produite par la gravité,

$$gdm$$

sera le poids de l'élément dm et

$$-gdm\delta z$$

le moment de cette force motrice. On désigne la projection sur l'axe des z d'un déplacement infiniment petit, mais du reste absolument arbitraire de l'élément dm. En sommant l'expression précédente, de manière à y comprendre tous les éléments du liquide, nous aurons dans la somme

$$-g\int dm\delta z$$

cette partie du moment total qui est due à la gravité.

Pour en calculer celle qui se rapporte à l'attraction de la masse solide du vase, partageons celle-ci en élé-

ments différentiels et nommons dM un quelconque de ces éléments. Désignons, de plus, par

$$(dm, dM)$$

la distance de l'élément dm, et par

$$F(dm, dM)$$

la fonction de cette distance, fonction qui exprime la loi de l'attraction d'une particule du vase sur celle du liquide, et qui cesse d'être sensible dès que la distance

$$(dm, dM)$$

le devient.

La force motrice due à l'action de dM sur dm sera

$$dm\,dM.F(dm, dM),$$

nous la supposerons positive, si elle est attractive, et négative dans le cas contraire; son moment sera

$$dm\,dM.F(dm, dM)\cos\alpha\,\delta s,$$

α désignant l'angle que le déplacement δs de la masse dm fait avec la droite (dm, dM). Or

$$\delta s\cos\alpha = -\delta(dm, dM),$$

donc le moment en question deviendra

$$-dm\,dM.F(dm, dM)\,\delta(dm, dM),$$

et en conclura celui qui se rapporte à l'action sur dm de toute la masse du vase; il aura pour valeur

$$-dm\int dM\,F(dm, dM)\,\delta(dm, dM);$$

l'intégrale s'étendant sur tous les éléments dM. En posant

$$-F(dm, dM)\,\delta(dm, dM) = \delta\Phi(dm, dM),$$

la valeur précédente deviendra

$$dm\int dM\,\delta.\Phi(dm, dM),$$

ou bien, faisant passer, ce qui est permis, la caractéristique δ en dehors du signe intégral

$$dm\delta\int dM\Phi(dm, dM).$$

En intégrant cette expression relativement à tous les éléments de la masse liquide, on trouvera

$$\int dm\delta\int dM\Phi(dm, dM)$$

pour la partie du moment total due à l'attraction du vase.

Il nous reste à calculer les termes du moment total qui viennent de l'action mutuelle des molécules liquides. Appelons pour cela dm' la masse d'un élément différentiel quelconque du liquide, différent de dm, et désignons par

$$(dm, dm')$$

la distance de deux masses dm et dm'; si, de plus, la lettre f marque la caractéristique de la fonction qui exprime la loi de l'action mutuelle des particules du liquide, la force motrice que fournit l'action de dm' sur dm sera

$$dmdm'f(dm, dm').$$

Nous la supposerons positive, si elle est attractive, et négative dans le cas contraire, comme nous venons de le faire relativement à l'action de dM sur dm. Le moment de cette force aura pour valeur

$$dmdm'f(dm, dm')\,\delta s\cos.\alpha,$$

la lettre α représente l'angle que le déplacement δs fait avec la droite (dm, dm').

En désignant par $\delta s'$ un déplacement infiniment petit, mais du reste absolument arbitraire du point dm', et par α', l'angle que ce déplacement fait avec la droite (dm', dm), nous trouverons de la même manière

$$dmdm'f(dm, dm')\,\delta s'\cos\alpha'$$

pour moment de la force motrice due à l'action de dm sur dm'. En réunissant les deux moments précédents, on aura celui de l'action réciproque des deux masses dm et dm', il sera donc

$$dmdm'f(dm, dm')(\delta s \cos \alpha + \delta s' \cos \alpha').$$

Or, en considérant le quadrilatère gauche, formé par les droites δs, (dm, dm'), $\delta s'$ et celle qui réunit les extrémités de δs et $\delta s'$, on remarquera que la somme des projections des deux côtés (dm, dm') et $\delta s'$, sur une direction quelconque, sera égale à la somme des projections des deux autres côtés. Nous aurons donc, en prenant la droite (dm, dm') pour ligne des projections

$$(dm, dm') - \delta s' \cos \alpha' = \delta s \cos \alpha + (dm, dm') + \delta(dm, dm')$$

d'où

$$\delta(dm, dm') = -\delta s \cos \alpha - \delta s' \cos \alpha',$$

et, par suite, l'expression du moment de l'action mutuelle des deux masses dm et dm' prendra cette forme

$$-dmdm'f(dm, dm')\delta(dm, dm'),$$

ou bien, en faisant

$$-f(dm, dm')\delta(dm, dm') = \delta\varphi(dm, dm'),$$

elle deviendra

$$dmdm'\delta\varphi(dm, dm').$$

Chaque combinaison de deux éléments différentiels du liquide, fournissant un terme semblable au précédent, nous n'avons qu'à faire la somme de tous ces termes relatifs à toutes les combinaisons, deux à deux, des éléments dont il s'agit. Or, il est facile de voir que la somme en question est la moitié de la double intégrale

$$\int dm \int dm' \delta\varphi(dm, dm')$$

prise la première et la seconde fois relativement à tous les éléments du liquide.

Cela étant, le moment total aura pour valeur

$$-g\int dm\delta z + \int dm\delta\int dM\Phi(dm, dM) + \frac{1}{2}\int dm\int dm'\delta\varphi(dm, dm').$$

En supposant homogènes le liquide et le vase, désignant respectivement leur densités par ϱ et Δ, et faisant

$$dm = \varrho dv, \; dM = \Delta dV,$$

le moment deviendra

$$-g\varrho\int dv\delta z + \Delta\varrho\int dv\delta\int dV\Phi(dv, dV) + \frac{\varrho^2}{2}\int dv\int dv'\delta\varphi(dv, dv').$$

M. Gauss ne forme le moment total que pour les déplacements possibles du liquide, et il y fait sortir la caractéristique δ des variations en dehors des signes d'intégration, ce qui lui donne pour la valeur du moment dont il s'agit la variation exacte

$$\delta\left[-g\varrho\int zdv + \Delta\varrho\iint dvdV\Phi(dv, dV) + \frac{\varrho^2}{2}\iint dvdv'\varphi(dv, dv')\right],$$

et comme l'équilibre exige qu'elle ne puisse obtenir une valeur positive pour aucun des déplacements possibles, c'est-à-dire, pour aucun de ceux que M. Gauss considère, il s'ensuit que la fonction

$$-g\varrho\int zdv + \Delta\varrho\iint dvdV\Phi(dv, dV) + \frac{\varrho^2}{2}\iint dvdv'\varphi(dv, dv'),$$

en n'ayant égard qu'aux déplacements possibles, se trouve à sa plus grande valeur. Cette considération fait arriver

l'illustre géomètre de Göttingue, avec beaucoup d'élégance et de simplicité, aux formules principales de la théorie de l'action capillaire[2]).

Revenons au moment total, relatif à un déplacement absolument arbitraire du liquide. Considérons un de ces trois termes, le premier, par exemple, qui est le plus simple, et encore contentons-nous de son facteur variable

$$\int dv\delta z.$$

Comme

$$dv\delta z = \delta(zdv) - z\delta dv,$$

nous aurons

$$\int dv\delta z = \int \delta(zdv) - \int z\delta dv,$$

ou bien, ce qui est permis,

$$\int dv\delta z = \delta \int zdv - \int z\delta dv.$$

Ainsi, pour qu'on puisse faire sortir δ en dehors du signe intégral, c'est-à-dire, pour qu'on ait

$$\int dv\delta z = \delta \int zdv,$$

il faudrait que le terme

$$\int z\delta dv$$

2) Ces jours-ci, je pris connaissance d'un mémoire sur l'action capillaire par M. M. J. Bertrand (*Journal de M. Liouville*, tome XIII, page 185). L'auteur y cherche à simplifier, par des considérations géométriques, quelques procédés que M. Gauss a tirés du calcul des variations. Nous remarquerons à ce sujet que dans le temps où M. Gauss rédigea son mémoire sur l'action capillaire, il y avait quelques difficultés à résoudre, quelques éclaircissements à faire dans cette partie du calcul des variations qui traite des intégrales multiples, mais actuellement que les difficultés sont levées et que tout y est clair, nous ne pensons pas que l'emploi du calcul des variations cédérait en simplicité aux procédés géométriques mis en oeuvre par M. M. J. Bertrand.

disparaisse, ce qui ne saurait arriver, si on laisse arbitraire le déplacement auquel δ se rapporte. Pour les déplacements possibles, c'est-à-dire, pour ceux qui laissent le liquide incompressible, δdv aura des valeurs positives, sans en excepter zéro, et partant l'intégrale

$$\int z\delta dv$$

ne s'évanouira pas non plus; elle ne se réduira à zéro que quand on fera consister l'incompressibilité du liquide dans l'invariabilité des éléments dv de son volume, invariabilité dont l'expression analytique est

$$\delta dv = 0.$$

Ce que nous venons de dire du premier terme du moment, s'applique aux deux autres.

Ainsi la question capillaire ne se réduit à la détermination du minimum de la fonction

$$\int z dv - \frac{\Delta}{g}\int dv dV \Phi(dv, dV) - \frac{e}{2g}\int\int dv dv' \varphi(dv, dv')$$

que dans l'hypothèse de l'invariabilité du volume liquide dans toutes ses parties; il resterait donc à prouver, ce qui, au reste, n'est pas difficile, que le volume augmentant infiniment peu, mais d'une manière quelconque, la fonction précédente, ne ferait que croître.

Si l'on voulait une solution complète, dans toutes ses parties, de la question sur l'équilibre d'un liquide sollicité par la gravité et soumis aux actions mutuelles des molécules de sa propre masse, ainsi que à l'attraction du vase qui le renferme, il faudrait suivre les procédés enseignés par Lagrange, dans sa Mécanique analytique. Suivant l'esprit de ces procédés, on doit

1° former le moment total pour un déplacement infiniment petit quelconque (absolument arbitraire) du système que l'on considère;

2° multiplier par *des facteurs convenables* et ajouter au moment toutes les conditions qui définissent le système, après y avoir changé le déplacement possible en ce même déplacement arbitraire, pour lequel le moment est formé;

3° égaler la somme à zéro, sans limiter en rien les déplacements du système qui s'y trouve.

Pour appliquer les principes qui précèdent à l'équilibre du fluide incompressible que nous considérons, remarquons d'abord que les conditions des déplacements possibles sont

$$\delta dv > 0$$

et

$$-\delta s \cos \Theta > 0.$$

La première appartient à tous les points du liquide, elle se rapporte à son incompressibilité; la seconde exprime la présence des parois fixes du vase et n'a lieu que pour cette partie de la surface liquide qui touche au vase, Θ y désigne l'angle que la normale extérieure à la surface qu'on vient de nommer, fait avec le déplacement δs.

Le moment total des forces qui sollicitent le liquide étant, comme nous l'avons vu,

$$-g\int dm\delta z + \int dm\delta\int dM\Phi(dm, dM) + \iint dm dm'\delta\varphi(dm, dm'),$$

supposons que les variations comprises dans δdv et $-\delta s \cos \Theta$ se rapportent actuellement au même dépla-

cement entièrement arbitraire que dans le moment total, de sorte qu'elles ne satisfont plus ni aux conditions

$$\delta dv > 0 \text{ et } -\delta s \cos \Theta$$

ni à aucune autre. En multipliant les quantités δdv et $-\delta s \cos \Theta$ par des facteurs positifs p et qds, et réunissant ce qu'on doit réunir pour avoir égard à toutes les conditions des déplacements possibles, nous aurons à ajouter au moment total les intégrales

$$\int p \delta dv, \; -\int q \delta s \cos \Theta ds,$$

qui s'étendent, la première, à tous les points du liquide, et la seconde, à la surface en contact avec le vase, surface dont ds représente un élément.

De cette manière l'équation de l'équilibre du liquide sera

$$-\int q \delta s \cos \Theta ds - g \int dm \delta z + \int p \delta dv$$
$$+ \int dm \delta \int dM \Phi(dm, dM) + \iint dm dm' \delta \varphi(dm, dm') = 0,$$

δ y représente une différentielle absolument arbitraire.

Nous développerons, dans un article spécial, les conséquences de cette équation.

Lagrange n'a pas toujours suivi les principes qu'il a posé lui-même, et toutes les fois qu'il s'en est écarté, il n'eut que des solutions inexactes ou incomplètes. Ainsi, par exemple, en considérant l'équilibre d'un fil élastique [3]), et ayant trouvé pour l'angle désigné par ε l'expression [4])

$$\frac{\sqrt{d^2 z^2 + d^2 y^2 + d^2 x^2 - d^2 s^2}}{ds},$$

3) *Mécanique analytique*, page 151.

4) Idem, page 152.

où ds est un élément différentiel de la longueur du fil et x, y, z les coordonnées rectangles, Lagrange, pour avoir δe, différentie cette expression, « mais comme, dit-il, « par l'inextensibilité du fil, on a déjà

$$\delta ds = 0,$$

« et, par conséquent, aussi

$$d\delta ds = \delta d^2 s = 0,$$

« on pourra traiter, dans la différentiation dont il s'agit « (dans celle de e), ds et $d^2 s$ comme constantes, ainsi « l'on aura

$$\delta e = \frac{d^2 x \delta d^2 x + d^2 y \delta d^2 y + d^2 z \delta d^2 z}{ds \sqrt{d^2 x^2 + d^2 y^2 + d^2 z^2 - d^2 s^2}} \text{ »}$$

Le grand géomètre perd de vue que sa propre *méthode des multiplicateurs*[5]) exige que l'on calcule δe pour un déplacement absolument arbitraire du fil, déplacement qu'on imagine seulement, mais qui en effet ne saurait avoir lieu, et pour lequel tous les points du fil doivent être considérés comme s'ils étaient sans aucune liaison mutuelle; par suite, l'élément ds peut s'allonger comme se raccourcir, car sa variation n'est gênée par aucune condition. Pour avoir négligé ces considérations, Lagrange trouva des valeurs inexactes des forces qui remplacent les conditions du système.

Les recherches de Poisson sur l'action capillaire, qui forment un volume à part, parurent une année plus tard que le mémoire de Gauss. Poisson attaque, assez vivement, ses illustres devanciers, Laplace et M. Gauss, parce qu'ils n'ont pas eu égard à la variation très rapide

5) Idem, page 74.

de densité que le liquide éprouve près de sa surface libre, ainsi que près de la paroi du tube; cette circonstance est si essentielle que sans elle, d'après Poisson, les phénomènes capillaires n'auraient pas lieu. Le célèbre géomètre expose avec détail la théorie de ces phénomènes, en n'omettant aucune circonstance qui peut influer sur la question, et quoiqu'il arrive aux équations de même forme que celles de Laplace, mais la coïncidence n'en est qu'apparente, et en réalité, il y a une grande différence dans les expressions en intégrales définies des deux constantes spéciales que les équations capillaires renferment, de sorte que les valeurs numériques de ces constantes seraient très différentes, chez Laplace et chez Poisson, si, au lieu de les déterminer par l'expérience, on pouvait les calculer directement d'après leur expression analytique, ce qui exigerait que l'on connût les loix des actions du tube sur le liquide et du liquide sur lui-même[6]).

Après le travail de Poisson, celui de M. Davidov est le premier où les phénomènes capillaires sont exposés avec l'étendue que mérite leur importance. L'auteur fond ses recherches sur le principe des moments, comme l'a fait M. Gauss, mais il a égard à la variation rapide de densité, près de la surface du liquide, que l'illustre géomètre de Göttingue n'a pas considérée. M. Davidov suit les procédés de M. Gauss, afin de simplifier l'exposition, et il considère la variation de densité, qui est incontestable, pour n'omettre aucune circonstance physique essen-

6) *Nouvelle théorie de l'action capillaire*, pages 6 et 7.

tielle à la question. Ses calculs, relatifs à la théorie générale, sont faits, généralement, avec ordre et habileté, et ils trouvent leur application à des exemples variés et bien choisis. Nous avons annoté, en marge du manuscrit, les améliorations qu'on pourrait, selon nous, y ajouter. M. Davidov n'a pas fait imprimer son travail pour pouvoir profiter des remarques que l'Académie voudra bien faire, ce qui, à mon avis, ne doit lui nuire aux yeux de notre compagnie.

M. Davidov termine son exposé de la théorie de l'action capillaire par une tentative pour la détermination de la loi des forces moléculaires. Ici, l'exactitude des calculs et des hypothèses, sur lesquelles ils sont basés, nous paraît contestable; cependant, nous ne blâmons pas l'auteur d'avoir entrepris une semblable détermination, nous la regardons comme un premier essai qui peut provoquer des recherches plus heureuses.

Nous ne balançons pas à reconnaître, dans la partie mathématique du travail de M. Davidov, un mérite distingué; nous avons l'honneur de le proposer à l'approbation et à l'encouragement de l'Académie, et nous le croyons entièrement digne d'un demi-prix Démidov. Nous faisons cette proposition avec d'autant plus de confiance, que notre célèbre collègue, M. Lenz, nous a communiqué, verbalement, un témoignage honorable sur la partie physique du même travail.

Ce 14 avril 1850.

M. Ostrogradsky.

РАЗБОРЪ

сочиненій

Г-на ПАВЛА САВВАИТОВА,

подъ заглавіемъ

ГРАММАТИКА ЗЫРЯНСКАГО ЯЗЫКА

и

ЗЫРЯНСКО-РУССКІЙ и РУССКО-ЗЫРЯНСКІЙ

СЛОВАРЬ,

составленный

Академикомъ ШЕГРЕНОМЪ.

[illegible]

[illegible]

[illegible]

[illegible]

[illegible]

[illegible]

[illegible]

[illegible]

[illegible]

Die Sprachen des sämmtlichen tschudischen Volksstammes sind in ihrem ganzen grammatischen Baue von dem Russischen so total verschieden, dass sie allein vom russischen Gesichtspunkte aus gar nicht richtig aufgefasst und dargestellt werden können. Hierin liegt der Grund, warum alle bisher von Russen, ja auch von Eingeborenen, deren grammatische Bildung aber bloss russisch war, gemachten Versuche irgend eine specielle tschudische Sprache grammatisch zu behandeln mehr oder minder missrathen sind, und diess zwar in einem solchen Grade, dass ich bereits zu zweifeln angefangen hatte, ob ich je eine Ausnahme erleben würde, nachdem ich die Verfasser von solchen Grammatiken, deren viele schon in Handschriften ex officio durch meine Hände gegangen sind, durch weitläuftige, viele Bogen umfassende Anmerkungen, die meine Gutachten gewöhnlich zu begleiten pflegten, in der besten Absicht, aber ohne allen erklecklichen Erfolg, eines Besseren zu belehren, und sie auf den wahren Weg hinzuleiten gesucht hatte. Auch die mir jetzt zum dritten Male zur Beur-

theilung vorliegende syrjänische Grammatik des Herrn Sawwaitov war anfangs in dem ersten handschriftlichen Entwurfe mit allerlei aus dem angedeuteten Grunde unvermeidlichen Mängeln und Fehlern nicht wenig behaftet; da mir aber seine Arbeit bei allem dem schon damals auf nicht gemeine und vielleicht nur unentwickelte Anlage hinzuweisen schien, so entschloss ich mich noch einmal den Versuch seiner etwanigen Umstimmung vermittelst einer ausführlicheren umständlichen Zurechtweisung zu wagen, und siehe da! es erwies sich schon aus der zweiten Bearbeitung, dass der ausgesäete Same endlich einmal nicht an den Weg, noch auf Stein oder unter die Dornen, sondern auf gute Erde gefallen war und zu seiner Zeit vielfache Frucht tragen würde. Der Verfasser war in sich gegangen, hatte meine Anmerkungen reiflich erwogen und geprüft, ja sogar aus eigenem Antriebe eine nochmalige Reise zu den Syrjänen selbst unternommen, um den wahren Thatbestand der Sprache in seinen dialektisch wechselnden Bildungen an Ort und Stelle genauer untersuchen zu können, und liess allem dem nach durch seine nächste Behörde seine Grammatik in einer durchgängig verbesserten und vermehrten Gestalt, in Begleitung eines hinzugefügten doppelten Wörterbuchs, von Neuem vorstellen, so dass ich schon damals beide mit einander verbundene Werke mit voller Ueberzeugung von ihrem Nutzen zum Druck empfehlen konnte und nur noch einige wenige Wünsche zu ihrer ferneren Vervollkommnung anzuführen übrig hatte. Beide Werke liegen nun gedruckt vor der früheren hand-

schriftlichen Umarbeitung gegenüber im einzelnen nochmals verbessert und vermehrt, und ich habe endlich einmal die bisher schmerzlich vermisste Freude auch in meinem Fache eine in seiner Art wirklich musterhafte Arbeit von einem ächten nationellen Russen empfehlen zu können, der erst in reiferen Jahren durch eindringendes und beharrliches tieferes Studium das Syrjänische gründlich erlernt hat. Ich werde nun also hinführo bei etwanigen Werken derselben Gattung nicht mehr nöthig haben mich mit weitausgesponnenen Anweisungen und Rathschlägen abzumühen, sondern mich begnügen können auf diese Grammatik des Herrn Sawwaitov zu verweisen und zu sagen: gehet hin und thuet desgleichen, d. h. gehet hin und studieret zuerst selbst die Sprache, worüber ihr schreiben wollt, so dass ihr ein klares Bild von ihrem ganzen inneren Wesen erlangt und von dem, worin sie mit dem Russischen übereinstimmt, auch alles das zu unterscheiden lernet, worin sie sich davon unterscheidet und ihren eigenen Weg geht.

Schon das IX Seiten umfassende Vorwort der Grammatik enthält viel Interessantes und Lehrreiches. So namentlich gleich im Anfange S. 1. die neue sehr plausible Erklärung des russischen Namens der Syrjänen (*Зырянинъ* und *Зыряне*) aus dem Finnischen *Syrjäläinen*, *Syrjäläiset*, d. h. «*Крайніе*, *Украйнцы*» von *syrjä* *край* Rand — nämlich in Bezug auf den nach Westen vorgerückten Hauptstamm der Finnen, für welche die im Osten zurückgebliebenen und durch die inzwischen

eingedrungenen Russen von dem Hauptstamme getrennten Syrjänen in der That Украйны waren — anstatt der bisherigen Vermuthung, der russische, von dem Syrjänen selbst gar nicht gebrauchte Name Зыряне komme aus dem syrjänischen Worte *зырööнаjас* oder *зырöмаjас* «сдвинутые», weil die Syrjänen in ihre gegenwärtigen Wohnsitze von irgend einem anderen Volke verdrängt seien. Ferner S. II ff. die Aufzählung der verschiedenen Hauptdialekte der syrjänischen Sprache mit namentlicher Angabe der Gegenden und sogar Kirchspiele, wo sie herrschen, worauf jene Dialekte in ihrem Verhältnisse zu einander, zu dem nächst verwandten Permischen und ursprünglich zum Finnischen kurz aber treffend charakterisirt werden. Dann bezeichnet der Verfasser selbst S. V den Zweck seiner Grammatik mit folgenden Worten: «представить Зырянскій языкъ въ «его простѣйшемъ видѣ, который въ настоящее время «можно назвать коренным, или, по крайней мѣрѣ, бли«же прочихъ подходящимъ къ своему первобытному «корню, и указать тѣ отмѣны и уклоненія, какія вошли «въ ближайшее къ Сысольскому нарѣчіе Вычегодское «и частію Удорское, а тѣмъ самымъ дать новое пособіе «желающимъ далѣе углубиться въ изученіе Зырянскаго «языка и пріобрѣсть точнѣйшее познаніе о немъ — вотъ «главная цѣль издаваемой нынѣ Грамматики Зырянскаго «языка.» Um die Eigenthümlichkeiten der hauptsächlichsten Mundarten, der syssolskischen und wyjtschegodschen, klarer zu machen und zu veranschaulichen, heisst es weiter S. VI, habe er besondere Beilagen geliefert. Diese

enthalten Uebersetzungen des Glaubensbekenntnisses, des Vaterunsers, der Bergpredigt Christi aus dem 5. Capitel des Matthaeus nebst einigen anderen ausgewählten Stücken aus demselben Evangelium, der zehn Gebote und des Anfanges des Evangelium von Johannes in dem syssolskischen Dialekt, so wie ferner Sprüchwörter und Volkssagen in derselben Mundart, in der wytschegodschen aber von Hrn. Sawwaitov selbst gesammelte und aufgezeichnete Hochzeitslieder. Sämmtliche Beilagen bilden eine sehr zweckmässige und besonders durch die eben gedachten Proben von wirklicher syrjänischer Volksliteratur doppelt interessante Chrestomathie. Zu den Beilagen gehören auch noch und erhöhen den Werth des Werkes als interessante antiquarisch-paläographische Denkmäler 3 Facsimile's, nämlich 1) des permischen oder altsyrjänischen Alphabets vom Jahr 1510 aus einem J. P. Sacharov zugehörenden Nomokanon, 2) einer alten Inschrift auf einem Bilde der heiligen Dreifältigkeit in einer Kirche zu Wologda, ehemals zu Ustjug, früher schon gedruckt, und 3) einer ähnlichen Inschrift auf einem anderen, das Herabsteigen des heiligen Geistes vorstellenden, Gemälde in der Kirche zu Woshemsk im Jarenskischen Kreise, welche Inschrift meines Wissens noch nirgends durch den Druck bekannt gemacht gewesen ist. Am Schlusse des Vorwortes (S. VIII ff.) folgt ein Verzeichniss der Quellen und Hülfsmittel, denen der Verf. bei der Abfassung seiner Grammatik sich bedient hat. Dieses Verzeichniss bildet zugleich eine vollständige Literatur der bisher gedruckten oder in Manuscrip-

ten bekannten syrjänischen Texte und Sprachlehren. Von den letzteren hatte der Verf. hier bereits 4 zu verzeichnen, nämlich 1) Зырянская Грамматика, изданная отъ Главнаго Правленія училищъ. Сочинилъ А. Флёровъ. СПб. 1813. стр. 44, во 8-ку; 2) Grundzüge der Syrjänischen Grammatik von H. C. v. d. Gabelentz. Altenburg 1841. стр. 75, въ 8-ку; 3) Elementa Grammatices Syrjaenae. Conscripsit M. A. Castrén. Helsingforsiae 1844. стр. 166, въ 8-ку und 4) Versuch einer Grammatik der Syrjänischen Sprache nach dem in der Uebersetzung des Evangelium Matthaei gebrauchten Dialekte. Von Ferdinand Joh. Wiedemann, Oberlehrer der griechischen Sprache am Gymnasium zu Reval. Reval 1847. стр. 143 въ 8-ку. Was die vom Verf. unberührte innere und wissenschaftliche Beschaffenheit der 4 Grammatiken betrifft, so ist die erste russische höchst jämmerlich, während von den übrigen 3 jede ihr besonderes Verdienst haben. Das vom Verf. bei dem Namen des Herausgebers der ersten russischen Grammatik in Parenthese beigesetzte Fragezeichen bezieht sich darauf, dass die durchaus verfehlte Arbeit gar nicht einmal von Fljorov, sondern eigentlich von einem syrjänischen Studenten verfasst sein soll, wie der verstorbene gelehrte Mitropolit von Kiev und vordem Bischof zu Wologda Ewgenij in seinem Словарь историческій о бывшихъ въ Россіи писателяхъ духовнаго чина Греко-Россійской церкви. Изданіе 2. Томъ II. S. 238 gelegentlich bezeugt, indem es dort in einer Note namentlich heisst: «Смотри *Зырянскую Грамматику*, напечат.

«въ С. Петербургѣ 1813 г., сочиненную однимъ Зырян-«скимъ Студентомъ, обучавшимся въ Вологодской Семи-«наріи, которую напрасно присвоилъ себѣ издатель Флё-«ровъ, природный Вологжанинъ, такъ какъ и изученіе «якобы имъ языка Зырянскаго».

Der Stoff der nach einem allgemeinen Inhaltsverzeichnisse mit besonderer Paginirung beginnenden Grammatik ist gut systematisch angeordnet und so vertheilt, dass nach einer Einleitung S. 1. mit untergeordneten Abschnitten von Buchstaben S. 2 — 11, von Wörtern S. 11 — 12 und von der Betonung S. 12 — 13, zuerst die ganze Formlehre S. 13 — 81, dann die Wortbildung S. 81 — 92 und zuletzt die Syntax S. 92 — 120, alles in Capiteln, Abschnitten und Paragraphen, abgehandelt werden, worauf dann die Beilagen S. 123 bis Ende oder S. 168 als Chrestomathie folgen.

Von dieser Chrestomathie ist das Nöthige schon oben gesagt worden; von der Grammatik ist als ein besonderes Verdienst des Verf. zuvörderst zu bemerken, dass er nicht wie die bisherigen Bearbeiter solcher neuen Grammatiken in russischer Sprache das ganze russische Alphabet, wie es eben ist, sondern auf meinen Vorschlag mit gehörigen Modificationen aufgenommen hat, d. h. nur so viel davon beibehalten, als nach rationellen allgemeinen theoretischen Principien mit besonderer Rücksicht auf das Syrjänische gerade nothwendig war, daneben aber für solche Laute, die der Sprache eigenthümlich sind, dem Russischen aber fehlen, mehrere eigene neue Buchstaben eingeführt, so dass nun jeder

in der Sprache vorhandener Laut auch seinen eigenen Buchstaben hat, während doch die Gesammtzahl nur 30 beträgt. Nur das die russischen *й* und *ь* ersetzende *j* hat bei dem Verf. zwei verschiedene Functionen beibehalten, indem es nicht nur denselben Buchstaben in anderen europäischen Sprachen eben als Halbvocal vertritt, sondern auch nach russischer Art zugleich dazu dient, Mouillirungen der vorangehenden Consonanten in der Aussprache zu bezeichnen, eine Zweideutigkeit, in Betreff welcher zu wünschen wäre, der Verf. hätte sie vermieden und für den letzteren Fall lieber irgend eine andere sachgemässe Bezeichnungsart an dem resp. Consonanten selbst gewählt. Dadurch wäre auch das Zeichen ', das der Verf. statt des russischen *ь* innerhalb der Wörter, wie z. B. kod'jas, angenommen hat, um so überflüssiger geworden und für denselben Zweck, für welchen es sonst in anderen Sprachen gewöhnlich angewendet wird, zum Bezeichnen der Auslassung eines wirklichen Buchstabens, disponibel geblieben. Indessen leidet wenigstens die Aussprache durch das Verfahren des Verfassers keine Beeinträchtigung, und wird für die Anfänger bei der Lautirung einige dadurch beabsichtigte Erleichterung gewonnen. — In Betreff der Realia wird man in der Grammatik des Hrn. Sawwaitov alles Wesentliche, was man eben im Syrjänischen zu einer vollständigen Uebersicht der Sprachformen und ihres Gebrauches sowol an und für sich als in syntaktischer Beziehung zu wissen nöthig hat, sehr gründlich abgehandelt, und zwar gedrängt, aber klar und mit Präci-

sion im Ausdrucke vorgetragen, finden, woher denn noch diese Sprachlehre sich ganz besonders zum Lehrbuch für Schulen und zum Selbstunterricht eignet und namentlich als solches auch in formeller Hinsicht für ein wahres Muster dienen kann, dem man nur recht viele Nachfolge wünschen muss.

Wie oben bereits angeführt wurde, hat der Verf. seine Grammatik mit einem doppelten Wörterbuche begleitet, das im Ganzen VI und 496 Seiten umfasst, wovon IV die kurze Vorrede, dann II eine Erklärung der gebrauchten Abkürzungen, dann 1 — 236 den syrjänisch-russischen und S. 239 — 496 den russisch-syrjänischen Theil des Wörterbuches enthalten. Wie wir bereits sahen, hat man vor der Erscheinung der neuen Sprachlehre des Verf. schon 4 verschiedene Grammatiken gehabt; für die Lexikographie hingegen existirte bisher im Drucke nichts als blosse Wörtersammlungen, die vom Verf. in der Vorrede des Lexikons aufgezählt werden, nämlich eine in Lepechin's Reisebeschreibung, eine viel beschränktere und dabei höchst fehlerhafte in Pallas' Сравнительные Словари und der auch qualitativ bedeutendere der Castrénschen Grammatik angehängte *Index vocabulorum*. Das Verdienst das erste syrjänische Lexikon herausgegeben zu haben gehört also auch dem Herrn Sawwaitov. Es kann zwar keine Ansprüche auf absolute Vollständigkeit machen, ist aber bei seiner verständigen Anlage und guter Ausführung als erster Versuch sehr beachtenswerth und wird seinen mit der Grammatik verbundenen Zweck erreichen, nämlich dem

Wissbegierigen die syrjänische Sprache bekannter zu machen und zugleich durch den russisch-syrjänischen Theil denen von Nutzen sein, welche entweder Dienstgeschäfte oder anderer Umstände wegen mit den Syrjänen unmittelbar zu verkehren wünschen (vgl. S. 11 ff. in der Vorrede). Jedenfalls wird durch dieses Lexikon der Werth der ganzen Arbeit des Verf. doppelt erhöht, weshalb ich ihn, als auf diesem Felde der Wissenschaft unter Russen zur Zeit noch einzig dastehenden Verfasser, zur Aufmunterung namentlich auch für andere Russen, zu einem ganzen Demidowschen Preise empfehlen zu müssen glaube.

A. J. Sjögren.

РАЗБОРЪ

СОЧИНЕНІЯ

Г-НА Ф. И. ВИДЕМАНА,

ПОДЪ ЗАГЛАВІЕМЪ:

GRAMMATIK DER WOTJAKISCHEN SPRACHE,

СОСТАВЛЕННЫЙ

АКАДЕМИКОМЪ ШЕГРЕНОМЪ.

Herr Wiedemann ist bereits durch zwei im Jahr 1847 zu Reval gedruckte ähnliche Arbeiten (Versuch einer Grammatik der syrjänischen und Versuch einer Grammatik der tscheremissischen Sprache) als talentvoller, äusserst fleissiger und umsichtiger Sprachforscher rühmlichst bekannt. Beide früheren Grammatiken waren im Manuscript zum Demidovschen Concurs an die Akademie eingesandt worden, und zwar die syrjänische Grammatik schon im Jahr 1844; allein aus verschiedenen zufälligen Ursachen musste er sich damals mit der blossen Veröffentlichung des über seine Arbeit von mir abgefassten Berichtes und mit der Erlaubniss sie später gedruckt noch einmal vorstellen zu dürfen begnügen. Erst für seine tscheremissische Grammatik erhielt er dagegen bei der Demidovschen Preisvertheilung vom Jahr 1846 einen halben sogenannten Aufmunterungspreis und zur Deckung der Druckkosten 1500 Rubel in Assignaten, jedoch mit der Bedingung, dass er dafür auch zugleich seine für preiswürdig anerkannte, aus Mangel an Mitteln aber ungedruckt gebliebene syrjänische Sprachlehre

drucken lassen sollte (vgl. Пятнадцатое присужденіе учрежденныхъ П. Н. Демидовымъ наградъ. С. Петербургъ 1846. S. 25 und 30). Für einen glücklichen und schon von vornherein der Wissenschaft erspriesslichen Gewinn verheissenden Gedanken muss man es erklären, dass gerade Herr Wiedemann nach der Vollendung seiner ersten zwei gedachten Arbeiten seine Studien namentlich der wotjakischen Sprache zuwendete, eben weil die Wotjaken, wie bekannt, zwischen den Syrjänen und Tscheremissen wohnen und es sich also, wie es auch der Verf. im Vorworte S. II namentlich hervorhebt, schon a priori erwarten lässt, dass ihre Sprache der syrjänischen und tscheremissischen gegenüber eine eben solche Stellung einnehmen werde, wie es denn auch in der That ist. Die Wotjaken gehören zwar, bemerkt der Verf., durchaus vorherrschend zum nordöstlichen finnischen Stamme und stehen den Syrjänen am nächsten, aber dennoch findet sich in ihrer Sprache Manches, das sie nur mit den Tscheremissen, nicht mit den Syrjänen, gemein haben, auf welchen Umstand der Verf. in dieser Grammatik, wo sich Gelegenheit dazu darbot, im Einzelnen hingewiesen hat. S. III heisst es ferner: «ein Hauptinteresse, das die wotjakische Sprache dem Linguisten darbietet, besteht eben in dem Umstande, dass sie gewissermassen den Uebergang von der südöstlichen zu der nordöstlichen Abtheilung des finnischen Volksstammes vermittelt. Da sie nicht bloss russischem Einflusse ausgesetzt gewesen ist, wie die ihr nächst verwandte, sondern auch türkischem, wie die tschere-

missische, so hat sie natürlich auch noch mehr Fremdes aufgenommen als das Syrjänische. Die Wotjaken sind nicht blos Gränznachbaren der Tataren, sondern wohnen zum Theil auch mit ihnen gemischt, woher ein Theil von ihnen eben so gut tatarisch wie wotjakisch spricht, und es ist daher nicht zu verwundern, wenn viele türkische Wörter und auch Wortformen und Wendungen durch diesen Verkehr mit den Tataren in ihre Sprache gekommen sind. Wie erspriesslich es also auch für das comparative Studium der tschudischen und anderer damit in Berührungen gekommenen Sprachen werden musste, wenn ein und derselbe Mann, von der Befähigung wie Herr Wiedemann, nach der grammatischen Behandlung des Syrjänischen einer- und des Tscheremissischen andererseits, auch das Wotjakische mit gleicher Absicht in Angriff zu nehmen sich entschloss, leuchtet ein. Aber auch abgesehen von dem so eben angedeuteten allgemeinen Gesichtspunkte war der Entschluss in Bezug auf das Wotjakische, an und für sich allein betrachtet, ein um so wichtigerer und die Ausführung desselben auf eine so gründliche Art, wie es hier geschehen, um so dankenswerther, als unter anderen nächst und näher verwandten tschudischen Sprachen gerade das Wotjakische nebst dem Permischen bisher am wenigsten berücksichtigt und behandelt worden war. Im Syrjänischen, Tscheremissischen, Mordwinischen und Tschuwaschischen existiren doch schon gedruckte mehr oder minder umfangreiche Uebersetzungen von einzelnen Theilen der Bibel und namentlich des

neuen Testaments; auch für das Wotjakische hatte man solche vorbereitet und zu veröffentlichen angefangen, und ein Bogen von einer solchen Uebersetzung des Evangelium von Matthaeus war bereits sogar abgedruckt, als die Thätigkeit der bestandenen russischen Bibelgesellschaften aufhören musste und die Fortsetzung des Druckes der wotjakischen Evangelienübersetzung demgemäss eingestellt wurde, so dass jener einzige Bogen, von dem ich ein Exemplar besitze, nach der richtigen Bemerkung des Verf. S. IV, die ganze bisherige gedruckte wotjakische Literatur bildet, ohne jedoch dem Publicum so ganz unbekannt geblieben zu sein, wie es da vom Verf. behauptet wird; denn schon vor längerer Zeit hatte ich den gedachten Bogen dem Hrn. von der Gabelentz in Altenburg mitgetheilt, und eben darauf gründet sich desselben auch von Wiedemann S. XLV erwähnter, aber, wie es scheint, von ihm nicht gesehener kurzer Aufsatz: die wotjakische Declination in Hoefer's Zeitschrift für die Wissenschaft der Sprache I. B. 1. Heft S. 112 — 116. Anders als hierdurch ist das nur bis zum 12. Vers des 2. Capitels reichende Bruchstück der wotjakischen Evangelienübersetzung allerdings nicht zur Kunde des Publicums gekommen. — Eben so dürftig wie die wotjakische Textliteratur sind die bisherigen Mittel zur Erlernung der Sprache, und es existirt bis zu dieser Stunde nur eine einzige in diesen Literaturzweig einschlägige Arbeit, die hier zu St. Petersburg und namentlich bei der Akademie der Wissenschaften unter dem Titel: Сочиненія принадлежащія къ Вотяк-

своѣ Грамматикъ bereits im Jahr 1775 gedruckte, längst schon zu den libri rarissimi gehörende, Grammatik, von welcher von der Gabelentz gleich im Anfange seines obengedachten Aufsatzes mit Recht aussagt, sie sei «in einer so unwissenschaftlichen Weise verfasst, dass sie durchaus nicht geeignet ist, ein auch nur einigermassen befriedigendes Bild von dem Bau der Sprache zu gewähren» und Wiedemann am zuletzt angeführten Orte: «sie ist um nichts brauchbarer, als die um dieselbe Zeit herausgegebene tscheremissische Grammatik. Sie enthält 113 Seiten, davon nehmen aber Wörterverzeichnisse und die Paradigmen der Verba so viel Raum ein, und das Werkchen ist bei aller Weitschweifigkeit doch so dürftig, dass sich alles Wissenswürdige daraus, alle nöthigen Paradigmen mit eingerechnet, in dem Auszug, den ich mir daraus machte, bequem auf 9 Seiten zusammenstellen liess. An eine den Eigenthümlichkeiten der Sprache gemässe Auffassung und Darstellung ist natürlich nicht zu denken, man findet nur — dürftig genug — welche wotjakische Wortformen den russischen entsprechen können, aber von ihrer Anwendung fast nichts, und von einer Syntax ist gar nicht die Rede». Herr Wiedemann war daher vollkommen berechtigt das Erscheinen seiner neuen Grammatik am Schlusse des Vorwortes folgendermassen zu motiviren: «Es gab also, da doch alle anderen Sprachen *) des

*) «Die meisten andern Sprachen» wäre freilich ein genauerer und deshalb vorzuziehender Ausdruck gewesen.

für den Sprachforscher so interessanten finnischen Stammes mehr oder weniger Bearbeiter gefunden hatten, für das Wotjakische noch so gut wie gar keinen. So habe ich denn geglaubt, mit dieser meiner Arbeit eine bei dem Studium der finnischen Sprache sehr fühlbare Lücke auszufüllen, und ich wünsche, dass es mir gelungen sein möchte, diess auf eine den Sprachforscher einigermassen befriedigende Weise zu thun, wenn er eben nicht von einer Arbeit, welche so gut wie die erste auf diesem Felde ist, eine grössere Vollkommenheit verlangt, als nach den Umständen ihr zu geben möglich war».

Damit man sich von diesen Umständen einen richtigen Begriff bilden könne, muss ich zuerst etwas ausführlicher von dem nach allem Angeführten noch unbekanntem Materiale sprechen, auf welches diese erste wissenschaftliche wotjakische Grammatik basirt ist. Obgleich es diessmal nicht, wie bei des Hrn. Wiedemann früheren zwei Sprachlehren, im Titel selbst, sondern erst im Vorworte S. IV, erwähnt ist, haben dem Verf. auch hier wiederum, wenn auch nicht allein, so doch hauptsächlich, zum Material und zur Grundlage Evangelienübersetzungen gedient, nur nicht gedruckte, sondern handschriftliche, und zwar dieselben, von denen ich schon oben als Vorbereitungen zu den beabsichtigten durch den Druck zu veröffentlichenden wotjakischen Uebersetzungen aller 4 Evangelien gesprochen habe und die ich während meiner Reise im Wjätkaschen Gouvernement, nach der bereits erfolgten Aufhebung der russischen Bibelgesellschaften, im Jahr 1827 für mich

theils in Originalconcepten, theils in Abschriften nach den Originalen oder vielmehr auch schon nur ins Reine geschriebenen Copien, die damals im Archiv der gewesenen russischen Bibelgesellschaft in Wjätka aufbewahrt wurden, zu erwerben Gelegenheit hatte, und mit Freuden dem Hrn. Wiedemann zur beliebigen Benutzung anbot, wenn er der Ausarbeitung einer neuen so sehr nöthigen wotjakischen Grammatik sich unterziehen wollte. Dass nun ein von mehreren Personen herrührendes noch rohes Material sowol in seinen einzelnen Theilen sehr ungleich, als auch im Allgemeinen nicht eben vorzüglich sein würde, liess sich schon a priori natürlich erwarten; indessen war es zur Zeit und wol noch auf lange hin das einzige seiner Art und somit von hohem Werthe, übrigens Derjenige, dem es überlassen werden sollte und überlassen wurde, nach meiner vollen Ueberzeugung gerade der Mann, der davon trotz aller Mängel dennoch einen eben so guten Gebrauch machen konnte als ich selbst. In der That hat sich jene Voraussetzung nach beiden Seiten hin vollkommen bewährt. Die Abschriften wimmeln, die einen mehr, die anderen weniger, von allerlei Mängeln und Fehlern, die Herr Wiedemann in seinem Vorworte durch eine detaillirte und jedes Evangelium besonders berücksichtigende innere und äussere Charakteristik *) unter gewissen allgemeinen

*) Wenn es dort vor jener Charakteristik S. IV, wahrscheinlich bloss durch einen Zufall, unmittelbar nach der Angabe, dass er namentlich mir die Mittheilung der Abschriften von den Evangelienübersetzungen verdankt, von diesen heisst: «leider sind sie nicht alle vier gleich

Rubriken umständlich nachgewiesen, worauf er dann mit gleicher Offenheit eine eben so umständliche Rechenschaft darüber ablegt, wie er in allen respectiven Fällen sein Amt als Kritiker verwaltet habe. Bei den vielen und mannigfaltigen Fehlern, denen er beständig begegnete, muss ihm auch sein kritisches Amt sauer genug geworden sein; doch liess er sich keine Mühe verdriessen, verglich, prüfte und combinirte, bis er zum Ziele kam und das Richtige herausfand. «Da man bei mehrmaliger Durchlesung und sorgfältiger Vergleichung wohl dazu kommt das Falsche vom Richtigen zu unterscheiden, so bleiben die Evangelien trotz ihrer vielfachen Mängel immer noch ganz brauchbar, um mit ziemlicher Sicherheit die Sprache daraus zu erlernen» sagt er selbst

---

brauchbar», so dürfte mancher Leser verleitet werden zu glauben, ich sei daran Schuld. Gegen eine solche Vermuthung lege ich hier jedoch im Voraus feierlichst Verwahrung ein, indem ich erkläre, dass ich die beiden von mir veranstalteten Copien der Uebersetzungen von Matthaeus und von 14 Capiteln des Lucas — mehr war von seinem Evangelium nicht übersetzt — mit den in Wjätka aufbewahrten selbst sorgfältig verglichen habe, wie die Correcturen von meiner Hand in allen beiden Abschriften bezeugen. Wenn solche Correcturen bei Matthaeus verhältnissmässig nur sehr selten vorkommen, so beweist das nur, dass 1) der Copist, welcher die Abschrift von Matthaeus für mich anfertigte, weit genauer als der andere für Lucas gewesen und 2), dass das Exemplar von Matthaeus, welches dem Copisten vom Matthaeus zum Original diente, selbst an und für sich kein Original, sondern schon auch eine Abschrift gewesen sein muss, die zwar säuberlich, aber doch höchst nachlässig ins Reine geschrieben worden war und deren Vergleichung mit dem Originale nebst der nöthigen Berichtigung man aus irgend einer Ursache ganz versäumt hatte.

S. XLIII. Zudem kam es ihm sehr zu Statten, dass er auch eine andere und zwar lebendige Quelle für seine Arbeit fand, indem ihm durch die freundliche Verwendung eines Capitainlieutenants von Tobiesen diejenigen Wotjaken aus verschiedenen Gegenden, welche mit einem Theile der russischen Flottenmannschaft den Winter in Reval zubrachten, zugänglich wurden und darunter sogar einer, welcher etwas russisch lesen und schreiben konnte, daher wenigstens etwas daran gewöhnt war, die Sprache überhaupt in einzelne Laute zerlegt zu denken und folglich dadurch im Stande besonders über die Aussprache Auskunft zu geben. Doch nicht bloss in dieser formellen, sondern in so mancher anderen Hinsicht, waren ihm seine Wotjaken von dem wesentlichsten Nutzen, ja unentbehrlich, wie man aus mehreren Stellen seiner Arbeit ersieht, wo er sich auf sie beruft und ihre mündlichen Mittheilungen als entscheidend für seine Bestimmungen besonders hervorhebt, wie namentlich unter anderen Stellen S. 55 in Bezug auf die russischen Possessivpronomina im Wotjakischen ersetzenden Personalsuffixe, in deren Gebrauche eine eben so grosse, wie durch ihre Eigenthümlichkeit und Fremdartigkeit natürliche, chaotische Verwirrung und Verwechselung jener Suffixe mit einander in den Evangelienübersetzungen herrschen soll, wie denn überhaupt gerade jene Suffixe für solche Personen, die aus dem Russischen übersetzen, ohne von dergleichen Suffixen klare grammatische Begriffe zu haben, gewöhnlich eine wahre *crux interpretum* zu sein pflegen.

Ehe ich nun zur näheren Betrachtung der eigentlichen Grammatik selbst gehe, erlaube ich mir hier noch den geehrten Verf. auf Einiges in seinem Vorworte aufmerksam zu machen, wo er entweder aus Missverständniss oder aus Versehen sich nicht genau oder ganz richtig ausgedrückt zu haben scheint. So heisst es S. IV, die Evangelien von Matthaeus und Marcus seien in Jelabuga und Glazov übersetzt, woraus der Leser folgern dürfte, es sei in den sogenannten Städten geschehen, während meine der Abschrift von Matthaeus beigefügte Notiz die nach jenen Städten benannten Kreise gilt. — Die Aussprache des russischen *e* ist doch nicht so vag, wie ein des Russischen unkundiger Leser nach S. XV schliessen dürfte, da es eigentlich bloss im Anfange von Wörtern und Sylben für ein jerirtes e (=*je*) gilt, in der Mitte aber nach Consonanten nicht, mit Ausnahme einiger besonderer Fälle, wo *e* wieder eine andere, von vielen auch durch 2 darüber geschriebene Punkte besonders bezeichnete Aussprache herrscht. Misslich möchte es ferner sein aus den S. XVI dargelegten Gründen das *e* in den wotjakischen Evangelienübersetzungen, wenn auch bloss in der Idee, durchgängig für einen jerirten Parallelvocal zu *ə* zu halten, zumal da der Verf. selbst S. XXII bemerkt, dass *ə* an und für sich in den Uebersetzungen zugleich für *ä* und *ö* und zudem für noch einen anderen hier *ō* bezeichneten Vocallaut dient.

Die Anordnung des gesammten grammatikalischen Stoffes ist mit geringen Abänderungen dieselbe, wie in der früheren tscheremissischen Grammatik des Verfassers,

und zwar mit Recht, weil sie ihm nach S. XLIV nicht nur bei einer Sprache von so gleichem Bau eben so passend schien, sondern auch weil dadurch die Vergleichung mit dem Syrjänischen und Tscheremissischen, als den verwandtesten Sprachen, erleichtert wird. Vertheilt ist der Stoff so, dass nach dem XLVI Seiten langen Vorworte und einem Inhaltsverzeichnisse von S. XLVII bis XLIX mit besonderer Paginirung die Lautlehre S. 1—18, die Formenlehre S. 19—296, die Wortbildung S. 296—307 und endlich die Syntax S. 307—326 umfassen, worauf dann noch von S. 326 bis Ende oder S. 336 Idiotismen folgen und das Werk beschliessen. Ueberhaupt ist also diese im Ganzen 385 Seiten enthaltende Grammatik dem äussern Umfange nach weit grösser als die frühere tscheremissische, welche im Manuscript nur 275 Seiten, d. h. 110 Seiten weniger zählte.

Die allerdings bequemere Vergleichung des hier behandelten Wotjakischen mit dem Syrjänischen und Tscheremissischen in den früheren Grammatiken mag es entschuldigen, dass die Lautbezeichnung, mit Ausnahme zweier für das Wotjakische vom Verf. neu eingeführten Vocale *ö* und *ä*, das nach S. 5 tiefer als jener Selbstlauter sein und zwischen demselben und *o* stehen soll, und eines sogenannten gutturalen durch *ñ* bezeichneten *n* (gleich dem franz. *n* in *mon*, s. Ebendas.), dieselbe geblieben ist wie früher, nur mit dem Unterschiede, dass nun nicht mehr *ts*, sondern *c* geschrieben ist. Sonst hätte der Verf. auch die Bezeichnung anderer ähnlicher

Laute gleichfalls vereinfachen können und sollen. *C* für *ts* einmal angenommen, wäre ja nicht mehr nach deutscher, übrigens jetzt schon in neuen philologischen Werken immer mehr verlassenen, Weise *tsch*, sondern etwa *ć* und analog damit nicht *sch*, sondern *ś* zu schreiben. Um nach einem und demselben Princip alles consequent durchführen zu können, habe ich das vom Verf. noch beibehaltene *ſh* für das russ. *ж*, französ. *j*, längst aufgegeben und dafür nach Rask's Vorschlag *z* angenommen, folglich auch statt *dſh* *ż*. Das schwache *s* hingegen, beim Verf. nach dem französ. *z*, bezeichne ich durch *s* und gewinne so statt des dem Tscheremissischen fehlenden *dz* des Verfassers *ȝ*. Hätte der Verf. eine solche Vereinfachung nicht auf *c* allein beschränkt, sondern weiter ausgedehnt und überall, wo es nöthig war, consequent durchgeführt, dabei aber auch die Mouillirung der Consonanten durch irgend ein anderes diakritisches Zeichen als das übergesetzte ˆ oder nebengesetzte ' bezeichnet, so wäre er auch nicht in die Nothwendigkeit gerathen statt *tſch'*, *dſh'*, *ſch'* und *ſh'* nur *ĉ*, *dẑ*, *ȝ̂* und *ẑ* zu schreiben, ob er gleich selbst S. 8 eingesteht, dass unter den von ihm so geschriebenen Lauten die ersten zwei in der wirklichen Aussprache fast wie ein mouillirtes *tſch* und *dſh* klingen, die zwei letzteren aber «zum Theil wenigstens, wenn auch vielleicht nicht überall» auf ähnliche Weise den Laut eines erweichten *ſch* und *ſh*. Bei einem folgenden *i* hält er die Bezeichnung der Mouillirung am vorhergehenden Mitlauter für überflüssig, wogegen eingewendet werden

muss, dass auch solche Mouillirungen vorkommen können und z. B. im Syrjänischen ja wirklich vorkommen, weshalb man auch mit Recht in der Schrift z. B. *ṡi* von *si* der faktischen Aussprache unterscheidet. In der Auslassung des *l* der mit *al* gebildeten wotjakischen verba frequentativa, z. B. *wuzany* gegenüber syrjän. *wuzawny* (statt *wuzalny*), sieht der Verf. S. 9 eine Analogie mit dem Ishemschen Dialekte im Syrjänischen; allein hier ist ja die Endung eine ganz andere *wuzóny*, nämlich *aw* oder *al* ist in *o* übergegangen, in Folge dessen auch das jene Sylben ursprünglich begleitende, später aber gewöhnlich ausgelassene *y*, wie derselbe Vocal ja auch im Wotjakischen vor der Infinitivendung *ny* häufig ausgelassen wird (s. beim Verf. S. 12), natürlich gleichfalls ein *o* werden musste und also aus dem ursprünglichen *aly*, *awy* bloss ein langes *ó* entstand, ein Bildungsgang, womit die französischen *sauter*, *saumon* und *psaume* aus den lateinischen *saltare*, *salmo* und *psalmus* in Schrift und Aussprache zu vergleichen sind. Noch befremdender ist folgende Bemerkung des Verf. auf derselben S. 9: «das gutturale *n*» (wie wir oben sahen, nach dem Verf. selbst = französ. *n* in *mon*) ist, so viel mir bekannt, den anderen finnischen Sprachen fremd und vielleicht von den Tataren entlehnt, denn im türkischen Sprachstamme ist es einheimisch». Aber vom Finnischen und Lappischen, ja sogar vom Ehstnischen, gilt diess ja auch, obzwar erst jetzt Rask und Stockfleth angefangen haben, es wenigstens im Lappischen auch in der Schrift zu bezeichnen. Im Finnischen und Ehstnischen hat

man bisher jenen Laut eben so wenig in der Schrift bezeichnet, bei allem dem aber wird man wol doch die ehstnischen Wörter *kang*, *kangas* und *ang* oder *hang* z. B. ebenso wie im Finnischen *kanki*, *kangas* und *hanko* mit einem dem französ. nasalen *n* gleichen Laute aussprechen, wenn auch bloss *nk* und *ng* geschrieben werden. Lehrt ja schon Hupel in seiner ehstnischen Sprachlehre (2. Aufl. S. 8) von *n* namentlich, dass es mitten im Worte, wenn *g* oder *k* die folgende Sylbe anfange, sich zu *ng* neige und man daher *rankid* fast wie *rangkid* und *lango* etwa wie *lang-ko* lese, und auch in der neuesten ehstnischen Grammatik von Ahrens ist S. 14 von einem Nasenlaute des *n* vor *g* und *k* die Rede, weshalb denn auch Ahrens die bisher bloss *ning* und *nink* geschriebene veraltete Conjunction neuerlich *ningg* und *ningk* geschrieben hat. Der Verf. hat hier bloss an die angenommene Schrift verschiedener tschudischer Sprachen gedacht, darüber aber das Wesen selbst vergessen.

Was die Formenlehre anbetrifft, so bemerke ich zuvörderst, dass S. 27 als Beleg für den Gebrauch des Verbum *oskyny* mit dem Allativ nicht Marc. 1, 15, sondern irgend eine andere bessere Stelle hätte citirt werden sollen, da jenes Verbum gerade dort ausnahmsweise oder gar fehlerhaft nicht mit dem Allativ, sondern mit dem Adessiv («Jevangelialäa») construirt ist. S. 57 wäre vielleicht, mit Verweisung auf das Vorwort, zu bemerken gewesen, dass *gurtad* und *jurtad* eigentlich ein und dasselbe Wort seien, ob sie gleich verschieden

geschrieben vorkommen, und zwar nicht nur in verschiedenen Evangelien, sondern sogar in einem und demselben (vgl. die folgende S. 58). Das hier gleich in der ersten Zeile aus Marc. 2, 6 aufgeführte *šulmaz* steht nicht an seinem gehörigen Orte, da es nach seiner Stellung an dem angeführten Orte nicht mit dem 3. Singular-, sondern mit dem 3. Pluralsuffixe versehen ist. Uebrigens bildet eben die Formenlehre, nebst den darauf folgenden Abschnitten von der Wortbildung und der Syntaxe, wie den eigentlichen stammfesten Kern, so die Glanzpartie des ganzen Werkes, und der Verf. hat darin genügsam gezeigt, dass er nicht bloss das Zerstreute mit einem Fleisse und mit einer Beharrlichkeit, die Bewunderung verdienen, zu sammeln und zu ordnen, sondern auch das so emsig und vollständig Zusammengestellte mit durch langwierige Uebung geschärftem Auge und Geiste auch zu analysiren, zu erläutern und zu erklären versteht, alles mit interessanten Seitenblicken auf verschiedene andere Sprachen, um die erörterte Erscheinung dadurch um so einleuchtender und anschaulicher zu machen. Zum Beweise verweise ich unter anderen nur auf den trefflichen Abschnitt über die im Wotjakischen fast ins Unendliche reichen und mannigfaltigen abgeleiteten Zeitwörter (S. 127 ff.), die eben ihrer Menge und eigenthümlichen Beschaffenheit wegen in Form und besonders Bedeutung um so schwieriger gehörig zu sondern und zu erklären waren, als der Verf. einerseits in den Evangelienübersetzungen in dem Gebrauch des reichen Stoffs keine Sicherheit finden, andererseits

aber auch über Bedeutung und Unterschied der Formen von seinen Wotjaken selbst keine hinlängliche Auskunft erlangen konnte, da sie sich nicht anders als im Russischen expliciren, ihre Sprachformen zur Erklärung nur mit russischen vergleichen konnten, unter denen sie aber eben nichts Entsprechendes fanden. Dem Verf. blieben also zum Leitfaden in und aus dem Labyrinthe nur seine eigene Beobachtung und die Analogie mit anderen verwandten Sprachen, namentlich der syrjänischen und der eigentlichen finnischen, insofern diese ihm aus Büchern bekannt sind, übrig. Und mit diesem Leitfaden hat er sich dennoch glücklich herausgewunden, das Meiste auch für seine Leser klar und richtig bestimmt, in anderen einzelnen zweifelhaften Punkten aber mit feinem Gefühle das Richtige wenigstens geahnt und angedeutet. So z. B. wenn er S. 161 als das Wahrscheinlichere vermuthet, die verlängerte Endung *en* bei Verbalnomina auf *em* sei keine Paragoge, sondern eine Instrumentalendung. Kennete er das Finnische nicht bloss aus Büchern, so hätte er da von einer Paragoge gar nicht einmal gesprochen; denn in der finnischen Umgangssprache sagt man auch mit dem im Wotjakischen ebenfalls durch den Instrumental repräsentirten casus Essivus z. B. *se oli kirjotettuna* (das war geschrieben) statt mit dem Nominativ: *se oli kirjotettu*, wie man in Büchern liest. Nur in einem einzigen Punkte kann ich mit dem Verf. durchaus nicht einverstanden sein, darin nämlich nicht, dass es weder im Wotjakischen, noch im Syrjänischen, ein freilich nur auf die 3. Person

der beiden Numeri sich beschränkender, in den übrigen 2 Personen aber mit dem Präsens identisches, eigenes Futurum geben solle, was der unbekannte Verfasser der alten im Jahr 1775 erschienenen Grammatik, allerdings mit ganz irriger Vermengung verschiedener Verbalclassen in den ersten 2 Personen, annahm; vielmehr sollen nach Herrn Wiedemann die doppelten Formen, die das Wotjakische neben dem nächst verwandten Syrjänischen für die 3. Person in beiden Numeri darbietet, und das erstere obendrein nicht bloss in der affirmativen, sondern auch in der negativen Conjugation, in beiden Sprachen eben nur Doppelformen eines und desselben tempus Präsens sein. In Bezug hierauf hat er hier S. 184 ff. eine lange durch mehrere Blätter fortlaufende Erörterung geliefert und darin für seine Meinung viel Geist und Scharfsinn aufgeboten, die ich achten muss, ohne mich jedoch dadurch in der Hauptsache selbst irre machen zu lassen. Im Gegentheil finde ich in der offenbaren Uebereinstimmung der doppelten wotjakischen Verbalendungen der 3. Person mit denselben im Syrjänischen, in dem freilich wechselnden, sächlich aber recht verstanden eher pro als contra stimmenden Gebrauche derselben in den Evangelienübersetzungen, so wie ganz besonders in dem Umstande, dass die 3. gerade einen Begriff der Zukunft involvirende Person des Imperativs nicht mit den kürzeren Endungen, sondern mit den auf *oz* und *ozy* nebst der vorgesetzten Partikel *med* wiedergegeben wird (s. S. 204), eine fernere Bestätigung meiner schon von früher her entgegengesetzten

Ansicht. Interessant wird es dem Verf. sein hier durch mich als Ergänzung zur S. 233 zu erfahren, dass die theils ganz gleichlautend, theils in der Form *dyn* gebrauchte Postposition *din* im Syrjänischen auch als reines Substantiv vorkommt, und zwar vom dickeren Ende eines Baumes oder eines Balkens, aber auch von der Mündung eines Flusses (als dessen breiteres Ende) gebraucht. S. 296 ist bei der Interjection *wot*, wie bei anderen ähnlichen Wörtern, hinzu zu setzen, dass es aus dem Russischen entlehnt ist; ebenso S. 300 unter den in § 234 unter den Wörtern auf *o wizmo* hinzuzufügen, um die spätere Verweisung darauf S. 302 wahr zu machen. Noch ist gleichfalls zu bemerken, dass unter den Idiotismen sich mehrere Russicismen finden, wie namentlich S. 331 *keltyny* verlassen, *kosyny* befehlen und *leziny* lassen, erlauben, wenn sie mit Negationen gebraucht werden, um das Gegentheil (sich erbarmen, Mitleid haben und verbieten) zu bezeichnen, entsprechend den russischen: *не оставить*, *не велѣть*, *не пускать*, *не позволять*, und S. 332 f., wo die Redensarten: *ma mynym-no tynodi-no ushmy* und *ma ush tynyd* den russischen: *что намъ за дѣло*, *что тебѣ за дѣло* für: was geht es uns an, was geht es dich an entsprechen und gewiss nach diesen russischen ins Wotjakische eingeführt worden sind.

Wenn ich nun nochmals dieses in seiner ganzen Anlage und Ausführung, trotz der einzelnen hervorgehobenen, übrigens aber meist zu beseitigenden Fehler

und Mängel, ausgezeichnete Werk überblicke, und dabei zugleich erwäge, dass es die erste wissenschaftliche wotjakische Grammatik ist, deren Zustandebringen mit Rücksicht auf das Material, worauf es gegründet ist, dem Verf. eine ungeheuere, nur von seltenen zu überwindende Mühe gekostet hat, so kann ich nicht umhin den Verfasser zu einem wohl verdienten ganzen Demidovschen Preise zu empfehlen.

A. J. Sjögren.

РАЗБОРЪ

сочиненія

Г-на А. Г. ШРЕНКА,

подъ заглавіемъ

REISE DURCH DIE TUNDREN DER SAMOJEDEN

ZUM ARKTISCHEN URALGEBIRGE,

составленный

Гг. Академикомъ ГЕЛЬМЕРСЕНОМЪ

и Докторомъ КАСТРЕНОМЪ.

Herr Schrenk reiste am 14. April 1837, im Auftrage des Kaiserlichen botanischen Gartens, von St. Petersburg ab, um das nördliche Ende des Uralgebirges zu durchforschen und nahm seinen Weg zunächst über Archangelsk und Mesen nach Ustj-Zylma, an dem Petschoraflusse; verfolgte diesen bis zu der Ansiedelung Kolwa und durchschnitt dann die Bolschesemelskaja Tundra, das sogenannte Grossland der Samojeden, in der Richtung zu der Meeresbucht Hayodepadara (Chalpudyrskaia auf Graf Keiserlings Karte des Petschoralandes) und erreichte, nachdem er über die Flüsse gesetzt, welche dieser Bucht von SO nach NW zufliessen, jenen niedern Gebirgszug Paikhoi, den später auch der Oberst Hofmann, auf seiner zweiten Reise nach dem nördlichen Ural, im Jahre 1848, besucht hat. Herr Schrenk hält dieses, nach NW streichende Gebirge für den nördlichsten Ausläufer des continentalen Urals und sieht die Bergzüge auf Waigatsch und Nowaja Semlä als dessen maritime Fortsetzungen an.

Dem Gebirge folgend gelangte er an die Jugrische

Strasse, besuchte den südlichen Rand der Insel Waigatsch, und ging dann in südöstlicher Richtung längs demselben Gebirge zurück bis in die Gegend wo es sich der Hauptkette des Urals, oder dem Muttergebirge anschliesst, wie Herr Schrenk sich ausdrückt. Diese Gegend liegt etwa unter 67° 30′ N. B. und ist durch den Berg Horomaga bezeichnet. Durch das Grossland der Samojeden trat er sodann seinen Rückweg über Pustosersk, Mesen und Archangelsk nach St. Petersburg an, das er am 31. October desselben Jahres glücklich wieder erreichte.

Während dieser Reise von 7 Monaten sammelte der Verfasser eine für die beschränkte Zeit überraschend grosse Menge von Beobachtungen und Nachrichten in den verschiedensten Gebieten des Wissens, wie Botanik, Geognosie, Zoologie, Geographie, Meteorologie, Statistik, Sprach- und Völkerkunde. Es bedurfte wohl eines nicht gewöhnlichen Eifers und Fleisses um unter mancherlei empfindlichen Entbehrungen und Beschwerden einer hochnordischen Reise, ein so reiches Material zusammenzubringen, als der Verfasser in dem vorliegenden Werke bearbeitet hat. Es besteht dieses aus zwei starken Bänden, von denen der erste auf 730 Seiten, in der Form eines Tagebuchs, nicht nur den vollständigen Bericht über die Erlebnisse der Reise und über die angestellten Beobachtungen, sondern auch ausführliche Betrachtungen über die gegenwärtigen Zustände der Samojeden und Syränen, über deren künftiges Schicksal und mancherlei andere Gegenstände enthält, Betrachtungen zu wel-

chen der Verfasser bei dem Recapituliren seines reichen Tagebuchs und durch das Nachlesen älterer Werke über unsern Norden mag veranlasst worden seyn.

Der zweite, noch unvollendete Band enthält schon jetzt auf 432 Seiten, 14 einzelne Aufsätze folgenden Inhalts:

1. Orographish-geognostische Uebersicht des Uralgebirges im hohen Norden.
2. Palaeontologische Bemerkungen über die von Herrn Schrenk gesammelten Versteinerungen, vom Grafen Al. Keiserling.
3. Ueber die auf der Reise durch Barometerbeobachtungen bestimmten Höhen, vom Professor Kämtz in Dorpat.
4. Die Hydrographie des bereisten Landstrichs.
5. Uebersicht des Ländergebiets der Archangelschen Samojeden.
6. Reisen und Aufenthalt der Engländer im Petschoralande in den Jahren 1611 bis 1615, ein in deutscher Sprache abgefasster Auszug aus Purchas's bekanntem Werke über diesen Gegenstand.
7. Reisen der Russen in die Ländergebiete der Samojeden, gegen Ausgang des 16. Jahrhunderts, ebenfalls nach Purchas.
8. Bemerkungen zu Lehrbergs Abhandlung über die Jugren oder das Jugrische Land.

9 und 10. Bemerkungen über die Sprache der Samojeden, mit einem Vocabularium der Archangelschen

Samojeden- und Syrjänen-Sprache; 905 Wörter enthaltend.

11. Volkslieder und Mährchen der Samojeden.
12. Das Rennthier in den Tundren der Samojeden, vorzugsweise im Grosslande.
13. Note über die jagdbaren Vierfüssler in den Tundren der Archangelschen Samojeden.
14. Die Mesener Jagden auf Seethiere des Weissen Meeres.

Ein nicht unbedeutender Theil des Werks, nämlich der ethnographische und linguistische Inhalt desselben, ist von Herrn Castrén beurtheilt worden; daher beschränken wir uns darauf über die geognostischen, geographischen und naturhistorischen Beobachtungen zu berichten, auf welche wir glauben einen besondern Werth legen zu dürfen, ohne dabei den Nutzen aller übrigen Mittheilungen zu verkennen.

Wir haben schon bei einer ähnlichen Gelegenheit darauf aufmerksam gemacht, wie das nördliche Ende des Uralgebirges und das an ihn grenzende Petschoraland bis in die neueste Zeit für die Wissenschaft eine terra incognita geblieben war. Sujew, der bekannte Begleiter von Pallas, war von der Ostseite bis an den Karischen Meerbusen vorgedrungen, hatte aber von hieraus das Paikhoi-Gebirge nicht betreten, sondern nur gesehn, und erfahren dass es an der Nowaja Semlja gegenüberliegenden Küste, sein Ende erreiche. Die Bemühungen Erman's, der einige, nordwestlich von Obdorsk gelegene Vorberge des Gebirges besuchte, erweiterten die Kennt-

niss des letztern nur wenig, und die bergmännische Expedition, die in den Jahren 1831 bis 1834 von Bogoslowsk aus nach Norden bis zum 64° der Breite vordrang, brachte über den weitern Verlauf des Gebirges auch nur spärliche Nachrichten. Von der grossen Tundra der Samojeden wusste man zwar etwas mehr, allein auch sie war bis dahin von keinem Naturforscher untersucht worden. Die Reise des Herrn Schrenk kann daher mit Recht eine Entdeckungsreise genannt werden, und wenn die Resultate späterer Reisen nach diesen Gegenden, die in dem Jahre 1843 vom Grafen Keiserling und Herrn P. von Krusenstern, im Jahre 1848 aber von dem Oberst Hofmann ausgeführt wurden, auch viel früher bekannt geworden sind als der verspätete Bericht des Herrn Schrenk, so bleibt letzterem doch das Verdienst der erste wissenschaftliche Forscher auf jenen hochnordischen Ländergebieten gewesen zu seyn.

Fassen wir zunächst die botanischen Beobachtungen ins Auge, so sind sie für die Kenntniss von der Verbreitung und Vertheilung der Pflanzen im hohen Norden, wichtiger als für die Kenntniss der Pflanzen selbst. Ueber ihr erstes Erscheinen, ihre rasche Entwickelung, über den Anbau von Kulturpflanzen, über die nördliche Grenze des Baumwuchses, enthält der erste Theil des Werks sehr viele und werthvolle Angaben, welche der Verfasser wohl ohne Zweifel in ein allgemeines, übersichtliches Bild von der Pflanzenwelt des Uralischen Nordens zusammenfassen wird, wie er diess mit den geognostischen und geographischen Beobachtungen ge-

than hat. Am 14. Mai waren in der Umgebung der Stadt Mesen nur wenige Spuren des erwachenden Pflanzenlebens zu sehn; nur spärliche Keime wagten sich an die rauhe Frühlingsluft und dennoch baut hier der beharrliche Nordländer Gerste und Roggen an und erntet in guten Jahren von ersterer das 4-te und 5-te, von letzterem das 5-te und 6-te Korn. Am 1. Juni standen auf dem Wege von Mesen nach der Petschora schon viele Pflanzen in voller Blüthe; an der Kolwa mochten sie erst um diese Zeit aufgesprosst seyn, und blühten hier in den letzten Tagen des Juni. Auf dem Paikhoi, wo die spärliche Vegetation kaum etwas Neues aufzuweisen hatte, waren im Anfange des August die meisten Pflanzen bereits verblüht und hatten Saamen angesetzt.

Nicht minder zahlreich und von besonderem Interesse, weil neu, sind die geognostischen Beobachtungen. Ueberall wo die Gelegenheit sich dazu bot, zeichnete der Verfasser sorgfältig und mit Sachkenntniss die Beschaffenheit, die Lagerung und den paläontologischen Inhalt der verschiedenen Felsarten auf; die eingesammelten Versteinerungen, unter denen sich mehrere neue Arten befinden, machten es dem Grafen Keiserling möglich das relative Alter der Schichten zu bestimmen, in denen sie gefunden wurden. Wir lernen den Bergkalk an der Dwina und Pinega, den Bergkalk an der Ostseite des Timangebirges und an der Petschora und Kolwa kennen, wo er als Gerölle des Urals vorkommt; ferner den Devonischen Sandstein an den Ufern der Zylma, den Permischen Kalkstein an der Pinega, wo er auf

weissem Gypsfels liegt und endlich giebt der Verfasser uns eine ziemlich ausführliche Schilderung von der geognostischen Beschaffenheit des Paikhoigebirges, das er den Arktischen Ural nennt und als die unmittelbare, nach Nordwest gewendete Fortsetzung des polarischen oder nördlichen Urals betrachtet, der nördlich von Bogoslowsk beginnt und am Horomaga, etwa 50 Werst vom Karischen Meerbusen, plötzlich zur Niederung abfällt. Der maritime Ural auf Waigatsch und Nowaja Semlja wäre nach Herrn Schrenk's Ansicht, wiederum die Fortsetzung des arktischen Urals. Wir würden die Grenzen unseres Berichts weit überschreiten, wenn wir die Ansicht näher beleuchten wollten, welche der Verfasser pag. 449 des ersten Theils, so entschieden ausspricht, und nach welcher der Horomagaberg den Ural keineswegs beschliesst, sondern nur die Stelle bezeichnet, an welcher die Axe des Gebirges in einem rechten Winkel nach NW. verworfen wird, wobei seine einzelnen Gipfel bis zu unbedeutender Höhe herabsinken um erst im weitern Verlaufe, nämlich in der Kette des arktischen Urals wieder die Höhe eines Gebirges zu erreichen. Aber bemerken müssen wir, dass uns diese Ansicht weder durch geognostische, noch durch orographische Gründe hinlänglich gerechtfertigt zu seyn scheint. Nach Hrn. Schrenks eigener Angabe fehlen dem Paikhoi mehrere karakteristische Gesteine des Urals; es fehlen ihm Granit, Augitporphyr, Talkschiefer und Glimmerschiefer; die plutonischen Gesteine scheinen im Paikhoi nur einen Repräsentanten zu haben, nämlich

den Diorit; auch Silurische und Devonische Schichten konnten in demselben, so wenig wie Bergkalk nachgewiesen werden. Bedenken wir ferner dass nach Herrn Schrenks eigener Angabe der äussere Charakter der Höhen des arktischen Urals von dem der Polarischen Kette ganz verschieden ist (pag. 12 des zweiten Theils) dass die Streichungslinie des arktischen Urals um volle 90° von der des Polarischen differirt, und endlich, dass nach dem Zeugnisse des Oberst Hofmann, der beide Gebirge aus eigener Anschauung kennt, der Ural durch eine gegen 40 Werst breite Niederung vom Paikhoi getrennt ist, so werden wir auf die Vermuthung geleitet es sei letzterer ein selbstständiges Gebirge, wie die Timankette.

Auf die Erforschung der geographischen und hydrographischen Verhältnisse hat Herr Schrenk einen besondern Fleiss und grosse Aufmerksamkeit verwendet; wir finden in seinem Buche eine sehr bedeutende Menge hierher gehöriger Notizen; überall sind die Gewässer, Hügel, Berge, Thäler und Schluchten, die Richtung, die gegenseitige Lage und Entfernung derselben von einander mit der Genauigkeit angegeben, wie sie der Kompass und die Schätzung zulassen. Bei dem Eifer, mit welchem der Verfasser die Sprache der Samojeden und Syränen kennen zu lernen suchte, darf man mit Bestimmtheit annehmen, dass er auf die Ermittelung der wahren und richtigen Namen eine besondere Sorgfalt werde verwendet haben, und so liegt uns ein reiches und gewissenhaft gesammeltes Material vor, dessen gros-

ser Werth für die genauere Kenntniss des Landes nicht zu bezweifeln ist, und den wir schon jetzt, ohne die Controle durch spätere Reisende, gern anerkennen.

Ebenso dankenswerth sind die Angaben über Handelswege, Transportmittel, über die Gegenstände des Handels, die Gewerbe, die nutzbaren Thiere, die Art sie zu jagen oder zu gebrauchen; dem nützlichsten derselben, dem Rennthiere, hat der Verfasser ein besonderes Capitel im zweiten Bande, gewidmet, das wohl Alles enthält, was über die äussere Erscheinung dieses Thieres und sein Verhältniss zum Menschen gesagt werden kann.

Es bedarf nun, unseres Erachtens, keiner genaueren Erörterung um die Meinung zu rechtfertigen, dass Herr Schrenk durch gewissenhafte und sehr ernste Bemühungen, die Kenntniss des Samojedenlandes und des Paikhoigebirges, dessen Entdecker er genannt werden kann, sehr wesentlich und umfassend gefördert hat; sein Werk behandelt ein Gebiet Russlands, das vor Hrn. Schrenk von keinem wissenschaftlichen Forscher betreten worden war, obgleich dasselbe sehr viel Eigenthümliches aufzuweisen haben musste; die Art wie der Verfasser sowohl frühere als spätere Nachrichten über das Land selbst und über die maritimen Nebenländer, Waigatsch, Nowaja Semlja und die Kaninhalbinsel benutzte, gereichen dem Buche zu einer erwünschten Vervollständigung und dem Leser zur Belehrung, und wenn es dem Verfasser auch nicht gelang allen Zweigen des Forschens vollkommen zu genügen, so hat er doch in den meisten

derselben des Verdienstlichen so viel geleistet, dass wir der Akademie die Zuerkennung eines Aufmunterungspreises vorschlagen und die Annahme dieses Vorschlags mit Zuversicht hoffen dürfen.

Baer,
Helmersen,
A. Th. von Middendorff.

Bericht über den ethnographischen Theil von Schrenk's Reise.

Oefter als je zuvor sind in den letztverflossenen Jahren wissenschaftliche Reisen zu den nördlichen Theilen von Russland und Sibirien unternommen worden. Sowohl einheimische als auch ausländische Gelehrte haben ihre Mühe daran gesetzt, die dunkelen Polarländer mit der Fackel der Forschung zu beleuchten. Vorzugsweise waren es die verschiedenen Erscheinungen der äusseren Natur, die ein Ziel des eifrigen Strebens der Gelehrten ausmachten. Was dagegen die Verhältnisse des Menschenlebens betrifft, so hat man gewöhnlich in dieser Hinsicht nur eine geringe und äusserliche Aufmerksamkeit gehabt. Besonders ist unter den Bewohnern des Nordens der Samojedische Volksstamm mit Gleichgültigkeit betrachtet worden. Unter den Reisenden aber, die sich bemüht haben eine genauere Kenntniss des genannten Volkstamms zu erlangen, nimmt Herr Schrenk unläugbar eine der ersten Stellen ein. Freilich war die Ethnologie auch für ihn eine Nebensache, er hat sich ihrer jedoch mit einer Sorgfalt angenommen, die alle Achtung verdient.

Bekanntlich unternahm Herr Schrenk im Sommer 1837 auf Kosten des Kaiserl. botanischen Gartens zu St. Petersburg eine Reise nach den Samojedentundren im Archangelschen Gouvernement. Die Resultate dieser Reise hat er neulich angefangen dem gelehrten Publikum in einer Arbeit vorzulegen, welche den Titel führt: «Reise nach dem Nordosten des europäischen Russlands, durch die Tundren der Samojeden, zum arktischen Uralgebirge, auf Allerhöchsten Befehl für den Kaiserl. botanischen Garten zu St. Petersburg im Jahre 1837 ausgeführt von Alexander Gustav Schrenk». Der erste Theil dieses Werks ist im Jahr 1848 in Dorpat erschienen und umfasst 730 Octavseiten. Der zweite Theil, der auch der letzte zu sein scheint, befindet sich noch unter der Presse; der Referent ist jedoch so glücklich gewesen, die bis jetzt gedruckten Bogen dieses Theils zu sehen, die 432 Seiten ausmachen. Im ersten Theil, der in Form eines Tagebuchs abgefasst ist, gibt der Verfasser Rechenschaft über den Verlauf seiner Reise und theilt dabei in chronologischer Ordnung seine während der Reise gemachten Beobachtungen mit. Der zweite Theil dagegen enthält vermischte Aufsätze, die sich theils auf das Land und seine Erzeugnisse, theils auf die Bewohner jener Gegenden, ihre Sprache, Gesänge u. s. w. beziehen. Einer dieser Aufsätze ist dem Verfasser von dem Grafen Keyserling, ein anderer von dem Prof. Kämtz mitgetheilt, drei sind gedruckten Quellen entlehnt, die übrigen neun sind aus der eigenen Feder des Verfassers geflossen.

Da das in Frage stehende Werk von dem Verfasser zu dem Demidowschen Concurs eingereicht worden ist, bin ich aufgefordert worden, mein Urtheil über die Theile der Arbeit abzugeben, welche die ethnologischen Verhältnisse berühren. Ehe ich daran gehe diesen Auftrag zu erfüllen, sei es mir erlaubt, aus der Vorrede des Werks folgende Stelle anzuführen: «dem wissen-«schaftlichen Publikum, dem ich das Werk vertrauungs-«voll in die Hände lege, wünsche ich darin ein treues «Bild von der Natur eines wenig gekannten, wenig ein-«ladenden Landstrichs mit dessen Bewohnern gegeben «zu haben. An einem redlichen Eifer dieses Bild nach «allen Seiten hin mit seinen Schatten und Lichtern her-«vorzuheben, hat es nicht gefehlt, und wo eine lautere «Wahrheitsliebe die Feder des descriptiven Reisenden «führte, da können auch die magersten Berichte Nutzen «schaffen. Das Mehr oder Weniger dieses Nutzens aber «wollen wir nicht erwägen, da ein Jeder nur so viel «ausgibt, als er besitzt, und ihm Niemand vorzuwerfen «das Recht hat, was er mehr besitzen könnte.» Mit diesen Worten hat der Verfasser den Gesichtspunkt andeuten wollen, von welchen aus er seine Reisebeobachtungen beurtheilt wünscht. Dass dies nach dem Princip «non quantum, sed quale» geschehen müsse, ist eine billige Forderung des Verfassers, und ich für meinen Theil werde versuchen in dieser Hinsicht den Wünschen desselben entgegen zu kommen.

Ich will demnach kein sonderliches Gewicht darauf legen, dass der Verfasser manche Fragen, die in ethno-

graphischer Hinsicht von der allergrössten Bedeutung sind, theils mit einem vollkommenen Stillschweigen übergangen, theils unvollständig behandelt hat. Im Vorbeigehen mag jedoch bemerkt werden, dass man nicht im Stande ist aus der Arbeit des Verfassers irgend eine klare Einsicht über die socialen Verhältnisse der Samojeden im allgemeinen zu erlangen und am allerwindesten über ihre eigenthümliche Art und Weise, unter sich Recht und Gerechtigkeit auszuüben. In der sechsten Beilage des 2ten Theils theilt der Verfasser zwar im Auszuge eine Uebersetzung des zur Verwaltung der Samojeden im Archangelschen Gouvernement herausgegebenen und Allerhöchst bestätigten Reglements mit, die meisten Samojedenstämme leben jedoch, da sie nicht lesen können und auch der russischen Sprache nicht mächtig sind, bis auf diesen Tag in gänzlicher Unbekanntschaft mit diesem Reglement und folgen in den meisten Punkten ihren eigenen von den Vätern ererbten Gesetzen. Ueber diese in vieler Hinsicht unbestimmten und willkürlichen, aber auf jeden Fall höchst wichtigen Gesetze hat der Verfasser, wie gesagt, den Leser in Unkenntniss gelassen. Mangelhaft und zum Theil fehlerhaft ist auch des Verfassers Darstellung von dem magischen Religionskultus der Samojeden, von ihrem Naturell und Charakter, von ihrer Gefühls- und Vorstellungsweise, von ihrer Sprache, ihren Sitten u. s. w. Im Allgemeinen ist es dem Verfasser nicht geglückt, während seiner kurzen, von ungleichartigen Geschäften in Anspruch genommenen Reise eine hinreichende Auf-

merksamkeit solchen Fragen zu schenken, welche die innere, geistige Thätigkeit des Volks betreffen, Fragen, die man in Folge ihrer ideellen Natur schwerlich rasch auffassen und durchschauen kann.

Dagegen sind seine ethnographischen Angaben in allen den Fragen, die das äussere Verhalten des Lebens berühren, weit erschöpfender und mit geringen Ausnahmen höchst zuverlässig. Als Naturforscher gewohnt die kleinsten Bestandtheile eines Gegenstandes mikroskopisch zu betrachten, lässt er auch als descriptiver Ethnograph nichts seinem Blicke entgehen, sondern zeichnet alles mit der äussersten Genauigkeit ab. Seine ethnographischen Beschreibungen werden dem grösseren Publikum vielleicht allzu minutiös und wenig interessant vorkommen, doch für den Mann der Wissenschaft haben sie einen hohen Werth eben durch die Treue der Zeichnung. Es ist augenscheinlich, dass der Verfasser seinen Reisezweck mit Ernst verfolgt hat, und bietet auch der ethnologische Theil seiner Arbeit hier und da einige schwächere Parthien dar, so werden diese doch leicht von dem Guten und Verdienstvollen, das der Verfasser auch in ethnologischer Hinsicht geleistet hat, überwogen.

Da ich trotz aller Anerkennung der Verdienste von Herrn Schrenk, seiner Arbeit nicht bloss verschiedene Mängel, sondern auch wirkliche Fehler vorgeworfen habe, dürfte es wohl meine Pflicht sein zur Rechtfertigung meines Urtheils aus seinem Werke mindestens die eine oder die andere fehlerhafte Angabe hervorzuheben. Ein Feind jeglicher kleinlichen Kritik werde ich mich

bemühen alle die Missgriffe und Versehen aus dem Spiel zu lassen, die nach meiner Ansicht weder in ethnologischer noch in linguistischer Hinsicht von irgend einer grössern Bedeutung sind.

Ein Umstand, auf den der Verfasser selbst ein besonderes Gewicht zu legen scheint, ist das gegenseitige Verhältniss, in welchem die Samojeden und die Ishemschen Syrjänen zu einander stehen. Billiger Weise nimmt der Verfasser sich der unterdrückten Samojeden an; mir will es jedoch scheinen, dass er sich dabei manches Unrecht gegen die Syrjänen zu Schulden kommen lässt. Er schildert sie von Anfang bis zu Ende als ein zu gleicher Zeit halsstarriges und kriechendes, undienstfertiges, misstrauisches, tückisches und hinterlistiges, geiziges und gewinnsüchtiges Volk. Er hat für sie keine besseren Epithete als Abenteurer und dreiste Freibeuter, beschuldigt sie des Mordes, der Plünderung und der grössten Missethaten. Er lässt keinen Lichtstrahl auf die dunkle Tafel fallen, auf welcher er ein Bild des Nationalcharakters der Ishem'schen Syrjänen gezeichnet hat, und dennoch dürfte jeder unpartheiische Richter gezwungen werden einzusehen, dass man gerade bei den Ishem'schen Syrjänen mehr edles, gutes und rühmenswerthes als bei ihren sämmtlichen Nachbaren findet. Was ich besonders bei den Syrjänen hoch schätze, ist ihre weiche, milde und zarte Herzensstimmung, über die auch alle ächten Lieder ein unabweisliches Zeugniss ablegen *). Eine natürliche Folge dieser Gemüthsver-

*) Der Verfasser äussert Thl. I. S. 222, dass unter den Syrjänen

fassung ist das allgemein bekannte Wohlwollen und die Dienstfertigkeit, welche die Syrjänen jedem zu erweisen bereit sind, der sich ihnen mit Freundschaft und Vertrauen nähert. Auch hinsichtlich ihres tiefen Rechtsgefühls geniessen die Syrjänen selbst bei ihren Feinden eine grosse Achtung. Endlich habe ich ihren treuen, sichern, zuverlässigen Charakter überall auf das Vortheilhafteste schildern hören, und auch ich habe Gelegenheit gehabt die allerunzweideutigsten Beweise dieser dem finnischen Volksstamm fast angeborenen Tugend zu sehen. Es kann den Syrjänen mit Recht zur Last gelegt werden, dass sie sich auf unerlaubten Wegen die Rennthiere der Samojeden angeeignet und sich selbst zu Herren ihres Landes gemacht haben, aber so sehr

---

sowohl Männer als Frauen „nur russisch singen". Diese Angabe ist jedoch ganz ungegründet. Es dürfte dem Verfasser nicht unbekannt sein, dass syrjänische Volkslieder durch den Druck in russischer Uebersetzung bekannt gemacht worden sind. Gerade an den Orten, wo der Verf. gereist ist, habe auch ich verschiedene Lieder aufgezeichnet, die in der eignen Sprache der Syrjänen gedichtet sind. Zwei dieser Lieder findet der Verf. in schwed. Uebersetzung in der Zeitschrift „tostesländskt Album" herausgegeben. Eine andere, die Syrjänen betreffende, Unachtsamkeit hat sich der Verf. in demselben Theil S. 223 zu Schulden kommen lassen, wo er sagt: „seit kurzem erst ist das Neue Testament von einem russischen Geistlichen zu Ishma aus dem Slavonischen in die syrjänische Sprache übertragen worden." Bekannt ist es, dass eine syrjänische Uebersetzung des Evangeliums Matthaei schon 1823 in St. Petersburg herausgegeben wurde, diese ist jedoch nicht von einem Ishemschen Priester, sondern von dem Protojerei in Ustsyssolsk Alexander Schergin verfasst. Sollte die Ishem'sche Uebersetzung vielleicht handschriftlich existiren?

ich auch mit dem Verfasser das Schicksal des armen Samojedenvolkes beklage, so glaube ich dennoch, dass die Syrjänen die Unterdrückung nicht weiter getrieben haben, als jede andere Nation an ihrer Stelle gethan haben würde. Was ich mit Gewissheit weiss, ist, dass die Syrjänen zur Zeit meiner Anwesenheit in Ishemsk über ein Mittel berathschlagten, um dieser Unterdrückung ein Ende zu machen und die schlimmsten unter ihren Brüdern, deren Zahl auf dreissig Mann angegeben wurde, von der Tundra zu vertreiben. Schon diese einzige Handlung beweist deutlich, dass die Mehrzahl der Syrjänen dennoch ein edles, rechtdenkendes Volk ist, und dass die Uebelhandelnden auch unter ihnen zu den Ausnahmen gehören. Der Verfasser hat jedoch in seiner Schilderung der Syrjänen nur die letzteren vorliegen gehabt und durch seine warme Theilnahme für die Samojeden irregeleitet, ganz und gar die vielen guten Eigenschaften übersehen, die den Kern des Syrjänischen Volks zieren.

Eben so freigebig als der Verfasser mit seinem Tadel gegen die Syrjänen gewesen ist, eben so viel Lob hat er von der andern Seite zu Gunsten der Samojeden gespendet. Er sieht in ihnen nur leidende Märtyrer, die mit Geduld und Ergebenheit ihr Schicksal tragen, die ihren Unterdrückern mit unterthänigem Gehorsam begegnen und das erlittene Unrecht leicht vergessen. So viel ich die Samojeden kenne, wäre ich nahe daran, ihnen fast ganz und gar entgegengesetzte Eigenschaften beizumessen. Dass sie im Grunde ein gutes, friedliches

und versöhnliches Volk sind, das ist gar keine Frage. Was jedoch ihre Geduld und resignirte Unterwürfigkeit betrifft, so sind diese Tugenden bei den Samojeden von einer sehr zweideutigen Beschaffenheit. Wahr ist es wohl, dass sie in ihrem äussern Benehmen viel Kälte und Gleichgültigkeit zeigen, dass sie den Anschein einer unerschütterlichen Ruhe haben, dass sie sich nicht oft in ihren Handlungen übereilen, sondern sich im Allgemeinen gegen Freunde und Feinde so passiv als möglich verhalten. Dessenungeachtet sind sie von einem ängstlichen und empfindlichen Naturell, murren und klagen über jede Kleinigkeit, nehmen die geringste Verunglimpfung sehr schwer zu Herzen und vergessen gewiss nicht so leicht, wie der Verfasser meint, eine erlittene Unbill. Zu schwach um ihrer Rache Luft zu machen, härmen sie sich um so mehr in ihrem Innern und verbergen ihre Gefühle in der Tiefe ihres Herzens. In so fern hat nach meiner Ansicht des Verfassers Auffassung des Naturells und des Charakters der Samojeden mehr Anwendung auf ihre äussere Erscheinung als auf ihr inneres Wesen.

Dass der Verfasser überhaupt keinen tiefern Blick in das innere, geistige Leben der Samojeden geworfen hat, diese von mir schon oben ausgesprochene Meinung finde ich besonders in der Darstellung der religiösen Vorstellungen dieses Volks bestätigt. Viele der Reflexionen des Verfassers auf diesem Gebiete sind auf das Gerathewohl angestellt und unter sich in einem geringen Zusammenhange. S. 402 heisst es z. B.: «Nun ist

«gütig und herrlich und gewaltig; er sieht und weiss «alles, aber er ist zu erhaben um auf die Schicksale «des armseligen Menschengeschlechts herabschauen zu «wollen; er ruht daher, nachdem er Einmal alles Wesen ins Leben rief, und überlässt die Leitung der Welt «den Tádébzió. Die Tádébzó sind unsichtbare Wesen «geistiger Natur mit überirdischer Macht begabt; sie «erfüllen die Erde und die Lüfte und regieren überall «die Schicksale der Menschen; sie stellen ursprünglich das «Princip des Bösen dar, welches dem Num, dem Prin«cip des Guten, zuwider handelt, denn sie wollen über«all das Böse und schaffen es; allein sie verhüten es «auch und schaffen Gutes dem, welchem sie wohlwol«len, der ihre Abbilder in Ehren hält und ihnen zahl«reiche Opfer bringt.» Die Meinung des Verfassers ist in so deutlichen Worten ausgesprochen, dass sie nicht missverstanden werden kann. Num stellt das gute, die Tádébzien das böse Princip dar. Was Num will, wollen folglich die Tádébzien nicht, sondern handeln stets seinen Wünschen entgegen. Nicht destoweniger hat Num, um in guter Ruhe zu bleiben, gutwillig die Weltregierung den Tádébzien — seinen Feinden und Widersachern überlassen. Das Unklare und Widersprechende dieser Vorstellung fällt einem Jeden leicht in die Augen. Es ist unmöglich zu begreifen, weshalb Num, der Freund der Genüchlichkeit, sich die Mühe gegeben haben soll die Welt zu schaffen, da er sie gutwillig den Händen böser, seinen Absichten feindlicher Mächte anvertraute, welche in Folge ihrer ihnen angeborenen Natur unmöglich unter-

lassen können, sein Werk zu zerstören. Der Verfasser ertheilt den Tádébzien auch das Vermögen Gutes zu üben zu, dann sind sie aber nicht Repräsentanten des bösen Princips; denn wird das Böse als Princip gefasst, so kann aus demselben nichts anderes als nur Böses emaniren. Den Widerspruch, in welchem der Verfasser hier schwebt, scheint er in der That auch selbst geahnt zu haben, denn er verbessert seine Worte auf der nächsten Seite und äussert, dass die Tádébzien das wandelbare Princip des Bösen darstellen. Doch der Ausdruck «das wandelbare Princip» enthält einen neuen Widerspruch, denn es gehört zum Begriffe des Wortes Princip, dass es nicht zwischen zweien Gegensätzen wechseln kann, sondern sich ewig, unveränderlich gleich verbleibt.

Zu diesen und manchen andern hiemit zusammenhängenden Widersprüchen scheint der Verfasser durch die Bekenner der christlichen Religion verleitet worden zu sein, welche den heidnischen Cultus der Samojeden mit Abscheu betrachten und sich ihre Tádébzien als absolut böse Wesen vorstellen, was sie nach der Vorstellung der Samojeden selbst nicht sind. Man misst ihnen zwar kleine Launen und Capricen bei, nie jedoch treten sie als die Widersacher Num's auf, sondern haben vor ihm grosse Furcht und unterwerfen sich gehorsam seinem Willen. Jedoch nicht nur Num hat Gewalt über die Tádébzien, sondern auch die Schamanen vermögen es sie in Schrecken zu halten; und ihre ganze Macht besteht nach der Vorstellung der Samojeden in

der Kunst die Tádébzien zu ihren eigenen Zwecken zu benutzen. Grade als die dienstbaren Geister der Schamanen spielen die Tádébzien eine bedeutende Rolle und darauf weist auch ihr Name hin, der von tadibe «Schamane» gebildet ist. Ueber ihre übrige Thätigkeit haben die Samojeden wenig Kunde, obwohl der Verfasser ihnen manche wichtige Eigenschaften zuertheilt. Er äussert unter Anderem, dass alle mit dem Namen Hahe und Sjadaei bezeichneten Idole nur Bilder der Tádébzien seien. Vielleicht kommt diese Vorstellung hie und da bei den civilisirtern Samojeden vor, welche durch ihren Umgang mit den Russen zu der Einsicht gekommen sind, dass die Heiligenbilder bei den Anhängern der griechischen Kirche nur Symbole der Heiligen sind. Handelt es sich aber um ächte Samojeden, so glauben sie von ihren Idolen steif und fest, dass sie nicht bloss göttliche Wesen vorstellen, sondern es auch wirklich sind. Wie der Verfasser der Wahrheit gemäss anführt, pflegen die Samojeden ihren Idolen Rennthiere zu opfern und sie mit Blut zu bestreichen. Dieses thun sie in der Ueberzeugung, dass die Idole keineswegs Bilder, sondern lebende Wesen sind, die der Nahrung und Kost bedürfen. Ausser dem materiellen Vermögen zu essen und zu trinken, messen die Samojeden ihren Idolen auch manche geistige Eigenschaften bei, fassen sie jedoch nicht als ausserhalb des Bildes existirend, sondern als in demselben wohnend auf. Die Hahe und Sjadaei sind demnach verkörperte göttliche Wesen und bilden einen Gegenstand der Verehrung für Jedermann. Die

Tádébzien dagegen sind rein geistiger Natur, nur dem Auge des Schamanen sichtbar und jedem unzugänglich, der nicht in die Geheimnisse der Zauberkunst eingeweiht ist.

In Betreff der zwei Arten von Götterbildern, welche die Samojeden Hahe und Sjadaei benennen, erklärt der Verfasser auf S. 405 Anm. 1., dass er den Unterschied zwischen beiden Arten von Götzen nicht habe erfahren können, dennoch vermuthet er auf Grund einer höchst missglückten Etymologie, dass Sjadaei «eine Art Oreade» bezeichne, ein auf einer Anhöhe (sja') aufgerichtetes Götzenbild (hahe). Das richtige Verhältniss ist inzwischen das, dass Hahe Götzen im Allgemeinen und besonders die aus Stein bezeichnet, während dagegen unter Sjadaei nur die aus Holz geschnitzten, mit Menschengesichtern abgebildeten Götzen verstanden werden. Das Wort Sjadaei kommt nicht, wie der Verfasser meint, von sja' Anhöhe, sondern von sja' Gesicht (Gen. sjad) und bezeichnet in buchstäblicher Uebersetzung «mit einem Gesicht versehen». Eigentlich schnitzen die Samojeden auf kleinen Holzgötzen menschliche Gesichter aus und aus diesem Anlasse sind diese vorzugsweise Sjadaei benannt worden. Der Verfasser gibt zwar (S. 405) an, dass es auch Steingötzen gibt, welche die Samojeden mit Menschengesichtern versehen haben, ich jedoch für meinen Theil habe dergleichen Götzen nie gesehen und wage sogar ihre Existenz zu bezweifeln.

Was der Verfasser S. 408 über die Bärenverehrung sagt, hat zum Theil seine Richtigkeit. Dabei muss ich

jedoch anmerken, dass die Samojeden in dem Bären nicht nach des Verfassers Ansicht nur ein schädliches Thier, sondern eine wirkliche Gottheit verehren. Eben so wenig kann ich des Verfassers Meinung darin theilen, dass der Bär bei den Samojeden einen niedrigeren Rang als die Tádébzien einnimmt, denn mir ist es bekannt, dass mindestens einige Sibirische Samojedenstämme gleichwie die Jeniseyschen Ostjaken in dem Bären den höchsten Lenker und das Haupt der Tádébzien verehren. Auch bei den Archangelschen Samojeden wird ein Eid, der bei der Schnauze des Bären geschworen wird, für weit mächtiger als der Eid bei den Götzen gehalten, welche der Verfasser für die Repräsentanten der Tádébzien ansieht. Dass der Verfasser Bärenschädel gleich einem Opfer rings um die Götzen ausgestreut liegen gesehen hat, beweist ganz und gar nichts für seine Ansicht, denn es sind nicht die Gebeine, sondern die inwohnende göttliche Kraft und Weisheit, welche die Samojeden in dem Bären verehren. Die äussere thierische Erscheinung sehen sie blos als eine Hülle an, welche der Bärengott nach Belieben gegen jede andere Gestalt vertauschen kann.

Im ersten Theil S. 523 ff. gibt der Verfasser eine ausführliche Beschreibung der Beerdigungsweise der Samojeden und verschiedener dabei vorkommender Ceremonien. Unter den von dem Verfasser hier mitgetheilten Angaben sind einige ein wenig von den von mir erhaltenen abweichend; da jedoch der Brauch und das Herkommen an verschiedenen Orten verschieden sein kön-

nen, so will ich die mögliche Richtigkeit der Beobachtungen des Verfassers nicht in Abrede stellen. Was die Beerdigungsweise selbst betrifft, muss ich bemerken, dass die Samojeden, nach den von mir erhaltenen Aufschlüssen, nur im Sommer die Sitte haben ihre Todten in der Erde zu begraben. Im Winter dagegen setzen sie dieselben über der Erde in solchen Kasten bei, welche der Verfasser Bd. I, S. 682 ff. schildert, ohne jedoch ein Wort über ihre Bestimmung zu Wintergräbern zu sagen. Dass die im Winter und Sommer verschiedene Beerdigungsart nicht von dem Verfasser berührt worden ist, wundert mich um so mehr, als schon andere früher ihre Aufmerksamkeit auf diesen Umstand gerichtet haben.

Die Darstellung der religiösen Vorstellungen der Samojeden und verschiedener bei dem äusseren Cultus vorkommender Gebräuche würde freilich Gelegenheit zu manchen speciellen Bemerkungen geben; da es jedoch von Anfang an nicht meine Absicht gewesen ist, in eine detaillirte Kritik von Herrn Schrenk's weitläufiger Arbeit einzugehen, will ich hiemit das ganze religiöse Gebiet bei Seite liegen lassen und mir ein Paar flüchtige Anmerkungen historischen Inhalts erlauben.

Die in den nördlichen Theilen des Archangelschen Gouvernements hie und da vorkommenden Erdgruben sieht der Verfasser als Reste der alten sogenannten Tschuden an, welche ohne Zweifel die Aboriginer der Gegend gewesen sind. Mir scheinen jedoch diese Gruben nicht das Alter zu haben, dass sie füglich dem

längst von hier verschwundenen Tschudenvolke zugeschrieben werden können. Ich habe deshalb an einer andern Stelle die Vermuthung aufgestellt, dass die in Frage stehenden Alterthumsüberreste die früheren Wohnsitze der Syrjänen gewesen sein mögen und als Stütze dieser Meinung angeführt, dass sie im Syrjänischen *gort* benannt werden, was zugleich Wohnung bedeutet. Ich habe mich in diesem Punkte vielleicht geirrt, in Herrn Schrenk's Darstellung kommt jedoch nichts vor, wodurch meine Ansicht widerlegt worden wäre. Im Gegentheil scheint mir seine ganze Behandlung dieser merkwürdigen Ueberreste sehr leicht gehalten zu sein.

Im zweiten Theile kommt von S. 222 — 258 eine Beilage unter dem Titel: «Ueber die Jugren und das Jugrische Land» vor. Der Verfasser sucht in derselben Lehrbergs Ansicht über die Ausdehnung des Jugrischen Landes und die Beschaffenheit der Nationalität der Jugren zu widerlegen. Nach Herrn Schrenk's Meinung hat der Name Jugrer nicht die Ostjaken und Wogulen, sondern die transuralischen Samojeden bezeichnet, und was das Land Jugrien betrifft, so lässt er es sich bis zu der ganzen von den genannten Samojeden bewohnten Küste des Eismeers erstrecken. Vielleicht hat Lehrberg in der That darin gefehlt, dass er den 67sten Breitegrad als die nördlichste Gränze Jugriens festsetzte. Die Ursache dieser scharfen Gränzebestimmung ist augenscheinlich die, dass Lehrberg die Gebiete der Samojeden und der Jugrier (d. h. der Ostjaken und Wogulen) hinlänglich von einander trennen will. Eine solche Gränz-

scheide besteht aber in der That nicht, denn gleichwie von der einen Seite die Samojeden grosse Strecken südlich von dem 67sten Grade einnehmen, eben so findet man auch nomadisirende Ostjakenstämme weit nördlicher von diesem Breitegrade sogar an der Küste des Eismeers. Würde Lehrberg dieses Verhältniss genauer bedacht haben, so würde wahrscheinlich auch er das Jugrische Land bis zur Küste des Eismeers ausgedehnt haben, jedoch mit dem Vorbehalte, dass die Bevölkerung längs der Küste nur zum geringeren Theil von Jugriern gebildet wird. Zu einer solchen Modification von Lehrbergs Ansicht wäre ich für meinen Theil sehr geneigt. Dass jedoch ursprünglich die Samojeden Jugrier genannt und diese Bezeichnung erst in späterer Zeit auf die Ostjaken und Wogulen übergegangen sein soll, das ist eine Ansicht, für welche der Verfasser wahrscheinlich keinen Anhänger gewinnen wird. Dass schon in den urältesten Zeiten Jugrier und Samojeden von einander unterschieden wurden, beweist unter vielem Andern eine Stelle aus den Jahrbüchern bei Karamsin II Anm. 238 *). Der Verfasser wird vielleicht gegen diese Stelle dasselbe anführen, was er gegen eine andere gleichartige von Lehrberg citirten, noch ältere Chronikenstelle anführt, nämlich dass man unter den Samojeden hier die westlich vom Ural wohnenden verstehen müsse. Was jedoch berechtigt den Verfasser zu dieser Annahme? Keines-

*) И еще у насъ мужи стары, яже суть ходили за Югру и за Самоѣдь.

wegs der Umstand, dass Jugrien sich vielleicht bis zum Eismeer erstreckte, denn hier fanden sich nicht blos Samojeden, sondern auch Ostjaken. Irgend einen andern Beweis, der nennenswerth wäre, habe ich in der Abhandlung des Verfassers nicht zu Gunsten seiner kühnen Behauptung ausfindig machen können. Es will mir überhaupt vorkommen, als hätte sich Herr Schrenk in seiner Kritik über Lehrberg auf ein Feld begeben, wo er nicht recht zu Hause war. Ich werde vielleicht bald genug in den Fall kommen, diese Behauptung näher zu begründen.

Eine andere Beilage hat der Verfasser von S. 259—331 der Samojedischen und Syrjänischen Sprache gewidmet. Er führt hier einleitungsweise das eine und das andere über die allgemeine Natur der erstgenannten an und liefert darauf ein Verzeichniss Samojedischer und Syrjänischer Wörter. Nach meinem Dafürhalten ist auch diese Beilage von einem untergeordneteren Verdienst. Herrn Schrenk's Wortsammlungen sind zwar reicher und in jeder Hinsicht besser, als die Klaprothschen, sie halten jedoch eine strengere Kritik nicht aus. Vor allen Dingen muss es dem Verfasser zur Last gelegt werden, dass er ohne eine genauere Kenntniss von der Natur und dem Wesen des Lauts zu haben, sich daran gemacht hat, ein neues orthographisches System zu bilden, das gegen den ersten Begriff der Lautlehre streitet. So kennt er nicht die Natur der mouillirten Consonanten, sondern betrachtet die Mouillirung als zum nachfolgenden Vocal gehörig und bezeichnet sie durch

einen Punkt über dem Vocal, z. B. *nė (nje)* Weib; *salė (salje)* Vorgebirge, *nil (nji)* Sohn. Doch nicht einmal dieses Princip ist systematisch befolgt, sondern *ė* wird oft von dem Verfasser gebraucht, ohne dass der vorhergehende Consonant mouillirt ist, ganz wie das Russische *e*, z. B. *nėbė* (lies *njebe)* Mutter, *mėjė* (lies *mēje)* Schwägerin, *jėsė* (lies *jēse)* Eisen u. s. w. Ausser diesen und unzähligen andern von dem Verfasser begangenen Fehlern, hat er auch dem Samojedischen verschiedene Laute aufgedrängt, die es, soviel ich weiss, nicht besitzt, z. B. *ч*, *ϑ*, *ϑч* u. s. w. In der Vorrede zu seinem Werke äussert der Verfasser über das *ö*, dass es dem Samojedischen ganz und gar fremd sei, in dem Wörterverzeichniss kommt jedoch der genannte Laut bei mehreren Wörtern vor, z. B. *tösa* (S. 277), *görm* (S. 278), *görmanϑj* (S. 314). Zu den Mängeln gehört ferner, dass der Verfasser oft die Bedeutung des Worts falsch aufgefasst hat und dass er in zahlreichen Fällen verschiedene Formen mit einander verwechselt: die absolute mit der suffixiven, den Nominativ mit dem Locativ *), den Infinitiv mit dem Supinum u. s. w. Endlich kann ich nicht unterlassen, einen Tadel gegen des Verfassers gränzenlose Passion für die Wortherleitungen auszusprechen, welche oft höchst phantastisch sind, aber nichtsdestoweniger wichtigen Resultaten

*) Beispielsweise mag angeführt werden, dass in des Verfassers Wörterverzeichniss *ja* Erde, Land, *jagana* Ort, Stelle bezeichnet. *Jagana* (*jahana*) ist aber nichts anderes als der Locativ von *ja*.

zur Grundlage dienen. Es ist schon früher bemerkt worden, wie der Verfasser aus Sjadaei, einem mit einem Angesichte versehenen Götzenbilde, eine Oreade, einen «Hügelgott» gemacht hat. Durch eine eben so gewagte Combination bildet er die Ugrer von dem Worte *orghvi*, wie die Samojeden von den Ostjaken benannt werden, und gerade diese vermeintliche Namensgleichheit führt er als einen Beweis der Identität der Samojeden mit den Jugriern an. Noch eine Probe von der Art und Weise, wie der Verfasser mit seinen Wortherleitungen verfährt. Er sagt im ersten Theil S. 535 — 536: «Die Sterne bezeichnet das Wort *Númgy*, dessen Etymologie, Himmelsohren oder Gottesohren, die Gottheit in einem eigenthümlichen Bilde uns vorführt, wie sie, aus den unermesslichen Räumen des Himmels zur Erde herablauschend, durch Myriaden Ohren zugleich deren wechselnde Schicksale vernimmt». Dass der Verfasser an dieser Stelle *Numgy* von *Num* Gott, Himmel und *ha* Ohr hergeleitet hat, ist augenscheinlich, im Wörterverzeichniss aber Theil 2, S. 277 kommt dagegen eine ganz andere Derivation vor. Hier zerlegt der Verfasser das Wort *Numgy* gleichfalls in zwei selbstständige Bestandtheile, nun kommen jedoch nicht mehr die «lauschenden Ohren» in Betracht, sondern *Numgy* bezeichnet an dieser Stelle «Himmelsstern» und wird von *Num* Himmel und *gy* hergeleitet, das nach des Verfassers Angabe «Stern» bedeutet. Indessen ist das richtige Verhältniss dies, dass *Num* sowohl Gott als Himmel bezeichnet, *gy* aber eine bei Adjectiven sehr gewöhnliche Ableitungsendung

ist, welche etwas bezeichnet, was zum Gegenstande gehört. So bezeichnet *Numgy* 1) etwas zu Gott oder zum Himmel gehörendes, 2) Stern.

Ich beschränke mich auf diese Bemerkungen über den meiner Prüfung anvertrauten ethnologischen Theil der Arbeit des Verfassers. Es wäre freilich noch viel zu dem bereits angeführten hinzuzufügen, doch bei der Beurtheilung einer so umfassenden und verdienstvollen Arbeit wie diese, übersieht man gern kleine Mängel und Schwächen. Es liegt ja nicht in dem Bereich menschlichen Vermögens, Vollkommenes zu Stande zu bringen, aber so ernste Bemühungen wie die von Herrn Schrenk verdienen gewiss alle Zeit Achtung und Anerkennung. Als Ethnolog hat Herr Schrenk in vorliegender Arbeit wahrscheinlich weniger als in den meisten andern Parthien, die einen Gegenstand seiner Forschungen ausmachten, geleistet, aber auch seiner ethnologischen Mission ist er auf eine Weise nachgekommen, die ihn zu gegründeten Ansprüchen auf eine Ermunterung von Seiten der Akademie berechtigt.

M. A. Castrén.

РАЗБОРЪ

сочиненія

Г-на Доктора КАРЛА КЛАУСА,

Профессора Казанскаго Университета,

подъ заглавіемъ

О РАСТИТЕЛЬНОСТИ ПРИВОЛЖСКИХЪ СТРАНЪ;

составленный

Гг. Академиками МЕЙЕРОМЪ и РУПРЕХТОМЪ.

Wir freuen uns, dass wir über ein Werk zu referiren haben, welches sich sowol durch die Anlage, als auch durch die fleissige Ausführung höchst vortheilhaft auszeichnet. Wenn unsere Annahme, dass eine Arbeit, welche sich die Erweiterung eines Zweiges unseres Wissens im Allgemeinen und specieller die genauere Kenntniss eines interessanten und wichtigen Theiles unseres Vaterlandes als Zweck gesetzt hat, in welcher zudem der gut entworfene Plan auch gut ausgeführt worden ist, wenn die Annahme eine richtige ist, dass eine solche wissenschaftliche Arbeit die volle Aufmerksamkeit der Academie verdient, so dürfen wir gewiss mit Recht das vorliegende Werk des Herrn Prof. Claus als ein sehr vorzügliches empfehlen.

Schon seit einer Reihe von Jahren beschäftiget sich Herr Prof. Claus mit der Untersuchung der Flora des Wolgagebietes und er hat es sich gleichsam als Lebensaufgabe gestellt, seine freie Zeit diesen Forschungen zu widmen. Er hat schon früher, während einer Reise mit dem Herrn Prof. Goebel nach Astrachan und dem caspi-

schen Meere, seine Aufmerksamkeit auf die Flora und Fauna jener Länder gerichtet und seine Beobachtungen in Goebel's Reisewerke niedergelegt, dessen 7ter Abschnitt gewiss nicht den unwichtigsten Theil dieses Werkes bildet. Auch nach Orenburg und dem südlichen Ural hat Prof. Claus wiederholte Reisen unternommen. Besonders hat er, seitdem er in Kasan bei der Universität angestellt ist, seine günstige Stellung benutzt, um auf jährlichen Sommerreisen die ihm lieb gewordene Flora, der auch in botanischer Hinsicht sehr merkwürdigen Ländergebiete zwischen der Wolga, von Kasan bis Astrachan hinab, dem caspischen Meere, Orenburg und dem Uralgebirge genauer kennen zu lernen. Auch ist es seinen Bemühungen gelungen, an verschiedenen Orten eifrige Sammler für seinen Zweck zu gewinnen. Allerdings sind die Wolgagegenden schon früher von Naturforschern vielfach bereist worden; es sind jedoch über die Vegetation dieses Gebietes nur Bruchstücke erschienen. Herr Prof. Claus ist der erste, der hier mit umfassendern Arbeiten über die Flora jener Länder auftritt, die er, unter den jetzt lebenden Botanikern, gewiss am besten kennt.

Das vorliegende Werk umfasst zwei Localfloren, die Flora von Sergievsk und die der Kolonie Sarepta. Es ist die Wahl dieser Localitäten eine glückliche zu nennen; nicht nur, weil dem Herrn Verf. über diese beiden Punkte schon jetzt ein reiches Material zu Gebote steht, sondern auch, weil sie sich in Hinsicht der Vegetation sehr auszeichnen. Allein das Werk giebt mehr, als die

Ueberschriften eigentlich versprechen; denn man findet hier schon den Kern zu einer vollständigen Flora des ganzen Landes zwischen der Wolga, dem Ural und Orenburg, die der Herr Verf. auszuarbeiten die Absicht hat, wenn er die Mittel zu weitern Forschungen wird erlangen können.

Die erste Lieferung, die Flora von Sergievsk, zerfällt in zwei Haupttheile. Im ersten, russisch und deutsch geschriebenen Theile giebt der Hr. Verf. zuerst ein Bild der Localitäten um den, durch seine Schwefelquellen bekannten Badeort Sergievsk, so wie der geognostischen und klimatischen Verhältnisse dieses Ortes. Weiter liefert er eine sehr detaillirte vergleichende Uebersicht der Vegetation um Sergievsk, mit steter Berücksichtigung nicht nur der Floren Kasan's, Astrachan's und Orenburg's, sondern auch der Ostseeprovinzen und Schweden's, wodurch die Vegetationseigenthümlichkeiten der geschilderten Länder um so deutlicher hervortreten. Ganz besonders hervor zu heben ist die Schilderung der Steppe, die man gewöhnlich als einen untheilbaren Begriff ansieht. Diese Arbeit zeigt aber dass Steppe und Steppe sehr verschieden ist, und es ergiebt sich dadurch nicht nur ein wissenschaftlicher Gewinn für die Pflanzengeographie, sondern auch ein praktischer für die Landwirthschaft und Staatsökonomie. Wir enthalten uns hier auf diesen Theil der Arbeit weiter einzugehen, sondern wollen blos noch hervorheben das, von dem H. Verf. gegebene supplementarische Verzeichniss zu der, von Wirzen publicirten Flora casanensis, welches nicht we-

niger als 165 Arten enthält, die bei Wirzen fehlen, obgleich Letzterem, bei der Bearbeitung seiner Flora, bedeutende unedirte Vorarbeiten und Herbarien zur Benutzung offen standen. Ein Beweis wie eifrig und mit welchem Erfolge Hr. Prof. Claus auch auf diesem Felde gesammelt hat. Auf fast 100 Seiten folgt eine systematische Aufzählung der, bis jetzt um Sergievsk gesammelten Pflanzen. Es ist aber in diesem Verzeichnisse zugleich die ganze Flora zwischen der Wolga, dem Ural und Orenburg berücksichtigt worden. Denn der Verf. hat bei allen Pflanzen, die auch an andern Orten wachsen, diese angegeben und als Anhang zugleich auch die Pflanzenarten aufgezählt, die zwar nicht bei Sergievsk, wol aber an andern Stellen dieses Ländergebietes beobachtet worden sind. Der Flora von Sergievsk gehören 794 Arten an. Gewiss ein bedeutender Grundstein für vergleichende Pflanzengeographie. Ausserdem werden innerhalb jener Gränzen noch 250 Arten als wildwachsend angegeben. Hier möchten weitere Untersuchungen wol noch bedeutende Nachträge liefern.

Die zweite Hälfte des Manuscripts enthält eine Flora der Kolonie Sarepta, dieses in so mancher Beziehung merkwürdigen Ortes, dessen Localverhältnisse von denen um Sergievsk bedeutend abweichen; daher hier auch eine sehr verschiedene Vegetation vorherrscht. Diese Localflora zerfällt gleichfalls in zwei Abtheilungen, von denen die erste, in russischer und deutscher Sprache geschriebene, die Local- und Bodenverhältnisse, die Temperatur und die allgemeine Vergleichung der Vegetation

mit andern Localitäten abhandelt. Dieser Abschnitt ist, um unnöthige Wiederholungen zu vermeiden, viel kürzer ausgefallen, als in der ersten Lieferung, wo die geographisch-botanischen Verhältnisse des Landes zwischen der Wolga, Orenburg und dem Ural erschöpfend erörtert worden sind. In der zweiten Abtheilung finden wir ein lateinisch geschriebenes Verzeichniss der, um Sarepta wachsenden Pflanzen. Es ist sehr sorgfältig bearbeitet und dabei zugleich die ganze Flora der mittlern und untern Wolga berücksichtiget worden, indem der Verf. in Anmerkungen die Arten anführt, die bei Sarepta fehlen, aber an andern Orten der Wolga wild wachsen. Die Flora Sarepta's zählt in diesem Verzeichnisse 776 Arten.

Dieses Werk gehört nicht unter die Zahl jener naturwissenschaftlichen, die schon allein durch speculative Studien verfasst werden können. Wenn man diese hier auch nicht vermisst, wenn die Anordnung der Natur in lebendigen Schilderungen so gut, wie in dürren Zahlenverhältnissen uns hier entgegen tritt, so darf nicht vergessen werden, dass für die mühsam gewonnenen Resultate erst das Material durch einen bedeutenden Aufwand von Zeit und kostspielige Reisen, grösstentheils von dem Verf. selbst herbeigeschafft werden musste. Wir glauben aber in dieser Anzeige den Werth der uns vorliegenden Arbeit hinreichend dokumentirt zu haben, der vorzüglich darin besteht, dass durch dieselbe die Vegetation einer interessanten Landestrecke Russlands, die bis jetzt noch keinen Monographen gefunden hat, auf eine gründliche Weise geschildert und unsere Kenntniss der

Flora Russlands durch dieselbe wesentlich gefördert wird. Es könnte auffallen, dass in diesem Referate nirgends ein Tadel ausgesprochen worden ist. Dies kömmt aber daher, dass das ursprünglich eingeschickte Manuscript später ganz umgearbeitet und die fraglichen Punkte durch wiederholte Untersuchungen möglichst erledigt wurden. Gewiss wäre es wünschenswerth gewesen, auch die Flora Petersburg's, die jetzt schon sehr gut bekannt ist, mit in den Kreis der Untersuchungen gezogen zu sehen. Im allgemeinen sind die statistischen Verhältnisse zwischen den Floren St. Petersburg's, der Ostseeprovinzen und Kasan für mehrere Familien nicht sehr verschieden; denn unter den, bis 1846 bekannten 777 Arten der Petersburgischen Flora bilden die Compositae z. B. $^1/_{11} > ^1/_{10}$ — Gramineae $^1/_{12}$ — Cyperaceae $^1/_{13} > ^1/_{12}$ — Cruciferae $^1/_{22}$ — Rosaceae $^1/_{23} > ^1/_{24}$; mehr weichen dagegen ab die Labiatae $^1/_{30}$ — Umbelliferae $^1/_{39}$ — Borragineae $^1/_{60}$ — Chenopodiaceae $^1/_{65}$ — Leguminosae $^1/_{80}$.

Wir sprechen unsere innige Ueberzeugung aus, wenn wir versichern, dass das vorliegende Werk des Hrn. Prof. Claus vollkommen würdig ist mit einem halben Preise gekrönt zu werden. Wir erlauben uns daher, den Statuten über die Demidow'schen Preise gemäss, dasselbe zu diesem Preise zu empfehlen und wir werden uns sehr freuen, wenn so dem Verf. nicht nur wohlverdiente Aufmunterung gegeben, sondern er dadurch auch im Stande gesetzt werden würde, die beabsichtigten weitern Forschungen über die Flora Astrachan's und des

caspischen Meeres, so wie Orenburg's und des südlichen Ural's ausführen zu können.

Noch einen andern Wunsch glauben wir hier ausdrücken zu müssen, der übrigens von der Ertheilung eines Preises ganz unabhängig ist. Die vorliegende werthvolle Arbeit ist noch Handschrift. Sollte es, den Statuten entsprechend, nicht möglich seyn zum Druck derselben eine gewisse Summe, z. B. 300 R. Silb., zu bestimmen? Oder aber würde die Academie nicht ihre Genehmigung dazu ertheilen, dass dieses Werk in den Beiträgen zur Pflanzenkunde des Russischen Reiches, wo dasselbe ganz eigentlich hingehört, aufgenommen werde?

C. A. Meyer.
Ruprecht.

d. 10. April
1850.

РАЗБОРЪ

сочиненія

Г-на БОЖЕРЯНОВА,

подъ заглавіемъ

ТЕОРІЯ ПАРОВЫХЪ МАШИНЪ;

составленный

Гг. Академиками ЛЕНЦОМЪ и ЯКОБИ,

и

Флигель-Адъютантомъ, Капитаномъ 1-го ранга

ГЛАЗЕНАПОМЪ 1.

Das Werk des Capitains der Marine-Ingenieure Nicolai Bosherjanow, über die Theorie der Dampfmaschinen, ist zunächst zu dem Zwecke bestimmt, den Ingenieur-Mechanikern, sowohl bei dem Entwurfe und der Berechnung von Dampfmaschinen, als auch bei deren Ausführung als Leitfaden zu dienen. In wie fern das gedachte Werk diesen Zweck erfüllt und das vorhandene Bedürfniss befriedigt, lässt sich nur übersehen, wenn man dieses Bedürfniss, so wie den Standpunkt genau kennt, auf welchem sich unsere Ingenieur-Mechaniker befinden. Wir müssen es daher als einen günstigen Umstand ansehen, dass das Mitglied des bei dem Marine-Departement bestehenden, Allerhöchst verordneten Comité für Dampfschiffe, Herr Flügel-Adjutant von Glasenapp, welcher den Standpunkt unseres Dampfmaschinenwesen ganz en detail kennt, und welcher der Academie schon früher durch die Recension eines ähnlichen Werks rühmlichst bekannt ist, sich auf unsere Aufforderung auch der Beurtheilung des Bosherjanowschen Werks hat unterziehen wollen. Die Academie wird sich erinnern, dass der erste

Theil dieses Werks, bereits vor mehreren Jahren im Manuscripte von Seiten des Herrn Ober-Dirigirenden der Wegecommunication und öffentlichen Bauten, Grafen Kleinmichel, ihr zu Beurtheilung zugesandt worden war, und dass die damaligen Berichterstatter zu welchen die Unterzeichneten gehörten, das Werk nur loben und zum Druck auf Kosten des Gouvernements empfehlen konnten. Einige Mängel die sie damals rügten und einige Abänderungen die sie für wünschenswerth hielten, haben von Seiten des Verfassers in diesem zweiten Theile gebührende Berücksichtigung gefunden. Wenn wir uns daher freuen in der Recension des Herrn v. Glasenapp, die günstige Stimmung für das Werk des Herrn Bosherjanow, die wir selbst besitzen wiederzufinden, so können wir doch nicht unterlassen einiger Mängel zu erwähnen, deren in der Recension nicht gedacht wird, und die sich in der mehr theoretischen Einleitung vorfinden, welche die ersten 48 Seiten des Werks umfassen. In dieser Einleitung die in kurzer Uebersicht die Hauptsätze von der Theorie der Wärme giebt, vermisst man einen strengen Plan in der Anordnung der Theile und mitunter auch die nöthige Praecision des Ausdrucks, z. B. da wo der Verfasser am Anfange des 12ten Paragraphen von verschiedenen Zuständen des Wärmestoffs spricht. Indessen mag es ihm zur Entschuldigung dienen, dass er unklare Ansichten in dieser Beziehung mit manchen Lehrbüchern der Physik theilt. Dadurch dass der Verfasser die Einwirkung der Wärme auf feste Körper, von deren Einwirkung auf flüssige Körper trennt,

wird manches auseinandergezerrt, was zusammengehört (z. B. die Erscheinungen der specifischen Wärme) und manche Wiederholung veranlasst. Eine offenbare Unrichtigkeit ist in der Anmerkung III. enthalten, welche von der Wärmeleitung handelt und in dieser Beziehung ein Gesetz aufstellt welches der Verfasser aus *Christian Traité de mécanique industrielle* entlehnt, welches aber aller Begründung ermangelt. Wir kennen wohl die Autorität, welche das erwähnte Werk in manchen Kreisen geniesst, haben aber den Glauben an diese Autorität nie theilen können. Dagegen ist in diesem theoretischen Theile zu loben, dass der Verfasser den Nutzen seines Werks durch die Zugabe von Beispielen für verschiedene praktische Aufgaben zu erhöhen gesucht hat. In der Theorie der latenten Wärme des Dampfes p. 47 zeigt der Verfasser, dass die beiden Ansichten, welche bisher über diesen Punkt herrschten, die Southernsche und die Watt'sche, beide nicht genügen können. Die Richtigkeit dieser Bemerkung ist jetzt bereits durch die vortrefflichen Untersuchungen Regnault's über diesen Gegenstand vollkommen bestätigt, und es gereicht dem Verfasser zur Ehre, dass er, abweichend von allen vor ihm erschienenen praktischen Handbüchern über Dampfmaschinen, eine selbstständig in der Mitte zwischen den streitigen Meinungen stehende Ansicht vertritt. Die Formel welche er demzufolge zur Bestimmung der latenten Wärme des Dampfes gebraucht, kann leicht auf die Formel Regnault's zurückgeführt werden, von der sie sich nur in dem Werthe der einen Constanten unterscheidet. Bei Abfas-

sung dieses Werkes konnte der Verfasser leider noch nicht diese und ähnliche Arbeiten Regnault's benutzen.

Dem Werke sind 18 Tabellen beigegeben. Die Angabe der Schmelzpunkte der Metalle nach dem Pyrometer von Wedgwood, welche sich am Schlusse der III. Tabelle befindet, hätte lieber ganz wegbleiben können, da dieses Instrument mit Recht seinen Credit vollständig verloren hat. Die übrigen Tabellen sind eine um so dankenswerthere Zugabe, als es dem Verfasser gewiss eine grosse Mühe gekostet hat, die darin enthaltenen Data auf russisches Maass und Gewicht und auf die hier gebräuchliche Reaumur'sche Thermometerscale zu reduciren. Wir müssen daher den Verfasser gegen eine Bemerkung in der Recension des Herrn v. Glasenapp in Schutz nehmen, worin die bedeutende Arbeit der erwähnten Reductionen gewissermassen als eine unnöthige Mühe bezeichnet wird. Wir können diese Meinung nicht theilen, da wir bei der fortschreitenden Bildung unserer Ingenieur-Mechaniker und der Erweiterung und Vermehrung der bei uns errichteten Maschinenwerkstätten gewiss einer Zukunft entgegensehen können, die uns von der materiellen Abhängigkeit von andern Ländern, namentlich von England befreit, eine Abhängigkeit die sich schon durch die Beibehaltung der fremden Maasse kund giebt. Bei der gegenwärtigen Sachlage wo allerdings die meisten hier gebrauchten Dampfmaschinen und Dampfschiffe sich aus englischen Werkstätten herschreiben und auch die hiesige Maschinen-Industrie sich meist in englischen Händen befindet, hat sich die Beibehaltung

der englischen Maasse und Gewichte, namentlich bei der Flotte, gewissermassen von selbst gemacht. Es scheint indessen keinem Zweifel unterworfen, dass in Betracht der zu geniessenden Vortheile, die englischen Maschinenwerkstätten, namentlich bei Lieferungen für die Regierung sich leicht entschliessen würden, z. B. die Manometer von welchen die Belastung der Sicherheitsklappen abhängt für russisches Maass und Gewicht einzutheilen. Die hier ausgeführten Dampfmaschinen müssten jedenfalls dieser Bedingung unterworfen werden. Uebrigens kommen in andern hier herausgegebenen Werken, z. B. in der praktischen Mechanik von Jastreshemski auch bei den Dampfmaschinen russische Maasse und Reaumur'sche Thermometergrade in Anwendung, so wie auch als Maas der Pferdekraft die Arbeit von 15 Pud, auf einen Fuss Höhe in der Secunde gehoben, angenommen wird.

Indem wir auf diese Weise die Bemühungen des Verfassers gerechtfertigt haben, müssen wir um so mehr mit dem übrigen Inhalte der Recension und namentlich mit deren Schluss uns einverstanden erklären. Indessen stellen wir es dem Urtheile der Academie anheim, ob einerseits die erwähnten Mängel, andrerseits die vorhandene Concurrenz der Werke anderer Fächer, erheblich genug sind um dem Verfasser den vollen Demidov'schen Preis zu versagen und demselben nur den halben Preis zu bewilligen.

E. Lenz.
W. Jacobi.

До сего времени не существовало еще въ Русской литературѣ книги, могущей, въ теоретическомъ отношеніи, служить полнымъ руководствомъ для изучающихъ паровую машину. Преподаватели практической механики должны были, по необходимости, ограничиваться записками, извлеченными изъ иностранныхъ сочиненій, а каждый изъ учащихся, желавшій вникнуть въ основную теорію паровой машины, принужденъ былъ бороться съ великими затрудненіями, по совершенному неимѣнію къ тому печатнаго, всякому доступнаго руководства.

Господинъ Божеряновъ, занимающійся съ большимъ успѣхомъ преподаваніемъ математическихъ наукъ въ учебныхъ заведеніяхъ Морскаго вѣдомства, въ которыхъ, подобно какъ въ Технологическомъ Институтѣ, приготовляются Русскіе инженеръ-механики, для строенія, и управленія паровыми машинами, — по порученію Начальства своего, приступилъ къ изданію сочиненія, могущаго пополнить этотъ недостатокъ.

Первый томъ, заключающій описаніе изобрѣтенія и постепеннаго усовершенствованія паровыхъ машинъ, из-

данный за нѣсколько предъ симъ времени, при появленіи своемъ возбудилъ общее вниманіе. Теперь вышелъ въ свѣтъ *второй томъ*, излагающій общую теорію паровой машины, по системѣ двойнаго дѣйствія Ватта и Болтона. Томъ второй, въ рукописи, былъ представленъ, по волѣ Высшаго Морскаго Начальства, на разсмотрѣніе Морскаго Ученаго Комитета, и заслужилъ полное одобрѣніе его.

Цѣль изданія книги опредѣляетъ ту точку, съ которой должно разсматривать, до какой степени она достигаетъ своего назначенія, и можетъ ли приносить желаемую пользу распространеніемъ точныхъ и ясно-изложенныхъ познаній.

Предлежащій второй томъ книги Г. Божерянова есть учебная книга, назначенная для желающихъ сдѣлаться инженеръ-механиками, и въ этомъ отношеніи она составляетъ сочиненіе образцовое, вполнѣ имѣющее право стать на ряду съ превосходными учебными руководствами, изданными, въ новѣйшее время, для воспитанниковъ Морскихъ учебныхъ заведеній. Способъ изложенія чрезвычайно хорошъ, и весьма удачно приноровленъ къ потребностямъ тѣхъ, которые главнѣйше будутъ изучать эту книгу. При составленіи своей книги, Г. Божерянов прекрасно и разборчиво воспользовался лучшими сочиненіями: Тредгольда, Памбура, Броунтона, Ястржембскаго, Базѐна, Прони, Груведля, Кристіана, Росселя, Эванса, Ленца и Щеглова, и руководствовался замѣчаніями Господъ Академиковъ: Ленца, Купфера и Якоби, сдѣланныхъ при разборѣ перваго тома его сочиненія.

Книга Г. Божерянова раздѣлена на три части. *Въ первой* говорится о дѣйствіи теплорода на тѣла вообще, и въ особенности о свойствахъ паровъ, производимыхъ кипяченіемъ воды. Г. Божерянов, при изложеніи этой части, главнѣйше руководствовался сочиненіями Щеглова (Основанія Физики), Ленца (Руководство къ Физикѣ) и Памбура (Théorie de la machine à vapeur).

Вторая часть содержитъ подробное описаніе машины двойнаго дѣйствія, съ холодникомъ, и въ ней главнѣйше служило руководствомъ знаменитое сочиненіе Тредгольда The steam engine, а въ особенности Приложеніе (Appendix), изданныя уже послѣ смерти этого знаменитаго Англійскаго механика.

Третья часть заключаетъ изслѣдованіе способовъ вычисленія количества дѣйствія, производимаго паровыми машинами, и въ особенности, описанною во второй части. Тутъ снова, и весьма справедливо, главнымъ основаніемъ принято извѣстное сочиненіе Памбура.

Каждая часть подраздѣлена на нѣсколько отдѣленій, заключающихъ по нѣскольку главъ.

Изложеніе теоріи ясно, общепонятно, и доступно даже для тѣхъ читателей, которые не имѣютъ большихъ познаній въ математикѣ. Изъ каждой формулы, выведены практическія правила, которыя пояснены примѣрными вычисленіями въ числахъ.

Г. Божерянов принялъ на себя огромный трудъ. Всѣ мѣры и вѣсы иностранные онъ переложилъ на Русскую мѣру и вѣсъ. Это заставило его перевычислить и передѣлать множество таблицъ, приложенныхъ въ концѣ

его сочиненія. Даже таблицы, сочиненныя на термометры Фаренгейта и Цельсія, онъ передѣлалъ для болѣе употребительнаго у насъ термометра Реомюра. Не знаю, принесетъ ли этотъ трудъ соотвѣтственную и непосредственную пользу. До сего времени большая часть нашихъ машинныхъ фабрикъ дѣйствуютъ по чертежамъ Англійскимъ, въ которыхъ необходимо употреблять Англійскій вѣсъ и принятый Англичанами термометръ Фаренгейта. Во всѣхъ нашихъ практическихъ руководствахъ, по необходимости, также принимались до сего Англійскій вѣсъ и термометръ Фаренгейта, а потому боюсь, что этотъ трудъ Г. Божерянова не только не принесетъ непосредственной пользы, но во многихъ отношеніяхъ прекрасныя таблицы его, могли бы быть полезнѣе, еслибъ были вычислены на тотъ вѣсъ и термометръ, который, до сего времени, общеупотребителенъ въ нашихъ машинахъ.

Часть I.

Отдѣленіе I.

Первая глава начинается разсужденіемъ о дѣйствіи теплорода на тѣла твердыя, въ ней упоминается о расширеніи тѣлъ отъ сего дѣйствія и къ ней принадлежитъ приложенная въ концѣ книги таблица I, составленная изъ опытовъ Смитона, показывающая на какую часть своей длины прибавится тѣло, чрезъ нагрѣваніе его, на каждый градусъ отъ 0 до 80° Реомюра. Далѣе Г. Божерянов говоритъ о *теплопроводности* тѣлъ, упоминаетъ о лучшихъ *проводникахъ*, и прилагаетъ таблицу II, со-

ставленную изъ опытовъ Депре́, и показывающую относительную теплопроводность тѣлъ. Потомъ онъ говоритъ о способности твердыхъ тѣлъ *расплавляться*, и прилагаетъ таблицу III, показывающую температуру расплавленія различныхъ тѣлъ. Разсуждая о *свободномъ*, *скрытомъ* и *удѣльномъ теплородѣ* тѣлъ, прилагаетъ таблицу IV, въ которой показаны относительныя теплоты различныхъ тѣлъ, наконецъ упоминаетъ о *лучистомъ* теплородѣ, и о законахъ распространенія, отраженія и преломленія лучей теплорода.

Переходя (Глава II) къ дѣйствію теплорода на жидкія тѣла, раздѣляемыя на капельныя и газообразныя, или неупругія и упругія, приводитъ таблицу VII и VIII, которыя показываютъ относительную теплоту жидкихъ тѣлъ. Говоритъ о *расширеніи жидкихъ тѣлъ*, прилагая таблицу V, показывающую коэфиціенты расширенія на 1°, для температуръ между 0 и 80° Реомюра. Потомъ разсматриваетъ свойства газообразныхъ жидкостей. Упоминая о температурѣ кипѣнія различныхъ капельныхъ жидкостей, прилагаетъ таблицу VI, показывающую эту температуру.

Глава третья разсуждаетъ объ источникахъ теплоты и различныхъ родахъ топлива, описывая нѣкоторые опыты для опредѣленія количества теплорода, отдѣляемаго разными тѣлами, во время ихъ горѣнія. Къ этой главѣ принадлежатъ приложенныя въ концѣ книги таблицы IX и X, показывающія выводы изъ этихъ наблюденій.

Отдѣленіе II.

Оно заключаетъ разсмотрѣніе свойствъ паровъ, про-

изводимыхъ кипяченіемъ воды. Главы первая и вторая говорятъ объ образованіи паровъ, о различіи между водяными парами *насыщенными* и *ненасыщенными* или *разсыщенными*, Г. Божерновъ дѣлаетъ опредѣленіе понятія о *температурѣ*, *давленіи* (упругости или расширительной силѣ), *плотности* и *относительномъ объемѣ* паровъ. Приводятся законы Маріота и Гей-Люсака, для опредѣленія отношенія между объемомъ, плотностію, и упругостію разсыщенныхъ паровъ, а потомъ весьма подробно описываются свойства паровъ насыщенныхъ, употребляемыхъ всегда въ паровыхъ машинахъ; приводятся способы по извѣстному одному свойству насыщенныхъ водяныхъ паровъ, опредѣлять остальныя три свойства изъ описанныхъ выше, дается понятіе о *теплоемкости* паровъ и упоминается о различіи во мнѣніяхъ на счетъ этого предмета Соутерна и другихъ Англійскихъ Физиковъ, и Клемана, Шарпа и вообще Французскихъ Физиковъ, которыхъ Пембуръ отдаетъ преимущество. Наконецъ даетъ практическое правило, какъ находить количество топлива, потребнаго для образованія даннаго вѣса пара, извѣстной температуры.

Глава третья содержитъ изслѣдованіе элементарныхъ способовъ употребленія пара движителемъ. Въ ней описываются способы произведенія прямолинѣйнаго попеременнаго движенія посредствомъ пара; и опредѣляются на основаніи этого разсужденія, различія между паровыми машинами, по *образу дѣйствія пара* и *по степени его упругости*.

Смотря по образу дѣйствія, паровыя машины бываютъ:

1) *Простаго дѣйствія*, въ которыхъ паръ давитъ только съ одной стороны на поршень въ цилиндрѣ.

2) *Двойнаго дѣйствія*, гдѣ давленіе пара производится попеременно на каждую грань поршня и движетъ его въ обѣ стороны.

По *степени упругости пара* машины называются:

3) *Низкаго давленія*, когда полная упругая сила паровъ въ котлѣ, слабѣе двойнаго атмосфернаго давленія, и

4) *Высокаго давленія*, въ коихъ упругость пара въ котлѣ превышаетъ давленіе двухъ атмосферъ.

Не входя въ разсмотрѣніе выгодъ, представляемыхъ тою или другою машиною, авторъ упоминаетъ только, о совершенномъ почти оставленіи употребленія машины двойнаго дѣйствія, по неудобству ея приложенія къ работамъ, требующаго безпрерывно-правильнаго движенія, потомъ замѣчаетъ, что машины двойнаго дѣйствія, низкаго давленія, то есть, дѣйствующія съ охлажденіемъ паровъ, почти повсемѣстно употребляются для производства фабричныхъ работъ и въ пароходствѣ; а машины высокаго давленія, или безъ холодниковъ, преимущественно служатъ движителями экипажей на желѣзныхъ дорогахъ.

Г. Божеряновъ приходитъ еще къ другому раздѣленію паровыхъ машинъ, которымъ различаетъ машины дѣйствующія *безъ расширенія паровъ* отъ работающихъ съ *расширеніемъ пара* (отсѣчкою), и говоритъ о пользѣ, происходящей отъ отсѣчки паровъ въ отношеніи боль-

шей равномѣрности движенія машины и сбереженія топлива. Наконецъ, въ нѣсколькихъ словахъ онъ упоминаетъ о машинѣ Горнблоуэра и Вульфа, съ двумя цилиндрами, въ которой паръ, оказавъ свое дѣйствіе въ одномъ, меньшемъ цилиндрѣ, переходитъ въ другой, большій, гдѣ уже дѣйствуетъ своимъ расширеніемъ.

Часть II.

Отдѣленіе I.

Г. Божеряновъ, разсматривая паровую машину, дѣлитъ составныя части ея на четыре отдѣленія, а именно: *Первое* отдѣленіе частей, служащее для *принятія* дѣйствующей силы движителя; *второе* отдѣленіе, преобразовывающее дѣйствіе движущей силы, и передающее это дѣйствіе *третьему* отдѣленію, которое уже производитъ полное дѣйствіе, и наконецъ *четвертое*, паровой котелъ, то есть, та часть, въ которой производится движущая сила.

Вторая часть книги Г. Божерянова, начинается описаніемъ и разсмотрѣніемъ этого четвертаго отдѣленія паровой машины, то есть пароваго котла. Въ первой главѣ онъ разсматриваетъ различныя системы паровыхъ котловъ, сферическаго образованія, какъ первоначально предлагали, вертикальные цилиндрическіе съ плоскимъ или вогнутымъ дномъ, предложенные въ послѣдствіи; коническіе, употреблявшіеся въ атмосферныхъ машинахъ до Ватта, и предложенные и построенные этимъ механикомъ прямобочные котлы (waggon boilers), которые, при значительной длинѣ, имѣли дно и бока нѣсколько

вогнутые, а колпакъ выпуклый, полуцилиндромъ. Потомъ описаны горизонтальные цилиндрическіе котлы, и разсказано, какимъ образомъ, для увеличенія огненной поверхности изобрѣтены внутреннія топки и дымогарныя трубы, которыя въ нынѣшнее время перешли въ такъ называемые трубчатые котлы. Онъ описываетъ также котлы съ отдѣльными кипятильниками, имѣющими назначеніе избавить котелъ и стѣны его отъ разрушительнаго дѣйствія слишкомъ сильнаго жара.

Множество большихъ, исправныхъ чертежей, съ достаточною, для обучающихся подробностію, объясняютъ устройство этихъ различныхъ котловъ.

Наконецъ Г. Божеряновъ ясно опредѣляетъ главныя правила, которыя должно имѣть въ виду при устройствѣ пароваго котла. Онъ полагаетъ, что самые лучшіе паровые котлы мѣдные; но далѣе, на стран. 85 онъ приводитъ таблицу сочиненную Гг. Грувель и Жонезъ, изъ которой явствуетъ, что желѣзные котлы менѣе убыточны чѣмъ всякіе другіе, а потому естественно, должны были войти въ общее употребленіе для фабричнаго производства. За симъ слѣдуетъ сравненіе, между прочностію котловъ чугунныхъ, мѣдныхъ и желѣзныхъ, и способностію ихъ выдерживать давленіе паровъ, и наконецъ, въ главѣ второй, онъ переходитъ къ описанію принадлежностей пароваго котла, которыя безполезно и утомительно было-бы исчислить здѣсь. Достаточно будетъ сказать, что онѣ описаны съ особенною отчетливостію и хорошо объяснены приложенными чертежами. Тутъ дано правило для вычисленія отверстія предохранитель-

наго клапана и вѣса, на него нагружаемого; другое правило, какъ по данной высотѣ указателя на ртутномъ манометрѣ, найти упругость пара въ атмосферахъ и фунтахъ; и наконецъ правило, какъ по даннымъ: діаметру поршня, длинѣ хода, числу ходовъ и температурѣ паровъ, найти приличный для паропроводной трубы діаметръ.

Глава третья даетъ наставленіе, какъ вычислять размѣренія печей и котловъ паровыхъ машинъ. Тутъ описаны также различныя топки, придуманныя разными изобрѣтателями, для достиженія наилучшихъ результатовъ. Въ этой главѣ мы безпрестанно встрѣчаемъ имена: Ватта, Смитона, Робертона, Вульфа, Тредгольда, Брунтона, какъ главныхъ дѣятелей и вѣрнѣйшій авторитетъ. Въ концѣ отдѣленія выведены правила вычисленія толщины стѣнъ котла для различныхъ степеней упругости паровъ.

Отдѣленіе II.

Къ первому отдѣленію частей механизма паровой машины, служащаго для пріема движущей силы, Г. Божеряновъ причисляетъ: *паровой цилиндръ*, *паровой ящикъ съ золотникомъ*, *холодникъ*, *большой воздушный насосъ* и *малые насосы* для теплой и холодной воды. Онъ опредѣляетъ формулами правила для вычисленія, по потребной силѣ машины, діаметра цилиндра; отношенія между его діаметромъ и высотою; длины хода поршня; изъ Тредгольда заимствуетъ практическое правило для опредѣленія величины площади паропроводныхъ оконъ, и толщины цилиндра; потомъ переходитъ къ изслѣдованію устройства пароваго ящика и золотника, отпрывающаго попере-

мѣшно входъ пару, то въ верхнюю, то въ нижнюю часть цилиндра, и тутъ-же описываетъ всѣ другіе клапаны, употребительные въ паровой машинѣ вообще. За тѣмъ даетъ руководство для опредѣленія величины холодника, зависящей отъ количества холодной воды, потребной для охлажденія даннаго вѣса пара и отъ объема воздуха и газовъ, отдѣляющихся отъ воды при ея испаренія. Опредѣленіе объема холодника служитъ и для воздушнаго насоса, который, при каждомъ восхожденіи своего поршня, долженъ очищать весь холодникъ отъ воды, воздуха и газовъ. Наконецъ слѣдуютъ практическія правила изъ Тредгольда для вычисленія размѣровъ малыхъ насосовъ, доставляющихъ воду въ котелъ и въ холодникъ.

Въ третьей главѣ разсматривается сначала второе отдѣленіе частей машины, служащее для преобразованія прямолинѣйнаго возвратнаго движенія поршня въ непрерывное вращеніе вала. Его составляютъ: *поршень цилиндра, стержень* (штокъ), *параллелограмъ коромысло* (балансиръ), *шатунъ* (нога), и наконецъ *мотыль*. Тутъ описаны разнаго рода поршни, съ набивкою и съ пружинами, и даются практическія правила для опредѣленія толщины его. Потомъ слѣдуетъ описаніе стержня (штока), и его втулки или коробки съ набивкою, для препятствованія пролету пара изъ цилиндра и правило для опредѣленія діаметра и длины стержня. За тѣмъ авторъ разсматриваетъ устройство такъ называемаго параллелограма или параллельнаго движенія Ватта и правила для вычисленія размѣровъ составныхъ его частей. Наконецъ, съ такою же отчетливостію говорится и опредѣляется

видъ и размѣренія коромысла, шатуна и мотыля, и описываются различные способы предлагаемые и употребляемые для уравненія дѣйствія мотыля, какъ то, двойной или сложный мотыль, а здѣсь означено также необходимое отношеніе величины мотыля къ величинѣ ноги; маховое колесо, коего діаметръ, вѣсъ и другіе размѣры опредѣляются также формулами, изъ коихъ выведены практическія правила вычисленія; наконецъ описывается пневматической уравнитель Букля и изслѣдованіе его дѣйствія Росселемъ, — и центробѣжный уравнитель, или коническій маятникъ, для вычисленія размѣровъ котораго предложено практическое правило Тредгольда.

Часть III.

Третья часть книги содержитъ правила для вычисленія количества дѣйствія производимаго паровою машиною. Для этого сначала объяснено значеніе выраженія количество дѣйствія силы, потомъ показанъ обыкновенный способъ вычисленія силы и размѣреній паровыхъ машинъ, который до-сихъ-поръ былъ въ общемъ употребленіи; послѣ того выказана неточность этого способа; изложена теорія Памбура, служащая основаніемъ новаго и вѣрнѣйшаго способа вычисленія, и наконецъ выведены формулы и правила для сего вычисленія служащія.

Этотъ чрезвычайно важный предметъ обработанъ Г. Божеряновымъ особенно тщательно, и составляетъ лучшую часть его книги. Изложеніе теоріи Памбура и выведенныхъ изъ нее правилъ, совершенно ясно и удобо-

понятно даже для тѣхъ читателей, которые не имѣютъ особенныхъ познаній въ математикѣ.

Описавъ подробно предметы, содержащіеся въ книгѣ Г. Божерянова, считаю обязанностію сказать, что разборъ ея ведетъ къ тому заключенію, что сочиненіе это принадлежитъ, безъ сомнѣнія, къ лучшимъ теоретическимъ руководствамъ къ познанію паровой машины, вышедшимъ до нынѣ. Первая часть предлежащаго тома, посвященная изложенію законовъ теплорода, и произведенія и свойствъ водяныхъ паровъ, содержитъ все въ нынѣшнее время объ этомъ предметѣ извѣстное. Вторая часть весьма удовлетворительно и ясно описываетъ паровую машину двойнаго дѣйствія, во всѣхъ ея подробностяхъ, научаетъ правиламъ вычисленія приличныхъ размѣреній для всѣхъ частей машины, и даетъ понятіе о движеніи ея составныхъ частей. Третья часть тома, наконецъ, впервые знакомитъ Русскихъ читателей съ новѣйшими и вѣрнѣйшими средствами судить о количествѣ полезнаго дѣйствія машины.

Книга Г. Божерянова написана слогомъ чистымъ, приличнымъ учебной книгѣ. Вездѣ замѣтно особенное стараніе автора избѣгать всякой неясности, и лучше повторить еще разъ сказанное уже прежде, чѣмъ подвергнуть читателя недоразумѣнію.

Число приложенныхъ таблицъ 18; изъ нихъ ни одна не перепечатана просто изъ другаго сочиненія, но нѣкоторыя составлены авторомъ, остальныя же всѣ имъ передѣланы, на Русскій вѣсъ и мѣру и термометръ Рео-

люра. Число чертежей на 18-ти листахъ весьма значительно; гравированы они вообще отчетливо и хорошо.

«Теорія паровыхъ машинъ», приноситъ честь познаніямъ и трудолюбію Г. Божерянова, будучи однимъ изъ лучшихъ сочиненій въ своемъ родѣ. Если книга эта будетъ удостоена Демидовской преміи, на что она, по мнѣнію моему, имѣетъ полное право, Императорская Академія Наукъ, воздастъ этимъ присужденіемъ Г. Божерянову заслуженную имъ награду и поощритъ его продолжать свои занятія на пользу Русскихъ инженеръ-механиковъ, и всѣхъ желающихъ имѣть точныя свѣдѣнія о паровой машинѣ.

Флигель-Адъютантъ Капитанъ 1-го ранга

Глазенапъ 1.

РАЗБОРЪ

сочиненія

Г-на Профессора МИХАИЛА КУТОРГИ,

подъ заглавіемъ

ИСТОРІЯ АѲИНСКОЙ РЕСПУБЛИКИ;

составленный

Г-мъ Профессоромъ БЛУМОМЪ.

Es giebt kaum eine Seite der Wissenschaft, welche, soll sie einigermaassen gedeihen, solch' mannigfaltiger, zarter und doch ausdauernder Pflege bedarf, als die den Gegenstand ihrer Forschungen und Combinationen in den abgerissenen und zerstreuten Blättern und sonstigen Ueberbleibseln der ältesten Vorzeit findet. Die sogenannten Fachwissenschaften dagegen drängen sich überall in das moderne Saatsleben ein; und wollte sie einer ausschliessen, es würde die Noth gar bald den Ausschliessenden zwingen, ihnen Thür und Thor zu öffnen. Ohne sie kann kein tüchtiger Beamter bestehen, kein Gewerbtreibender, kein Künstler, nicht das leibliche, noch das geistige Wohl der Einzelnen. Sie machen sich als unabweisliches Bedürfniss geltend, dem kein Volk, das es drängt, sich nach innen und aussen zu entwickeln, irgend ausweichen kann. Hat sie ein solches in sich aufgenommen, verarbeitet, sich angeeignet, den Blick immer vorwärts in eine Zukunft gerichtet, die reichlichen Lohn für die viele Arbeit verspricht, so treten daneben allmählig andre Bedürfnisse hervor, die nicht

unmittelbar praktischer Art, gleichwohl die tiefsten Regungen geistiger Thätigkeit verrathen. Der Geist versenkt sich in sich selbst, oder er fühlt sich gedrungen, rückwärts den Blick zu wenden. Dergleichen sieht man oft als geistigen Luxus an; es sind aber vielmehr Blüthen, die dem Geist eben so nothwendig als dem Baum erscheinen, der erst durch sie zu seinen Früchten kommt.

Dass also der Mensch auf die Anfänge, die Kindheit und Jugend des Menschengeschlechts mit seinen Gedanken und Forschungen zurückgehe, ist nicht etwas müssiges, vielmehr fordert ihn dazu die gesammte Natur seines Geistes auf. Drängt's ihn zu wissen, wohin er gehe, so kümmert ihn nicht minder, woher er komme. Gräbt er doch, so tief er vermag, in der Erdrinde nicht blos nach Gold und Silber und nützlichen Metallen, nach Salz und Kohlen, sondern auch nach Erkenntniss der Structur, Zusammensetzung und Entstehungsweise des Ball's, auf dem er wohnt. Wie viel näher gehen ihn nicht die Spuren des Daseins, Wirkens und Schaffens früherer Geschlechter an, die der Erde eingedrückt, oder in Ueberbleibseln von deren Schrift und Kunst erhalten, und seine Wissbegierde zu reizen besonders geeignet sind!

Auch wenden denselben grade die durchgebildetsten und durch Geist am meisten hervorragenden Völker vorzugsweise ihre Betrachtungen und Forschungen zu. Neuerdings sind's die Britten, Franzosen und Deutschen, welche sich wie verabredetermaassen in die anziehende Arbeit getheilt haben, die verschwundene Welt der fern-

sten Vergangenheit durch die Kraft der mannigfaltigsten Kenntnisse wieder vor unseren Geist zu zaubern. Während alle wetteifern, die einzigen Denkmale des ägyptischen und indischen Alterthum's, oder die kostbaren Reste der Vorzeit, welche das Gestrüpp am Tigris und Eufrat überwuchert, zu nöthigen, dass sie auf die Fragen der Wissbegierde Red' und Antwort stehen, haben zumal die Deutschen das Leben des alten Griechenland's und Rom's in einer Weise blossgelegt, dass wir öfter mitten unter jenen Gestalten des classischen Alterthum's zu wandern glauben. Ihre Forschungen beherrschen diess Gebiet als eine eigene Eroberung, sie sind maassgebend darauf geworden; an sie lehnen sich auch die hieher einschlägigen Arbeiten der Franzosen und Engländer beinahe durchweg an.

Eröffnet sich nun einer Litteratur, die, selbst noch in der Kindheit, bisher vom Geiste des classischen Alterthum's wenig berührt worden ist, von dorther die Aussicht auf Bereicherung, so hat sie alle Ursache, dieselbe mit Theilnahme zu begrüssen. Eine Schwalbe macht freilich noch keinen Sommer, aber sie kann die späteren Schwalben melden, in deren Gefolge der Sommer kommt. Diess gilt insbesondere von vorliegender Schrift des Herrn Kutorga. Wenn sich aber derselbe vorzugsweise auf deutsche gelehrte Forschungen stützt, so wissen wir nach oben Gesagtem, was wir davon zu halten haben. Es ist diess eben eine Nothwendigkeit, welcher sich keiner, der jetzt auf altclassischem Gebiet arbeitet, entziehen kann. Vielleicht liesse sich ihm eher der Vor-

wurf machen, dass er aus dem Reichthum deutscher Arbeiten nicht alle Vortheile, die sich darboten, zog.

Ueberhaupt möchte die Schrift in der Forschung, zumal aus den Quellen selbst, nicht ihre eigentliche Stärke haben; sie hat dieselbe weit mehr in der Zusammenstellung und Behandlung des gesammten Gegenstand's. Dieser erscheint, wenn man die Leser einer Litteratur bedenkt, welche jenes Gebiet noch so dürftig angebaut, vortrefflich gewählt, um ihnen eine Vorstellung von der Bedeutung des Staats zu geben, der später den Gipfel griechischer Cultur bilden sollte, von dessen Stellung zu seinem Gegensatz, Sparta, und vom Verhältniss beider zu ihrem gemeinsamen Gegner, dem Perserthum.

Auch beginnt der Verfasser seine Geschichte mit der Gegeneinanderstellung des persischen Reichs und der griechischen Staaten, die selbst, seiner Ansicht nach (I) in die Gegensätze der aristokratischen und demokratischen Richtung auseinander fallen. Hier wäre zu wünschen, dass er den Charakter der persischen Macht gegenüber den Griechen näher bestimmt, zumal aber das Auseinandergehen letzterer in verschiedene Stämme nachdenklich ins Auge gefasst hätte. Dann würde sich von selbst die Nothwendigkeit ihrer verschiedenen Richtungen ergeben haben, die jetzt nach seiner Darstellung rein äusserlich erscheinen.

Ebenso äusserlich stellt sich der Gegensatz der grossen Dichter dar (II), die unmittelbar den persischen Kriegen vorausgehen, oder in dieselben fallen, indess grade über diesen Gegenstand seit den letzten drei vier Decen-

nien die Berliner und die Göttinger Schule die tiefsten Forschungen anstellten, und die überraschendsten Ansichten eröffneten, wonach es jetzt vergönnt ist, einen tieferen Blick in das Innere jener Gegensätze zu thun.

Mit Cap. III. kehrt der Verfasser zu Athen und der Herrschaft des Hippias zurück, die er näher schildert. Er macht den Leser mit der Familie von dessen Hauptgegnern bekannt, deren Schicksale ein helles Licht auf das vorpersische Athen, und am Ende auch auf die übrigen Staaten des damaligen Griechenlands werfen, ohne dass er dasselbe zu gehöriger Aufhellung des ganzen Getriebes zunächst benutzte. Desto ansprechender ist die Darstellung, die er von Kleisthenes und dessen Wirken giebt, besonders wie derselbe zur Bestechung des pythischen Apollon kam, und die Spartaner in seine Kämpfe zog. Wenn er dabei der feinen Bemerkung Lebas' über die beiden alten Burgen Athens gedenkt (S. 23), und die Gründung Athens der von Rom ähnlich findet, so wünschte man solche Behauptung gründlicher durchgeführt.

Nach des Hippias Sturz kommt nun die eigentliche Entwickelung der entgegengesetzten Parteien (VIII), welche weit verständlicher erschiene, wenn der Verfasser hier gleich des Kleisthenes Gesetzgebung darlegte, die weit später folgt (S. 146). Sehr gut schildert er dagegen die Weise, wie die Staaten unter Sparta's Leitung sich gegen Athen verbündeten, und den Krieg, der daraus den Athenern mit Sparta, Theben und Chalkis entsprang (X). Nach dem Fall von Chalkis führt seine

Schilderung recht ansprechend Aegina's Auftreten herbei (XI), und entwickelt auf Ottfried Müller gestützt, die Verhältnisse der berühmten Insel und deren Gegensatz gegen Athen. Indem ihn nun der Gang der Erzählung auf Sparta zurückleitet (XII), und auf die Orakel bringt, die grade damals eine grosse Rolle spielten, so möchte man wünschen, er hätte davon Gelegenheit genommen, über die Bedeutung der Orakel für das ältere Griechenland überhaupt zu sprechen. Diess um so mehr, als der Verfasser bisher schon öfter der Orakel und ihres Einflusses gedenken musste, ohne dass der Leser eigentlich erführe, woher sie solche Macht hatten. Dagegen erscheint sehr passend, was er zur Erklärung des Benehmens von Kleomenes hauptsächlich Lobek's gelehrtem Werk entnimmt; so wie er sehr anschaulich die Gründe auseinandersetzt (S. 53), welche Sparta beständig im Harnisch gegen das Aufblühen Athen's erhielten.

Der Widerspruch, in den durch solches Getriebe Sparta bei der Berufung des Hippias gegen sich selbst gerieth, würde noch deutlicher hervortreten, hätte der Verfasser bereits früher das beständige Einschreiten der Spartaner gegen die Tyrannis, wo diese sich irgend aufwarf, hervorgehoben; wie ja auch der Korinthier Sosikles diess ihnen in seiner Rede zu Gemüthe führt. Erst später (S. 57) wird dessen ausführlicher gedacht, so wie der Gründe, aus denen die Aristokraten Freunde der Tyrannei wurden, wobei nur etwas zu sehr der Einfluss der Ottfried Müller'schen und Gleichgesinnter Ansichten

zu Gunsten der Dorier auf das Urtheil des Verfassers zu bemerken ist. Auch hätte er, geführt von des Aristoteles Politik, die er ja öfter mit Recht benutzt, hier füglich das häufige Verlaufen der wahren Aristokratie in die Oligarchie darstellen können, was er nachher nur gelegentlich andeutet.

Das Eingreifen der Pläne des Darius in's Leben der Griechen wird von S. 60 an recht gut geschildert; doch grade auf den folgenden Blättern würde das verschiedenartige Benehmen der Spartaner und der Athener gegenüber den Persern in Jonien weit verständlicher erscheinen, hätte der Verfasser, wie schon erwähnt, zuvor die Grundunterschiede der griechischen Hauptstämme auseinandergesetzt. Wie er dann (XV) die in Athen einander entgegenstehenden Parteien, und im folgenden Capitel die Familien uns vorführt, die sich bei der Ausbildung der Demokratie dort Verdienste erworben hatten, ist nur zu loben, desgleichen die folgende Charakteristik (XVII). Nur erinnert uns gleich die Angabe S. 74. dass Miltiades schon 524 J. v. C. (Olymp. LXIV, 1) Archon gewesen sei, die sich, so viel mir bekannt, nur auf die einzige Stelle des Dionysios von Halikarn. VII, 3. gründet, wie nothwendig es gewesen wäre, dass der Verfasser mindestens die Quellen über seinen Haupthelden neben einander gestellt, und kritisch gesichtet hätte. Ein athenischer Archon, der dem Jahre den Namen gab, 34 Jahre später an die Spitze eines Heeres gestellt, und ein Jahr weiter noch so lebenskräftig, dass er halsbrechende Sprünge wagt, setzt unsern Glauben auf eine

starke Probe; zumal wenn wir bedenken, dass sein eigener Lebensbeschreiber, Cornelius Nepos, ihn, des Kimon's Sohn, mit seinem Oheim, dem Sohne des Kypselos, verwechselte.

Im Verfolg kommen nun ganz anziehende Stellen, von denen wir nur hervorheben seine Darstellung der Ursachen des Hasses zwischen Athen und Aegina (S. 86); seine Schilderung von des Themistokles Verdiensten um die Flotte der Athener (S. 92); von den Umtrieben der Parteien, namentlich des Phrynichos (S. 93), seine geschickte Verwebung der Kykladen, namentlich der Schicksale von Naxos, in den Gang der Erzählung (S. 98 ff.). Es wäre zu wünschen, er hätte später (XXVII) ebenso geschickt die Bedeutung der Feste durchgeführt; aber deren Darstellung erscheint durchaus unantik. Denselben Vorwurf müssen wir mehreren andern Stellen machen, wie den Gemeinplätzen, die das Capitel XVII. schliessen, und an denen auch das folgende Capitel leidet; der wunderlichen Tirade auf die Götter S. 111, die nur durch die Rolle, welche sie der Verfasser bei der Vorausverkündigung von des Hippias Untergang spielen lässt, S. 141 überboten wird. Auch hätte man Wiederholungen vermieden gewünscht, wie sie z. B. S. 78. 80. 81. 82 und 86 vorkommen.

Das letzte Drittel des Buch's ist derjenige Theil, auf welchen der Verfasser selbst am meisten Accent zu legen scheint. Seinen Inhalt macht der Hauptsache nach die Beschreibung des Schlachtfeldes von Marathon, die Schilderung der Schlacht selbst, und der Versuch, deren viel-

angestrittene Zeit festzustellen, aus. Auf erstere (XXX) hat er vielen Fleiss verwandt, doch erscheint sie, trotz der beigegebenen Steinzeichnung, nicht so übersichtlich und klar, als man wünschen möchte. Das Verweilen bei den Ausgrabungen ist zur Uebersicht der Gegend nicht so dienlich, als sein Verfolgen der Wege von Athen nach dem Schlachtfelde zur Aufhellung des Schlachtplanes. Seine Untersuchung über die Stärke beider Heere verdient alles Lob (S. 122 ff.), obgleich man sie hier kürzer wünschte. Sie beweist, wie schwierig es sei, dergleichen Zahlen aus so alten Zeiten zu ermitteln; werden sie doch in der Gegenwart sogleich mythisch. Wenn Herodot sich auf eine solche Untersuchung nicht näher einliess, so hatte er seine Gründe dazu, die aber wohl grade unsres Verfassers Berechnung bestätigen. Die Schilderung der Schlacht selbst scheint recht verständig, besonders gut die Entwickelung der Pläne des Miltiades und des Hippias (XXXIII—XXXV), zumal das Zusammenfassen alles dessen, was letzterer bisher gethan hatte, und noch beabsichtigte. Nur hat die Schilderung einer Schlacht durch den Mund eines Laien immer viel Bedenkliches; wir haben die Erfahrung neuerdings gemacht, als Männer vom Fach zu glänzenden und berühmten Beschreibungen den Kopf schüttelten.

Was endlich die Feststellung der Zeit anlangt, wann die Schlacht geliefert worden (S. 143 ff. vgl. S. 111), so betritt hier der Verfasser ein Glatteis, auf dem wir ihm nicht gern folgen möchten. So viel müssen wir nur sagen, dass zu einer gründlichen Behandlung das aus

Böckh's, Corsini's, Ideler's etc. Schriften Entnommene nicht ausreichte, und das Ganze mehr den Schein annimmt, als wäre es nur da, um die Ansichten über des Kleisthenes Verfassung an den Mann zu bringen. Auch dürfte die ausführliche Beschreibung der Stoa (S. 161) sammt des Verfasser's Behauptung vom Pan in Cambridge (S. 156) und des Miltiades Büste im Louvre (S. 166) schwerlich die Beistimmung der Archäologen finden.

Wir haben somit in aller Kürze, die nothwendig war, wenn wir nicht durch ausführliche Abhandlungen belästigen wollten, die guten und die schwachen Seiten vorliegender Schrift aufzuzeigen gesucht, und kommen zu dem Endurtheil: dieselbe ist ein achtungswerthes Zeugniss für des Herrn Verfasser's historische Bestrebungen. Die Kritik zumal die in Deutschland übliche, müsste von ihrem Standpunkte aus vieles im Ganzen und im Einzelnen einwenden; aber bedenkt man, welche Förderung der Litteratur, in deren Sprache die Schrift verfasst ist, aus vielen dergleichen Arbeiten erwüchse, so wird man, zur Aufmunterung des Herrn Verfasser's und Anderer, die denselben Weg einschlagen möchten, ihr gern einen vollen Preis zuerkennen.

K. L. Blum.

РАЗБОРЪ

сочиненія

Г-на Д. МИЛЮТИНА,

подъ заглавіемъ

ПЕРВЫЕ ОПЫТЫ ВОЕННОЙ СТАТИСТИКИ;

составленный

Г-мъ Профессоромъ ГОРЛОВЫМЪ.

Въ недавнее время статистическія изысканія о предметахъ, входящихъ въ составъ государствъ, или касающихся ихъ дѣятельности, были производимы съ чрезвычайною подробностію. Это тщательное изученіе извѣстныхъ условій и сторонъ государственной жизни, доставило такую массу свѣдѣній, проникнутыхъ единствомъ идеи, что оказалась потребность и возможность составлять спеціальные труды, и дѣйствительно стали появляться статистики торговли, сельскаго хозяйства, нравственности и просвѣщенія. Имѣя свой собственный предметъ, они не преслѣдовали однако-же его односторонне и исключительно, а поясняли и дополняли всѣми фактами, которыя заимствовали изъ статистики общей, получившей было энциклопедическій характеръ. Смотря на сочиненіе о Военной Статистикѣ съ этой точки зрѣнія, мы привѣтствуемъ его какъ явленіе, возникшее изъ современныхъ потребностей и имѣющее принести истинную пользу разработкою столь важнаго предмета. Сочиненіе начинается обширнымъ вступленіемъ (стр. 1—70), гдѣ разсматривается содержаніе военной статистики. Но

этому случаю прежде всего разбираются мнѣнія важнѣйшихъ писателей о военной географіи — Вентурини, Мальхуса, Жомини, Эрцъ-Герцога Карла и др., и дѣлается заключеніе (стр. 29), что 1) всѣ сочиненія, вышедшія до селѣ подъ именемъ военныхъ географій, суть сборники фактическихъ свѣдѣній, полезныя только для справокъ, или для начальнаго преподаванія; 2) что изъ числа писателей, старавшихся военной географіи придать значеніе самостоятельное, ни одинъ не достигъ этой цѣли. Послѣ того объясняется, какъ одно военно-географическое изученіе государства недостаточно, и какъ оно должно быть замѣнено статистическимъ. Принимая за исходную точку обширное понятіе о Стратегіи (стр. 30), авторъ полагаетъ, что военное разсмотрѣніе страны, кромѣ географическаго элемента, должно обнимать все, что условливаетъ средства къ веденію войны, должно распространяться почти на весь составъ государства и вести къ общей цѣли — опредѣленію его силы и могущества въ военномъ отношеніи; а этотъ кругъ свѣдѣній составляетъ статистику, не географію. Безъ всякаго сомнѣнія, болѣе обширное, именно — статистическое изученіе странъ, вмѣсто географическаго, обогатитъ военное образованіе новою, сильною вѣтвію чрезвычайно важныхъ познаній, и военная статистика имѣетъ такое же право на существованіе, какъ всякая другая спеціальная. Но, съ другой стороны, нельзя умолчать, что заключеніе автора о трудахъ знаменитыхъ писателей по военной географіи, кажется нѣсколько смѣлымъ и что не возможно согласиться со всѣми его утвержденіями. Напримѣръ,

онъ утверждаетъ (стр. 20), будто изъ опредѣленія Жомини не видно, что такое военная географія, должна ли она только *описывать* театръ войны, *указывая* пункты, важные въ военномъ отношеніи, или должна *изслѣдовать критическеи* стратегическое значеніе вообще географическихъ предметовъ. А Жомини говоритъ: военная географія состоитъ изъ тонографическаго и стратегическаго *описанія* театра войны, съ *обозначеніемъ* всѣхъ естественныхъ и искуственныхъ препятствій, могущихъ встрѣтиться въ военныхъ предпріятіяхъ, съ *изслѣдованіемъ* постоянныхъ, рѣшительныхъ пунктовъ, какъ на границѣ, такъ на всемъ пространствѣ (Ibid).

Уже изъ приведенныхъ выше мѣстъ можно видѣть понятія автора о военной статистикѣ; но онъ почелъ нужнымъ представить нѣкоторыя подробности объ ея содержаніи. Предметъ этой науки, если не совсѣмъ новъ, то по крайней мѣрѣ нигдѣ не былъ разсматриваемъ такъ обширно и потому очертить границы новопріобрѣтенной области познанія, какъ-бы составляло обязанность писателя, который способствовалъ утвердить ея существованіе. Мы полагаемъ только, что авторъ безъ большой нужды вошелъ, по этому случаю вообще, въ объясненіе сущности статистики и ея отличія отъ географіи, думая, что это вопросъ чрезвычайной важности и очень запутанъ. Названныя науки трудно съ вѣрностію опредѣлить, назначить ихъ точныя границы; но ихъ также трудно и смѣшать — до такой степени самостоятельность ихъ ощутительна и не сомнѣнна. Что касается до содержанія статистики, то оно, по слѣдамъ Ахенваля и

Шлецера, было часто и напрасно разбираемо. Это могло быть полезнымъ и важнымъ во времена Шлецера, по новости науки нашей, но теперь совсѣмъ безплодно: сущность статистики практическими трудами ученыхъ о многихъ государствахъ поставлена выше всякаго сомнѣнія. Очень естественно, если авторъ, впрочемъ изложившій отлично этотъ вопросъ, въ своихъ идеяхъ представилъ не много новаго. Въ нихъ можно было-бы, если-бы справиться со старинною, найдти близкое сходство съ ахенвалевыми идеями. Что авторъ говоритъ о теоретическомъ и историческомъ изученіи государства (philosophische und geschichtliche Staatslehre по Ахенвалю), какъ онъ выводитъ статистическую сторону этого изученія, какъ группируетъ всѣ свѣдѣнія, сюда относящіяся, подъ отдѣлъ земли, народа и постановленія (Land, Volk, Staatsverfassung у Ахенваля и Шлецера), было давно сказано. Въ этомъ повтореніи давно извѣстнаго мы не ищемъ предлога къ порицанію. Оно напротивъ служитъ для насъ почтеннымъ доказательствомъ живаго убѣжденія: истина тогда высказывается твердо, не смотря на обольстительный блескъ новыхъ системъ. Мы только желали-бы, чтобъ авторъ отдавалъ болѣе справедливости великимъ писателямъ нашей науки и отличалъ ихъ отъ толпы обыкновенныхъ ученыхъ. Не всегда находили мы это прежде, не находимъ и теперь, когда онъ утверждаетъ, будто прежняя статистика имѣла цѣль весьма *ограниченную* — просто описывать состояніе извѣстнаго народа и государства, и будто такъ понималъ нашу науку Ахенваль (стр. 40). По мнѣнію же автора

«статистика не *спускается* на степень простаго *описанія* данныхъ, но доджна *критически изслѣдовать* ихъ съ опредѣленною цѣлію». Это противоположеніе описанія изслѣдованію, уже найденное при разборѣ опредѣленія Жомини, встрѣчаемое теперь, воспроизводится и послѣ. Конечно, литературное или поэтическое описаніе можно сдѣлать послѣ наглядныхъ, поверхностныхъ наблюденій; описаніе, истинно статистическое, не исполнимо безъ многихъ и тщательныхъ, критическихъ изслѣдованій. Ахенваль статистику переводитъ чрезъ Staatsbeschreibung; но чтобъ судить о методѣ, не довольно остановиться на одномъ словѣ. Онъ полагаетъ ей въ основаніе идею такъ названныхъ государственныхъ примѣчательностей. Фактъ тогда только признается статистическимъ, когда опредѣлена его цѣнность, степень важности въ смыслѣ государственныхъ интересовъ, а это необходимо сопровождается изученіемъ его существа. Описаніе такихъ фактовъ, слѣдовательно, предполагаетъ разсмотрѣніе предметовъ по ихъ природѣ и по внѣшнимъ отношеніямъ, а болѣе конечно не сдѣлаетъ и критическое изслѣдованіе.

Военная статистика по автору должна состоять изъ трехъ отдѣловъ: I) *Вступительный*, гдѣ разсматриваются основныя силы или элементы государства (стр. 58), т. е. страна, населеніе и государственное устройство. Мимоходомъ замѣтимъ, что страна и ея населеніе конечно составляютъ элементы государства, но государственное постановленіе не есть элементъ, составная часть государства, а форма его существованія, условіе жизни

и дѣятельности. II) *Изслѣдованіе* вооруженныхъ силъ. III) *Изслѣдованіе* стратегическаго положенія и театра войны. Эта программа отличается своею полнотою и внутреннею, логическою стройностію. Мы полагаемъ, что она была напрасно распространена въ подробномъ указаніи предметовъ, ее составляющихъ. Оттого произошли повторенія, замѣчаемыя въ I и III отдѣленіяхъ. Въ I-мъ отдѣленіи (стр. 60) предполагается между прочимъ разсмотрѣть географическіе элементы относительно снабженія, расположенія войскъ, перевозки военныхъ и продовольственныхъ запасовъ и проч. Эти статьи вноситъ программа въ III-е отдѣленіе, и еще два раза — сначала въ общій обзоръ (стр. 64), потомъ въ собственно стратегическое описаніе (стр. 65). Конечно, одни и тѣ же предметы могутъ быть описываемы короче и обширнѣе, смотря по потребностямъ общихъ взглядовъ или частныхъ цѣлей; но во всякомъ случаѣ изложеніе въ трехъ степеняхъ объема намъ кажется не практическимъ. Авторъ запуталъ бы свое ясное изложеніе, если-бы привелъ въ исполненіе такой статистическій планъ; но въ разсматриваемомъ сочиненіи нѣтъ третьяго стратегическаго отдѣленія. Въ описаніи Германскаго Союза объявлено (стр. 235), что стратегическое разсмотрѣніе Сѣверной Германіи войдетъ въ составъ театра войны между Пруссіею и Франціею, а южной въ составъ театра войны между Австріею и Франціею. Въ описаніи Пруссіи объявлено (II кн. XII стр.), что ея стратегическое разсмотрѣніе отложено до слѣдующихъ книгъ.

Рядъ своихъ статистикъ авторъ открываетъ *Герман-*

скимъ Союзомъ (стр. 81), котораго изученіе можетъ служить полезнымъ вступленіемъ, къ военно-статистическому описанію двухъ первостепенныхъ державъ Европы: Пруссіи и Австріи. Прежде всего представленъ обзоръ основныхъ силъ: земли и народа, и здѣсь въ немногихъ, но ясныхъ и мастерскихъ очеркахъ, сдѣлано географическое изображеніе мѣстности, къ которому присоединены статистическіе факты о производствѣ. Не можемъ одобрить, что нѣкоторые изъ фактовъ выражены въ общности, не довольно опредѣлительной, такъ, что сущность вещи ими объясняется мало. Если бы, въ самомъ дѣлѣ, и можно было допустить, что въ Германіи производительныхъ земель до 74% всего пространства, что изъ сего количества 41% подъ полями, 31% подъ лѣсами (I, стр. 94); то эти показанія, не смотря на свою числовую точность, не довольно ясны: изъ нихъ нельзя заключить, много или мало для народнаго существованія собирается ежегодныхъ произведеній. 74% производимой земли могутъ давать разныя массы произведеній, смотря по естественнымъ и техническимъ условіямъ хозяйства и по роду самыхъ продуктовъ. Эти массы могутъ имѣть разное экономическое значеніе для народа, смотря по состоянію потребленія и по возможности передвижки запасовъ. Потому, имѣя въ виду только одну процентную величину съ ея абстрактнымъ и безотносительнымъ характеромъ, едва ли можно будетъ заключить съ авторомъ (I, стр. 95), что цѣлую Германію въ общей сложности надо считать одною изъ странъ, обильнѣйшихъ способами существованія. Принимая плотность за-

селенія лучшею мѣрою матеріальныхъ средствъ, онъ прилагаетъ таблицу, гдѣ показано для средней, сѣверной и южной Германіи, на квадратную милю число населенныхъ пунктовъ и жителей. На стр. 103-й, авторъ снова группируетъ населеніе въ таблицѣ, съ показаніемъ пространства въ квадр. миляхъ, числа жителей общаго и относительнаго (для цѣлой Германіи 3.748 душъ по одному авторитету, а по другому, на стр. 99-й, только 3.307). Наконецъ на стр. 114-й еще представлена подробная таблица всѣхъ державъ, членовъ Германскаго Союза, съ означеніемъ ихъ населенности и поверхности (поверхность земель Австрійской Имперіи, непринадлежащихъ къ Союзу, по ошибкѣ, вошедшей два раза въ итоги, показана 5855 квадр. миль.)

Въ разборѣ *политической системы Германскаго Союза* (стр. 114—152) разсматриваются, на основаніи Bundesact 1815 г. и дополнительныхъ законовъ, не только главныя постановленія, касающіяся внутреннихъ дѣлъ Германскихъ государствъ, взаимныхъ отношеній между ними, отношеній внѣшнихъ къ постороннимъ державамъ, но даже составъ и пространство власти учрежденій Союза — Plenar-Versammlung, engerer Rath, Executions-Commission, право голосовъ, возможность перевѣса на сторонѣ первостепенныхъ державъ, составъ и значеніе суда Austrägal-Instanz и проч. Все это можетъ быть чрезвычайно важно, но военной статистикѣ едва-ли не совсѣмъ чуждо. Безъ этаго нелогическаго распространенія ея сфера обширна и, какъ показываетъ трудъ самаго же автора, заключаетъ предметы занимательные

и существенно полезные. Мы полагаемъ, что авторъ почти раздѣляетъ наше убѣжденіе: изъ слѣдующаго мѣста видно, какъ мало важности въ военномъ отношеніи, онъ самъ приписываетъ политическимъ условіямъ Союзнаго Акта «въ вопросахъ, относящихся къ соображеніямъ военнымъ, на всѣ юридическія обезпеченія единства Германскаго Союза, полагаться нельзя, а должно будетъ вопрошать частные интересы союзныхъ государствъ и военныя ихъ силы» (I, стр. 147).

Обзоръ *военной системы Союза* (I, стр. 153—190), составленъ искусно и отчетливо. Можно было-бы желать только, чтобъ подлѣ законодательныхъ положеній была выставлена въ болѣе яркомъ освѣщеніи собственно статистическая сторона. Это замѣчаніе должно распространить и на ту часть сочиненія, гдѣ изложена военная система Пруссіи. Авторъ въ нѣсколькихъ параграфахъ объясняетъ образованіе контингентовъ, резерва и запасовъ, соотвѣтственно съ населенностію государствъ Союза, составленіе Союзной Арміи изъ этихъ контингентовъ, однообразіе службы, обезпеченіе какъ ея, такъ и другихъ условій посредствомъ инспекціи. Далѣе онъ говоритъ о разныхъ предметахъ, относящихся къ военному времени, именно — какъ скоро можетъ быть снаряжена военная сила въ походъ, ея пополненіе, хозяйственное устройство и денежные способы во время компаніи и проч. Все это представлено какъ *правило*, законъ. Статистика должна ихъ знать, но ея собственный предметъ — изучать состояніе, повѣрять въ какомъ видѣ правила исполняются. Напримѣръ отчеты объ ин-

спекціяхъ наличной и хозяйственной части войска и военныхъ учрежденій составляютъ именно тотъ матеріалъ, который подлежитъ обработкѣ статистики. Если такихъ документовъ нѣтъ, то ихъ должны замѣнить личныя наблюденія, или свидѣтельства достовѣрныхъ и знающихъ писателей.

Во второй книгѣ, вышедшей въ 1848 г., описывается Прусское королевство. Она состоитъ изъ 2-хъ отдѣленій: первое представляетъ Общій обзоръ государствъ, второе Вооруженныя силы, третье будетъ заключать Стратегическое изслѣдованіе и обѣщано въ послѣдствіи.

Въ краткомъ вступленіи, которое предшествуетъ первому отдѣленію, авторъ дѣлаетъ сравненіе элементовъ силы первостепенныхъ державъ въ Европѣ, при чемъ за основныя точки беретъ пространство, населенность и бюджетъ. Это ведетъ его къ заключенію объ относительной слабости матеріальныхъ способовъ Пруссіи. Намъ и здѣсь, какъ прежде, метода эта кажется нѣсколько сомнительною. Дѣлая выводы по данностямъ неполнымъ, по величинамъ выраженнымъ обстрактно и съ пренебреженіемъ дѣйствительныхъ отношеній, легко впасть въ погрѣшность. Такія данности, по самому своему свойству, могутъ приводить къ заключеніямъ противоположнымъ, какъ въ настоящемъ случаѣ. Изъ сравненія, гдѣ Пруссія принята за единицу, возмемъ пропорціональное отношеніе къ Великобританіи.

Пространство . . . . . 1 : 1,1.
Населенность . . . . . 1 : 1,7.
Бюджетъ . . . . . 1 : 7,5.

Сравниваются только величины однородныя, слѣдовательно пространство Великобританіи должно имѣть почти одинакое экономическое значеніе (разность составляетъ 0, 1); но народъ ея гораздо многочисленнѣе (разность 0, 7). — И такъ положеніе народа Великобританскаго, въ матеріальномъ отношеніи, должно быть хуже, а онъ еще обремененъ огромнымъ бюджетомъ и платитъ 7,5 противъ Прусскаго. — Однако-же это заключеніе объ экономическихъ способахъ Великобританіи и дѣйствіи финансовыхъ тягостей, противно общему мнѣнію и не согласно съ результатами самаго автора. Еще болѣе неясно и сомнительно заключеніе, которое должно выдти чрезъ сравненіе, по тѣмъ же элементамъ силъ, Пруссіи съ Австріею.

Пространство . . . . . 1: 2,3.
Населенность . . . . . 1: 2,4.
Бюджетъ . . . . . 1: 1,8.

Не будемъ продолжать этихъ замѣчаній, чтобъ обратиться къ послѣдующимъ изысканіямъ автора, гдѣ мы опять съ удовольствіемъ встрѣчаемъ удачный выборъ фактовъ и точность въ соображеніяхъ. Любопытно и основательно, что онъ говоритъ о раздѣленіи главныхъ массъ земли, составляющихъ Прусское королевство, о растянутости пограничной линіи и о заключеніи постороннихъ, мелкихъ владѣній въ предѣлахъ государства. Разсматривая вліяніе, которое эти географическія условія могутъ имѣть на военныя дѣла, авторъ рѣшаетъ вопросъ относительно: все зависитъ отъ того, въ какое положеніе станетъ Пруссія къ другимъ державамъ, осо-

бенно Германскимъ — будетъ ли она принуждена къ оборонѣ, или вызвана на поприще, болѣе обширное и болѣе для себя выгодное. Послѣ того авторъ переходитъ къ экономическому разсмотрѣнію страны (II, стр. 29) и заключаетъ обзоромъ водяныхъ и сухопутныхъ сообщеній (II, 33).

Статья о *Народѣ* (II, 39 — 107) начинается указаніемъ числа жителей и это сдѣлано съ роскошью цифръ, которая едва-ли принесетъ пользу предмету и лучше объяснитъ его. Послѣ числа душъ въ первостепенныхъ государствахъ Европы, не только показано: 1) сколько процентовъ составляетъ Прусская населенность сравнительно съ первокласными державами, но и 2) сколько процентовъ неселенность Пруссіи и каждой изъ нихъ составляетъ относительно жителей въ цѣлой Европѣ, 3) относительно суммы жителей въ первостепенныхъ государствахъ.

Чрезвычайно важенъ, въ военномъ отношеніи, вопросъ — опредѣлить населеніе какъ *сумму физическихъ силъ.* Исходя отъ того предположенія (II, 41), что движеніе населенія заключаетъ въ себѣ явленія, которыя служатъ признакомъ большей или меньшей силы народа, авторъ приводитъ величину годичнаго приращенія въ Пруссіи сравнительно съ разными государствами; однако же самъ достигаетъ до противнаго первому предположенію заключенія, что (II, 43) приращеніе не даетъ еще непосредственнаго вывода о степени возрастанія массы физической силы народа. Въ настоящее время будто *никто* не сомнѣвается, что приращеніе населенія

вовсе не соразмѣряется съ количествомъ средствъ пропитанія (II, 44). Послѣдняго утвержденія допустить невозможно. Знаменитѣйшіе экономисты, напротивъ, всѣ принимаютъ, что населеніе соразмѣряется со средствами существованія, только въ извѣстномъ смыслѣ. Животныя погибаютъ, если нѣтъ пищи; человѣкъ, не смотря на свою высшую природу, подлежитъ такому же закону органическаго міра. И такъ начало, будто населеніе *вовсе* не соразмѣряется съ суммою питательныхъ средствъ, не можетъ быть допущено въ своей абсолютности. Справедливо, что народъ иногда размножается безъ соотвѣтственнаго возрастанія питательныхъ средствъ, что онъ уменьшается иногда безъ ихъ соотвѣтственнаго сокращенія, наприм. отъ холеры. Но никакая теорія населенія не утверждала, что число народа и измѣненія въ этомъ числѣ *исключительно* зависятъ отъ однихъ способовъ существованія и состоянія производства: это противно самымъ обыкновеннымъ фактамъ, доступнымъ простому здравому смыслу. И такъ, принимать или нѣтъ, въ данномъ случаѣ, приращеніе народа за соотвѣтственное умноженіе физическихъ силъ, — это не можетъ быть рѣшено теоретическимъ началомъ, а наблюденіемъ. Авторъ еще сообщаетъ способъ опредѣлить сумму физическихъ силъ — чрезъ разсмотрѣніе смертности по возрастамъ (II, 47 — 52), но мы оставимъ его, чтобъ обратиться къ непосредственному указанію наличнаго состава населенности, откуда прямо опредѣляется, на какое именно число людей въ государствѣ падаетъ обязанность военной службы (стр. 53). Чтобъ получить

этотъ результатъ, авторъ сначала отдѣляетъ женскій полъ, оставшуюся за тѣмъ населенность группируетъ по возрастамъ, принимая 5 категорій:

до 15 лѣтняго возраста,
отъ 15 до 20 лѣтъ,
» 21 » 45 »
» 46 » 60 »
Свыше 60 лѣтъ.

Желательно было-бы встрѣтить объясненіе, почему приняты эти категоріи. Въ Пруссіи обязанность военной службы лежитъ на гражданахъ отъ 17 до 50 лѣтъ, съ такимъ при томъ раздѣленіемъ, что 20-лѣтніе молодые люди остаются въ арміи и резервѣ до 26-го года, съ 26 по 33 переходятъ въ ландверъ 1 разряда, съ 33 по 40 въ ландверъ 2 разряда. За тѣмъ остальное населеніе, отъ 17 до 50 лѣтъ состоитъ въ ландштурмѣ. По этимъ возрастамъ, казалось бы, приличнѣе размѣстить группы населенности. На стр. 66-й напечатана еще таблица, гдѣ въ двухъ отдѣлахъ показано: 1) число людей, способныхъ къ службѣ внѣшней, отъ 20 до 45 лѣтъ; 2) людей, способныхъ къ службѣ преимущественно внутренней. Между тѣмъ распредѣленіе служебныхъ обязанностей въ разныхъ частяхъ военной силы таково, что уже ландштурмъ, въ которомъ состоятъ съ 40 лѣтняго возраста, употребляется, и то въ военное только время, исключительно на внутреннюю службу въ государствѣ — сопровожденіе транспортовъ, караулы и т. д. (ст. 137). Это распредѣленіе обязанностей даетъ другіе выводы о числѣ людей, подлежащихъ внутренней или внѣшней

службѣ. Изысканія о массѣ военной силы, дополнены вѣроятнымъ выводомъ объ ежегодномъ числѣ молодыхъ людей, вступающихъ въ возрастъ конскрипціи. — Упомянутыми вычисленіями суммы жителей, извѣстныхъ возрастовъ, авторъ долженъ былъ ограничиться по вопросу о физической силѣ населенности. Другихъ элементовъ для этого опредѣленія — какъ ростъ, тѣлесное сложеніе, состояніе здоровья, онъ не имѣлъ, потому, что въ Пруссіи не обнародывается свѣдѣній, сколько не принято изъ конскриптовъ за ростомъ, или другими физическими недостатками.

Изысканія о *плотности заселенія* даютъ автору поводъ войдти въ нѣкоторые любопытные подробности, чтобъ получить вѣрные результаты, какъ объ удобствѣ расквартированія войскъ, такъ и о степени сосредоточенности мѣстныхъ средствъ въ данномъ раіонѣ, занятомъ войсками. Для этой цѣли онъ показываетъ, по областямъ, сколько на квадр. милю приходится заселенныхъ мѣстъ и домовъ, на каждое заселенное мѣсто сколько домовъ и душъ, на каждый домъ сколько душъ. Слѣдуя здравой методѣ, авторъ числовый языкъ этотъ переводитъ и комментируетъ разными фактами, не выразимыми посредствомъ цифръ: характеризуетъ мѣстности, опредѣляетъ ближе устройство селеній сплошными массами домовъ, или разсѣянными уединенными усадьбами, и описываетъ свойства самыхъ домовъ относительно внутренней чистоты и опрятности.

Статья о народѣ оканчивается экономическимъ и нравственнымъ обзорами. Въ экономическомъ отношеніи раз-

сматриваются предметы, относящіеся къ продовольствію войскъ и снабженію его оружіемъ (II, 84): производство зерноваго хлѣба, мяса, коневодство, равно какъ нѣкоторые отрасли фабрикаціи, описаны въ приличной полнотѣ и вѣрно. Въ умственномъ и нравственномъ обзорѣ обращено почти исключительное вниманіе на одинъ признакъ образованности — грамотность; вкратцѣ упомянуто о національности и вѣроисповѣданіи.

Описывая *государственное устройство* и *финансы*, авторъ сначала въ бѣгломъ очеркѣ представляетъ важнѣйшіе факты изъ финансовой исторіи со временъ управленія Фридриха Вильгельма I. и отдаетъ должную справедливость бережливости и порядку, которыми отличалось управленіе финансовъ въ Пруссіи. Едва ли, однако же, когда либо запасный фондъ имѣлъ ту важность, которая ему приписывается. Онъ никогда не возрастаетъ до того, чтобъ быть достаточну на большія предпріятія, или доставлять нѣкоторую независимость и твердость при договорѣ объ условіяхъ по случаю новыхъ займовъ: по-крайней-мѣрѣ въ исторіи онъ никогда не являлся съ такимъ значеніемъ. Мы не согласны съ мнѣніемъ автора относительно кредитной теоріи. Кредитъ Пруссіи будто процвѣтаетъ потому, что она имѣетъ мало долговъ: важнѣйшій способъ поддерживать его въ случаѣ крайности состоитъ будто въ томъ, чтобъ при обыкновенномъ ходѣ дѣлъ не имѣть въ немъ надобности. Опытъ показываетъ и теорія объясняетъ, что публичный кредитъ имѣетъ совсѣмъ другія основанія. Если послѣднія довольно обезпечены, то правительства, имѣ-

ющія много долговъ, производятъ новые займы безъ всякаго затрудненія. Переходя къ разсмотрѣнію бюджета, авторъ показываетъ для Пруссіи и первостепенныхъ державъ, абсолютную величину всѣхъ ежегодныхъ расходовъ и относительную по душамъ, абсолютную величину военныхъ расходовъ и также относительную. Не можемъ одобрить, что онъ, при своемъ пристрастіи къ процентнымъ и пропорціональнымъ выраженіямъ величинъ, снова обращается къ тѣмъ же предметамъ. Такъ онъ представляетъ для упомянутыхъ державъ процентное отношеніе военныхъ расходовъ къ общему итогу государственныхъ издержекъ; потомъ, принимая Прусскій бюджетъ за 1, показываетъ къ нему отношеніе бюджетовъ другихъ государствъ; принимая военные расходы Пруссіи снова за 1, показываетъ къ нимъ то же отношеніе; въ заключеніе и дополненіе всѣхъ сравненій приведены пропорціи пространства и населенности. Это — роскошь цифръ и предметъ, чрезъ такія сближенія, не выигрываетъ въ ясности, даже нѣсколько теряетъ. Самыя сравненія финансовъ государствъ по денежнымъ величинамъ бюджетовъ, переведеннымъ на одинакія монетныя единицы, не даютъ точныхъ понятій. Одна и та же монетная единица имѣетъ разную мѣновую силу въ разныхъ государствахъ, представляетъ разное количество труда и вещей, слѣдовательно ошибочно было бы сравнивать по денежнымъ суммамъ дѣйствіе налоговъ на податные классы, или финансовую цѣнность доходовъ для правительства.

Второе отдѣленіе книги посвящено на описаніе во-

оруженныхъ силъ Пруссіи. Въ искусномъ изложеніи авторъ прежде объясняетъ начала системы ландвера, и выставляетъ финансовыя выгоды этого учрежденія. Потомъ онъ переходитъ къ комплектованію войска и порядку службы, и здѣсь представляетъ всю, такъ сказать, военную исторію гражданина: показываетъ его обученіе, содержаніе, жизнь, переходы въ разные части военной силы и оставляетъ не прежде, какъ объяснивъ мѣры, которыми обезпечена участь заслуженнаго воина. Статья о военной администраціи и хозяйствѣ, образованіи войска, составлена очень занимательно. Референтъ не присвоиваетъ себѣ сужденія о достоинствѣ техническихъ частей этого отдѣленія, которыя требуютъ нѣкоторыхъ спеціальныхъ свѣдѣній, выходящихъ изъ круга его занятій; но, по-крайней-мѣрѣ, свидѣтельствуетъ объ отличномъ изложеніи какъ читатель.

Оканчиваю здѣсь изложеніе и разборъ сочиненія Г. Милютина. Нѣкоторыхъ изъ его воззрѣній и статистическихъ методъ я не могъ допустить, въ цѣломъ же долженъ отдать полную справедливость его разнообразной и основательной учености, здравой критикѣ статистическаго матеріала, искусному выбору фактовъ и истинному литературному дарованію. По этимъ достоинствамъ сочиненія полагаю, что авторъ его имѣетъ несомнѣнное право на награду второстепенною Демидовскою преміею.

Горловъ.

585 89

Acme
Bookbinding Co., Inc.
100 Cambridge St.
Charlestown, MA 02129